This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

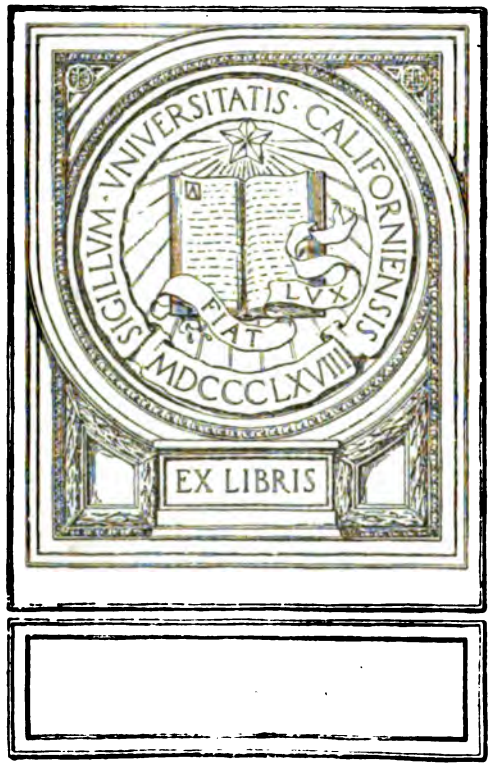
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

B 3 833 578

A 3210.


SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
LVX
FIAT
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

ТРУТЕНЬ

Trutem!

ТРУТЕНЬ

Н. И. НОВИКОВА

1769—1770

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

П. А. ЕФРЕМОВА.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ Н. И. НОВИКОВА И ДВУМЯ СНИМКАМИ СЪ ЗАГЛАВНЫХЪ ЛИСТКОВЪ ТРУТНЯ 1769 И 1770 ГГ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1865

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23-го іюня, 1865 г.

ТИПОГРАФІЯ И. Е. ГЛАЗУНОВА.
Б. Мѣщанская, 8.

AP50
T78
1865
1769-70
MAIN

ОВЪ ИЗДАНІЯХЪ ТРУТНЯ.

Въ исторіи нашей литературы, со временъ родоначальника русской сатиры—Кантеміра, можно отмѣтить три или даже четыре эпохи, въ которыя сатирическое направленіе дѣлалось преобладающимъ. Оно быстро развивалось, но еще быстрѣе мельчало, стиралось и затаивалось, чтобы опять возникнуть съ новою силою при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, охватить все литературное движеніе сдѣлаться въ немъ господствующимъ и снова сократиться. Въ промежуткахъ между этими періодическими возникновеніями своими сатира не вымирала окончательно, но только занимала болѣе скромное мѣсто, и дѣйствовала уже не съ тою смѣлостью и не съ тою силою и откровенностью; живая струя ея билась медленнѣе, иногда была едва замѣтна, но ни разу не изсякала окончательно.

Къ одной изъ самыхъ благопріятныхъ для сатиры эпохъ безспорно принадлежитъ первое полугодіе 1769 года. Возникновеніе ее на этотъ разъ было обусловлено чисто случайными, чисто внѣшними обстоятельствами. Можетъ быть одинъ *Г. В. Козицкій*, а можетъ быть и цѣлое общество, въ которомъ онъ былъ однимъ изъ членовъ, вздумали издавать съ на-

чала 1769 г. еженедѣльный сатирическій листокъ, называвшійся *Всякая Всячина*. Изданіе, какъ видно изъ предисловія издателей, задумано было единственно изъ подражанія французскимъ и англійскимъ изданіямъ, вродѣ «Зрителя» (Аддисона), «Новаго Ментора», «Мизантропа», и др. Поле для сатиры отведено было самое ограниченное: предположено было «не цѣлить на особъ, но единственно на пороки», не нападать на лицъ «высокостепенныхъ», а тѣмъ паче на учрежденія, «недопускать суровыхъ словъ непріятныхъ для нѣжнаго слуха, а наипаче женскаго пола, коимъ сдѣлаться можетъ обморокъ» и т. п. Словомъ—*умѣренность и акуратность* должны были стоять на первомъ планѣ.

Дѣло такъ и началось. Но всякое начинаніе вызываетъ подражателей, которые явились и въ данномъ случаѣ, такъ что въ томъ же 1769 г. появилось еще семь сатирическихъ изданій. Конечно, большинство схватилось только за внѣшнюю, формальную сторону, видя въ подобныхъ изданіяхъ не болѣе какъ пустую забаву для пріятнаго времяпровожденія читателей. Возникли глупѣйшіе и пустѣйшіе листки вродѣ «Поденщины» Тузова или «Ни то ни се» Рубана, наивно объявлявшаго, что если-де и нехорошъ будетъ листокъ его, то «между множествомъословъ и мы вислоухими быть не покраснѣемъ». Но явились и люди, для которыхъ такія изданія отнюдь не были шуткою, а дѣломъ весьма серьезнымъ. Къ числу такихъ людей съ глубокими и честными убѣжденіями, съ желаніемъ пользы для обще-

ства, съ ненавистью къ злу, неправдѣ, невѣжеству и предразсудкамъ, надо отнести неизвѣстнаго издателя *Смѣси* и издателя *Трутня*—Н. И. Новикова.

Изъ самыхъ «листковъ» и изъ объявленій объ ихъ изданіи, помѣщавшихся въ «С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» видно, что «листки» эти появились въ слѣдующемъ порядкѣ. Въ началѣ года по пятницамъ начала выходить *Всякая Всячина* (объявленіе 6 января); вслѣдъ за нею еженедѣльно по вторникамъ «И то и се» *Чулкова* (объявл. 30 янв.); съ 21 февраля по субботамъ «Ни то ни се» *Рубана* (объявленіе 20 февр.), продолжавшееся только по 12 іюля; съ 8 марта (*) по 5 апрѣля—ежедневно «Поденшина» *Тузова*; съ марта же полумѣсячное изданіе по середамъ «Полезное съ пріятнымъ» (объявл. 10 марта), продолжавшееся только 6 мѣсяцевъ; съ 1 апрѣля по вторникамъ «Смѣсь» (объявл. 3 апр.); съ 2 мая по вторникамъ-же «Трутень» *Новикова*, и наконецъ съ іюля — ежемѣсячное изданіе «Адская Почта» *Эмина* (объявленіе 3 Іюля), продолжавшееся до конца года.

Молодой, образованный и талантливый, исполненный горячей любви къ честному труду и проникнутый желаніемъ принести пользу обществу, Новиковъ на 25 г. отъ роду оставилъ блестящую военную

(*) На 1-мъ листѣ означено 1-е марта, но всѣ листки съ 1 по 8 число вышли вдругъ и въ объявленіе объ изданіи сказано: «продается сочиненный на недѣлю экземпляръ *Поденшины* по 6 коп.; а впредь каждой дневной листокъ по 1 к. будетъ продаваться съ 8 числа сего марта». (Спб. В. № 19).

службу Л. Гв. въ Измайловскомъ полку и вступилъ на поприще писателя, почти презираемое въ его время. Отъ военной службы онъ могъ ожидать многаго, ибо императрица никогда не забывала измайловцевъ, показавшихъ ей свое усердіе 28 іюня 1762 г. Въ этотъ день Новиковъ стоялъ на часахъ при полковой канцеляріи, когда Екатерина съ кн. Дашковой пріѣхала изъ Петергофа прямо въ казармы Измайловскаго полка. Въ 1767 г. онъ лично сдѣлался извѣстнымъ императрицѣ по занятіямъ при коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія, гдѣ составлялъ дневныя записки по отдѣленію *о среднемъ родѣ людей* и велъ журналы общаго собранія коммисіи во время преній депутатовъ. Въ 1768 г. онъ вышелъ въ отставку, а въ 1769 г. сдѣлался издателемъ лучшаго изъ тогдашнихъ сатирическихъ журналовъ.

Въ предисловіи къ VII изданію «Живописца» я сказалъ, что прямой, энергическій протестъ противъ злоупотребленій, открытое и смѣлое нападеніе на все пошлое, низкое и безнравственное, борьба съ невѣжествомъ и предразсудками—составляютъ характеристику первой половины *Трутня* и *Живописца*. Къ этому я прибавилъ, что во второй половинѣ обоихъ журналовъ ничего этого уже нѣтъ, а взамѣнъ того является безцвѣтность и пустота содержанія. Въ *Трутнѣ* это еще замѣтнѣе, чѣмъ въ Живописцѣ, который Новиковъ издавалъ уже искушенный горькимъ опытомъ.

Порицанія на «Трутень» поднялись спустя мѣсяцъ

послѣ выхода перваго листка. Уже помѣщенное во 2-мъ листѣ извѣстіе о воровкѣ не изъ низкостепенныхъ вызвало предостереженіе Трутню отъ какого-то его доброжелателя (стр. 49), а завязавшаяся вслѣдъ за тѣмъ полемика съ «Всякой Всячиной» окончательно повредила Трутню. Узкая и жиденькая мораль Всякой Всячины, ограниченный кодексъ ея сатиры, уклончивыя оправданія *въ теоріи* того самаго, что она-же порицала на практикѣ, — все это не могло пройти незамѣченнымъ со стороны молодаго и честнаго, но горячаго и неопытнаго журналиста. Не зная съ кѣмъ имѣетъ дѣло и даже не желая знать этого, но видя предъ собою только факты, Новиковъ говорилъ прямо, рѣзко и смѣло. Неудачный методъ защиты, избранный Всякой Всячиною, ея высокомѣрный тонъ и статьи съ разными неловкими намеками, вызвали цѣлую полемическую бурю, въ которой она не нашла ни одного голоса за себя, ибо (какъ указано въ примѣчаніяхъ) единственный, возставшій на *Трутень* и *Смѣсь*, еженедѣльникъ *И то и се* не похвалилъ однако и Всякой Всячины. Это тѣмъ болѣе было для нея обидно, что съ начала года, пока не было Трутня, ее подхваливали и она сама величалась этимъ и называла себя то бабушкою, то прабабушкою всѣхъ еженедѣльниковъ. Возникшая полемика скоро перешла въ брань, въ личности, издатели безъ всякихъ тонкостей начали называть другъ друга дураками, ослами, съумасшедшими и т. п. нѣжными именами, устроивая при этомъ какую нибудь игру словъ, въ которой-бы яв-

лялось или имя или наружность противника. Т. напр. Чулковъ, называя «дуракомъ» Новикова описываетъ его наружность, а называя «дуракомъ» Эмина—указываетъ на его сочиненія (И то и се, нед. 28), а Новиковъ съ своей стороны, обращая это-же наименованіе къ Чулкову, для большей ясности прибавляетъ:

По мнѣнью моему, писатель сей таковъ,
Какъ вздѣлъ бы кто кафтанъ не вздѣвъ сперва *чулковъ*;
И если это такъ,
Конечно онъ дуракъ.

Всѣ безъ исключенія сатирическіе листки 1769 г. отличались подобными выходками и я жалѣю, что въ примѣчаніяхъ не привелъ всего высказаннаго ими другъ противъ друга и всѣми ими въ совокупности противъ Всякой Всячины, но и приведеннаго, я думаю, будетъ достаточно для характеристики тогдашней полемики, тѣмъ болѣе что она довольно полно описана въ статьяхъ и брошюрахъ гг. Аѳанасьева, Мордовцова, Пекарскаго и Булича, о которыхъ указанія приведены въ концѣ этой замѣтки.

Желающіе могутъ сравнить эту полемику съ нынѣшней; а съ другой стороны могутъ провѣрить на сколько былъ близокъ къ истинѣ авторъ біографіи Д. И. Фонъ-Визина, отозвавшійся о разсматриваемой эпохѣ такимъ образомъ: «Должно однакожъ замѣтить, что несогласія того времени (фонвизинскаго) были не иное что, какъ рыцарскіе поединки, въ которыхъ дѣйствовали однимъ законнымъ и честнымъ оружіемъ; тогда иска-

ли торжества мнѣнію своему, хотѣли высказать искусство свое, удовлетворить нѣкоторой воинственной удалости ума, искавшаго въ подобныхъ ошибкахъ случайностей(?), гласности и блеска» (Фонъ-Визинъ соч. кн. Вяземскаго. Спб. 1848, стр. 258).

Но возвратимся къ Трутню.

Журналъ понравился публикѣ: она быстро раскупала листы, такъ что въ іюлѣ уже потребовалось второе изданіе десяти вышедшихъ до того времени листовъ. Во время ихъ печатанья Новиковъ, вѣроятно, сообразилъ, что ходящіе о Трутнѣ слухи, сообщенные въ письмахъ къ издателю, да и самая полемика — къ добру не поведутъ, а потому и посвятилъ вышедшіе вторымъ изданіемъ листы Л. А. Нарышкину, любимцу императрицы, чтобы въ случаѣ надобности имѣть защитника. Но должно быть уже было поздно. Трутень видимо началъ падать и все рѣже и рѣже появлялись въ немъ статьи, служившія украшеніемъ первой его половинѣ....

Кромѣ полемики и выходокъ противъ людей не низкостепенныхъ также должно было имѣть неблагопріятное вліяніе на изданіе и то обстоятельство, что общій тонъ Трутня не подходилъ нисколько къ образцу указанному Всякой Всячиной. Новиковъ совсѣмъ совратился съ указаннаго пути: онъ, напр., первый заговорилъ о крестьянскомъ сословіи и объ отношеніяхъ его къ помѣщикамъ и господамъ, чего уже вовсе небыло въ программѣ Всякой Всячины. Образцовыя «Отписки крестьянскія», «Помѣщичій указъ» (стр. 158, 181 и

183) и др. подобныя статьи, должны были, по выраженію Правдулюбова, кошками заскребсти по сердцу этой нѣжной дамы, которая объявила, что «меланхоличныхъ» писемъ не любитъ; а *отписки* и *указъ* нельзя сказатъ, чтобъ были не меланхоличны. Какъ-бы то нибыло, но Трутень запросилъ у своихъ сотрудниковъ *сказокъ*, для наполненія листковъ, ибо «однихъ статей не печатаютъ, а другія принимаются разными лицами на ихъ счетъ.» Трутень началъ и выходомъ запаздывать; такъ изъ стр. 191 видно, что онъ не выходилъ цѣлый Декабрь мѣсяцъ. На 1770 г. онъ перешелъ при тѣхъ же неблагопріятныхъ условіяхъ и во весь Январь не выдалъ ни одного листка, а выпустилъ вдругъ четыре листа; о 6-мъ (отъ 9 февраля) было объявлено 23 числа, о 7-мъ (отъ 16 февр.)—объявлено 2 марта, а о 16-мъ и 17-мъ (отъ 20 и 27 апрѣля)—уже 6 Іюля. Тщетно осталось и указаніе, что между знатными боярами есть 7 или 8 особъ, которые съ удовольствіемъ читаютъ Трутня и одобряютъ его направленіе. Л. А. Нарышкинъ, вѣроятно, отказался отъ посвященія ему *Трутня* 1770 г. и Новиковъ долженъ былъ посвятить журналъ другому лицу, конечно, уже не столь сильному и вліятельному. Это тоже много значило.

Изысканія г. Пекарскаго показали, что Трутень поступалъ очень неосторожно, ведя жаркую полемику со Всякой Всячиной, ибо въ изданіи этого листка принимала участіе императрица. Г. Пекарскій приводитъ нѣсколько замѣтокъ написанныхъ ею для журнала, частію безъ имени, частію подъ псевдони-

момъ *Правдомыслова*. Видно что ей не нравилась ни полемика, ни размноженіе листковъ. Вотъ что писала она: «Госпожа бумагоморательница «Всякая Всячина!» По милости вашей, нынѣшій годъ отмѣнно изобилуетъ недѣльными изданіями. Лучше бы любили изобиліе плодовъ земныхъ, нежели жатву словъ, которую вы причинили. Ѣли бы вы кашу, да оставилибы людей въ покоѣ.... Ругатели какіе!... (стр. 2—3).

Г. Пекарскій замѣчаетъ еще, что Всякой Всячинѣ не могли нравиться подобныя выходки Трутня: «Вся вина Всякой Всячины, въ томъ, что на русскомъ языкѣ изъясняться не умѣетъ и русскихъ писаній обстоятельно разумѣть не можетъ», или намеки *Смѣси* что Вс. Вс. «многіе похвалы сама себѣ сплетаетъ... разгласила будто въ ея собраніи многіе знатные господа находятся; и такъ нѣкоторые, можетъ статься, думая хваленіемъ ихъ сочиненій войти въ ихъ милость, засыпали похвалами Вс. Всячину.»—«Вообще въ нападкахъ на «Вс. Вс.» собраты ея всегда долгомъ считали намекнуть или на придворныхъ или на знатныхъ», говоритъ г. Пекарскій и потомъ продолжаетъ: «Послѣ такого рода полемики противъ «Всякой Всячины» и зная, кто былъ ея сотрудникомъ, не будетъ уже казаться удивительнымъ, почему въ слѣдующемъ 1770 г. всѣ сатирическіе листки внезапно прекратились.»

Перехожу къ частному описанію изданій Трутня:

1) «*Трутень*, еженедѣльное изданіе на 1769 годъ,

мѣсяцъ май. — «Они работаютъ, а вы ихъ трудъ ядите». Г. Сумар. въ XLIII. притчѣ, 1. книги.—Въ Санктпетербургѣ.»—Въ 8 д. л., 284 стр.

Съ 2 мая по 29 декабря вышло 36 *листовъ* или еженедѣльныхъ нумеровъ по половинѣ печатнаго листа каждый, исключая только послѣдняго, который состоитъ изъ $^1/_4$ листа, или 4 страницъ.—Объявленіе объ изданіи напечатано въ № 35 «Спб. Вѣдомостей» (пятница, 1-го мая): «Въ луговой Милліонной, у переплетчика Веге продается новое еженедѣльное сочиненіе подъ заглавіемъ *Трутень*, каждый листъ по 4 коп.; а весь годъ по 1 р. 40 коп., продажа оныхъ первому листу начнется въ слѣдующую субботу, а протчія впредь продаваться будутъ по вторникамъ.»—Въ № 42 объявленіе это было повторено и за тѣмъ никакихъ извѣстій о выходѣ Трутня не печаталось.

2) *Трутень*, еженедѣльное (*и пр. до*:) май. «Опасно наставленье строго, гдѣ звѣрства и безумства много.» Прит. Г. Сумар. Печатано вторымъ тисненіемъ въ Санктпетербургѣ.—Въ 8 д. л., 6 нен. и 284 стр.

Къ этому изданію приложена виньетка; за ней слѣдуетъ посвященіе Л. А. Нарышкину, потомъ заглавный листъ 1-го изданія и далѣе идетъ буквальная перепечатка листковъ 1-го изд. тѣмъ-же шрифтомъ, стр. въ страницу и строка въ строку. На первый взглядъ можно даже принять оба изданія за одно, но они отличаются разными мелочными измѣненіями въ орѳографіи (напр. сравнительная сте-

пень вездѣ *яе*, вмѣсто *ье* перваго изд.), типографскими украшеніями, *исключеніемъ* послѣдней статьи въ листѣ VII, 1-го изданія (на стр. 46, по 3-му изд.), замѣною нѣкоторыхъ словъ въ л. 1 и VI, указанною мною въ примѣчаніяхъ. Притомъ хотя объявлено было о выходѣ вторымъ изданіемъ только первыхъ 10 листовъ, но типографскія отличія, явно указывающія на другую печать, находятся въ л. XI и XII (особенно статья 17). Остальные листы, вѣроятно, не были перепечатываемы, а печатались только въ большемъ количествѣ экземпляровъ. Объявленіе о выходѣ 2-го изд. помѣщено въ XVIII л. Трутня, отъ 25 августа (стр. 114 по 3 изд.), и въ № 60 «Спб. Вѣд.» (28 іюля, вторникъ): «Въ луговой Миліонной у переплетчика Веге продаются напечатанныя вторымъ тисненіемъ первые 10 листовъ *Трутня* по прежней цѣнѣ». Болѣе объявленій не было.

3) «*Трутень*, еженедѣльное изданіе на 1770 годъ. «*Опасно наставленье строго, гдѣ звѣрства и безумства много*». Прит. Г. Сумар. Печатано въ Санктпетербургѣ.—Въ 8 д. л., 136 стр.

Вышло 17 *листовъ* или еженед. нумеровъ, по 8 стр. или по печатному полулисту каждый. Послѣдній помѣченъ 27 апрѣля, хотя листки выходили неаккуратно. Объявленіе объ изданіи на 1770 г. помѣщено въ «Трутнѣ» 1769 г., л. 34 (стр. 210 по 3 изд.), и въ «Спб. Вѣд.» 1770 г., № 6 (19 янв. вторн.): «Въ луговой Миліонной у переплетчика Веге продается еженедѣльное сочиненіе Трутень 1769

годъ 1 р. 40 к., а порознь по 4 к. листъ. Сіе сочиненіе и на 1770 годъ продолжаться будетъ; кто пожелаетъ имѣть на Любской бумагѣ, тотъ заплатя 2 р. получитъ отъ помянутаго переплетчика на весь годъ билетъ, а порознь на простой бумагѣ по 4 к. листъ. Продажа оныхъ начнется съ 30 числа сего мѣсяца: за Генварь всѣ листы вмѣстѣ, а слѣдующіе въ каждый вторникъ по полулисту. Издатель приноситъ извиненіе, что онъ въ разсужденіи нѣкоторыхъ обстоятельствъ съ начала года не издавалъ по недѣльно.» Тоже повторено въ № 7 и 8, затѣмъ въ № 16 (23 февраля) объявлено о 6 листѣ и въ № 18 (2 марта) о 7-мъ; повторено въ № 19 и наконецъ въ № 54 (6 Іюля) объявлено о 16 и 17 листахъ. О продажѣ полныхъ экземпляровъ Трутня объявлено въ № 100 (14 декабря), потомъ въ 102 и 104 и въ 1771 г. въ №№ 7, 12 и 16.

4) *Трутень* еженедѣльное изданіе на 1770 годъ, «Опасно (и пр.) Печатано вторымъ тисненіемъ въ Санктпетербургѣ.—Въ 8 д. л., 6 нен. и 136 стр.

О выходѣ этого изданія никакихъ объявленій нѣтъ; къ нему приложена виньетка и посвященіе В. А. Всеволодскому. Оно очень сходно съ 1-мъ и разнится только исправленіемъ опечатокъ 1-го изд. (въ особенности въ 1 и 2 л.) и типографскими украшеніями. Разница изданій замѣтна въ 5 первыхъ листкахъ, а далѣе отличій нѣтъ до конца, за исключеніемъ только XI листа, въ которомъ 2-й стихъ статьи 30-й читается въ 1 изд. «Стишки вамъ сіи къ статѣ», а во 2-мъ: «Сіи стишки вамъ къ статѣ.»

Нѣкоторыя изъ статей *Трутня* перепечатаны: 1) въ 3, 4 и 5 изд. «Живописца», при чемъ немногія изъ 5-го изд. исключены; 2) въ уличномъ листкѣ «Мужичокъ» Спб. 1862; и 3) Въ «Исторической христоматіи» г. Галахова. Въ примѣчаніяхъ пояснено объ этомъ при каждой изъ перепечатанныхъ статей.

Изъ статей и книгъ, въ которыхъ говорится о «Трутнѣ» укажу слѣдующія: 1) Русскіе сатирическіе журналы 1769 — 1774 годовъ; *г. Аѳанасьева* (М. 1859); 2) Два слова о журнальной сатирѣ прошлаго вѣка, *его-же* (Моск. Вѣд. 1856, № 55); 3) Обличительная литература въ первыхъ русскихъ журналахъ и стѣсненіе гласности, *г. Мордовцова* (Р. Слово 1860 № 2 и 3); 3) Сумароковъ и современная ему критика, *г. Булича* (Спб. 1854); 4) Исторія русской словесности, *г. Галахова* (Спб. 1863); 5) Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II, *г. Пекарскаго* (Спб. 1863); 6) Владиміръ Лукинъ, *г. Пыпина* (От. Зап. 1853 г. № 8 и 9) и 7) Библіографическія рѣдкости: Трутень еженедѣльное изданіе на 1769 и 1770 годъ, составленный Новиковымъ, *г. Макарова* (От. Зап. 1839 г., № 8).

Третье изданіе Трутня напечатано съ 1-го слово въ слово *безъ малѣйшихъ пропусковъ*, съ поправками по 2-му изданію, о чемъ каждый разъ оговорено въ примѣчаніяхъ. При перепечаткѣ приняты въ разсчетъ разные шрифты, которыми печатаны листы

прежняго Трутня; соотвѣтственно этому и листы въ 3 изданіи напечатаны разными шрифтами. Портретъ Новикова гравированъ въ Лейпцигѣ, у *Брокгауза*, по снимку съ превосходнаго портрета, писаннаго масляными красками и находящагося нынѣ въ Ярославлѣ у Е. В. Якушкина; а снимки съ заглавныхъ листковъ вырѣзаны *Е. В. Гогенфельденомъ*.

Слѣдующимъ изданіемъ моимъ будетъ перепечатка *Смѣси*, еженедѣльника на 1769 годъ, перепечатаннаго вторично въ 1772 году. Еженедѣльникъ этотъ извѣстенъ гораздо менѣе новиковскихъ журналовъ, но его смѣло можно поставить на ряду съ Трутнемъ. Въ настоящее время онъ *вовсе* не встрѣчается въ продажѣ, но должно замѣтить, что и «Трутня» я не нашелъ въ Петербургѣ ни одного экземпляра, за исключеніемъ находящагося въ библіотекѣ Академіи Наукъ. Даже въ публичной библіотекѣ нѣтъ 1-го изданія, а есть экземпляръ 2-го изданія безъ виньетокъ и очень плохой.

П. Е.

UNIV. OF CALIFORNIA

ТРУТЕНЬ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ

ИЗДАНІЕ.

НА

1769 ГОДЪ,

МѢСЯЦЪ МАЙ.

Опасно наставленье строго,
Гдѣ Звѣрства и безумства много.
прит: Р: Сумар:

Печатано вторымъ тисненіемъ
въ санктпетербургѣ.

е: п. кирсановъ

UNIV. OF
CALIFORNIA

Univ. of California

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

ГЕНЕРАЛУ ПОРУТЧИКУ,

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО

ВЕЛИЧЕСТВА

ШТАЛМЕЙСТЕРУ,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ КАМЕРГЕРУ,

ОРДЕНОВЪ СВЯТАГО АПОСТОЛА АНДРЕЯ, СВЯТАГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО И СВЯТЫЯ АННЫ

КОВАЛЕРУ

ЛЬВУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

НАРЫШКИНУ,

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ!

Милостивый Государь!

Я посвящаю Вашему Превосходительству Трутня, съ надѣяніемъ, что вы его примете не по маловажности сочиненія, но по великости моего усердія и искренняго почтенія къ Вашимъ достоинствамъ. Естьли по щастію моему заслужитъ онъ Ваше вниманіе, то желаніе мое совершенно исполнится. Сего только желаетъ

Вашего высокопревосходительства

всепокорнѣйшій слуга
издатель Трутня.

UNIV. OF
CALIFORNIA

ТРУТЕНЬ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ

ИЗДАНІЕ,

НА

1769 ГОДЪ,

МѢСЯЦЪ МАЙ.

Они работаютъ, а вы ихъ трудъ ядите.

Г. Сумар. въ XLIII. притчѣ, I. книги.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

UNIV. OF
CALIFORNIA

Univ. of California

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Господа читатели!

Сколько вы ни думайте, однакожъ вѣрно не отгадаете намѣренія, съ которымъ выдаю сей журналъ, ежели я самъ о томъ вамъ не скажу. Въ протчемъ, ето и не тайна. Господа читатели, вы люди скромные, такъ я безъ всякаго опасенія на васъ въ томъ положиться могу. Послушайтежъ, дѣло пойдетъ о моей слабости: я знаю, что лѣность щитается не изъ послѣднихъ пороковъ; знаю, что она непримиримой врагъ трудолюбія; вѣдаю, что она человѣка дѣлаетъ неспособнымъ къ пользѣ общественной и своей участной; что человѣкъ, обладаемой симъ порокомъ, недостоинъ соболѣзнованія: но со всѣмъ тѣмъ, никакъ не могу ее преодолѣть. Порокъ сей такъ мною овладѣлъ, что ни за какія не могу приняться дѣла, и для того очень много у себя теряю. Въ праздничные дни къ большимъ боярамъ ѣздить на поклонъ почитается за необходимость: ибо тѣ, которые сіе

исполняютъ, находятъ свое щастіе гораздо скорѣе; но меня къ тому лѣность не допускаетъ. Чтеніе книгъ почитаю весьма полезнымъ; но лѣнь не допускаетъ сіе исполнять. Просвѣщать разумъ науками и познаніями нужно; но лѣнь препятствуетъ: словомъ, я здѣлался вѣчнымъ невольникомъ, презрѣнія достойной лѣности: и могу во оной равнятся съ наилѣнивѣйшими Гишпанцами. Часто по цѣлой недѣлѣ просиживаю дома для того только, что лѣнь одѣться. Ни съ кѣмъ не имѣю переписки за тѣмъ, что лѣнь не допускаетъ. Отъ лѣности ни какой еще и службы по сіе время не избралъ: ибо всякая служба не сходна съ моею склонностію. Военная, кажется мнѣ, очень безпокойною и угнѣтающею человѣчество: она нужна, и безъ нее никакъ не можно обойтися; она почтенна; но она не по моимъ склонностямъ. Приказная хлопотлива, надобно помнить наизусть всѣ законы и указы, а безъ того попадешь въ бѣду за неправое рѣшеніе. Надлежитъ знать всѣ пронырствы, въ дѣлахъ употребляемые, чтобы не быть кѣмъ обмануту, и имѣть смотрѣніе за такими людьми, которые чаще и тверже всево говорятъ: *Дай за работу*; а ето очень трудно. И хотя она и по сіе время еще гораздо наживна, но однакожъ она не по моимъ склонностямъ. Придворная всѣхъ покойнѣе, и была бы легче всѣхъ, ежели бы не надлежало знать наизусть науку притворства гораздо въ вышнемъ степенѣ, нежели сколько должно знать ее Актеру: тотъ притворно входитъ въ разныя страсти временно; а сей безпрестанно тоже дѣлаетъ; а тово-

та я и не могу терпѣть. Придворной человѣкъ всѣмъ льститъ, говоритъ не то, что думаетъ, кажется всѣмъ ласковъ и снисходителенъ, хотя и чрезвычайно надутъ гордостію. Всѣхъ обнадеживаетъ, и тогдаже позабываетъ; всѣмъ обѣщаетъ, и никому не держитъ слова; не имѣетъ истинныхъ друзей, но имѣетъ льстецовъ; а самъ также льститъ и угождаетъ случайнымъ людямъ. Кажется охотникомъ до тово, отъ чево имѣетъ отвращеніе. Хвалитъ съ улыбкою тогда, когда внутренно терзается завистію. Въ случаѣ нужды никого не щадитъ, жертвуетъ всѣмъ для сисканія своего щастія; а иногда, полно не забываетъ ли и человѣчество! Ничего не дѣлаетъ, а показываетъ будто отягощенъ дѣлами: словомъ, говоритъ и дѣлаетъ почти всегда противу своего желанія; а часто и противу здраваго разсудка. Сія служба блистательна, но очень скользка и скоро тускнетъ; короче сказать, и она не по моимъ склонностямъ. Разсуждая такимъ образомъ, по сіе время не здѣлалъ еще правильнаго заключенія о томъ, что подлинно ли таковы сіи службы, или, лѣность препятствуя мнѣ въ которую нибудь изъ нихъ вступить, заставляетъ о нихъ неправильно думать: но утвердился только въ томъ, чтобы ни въ одну изъ нихъ не вступать. Къ чемужъ потребенъ я въ обществѣ? *Безъ пользы въ свѣтѣ жить, тягчить лишь только землю.* Сказалъ славной Россійской стихотворецъ. Сіе взявъ въ разсужденіе, долго помышлялъ, чѣмъ бы могъ я оказать хотя малѣйшую услугу моему отечеству. Думалъ иногда услужить какимъ нибудь полезнымъ сочиненіемъ: но вос-

питаніе мое и душевныя дарованія положили къ тому непреоборимыя препоны. На конецъ вспало на умъ, чтобы хотя изданіемъ чужихъ трудовъ принесть пользу моимъ согражданамъ. И такъ вознамѣрился издавать въ семъ году еженедѣльное сочиненіе, подъ заглавіемъ *Трутня*, что согласно съ моимъ порокомъ и намѣреніемъ: ибо самъ я, кромѣ сего предисловія, писать буду очень мало; а буду издавать всѣ присылаемые ко мнѣ письма, сочиненіи и переводы, въ прозѣ и въ стихахъ; а особливо сатирическія, критическія и протчія ко исправленію нравовъ служащія: ибо таковыя сочиненіи исправленіемъ нравовъ приносятъ великую пользу; а сіе то и есть мое намѣреніе. Чего ради всѣхъ читателей прошу здѣлать мнѣ вспоможеніе присылкою своихъ сочиненій, которыя всѣ напечатаны будутъ (*) въ моихъ листкахъ. Сочиненія присылать можно къ переплетчику, у котораго продаваться будутъ сіи листки, съ надписаніемъ: *Г. издателю Трутня*. Предисловіе мое оканчиваю искреннимъ желаніемъ, чтобы изданіе сіе какую нибудь пользу и увеселеніе принесло читателямъ. Притчина сему изданію лѣность. Дай Богъ чтобы она хотя одиножды принесла пользу. Прощайте Г. читатели; я съ вами долго говорить не буду для того, что я чрезвычайно усталъ.

(*) Выключая тѣ, кои будутъ противъ Бога, правленія, благопристойности и здраваго разсужденія. Я надѣюсь, что таковыхъ и не будетъ: ибо противъ первыхъ двухъ въ наше время никто ничево не напишетъ, кто хотя искру понятія имѣетъ: противъ послѣднихъ же двухъ безъ сомнѣнія благопристойность писать запретитъ.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ II. МАІЯ 5 ДНЯ.

1.

Господинъ издатель!

Не входя въ подробное изслѣдованіе причинъ изданію вашего журнала, но только увидѣвъ, что вы требуете вспоможенія отъ читателей въ предпріятомъ вами трудѣ, посылаю вамъ слѣдующую притчу. Мнѣ очень хочется, чтобы я былъ перьвой оказавшей вамъ сію услугу. Впредь буду я присылать къ вамъ полутче что нибудь, а теперь будьте и тѣмъ довольны. Прощай Г. издатель; я поговорилъ бы съ вами побольше, но право недосугъ.

Вашъ покорный слуга. . . .

ПРИТЧА.

Слонъ произведенной въ чинъ.

Левъ должностью почтилъ слона,
Быть главнымъ членомъ;
И грамота къ нему объ етомъ послана.
Завистникамъ ударъ симъ здѣланъ какъ полѣномъ:
Но кто возможетъ льва винить!
Что здѣлалъ левъ, тово не льзя перемѣнить;
Порядокъ правъ, велитъ
Ему повиноваться.
Слонъ сталъ збираться,
И въ путь пошелъ.
Слонъ на ногу тяжелъ,
Пословица не нова,
Извѣстна всѣмъ величина

И толщина
Слонова.
Такъ слонъ въ пути потѣлъ,
Пыхтѣлъ,
Крехтѣлъ;
При всемъ при томъ, сей звѣрь шелъ скоро какъ летѣлъ.
Ступилъ лишь слонъ ко льву въ чертоги,
Упалъ ему онъ въ ноги,
За чинъ благодарилъ,
И вѣрой, правдою служить конечно,
Хотѣлъ льву вѣчно,
И клятвою слова такія подтвердилъ.
Пошли переговоры;
Но видно по всему,
Ихъ были на слона съ улыбкой взоры;
Шептали межъ собой: такой чинъ данъ кому,
И должность ета,
Слону надѣта,
Со всемъ не по уму,
Способной звѣрь у насъ лисица есть къ тому.
Такой переговоръ коснулся слуха львова;
Левъ строго ихъ спросилъ: какую рѣчь вели?
Не льзя сказать инова,
Всю правду донесли.
Отвѣтствовалъ имъ левъ: чтобъ истинну прославить,
Я нынѣ положилъ порочныхъ всѣхъ исправить,
Лукавство, лесть и ложъ умомъ не должно ставить,
Лисица точно тѣхъ,
Пороковъ трехъ,
Обманываетъ всѣхъ,
Не ставя въ грѣхъ;
А разумомъ прямымъ тотъ въ свѣтѣ обладаетъ,
Кто правду наблюдаетъ.

Окромѣ сего никто изъ господъ читателей на прозьбу мою не откликнулся; по чему былъ я въ великомъ замѣшательствѣ, чѣмъ листъ сей наполнить; но по щастію, попалося мнѣ въ руки пись-

мо отъ моево дяди, писанное ко мнѣ еще въ третьемъ годѣ. И такъ безъ дальняго размышленія помѣстилъ и ево въ сей листъ, надѣяся, что оно не наведетъ скуки читателямъ. А при томъ на сіе письмо я и по сіе время дядюшкѣ своему еще не отвѣтствовалъ, такъ не соблаговолитъ ли кто здѣлать мнѣ одолженіе, вмѣсто меня написать къ нему отвѣтъ.

2.

Любезной племянничекъ, ... здравствовать тебѣ на вѣки нерушимо желаю!

Увѣдомился я, что ты и по сіе время ни въ какую еще не опредѣлился службу. Отпиши ко мнѣ, правда ли ето; ежели правда, такъ скажи пожалуй, что ты съ собою задумалъ дѣлать? Я тебя не приневоливаю ийти ни въ придворную, ни въ военную службы для сказанныхъ мнѣ тобою причинъ; пусть ето будетъ по твоему; а при томъ и службы сіи никакой не приносятъ прибыли, а только раззоренье. Но скажи пожалуй, для чего ты не хочешъ ийти въ приказную? По чему она тебѣ противна? Ежели ты думаешъ, что она по нынѣшнимъ указамъ ненажівна, такъ ты въ етомъ другъ мой ошибаешся. Правда, въ нынѣшнія времена противъ прежняго не придетъ и десятой доли; но со всѣмъ тѣмъ, годовъ въ десятокъ можно нажить хорошую деревеньку. Како-

вожъ нажиточно бывало прежде, самъ разсуди, нынѣшніе указы много у насъ отняли хлѣба!

Тебѣ извѣстно, что по пріѣздѣ моемъ на воеводство, не имѣлъ я за собою больше шестидесяти душъ дворовыхъ людей и крестьянъ; а нынѣ, благодаря подателя намъ всякихъ благъ, трудами моими и неусыпнымъ попеченіемъ, нажилъ около трехъ сотъ душъ, не считая денегъ, серебра и протчей домашней рухляди; да нажилъ бы еще и не то, ежели бы Прокуроръ со мною былъ посогласнѣе: но за грѣхи мои наказалъ меня Господь такимъ несговорчивымъ, что какъ ево ни уговаривай, только онъ, какъ козьи рога въ мѣхъ не лѣзетъ; и ежели бы стараніемъ моимъ не склонилъ я на свою сторону Товарища, Секретаря и прочихъ, такъ бы у меня въ мошнѣ не было ни пула. Прокуроръ нашъ человѣкъ молодой, и сказываютъ, что ученой, только я етова не примѣтилъ. Развѣ потому, что онъ въ бытность ево въ Петербургѣ накупилъ себѣ премножество книгъ, а пути нѣтъ ни въ одной. Я одинажды перебиралъ ихъ всѣ, только ни въ одной не нашелъ котораго святаго въ тотъ день празднуется память, такъ куда они годятся. Я на всѣ ево книги святцовъ своихъ не промѣняю. Научился дѣлать вирши, которыми думалъ насъ оплетать; только самъ онъ чаще попадается въ наши верши. Мы его частехонько за носъ поваживаемъ. Онъ думаетъ, что всѣ дѣла надлежитъ вершить по наукамъ; а у насъ въ приказныхъ дѣлахъ какія науки? кто правъ, такъ тотъ и безъ наукъ правъ, лишь бы только была у нево до-

гадка какъ приняться за дѣло; а Судѣйская наука вся въ томъ состоитъ, чтобы умѣть искусненько пригибать указы по своему желанію: въ чемъ и Секретари много намъ помогаютъ. Правда, что ето для молодова человѣка трудно и непонятно: но ты етова не опасайся, я тебя столько научу, сколько самъ знаю. Пожалуйста Иванушка послушайся меня, просись къ намъ въ городъ въ Прокуроры. Я слышелъ, что тебя многіе знатные господа жалуютъ, такъ ето тебѣ тотчасъ сдѣлаютъ. Наживи себѣ тамъ хорошихъ защитниковъ, да и пріѣзжай сюда; тогда весь городъ и уѣздъ по нашей дудкѣ плясать будетъ. Разсуди самъ, какъ етова мѣста лутче желать и покойнѣе. Во всѣхъ дѣлахъ положися на меня, а ты со стороны ни дай ни вынеси будешъ брать жалованье; а коли будетъ умъ, такъ и еще жалованьевъ подъ десятокъ въ годъ получишъ. Мы такъ искусно будемъ дѣлать, что на насъ и просить не льзя будетъ. А тогда, какъ мы наживемся, хотя и попросятъ, такъ бѣда будетъ не велика, отрѣшатъ отъ дѣлъ и велятъ жить въ своихъ деревняхъ. Вотъ те на, какая бѣда! для чево не жить, коли нажито чѣмъ жить; то худо, какъ прожито чѣмъ жить, а какъ нажито, етова никто и не спроситъ. Пожалуйста послушайся меня, добивайся етова мѣста. Ты вить уже не малинькой робенокъ, можно о себѣ подумать, чѣмъ вѣкъ жить. Отцовское-то у тебя имѣніе стрень брень съ горошкомъ, такъ надобно самому наживать; а на мое и не надѣйся, ежели меня не послушаешся, хотя ты у меня и одинъ наслѣдникъ; но я лутче

отдамъ чужому, да только такому, которой себѣ добра хочетъ. Ежелижъ послушаешся, то при жизни моей укрѣплю все тебѣ. Смотрижъ я говорю на обумъ, а ты бери себѣ на умъ. Прощай Иванушка; пожалуй подумай о семъ хорошенько и меня увѣдомь. Остаюсь дядя твой. . . .

P. S. При семъ посылаю къ тебѣ вирши, которыя писалъ на насъ Прокуроръ нашъ. Прочитай ихъ, и послѣ разсуди, что прибыльнѣе, вирши марать, иль деньги собирать? Онъ насъ бранитъ, а мы наживаемся, и говоримъ: брань на вороту не виснетъ.

Присланная ко мнѣ отъ дяди притча, напечатана будетъ въ слѣдующемъ листѣ.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ III. МАІЯ 12 ДНЯ.

ПРИТЧА.

Два вора.

Что есть во свѣтѣ воры,
О томъ не входятъ въ споры;
А кто противное сей точной правдѣ скажетъ,
Тово во вѣкъ онъ не докажетъ;
Какъ только то;
А что?
Что есть разбойники, мошенники и плуты,
Но лишъ покроемъ не однимъ,
Иные въ золотѣ, и титлами надуты,
Другіе въ серякахъ, и съ именемъ простымъ.
О двухъ такихъ ворахъ я басенку скажу,
И перьвое въ стихахъ искусство покажу.
Былъ воръ простой,
И хаживалъ всегда пѣшкомъ и въ серякѣ;
Доходы онъ сбиралъ не въ городѣ, не въ съѣзжей,
А на дорогѣ на проѣзжей.
Другой
Чиновной былъ, и тьмы имѣлъ онъ въ сундукѣ
Червонныхъ и рублей,
Которыя сбиралъ съ невиннова народу;
Такую моду
Онъ бралъ съ безсовѣстныхъ подьячихъ и судей;
Но наконецъ попались оба
Въ приказъ:
Обѣимъ строгъ указъ;
Обѣимъ кнутъ грозитъ отверсти двери гроба.
Судьи калякаютъ: не столько лихъ большой,
И оправляютъ вора;
Подьячи говорятъ: не столько лихъ меньшой,
И оправляютъ вора;

Обѣимъ сторонамъ указы правота.
Читатель! будь хоть ты решителемъ ихъ спора,
Скажи намъ, кто изъ нихъ достойнѣе кнута?

3.

Господинъ издатель!

Тридцатилѣтняя дѣвушка гораздо меньше радуется замужству, нежели какъ я ваше сочиненіе напечатанное увидѣвъ обрадовался; а ради чево, ето вамъ скажу.

Я превеликой охотникъ до всякихъ новостей, выходящихъ изъ типографіи: всякое сочиненіе, или переводъ, пока еще не покажется въ свѣтъ, успѣетъ у меня раза два, три побывать; а я пользуясь тѣмъ стану хорошія или худыя о немъ разносити вѣсти, смотря по времени и обстоятельствамъ, и по лицу сочинителя. Которой умѣетъ отъѣдаться, тово оставляю въ покоѣ, и ничево при немъ и ево пріятеляхъ не говорю; а развѣ по слабости человѣческой вымолвлю что нибудь за глаза: *Кто безъ грѣха! и кто бабѣ не внукъ!* Всѣ люди слабостямъ подвержены, а я еще больше всѣхъ; а при томъ я человѣкъ миролюбивой, что нѣкоторые изъ моихъ непріятелей называютъ трусостію, да полно имъ никто не вѣритъ. И ради тово убѣгаю всегда отъ такихъ разговоровъ, въ которые вмѣшиваются руки: буде же по щастію моему попадется сочинитель безъотвѣтной, тогда я ради исправленія ближняго недѣли двѣ по всему городу о немъ разсказываю

исторіи; а все ето происходитъ отъ малинькой слабости, что я ни чьихъ не люблю хвалити сочиненій. Мнѣ и славныя Русскія трагедіи кажутся ничево значущими. Я какъ человѣкъ весьма знающей, и судья словесныхъ наукъ; сто достопочтенное наименованіе подарено мнѣ отъ самыхъ искреннихъ моихъ приятелей; тысячи въ нихъ нахожу погрѣшностей (*): словомъ, какъ бы кто хорошо ни написалъ, только не добьется отъ меня, чтобы я вмѣсто худо, сказалъ хорошо; и кто что ни говори, а я все таки стану продолжати свое искусство, то есть шептать на ухо, что то-то и то-то худо; а такихъ людей на Руси много, которые сами ничево не зная, мнѣ вѣрятъ, и слова мои ко прославленію моего имени и своего невѣжества проповѣдываютъ, не смотря, что ихъ за то называютъ невѣжами. Изъ чего слѣдуетъ, что нужно только сперьва прослыть разумнымъ, а послѣ что ни болтай, такъ всему удивляться будутъ.

Я нѣсколько позаговорился, и отошелъ отъ тово, о чемъ намѣренъ былъ къ вамъ писать, да полно ето со мною не въ перьвой случается разъ. И какъ ли я ни помню, что *во многомъ глаголаніи нѣсть спасенія,* только не могу никакъ отъ того удержатися. И когда завистники мои говорятъ, что я пишу очень пространно, на то имъ отвѣчаю такъ: *Лутче мнѣ*

(*) Въ противность мнѣнія общаго скорѣя соглашуся назвати хорошо переведенною комедіею, *Зятя и Тестя*, и подобныхъ оной нежели похвалити такія трагедіи, кои похваляются одними только невѣжами.

написати что излишнее, нежели пропустить нужное. Но полно глухія проповѣди слышать не могутъ! а чтобы и вы Г. издатель не подосадовали, что письмо мое нѣсколько будетъ длинновато, ради тово хотѣлъ было все ето написать въ предисловіи, также и причины, побудившія меня къ вамъ писать сіе письмо: словомъ, о всемъ подробно васъ увѣдомить; но одинъ мой приятель увѣрялъ меня, будто къ письмамъ предисловій не пишутъ; и хотя ево въ томъ я и послушался, однакожъ и теперь думаю, что онъ ошибся. Мнѣ кажется такъ, ежели предисловіи могутъ приносити пользу, такъ ихъ и при письмахъ надлежитъ писати; ежеликъ они безполезны, такъ и нигдѣ не надлежитъ ихъ писать. Какъ бы то ни было, только предисловіи кажутся мнѣ за весьма необходимой придатокъ. Вотъ конецъ перьвой части моего письма или вступленія, а теперь приступлю ко другой части.

Позволеніе имѣти съ вами переписку меня обрадывало; ибо вы, по изданіи перьваго листа вашего журнала, мнѣ весьма полюбилися, а притомъ Трутней я всегда любилъ. И такъ вознамѣрился не только что имѣти съ вами переписку, но и познакомиться, ради чево я вамъ себя опишу, а васъ по описанію вашему я довольно знаю.

Нѣсколько тому миновало мѣсяцовъ, какъ вступилъ я на дватцать осьмой годъ отъ моево рожденія, и въ такое короткое время успѣлъ всѣхъ перекритиковать, перебранить, себя прославить, у другихъ убавити славы, многимъ женщинамъ вскружить головы, моло-

дыхъ господчиковъ отъ ревности свести съ ума и вырость безъ мала въ два аршина съ половиною. Лице имѣлъ я очень смуглое, но съ тово времени, какъ началъ притираться Китайскимъ порошкомъ, сталъ гораздо бѣлѣе; а станомъ похожъ на Астронома. По сему описанію хотя и не похожъ я на красавца; однакожъ есть люди, кои говорятъ, будто я очень не дуренъ, и какъ ето мнѣ не неприятно, то я и отдаю справедливость ихъ вкусу. Нѣкоторыя называютъ ихъ льстецами, но я етому не вѣрю (*).

Какъ ли я тѣлесными дарованіями ни бѣденъ; но напротивъ того душевными обогащенъ со излишествомъ. Разумъ мой отъ многихъ знатоковъ почитается не только что острымъ, но пылкимъ, здравымъ, твердымъ и основательнымъ; и безъ самохвальства могу сказати, я его имѣю столько, что оставя про себя сколько надобно, могу излишнимъ надѣлити человѣкъ около десятка. (**) Я опричь Руской грамоты почти ничему не учился, но все знаю, выключая Руской азбуки, которую тогда я не доучилъ; а послѣ не имѣлъ времени: ибо началъ упражнятися въ письменахъ. А ради того и понынѣ не знаю, гдѣ ставятся *ъ* и *е*, гдѣ *і* и *и*, гдѣ *а!* и *ахъ!* и

(*) Надлежитъ примѣтить, что я во описаніи своихъ тѣлесныхъ достоинствъ весьма чистосердеченъ.

(**) Благопристойность удерживаетъ, а самолюбіе свойственное намъ, разумнымъ людямъ, заставляетъ меня сказати, что человѣка два, три не мѣлкихъ моимъ живутъ разумомъ; однакожъ я етова въ разсказку не пущаю, чтобы они за то на меня не осердилися. Лучше оставить ихъ въ заблужденіи, а мое все таки останется при мнѣ. Умной всегда уменъ, хотя молчитъ, хотя говоритъ.

*

тому подобное, и гдѣ какія препинанія; для чего вмѣсто запятой, часто ставлю удивительную и вопросительную; а двоеточіе при всякомъ словѣ; ибо мнѣ кажется, что всякое слово отъ другова отдѣляется, и тѣмъ разрѣзываетъ мысль: но ето бездѣлица! Чтожъ касается до душевныхъ добродѣтелей, то не польстя себѣ могу назватися оныхъ прибѣжищемъ: изъ чего слѣдуетъ, что науку, знать самаю себя, я лучше всѣхъ знаю.

Наконецъ сообщаю вамъ, Г. издатель, что я авторъ, да и такой авторъ, которой уже съ лишкомъ шесть лѣтъ мараетъ бумагу. И какъ ли я своихъ сочиненій и переводовъ въ печать издалъ еще ни мало: но однакожъ имѣю очень много готовыхъ къ печатанію, и которыя, сказать по правдѣ, всѣ книги полезныя. Я нѣкоторыя изъ нихъ наименую, чтобы вы имѣли лучшее понятіе о сочинителѣ по сочиненіяхъ, а о сочиненіяхъ по сочинителѣ.

Окончаніе сего письма въ слѣдующемъ листѣ.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ IV. МАІЯ 19 ДНЯ.

Окончаніе письма.

I. Наука быти льстецомъ, или правила, по которымъ очень скоро можно приходити въ милость у большихъ бояръ, зараженныхъ самолюбіемъ, съ предисловіемъ въ 12 частяхъ. *II. Способъ, какъ здѣлаться автороmъ,* на двухъ страницахъ безъ предисловія. *III. Способъ, какъ содержать бесѣду въ безпрерывномъ веселіи,* или собраніе моихъ разумныхъ разговоровъ, острыхъ словъ и замысловатыхъ шутокъ, въ 4 частяхъ, (*) и еще много неокончанныхъ, изъ которыхъ одна комедія можетъ быть скоро и въ свѣтъ покажется: она называется *Мотъ вразумившійся.* Шіэса предарагая, здѣлана Детушевымъ вкусомъ. Да ежели сказать истинну, такъ она и великова мнѣ труда стоила; ибо я непремѣнно долженъ былъ въ предисловіи написать исторической и критической розыскъ о перьвоначальныхъ Театрахъ, о всѣхъ упадкахъ оныхъ и возвышеніяхъ, также и причины, побудившія меня сіе писать, и какова отъ того ожидаю успѣха: словомъ о всемъ читателей увѣдомить, не изключая и того, что будутъ говорить о моей комедіи, когда ее на Театрѣ представятъ:

(*) Сія книга ежедневно увеличивается; ибо я всякой вечеръ записываю то, что днемъ говорилъ. И какъ я такія острыя слова говорить великой мастеръ, то уповаю умножити сіе изданіе до 12 частей.

ибо я многое узнаю напередъ за тѣмъ, что вѣрное дѣлаю изчисленіе. Она съ предисловіемъ и съ наставленіемъ, какъ оную должны актеры представляти въ двухъ частяхъ. Вотъ какой я авторъ!

Г. издатель! вы имѣете полное описаніе моихъ качествъ и достоинствъ, по сему надѣюсь, что я конечно годенъ въ число вашихъ корреспондентовъ. А! естьли вы прямо меня узнаете, такъ вы конечно прямо меня и полюбите; ибо многія того искали; но я во всемъ разборчивъ, по чему и друзей имѣю очень не много. Я ожидаю вашего отвѣта; естьли онъ будетъ по моему желанію, то сообщу къ вамъ столько писемъ и сочиненій, что вы и въ три года ихъ не перепечатаете. И такъ перо мое прославитъ и меня и васъ, и заставитъ умолкнуть всѣхъ нынѣшнихъ писцовъ. Я напередъ восхищаюсь, какъ мы прославимся! А! мы уже конечно прославимся! Прости Г. издатель, и верь, что я васъ прямо полюбилъ. А! верьте моему слову, оно достойно тово. Во ожиданіи же вашего отвѣта пребуду вамъ.

неизвѣстнымъ***

Неизвѣстнаго мнѣ господина въ корреспонденты къ себѣ не принимаю, и прошу, чтобы онъ впредь своихъ сочиненій не присылалъ. Не напечаталъ бы я и сего письма, естьли бы не былъ увѣренъ, что такой характеръ достоинъ осмѣянія и презрѣнія. Кто хулитъ всѣхъ и все, тотъ вреденъ обществу; а кто хулитъ извѣстныя славныя Рускія трагедіи, тотъ почитаться долженъ невѣжею во словесныхъ наукахъ.

На конецъ сему неизвѣстному господину сообщаю присланную ко мнѣ епиграмму.

ЕПИГРАММА.

Осьмымъ тебя, мой другъ, всѣ чудомъ почитаютъ:
Пречудные въ тебѣ два свойства обрѣтаютъ.
Тогда какъ ты молчишь,
Премножество ума найти въ тебѣ всѣ чаютъ;
Но лишъ раскроешъ ротъ, и только заворчишь,
То круглымъ всѣ тебя невѣждой величаютъ.

Съ того времени, какъ началъ я издавать сей журналъ, получилъ и получаю множество писемъ и сочиненій въ стихахъ и прозѣ. Трудъ мой въ томъ только состоитъ, чтобъ избирать изъ нихъ лутчія, и сообщать публикѣ. Слѣдующія вѣдомости получилъ я отъ неизвѣстной мнѣ особы со обѣщаніемъ, что онъ впредь оныя ко мнѣ сообщать будетъ. Я вношу ихъ со удовольствіемъ: ибо сочиненіе сіе есть новаго рода; по чему надѣюсь, что оно безпристрастнымъ читателямъ будетъ не неприятно; а тѣмъ, которые станутъ сіе относить къ лицамъ, сообщаю слѣдующіе стихи:

Явлю тебя? молчи, вѣть я не именую;
Кричишъ: не я, да ты являешъ совѣсть злую.

4.

ВѢДОМОСТИ.

Изъ нѣкотораго приказа.

Явилось порожнее мѣсто, которое въ годъ двѣ тысячи рублевъ безгрѣшнаго приноситъ дохода. На-

добно знать, что сіе мѣсто требуетъ человѣка разумнаго, ученаго и прилѣжнаго; ибо отъ него блаженство и жизнь великаго числа людей зависитъ. Трое домогаются сего мѣста.

Перьвой изъ нихъ дворянинъ безъ разума, безъ науки, безъ добродѣтели и безъ воспитанія; хотя онъ во младыхъ еще лѣтахъ записанъ былъ въ службу, но оной, живучи у матери между нянекъ и шутихъ, никогда не исполнялъ; а доставалъ чины чрезъ предстательство, преимущественно предъ тѣми, которые служили. Душъ за нимъ тысячи двѣ; но самъ онъ безъ души. Короче сказать, все достоинство сего молодца въ томъ только и состоитъ, что онъ дворянинъ и родня многимъ знатнымъ боярамъ.

Второй искатель мѣста есть дворянинъ же, но родствомъ ни съ какимъ случайнымъ бояриномъ не связанъ. Поведѣнія добраго, разума хотя не пылкаго, однако наукою подкрѣпленнаго. Служитъ въ полкахъ, и хотя отмѣннаго ничего не здѣлалъ, но по крайней мѣрѣ исполняетъ свою должность съ прилѣжностію. Знаетъ человѣчество, изъ подвластныхъ себѣ наказуетъ только винныхъ, крестьянъ своихъ не грабитъ, живетъ нероскошно и по мѣрѣ своего дохода, купцовъ по примѣру другихъ дворянъ не обманываетъ: словомъ, дворянинъ сей человѣкъ порядочной, и хотя онъ къ важнымъ должностямъ не во все годится; однако благополучно бы было наше отечество, ежели бы такихъ дворянъ гораздо побольше у насъ завелося!

Третей проситель мѣста, по нарѣчію нѣкоторыхъ

глупыхъ дворянъ, есть человѣкъ подлой: ибо онъ отъ добродѣтельныхъ и честныхъ родился мещанъ. Природной ево разумъ, соединенной съ долговременнымъ и въ Россіи и въ чужихъ краяхъ ученіемъ, учинили его мужемъ совершеннымъ. Мало такихъ наукъ, которыхъ бы онъ не зналъ, или о которыхъ бы онъ не имѣлъ понятія; защитникъ истинны, помогатель бѣдности, ненавистникъ злыхъ нравовъ и роскоши, любитель человѣчества, честности, наукъ, достоинства и отечества; вѣрной другъ, благоразумной отецъ, безмятежной сосѣдъ, разсмотрительной и безпристрастной судья. Во всѣхъ мѣстахъ, куда онъ отъ правительства былъ опредѣляемъ, оставлялъ примѣры разумнаго своего поведѣнія; благополучны были тѣ люди, которыми онъ повелѣвалъ; неустрашимы были тѣ солдаты, которыми онъ предводительствовалъ, и непріятель всегда разбитъ, съ которымъ онъ сражался. Покрытой ранами, и содержа себя однимъ жалованіемъ, никогда не негодовалъ на свою скудость, но сносилъ оную безъ роптанія: словомъ, онъ показалъ собою что не порода, но добродѣтели дѣлаютъ человѣка достойнымъ почтенія честныхъ людей. Не просилъ бы онъ и упомянутаго выше мѣста, ежели бы здоровье его позволяло долѣе служить въ арміи, или ежели бы онъ не былъ въ состояніи подвластныхъ сему мѣсту учинить благополучными, и возстановить ихъ отъ раззоренія, въ которое приведены были бывшимъ судьею.

Читатель! угадай: глупость ли подкрѣпляемая род-

ствомъ съ боярами, или заслуги съ добродѣтелію наградятся?

Изъ гостинаго двора.

На гостиной дворъ пріѣхала въ коретѣ съ двумя назади лакеями богато одѣтая женщина; изъ множества золотыхъ и серебреныхъ сѣтокъ купила два мотка и заплатила деньги; а другіе два укравши, тихонько подъ асалопъ спрятала. Купецъ ето видитъ, и какъ ковалеръ учтивой, при случившемся въ лавкѣ народѣ боярыню обезчестить не хочетъ. Боярыня поскакала домой, а купецъ за нею. Отъ просителя челобитная подана, а отъ судьи опредѣленіе не такъ, какъ въ приказахъ, тотчасъ послѣдовало. Боярыня купцу не только волосы выщипала и глаза подбила, да еще и кожу со спины плетьми спустила. Ништо тебѣ бѣдной купецъ! Какъ ты честной злородной человѣкъ осмѣлился назадъ требовать своей сѣтки у благородной воровки? Благодари еще боярыню, что безчестья съ тебя не взяла. Въ самомъ дѣлѣ, не великая ли милость купцу здѣлана?

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ V. МАІЯ 26 ДНЯ.

5.

Господинъ Трутень!

Второй вашъ листокъ написанъ не по правиламъ вашей прабабки. Я самъ того мнѣнія, что слабости человѣческія сожалѣнія достойны; однакожъ не похваль, и никогда того не подумаю, чтобъ на сей разъ не покривила своею мыслію и душею Госпожа ваша прабабка, давъ знать на своей стр. 340, въ раздѣленіи 52, что похвальнѣе снисходить порокамъ, нежели исправлять оныя. Многіе слабой совѣсти люди никогда не упоминаютъ имя порока, не прибавивъ къ оному человѣколюбія. Они говорятъ, что слабости человѣкамъ обыкновенны, и что должно оныя прикрывать человѣколюбіемъ; слѣдовательно они порокамъ сшили изъ человѣколюбія кафтанъ; но такихъ людей человѣколюбіе приличнѣе назвать пороколюбіемъ. По моему мнѣнію больше человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, который онымъ снисходитъ или (сказать по Руски) потакаетъ; и ежели смѣли написать, что учитель, любви къ слабостямъ неимѣющій, оныхъ исправить не можетъ, то и я съ лучшимъ основаніемъ сказать могу, что любовь къ порокамъ имѣющій никогда неисправится. Еще не понравилось мнѣ первое правило упомянутой Госпожи, то есть, чтобъ отнюдь не

называть слабости порокомъ, будто Іоанъ и Иванъ не все одно. О слабости тѣла человѣческаго мы разсуждать не станемъ; ибо я не лѣкарь, а она не повивальная бабушка; но душа слабая и гибкая въ каждую сторону покривиться можетъ. Да и я незнаю, что по мнѣнію сей Госпожи значитъ слабость. Нынѣ обыкновенно слабостію называется, въ кого нибудь по уши влюбиться, то есть въ чужую жену или дочь; а изъ сей мнимой слабости выходитъ: обезчестить домъ, въ который мы ходимъ, и поссорить мужа съ женою, или отца съ дѣтьми; и ето будто не порокъ? Кои построжее меня о томъ при досугѣ разсуждаютъ, назовутъ по справедливости оный беззаконіемъ. Любить деньги есть таже слабость; по чему слабому человѣку простительно брать взятки и набогащаться грабежами. Пьянствовать также слабость, или еще привычка; однако пьяному можно жену и дѣтей прибить до полусмерти и подраться съ вѣрнымъ своимъ другомъ. Словомъ сказать, я какъ въ слабости, такъ въ порокѣ не вижу ни добра, ни различія. Слабость и порокъ, по моему все одно; а беззаконіе дѣло иное.

На концѣ своего листка ваша Госпожа прабабка похваляетъ тѣхъ писателей, кои только угождать всѣмъ стараются; а вы сему правилу, не повинуясь криводушнымъ приказнымъ и не къ стати умствующему Прокурору, не великое здѣлали угожденіе. Не хочу я васъ побуждать, какъ дѣлаютъ прочіе, къ продолженію сего труда, ниже васъ хвалить; звѣрокъ по кохтямъ видѣнъ. То только скажу, что изъ

всево поколѣнія вашей прабабки вы первый, къ которому я пишу письмо. Можетъ статься скажутъ Г. критики, что мнѣ какъ Трутню съ Трутнемъ имѣть дѣло весьма сходно; но для меня разумнѣе и гораздо похвальнѣе быть Трутнемъ, чужія дурныя работы повреждающимъ, нежели такою пчелою, которая повсѣмъ мѣстамъ летаетъ и ничего разобрать и найти не умѣетъ. Я хотѣлъ было сіе письмо послать къ Госпожѣ вашей прабабкѣ; но она меланхолическихъ писемъ читать не любитъ; а въ семъ письмѣ, я думаю, она ничего такого не найдетъ, отъ чего бы у нее отъ смѣха три дни бока болѣть могли.

Покорный вашъ слуга
Правдулюбовъ.

9 Маія, 1769 года.

6.

Статьи изъ Рускаго Словаря. (*)

Украсить голову по Французски. О приведеніи въ совершенство сея науки Франція нѣсколько лѣтъ прилагаетъ попеченіе. И хотя въ Парижѣ заведена Академія *Волосоподвивательной науки*, изданы въ народъ печатныя о томъ книги; но однакожъ и по сіе время также, какъ и Философія, въ совершенство не пришла; изъ чего слѣдуетъ, что быть совершеннымъ волосоподвивателемъ также трудно, какъ и Философомъ; да и науки сіи одинакія, одна украшаетъ

(*) *Сіи статьи продолжаться будутъ не по Азбучному порядку; но какъ онѣ ко мнѣ сообщаются.*

голову съ наружи, а другая внутри; а что къ первой нынѣ больше прилѣпляются, тому причиною мода. Да сіе и весьма справедливо, украшенная съ наружи голова гораздо почтеннѣе украшенной внутри, по тому что мы всегда хвалимъ, почитаемъ и удивляемся тому, что прежде другова лучшимъ намъ покажется. А въ томъ и никакова нѣтъ сомнѣнія, что хорошо завитыя волосы скорѣе ума примѣтить можно; волосы съ наружи, а умъ внутри.

Украсить разумъ науками. Въ старину думали, что для украшенія разума науками надлежитъ цѣлой жить вѣкъ, то есть посвятить себя наукамъ, отстать отъ всѣхъ должностей въ обществѣ, вѣкъ учиться и быть проповѣдываніемъ добродѣтели согражданамъ своимъ, а на конецъ и самому себѣ въ тягость; изъ чего здѣлали пословицу: *Вѣкъ живи, и вѣкъ учися.* Но молодыя наши дворяне, увидя ясно невѣжество предковъ своихъ, изъ сего заблужденія вышли, и изъ стараго правила здѣлали новое: *Недѣлю учися и вѣкъ живи.* Сему правилу многія слѣдуютъ: ибо не учась ничему, но только мимоходомъ прочитавъ книги, о всѣхъ наукахъ разсуждаютъ и спорятъ; отъ чего и писателей показалося много, а особливо Стихотворцовъ. Одинъ славной Россійской Стихотворецъ сказалъ о себѣ, что онъ писавъ стихи десять лѣтъ, послѣ всѣ ихъ пожогъ; чрезъ что и здѣлался онъ образцемъ во многихъ родахъ Стихотворства, а въ нѣкоторыхъ и не подражаемымъ. Но молодыя наши Стихотворцы нашли кратчайшую къ Парнасу дорогу; по ихъ мнѣнію, надлежитъ только знать,

что мужеской стихъ въ 12, а женской въ 13 стопъ; а потомъ въ недѣлю здѣлаться можно Стихотворцомъ, и трагическимъ, и комическимъ; и на конецъ всякимъ, не дѣлая пустыхъ изслѣдованій, что Хорей? что Ямбъ? Дактиль и проч: лишь бы были рифмы. Вотъ скорое просвѣщеніе какую приноситъ пользу! А за сіе скороспѣлое въ наукахъ знаніе, должны мы благодарностію Господамъ Французамъ: мы все отъ нихъ перенимаемъ; ихъ дворяне давно сіе дѣлаютъ, и наши начинаютъ.

Какъ ли не: новопроявившееся слово, котораго ни во всемъ священномъ писаніи, ни во всѣхъ свѣтскихъ сочиненіяхъ славныхъ нашихъ Авторовъ нѣтъ. Изъ чего слѣдуетъ, что пишущей нынѣ *какъ ли не*, вмѣсто *какъ ни*, гораздо разумнѣе тѣхъ писателей, которые до сего времени по Руски писали; не смотря на то, что остроумныя сочиненіи съ *какъ ни* устроеваютъ наше сердце, и питаютъ разумъ; а изданіи съ *какъ ли не* смѣяться заставляютъ. По моему мнѣнію изобрѣтатель *какъ ли не* достоинъ такогоже почтенія, какъ изобрѣтатели пороха, печати и ариѳметики: ибо сіе слово весьма много спомоществуетъ къ приобрѣтенію богатства, а именно тѣмъ что естьли его почаще употребить въ какомъ сочиненіи, то книга въ двое толще будетъ; слѣдовательно въ двое и дороже продана быть можетъ.

7.

ЕПИТАФІЯ.

Не проходи отнюдъ не воздохнувъ, прохожій,
Сего столба:
Здѣсь сшибъ полъ рожи,
И часть большую лба.
Сего же имени зарытый здѣсь мудрецъ,
Столбъ глупыхъ стихачей наставникъ и отецъ:
Сей столбъ на етотъ столбъ бѣжавъ споткнулся,
Упалъ,
Вскричалъ,
И больше не очнулся.
Прохожій, возгласи: сколь щедра къ намъ судьба!
На мѣстѣ одново, мы видимъ два столба!

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ VI. ІЮНЯ 2 ДНЯ.

8.

ВѢДОМОСТИ.

Въ Санктпетербургѣ.

Изъ Мещанской.

Есть женщина лѣтъ пятидесяти. Она уже двухъ имѣла мужей, и ни одново изъ нихъ не любила, послѣдуя модѣ. Достоинствы ея слѣдующія: дурна, глупа, упряма, расточительна, драчлива, играетъ въ карты, пьетъ безпросыпу, бѣлится въ день раза по два, а румянится по пяти. Она хочетъ за мужъ, но приданова ничево нѣтъ. Кто хочетъ на ней жениться, тотъ можетъ явиться у свахъ здѣшняго города.

Изъ Литейной.

Змѣянъ, человѣкъ неосновательной, ѣздя по городу надсѣдаяся кричитъ и увѣщеваетъ, чтобъ всякой помѣщикъ, ежели хорошо услуженъ быть хочетъ, былъ тираномъ своимъ служителямъ; чтобъ не прощалъ имъ нималѣйшей слабости; чтобъ они и взора его боялись; чтобъ они были голодны, наги и босы, и чтобъ одна жестокость содержала сихъ звѣрей въ порядкѣ и послушаніи. Въ самомъ дѣлѣ Змѣянъ поступаетъ съ своими рабами какъ проповѣдуетъ. О человѣчество! колико ты страждешъ отъ безумія Змѣянова и естьлибъ всѣ дворяне примѣръ

брали съ сего чудовища, то бы не было у насъ кромѣ мучителей и мучениковъ. Однако благоразумной Миренъ не слѣдуетъ мнѣнію Змѣянову и со всѣмъ отмѣнно съ подвластными себѣ обходится. Ежели Миренъ не наилучшихъ въ Россіи слугъ имѣетъ, такъ по крайней мѣрѣ не боится, чтобъ онъ ими былъ проклинаемъ.

Изъ Москвы.

Одинъ посредственной дворянинъ, но любящей свою пользу больше общественной, имѣлъ крѣпостнаго человѣка, преискуснаго миніатурнаго живописца. Искусство сего живописца велико; но доходы, которыя онъ получалъ за свои труды, весьма были малы. Причина тому та, что онъ холопъ и Руской человѣкъ: ибо въ Москвѣ есть обыкновеніе Рускимъ художникамъ платить гораздо меньше иностранныхъ, хотя бы послѣднія и меньше имѣли искусства; словомъ, доходы сего живописца за ево содержаніемъ весьма малой составляли оброкъ ево помѣщику. Помѣщикъ, какъ человѣкъ благоразумной, и такой, которой въ разсужденіи своихъ доходовъ, Ариѳметику училъ только до умноженія, разсудилъ за благо сего живописца продать. Живописецъ купилъ бы самъ себя, но не имѣлъ денегъ. Нѣкоторой знатной господинъ, достойной за сіе великаго почтенія, о томъ провѣдавъ, и увидѣвъ ево работу, купилъ ево за 500 рубл. и избавилъ ево отъ неволи для того, чтобы сему достойному художнику дать свободу. Сей господинъ старается, чтобы живописца приняли въ

Академію Художествъ. Ежели сіе здѣлается, то онъ ему откроетъ путь ко снисканію щастія. Вотъ примѣръ достойной разумнаго, знатнаго и пользу общественную любящаго господина! Дай Богъ, чтобы таковыхъ Наукамъ и Художествамъ Меценатовъ, въ Россіи было побольше!

Изъ Ярославля.

Здѣсь всѣ удивляются воздержности Московскихъ писателей. Извѣстно, что почтенная наша старушка, Москва, и со своими жителями во нравахъ весьма непостоянна: ей всегда нравилися новыя моды, и она всегда перенимала ихъ у Петербургскихъ жителей; а тѣ прямо отъ просвѣтителей въ ономъ разумовъ нашихъ господъ Французовъ. Въ нынѣшнемъ 1769 году лишъ только показалась въ свѣтъ Всякая Всячина со своимъ плѣменемъ, то жители нашего города заключили, что и ето новая мода. И какъ Москва писателями сихъ мѣлкихъ сочиненій весьма изобильна, то надѣялись, что тамъ сіи листки выходить будутъ не десятками, но сотнями. Ради чево фабрикантъ здѣшней бумажной фабрики велѣлъ съ поспѣшеніемъ дѣлать великое множество бумаги, годной къ печатанію; а между тѣмъ отправилъ своего прикащика на почтовыхъ лошадяхъ въ Москву для подряду. Но онъ и мы всѣ обманулись: въ Москвѣ и по сіе время ни одного такова изъ типографіи не вышло листочка; да и печатанныя въ Петербургѣ журналы читаютъ немногія. Старой но весьма разумной нашъ мѣщанинъ, *Правдинъ*, о семъ

заключаетъ, что Москва ко украшенію тѣла служащія моды перенимаетъ гораздо скорѣе украшающихъ разумъ, и что Москва также какъ и престарѣлая кокетка сатиръ на свои нравы читать не любитъ.

Изъ Кронштата.

На сихъ дняхъ прибыли въ здѣшней портъ корабли: 1. *Trompeur* изъ *Руана* въ 18 дней; 2. *Vetilles* изъ *Марсельи* въ 23 дни. На нихъ слѣдующія нужныя намъ привезены товары: шпаги Французскія разныхъ сортовъ, табакерки, черепаховыя, бумажныя, сургучныя; кружевы, блонды, бахромки, манжеты, лѣнты, чулки, пряшки, шляпы, запанки и всякія такъ называемыя галантерейныя вещи; перья Голандскія въ пучкахъ чиненыя и нечиненыя; булавки разныхъ сортовъ и прочія модныя мѣлочныя товары; а изъ Петербургскаго порта на тѣ корабли грузить будутъ разныя домашнія наши бездѣлицы; какъ то пеньку, желѣзо, юфть, сало, свѣчи, полотны и проч. Многія наши молодыя дворяне смѣются глупости господъ Французовъ, что они ѣздятъ такъ далеко, и мѣняютъ модныя свои товары на наши бездѣлицы.

Молодаго Россійскаго поросенка, которой ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума, и которой объѣздивъ съ пользою, возратился уже совершенною свиньею; желающіе смотрѣть, могутъ его видѣть безъ денежно по многимъ улицамъ сего города.

Молодой дворянинъ идучи по *Матеріальной улицѣ* противъ нѣкотораго дома, засмотрѣлся на окошко, въ которое смотрѣли три прекрасныя дѣвушки, и выронилъ свое сердце; кто объявитъ о поднявшемъ оное, тому дастся награжденіе соотвѣтствующее щедрости молодаго дворянина, сына судѣйскаго, и недавно пріѣхавшаго изъ своего поместья для поминовенія своего родителя и проживать нажитое покойнымъ судьею имѣніе.

Старой лицемѣръ слушая обѣдню, увидѣлъ дѣвушку лицемъ прелестную. Онъ держа въ рукахъ молитвенникъ, во всю обѣдню не спускалъ глазъ съ помянутой дѣвушки, примѣчая съ прилѣжаніемъ ли она молится, и находясь въ такомъ положеніи нечаянно съ носа сронилъ очки и потерялъ; кто оныя поднялъ и принесетъ въ его квартиру, тому за труды, изъ любви къ ближнему, дастъ онъ писменное наставленіе, какъ жить въ свѣтѣ; а паче всево, въ разсужденіи женщинъ, сихъ прелестныхъ Сиренъ, усыпляющихъ наши чувства и разумъ.

ПОДРЯДЫ.

Для наполненія порожнихъ мѣстъ, по положенному у одной престарѣлой кокетки о любовникахъ штату, потребно поставить молодыхъ, пригожихъ и достаточныхъ дворянъ и мещанъ до 12 человѣкъ; кто пожелаетъ въ поставкѣ оныхъ подрядиться, или и сами желающіе заступить тѣ убылыя мѣста, могутъ явиться у помянутой кокетки, гдѣ и кондиціи имъ показаны будутъ.

Въ нѣкоторое судебное мѣсто потребно правосудія до 10 пудъ; желающіе въ поставкѣ онаго подрядиться, могутъ явиться въ ономъ мѣстѣ.

Молодому риѳмотворцу потребно здраваго разсужденія, знанія и искусства столько, чтобы достало на всѣ тѣ сочиненіи, которыя онъ расположился писать; желающіе поставить и взять ниже просимыхъ цѣнъ, а у нево купить прилѣжанія и охоты къ стихотворству, могутъ явиться въ его квартирѣ.

ПРОДАЖА.

За вексельной искъ, описанное и оцѣненное въ 14 р. 57 к. $^3/_4$ оставшее послѣ покойнова судьи *Правдолюбова* стяжаніе, состоящее въ вѣрности къ отечеству, нелицепріятіи, правосудіи, истинномъ понятіи законовъ, милосердіи о бѣдныхъ и здравомъ разсужденіи, имѣетъ быть продано съ публичнаго торгу: ибо наслѣдниковъ ко оному стяжанію изъ всей ево родни не явилось; желающіе покупать, могутъ явиться у акціониста, которой продавать будетъ.

Недавно пожалованной Воевода отъѣзжаетъ въ порученное ему мѣсто, и для облегченія въ пути продаетъ свою совѣсть; желающіе купить, могутъ ево сыскать въ здѣшнемъ городѣ.

КУРСЪ ДЕНЬГАМЪ.

У *Кащея* по 12. рубл. въ годъ на сто.
У *Жидомора* 16 рубл. — — — —
У мѣлкихъ ростовщиковъ по 10. коп. на рубль въ мѣсяцъ.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ VII. ІЮНЯ 9 ДНЯ.

9.

Господинъ издатель!

Вы лѣнивы, да и я не прилѣженъ; а при томъ имѣю желаніе прослыть, буде не творцомъ, то покрайней мѣрѣ издателемъ. Чего ради прилагаю при семъ присланную ко мнѣ изъ деревни отъ пріятеля грамотку, которую, естьли вы за благо разсудите, можете напечатать; а естьли вамъ не вздумается, то въ слѣдующемъ листочкѣ дать знать, по какимъ причинамъ она тисненію предана быть не можетъ. Простите господинъ издатель, что въ семъ рукописаніи не наблюдено Руское правописаніе; причина тому та, что у насъ на Руси весьма мало такихъ переписчиковъ, кои бы право писать разумѣли; да и я самъ, сказать матку правду, не зѣло поученъ; а при томъ и лѣнь проклятая не допустила меня прочесть за переписчикомъ. Прощай г. Издатель; я право никогда такъ много не трудился, какъ сево дня дернулъ меня чертъ съ тобой разболтаться.

Вашъ доброжелатель

И. Прямиковъ.

10.

Государь мой!

Пріѣхавъ въ деревни для препровожденія тамъ наступающаго лѣта, старался я познакомиться съ моими сосѣдами; и правда между ими нашелъ я много людей разумныхъ и честныхъ, упражняющихся въ домостроительствѣ, по чему и уповалъ все время пребыванія моего препроводить тамъ весело. Но сія блаженная жизнь, которою я наслаждаться уповалъ, была прервана слѣдующимъ образомъ: Въ томъ же уѣздѣ, гдѣ мои деревни, живутъ во отставкѣ два родные брата *Вертяевы*; и правда никто толь приличнаго со нравомъ своимъ прозвища не имѣетъ, какъ сіи господа: ибо они забывая честь, законы и благопристойность, вертятъ дѣла по своимъ прибыткамъ; однимъ словомъ, они ябѣдники, обидчики и грабители. Вамъ же, государь мой, не безъизвѣстно, что мнѣ досталася послѣ покойной свойственницы моей деревнишка. Одинъ изъ сихъ господъ провѣдавъ, что я человѣкъ нехлопотливой, и приказныхъ дѣлъ не люблю, старался часть оныхъ присвоить; но какъ онъ покойной свойственницѣ моей роднею не бывалъ, то дабы имѣть какую либо привязку, одну изъ свойственницъ покойницыныхъ, которая хотя никакого права къ симъ деревнямъ не имѣла, а при томъ была безъ ума, что извѣстно всѣмъ сосѣдамъ, привезъ въ городъ, и тамъ взялъ съ нее купчую; а

по сей то купчей и старался лишить меня принадлежащаго мнѣ имѣнія. Повѣрьте, государь мой, что ничто такъ меня не безпокоило, какъ сіи хлопоты, отъ которыхъ бы я конечно не избавился, естьли бы не защитилъ меня Графъ Р... мой благодѣтель, которой узнавъ о семъ писалъ къ нашему Губернатору; а я такимъ способомъ избавясь отъ сего душевредника, разспрашивалъ одного сосѣда, какъ они могутъ жить съ такими ябѣдниками, каковы господа *Вертяевы*. На что онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что ето еще малѣйшаго ихъ бездѣльничества опытъ, что они для прибытка никого не щадятъ, что за нѣсколько предъ симъ нѣкоему небогатому дворянину досталось по наслѣдству сорокъ душъ. Младшій изъ *Вертяевыхъ* узнавъ о семъ, призвалъ сего дворянина, и говорилъ такъ: «Деревни эти хотя тебѣ и принадлежатъ; однако ты конечно ихъ не получишъ: ибо «ты человѣкъ приказныхъ порядковъ незнающій; а «я для твоей бѣдности по етому дѣлу хожденіе имѣть «буду: но какъ мнѣ за тебя повѣреннымъ быть стыдно, то дай мнѣ закладную, а я выхлопотавъ оныя «деревни закладную тебѣ выдамъ». Добросердечной старикъ почелъ сіе особливымъ знакомъ его къ себѣ милости, и ни мало не размышляя далъ требуемую закладную, по которой господинъ *Вертяевъ* записавъ за себя деревню владѣетъ спокойно; а бѣдной старикъ съ печали, ибо онъ кромѣ сей деревни имѣлъ только 5 душъ, переселился въ то жилище, въ которомъ чужихъ душъ никто не желаетъ. Оставя послѣ себя четверыхъ сыновей и одну дочь, кои въ

такой живутъ бѣдности, что едва дневное имѣютъ пропитаніе. Сей поступокъ толь чувствительно меня тронулъ, что я трехъ меньшихъ сыновей; ибо старшій боленъ и служить не можетъ, отослалъ къ племяннику моему въ Петербургъ, дабы онъ ихъ по приличеству записалъ въ службу, а большаго здѣсь взялъ въ свое призрѣніе. Изъ сихъ двухъ краткихъ повѣстей разсудите, государь мой, коль много властвуетъ прибытокъ надъ ябѣдническими душами, что они для одного загона земли не токмо любовь къ ближнему, но и самый страхъ Божій забываютъ. Сіи то и симъ подобныя бездушники пріятную деревенскую жизнь напояютъ ядомъ; ибо въ протчемъ, по моему мнѣнію, съ пріятностію деревенской жизни ничто сравниться не можетъ: тамъ встаютъ рано не для того, чтобъ просидѣвъ 3 или 4 часа надъ уборомъ головы, и отягчивъ оную саломъ и пудрою шататься по переднимъ комнатамъ знатныхъ бояръ; но для того, чтобъ пользоваться пріятнымъ утреннимъ временемъ, присматривать за своимъ домостроительствомъ, и примѣромъ своимъ, служителей своихъ поощрять къ трудамъ. Тамъ нѣтъ огромной музыки; но вмѣсто оной пользуются поселяне пріятнымъ пѣніемъ птицъ; нѣтъ тамъ великолѣпныхъ садовъ, украшенныхъ статуями и водометами; но вмѣсто оныхъ прекрасныя рощи, зеленые луга, испещренные цвѣтами, и протекающіе по онымъ журчащіе по камешкамъ источники увеселяютъ взоръ и приводятъ на память златый Астреинъ вѣкъ. Впротчемъ увѣряя, что при всѣхъ случаяхъ не премину

увѣдомлять васъ о деревенскихъ нашихъ обстоятельствахъ, пребуду,

Государь мой,

Вашъ покорный слуга.

* * * * * *

11.

ЕПИТАФІИ.

I.

Здѣсь спитъ моя жена:
Во вѣкъ пусть спитъ она
Къ покою своему
И моему.

II.

Прохожій! воздохни у мѣста ты сего,
Отъ мужа своего
Тирана и злодѣя,
Во днях цвѣтущихъ лѣтъ,
Оставивши сей свѣтъ,
Нещастная Пентея,
Жизнь каторжну имѣя,
Ушла,
И лишь подъ камнемъ симъ убѣжище нашла.

ЕПИГРАММА.

Не въ томъ завистливой богатство состоитъ,
Чтобъ много душъ имѣти за собою:
Сундукъ мой пустъ стоитъ,
Но я богатъ передъ тобою;
Доволенъ я имѣніемъ своимъ,
И не хочу владѣть сокровищемъ твоимъ.

Издатель Трутня, обѣщался публикѣ, во своихъ листкахъ не сообщать иныхъ, какъ только ко исправленію нравовъ служащія сочиненія; либо приносящія увеселеніе. О семъ, по сіе время всевозможное онъ прилагалъ попеченіе; и увѣряетъ, что и впредь брани, неприносящія ни пользы ни увеселенія, въ его листкахъ мѣста имѣти не будутъ. Ради чего, издалека и съ улыбкою взираетъ онъ на брань *Всякія Всячины*, относящуюся къ лицу Г. *Правдулюбова*: ибо сіе до него, какъ до чужихъ трудовъ издателя, ни почему не принадлежитъ; а только съ нетерпѣливостію желаетъ онъ узнати, какъ таковыя наполненіи, сихъ весьма краткихъ недѣльныхъ листковъ, благоразумными и безпристрастными читателями приняты будутъ.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ VIII. ІЮНЯ 16 ДНЯ.

Издатель Трутня, во утѣшеніе Всякой Всячинѣ, своей современницѣ, не хотѣлъ напечатать сего письма: но по справедливости не могъ онъ въ томъ отказать г. Правдулюбову, тѣмъ паче, что онъ отъ Всякія Всячины отданъ на судъ публикѣ; и такъ благоразумныя и безпристрастныя читатели сей судъ по формѣ, или и безъ формы, какъ имъ угодно, окончать могутъ. Оправданіе г. Правдулюбова здѣсь слѣдуетъ.

12.

Господинъ издатель!

Госпожа Всякая Всячина на насъ прогнѣвалась, и наши нравоучительныя разсужденія называетъ ругательствами. Но теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думалъ. Вся ея вина состоитъ въ томъ, что на Рускомъ языкѣ изъясняться не умѣетъ, и Рускихъ писаній обстоятельно разумѣть не можетъ; а сія вина многимъ нашимъ писателямъ свойственна.

Изъ словъ, въ раздѣленіи 52. ею означенныхъ, Рускій человѣкъ ничего иного заключить не можетъ, какъ только, что господинъ А. правъ, и что госпожа Всякая Всячина его критиковала криво.

Въ пятомъ листѣ Трутня ничего не писано, какъ думаетъ госпожа Всякая Всячина, ни противу милосердія, ни противу снисхожденія, и публика, на которую и я ссылаюсь, то разобрать можетъ. Ежели я написалъ, что больше человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, кто онымъ потакаетъ, то не знаю, какъ такимъ изъясненіемъ я могъ тронуть милосердіе? Видно, что госпожа Всякая Всячина такъ похвалами

избалована, что теперь и то почитаетъ за преступленіе, естьли кто ее не похвалитъ.

Не знаю почему она мое письмо называетъ ругательствомъ? Ругательство есть брань гнусными словами выраженная; но въ моемъ прежнемъ письмѣ, которое заскребло по сердцу сей пожилой дамы, нѣтъ ни кнутовъ, ни висѣлицъ, ни прочихъ слуху противныхъ рѣчей, которыя въ изданіи ея находятся.

Госпожа Всякая Всячина написала, что пятый листъ Трутня уничтожаетъ. И ето какъ то сказано не по Русски; уничтожить, то есть въ ничто превратить, есть слово самовластію свойственное; а такимъ бездѣлицамъ, какъ ея листки, никакая власть не прилична; уничтожаетъ верьхняя власть какое нибудь нраво другимъ. Но съ госпожи Всякой Всячины довольно бы было написать, что презираетъ, а не уничтожаетъ мою критику. Сихъ же листковъ множество носится по рукамъ, и такъ ихъ всѣхъ ей уничтожить не можно.

Она утверждаетъ, что я имѣю дурное сердце по тому, что, по ея мнѣнію, исключаю моими разсужденіями снисхожденіе и милосердіе. Кажется я ясно написалъ, что слабости человѣческія сожалѣнія достойны, но что требуютъ исправленія, а не потачки; и такъ думаю, что сіе мое изъясненіе, знающему Россійскій языкъ и правду, не покажется противнымъ ни справедливости ни милосердію. Совѣтъ ея, чтобы мнѣ лѣчиться не знаю, мнѣ ли больше приличенъ или сей госпожѣ. Она сказавъ, что на пятый листъ Трутня отвѣтствовать не хочетъ, отвѣчала на оный всѣмъ своимъ сердцемъ и умомъ, и вся ея желчъ въ ономъ письмѣ здѣлалась видна. Когдажъ она забывается и такъ мокротлива, что часто не туда плюетъ, куда надлежитъ, то кажется для очищенія ея мыслей и внутренности не безполезно ей и полѣчиться.

Сія госпожа назвала мой умъ тупымъ по тому, что не понялъ ея нравоученій. На то отвѣчаю: что и глаза мои того не видятъ, чего нѣтъ. Я тѣмъ весьма доволенъ, что госпожа Всякая Всячина отдала меня на судъ

публикѣ. Увидитъ публика изъ будущихъ нашихъ писемъ, кто изъ насъ правъ.

Покорный вашъ слуга
Правдулюбовъ.

6 Іюня, 1769 году.

13.

Господинъ издатель!

Чистосердечное ваше о самомъ себѣ описаніе мнѣ весьма нравится; чего ради я отъ добраго сердца хочу вамъ дать совѣтъ: Въ вашемъ Трутнѣ печатаемыя сочиненіи многими разумными и знающими людьми похваляются. Ето хорошо: да то бѣда, что многіе испорченные нравы и злые сердца имѣющіе люди, принимаютъ на себя осмѣиваемые вами лица, и критикуемые вами пороки берутъ на свой щетъ. Ето бы и не худо: ибо зеркало для того и дѣлается, чтобы смотрящіеся въ нево видѣли свои недостатки и оные исправляли. И то зеркало почитается лучшимъ, которое вѣрнѣе пдказываетъ лицо смотрящагося. Но дѣло то въ томъ состоитъ, что въ вашемъ зеркалѣ, названномъ Трутень, видятъ себя и многіе знатные Бояре. И хотя вы въ предисловіи своемъ и дали знать, что будете сообщать не свои, но присылаемыя къ вамъ сочиненіи; однакожъ, злостію напоившія свои сердца люди ставятъ ето на вашъ щетъ. Вотъ что худо то! Мнѣ очень будетъ прискорбно, ежели кто на васъ за то будетъ досадывать; а каково имѣть дѣло съ худыми людьми и знатными Боярами, я уже искусился. Я доживаю шестой десятокъ лѣтъ, и во всю мою жизнь имѣлъ нещастіе тягаться съ большими Боярами, угнѣтавшими истинну, правосудіе, честь, добродѣтель и человѣчество. О г. издатель! сколько я отъ нихъ претерпѣлъ! Смѣло сказать можно, что лучше имѣть дѣло съ лютымъ Тигромъ, нежели съ силь-

нымъ злымъ человѣкомъ; тотъ со всѣмъ своимъ звѣрствомъ и лютостію отнимаетъ только жизнь, а послѣдней оной не отнимаетъ: но отнимая душевное спокойствіе и крѣпость, приводитъ духъ во изнеможеніе такъ, что иногда подосадуешь за то, на что написано: *Не ревнуй лукавнующимъ, ниже завидуй творящимъ беззаконіе.* Но полно нынѣ такихъ Бояръ не много. Жаль, что надобно солгать, ежели сказать, что ихъ со всѣмъ нѣтъ, Чтожъ дѣлать! *Въ семье не безъ урода.* Надобно и за то благодарить Бога, что ихъ не много. Вмѣсто старыхъ, есть нынѣ изъ молодыхъ господъ такіе, которые важныхъ не имѣя дѣлъ, упражняются въ бездѣлицахъ, и предъ малочиновными людьми показываютъ себя великими министрами въ малыхъ дѣлахъ, недостойныхъ ни чина ихъ, ни имени. Употребляя при томъ непростительныя уклончивости, ласкательства, потачки и непозволенныя хитрости; а все ето для какой нинаесть бездѣлицы, или по слѣпому повиновенію своимъ страстямъ, и пристрастію къ какой либо вещи. Надобно желать, чтобы они способны были къ важнымъ государственнымъ дѣламъ и прилѣжны во исполненію оныхъ такъ, какъ къ малымъ, тогда бы они принесли превеликую пользу обществу. Намнясь при мнѣ одинъ такой придворной не господинъ, да еще господчикъ, говорилъ о вашемъ Трутнѣ весьма пристрастно; надлежитъ сказать, что онъ имѣетъ доброе сердце, но нѣкоторая слабость имъ очень сильно владѣетъ, по чему онъ говоритъ и дѣлаетъ только то, что связано съ выгодами ево слабости. Сей господчикъ говорилъ слѣдующее: « Не въ свои де етотъ Авторъ садится сани. Онъ де « зачинаетъ писать сатиры на придворныхъ господъ, « знатныхъ Бояръ, дамъ, судей именитыхъ и на всѣхъ. « Такая де смѣлость ничто иное есть какъ дерзновеніе. « Полно де ево недавно отпряла Всякая Всячина очень « хорошо: да ето еще ничево, въ старыя времена пос- « лали бы де ево потрудиться для пользы государствен- « ной описывать нравы какова нинаесть царства Рус- « каго владѣнія: но нынче де дали волю писать и пере- « смѣхать знатныхъ, и за такіе сатиры не наказываютъ.

« Вѣть де знатной господинъ не простой дворянинъ;
« что на немъ тоже взыскивать, что и на простолю-
« димахъ. Кто де не имѣетъ почтенія и подобострастія
« къ знатнымъ особамъ, тотъ уже худой слуга. Знать
« что де онъ не слыхивалъ, что были на Руси Сатирики
« и не въ ево пору, но и тѣмъ рога посламали; а ето
« де одни пустые росказы, что онъ печатаетъ только
« присыльныя піесы. Нынче де знаютъ и малые робята
« етотъ щетъ, что дважды два, будетъ вѣрно четыре;
« а сверьхъ того въ ево де сатирахъ ни соли, ни вкуса
« не находятъ. Гораздо бы было лучше, ежели бы де
« онъ обиралъ около себя, и писалъ сказочки, или что
« нибудь посмѣшнѣе, такъ какъ другіе писатели жур-
« наловъ дѣлаютъ; такъ бы такое сочиненіе всѣмъ нра-
« вилось, и больше бы покупали, такъ бы де и ему
« больше было прибыли; а отъ етова журнала на вѣр-
« ное де онъ не разбогатѣетъ». И такъ г. издатель совѣтъ вамъ даю слѣдующей: не слушайте сего господчика, не обирайте около себя вздоровъ и не печатайте; намъ они и такъ уже насучили. И публика не такой худой имѣетъ вкусъ, чтобы худое больше хорошева хвалила: но слѣдуя благоразумію, продолжайте печатать такія піэсы, какія мы по сіе время въ Трутнѣ читали: но только остерегайтесь наводить свое зеркало на лица знатныхъ Бояръ и боярынь. Пишите сатиры на дворянъ, на мещанъ, на приказныхъ, на судей совѣсть свою продавшихъ, и на всѣхъ порочныхъ людей; осмѣивайте худые обычаи городскихъ и деревенскихъ жителей; истребляйте закоренелыя предразсужденіи, и угнетайте слабости и пороки, да только не въ знатныхъ: тогда въ сатирахъ вашихъ и соли находить будутъ больше. Здѣсь Аглинской соли употребленіе знаютъ не многіе; такъ употребляйте въ ваши сатиры Рускую соль, къ ней уже привыкли. И ето будетъ пріятнѣе для тѣхъ, которые соленова естьне любятъ. Я слыхалъ слѣдующія разсужденіи: въ положительномъ степенѣ, или въ маленькомъ человѣкѣ *воровство* есть преступленіе противу законовъ; въ увеличивающемъ, то есть среднемъ степенѣ, или средостепен-

номъ человѣкѣ *воровство* есть порокъ; а въ превосходительномъ степенѣ, или человѣкѣ, по вѣрнѣйшимъ математическимъ новымъ изчисленіямъ *воровство* ничто иное, какъ слабость. Хотя бы и не такъ надлежало: ибо кто имѣетъ превосходительной чинъ, тотъ долженъ имѣть и превосходительной умъ, и превосходительныя знанія, и превосходительное просвѣщеніе: слѣдовательно и преступленіе такова человѣка должно быть превосходительное, а превосходительныя по своимъ дѣламъ и награжденіе и наказаніе должны получать превосходительное. Но полно вѣть вы знаете, что не всегда такъ дѣлается, какъ говорится! Письмо мое оканчиваю искреннимъ желаніемъ успѣха въ вашемъ трудѣ, и чтобы мой совѣтъ принесъ вамъ пользу; а изданіе ваше всѣмъ знатнымъ господамъ чтобы такъ нравилось, какъ нравится оно семерымъ знатнымъ Боярамъ, которыхъ я знаю. Сіи господа читать сатиры великіе охотники, и читая оныя никогда не краснѣютъ для того, что никогда не дѣлаютъ тово, отъ чево читая сатиры краснѣть должно. Впротчемъ съ удовольствіемъ всегда есмь

къ вашимъ услугамъ готовый
Чистосердовъ.

Тамъ, гдѣ я нахожусь.
Іюня 6 дня, 1769 года.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ IX. ІЮНЯ 23 ДНЯ.

14.

ВѢДОМОСТИ.

Въ Санктпетербургѣ:

СЪ ВАСИЛЬЕВСКАГО ОСТРОВА.

Злонрава, въ превеликой грусти и слезахъ препроводила цѣлой годъ, ожидая возвращенія своего супруга; наконецъ ко утѣшенію ея скорьби онъ возвратился. Друзья его обрадовашись его возвращенію всѣ къ нему съѣхались. *Злонрава* отъ радости была почти безъ ума: но часъ спустя, мужъ ей въ чемъ-то попротивурѣчилъ; она разсердилась, проклинала день своего рожденія и часъ ее съ нимъ брака, и чтобы въ другой переродиться разъ, то посылала она любезнаго своего супруга къ чорту. Супругъ не успѣлъ еще отъ прежняго въ дорогѣ оправиться безпокойства, и для того въ такой дальней ѣхать путь не осмѣлился, хотя жена и поминутно его туда отправляла. Друзья его удивясь такой перемѣнѣ, спрашивали ее: для чего она въ отсутствіи мужа своего всегда о немъ плакала, а по пріѣздѣ его такъ скоро съ нимъ поссорилась? Она отвѣчала: о томъ-то я и плакала, что не съ кѣмъ было мнѣ браниться.

ИЗЪ КОННОЙ УЛИЦЫ.

Старушка лѣтъ осмидесяти, одна изъ тѣхъ, которыя питаются подаяніемъ добросердечныхъ гражданъ, шла мимо дома нѣкоторой кокетки, и увидя ее у окна оста-

новилась, и стала просить милостины. Госпожа сказала ей: какъ тебѣ нестыдно старушка такъ таскаться, и питаться такимъ худымъ промысломъ; не ужъ ли ты не сыщешь себѣ другаго пропитанія?—Ежели бы я имѣла, сударыня, деньги, такъ бы конечно постыдилась промышлять моимъ ремесломъ: но лучше бы принялась за ваше: ибо лѣтами меня, вы конечно не моложе, а лицу моему также, какъ и вашему, помогли бы искусныя докторы. Вѣть, сударыня, продолжала старушка, деньги-та деньгами же достаютъ. Боярыня осердилась, хлопнула окномъ, и старушкѣ ничего не подала. Старушка пошла и сквозь зубы заворчала: теперь то я узнала, что когда просишь милости, тогда правды говорить не надлежитъ.

ИЗЪ ОФИЦЕРСКОЙ УЛИЦЫ.

Прелеста, молодая госпожа, сидя у окна увидѣла разнощика съ апельсинами, и приказала его кликнуть. Разнощикъ пришелъ. Боярыня десятокъ апельсиновъ за полтину сторговала, и начала чистить; а между тѣмъ, желая надъ нимъ пошутить, стала у нево спрашивать: женатъ ли ты?—Женатъ, сударыня, и троихъ уже имѣю дѣтей. Боярыня спросила: бываютъ ли между крестьянами мужья *рогоносцы*?—А между господами бываютъ ли, сударыня?—Какъ не быть, сказала госпожа, и у меня есть мужъ. Такъ какъ же, сударыня, быть тому межъ крестьянами, что дѣлаютъ господа, отвѣчалъ крестьянинъ. Насъ прикащикъ за ето бы разсѣкъ, ежели бы мы что стали у господъ перенимать: намъ только велятъ работать. Да вѣть за женою усмотрѣть мужу никакъ не возможно, сказала боярыня, естьли она что захочетъ дѣлать. Ваше дѣло господское, вы ето по себѣ,

больше нашева знаете, сударыня, отвѣчалъ разнощикъ почесавшись. А гдѣ живетъ вашъ мужъ?—На своей половинѣ, отвѣчала госпожа; а я здѣсь на своей.—Да развѣ вамъ въ одной-та половинѣ тѣсно, сударыня?—Не очень бы было тѣсно: но ето по модѣ?—Чемужъ дивиться, сударыня, что вашъ мужъ за вами усмотрѣть не можетъ, когда вы такъ отъ него далеко живете.—Дуракъ, перехватила смѣючись госпожа, вѣть я ето не про своего говорила мужа. Такъ виноватъ, сударыня, сказалъ крестьянинъ также усмѣхнувшись; я не растолковалъ, и думалъ что вы говорите про своего мужа. Боярыня разнощику пожаловала два рубли и отпустила.

ИЗЪ КОЛОМНЫ.

Забылъ-честь дворянинъ, находясь въ нѣкоторомъ приказѣ судьею, трудами своими и любовію къ ближнимъ нажилъ довольное имѣніе. Онъ имѣлъ попеченіе о пропитаніи однихъ, и въ тоже время раззорялъ другихъ подобныхъ себѣ по образу, а не по дѣламъ, тварей; его слѣдующими описываютъ красками: неправосуденъ, завистливъ, пронырливъ, прибытокожаденъ, скупъ, жестокосердъ къ бѣднымъ, злоязычникъ, ябѣдникъ и крючкотворецъ; а жена его, какъ сказываютъ, толста, глупа, и проч: короче сказать, оба они составляютъ сокращенное хранилище пороковъ. Онъ подчиненнымъ своимъ ничего не приказываетъ, не сказавъ *во святой часъ*, и не прочитавъ молитву *пресвятой Троицѣ*; водки никогда не пьетъ, хотя бы то было и въ гостяхъ; дѣла подписываетъ перекрестясь, говоря: *честной де крестъ на враги побѣда*, не смотря что тѣ его враги бываютъ иногда законы, истинна, правосудіе, честь и добродѣтель: ибо онъ часто вершитъ дѣла противъ за-

коновъ и истинны; отъ такихъ безпокойствъ онъ и супруга его занемогли. Докторъ прописалъ въ рецептѣ для г. судьи *добрую душу и честь*; а для супруги *разумъ*, сколько онаго потребно для судейской жены; но судья говоритъ: на такія де ненужныя росходы не нажилъ я еще денегъ.

ИЗЪ ТВЕРИ.

Недавно предъ симъ черезъ нашъ городъ проѣхалъ молодой дворянинъ, обучавшейся въ нѣкоторомъ славномъ Нѣмецкомъ Университетѣ разнымъ наукамъ. Онъ о томъ городѣ разсказывалъ намъ чудеса. Мещанинъ нашъ *Чистосердовъ* спрашивалъ у него о нравахъ того народа, о узаконеніяхъ, о обрядахъ ихъ ярмонокъ, и о проч: но онъ ни начто не могъ порядочнова дать отвѣта. Мещанинъ потомъ спросилъ его, чему онъ тамъ обучался? Дворянинъ отвѣтствовалъ, Философіи.—А что такое Философія?—Философія ничто иное есть, какъ дурачество, отвѣтствовалъ ученикъ славнаго Университета; а совершенной Философъ есть совершенной дуракъ.—О! такъ вы съ превеликимъ оттолѣ возвращаетесь успѣхомъ, сказалъ мещанинъ: ибо я нахожу васъ совершеннымъ Философомъ. Дворянинъ усмѣхнувшись отвѣчалъ: *Сократъ*, славной въ древности Философъ, говаривалъ о себѣ, что онъ дуракъ; а я о себѣ того сказать не могу, потому что я еще не *Сократъ*;—объ васъ его другія скажутъ.—А знаете ли вы, спросилъ дворянинъ, какая розница между ученымъ дуракомъ и неученымъ?—Всеконечно знаю, сказалъ мещанинъ: розница между ими та, что ученыя дураки гораздо больше дѣлаютъ вреда государству. И разошлись, дворянинъ поѣхалъ въ путь, а мещанинъ намъ сказалъ: видите

братцы, что и въ славныхъ Нѣмецкихъ Университетахъ разума не продаютъ.

---

* * * *

Судья нѣкоторова приказа покривилъ вѣсы правосудія: онъ въ томъ не виноватъ: а виноватъ подрядчикъ, которой на судѣйскую сторону такъ много положилъ кулей съ мукою, что правосудіе противъ такой тягости устоять не могло; желающія тѣ вѣсы починкою исправить изъ своихъ матеріаловъ, могутъ явиться въ томъ приказѣ.

Прокуроръ *Правдулюбовъ* съ судьею *Криводушинымъ* въ одномъ сидитъ судебномъ мѣстѣ. Судья заразился извѣстною, подъ именемъ акциденціи, болѣзнію; и для того въ рѣшеніи дѣлъ часто съ Прокуроромъ бываетъ несогласенъ. Прокуроръ опасаяся дальнѣйшихъ отъ того слѣдствій, чрезъ сіе объявляетъ: что ежели сыщется искусной въ лѣченіи сихъ болѣзней лѣкарь, и сего судью вылѣчитъ, тому за труды дастъ онъ награжденіе изъ собственныхъ денегъ: ибо судья о лѣченіи сей болѣзни и слышать не хочетъ; желающія помянутаго судью пользовать, могутъ явиться у Прокурора Правдулюбова немедлѣнно.

Въ нѣкоторомъ приказѣ былъ судья: онъ служа въ военной прежде службѣ, привыкъ взятковъ не брать, по чему и здѣлавшись судьею не перемѣнился. Онъ вершилъ дѣла по законамъ, не толкуя оныя въ криво; вѣ-

сы правосудія въ его время ни кулями съ хлѣбомъ, ни мешками съ деньгами покривлены не были. Всѣ удивлялись его ополченію противу искушателей; и наконецъ большія судьи его правосудіе почли гордостію, думая, что онъ не беретъ для того, что не даютъ больше. Гордость его наказали отрѣшеніемъ его отъ того мѣста: онъ о томъ и не тужилъ; на мѣсто его посаженъ другой судья, въ которомъ нималой нѣтъ гордости. Онъ беретъ взятки, не яко взятки, но яко подарки. Вѣсы правосудія въ его рукахъ, а указы въ его устахъ: ибо они говорятъ то, что прикажетъ судья. И такъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ голубь, сидитъ нынѣ ястребъ, о чемъ для свѣденія и объявляется.

Ростовщикъ, прозванной *Жидоморомъ*, отдаетъ изъ процентовъ деньги, подручной закладъ, которой бы въ четверо занимаемой суммы стоялъ; а сверьхъ того заимщикъ, чтобы не позабыть числа когда возметъ деньги, долженъ въ той суммѣ дать вексель, проценты по полушичкѣ только въ день на рубль: кто хочетъ занимать деньги, тотъ можетъ у него явиться.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ X. ІЮНЯ 30 ДНЯ.

15.

Г. ИЗДАТЕЛЬ!

Цѣлую недѣлю у меня денегъ не было ни полушки, но вчера въ вечеру одинъ честной человѣкъ прислалъ мнѣ червонецъ, которымъ онъ мнѣ былъ долженъ. Вы не повѣрите какъ я обрадовался увидя сей блестящей металлъ; я не могъ имъ налюбоваться, повертывалъ ево въ своихъ рукахъ, клалъ въ кошелекъ, вынималъ опять и смотря пристально примѣтилъ, что онъ былъ обрѣзанъ. Ахъ бѣдниньку! вскричалъ я, ты побывалъ уже въ жидовскихъ рукахъ:—по закону Моисееву обрѣзывали только самихъ жидовъ, но они по новѣйшему своему обычаю обрѣзываютъ всѣ червонцы, которые къ нимъ попадаются въ руки. Жалость объяла мое сердце вообразя мученіи, бѣднаго червонца, при обрѣзываніи претерпѣнныя, и будучи отъ того внѣ себя, вскричалъ: О! естьлибъ ты, дарагой червонецъ, со мною могъ говорить, ты бы конечно разсказалъ мнѣ, какъ на свѣтѣ ты обращался, и какъ переходилъ изъ рукъ въ руки? Но онъ былъ безгласенъ. Я пришелъ въ досаду и говорилъ: немилосердая природа! почто ты дала гласъ ласкателямъ, кои сладостными рѣчами въ сердца вливаютъ ядъ? Почто не безгласны красавицы: онѣ настоящія сирены, онѣ плѣняютъ насъ нѣжными словами, обольщаютъ взоръ своею красотою, и ввергаютъ насъ въ презлѣйшія напасти. А злато, сей драгоцѣнной металлъ, безъ коего разрушилося бы все на свѣтѣ, ты жестокая уподобила несмысленной и безсловесной твари. Оно бы подавало намъ нужные совѣты, учило бы какъ его употреблять:—конечно оно бы было лучшимъ нашимъ наставникомъ; ибо когда и бывъ безсловесно, освобождаетъ насъ отъ презрѣнной бѣдности, коей тер-

занія несноснѣе адскихъ мученій и злѣе самой смерти; даетъ намъ разумъ, чины, почтеніе, и возводитъ иногда на высочайшія степени, возстановляетъ миръ въ государствахъ, возвышаетъ, низвергаетъ:—словомъ, оно все можетъ. - - - - Ахъ природа! - - - какъ ты несправедлива! - - - - - Отъ сильнаго волненія я ослабѣлъ, пришелъ въ забвеніе и заснулъ. Но хотя утомленные члены и вкушали сладость покоя, однако сонъ не истреблялъ смущенія изъ моихъ мыслей. Я тѣ же повторялъ слова; - - - но вдругъ радость и удивленіе подали отраду моему сердцу, желаніе мое исполнилось, червонецъ началъ говорить:

Что ты отъ меня услышать хочешь? Я довольно вѣдаю, что люди не любятъ слушать, когда говорятъ имъ правду; но я лесть презираю. Повѣсть моя тебѣ покажетъ сколько вы не постоянны, и что на свѣтѣ все превратно. Когда меня взяли со дна Пактола, коего прозрачныя струи протекали въ Лидіи, тогда люди не столько еще были жадны ко злату, какъ нынѣ; одинъ только Крезъ собиралъ сокровища, а большая часть его подданныхъ упражнялися въ трудахъ, и наслаждалися спокойною жизнію. Я былъ положенъ въ природномъ моемъ видѣ въ сокровищахъ Крезовыхъ, и долгое время не видалъ никого изъ смертныхъ, кромѣ стражей; на конецъ увидѣлъ премудраго мужа Солона, и слышалъ разумной его отвѣтъ надменному богатствомъ своимъ Крезу, и почитающему себя щастливѣйшимъ изъ смертныхъ, онъ говорилъ: *Никто до смерти щастливымъ себя назвать не можетъ*. Сіе збылось; я видѣлъ побѣжденнаго Креза влекомаго на казнь; а сокровища его оставленныя на расхищеніе побѣдителямъ. Тогда въ перьвой разъ я попался въ руки немилосердаго ваятеля: онъ меня несказанно мучилъ огнемъ и своими орудіями, и на конецъ здѣлалъ изъ меня медаль, на коей изображалось паденіе Лидійскаго царства, и побѣда Персидскаго Монарха Кира. Я былъ въ Кировыхъ рукахъ, потомъ пренесенъ въ чертоги Персидскихъ Царей, гдѣ съ другими медалями и драгоцѣнными вещами лежалъ до самаго того времени, какъ Александръ Македонской

послѣдняго Персидскаго Царя Дарія побѣдилъ, и содѣлалъ конецъ Персидской монархіи. Я не попался въ руки побѣдителей: одна Персіянка, жившая въ Царскомъ домѣ, или любя медали, или изъ сребролюбія, зарыла меня въ землю со многими драгоцѣнностями, и конечно хотѣла послѣ употребить въ свою пользу. Но по опредѣленію судьбы я въ видѣ медали и другія со мною положенныя вещи весьма долго были сокрыты въ земныхъ нѣдрахъ; и я за щастіе себѣ почиталъ, что остался въ покоѣ, ни мало не желая видѣть свѣтъ, коего превратность довольно могъ примѣтить изъ паденія немалыхъ областей. Однако судьба, всѣмъ управляющая по своенравію, захотѣла разрушить мое спокойство, коимъ я многіе столѣтія наслаждался. Меня вырылъ одинъ Алхимистъ, и любуясь моею древностію за тѣмъ, что вы рѣдкость любите, хотѣлъ меня везти въ кабинетъ къ какому то королю. Но какъ всѣ люди непостоянны, то и мой Алхимистъ раздумавъ далеко везти древнюю медаль. взялъ меня и разплавилъ. Я принужденъ былъ терпѣть несноснѣйшія мученія: ибо онъ изыскивалъ, какъ мое золото отлично отъ нынѣшняго, и огнемъ и водою, и всѣмъ, что ему приходило на умъ, меня пробовалъ; на конецъ не нашедъ ничего, оставилъ моихъ товарищей медалями, а меня здѣлавъ простымъ кускомъ золота, продалъ жиду, которой везучи очень далеко, привезъ во Францію. Жители сея страны мнѣ были незнакомы, и одежда оныхъ казалась весьма отлична отъ Лидійской, Персидской и Македонской. Израильтянинъ продалъ меня Французскому золотыхъ дѣлъ мастеру. Я не могъ надивиться, съ какимъ искусствомъ продавецъ по вѣтхому, а купецъ по новому законамъ другъ друга обманывали. Сей мастеръ былъ весьма хитръ на выдумки, и такія дѣлалъ вещи, о коихъ я прежде и понятія не имѣлъ. Я видѣлъ всѣ Крезовы сокровища, всѣ великолѣпіи Персіянъ; однако не зналъ, что такое называютъ галантереями; но новой мой хозяинъ о всемъ вѣдалъ, и умѣлъ дѣлать всѣ модныя вещи. Не пробылъ я еще и двухъ часовъ у сего Француза, какъ увидѣлъ пришедшаго къ нему щеголя; у него волосы были всклo-

чены и здѣланы изъ нихъ разныя кудри, и осыпаны какимъ то бѣлымъ порошкомъ; я послѣ свѣдалъ, что вы жители нынѣшнихъ временъ, сіе называете пудрою, и что ни одна разумная голова безъ ней обойтись не можетъ. Однимъ словомъ, платье ево, разное кривлянье и безпрестанная говорливость меня удивили; и его бы конечно почли шутомъ въ Лидіи любезномъ моемъ отечествѣ, о коемъ я уже болѣе и не слыхалъ. Онъ заказалъ моему хозяину здѣлать самую модную золотую табакерку, и далъ женской портретъ, которой велѣлъ въ нее вставить. Сіе дѣло касалось до меня: я опять сталъ терпѣть мученіе, прибавили ко мнѣ много смѣси, и здѣлали изъ меня табакерку, кою хозяинъ называлъ самою модною. Я тогда еще не понималъ, что такое мода, да и нынѣ точно не знаю; или вы модою называете управляющую вами глупость? Щеголь тотчасъ прилетѣлъ, схватилъ меня въ руки, и поднимая плеча, ужимая губы, и махая руками, кричалъ страстнымъ голосомъ, что я не оцѣненная табакерка для того, что во мнѣ портретъ его любовницы. Не зналъ я и того, что называли любовницынымъ портретомъ: но на конецъ свѣдалъ, что то было изображеніе лица той женщины, съ которою любовникъ чаще бываетъ вмѣстѣ, нежели съ другими, больше съ нею говоритъ, болѣе ей лжетъ, и чрезъ всѣ происки старается ее обмануть. Француской щеголь припрыгнувъ раза три, приткнувъ свои губы къ сему портрету, и разплатясь съ золотаремъ, влезъ въ ящикъ здѣланной на четырехъ колесахъ, или по вашему въ карету, и пріѣхалъ домой. Все, что ни представлялось моимъ глазамъ, казалось мнѣ очень странно и смѣшно. Я съ начала всѣму дивился, но на конецъ разсмотря все подробно, пересталъ удивляться модным вещамъ и сравнивать ихъ употребленія съ древними мнѣ извѣстными обычаями; а сталъ вникать во нравы моихъ хозяевъ, коихъ у меня не мало перебывало.

Сей перьвой мой хозяинъ съ утра до вечера ѣздилъ по городу, и волочился за всѣми красавицами; однако не подумай, чтобъ онъ ихъ долго любилъ, ибо на не-

дѣлѣ раза по два онъ перемѣнялъ портретъ, которой въ меня вставливался; и мнѣ иногда было досадно, что онъ на мѣсто прекраснова, вставливалъ портретъ дурной: но что о семъ и говорить, извѣстно всѣмъ непостоянство сихъ господъ. Мой хозяинъ былъ при томъ и страстной игрокъ, и по нещастію проигравъ всѣ деньги, схватилъ меня дрожащими руками, уронилъ на полъ, разшибъ портретъ, а меня согнулъ. Осердясь еще болѣе на свое нещастіе, поставилъ меня на карту въ половинной цѣнѣ, и проигралъ съ оника.

Выигрывшей меня видя, что я не могу отправлять прежней должности, и имѣя бриліанты, велѣлъ здѣлать серьги. Меня употребили въ сію работу, раздробили на части, и вставя каменья, здѣлали двѣ серьги: половина моего существа сгорѣла, а остатки остались у мастера. Вотъ я сталъ опять въ новомъ видѣ: серьги вдѣла въ уши кокетка, и я было радовался, что бывъ столь близко ушей такой женщины, могу слышать всѣ рѣчи, кои ей безпрестанно шептали на ухо мущины. Но послѣ узналъ, что то были такія маловажности, которыя не стоятъ того, чтобъ о нихъ и говорить; однако довольно могъ примѣтить, что ежели волокиты обманываютъ много женщинъ, то и кокетки ихъ обманываютъ еще гораздо больше.

Естьли подробно описывать всю мою жизнь, то произойдетъ великая книга; знайте же, что бывъ серьгами, былъ въ ушахъ женщинъ разныхъ нравовъ, былъ у жеманныхъ, у простинькихъ и мало у разумныхъ. Послѣ сего выломавъ каменья изъ сихъ серегъ употребили въ складень, а изъ меня художникъ здѣлалъ малинькую печать на коей было изображеніе купидона. Повѣритель, что въ семъ видѣ я перебывалъ болѣе, нежели во ста рукахъ: то служилъ волокитамъ, которые запечатывали мною всѣ свои мнимые вздохи, слезы отчаянье; то снимали меня съ ихъ часовъ красавицы, и употребляли на такіе же дѣла; то слуги и служанки укравъ меня продавали новымъ хозяевамъ. На конецъ я состарѣлась изогнулась, попала въ Голландію, и здѣлали изъ меня червонецъ, въ которомъ видѣ я иногда и въ одинъ

день рукахъ въ дватцати перебывалъ. Для окончанія же моей повѣсти, кою сколько ни сокращалъ, но она была довольно велика, скажу, что привезъ меня сюда курьеръ, и вчера проигралъ на биліартѣ вашему знакомому, которой меня къ вамъ прислалъ.

Сей сонъ меня удивилъ, и я проснувшись написалъ его и послалъ къ вамъ Г. издатель, естьли сей бредъ вамъ понравится, то ево напечатайте; естьли же нѣтъ, то издерите или сожгите; судьбину ево оставляю на вашу волю.

Слуга вашъ

22 Іюня. N. N.

ТРУТЕНЬ.
ЛИСТЪ XI. ІЮЛЯ 7 ДНЯ.

16.

СКАЗКА.

Игрокъ здѣлавшійся писцомъ.

Когда-то игроку пришолъ разсудокъ здравой,
На путь стать правой,
И карточное въ вѣкъ покинуть ремесло;
Въ тогдашнее число
Онъ умствовалъ, хвалился,
Въ немъ доброй духъ явился:
И нудилъ сей порокъ попрать.
Съ таво часа игрокъ закаялся играть,
Свалилъ съ себя такое бремя,
И здѣлался писецъ,
Наружу выводилъ дурныхъ дѣлъ многихъ время,
Описывая страсть къ игрѣ, и наконецъ
Припуталъ игроковъ тутъ цѣлое беремя,
Показывая имъ себя за образецъ,
Наставя етому нещетно плѣмя
Строкъ;
И такъ игрокъ
Предупредилъ злой рокъ,
Не картамъ сталъ платить оброкъ,
Какъ въ прежни годы
Сыскалъ дорогу самъ сбирать доходы;
Не противъ банка шедъ фортуной рисковалъ,
Не карты тасовалъ,
А съ оника верняй по сотнѣ убивалъ.
Но мы не говоримъ, какъ съ щастьемъ онъ сдружился;
Мы знаемъ только то: писать вооружился.
Лишъ въ руку взялъ перо,
Откуда полилося

И злато и сребро,
Откуда набралося,
Не малое добро!
Ужъ риторъ мой высоко
Вздымаетъ горду бровь;
Уже подъемлетъ око
На нѣжную любовь.
Пришла зараза вновь,
Ево вспылала кровь.
Какою роскошью ему дни полны стали!
Какія случаи къ веселью подавали!
Любовники часовъ сихъ лучше не желали,
Всечастно вмѣстѣ быть,
Всечастно говорить:
Онъ видитъ страсть свою красавицею внятну,
И слышитъ рѣчъ къ себѣ изъ устъ ее пріятну.
Сколь много смертной сей благополученъ былъ!
Въ какой у щастія сладчайшей нѣгѣ жилъ?
Противныхъ случаевъ въ то время не бывало,
Тѣмъ щастіе ево со всѣмъ избаловало,
И что дурнова въ немъ ни есть,
Все то подщпились произвесть.
Любовь, достатокъ, честь
Они ево переродили,
И возгордили,
Пудовъ десяткомъ всѣхъ дурачествъ наградили;
Не помня о своей ни мало онъ судьбѣ,
Подумалъ въ стотъ разъ не меньше о себѣ,
Что сынъ онъ Феба,
А Фаетонтъ за гордость сверженъ съ неба.
Писателю сему случился рокъ,
Подобно строгъ,
Чуть не былъ сверженъ онъ съ своей степени
За то: — не дѣлай щастью пѣни;
Но ето не порокъ:
Вотъ приключеніе, изъ сихъ что узримъ строкъ:
Внѣ града домъ стоялъ, домъ всѣхъ родовъ веселья,
Гдѣ время проводить удобно отъ бездѣлья;
Въ одинъ день былъ тутъ балъ,

Писецъ на всѣхъ такихъ веселіяхъ бывалъ,
И тутъ онъ быть случился!
А, то читатели, я вамъ сказать забылъ,
За свой рубль всякой тутъ хозяинъ былъ,
И чѣмъ хотѣлъ, то тѣмъ и веселился,
Одинъ писатель сей казаться важнымъ тщился,
Чрезъ чуръ бодрился.
Веселыя свою игорку завели,
Угадывать рубли;
Тутъ всѣ, кто денежки имѣли,
И тутъ игорку разумѣли,
Играть подсѣли.
Но помните ли, что я выше доносилъ:
Мой риторъ твердо какъ не брать картъ въ руки клялся,
Да слова не здержался,
Совѣту своего разсудка не спросилъ;
Жаръ прежній ко игрѣ опять въ нево вселился,
Въ груди за шевелился:
Онъ клятву всю свою тутъ въ мигъ перекусилъ,
Играть пустился,
Великимъ счастіемъ себя и въ етомъ льстилъ
Да сотни полторы немѣдленно спустилъ;
Бездѣлки по ево доходу онъ лишился,
Однако не стерпѣлъ,
Еще играть хотѣлъ;
Въ карманѣ денегъ нѣту,
Онъ бралъ у всѣхъ своихъ пріятелей манету,
И ету
Всю тожъ спустилъ;
Привязанъ сталъ къ игрѣ онъ снова,
И чувствовалъ досадъ тьму проигрыша злова,
Краснѣлъ,
Блѣднѣлъ
Имѣя звѣрски взгляды,
Рвалъ карты онъ съ досады,
И сталъ съ лица
Похожъ на мертвеца!
Но гдѣ на проигрышъ искать управы,
Имѣютъ игроки разсудки здравы;

У нихъ свои уставы,
Превозмогая жаръ и хладъ,
И стыдъ и гладъ,
Пускаются въ игру безъ денегъ на закладъ.
Писатель важной сей въ то время правилъ
Порядокъ игрока,
Ево не дрогнула рука,
Часы на карту ставилъ;
Но тотъ, которой банкъ мѣталъ,
Усталъ,
Часовъ играть не сталъ,
И съ мѣста всталъ,
Откланялся, отговорился;
Писецъ вздурился,
Писецъ вскружился,
Писецъ озлился
И разхрабрился,
Гнѣвъ лютый ощущалъ,
Цѣнити игрока пустился;
Игрокъ молчалъ,
Писецъ бранился,
Игрокъ спущалъ,
И въ шутку всѣ слова писцовы обращалъ,
Да рокъ сіе не такъ скончалъ;
Присловица у насъ въ размолвкѣ всякой:
Красна брань дракой,
Побоища и тутъ себѣ рокъ въ жертву ждетъ;
Писецъ сердитъ слыветъ,
Да силы нѣтъ;
Игрокъ ево сильняе,
Да онъ смирняе.
Писецъ
Хоть былъ хитрецъ,
Хоть былъ мудрецъ,
Умѣлъ и лепѣтать бормочатъ какъ въ Парижѣ,
Да ростомъ ниже;
А тотъ игрокъ
Довольно былъ высокъ,
И прихватить ему писца за кудри ближе:

Но риторъ мой сего не разсуждалъ,
Примѣтить было можно съ виду,
Досадой онъ пылалъ,
Отмстить желалъ
Свою обиду,
И на соперника отважно наступалъ,
Ево клѣпалъ,
И какъ смола ко платью
Льнулъ,
Такъ онъ своей гордяся знатью,
Слова ко игроку всѣ гнулъ;
Сыскалъ словцо, кольнулъ,
Какоюжъ статью
Ту рѣчь употребилъ?
А вотъ: онъ игрока, сказалъ, когда то билъ! - - -
Надулъ игрокъ тутъ губу,
Представилъ рожу грубу,
И здѣлалъ брань сугубу!
Хоть въ сказкѣ бредятъ ложь, а я вамъ здѣсь не лгу:
Игрокъ не захотѣлъ остаться въ семъ долгу.
Отвѣтъ его: «ага! такъ видно
«Безъ драки намъ не можно обойтись,
«Я не оставлю такъ съ тобою разойтись:
«Знай, ето для меня ни мало не обидно,
«И не намѣренъ я за то пенять,
«А дерзость я твою хочу теперь унять;
«И есть мнѣ вотъ резонъ къ тебѣ прибраться,
«Съ тобой подраться:
«Ты сказываешъ: билъ меня давно,
«Чему не можно статься;
«Да ето все равно,
«Ты въ мысляхъ билъ меня и лежа на постелѣ,
«А я здѣсь въ самомъ дѣлѣ
«Тебя поколочу,
«Чѣмъ долженъ я тебѣ, то тѣмъ я заплачу,
«И станемъ оба мы другъ другомъ биты,
«И будемъ мы съ тобою квиты.
Тутъ подлинно игрокъ ужъ больше не шутилъ,
И не были слова его пустыя,

*

Онъ ритора схватилъ
За кудри не простыя,
За кудри подвитыя,
Нагнулъ
Палчищею по немъ стегнулъ;
Чемъ такъ его пугнулъ,
Что риторъ мой вздрогнулъ!
Потомъ о! случай жалкой,
Игрокъ каралъ его нещадно палкой.
Тяжелая рука,
Махала не слегка,
И здѣлала ему и спину и бока
Подобно пуху;
Умалилъ нѣсколько спесиваго въ немъ духу.
Писцу была
Месть ета не мала,
Вредна довольно,
Побитъ онъ больно;
Не нарушай свою въ предь клятву своевольно.
Игрокъ къ побоямъ симъ еще прибавилъ зла,
Подъ страхомъ запретилъ ему тавожъ жезла
Симъ впредки не хвалиться.
Писецъ толь строгою судьбой,
Отъ сихъ поноснѣйшихъ побой,
Въ другую свѣта часть изволилъ удалиться.

ВОЗДАЯНІЕ.

Побѣду одержалъ надъ риторомъ игрокъ,
Попуталъ ритора конечно гнѣвной рокъ,
Что онъ переступилъ объ картахъ свой зарокъ
Мы въ утѣшеніе побитаго героя,
Прикрасу новую состроя,
И новомоднаго покроя,
Изъ винъ, червей,
Бубенъ, жлудей,
И всей картежной масти,
Возмемъ по равной части;
А вмѣсто лавръ къ тому на каждой позвонокъ,
Приткнемъ клѣнокъ,
И сплѣтемъ сему побитому вѣнокъ,

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ XII. ІЮЛЯ 14 ДНЯ.

17.

СКАЗКА.

Стыдъ хулителю.

Не въ давны времена, не въ прежни годы,
Но въ сей златый нашъ вѣкъ,
Прославился одинъ ученой человѣкъ.
Вы спросите тотчасъ, какой онъ есть породы?
На то скажу въ отвѣтъ:
Ни лѣтъ,
Ниже примѣтъ
Въ запискѣ нѣтъ;
Не знаю я онъ младъ иль сѣдъ,
Иль внукъ иль дѣдъ,
Да въ томъ и нужды нѣтъ;
Намъ дѣлъ его потребенъ слѣдъ.
Ученой сей, какимъ-то рокомъ,
Втирался ль бокомъ,
Тянулся ль блокомъ,
Взмостился мыслію на Геликонъ!
И тутъ, какъ посвящалъ свой трудъ онъ Музѣ,
Пригрѣзился ему пріятной сонъ,
Что будто онъ
Уже со Таліей въ союзѣ,
Не зритъ ни въ чемъ себѣ препонъ.
Мечтаніе сіе ещебъ продлилось,
Да самолюбіе въ него вселилось,
Перервало сей сонъ;
Ученой заразясь такимъ порокомъ,
Взирать на всѣхъ сталъ гордымъ окомъ,
Сверхъ силы трудъ а онъ стремится къ славѣ течь,
Введеньемъ въ рѣчь,

Слогъ самый новый моды:
И дѣлаетъ доводы
На всѣ похвальныя писателей дѣла,
Что важность въ нихъ мала:
Онъ ихъ современникъ и разсуждаетъ точно
Въ чемъ мысль не далека,
Что писано съ легка,
И что чрезъ чуръ порочно,
Да только хулитъ всѣхъ за очно,
А въ очи нѣтъ.
Онъ знаетъ свѣтъ;
Къ похвальному ево такому дару,
Пристала ложъ подъ пару.
Онъ спутникомъ своимъ ее нарекъ,
И сей подпорой сталъ ученой человѣкъ.
Но слава тѣмъ ево не помрачится;
У насъ хвала,
На всякія дѣла,
Въ какомъ бы родѣ ни была,
Не все по хорошству, по щастію случится;
Подобно и хула
Чему помчится,
Не все по дурнотѣ:
Иной бываетъ разъ и по нещастью;
Все въ свѣтѣ суетѣ
Подвержено живетъ. Да чемъ же? - - - горькой частью,
Случается сіе такой напастью;
Какая вещь нибудь, да кто побольше насъ,
Похулитъ разъ;
Пускай то хулить не годится:
Но онъ желаетъ такъ,
То можетъ на ево случилось смакъ.
Чемужъ дивиться,
Одно лишь слово онъ изволь употребить,
Охотники къ тому найдутся подсобить.
Отъ етова хула родится,
И не замѣдляся по всюду расплодится;
Одни въ угодность тутъ,
Къ хулѣ прильнутъ,

Хулу къ хулѣ приложатъ,
Хулу хулой помножатъ,
И пустятъ правдой въ свѣтъ;
Другимъ до истинны ни мало нужды нѣтъ;
Невѣжи на людей глаза лишъ взводятъ
И съ ихъ рѣчей хулу находятъ;
А третьи могутъ слухъ подобной разселить;
Завистники, чтобъ тѣмъ себя повеселить;
Завистникъ ничево не можетъ похвалить.
Какомужъ отъ сего быть можно плоду,
Когда политика вошла здѣсь въ моду?
Есть родъ хулителей еще чудняй сево,
Объ нихъ промолвить не въ обиду,
Учеными почесть ихъ льзя изо всево,
Да только съ виду,
А далѣ разобрать,
То выйдетъ, что они умомъ нездравы,
Въ томъ ищутъ славы,
Что портитъ нравы;
Или ясняй: иныхъ стремятся презирать,
Другихъ хулой марать,
И претворять
Нѣжнѣйшій цвѣтъ въ негодну краску,
Иль на красавицу надѣть дурную маску.
Сказалъ бы вамъ на то побаску,
Да думаю, она пойдетъ въ разгласку,
Хулители тотчасъ къ ней здѣлаютъ привязку,
И дастъ сердитой трусу таску.
Мнѣ разумъ говоритъ, изволька помолчать,
И не ворчать,
Да то вѣщать,
Въ чемъ сказки сила;
А сказка о дѣлахъ ученыхъ доносила.
Читатель, скажетъ мнѣ: умѣлъ де ты зачать,
Умѣй и окончать.
А я не оробѣю,
Похвастаться не смѣю,
А даръ имѣю;
Словцо свое здержу,

Ученой мой заснулъ, ево поразбужу;
Что приключилось съ нимъ, потребно ето вѣдать:
Пріѣхалъ въ гости онъ обѣдать,
Какой гостямъ живетъ пріемъ,
Извѣстно ето всѣмъ;
Хозяинъ гостю радъ, просилъ садиться,
И не гоститься.
Бесѣда тутъ была
Довольно весела,
И были многія между разумныхъ споры,
Съ красавицами всѣмъ пріятны разговоры.
Ученой въ споръ вплелся,
Споръ новой начался;
Разумныя тогда къ ученому подсѣли,
Послушать всѣ хотѣли
Ево разказъ.
Тутъ на ухо ему былъ рока гласъ:
Тутъ приступаешъ къ спору,
Въ такую пору,
Когда ужъ многимъ сталъ знакомъ Парнасъ.
Такъ милости твоей ученой не въ указъ:
Поберегись въ сей разъ!
Ученой гласа не внимаетъ,
Тщеславіемъ пылаетъ,
Оспорить всѣхъ желаетъ:
Онъ рѣчью рѣчь плодилъ,
Тамъ Лирика хвалилъ;
Тутъ хулилъ Драмматиста,
Хулы нанесъ ему пудъ съ триста,
И въ грошъ ево стиховъ поставить не хотѣлъ.
Вотъ рѣчь, какую тутъ ученой велъ:
Писатель сей тѣхъ самыхъ ниже,
Которыя теперь послѣдними въ Парижѣ,
Не только насъ - - -
Въ тотъ часъ
Одинъ изъ тѣхъ гостей сему учену мужу
Разумной положилъ предѣлъ,
И вывелъ тѣмъ ево все знаніе наружу.
Сей гость ученому изъ Лириковыхъ дѣлъ,

Двѣ строфы лучшія по памяти прочелъ.
Тогда хвалами,
Ученой, до небесъ
Тѣ строфы превознесъ;
Другихъ же называлъ творцовъ ослами;
Еще гость строфу тожъ немедлѣнно прочелъ;
Ученой лучшею изъ всѣхъ сію почелъ.
Она была изрядна въ самомъ дѣлѣ;
А онъ хваля ее колико силы въ тѣлѣ,
Сказалъ: Она еще важняе прежнихъ двухъ;
Не поражаетъ ли ума сей строфы слухъ?
Не восхищаетъ ли тѣмъ духъ?
Не льзя сыскать ни въ чемъ подобна слога чиста! - - -
А ета строфа Драмматиста! - - -
Сказалъ гость вдругъ
Сему учёну мужу;
Онъ здѣлалъ тѣмъ ему въ крови велику стужу:
Гнѣвъ, ярость, злоба, стыдъ
Со всѣмъ ученаго перемѣнили видъ;
Ужасно зрѣть, какъ онъ на гостя разъярился,
Но со стыдомъ тотчасъ отъ глазъ ихъ скрылся.

*

Хулитель! ета баснь тебѣ предполагаетъ,
Не хуль и не хвали отнюдъ тово,
Чево
Твой умъ не постигаетъ.

18.

Господинъ издатель!

Хочу васъ увѣдомить о двухъ великихъ важностяхъ, огромныя нещастія въ себѣ заключающихъ. Ужасъ поразилъ мое сердце, какъ только я перо взялъ въ руки для увѣдомленія васъ объ оныхъ. Крѣпись г. издатель, не допускай къ сердцу твоему отчаянія, оно слабымъ только душамъ прилично. Теперь пріуготовь твой духъ ко вниманію лютѣйшаго нещастія. Еще вторично прошу: укрѣпи твое сердце и внимай: Бургомистръ города Б... весьма разгнѣвался на своего Короля. Другое злополучіе еще хуже того: Нѣкто въ Москвѣ на нѣкоторомъ мосту прежде стихи свои продавающій сюда прибывъ, ваши листки называетъ бездѣлицами, въ себѣ ни разума, ни забавы не имѣющими. Ахъ! его критика столько разумна и вамъ вредна, сколько Бургомистровъ гнѣвъ Королю опасенъ! щастіе, на которое какъ то онъ налѣзъ, такъ его ослѣпило, что нынѣ равнаго себѣ въ разумѣ не видитъ. Однакожъ нѣкоторыя на риѳмахъ бредни, имъ изъ разныхъ чужихъ лоскутковъ сшитыя, многіе похваляютъ, можетъ статься не примѣтивъ, что въ нихъ ни цвѣтъ къ цвѣту, ни мысль къ мысли, ни разумъ къ дѣлу неподобраны. Кто хочетъ увидѣть сію правду, тотъ пусть прочтетъ Пегазу прекрасный, нашимъ стихотворцемъ, сочиненный Дифирамвъ.

Я не знаю какъ то здѣшней воздухъ весьма противенъ Аглинскому. Тамъ умные люди съ ума сходятъ, а здѣсь разсудка неимѣющіе разумными представляются. Кто можетъ на риемахъ сказать байка, лайка, фуфайка, тотъ уже печатаетъ оды, трагедіи, елегіи, и проч. которыя, а особливо трагедію Г.* недавно напечатанную полезно читать только тому, кто принималъ рвотное лѣкарство и оно не дѣйствовало. Здѣсь лягушка надувшись можетъ говорить слону, что онъ ростомъ весьма малъ. Подобное сему я нашелъ въ нѣкоторомъ журналѣ въ 24 и 25 недѣлѣ. Въ семъ журналѣ не знаю кто-то такой сердится, что много журналовъ печатается. Видно, что соки его ума уже высохли, когда онъ басни о козленкѣ и прочія изъ Италіанской Венероніевой грамматики печатаетъ; однакожъ говоритъ про другихъ, что они не зная, что писать, чужія журналы повторяютъ. При всемъ томъ, онъ на васъ гнѣваться немалую имѣетъ причину. Ваши журналы здѣлали то, что его листочковъ теперь почти никто не покупаетъ, а ему на новый разживъ деньги надобны.

Въ упомянутомъ журналѣ еще при досугѣ нѣкто бредитъ слѣдующее: отецъ многихъ имѣетъ дѣтей, однако не всѣхъ равно любитъ, и что подобнымъ образомъ и журналы публикою равно любимы быть не могутъ. Онъ отчасти сказалъ правду, узнавъ оную изъ опытовъ на свой щетъ; однако изъ того сравненія заключать не надлежитъ, что когда его и матери его журналы явились въ свѣтъ, то другимъ оныхъ издавать не надлежало. Я увѣренъ, что онъ самъ своему нравоученію не послѣдуетъ, и ежели будетъ имѣть отъ жены своей одного или двухъ любезныхъ сынковъ, то на вѣрно

тѣмъ не будетъ доволенъ, но станетъ стараться и о сочиненіи другихъ. Теперь увидите, г. издатель, какъ за сіе письмо господа критики своими сатирами на насъ вооружатся; но я сего не опасаюсь, да и вамъ бояться не совѣтую.

Слуга вашъ N. N.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ XIII. ІЮЛЯ 21 ДНЯ.

19.

Господинъ издатель!

Ты охотникъ до вѣдомостей, для тово сообщаю тебѣ истинную быль: вотъ она. У нѣкотораго судьи пропали золотыя часы. Легко можно догадаться, что они были некупленыя. Судьи рѣдко покупаютъ; исторія гласитъ, что часы по формѣ приказной съ надлежащимъ судѣйскимъ насиліемъ вымучены были у одной вдовы, требующей въ приказѣ, гдѣ судья засѣдалъ, правосудія, коего бы она конечно не получила, естьли бы не вознамѣрилась разстаться противъ воли своей съ часами.

Въ комнату, гдѣ лежали часы, входили только двое, подрядчикъ и племянникъ судѣйской, человѣкъ приказной и чиновной. Подрядчикъ ставилъ полныя два года въ судѣйской домъ съѣстныя припасы, за которыя три года заплаты денегъ дожидался. Правда, имѣлъ онъ на судью вексель; но помогаетъли крестьянину вексель на судью приказнаго, судью можетъ быть еще знатнаго? Рѣдко вексель дѣйствіе имѣетъ, гдѣ судьи судью покрываютъ, гдѣ рука руку моетъ, для тово что обѣ были замараны. Подрядчикъ хотя невеликой грамотей, однако про ето знаетъ, и для тово пришелъ проспть судью о заплатѣ долгу со всякою покорностію: и въ то то самое время часы пропали. Племянникъ судѣйской, хотя мальчишка молодой, но имѣетъ всѣ достоинства пожилова безпорядочнаго человѣка, играетъ въ карты, посѣщаетъ домы, гдѣ и кошелекъ опустошается и здоровье увядаетъ. Не было собранія мотовъ внѣ и впутри города, гдѣ бы онъ первой между протчими бездѣльствами пьянъ не напивался. Правосудію онъ учился у дяди, которова пришедши поздравить съ добрымъ утромъ, укралъ и часы, о коихъ дѣло идетъ.

Худой тотъ судья, которой чрезъ побои правду изыскиваетъ; а еще хуже тотъ, которой всякія преступленія низкой только породѣ по предубѣжденію приписуетъ, какъ будто бы, между благорожденными не было ни воровъ, ни разбойниковъ, ни душегубцовъ. Случающіяся примѣры противное доказываютъ, и одинъ прощелыга, обращающейся довольно въ свѣтѣ, утверждаетъ, что больше бездѣльства и беззаконія между дворянами водится, нежели между простымъ народомъ, называемымъ по несправедливости подлостью. Подлой человѣкъ, по мнѣнію его, есть тотъ, которой подлыя дѣла дѣлаетъ, хотябъ онъ былъ Баронъ, Князь, или Графъ; а не тотъ которой рожденъ будучи отъ низкостепенныхъ людей добродѣтелью, можетъ быть, многихъ титлоносныхъ людей превосходитъ.

Кто добродѣтелью превыситъ тьму людей,
Не знаетъ славнѣе породы тотъ своей.

Судья хватившись часовъ, и не находя ихъ, по пристрастію разсуждаетъ про себя такъ: «Я хотя и гра-«битель въ противность совѣсти и государскихъ ука-«зовъ; однако самъ у себя красть не стану; племян-«никъ мой такъ же не украдетъ: онъ человѣкъ благо-«родной, чиновной, а пуще всего мой племянникъ. «Другихъ людей здѣсь не было; конечно часы укралъ «подрядчикъ, онъ подлой человѣкъ, мнѣ противенъ; «я ему долженъ». Заключилъ, утвердился, и опредѣлилъ истязывать подрядчика, хотя сего дѣлать никакова права не имѣлъ, кромѣ насильственнаго права сильнѣйшего.

Г. издатель! Видно, что сей судья никогда не читывалъ книги, *о преступленіяхъ и наказаніяхъ* (des delits et des peines), которую бы всѣмъ судьямъ на изусть знать надлежало. Видно, что онъ никогда не заглядывалъ въ тѣ указы, кои безпристрастнымъ быть повелѣваютъ. Разсуждая по сему и по многимъ другимъ подобнымъ судьямъ, кажется, что они такія люди, кои уреченныя только часы въ приказахъ просиживаютъ, а о прямыхъ своихъ должностяхъ, какъ о Сирскомъ и о Халдейскомъ языкахъ, не знаютъ. О просвѣщеніе даръ

небесной! расторгни скорѣе завѣсу незнанія и жестокости, для защищенія человѣчества.

Уже страдаетъ подрядчикъ подъ побоями судѣйскими, и плѣти отрывая кожу кусками, адское причиняютъ ему мученіе. Чѣмъ больше невинной старается оправдать себя клятвами и призываніемъ Бога во свидѣтели, тѣмъ сильнѣе виноватой повелѣваетъ его тиранить; чѣмъ больше подрядчикъ проситъ, плачетъ и стонетъ, тѣмъ безжалостнѣе судья усугубляетъ его мученіе. Бѣдной подрядчикъ, чувствуя свою душу приближившуюся къ гортани, и скоро изъ устъ выйти хотящую, не имѣя силы больше переносить мученія, принужденъ былъ на конецъ признаться въ похищеніи часовъ судѣйскихъ, и чрезъ то прекратилъ чинимую надъ собою пытку.

Не столько любуется щеголиха новомоднымъ и въ долгъ здѣланнымъ платьемъ, въ коемъ она въ первой разъ на гульбище подъ Дѣвичей монастырь для плѣненія сердецъ поѣхала; не столько радуется господчикъ *Стозлый*, когда ему удастся здѣлать вредъ кому нибудь изъ тѣхъ, коихъ онъ для глупой своей любовницы по пристрастію ненавидитъ: не столько восхищался *Злорадъ* при представленіи гадко переведенной своей комедіи: не столько веселится монахъ, когда случится ему свѣтское что нибудь здѣлать, какъ порадовался нашъ судья, подрядчикову мнимому воровству: ибо онъ уповалъ не только не заплатить тово, чѣмъ онъ подрядчику былъ долженъ; но еще подрядчика здѣлать себѣ должнымъ. Въ самомъ дѣлѣ въ тужъ минуту со всѣмъ судѣйскимъ безстыдствомъ наблюдатель правосудія здѣлалъ слѣдующее предложеніе подрядчику: « Есть-
« ли ты не согласишься тотчасъ изодрать моего векселя
« и не дашь мнѣ на себя другова въ двухъ тысячахъ
« рубляхъ, то ты будешъ за воровство свое въ трехъ
« застѣнкахъ и сосланъ на вѣчную работу въ Балтій-
« свой портъ. Все сіе съ тобою исполнится непремѣнно,
« я тебя въ томъ честнымъ, благороднымъ и судѣйскимъ
« словомъ увѣряю. Но естьли здѣлаешъ то, чево отъ
« тебя между четырехъ глазъ требую, то будешъ сей
« же часъ свободенъ, и твое воровство не пойдетъ въ

« огласку: а для заплаты двухъ тысячь рублей, даю те-
« бѣ сроку цѣлой годъ: видишъ, какъ съ тобою чело-
« вѣколюбиво и Христіански поступаю; иной бы при-
« нудилъ тебя заплатить и пять тысячъ рублевъ за твое
« бездѣльство, да еще и въ самое короткое время».

Истерзанной подрядчикъ обливаяся слезами, и произнося всѣ на свѣтѣ клятвы, старается сколько можно доказать свою невинность; и признаніе въ кражѣ, говоритъ онъ, учинилъ для того, чтобъ избавиться хотя на минуту несноснаго мученія; увѣряетъ, что не только не можетъ онъ заплатить въ годъ двухъ тысячъ рублей, требуемыхъ неправедно, но что все его имѣніе почти въ томъ и состоитъ, чѣмъ его превосходительство ему долженъ, что получивши сей долгъ располагалъ онъ заплатить положенной на него Государевъ и боярской оброкъ; а потомъ себѣ, женѣ и малолѣтнымъ своимъ дѣтямъ нужное доставить. Отъ сихъ словъ пылаетъ нашъ судья гнѣвомъ и яростью; и невиннаго подрядчика въ свой приказъ, яко пойманнаго вора и признаніе учинившаго, при сообщеніи отсылаетъ. Весьма скоро отправляются дѣла въ тѣхъ приказахъ, въ коихъ судьи сами истцами бываютъ, и рѣдко случается отъ протчихъ судей противорѣчіе въ томъ, что одному изъ нихъ надобно, хотя бы то было со всѣмъ несправедливо. Собака собаку лижетъ, и воронъ ворону глазъ не выклевываетъ. Въ тотъ же самой день опредѣленіе подписано было всѣми присудствующими чтобъ допрашивать подрядчика подъ плѣтьми вторично: и въ тотъ же самой день сіе бы исполнено было, естьлибъ къ щастію подрядчика не захотѣлось судьямъ обѣдать; ибо былъ второй по полудни часъ, и естьлибъ на другой день не было Вербнаго воскресенія, и по немъ страстной и святой недѣль, въ коихъ не бываетъ присудствія.

Подрядчикъ, заклепанной въ кандалы и цѣпь, брошенной со злодѣями въ темной погребъ, плачетъ не утѣшно; а съ нимъ купно рыдаютъ жена его и дѣти: слезы его тѣмъ обильнѣе текутъ, чѣмъ больше увѣренъ онъ во своей невинности; а воръ, племянникъ судьи-

свой, въ то самое время рыская по городу, присовокупляетъ безъ наказанія къ прежнимъ злодѣйствамъ еще новыя бездѣльства. Украденныя часы проигралъ онъ нѣкоторому картошному мудрецу, которой со всѣми своими въ картахъ хитростями бѣдняе еще Рускихъ комедіантовъ. Картошной мудрецъ заложилъ ихъ на два дни одному Титулярному Совѣтнику, которой по Титулярной своей чести и совѣсти только по гривнѣ за рубль на каждой мѣсяцъ процентовъ беретъ. Совѣтникъ продалъ ихъ въ долгъ за двойную цѣну одному придворному господчику, которой имѣетъ въ годъ доходу три тысячи рублей; а проживаетъ по шести, надѣясь, что дворъ заплатитъ всѣ его долги за вѣрную и рѣвностную службу, которая состоитъ въ томъ, что будучи дневальнымъ роздастъ иногда кушанье, да и то непроворно и неопрятно. Придворной господчикъ подарилъ ихъ своей любовницѣ, всѣми чувствами его ненавидѣвшей, которая въ недѣлю святой пасхи отдала оныя вмѣсто краснаго яица Прокурору того приказа, гдѣ содержался подрядчикъ, чтобъ Г: Прокуроръ постарался утѣснить ее отца, отъ котораго она убѣжала.

По прошествіи праздниковъ, засѣданіи въ приказахъ начался, и день для подрядчикова истязанія и свобожденія на конецъ насталъ. Судьи съѣхались, подрядчикъ къ мученію былъ уже приведенъ, какъ Прокуроръ пріѣхавши послѣ судей, и удивившись раннему ихъ съѣзду, вынулъ часы для провѣданія времени. Судья истецъ и другія присудствующія, тотчасъ узнали украденныя часы, и безъ всѣхъ справокъ положили, что подрядчикъ оныя продалъ той особѣ, отъ которой ихъ Прокуроръ получилъ; а чтобъ подрядчика доказательнѣе въ воровствѣ обличить, то отправили Секретаря у оной госпожи взять росписку въ покупкѣ часовъ у подрядчика, коего между тѣмъ начали подъ побоями допрашивать о слѣдующемъ: «не былъ ли кто изъ богатыхъ купцовъ «съ нимъ въ умыслѣ? Не крадывалъ ли онъ и прежде «сего? Кому продавалъ краденныя имъ вещи? и пр:». Распросы сіи дѣлались, какъ сказываютъ, для того, чтобъ изъ бездѣлицы здѣлать великое дѣло, которое

бы, можетъ быть, никогда не вершилось, и чтобъ во оному припутать зажиточныхъ людей, отъ коихъ можно бы было наживаться.

Покаместъ Секретарь о путешествіи часовъ освѣдомлялся, подрядчикъ мучимой насказалъ то, чего никогда не дѣлалъ, и допросы, въ трехъ тетратяхъ едва умѣщенныя, показали ясно, сколь много лишняго въ приказахъ пишутъ, что не всегда нужны побои ко изысканію злодѣянія, и что одинъ золотникъ здраваго судѣйскаго разсудка, больше истины открываетъ, нежели плѣти, кошки и застѣнки.

Удивились судьи, когда Секретарь донесъ и доказалъ что часы у дяди своего укралъ племянникъ; а читатель безпристрастной удивится еще больше тому, что приказной Секретарь не покривилъ душею, и поступилъ совѣстно; но паче всего должно дивиться рѣшенію судѣйскому съ тѣмъ мотомъ, которой укралъ часы и съ невиннымъ подрядчикомъ дважды мучимымъ. ПРИКАЗАЛИ: вора племянника, яко благороднаго человѣка, наказать дядѣ келейно; а подрядчику при выпускѣ объявить, что побои ему впредь зачтены будутъ.

Повѣсть сія доказываетъ, г. издатель, что ничего нѣтъ для общества вреднѣе глупыхъ, корыстолюбивыхъ и пристрастныхъ судей, на которыхъ прошу тебя написать такую колкую сатиру, чтобы они всѣ устыдившись своего невѣжества, старались быть таковыми, какими имъ быть повелѣваютъ честь, совѣсть и государскія законы.

Покорный твой слуга
N. N.

Москва
1769 году.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ XIV. ІЮЛЯ 28 ДНЯ.

20.

Надпись (*) къ роще Его Превосходительства Льва Александровича Нарышкина.

Не гордость сей лѣсокъ прекрасный представляетъ,
Не кедръ, не лавръ ево, не пальма составляетъ,
Березокъ и кленковъ пріятнѣйшая смѣсь,
Природы простоту собой являютъ здѣсь,
И тѣнію мѣста прекрасны покрываютъ;
Подъ коею ручьи извившись протекаютъ.
Во влагѣ чистыхъ водъ синѣютъ небеса,
Изображаются кудрявы древеса;
Тамъ роза на свои пріятности взираетъ,
Зефиръ любуяся въ листкахъ ея играетъ,
Зеленыя дуга, прекрасныя цвѣты,
Изобразили всей природы красоты.
Прохожій, ежели отъ солнечнаго зноя
Убѣжища себѣ желаешь и покоя,
Въ лѣсочикъ сей склонись съ пути, и въ мѣстѣ семъ
Увидишь прямо ти прекраснѣйшій едемъ.

21.

ПРОХОЖІЯ.

Прохожихъ трое шли пѣшкомъ:
Одинъ съ рожкомъ,
Другой съ мѣшкомъ,

(*) *Надпись, поставлено для того, что у многихъ новыхъ стихотворцевъ простыя стихи называются надписями; и такъ, чтобы не вдѣлать съ ними въ томъ разности, назвалъ и я свои стихи, надписью.*

А третей съ посошкомъ.
Тотъ въ рогъ трубилъ всей силой,
Другой подъ голосокъ унылой
Подладя пѣлъ.
На Рускомъ пѣсню пѣлъ языкѣ,
Послѣдней въ такту шелъ,
И горло далъ, басилъ, хрипѣлъ.
Пришли къ другой музыкѣ,
Котора на водѣ: габои, флейты тутъ,
Валторны и фаготы,
Игральщики на нихъ, въ рукахъ держали ноты;
Пѣвцы поютъ,
Пловцы плывутъ,
Гребцы гребутъ,
Прохладно вѣтеръ дышетъ,
Отъ сонца жаръ не пышетъ.
По брегу кучами ходилъ, гулялъ народъ,
Французовъ, Нѣмцовъ разныя родъ,
Купцы, подъячія, и словомъ всякій зброд
Въ колясках и пѣшками.
Мои прохожи мужики,
Прямыя дураки,
Зовутъ всѣ женскія корнеты треушками,
А музыкальныя орудія, рожками:
Вотъ Ванька, говорилъ товарищамъ одинъ,
Игранье то въ рожки не такъ какъ ваше.
На то другой: рожки тутъ лутче Анкудинъ!
Замысловато въ томъ не такъ, какъ дѣло наше.
Послѣдній имъ: нѣтъ, мой имѣетъ господинъ
Рога, такъ едакихъ въ пять разъ покраше!
И есть не три не пять, а всѣхъ десятка съ два:
Великія рога, ихъ держатъ ножки,
Рога середнія и маленкія рожки.
Што слышъ-ты, не смудритъ боярска голова!
Однако не въ проносъ чуръ вамъ мои слова,
Такъ наша глупа рѣчь быть сталась такова! - -
Куда бояра-те живутъ прохладно!
И што ни здѣлаютъ у нихъ все ладно.
Надѣлали роговъ, трубятъ въ нихъ складно.

А трудъ, спроси-ка, чей?
Рожечныхъ ковачей.
Я думаю они, когда рога ковали,
Не потъ, да кровь свою ручьями проливали
По днямъ и по ночамъ.
По ихъ рѣчамъ
Имъ стоитъ та работа
Увѣчья, а не пота,
А все боярынѣ припала въ томъ охота;
Да пусть то какъ ни есть,
Помещицѣ рога забава;
А барину отъ нихъ и честь
И слава.

22.

Господинъ издатель!

Пламя войны и между сочинителями возгорѣлось. Вооружились колкими своими перьями г. писатели; вашему Трутню въ прошедшій вторникъ немалое было бомбардированіе. Всякая Всячина добрый вытерпѣла залпъ, Адскую Почту атаковала какая-то неизвѣстная партія. Что касается до моихъ бѣсовъ, то я на оныхъ наступающаго увѣрить могу, что ему ихъ бояться никакой причины нѣтъ, когда онъ человѣкъ честный; ибо добродѣтельнаго человѣка не только мои бѣсы, но и весь настоящій адъ, добродѣтели лишить не можетъ. Я бы сему ихъ непріятелю совѣтовалъ изтребить изъ мыслей то суевѣріе, которое, какъ онъ самъ пишетъ, отъ младолѣтства при немъ обитаетъ; и когда онъ о дѣлахъ, по свойству ихъ, а не по названію разсуждать захочетъ, то можетъ статься имя бѣсовъ не столько ему будетъ противно.

Что касается до пасквиля, который былъ присланъ нѣкоторымъ писателемъ для напечатанія, который ему назадъ отосланъ, и который носится по многимъ рукамъ; то я оный, есть ли когда нибудь явится въ свѣтъ, съ прочими сего рода сочиненіями, предаю на судъ публикѣ, которую я почитая за судью справедливаго, потому,

что читатель обыкновенно меньше бываетъ пристрастенъ, нежели писецъ, увѣренъ, что клевета отъ истинны весьма справедливо будетъ отдѣлена, и останется при своемъ хозяинѣ. Извѣстно всѣмъ, что и между сочинителями бываютъ люди разныхъ свойствъ; есть писатели благородные, достаточные и нищіе; послѣдніе будучи разумомъ весьма скудны, всего алкаютъ, и злятся на тѣхъ, кои разсудкомъ достаточнѣе ихъ. Я не только имена сихъ извѣстныхъ мнѣ моихъ клеветниковъ здѣсь умалчиваю, но и ниже какими либо околичностями публикѣ ихъ лица означивать буду: ибо я намѣренъ только доказать мою справедливость, а не бранить публично другихъ.

Ни одно почти разумное сочиненіе не было безъ критики. Ювенала критиковалъ Повзаній ткачъ, Горація Витрувіевъ Архитекторъ, сочинителя Телемака разбранилъ Фандитъ, который былъ у Собиса лакеемъ; однако Телемакъ на вѣки будетъ Телемакомъ; а Фандитъ писателемъ презрѣннымъ, какъ о немъ писалъ славный Рамзей, котораго нижеозначенныя о Фандитѣ слова (*) весьма приличны и моимъ злобнымъ критикамъ.

Я съ моей стороны увѣряю публику, что не буду впредь оную безпокоить отвѣтами, на ругательства злобою на меня устремляемые, зная, что сего рода писа-

---

(*) Рамзей, извѣстный въ учености мужъ, о Фандитовой критикѣ написалъ слѣдующее: On n'y trouve par tout que mauvaise foi, la profonde ignorance de l'auteur, critiques fausses, injures grossieres, fades plaisanteries, chicanes pueriles et on eût pu dire à l'auteur ce que l'illustre M. Rousseau a un homme de pareille trempe:

— — — Et nouvel Erostrate.
A prix d'honneur tu veux te faire un nom.

То есть: въ семъ сочиненіи ничево найти не можно, кромѣ лжи, величайшаго невѣжества авторова, несправедливыхъ критикъ, грубыхъ обидъ, подлыхъ насмѣшекъ и ребяческихъ привязокъ, такъ что можно о семъ писателѣ сказать то, что написалъ славный Руссо о нѣкоторомъ писатележѣ сего рода

— — — Ты новый Ерострат.
Безчестіемъ своимъ быть хочешь всѣмъ извѣстным.

ольмъ чѣмъ нибудь надобно наполнить свои листки; я же съ людьми сей шерсти не только перебраниваться, но и какое нибудь имѣть съ ними дѣло, почитаю застыдъ.

Покорный слуга Б. К.

Господинъ Б. К. Бомбардированіе, здѣланное въ прошедшей вторникъ моему Трутню, мнѣ не страшно; да уповаю, что и г. Всякой Всячинѣ здѣланной залпъ никакова вреда не причинитъ: ибо въ сію противъ насъ войну ополчилося невѣжество. Въ письмѣ господина Д. П. напечатанномъ въ и То и Сьо написано, что госпожа Всякая Всячина выжила изъ ума. Хотя бы ето было и подлинно, то я бы и тогда сказалъ, что гораздо славняе дожившему съ пользою и съ разсудкомъ до глубокой старости лишиться ума, нежели родиться безъ ума. Но сей глубокой древности во Всякой Всячинѣ никто еще не примѣтилъ. Чтожъ касается до моего Трутня, въ которомъ по мнѣнію господина Д. П. ничево нѣтъ, кромѣ язвительныхъ браней, ругательства, и что во ономъ въ наивысочайшемъ степенѣ блистаетъ невѣжество: на то скажу: пусть и То и Сьо похвалятся господиномъ Д. П. и подобными ему; меня ето не прельщаетъ потому, что мое желаніе стремится заслужить вниманіе безпристрастныхъ и разумныхъ читателей.

24.

ЗАДАЧА.

Читатели! прошу рѣшить сію задачу:
Кто дара не имѣвъ, а пишетъ на удачу.
Уменъ или дуракъ?

За прародительски страдая кто грѣхи,
Маратъ безъ стыда прегнусныя стихи.
Уменъ или дуракъ?

Кто въ полустишіи рѣчь цѣлую ломаетъ,
И пишетъ то, чево и самъ не понимаетъ.
Уменъ или дуракъ?

Кто отъ роду не бывъ со музами знакомъ,
Дерзаетъ воспѣвать качели съ семикомъ.
Уменъ или дуракъ?

Кто ползаетъ весь вѣкъ, а мнитъ, что онъ летаетъ,
И вздорныя стихи безъ разума сплетаетъ.
Уменъ или дуракъ?

Кто въ прозѣ и въ стихахъ наставилъ столько словъ,
Которыхъ не свезутъ и тысяча ословъ.
Уменъ или дуракъ?

Кто прозу различить съ стихами не умѣетъ,
Предъ свѣтомъ хвалится, что все онъ разумѣетъ.
Уменъ или дуракъ?

Кто въ сказкахъ написалъ сорокъ намъ, да воронъ,
И вздумалъ о себѣ, что будто онъ Скарронъ.
Уменъ или дуракъ?

Кто хвалитъ самъ себя, а прочихъ всѣхъ ругаетъ,
И въ семъ одномъ свое искусство полагаетъ.
Уменъ или дуракъ?

РѢШЕНІЕ.

Возможно ли, чтобъ тотъ разумно написалъ,
Кто вмѣстѣ съ молокомъ невѣжество сосалъ,
И кто въ поезіи аза въ глаза не знаетъ,
Уже поемы вдругъ писати начинаетъ.
По мнѣнью моему писатель сей таковъ,
Какъ вздѣлъ бы кто кафтанъ не вздѣвъ сперва чулковъ;
И естьли ето такъ,
Конечно онъ дуракъ.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ XV. АВГУСТА 4 ДНЯ.

24.

Племяннику моему Ивану, здравствовать желаю!

На послѣднее мое къ тебѣ письмо, съ лишкомъ годъ дожидался я отвѣта, только и понынѣ не получилъ. Я безмѣрно удивляюся, откуда взялось такое твое о родственникахъ и о самомъ себѣ нерадѣніе. Мнѣ твое воспитаніе извѣстно: ты до двадцати лѣтъ своего возраста старанію покойнаго твоего отца соотвѣтствовалъ. Онъ изъ дѣтей своихъ на тебя всю полагалъ надежду; да и не льзя было не такъ: большой твой братъ, обучаяся въ Кадетскомъ корпусѣ свѣтскимъ наукамъ, чему выучился? Ты знаешъ сколько онъ приключилъ отцу твоему раззоренія и печали. А ты, подъ присмотромъ горячо любившаго тебя родителя, жилъ дома до двадцати лѣтъ, и учился не пустымъ нынѣшнимъ и неприносящимъ никакой прибыли наукамъ, но страху Божію; книгъ, совращающихъ отъ пути истиннаго, никакихъ ты не читывалъ; а читалъ житія святыхъ отецъ и библію. Вспомнишъ ли, какъ тебѣ тогда многія наша братья старики завидовали, и удивлялися твоей памяти, когда наизусть читывалъ ты многихъ святыхъ житія, разныя акаѳисты, каноны, молитвы и проч: и не только мы простолюдимы, но и священной Левитской чинъ тебѣ завидовалъ, когда ты будучи еще сущимъ птенцемъ

шестнадцати только лѣтъ, во весь годъ, кругъ церковнаго служенія зналъ, и отправити могъ службу! Куда ето все дѣвалося! Всеконечно создатель нашъ, за грѣхи отецъ твоихъ, отъялъ отъ тебя благодать свою, и попустилъ врагу нашему злокозненному діяволу искушати тебя и совращати отъ пути ведущаго ко спасенію. Ты стоишъ на краю погибельномъ, бездна адской пропасти подъ тобою разверзается, отецъ діаволовъ разинувъ челюсти свой, и испущая изъ оныхъ смрадный дымъ поглотить тебя хочетъ, аггели мрака радуются, а силы небесныя рыдаютъ о твоей погибели. Ежели то правда, что я о тебѣ слышалъ? Сказывали мнѣ, будто ты по постамъ ѣшь мясо, и оставя увеселяющія чистыя сердца, и духъ сокрушенный услаждающія священныя книги, принялся за свѣтскія. Чему ты научишься изъ тѣхъ книгъ? Вѣрѣ ли не сомнѣнной? безъ нея же человѣкъ спасенъ быти не можетъ? Любве ли къ Богу и ближнимъ? ею же приобрѣтается царствіе небесное? Надеждѣ ли, быти въ райскихъ селеніяхъ, въ нихъ же водворяются праведники? Нѣтъ, отъ тѣхъ книгъ погибнешь ты не возвратно. Я самъ грѣшникъ, вѣдаю, что беззаконія моя превыдоша главу мою; знаю что я преступникъ законовъ, что обкрадывалъ Государя, раззорялъ ближняго, утѣснялъ сираго, вдовицу и всѣхъ бѣдныхъ, судилъ на мздѣ; и короче сказать, грѣшилъ, и по слабости человѣческой еще и нынѣ грѣшу почти противу всѣхъ заповѣдей, данныхъ намъ чрезъ пророка Моисея, и противу гражданскихъ законовъ: но не погасилъ любве къ Богу, исповѣдываю бо Его предъ всѣми Творцомъ всея вселенныя, сотворившимъ небо, землю и вся видимая, всевидящимъ окомъ, созерцающимъ во глубину сердецъ нашихъ: О Ты всесильный,

вселенныя Обладателю! Ты зриши сокрушеніе сердца моего и духа, Ты видиши желаніе слѣдовать волѣ Твоей, Ты вѣдаеши слабость существа нашего, знаеши силу и хитрость врага нашего діявола, не попусти ему погубити до конца твореніе рукъ Твоихъ, посли отъ высоты престола Твоего, спутницу Твою и святыя истины, премудрость, да укрѣпитъ та сердце мое и духъ ослабѣвающій. Сказано: постомъ, бдѣніемъ и молитвою побѣдиши діявола; я исполняю церковныя преданія, службу Божію слушаю съ сокрушеннымъ сердцемъ; посты, среды и пятки всѣ сохраняю, не только самъ, но и домочадцевъ своихъ къ тому принуждаю. Да я и не принужденно, но только по теплой вѣрѣ, и еще прибавилъ постовъ; ибо я, и всѣ домашніи мои во весь годъ, окромѣ воскресныхъ дней ни мяса, ни рыбы не ядимъ. Вотъ каково, кто читаетъ житія святыхъ отецъ! мы во оныхъ находимъ книгахъ, что не однократно изъ глубины адской пропасти, теплыя слезы и молитвы возводили на лоно Авраамле; а ты сего блаженства лишаешься самопроизвольно. Развѣ думаешь, что когда ты не вступишь въ приказную службу, то уже и согрѣшить не можешь? Обманываешься дружокъ: и въ приказной, и въ военной, и въ придворной, и во всякой службѣ и должности слабому человѣку не можно пробыти безъ грѣха. Мы бренное сотвореніе, сосудъ скудельный, какъ возможемъ остеречься отъ искушенія; когда бы не было искушающихъ, тогда, кто вѣдаетъ, можетъ быть не было бы и искушаемыхъ! Но змій, искусившій праотца нашего, не во единомъ живетъ едемскомъ садѣ: онъ пресмыкается по всѣмъ мѣстамъ. И не тяжкой ли ето и смертной грѣхъ, что вы, молодыя люди, дерзновеннымъ своимъ языкомъ говорите: *За*

взятки надлежитъ наказывать, надлежитъ исправлять слабости, чтобы не родилися изъ нихъ пороки и преступленія. Вѣдаете ли вы несмысленныя; ибо сіе не приношу я злобѣ вашего сердца, но не смыслію? Вѣдаете ли, что и Богъ не за всякое наказываетъ согрѣшеніе, но вѣдая совершенно немощь нашу, требуетъ сокрушеннаго духа и покаянія? Вы твердите: *я бы не бралъ взятковъ.* Знаете ли вы, что такія слова ничто иное, какъ первородный грѣхъ, *гордость?* Развѣ думаете, что вы сотворены не изъ земли, и что вы крѣпче Адама? Когда первый человѣкъ не могъ избавиться отъ искушенія, то какъ вы, будучи въ толикократъ ево слабѣе, толикократъ меньше ево живете на земли, гордитеся несвойственною сложенію вашему твердостію? Какъ вамъ не быть тѣмъ, что вы есть? Удивляюся Господи Твоему долготерпѣнію! Какъ такихъ кичащихся тварей громъ не убьетъ, и земля разверзшися не пожретъ во свое чѣдро, стыдяся, что такихъ въ свѣтъ произвела тварей, которыя вещество ея забываютъ. Опомнись племянничекъ! и посмотри, куда тебя стремительно влечетъ твоя молодость! Оставь сіи развращающія разумы ваши науки, къ которымъ ты толико прилѣпляешься; оставь сіи пагубныя книги, которыя дѣлаютъ васъ толико гордыми, и вспомни, что *гордымъ Господь противится, смиреннымъ же даетъ благодать.* Перестань знатися по вашему съ учеными, а по нашему съ невѣжами, которыя проповѣдываютъ добродѣтель, но сами столько же ей слѣдуютъ, сколько и тѣ, которыхъ они учатъ, или и еще меньше. Къ чему потребно тебѣ богопротивное умствованіе, какъ и изъ чего созданъ миръ? Вѣдаешъ ли ты, что судьбы Божія неиспытанны, и какъ познавать вамъ небесное, когда не

понимаете я земнова? Помни только то, что *земля еси, и въ землю отыдеши.* На что тебѣ учитися реченіямъ иностраннымъ; языкъ намъ данъ для прославленія величія Божія, такъ и на природномъ нашемъ можемъ мы Его прославляти: но вы учитесь оннымъ для того, чтобы читать ихъ книги, наполненныя расколами противу закона: они васъ прельщаютъ, вы читаете ихъ съ жадностію, не вѣдая, что сей медъ во устахъ вашихъ преобращается въ желчь во утробахъ вашихъ: вы еще тѣмъ недовольны, что на тѣхъ языкахъ ихъ читаете; но чтобы совратить съ пути истиннаго и незнающихъ чужеземскихъ изреченій: вы такія книги переводите и печатаете: недавно такую книгу видѣлъ я у нашего Прокурора. Помнится мнѣ, что ея называютъ К * * * * Безразсудныя! читая такія книги, стремитеся вы за творцами ихъ ко дну адскому на лютыя и вѣчныя мученія: изъ сего разсуждай, ежели въ тебѣ хотя искра страха Божія осталась. Какую приносятъ пользу всѣ ваши науки, а о прибыли уже и говорить нѣчево! И такъ въ послѣднія тебѣ пишу: ежели хочешъ быть моимъ наслѣдникомъ, то исполни мое желаніе, вступи въ приказную службу и пріѣзжай сюда; а Петербургскія свои шашни всѣ брось. Какъ ты не усовѣстишься, что я на старости беру на свою душу грѣхи для тово только, чтобы тебѣ оставить чемъ жить. Я чувствую, что уже приближается конецъ моей жизни: и такъ дѣлай сіе дѣло скорѣе, и вспомни, что упущенова уже не воротишъ. Ты бы покуда я еще живъ, въ приказныхъ дѣлахъ понаторелъ, а послѣ бы и самъ здѣлался исправнымъ судьею, и моимъ по смерти достойнымъ наслѣдникомъ. Исполни Иванушка мое желаніе, погреби меня самъ; закрой въ послѣднія мои глаза, и послѣ поминай грѣш-

ную мою душу, чтобы не стать и мнѣ за тебя на мѣстѣ мученія; проливай о грѣхахъ моихъ слезы, поминай по церковному обряду, раздавай милостыню; а на поминки останется довольно, о томъ не тужи, ежели и ты не прибавишь, такъ проживши свой вѣкъ помнятъ, оставишь еще чемъ и тебя помянуть. И такъ мы оба, на земли поживши, по своему желанію, водворимся въ мѣсто злачно, въ мѣсто покойно идѣже праведники упоеваются. Пожалуй Иванушка послушайся меня; вѣть я тебѣ не лиходей. Я тебѣ столько хочу добра, сколько и самъ себѣ. Прощай.

Остаюсь, дядя твой . . . .

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ XVI. АВГУСТА 11 ДНЯ.

25.

ВѢДОМОСТИ.

Въ Санктпетербургѣ:

ИЗЪ БОЛЬШОЙ САДОВОЙ УЛИЦЫ.

Стоялый, житель нашей улицы, ежедневно упражняется во слѣдующемъ: въ 12 часу пополуночи просыпается, и вставши съ постели чешетъ голову, отказываетъ своимъ заимодавцамъ, занимаетъ вновь, и между тѣмъ допускаетъ къ себѣ искателей его милости, которая всегда состоитъ во обѣщаніяхъ; распрашиваетъ у нихъ, что въ прошедшей день въ городѣ новаго случилось, а имъ разсказываетъ, что тамъ-то онъ, тово-то подсмѣялъ; въ другомъ мѣстѣ острое сказалъ слово; въ третьемъ, пользуясь глупостію хозяйскою, подговорилъ хозяйку, и возилъ ее прогуливаться; въ четвертомъ, хозяина до того довелъ, что онъ начинаетъ о *Добросердовѣ* думать худо, котораго онъ за то только ненавидитъ, что всѣ единогласно утверждаютъ, что *Добросердовъ* умняе его любовницы; и что онъ сіе дѣло такъ искусно произвелъ, какъ только должно самому великому политику оное здѣлать. Слушатели изъ учтивости начнутъ выхвалять его добродѣтели и остроту разума; а *Стоялый* улыбаяся и въ правду думаетъ, что онъ уменъ. Послѣ сего читаетъ мѣстами Рускихъ авторовъ, прославившихся своими сочиненіями, и чтобы и тутъ показать остроту своего разума, ради того онъ ихъ критикуетъ, не думая того, что хула его, истинной славы сихъ авторовъ повредить не можетъ.

Разсуждаетъ о театральныхъ дѣйствіяхъ, удивляется худымъ разпоряженіямъ, и сказываетъ, какъ бы онъ здѣлалъ, ежели бы тѣ дѣла отъ него зависѣли. Одѣвшись ѣздитъ къ *Перекрасѣ*, своей любовницѣ, и ей то же разсказываетъ; а по томъ упражняются оба въ разныхъ изобрѣтеніяхъ, касающихся до поврежденія доброй славы тѣхъ людей, коихъ они ненавидятъ. Послѣ мыкается по городу и производитъ въ дѣйство утвержденныя въ ихъ тайномъ совѣтѣ предпріятіи. Смучаетъ всѣхъ, ково только можетъ, и чрезъ всякія два часа ѣздитъ навѣщать свою *Перекрасу*. Сему удивляться не надлежитъ: ибо *Стозмѣй* имѣетъ только полъ души и полъ сердца, а другія половины отдалъ онъ своей любезной; а та со сна забывшись вмѣсто его, *Стозмѣево* сердце и душу отдала другому своему любовнику. Съ тово-то самаго времени и сталъ онъ такъ малодушенъ, что для любви не щадитъ ни чести, ни добродѣтели. Въ 2 часа пополуночи пріѣзжаетъ домой и ложится спать. Вотъ все его упражненіе! Со всѣмъ тѣмъ, *Стозмѣй* утверждаетъ, что полезняе его для государства никово нѣтъ.

ИЗЪ I. РОССІЙСКОЙ АРМІИ.

У насъ старое по старому, а вновь ничево: мы Турковъ гоняемъ; а они отъ насъ бѣгаютъ, и нынѣ такъ далеко ушли, что намъ и гонять неково. И такъ мы съ нетерпѣливостію ожидаемъ того дня, въ которой будемъ обѣдать въ Хотинѣ; а по обѣдавши хорошенько и напившись Турецкаго кофе, безмѣрно хочется нашимъ салдатамъ посмотрѣть, каково ужинаетъ Турецкой Везирь. У насъ въ арміи такъ мало о Туркахъ и Татарахъ думаютъ, что одинъ офицеръ пришедши изъ фрунта въ полатку, по прогнаніи Крымскаго Хана, хотѣлъ дописывать нослѣднее явленіе, сочиняемой имъ Трагедіи, и какъ нѣкоторое положеніе, по причинѣ непріятельскаго нашествія, онъ позабылъ, то разсердясь выбранилъ Татаръ, и сказалъ: видно что Ханъ за тѣмъ только и приходилъ, чтобы мнѣ помѣшать писать; а не помощь подавать Хотину.

ИЗЪ МОСКВЫ.

Подрадъ любовниковъ къ престарѣлой кокеткѣ, напечатанной въ Трутневыхъ вѣдомостяхъ, многимъ нашимъ господчикамъ вскружилъ головы, они занимаютъ деньги, и въ послѣдней разъ написавъ, *въ родъ своемъ не послѣдней*, съ превеликимъ поспѣшеніемъ дѣлаютъ новыя платья и прочія убранствы, умножающія пригожство глупыхъ вертопрашныхъ головъ; а по совершеніи того, хотятъ скакать на почтовыхъ лошадяхъ въ Петербургъ, чтобы такого полезнаго для нихъ не пропустить случая.

ИЗЪ КОШИРЫ.

Въ нашемъ уѣздѣ есть дворянинъ: онъ имѣетъ за собою три тысячи душъ, получаетъ шесть тысячъ рублей годоваго дохода, и живетъ такъ, какъ научилъ его покойной родитель. Въ селѣ, гдѣ онъ живетъ, церковь деревянная построена еще прадѣдомъ его по возвращеніи изъ похода. Домъ господской дѣдушка его построилъ было на время, но они такъ въ немъ обжились, что новаго и по сіе время не построили; ибо батюшка сего дворянина отягощенъ былъ дѣлами; а именно пилъ, ѣлъ и спалъ; а сынокъ къ строенію не имѣетъ охоты: но въ мѣсто того упражняется въ весьма полезныхъ дѣлахъ для пользы земныхъ обитателей: ибо онъ изыскиваетъ, можетъ ли боецъ гусь побѣдить на поединкѣ лебедя: ради чего выписываетъ изъ Арзамаса самыхъ славныхъ гусей, и платитъ за нихъ по 20, по 30 и до 50 рублей за каждаго, имѣетъ бойцовъ пѣтуховъ. Содержитъ великое число псовой охоты, и ежегодно положенной на него сосѣдями за помятіе ихъ хлѣба оброкъ платитъ безъ доимочно. Ѣздитъ на ярмонки верстъ за 200 весьма великолѣпно: а именно, самъ въ четвероместномъ дѣдовскомъ берлинѣ въ 10 лошадей, и еще 12 колясокъ, запряженныхъ 6 и 4 лошадьми, исключая повозокъ и фуръ съ полатками, поваренною посудою, и всякимъ его господскимъ стяжа-

ніемъ. Свиту его составляютъ люди весьма отборныя, въ 4 коляскахъ сидятъ по 2 шута, въ 3 по 2 дурака, а въ берлинѣ онъ, да священникъ его духовникъ; въ протчихъ же екипажахъ собаки, гуси и пѣтухи бойцы. Прошлаго года ѣздилъ онъ въ Москву, что бы сыскать учителя, пятнатцатилѣтнему его сыну: но ненашедъ искуснаго, возвратился и поручилъ его воспитаніе дьячку своего прихода, человѣку весьма дородному. Со всѣмъ симъ роскошнымъ житьемъ онъ проживаетъ не больше ежегоднаго своего дохода. Дворянинъ сей говоритъ, что изъ всей его фамиліи разумняе его не бывало. Можетъ быть ето и правда: ибо дворянинъ нашъ лгать не охотникъ.

ИЗЪ КРОНШТАТА.

На сихъ дняхъ въ здѣшній портъ прибылъ изъ *Бурдо* корабль: на немъ кромѣ самыхъ модныхъ товаровъ, привезены 24 Француза, сказывающія о себѣ, что они всѣ Бароны, Шевалье, Маркизы и Графы, и что они будучи нещастливы во своемъ отечествѣ, по разнымъ дѣламъ касавшимся до чести ихъ, приведены были до такой крайности, что для приобрѣтенія золота, вмѣсто Америки, принуждены были ѣхать въ Россію. Они во своихъ разсказахъ солгали очень мало: ибо по достовѣрнымъ доказательствамъ они всѣ природныя Французы, упражнявшіяся въ разныхъ ремеслахъ и должностяхъ третьяго рода. Многія изъ нихъ въ превеликой жили ссорѣ съ Парижскою Полиціею, и для того она по ненависти своей къ нимъ здѣлала имъ привѣтствіе, которое имъ не полюбилось. Оное въ томъ состояло, что бы они немедлѣнно выбрались изъ Парижа, буде не хотятъ обѣдать, ужинать и ночевать въ Бастиліи. Такое привѣтствіе хотя было и очень искренно, однакожъ симъ господамъ Французамъ не полюбилось; и ради того пріѣхали они сюда, и намѣрены вступить въ должности учителей и Гофмейстеровъ молодыхъ благородныхъ людей. Они скоро отсюда пойдутъ въ Петербургъ. Любезныя согражданѣ, спешите нанимать сихъ чуже-

странцовъ, для воспитанія вашихъ дѣтей! Поручайте немѣдленно будущую подпору государства симъ по бродягамъ, и думайте, что вы исполнили долгъ родительской, когда наняли въ учители Французовъ, не узнавъ прежде ни знанія ихъ, ни поведѣнія.

---

* * *

Себелюбъ, славной волокита, на сихъ дняхъ пришедъ ко своей любовницѣ, нашелъ ее въ превеликой задумчивости: она приняла его весьма холодно, ласки ее изчезли, и притворство, которое она до того дня употребляла, оставила, и начала съ нимъ говорить весьма грубо: ибо она въ тотъ самой день вступила въ новыя обязательствы. *Себелюбъ* пораженъ былъ не ожидаемою сею новостію, и какъ обыкновенно страстныя и ревнивыя дѣлаютъ любовники, началъ упрекать ее невѣрностію, и выговорилъ все, что въ такія говорится минуты, очень грубо. Госпожа смѣялась во время его бѣшенства: но какъ онъ замолчалъ, то она безъ всякихъ околичностей ему сказала, чтобы онъ къ ней въ домъ больше неходилъ. *Себелюбъ* оказавъ ей все свое презрѣніе, пошелъ со двора; но лишъ только вышелъ за ворота, то начали его терзать всѣ страсти, презрѣніе, ревнивость, раскаяніе; а любовь привела его во отчаяніе. Онъ принялъ намѣреніе заколоться; но идучи по улицѣ выронилъ ножъ изъ кармана и потерялъ, кто оной поднялъ, и принесетъ его въ квартеру, тому дастся награжденіе, состоящее изъ писемъ бывшей его любовницы: ибо онъ непремѣнно свое намѣреніе хочетъ исполнить.

ПОДРЯДЫ.

Нѣкоторому судьѣ потребно самой свѣжей и чистой совѣсти до нѣсколька фунтовъ; желающія въ поставкѣ оной подрядиться, а у нево купить старую ево отъ челобитческаго виноградnаго и хлѣбнаго нектора пере-

горѣвшую совѣсть, которая, какъ онъ увѣряетъ, весьма способна ко отысканію желаемаго всѣми философическаго камня, могутъ явиться въ собственномъ его домѣ.

Недавно пожалованной Прокуроръ отъѣзжаетъ во свое мѣсто, и по пріѣздѣ желаетъ онъ развесть рѣдкое въ томъ городѣ растѣніе, имянумое *цвѣтущее правосудіе:* хотя Воевода того города до онаго растѣнія и не охотникъ; чего ради потребенъ ему г. Прокурору искусной садовникъ; желающія вступить во оную должность, могутъ явиться у г. Прокурора немедленно.

ПРОДАЖА.

У г. *Искупателева* продается сочиненная имъ въ пользу юношества книжка, подъ заглавіемъ *Атака сердца кокеткина, или краткой и весьма ясной способъ къ достиженію сердецъ прекраснаго пола*, цѣною по 5 рубл.

Обманъ, славной и искусной лѣкарь, сочинилъ книжку подъ заглавіемъ: *Тайныя наставленія, по которымъ безобразная женщина можетъ совершенною сдѣлаться красавицею;* оная книжка продается въ его домѣ по 10 рубл.

Въ тайномъ г. волокитъ совѣтѣ апробованной *проектъ о взятіи сердецъ штурмомъ*, сочиненія г. *Соблазнителева*, продается у переплетчика любовныхъ книгъ по 2 рубл. екземпляръ.

Наставленіе о добропорядочной жизни молодымъ людямъ, напечатанное въ 1748 году, и еще другія подобныя оной книгѣ раздаются безъ денежно: ибо оныхъ никто не покупаетъ.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ XVII. АВГУСТА 18 ДНЯ.

26.

Господинъ издатель!

Сообщая вамъ нѣсколько портретовъ, прошу оныя помѣстить въ вашемъ журналѣ; а что они сего достойны, въ томъ увѣряетъ васъ та, которой всѣ мущины говорятъ: *ужесть какъ Мила.*

27.

ПОРТРЕТЫ.

I.

Я, всѣмъ мила.

II.

Семилъ, Пригожей молодецъ весьма разуменъ и довольно ученъ, жаль, что онъ во всѣхъ влюбляется! въ прочемъ ево можно назвать человѣкомъ.

III.

Стозмѣй, лицемъ не хорошъ, станомъ не складенъ, умомъ не богатъ; а богатъ злостію сердца ко вреду ближнихъ.

IV.

Сей, лице имѣетъ непротивное, складной станъ, одѣвается не худо. *Сей*, былъ бы изрядной человѣкъ, естьли бы не соглашался на всѣ чужія мнѣнія, и тѣмъ самъ себѣ иногда не противорѣчилъ.

V.

Жидоморъ, желаетъ имѣть у себя деньги, всево государства и не держать изъ нихъ ни полушки.

VI.

Нѣкто, всякой день за обѣдомъ напоминаетъ всѣхъ своихъ родственниковъ, друзей и знакомыхъ, и вышивая по рюмкѣ вина за здоровье каждаго, говоритъ: *сего, дружество отъ меня требуетъ*.

VII.

Я, хорошъ, разуменъ, честенъ, добродѣтеленъ; а прочія нѣтъ.

VIII.

Ты, дворянинъ не безъ знатной, довольно уменъ и богатъ: но *ты* весьма гордъ.

IX.

Онъ, привыкъ о всѣхъ говорить худо: *онъ* во всѣхъ всѣ видитъ пороки, а въ себѣ ни одного.

X.

Тотъ, часто дѣлаетъ дурачествы отъ того, что всегда задумывается.

XI.

Етотъ, говоритъ обо всемъ, и ничево не знаетъ.

XII.

Воткто, разумной и добродѣтельной господинъ. Онъ дѣлаетъ всѣмъ добро, кому только можетъ. Онъ думаетъ, что разумъ данъ ему для оказанія услугъ государству. Знатной чинъ для защищенія утѣсненныхъ. Богатство для вспоможенія бѣднымъ; и что онъ для тово родился человѣкомъ, чтобы всѣмъ подобнымъ себѣ быть полезнымъ. Онъ все сіе и исполняетъ. *Благодарность* ко изображенію ево слѣдующія написала слова: *Воткто, украшеніе знатныхъ бояръ и другъ человѣческаго рода.*

P. S. Я послала къ вамъ сіи портреты на образецъ; у меня еще ихъ много, естьли они вамъ понравятся, то я вамъ всѣ съ охотою сообщу; а чтобы васъ увѣрить, что я на людскія пороки тѣми же смотрю глазами, которыми гляжу и на свои, ради тово поставила свой портретъ прежде всѣхъ.

28.

Къ г. издателю Трутня!

Издатель! многіе глупцы тебя ругаютъ,
За тѣмъ что твари тѣ и разумъ отвергаютъ,
Ты долженъ сонмище вралей всѣхъ презирать,
Никто не запретитъ бумагу имъ марать;
Разумной Вертопрахъ съ *Пантвею* свидѣтель,
Какой имъ даръ писать Парнасской далъ владѣтель:
Но думаютъ они, что всѣхъ, тѣмъ веселятъ,

И забываютъ то, что музы не велятъ
Несмысленнымъ творцамъ врать мерзкими стихами.
Не льзя сіе назвать злословными рѣчами:
Когда писаніе издастъ на свѣтъ печать,
То должно за себя ему и отвѣчать.
Почесть терновникомъ не льзя прекрасну розу,
Такъ Сумарокова хулить стихи и прозу:
Все плавно, хорошо, онъ первой здѣсь у насъ,
Извѣстна лишь ему дорога на Парнасъ.
Но естьли по грѣхамъ безъ смысла вретъ писатель,
То вздоръ ево терпѣть не долженъ и читатель:
Когда печатной бредъ за деньги я купилъ,
Кто можетъ приказать, чтобъ я ево хвалилъ?
Л** съ своимъ худымъ ты слогомъ и невольнымъ,
Читателя зови хоть сто разъ благосклоннымъ,
И въ предисловіи хоть въ ноги поклонись,
Иль за сіи слова со мною побранись,
Что худо пишешь ты, всегда скажу я смѣло,
Что *А!* на мѣсто *Ахъ!* успѣха не имѣло,
Что *какъ-ли* не твоихъ ни гдѣ не напишу,
И противъ истинны во вѣкъ не погрѣшу.
Хотя бы на меня злость съ завистью зіяла,
За то, чтобъ сатира пороковъ не являла,
И всѣбъ напасти вдругъ стремились на меня,
Я ночи никогда не дамъ названья дня:
Ласкать чиновнымъ я и знатнымъ не умѣю,
Бездѣльство, ябѣду и злость хвалить не смѣю,
И бѣлымъ чорное нигдѣ не назову,
Возможноль соловьемъ почесть сію сову,
Которая въ лѣсу всѣхъ крикомъ заглушаетъ?
Подобно и худой писецъ не утѣшаетъ:
Потея сто разъ въ день не дойдетъ до тово,
Чтобъ въ прозѣ иль въ стихахъ, творенія ево,
Что вышлю хорошо и не было бы мерзко.
Но спросятъ у меня за чемъ пишу такъ дерзко,
И гдѣ я смѣлости такой, примѣръ видалъ?
Горацій, Боало, Луцили, Ювеналъ,
Порочныхъ сограждавъ всю гнусность представляли,
И путь къ холмистому Парнасу открывали:

Они, скажу въ отвѣтъ, мнѣ подали примѣръ,
Для нихъ оставленъ мной Виргилій и Гомеръ,
Не слѣдую стопамъ мужей толико славныхъ,
Въ Эпическомъ стихѣ не видано имъ равныхъ,
А слабо пишучи я вышелъ бы глупецъ.
Похвалъ я не пишу за тѣмъ, что я не льстецъ.
Нѣтъ склонности писать Елегіи, Еклоги,
И кромѣ Сатиры не вижу я дороги,
По коей безъ стыда мнѣ можно бы итти;
Однакоже не льщусь быть славенъ въ семъ пути:
За тѣмъ, что я въ стихахъ имѣю лишь начало,
И вижу самъ, что въ нихъ погрѣшностей не мало:
Но для того хочу Сатирою начать,
Что хочется свои мнѣ силы испытать.
Надѣюсь, что меня въ погрѣшностяхъ исправятъ,
Когда на критики отвѣтъ писать заставятъ:
А ежели еще начнутъ меня бранить,
То могутъ тысячу хорошихъ словъ родить.
Не рѣдко вить стихи родятся отъ досады;
А въ протчемъ никакой не требую награды.

29.

Господинъ издатель!

Чортъ меня дернулъ приняться за самое разорительное упражненіе, а имянно: за стихотворство. Я сочинилъ сказки въ стихахъ, и хотѣлъ ихъ напечатать, но отъ меня за напечатаніе, требовали денегъ, прежде напечатанія. Вамъ г. издатель безсомнѣнія извѣстно, что люди моего промысла деньги почитаютъ рѣдкостію; а еще больше тѣ, которыя отъ стиховъ пропитаніе имѣютъ. И такъ по неволѣ принужденъ я былъ авторство свое на время оставить писменнымъ. Я искалъ долгое время, кто бы у меня книжку мою купилъ; наконецъ нашолъ книго-

продавца: я пришелъ къ нему съ Авторскимъ подобострастіемъ, и просилъ его, чтобы онъ книжку мою купилъ и напечаталъ. Г. Авторъ, сказалъ онъ мнѣ, знаете ли вы, что платить деньги за напечатаніе стиховъ также прибыльно, какъ и платить за панскія Индульенціи. Я опытами узналъ, что стихами расторговаться никакой нѣтъ надежды; однако видя вашу нужду, примолвилъ онъ, я ее возьму, да и то съ слѣдующимъ договоромъ, напишите письмо къ г. издателю Трутня, и просите его, дабы онъ въ своемъ журналѣ поставилъ извѣстіе о продажѣ вашей книжки. Его журналъ покупаютъ нынѣ больше всѣхъ, слѣдовательно и узнаютъ о вашей книжкѣ многія. У насъ, сказалъ онъ, и книги покупаютъ по модѣ.

Г. издатель, вотъ притчина моей прозьбы; и такъ прошу васъ, напечатайте приложенное извѣстіе въ вашемъ журналѣ, и тѣмъ избавте меня отъ наклада, вѣть вы знаете, что съ печатными стихами и не въ мою пору плачутъ; разсудите же, что будетъ дѣлать со своими стихами?

Вашъ покорный слуга А.

30.

ИЗВѢСТІЕ.

Въ луговой милліонной у переплетчика г. Веге, продается новая книжка, подъ заглавіемъ: *Сказки въ стихахъ*, по 25 коп. экземпляръ.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ XVIII. АВГУСТА 25 ДНЯ.

31.

ВѢДОМОСТИ.

Въ Санктпетербургѣ:

ИЗЪ БОЛЬШЕЙ УЛИЦЫ.

Нѣкто, житель нашей улицы, упражняется въ сочиненіи проекта о наложеніи пошлины на всѣ сочиненія худыхъ нашихъ стихотворцовъ и негодныхъ прозаистовъ, и хочетъ оной поднести на разсмотрѣніе и утвержденіе самому Аполлону. Собираемую сумму опредѣляетъ онъ на содержаніе бѣдныхъ ученыхъ людей. *Нѣкто* увѣряетъ, что отъ наложенія сея пошлины двоякая для государства произойдетъ польза.

СЪ ПАРНАСА.... 1769 ГОДА.

Здѣсь все въ великомъ замѣшательствѣ: славныя стихотворцы, обезображенныя худыми переводами, чрезвычайно огорчились, и просили Аполлона о заступленіи. Всѣ музы прославленныя въ Россіи Г. С. приходили ко своему отцу, и со слезами жаловались на дерзновеніе молодыхъ писателей: Мельпомена и Талія проливали слезы и казались неутѣшными.

Великій Аполлонъ увѣряль ихъ, что сіе здѣлалось безъ его позволенія, и что онъ для разсмотрѣнія сего дѣла повелитъ собрать чрезвычайной совѣтъ; а между тѣмъ показалъ Таліи новую Рускую комедію ****, сочиненную однимъ молодымъ писателемъ. Талія прочитавъ оную, приняла на себя обыкновенной свой веселой видъ, и сказала Аполлону, что она сего Автора со удовольствіемъ признаетъ законнымъ своимъ сыномъ. Она и записала его имя въ памятную книжку, въ число своихъ любимцовъ.

ОТЪТУДА ЖЪ ОТЪ 1 АВГУСТА.

Смятеніе на Парнасѣ и понынѣ еще продолжается. Всѣ съ нетерпѣливостію ожидаютъ собранія совѣта и окончанія сего замѣшательства. На сихъ дняхъ великому Аполлону подалъ челобитную Пегазъ, въ которой проситъ объ отставкѣ. Какъ скоро сія челобитная будетъ помѣчена, то мы ее сообщимъ.

ИЗЪ МОСКВЫ.

Безразсудъ, житель нашего города, помѣшался въ умѣ, прочитавъ книгу, *Разговоры о множествѣ міровъ*, Сему удивляться не надлежитъ: ибо *Безразсудъ*, воспитанъ былъ подъ присмотромъ старушки, которая всѣ извѣстныя простонародныя басни о сотвореніи мира въ самомъ еще младенчествѣ ему затвердила. *Безразсудъ* достигнувъ совершенныхъ лѣтъ,

не достигъ однакожъ ни совершеннаго ума, ни истиннаго о вещахъ понятія. Съ лѣтами его суевѣріе и невѣжество приходили въ совершенство. Въ такомъ-то состояніи прочиталъ онъ *Фонтенелля;* на всякой страницѣ находилъ онъ неясныя о системѣ мира предложенія, но тьму непроницаемую и удаляющуюся отъ его понятія. Онъ вострепеталъ читая, что звѣзды подвижныя суть такія же миры, каковъ и нашъ; что солнце стоитъ, а земля ходитъ; огромность висячихъ надъ нами тѣлъ, и что оныя одинъ во кругъ другова, а все совокупно съ землею, и съ нами такъ скоро вертятся около солнца, ево поразило; куда онъ ни ходилъ, и гдѣ ни сидѣлъ, вездѣ казалось ему, что какой нибудь миръ оборвался, и весь земной шаръ стремится разшибить въ пыль; то представлялось ему, что планета збившись со своего пути, зацепила землю и отбросила оную къ солнцу, и что мы уже пылаемъ; иногда казалось ему, что онъ видитъ землю вертящуюся, и для тово хватался за что попадалось, чтобы не упасть; словомъ, Фонтенелль и послѣдніе *безразсудова* ума, отнялъ крошки: онъ не выходилъ изъ комнаты, не пилъ и не ѣлъ цѣлыя три дни; напослѣдокъ лишившись со всѣмъ ума, ѣздитъ нынѣ ко своимъ родственникамъ и знакомымъ, и прощается, сказывая, что онъ въ висячія отправляется миры для проповѣди, и что онъ тамъ, яко у непросвѣщенныхъ людей, всеконечно за вѣру пострадаетъ.

* * *

Миловида намѣрена розыграть любовную лотерею, въ которой весь выигрышъ въ одномъ билетѣ, а протчія всѣ пустыя. Число пустыхъ билетовъ не опредѣляется: ибо оныя по числу охотниковъ къ розыгрышу сей лотереи будутъ прибавлены или убавлены; выигрышъ составляетъ *цѣну любви*. Роздача билетовъ начнется съ 1 числа Сентября мѣсяца по всякой день въ домѣ госпожи *Миловиды*, гдѣ и цѣна онымъ будетъ объявлена.

Нѣкоторой стихотворецъ, по довольномъ самого себя разсмотрѣніи, нашелъ, что онъ во всемъ съ славными нашими стихотворцами равняться можетъ; чего ради о томъ чрезъ сіе для свѣденія и объявляетъ, чтобы его никто ниже тѣхъ стихотворцовъ не считалъ и невѣденіемъ не отговаривался.

ПОДРЯДЫ.

Издателю Трутня для наполненія еженедѣльныхъ листовъ потребно простонародныхъ сказокъ и басенъ: ибо изъ присылаемыхъ къ нему сатирическихъ и критическихъ піесъ многихъ не печатаютъ; а напечатанныя безъ всякаго стыда многія принимаютъ на свой щотъ, и ево злословятъ за то повсемѣстно; желающія въ поставкѣ помянутыхъ сказокъ подрядиться, и взять не свыше рубля 25 коп: за сто, могутъ явиться въ его домѣ.

ПРОДАЖА.

Плоды невѣжества, глупости и самолюбія нѣкоторова сочинителя, продаются въ его домѣ повольною цѣною.

ОТЪѢЗЖАЮЩІЯ.

Троекратно за взятки отрѣшенной судья, добивался мѣста съ повышеніемъ чина: но по нещастію просилъ онъ о томъ такого господина, которой прежнія ево грабительства имѣлъ еще въ свѣжей памяти, и оныя почиталъ истиннымъ беззаконіемъ: чего ради онъ ему въ прошеніи отказалъ. Судья огорчась сею несправедливостію, отъѣзжаетъ по свое помѣстье ко утѣсненію бѣдныхъ своихъ сосѣдей.

Профессоръ карточныхъ азартныхъ игръ поссорился съ Полиціею, и для того отъѣзжаетъ въ Москву.

Chicaneau, природной Французъ, находившейся у нѣкотораго господина въ должности управителя, отъѣзжаетъ въ Москву, для приисканія себѣ другова мѣста; а управительское принужденъ онъ былъ оставить для того, что требовали отъ него исправныхъ щетовъ; а Французъ сей ариѳметики не учился.

Отставной концелярист, жившей здѣсь для хожденія за дѣлами, отъѣзжаетъ въ Москву, и хочетъ вступить тамъ въ должность повѣреннаго, а здѣсь

ему стряпчимъ быть заказано по нѣкоторой притчинѣ; во утвержденіе сего запрещенія онъ былъ здѣсь высѣченъ плетьми.

Fripon Гасконецъ, пріѣхавшей сюда съ новою лотереею, отъѣзжаетъ въ Москву; здѣсь ему не очень понравилось за тѣмъ, что мало игроковъ, хотя лотерея сія и весьма расположена искусно, а именно: что кромѣ бездѣлицъ выиграть ничево не можно.

ИЗВѢСТІЕ.

Второе изданіе *Трутня*, и ко оному первой листъ съ гридированнымъ виньетомъ, продается въ луговой Милионной у переплетчика г. Веге по прежней цѣнѣ.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ XIX. СЕНТЯБРЯ 1 ДНЯ.

32.

Господинъ издатель!

Самое негодное дѣло быть Стихотворцемъ. Пропади во вѣкъ охота ко стихамъ, названнымъ еще божественнымъ гласомъ: надобно надъ ними ломать голову, гоняться за риѳмами, считать всѣ слова по стопамъ, и за весь трудъ не получить нималой награды. Я вижу, что отъ премерзкой прозы подъячіе наживаются; медики умножая число умершихъ, получаютъ хорошую плату отъ живыхъ, а рецепты пишутъ безъ стопъ и безъ риѳмъ; ласкатели за однѣ глупыя рѣчи награждаются; однимъ словомъ, всѣ люди, кромѣ Стихотворцевъ, имѣютъ прибыль. Я не очень давно достигъ до сего здраваго разсужденія, и теперь удостовѣренъ, что по опредѣленію неисповѣдимыхъ судебъ и славные Стихотворцы должны жевать зеленые лавры, и питаться только сею не очень вкусною пищею. Прочтемъ повѣсти о всѣхъ Стихотворцахъ, и увидимъ, что хотя они въ восторгѣ летали подъ небесами, или отдыхали на землѣ, всегда завистники ихъ ругали; злобные люди готовили имъ пагубу, и очень малое число людей кормили ихъ похвалою: вся ихъ жизнь была наполнена

стихотворческими нещастіями. Да иначе и быть не можетъ, самъ богъ стихотворства довольно былъ нещастливъ и сносилъ бѣдства и труды; всѣ Овидіевы превращенія наполнены его злоключеніями.

Аполлонъ, будучи еще во утробѣ своей матери, не имѣлъ нигдѣ убѣжища. Бѣдная Латона, нося его во своемъ чревѣ, была гонима яростною Юноною, и на всемъ земномъ шарѣ нашла только одинъ островъ, на коемъ родила нещастливыя двойни: но въ тоже время весь островъ за столь похвальное страннопріимство былъ покрытъ водами, и всѣ жители были превращены въ легушекъ. Не успѣлъ еще Аполлонъ достигнуть юношескихъ лѣтъ, какъ изъ адскихъ пропастей вышелъ ужасной Пифонъ, и стремился его поглотить. Аполлонъ его побѣдилъ, но возгордѣвшагося сего побѣдителя, побѣдилъ слабой Купидонъ представя ему Дафну, которую Аполлонъ не могъ смягчить своими божественными стихами, и намъ бѣднымъ смертнымъ подалъ худой примѣръ смягчать стихами жестокосердіе красавицъ. Дафна была превращена въ дерево, а Аполлонъ долженъ былъ терзаться любовнымъ мученіемъ. О Купидонъ! сколь велико твое гоненіе на Стихотворцевъ! Овидій, Анакреонтъ, Ѳеокритъ, Катулъ, Проперцій, Тибулъ, Петраркъ, тобою были мучимы, и нѣжныя Сафо и Союзъ принуждены были воздыхать. Вотъ сколько славныхъ Стихотворцевъ терзались любовнымъ пламенемъ, такъ конечно и на вѣки сей предѣлъ уставленъ. Я самъ сіе испыталъ, и ничего

не могъ получить за стихи отъ своей любовницы: да и впредь лишился надежды.

Купидоновъ гнѣвъ на Аполлона еще далѣе простирался: онъ показалъ ему Коронису, и здѣлалъ его щастливымъ, однако не надолго. Кориниса была прекрасна, и всѣ имѣла совершенства, но ужасная была кокетка. Аполлонъ, нося лучезарной вѣнецъ, не хотѣлъ носить роговъ, и пылая ревностію, пронзилъ изменницыно сердце, и скоро послѣ того возстеналъ терзая себя за свое мщеніе. Онъ вынялъ изъ ея утробы Эскулапа, и думая, что онъ его сынъ; имѣлъ о немъ родительское попеченіе, и здѣлалъ его медикомъ нетакимъ, которой бы прописывалъ смерть во своихъ рецептахъ и обиралъ деньги; но такимъ, что изъ челюстей смерти освобождалъ смертныхъ. Однако на таковыхъ людей и въ тѣ времена досадывали: наслѣдники проклинали Эскулапа, когда вылѣчивалъ стариковъ; кокетки бранили, когда не хотѣлъ морить ихъ мужей; и мужья негодовали за то, что не освобождалъ ихъ отъ старыхъ женъ. Къ совершенію своей пагубы, Эскулапъ желая услужить Діанѣ, воскресилъ Ипполита; за сіе разсердился на него Плутонъ, пожаловался Юпитеру, и бѣднаго Эскулапа Юпитеръ поразилъ громомъ. Сей примѣръ доказываетъ намъ, что худо имѣть дѣло съ знатными. Эскулапъ богъ, но погубленъ сильнѣйшими его богами.

Смерть Эскулапова была несноснымъ ударомъ Аполлону: и я не упомню сколько онъ написалъ хорошихъ Елегіевъ; однако знаю, что какъ раздражен-

ной Стихотворецъ, онъ побѣжалъ къ Циклопамъ, и всѣхъ ихъ перебилъ за то, что ковали громовыя стрѣлы. Аполлоновъ гнѣвъ сколько ему былъ вреденъ, столько и подражателямъ его Стихотворцамъ: не рѣдко и они были гонимы за свои сатиры. Наказаніе же его состояло въ томъ, что Юпитеръ, лиша его всѣхъ божественныхъ чиновъ, сослалъ на землю, гдѣ Аполлонъ принужденъ былъ сносить стихотворческую бѣдность. Пришелъ онъ къ Адмету, и думая найти себѣ мѣсто при царскомъ дворѣ; обманулся во своемъ чаяніи; рѣдко придворные знаютъ цѣну стихотворства: его почли сумасшедшимъ, которой бредилъ стихами. По щастію его имѣвшій смотрѣніе за стадами взялъ его въ пастухи, и Аполлонъ принужденъ былъ такою низкою должностью доставать себѣ хлѣбъ. Однако же и пася стада, увеселялъ своими стихами обитателей лѣсовъ и полей, и произвелъ Еклоги и Идиліи, но не долго наслаждался сею спокойною жизнію. Меркурій ходя въ то время по Греческимъ полямъ, упражнялся въ своемъ ремеслѣ, и старался заслужить имя защитника воровъ. Сей проворной богъ, надѣвъ на себя пастушье платье, пришелъ къ Аполлону, и притворясь, что будто слушаетъ со вниманіемъ его стихи, пробылъ до самой ночи; а въ ночь отогналъ лутчихъ у него овецъ. Всходящая заря увѣдомила Аполлона о его нещастіи; и онъ боясь наказанія за свою не осторожность ушелъ, и проходя Лидискіе поля, остановился на горѣ Тмолѣ, и соглася свой голосъ съ лирою, прельщалъ пѣніемъ Нимфъ, Сатировъ и

всѣхъ полевыхъ боговъ. Пану стало сіе досадно: онъ вступилъ съ Аполлономъ въ споръ о первенствѣ, и избралъ судьею Мидаса, Царя той области. Въ обиду Аполлону, которая весьма несносна Стихотворцамъ, Мидасъ предпочелъ ему Пана. Аполлонъ приставивъ ему ослиные уши, пошелъ во Фригію, гдѣ вмѣстѣ съ Нептуномъ, которой также былъ изгнанъ, приняли на себя видъ каменьщиковъ и строили Троянскія стѣны. Жаль, что нынѣ Аполлонъ не каменьщикъ; а то я знаю многихъ Рускихъ Стихотворцевъ, кои пишутъ только ему въ досаду, но въ каменьщикахъ были бы ему хорошими помощниками. Богу стихотворства и въ семъ ремеслѣ не было удачи: неблагодарной Лаомедонтъ не заплатилъ за работу; однако Аполлонъ тѣмъ утѣшился, что взятъ былъ обратно на небо.

Не подумайте же, чтобъ онъ и тамъ былъ щастливъ: ибо я умолчеваю о Фаэтонтовой смерти, которая ему была чувствительна, и не хочу говорить о презрѣніи, которое онъ сносилъ отъ Венеры. Сія богиня, оказывая свою благосклонность всѣмъ богамъ и многимъ смертнымъ, была сурова и несклонна къ одному только Аполлону; однимъ словомъ, во всѣхъ Аполлоновыхъ должностяхъ много безпокойствъ. Ему должно въ видѣ феба вставать рано и объѣзжать во кругъ весь свѣтъ. Когда на Олимпѣ бываетъ собраніе, всѣ боги упиваются Нектаромъ; а онъ, промачивая ротъ Ипокренскими водами, долженъ воспѣвать въ стихахъ паденіе Гигантовъ и похвалы роскошнымъ богамъ. Да и на Парнасѣ нѣтъ покою

отъ девяти Музъ, которыя, имѣя разныя вкусы, вѣрно безпокоятъ своего правителя.

Вы теперь видите, г. издатель, что мое мнѣніе справедливо, и что я разумно здѣлалъ оставивъ стихотворство. Я не знаю, не хлопотливо ли и ваше упражненіе; а мнѣ кажется, что и издатели не больше Стихотворцевъ получаютъ выгодъ, хотя нещастной Аполлонъ и никогда не былъ издателемъ еженедѣльныхъ листовъ.

Слуга вашъ N. N.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ XX. СЕНТЯБРЯ 8 ДНЯ.

33.

Г. издатель!

Нѣкогда читалъ нѣкто слѣдующую повѣсть: у нѣкоторыхъ моихъ согражданъ, говоритъ сочинитель, нѣтъ ни одной такой склонности, коя бы болѣе притягала мое удивленіе, какъ неограниченное ихъ самолюбіе. Обыкновенный къ тому поводъ бываетъ невѣжество и ласкательство.

Если бы сіе самолюбіе было ограничено и хорошо управляемо, оно бы могло быть очень полезно для тѣхъ, кои теперь онымъ обезспокоены.

Для чего человѣкъ, который зараженъ самолюбіемъ? для чего, говоритъ сочинитель, не беретъ онъ книги въ руки? Онъ бы тутъ много увидѣлъ, чего ласкатели никогда ему не говорятъ.

Всѣ самолюбивые много разъ и многими были во книгахъ осмѣяны; самолюбивый конечно ихъ не читаетъ за тѣмъ, что онъ съ пріятностію привыкъ слушати льстецовъ, безстыдно во глаза его похваляющихъ. Если бы сей человѣкъ, если бы вздумалъ такіе новости читать, то бы сіе для него гораздо было полезнѣе, какъ мнѣніи, что такій то не такъ пишетъ, какъ онъ; или что такая то безмѣрно въ

послѣдней комедіи хвалила то, что ему не нравится, или что она намѣрена шить платье, коего покроя онъ терпѣть не можетъ; или что многіе хвалятъ тѣ сочиненіи, кои не согласны съ его умоначертаніемъ, или что осмѣливаются тогда писать, когда онъ пишетъ; или наконецъ, что все то худо, что не по его и ему не нравится. Такій самолюбивый угнѣтаетъ разумъ и обезнадеживаетъ всѣхъ, чѣмъ нибудь быть надѣющихся. Его умоначертаніе наполнено самимъ только собою: онъ не видитъ ни въ комъ ни дарованій, ни способностей. Онъ хочетъ, чтобы всѣ его хвалили, и дѣлали бы только то, что онъ повелѣваетъ; другимъ похвалу терпѣть онъ не можетъ, думая что сіе отъ него неправедно отъемлется, и для того требуетъ, чтобы всѣ были ласкатели, и таскаяся изъ дома въ домъ, ему похвалы возглашали, что однако есть грѣхъ.

Читавъ сіе, понялъ онъ причину для чего сперьва тысячами нѣкоторые листы охотно покупали. Хотите ли оную узнать? Боюся сказати, прогнѣваются: одно желаніе посмѣяться самолюбію Авторскому къ сему поощряло.

Ему пришло на умъ еще новенькое, со временемъ составить онъ хочетъ книгу, всякій вздоръ, въ которой всѣ странные приключеніи напишетъ всего города, и надѣется получить отъ того великій барышъ: напримѣръ.

Такій то на сей недѣлѣ былъ у своей родни и передавилъ всѣ пироги, данные нѣкоторой простодушной старушкѣ въ подаяніе; такій то всякій день

бранится со своими сосѣдами за колодязь; такій то тамъ то примѣтилъ, что всѣ дѣвицы кладутъ ногу на ногу очень высоко; тотъ то насмѣшникъ подсмѣялъ одну женщину, велѣвъ ей для усыпленія читать сочиненіи такова мужа, который за полезные переводы заслужилъ отъ всѣхъ похвалу и благодарность, и что отъ той насмѣшки весь городъ хахоталъ цѣлую недѣлю, на щетъ насмѣшника.

Едакій то въ досаду Мусѣ Θалій не перестаетъ марать и перемарывать свои комедіи, и не постижимыми своими умоначертаніями отягощать актеровъ.

Тотъ показываетъ, яко бы онъ единоначальный наставникъ молодыхъ людей, и всемирный возглашатель добродѣтели: но изъ подъ сего смиреннаго покрова кусаетъ всѣхъ лишше Кервера.

Етотъ перекрапываетъ на свой салтыкъ статьи изъ славнаго Аглинскаго смотрителя, и называя ихъ произведеніемъ своего умоначертанія, восклицаетъ: *и мы яблока плывемъ*, и прочая, и прочая, и прочая.

Чрезъ сіе онъ надѣется удовольствовати всѣхъ читателей, показывая себя такимъ доброхотнымъ человѣкомъ, кой болѣе печется о поступкахъ и дѣлахъ ближняго, нежели о своихъ собственныхъ. На всѣ же тѣ куски (piece), кои шептать бы только на ухо должно, употребить хочетъ онъ печать самую крупную, дабы и безъочковъ читать оныя можно было; а паче, чтобъ сіи откровенія угодность дѣлали старушкамъ, знавъ, что ихъ обыкновенная говорливость, скорѣе распространитъ сіи слухи; а наипаче моло-

дымъ людямъ положатъ они на умъ то, чего бы знать имъ не надлежало, и что до нихъ не слѣдуетъ.

Свѣдавъ сіе я думалъ, что мнѣ не простительно было утаить сіе важное отъ васъ, г. издатель, извѣстіе и отъ вашихъ читателей.

Слуга вашъ . . . .

34.

Г. издатель!

По сіе время не видали мы еще, какъ только мимоходомъ, въ вашихъ листахъ ничево на ласкателей, на сихъ ядомъ дышущихъ чудовищей, противу благосостоянія государства; на сихъ подлыхъ тварей, которыя для своего прибытка, обольщеваемыхъ ими вельможъ отвращаютъ отъ благотворенія. Они сирены обольщевающія и усыпляющія чувствія истиннаго человѣчества. Я не буду вамъ описывать, сколько они безчестны, и сколько наносятъ вреда государству, за тѣмъ, что я васъ прошу написать на нихъ сатиру: но скажу только, что они у насъ и добродѣтельнѣйшихъ похищаютъ вельможъ. Пожалуйте, г. издатель, потрудитесь хорошенько описать ихъ подлыя ухватки, и естьли можно пристыдите ихъ. Сію язву надлежитъ или прекратить, что кажется весьма трудно; ибо она разпространилася не только во прихожихъ, но и во внутреннихъ комнатахъ знат-

ныхъ вельможъ; или развѣ всѣмъ сдѣлаться льстецами, кто хочетъ свое сыскать щастіе.

Вашъ слуга *Огорченной*.

Г. *Огорченной!* писать сатиру на сихъ людей надлежитъ справясь съ силами тѣлесными; и такъ я вамъ не могу еще ни обѣщать, ни отказать. Ожидайте сего отъ времени.

35.

Г. издатель!

Скажите, за что вы всѣ, господа издатели журналовъ, бранитеся? развѣ не можно писать, не дѣлая вамъ безполезныхъ и намъ непріятныхъ браней: или задумали вы спорить о первенствѣ? такъ пожалуйте сіе оставьте на наше рѣшеніе; мы знаемъ, кто пишетъ хорошо и кто худо: вѣдаемъ кого хвалить и ково хулить надлежитъ. Мы гораздо васъ скромняе, а вамъ на что одному говорить о другомъ, что тотъ всѣхъ бранитъ; а другому о томъ, что тотъ обѣщается исправлять пороки, но не держитъ слова. Вы оба правы и оба виновати. Оставьте ето все, я васъ прошу; для васъ сіе будетъ похвальняе, а для насъ и полезняе и пріятняе. Вы всѣ разныя имѣете способности; пусть одинъ изъ васъ проповѣдываетъ добродѣтель, и пишетъ наставленія; а другой пусть осмѣиваетъ пороки, и писавъ сатирическія сочиненіи исправляетъ нравы; третей пускай

расказываетъ сказки, и тѣмъ забавляетъ малосмысленныхъ людей: слѣдуя сему вы всѣ упражняться будете по своимъ способностямъ. Вотъ вамъ мирныя договоры, согласитесь ихъ подписать и исполнять; исполняя сіе вы всѣ будите полезны и намъ милы; мы вамъ поокончаніи вашихъ трудовъ скажемъ спасибо: буде же не такъ, то право всѣхъ назовемъ дураками. Послушайтесь, ето вамъ отъ доброва сердца говоритъ

Милосердъ.

36.

НАДГРОБНАЯ.

Подъ камнемъ симъ лежитъ пѣвецъ преславный Россовъ,
Гомеру, Пиндару подобный Ломоносовъ:
Епическимъ стихомъ прехвально возгремелъ,
Великаго ПЕТРА число великихъ дѣлъ;
И къ удивленію всего пространна свѣта,
Воспѣта лирою его ЕЛИСАВЕТА:
Но къ сожалѣнью смерть тогда ево взяла.
Когдабъ свидѣтелемъ онъ былъ гремящей славы,
Премудрой Матери Россійскія державы,
И воспѣвалъ ЕЯ божественны дѣла.

Сія надгробная надпись прислана ко мнѣ отъ неизвѣстной особы.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ XXI. СЕНТЯБРЯ 15 ДНЯ.

37.

Г. издатель!

Ко мнѣ пріѣхалъ братъ, находившейся во всю нынѣшнюю компанію въ 1 арміи. Вчерась мы съ нимъ были въ гостяхъ: гости по обыкновенію распрашивали ево о новостяхъ, случившихся въ нашей арміи: онъ имъ отвѣтствовалъ, какъ зналъ. Всѣ гости радовались славнымъ успѣхамъ нашей арміи, и желали скоряе окончанія сей войны. Старичокъ въ мундирѣ, слушавшей все сіе со вниманіемъ, брату моему сказалъ: я думаю, другъ мой, что бѣдниькія наши солдаты дрожатъ отъ страха, когда подвели ихъ такъ близко къ непріятелю? ободрить ихъ нѣкому, офицеры почти всѣ робята молодыя и въ походахъ небывалыя. Я помню продолжалъ трусливой старичокъ, что и мы сами въ тритцати верстахъ отъ янычаръ стоя тряслися. У меня и теперь сердце обливается кровію, и волосы дыбомъ становятся, когда вспомню янычаръ съ открытою грудью бѣгущихъ, и со отчаяннымъ лицемъ, всѣхъ саблею поражающихъ. Они подобны дикимъ звѣрямъ: при мнѣ семь гранодеровъ моей роты воткнули въ янычара по штыку; но онъ и тогда все таки во кругъ себя всѣхъ

рубилъ, и я насилу отъ него могъ уйти, а кажется я таки детина и самъ былъ не промахъ. О! они очень проворно саблею дѣйствуютъ, а шеи у нихъ проклятыхъ такія толстыя, что однимъ взмахомъ никакой сильной человѣкъ перерубить не можетъ. Короче сказать, сіи варвары раждаются на погубленіе только человѣческаго рода. Братъ мой усмѣхнувшись старичку отвѣтствовалъ: наши молодыя офицеры и по вашему бѣдниньки солдаты лучше вашева, сударь, знаютъ цѣну непріятелей своего отечества. Не Турки на насъ, но мы на Турокъ наводимъ страхъ и ужасъ. Солдаты наши янычаръ, спаговъ, арнаутовъ и всѣхъ непріятельскихъ солдатъ презираютъ. Нѣтъ у насъ ни одного солдата, которой бы не хотѣлъ съ янычарами драться. Наши солдаты привыкли стоять, а непріятельскія бѣгать, и ради того мы ихъ всегда побѣждаемъ и прогоняемъ. Старыя наши солдаты за стыдъ ставятъ бояться Турокъ. Недавно молодова изъ рекрутъ солдата, оробѣвшаго за тѣмъ, что онъ еще въ перьвой разъ былъ въ огнѣ, упрекалъ старой солдатъ, и сказалъ ему: *когда ты такъ оробѣлъ отъ Турокъ, что жъ бы ты сдѣлалъ стоя противъ Прусаковъ, а мы и тѣхъ побѣждали.* Еще одинъ молодой офицеръ, которому дѣдушка ево натвердилъ, что Турокъ бояться надлежитъ пуще діяволовъ, отрубивъ янычару голову и послѣ товарищамъ своимъ сказалъ: *не знаю, чтобы сказалъ мой дѣдушка, когда бы онъ сіе увидѣлъ.* — А что вы скажете о непріятельскихъ пушкахъ? Перехватилъ старой слуга робости; они такъ длинны, и такъ да-

леко стрѣляютъ, что мы въ десяти верстахъ отъ нихъ на силу укрывались; нынче, я чаю, они еще даляе стрѣляютъ за тѣмъ, что я вѣрно слышалъ, будто у нихъ все пушкари какія то Европейскія Христіяне. Екія проклятыя проливаютъ кровь Христіянскую за босормановъ; а у Турокъ и безъ нихъ армія въ трое нашей больше. Я думаю, что имъ за то и во адѣ мѣста не будетъ—Не опасайтеся, сударь, братъ мой смѣючись сказалъ: во адѣ для нихъ мѣста будетъ очень довольно. Правда, что непріятельскія пушки стрѣляютъ на довольное разстояніе, но нашей артилеріи дѣйствіе гораздо превосходняе по многимъ причинамъ, и ревность нашихъ солдатъ не допускаетъ ихъ такъ удаляться отъ непріятеля, какъ вы удалялися. Мы часто подъ самыми стоимъ пушками и ихъ не боимся; ибо непріятельскія пушкари стрѣляютъ наудачу. Армія непріятельская хотя и очень многолюдна, но въ ихъ арміи больше ногъ, а въ нашей больше рукъ. Всякой нашъ солдатъ, когда принимается за ружье, тогда уже и думаетъ о побѣдѣ, и имѣя въ одной рукѣ за истинну обнаженный мечь, а въ другой лавръ, и горя ревностію, среди огня твердятъ: *чего убоимся?* Богъ и ЕКАТЕРИНА, наша матерь, съ нами, и враговъ своихъ и завистниковъ нашему блаженству, на всякомъ мѣстѣ побѣждаютъ. Надобно желать, чтобы сія славная солдатъ нашихъ ревность всегда такъ горѣла, какъ нынѣ; тогда на верное Стамбулъ потрясется. Главное намъ отъ нашихъ непріятелей безпокойство въ томъ только и состоитъ, что они по ночамъ дол-

го не даютъ намъ спать: ибо они съ превеликимъ крикомъ и шумомъ просятъ о заступленіи бога, по насъ, ихъ самихъ поборающаго. Старичекъ не могъ надивиться перемѣнѣ людской, и со стыда за тѣмъ, что всѣ гости безпричинной его робости смѣялись, тихонько уѣхалъ.

Г. издатель! я къ вамъ сіе сообщаю для напечатанія; пусть ето прочтутъ всѣ старички и старушки, внучатъ своихъ Турками стращающія.

Вашъ покорный слуга Я.

38.

Г. ИЗДАТЕЛЬ!

Я не знаю отъ чего во многихъ вкралося предразсужденіе, что Рускія ничего такъ хорошо дѣлать не могутъ, какъ иностранныя. Я видалъ, какъ многія впрочемъ разумныя люди, разсматривая разныя вещи Рускими мастерами дѣланныя, хулили ихъ для того только, что онѣ не иностранными дѣланы мастерами. А незнающія, и иностранныя вещи, когда скажутъ имъ нарочно, что онѣ Рускія, безъ всякаго знанія, по одному только предразсужденію, или еще и по наслышкѣ хулятъ. Намедни сіе случилося, и я вамъ ето сообщаю для напечатанія; пусть увидятъ всѣ до какой глупости иногда пристрастіе насъ доводитъ. Одному моему пріятелю надобно было шить платье; мы ему совѣтовали, чтобы онъ на то платье взялъ сукна Ямбургской фабрики, увѣряя ево, что тѣ сукна въ добротѣ и въ цвѣтахъ ни чемъ Аглин-

скимъ сукнамъ не уступаютъ, не говоря, что они Аглинскихъ цѣною дешевлѣ: но онъ и слушать того не хотѣлъ, чтобы Рускія сукна были добротою равны Аглинскимъ. Онъ былъ тогда не очень здоровъ, и для того просилъ меня, чтобы съѣздилъ я на гостиной дворъ, и взялъ ему образцы Аглинскихъ суконъ. Я поѣхалъ, и какъ мнѣ сіе предразсужденіе всегда казалося смѣшнымъ, то захотѣлось мнѣ увѣрить моего пріятеля въ его несправедливости. Я взялъ образцовъ Аглинскихъ суконъ и Ямбургскихъ, и положа въ одну бумажку, показалъ моему пріятелю, сказавъ: что ето Аглинскія сукна; онъ выбралъ Ямбургскія, и любуися ихъ добротою, шутилъ надо мною, говоря: что онъ Ямбургскія сукна тогда покупать будетъ, когда они таковы же будутъ добротою, какъ Аглинскія. Послали за весьма искуснымъ портнымъ, показали ему образцы. Я ему потихоньку сказалъ, что тутъ одни Аглинскія, а другія Ямбургскія, чтобы онъ выбралъ изъ нихъ Аглинскія. Портной разсматривая бѣлое и палевое Ямбургское сукно, сказалъ: что они Аглинскія. Я внутренно радовался ихъ ошибкѣ, и послѣ взявъ Ямбургское сукно отдали портному. Портной черезъ два дни принесъ платье; пріятель мой оное надѣлъ, и былъ весьма доволенъ. Наконецъ я ему объявилъ ево ошибку; портной сказалъ, что сіи сукна между собою добротою такъ близки, что и различить почти не возможно, а пріятель мой тому вѣрить не хотѣлъ. Я отдалъ ему излишнія деньги: ибо Ямбургскія продаются по 3 руб. по 75 копѣекъ, а Аглинскія той

же доброты по 5 рублей. Пріятель мой наконецъ согласился повѣрить, но послѣ сказалъ: Ямбургскія сукна хотя и хороши, однакожъ столько не проносятся.

Г. издатель! сколько нашей братьи, которыя по наслышкѣ о вещахъ судятъ. Желательно бы было, чтобы сіе предразсужденіе изкоренилося, и чтобы наши Рускія художники и ремесленики были одобрены, и равнялися во всемъ съ иностранными, чему примѣровъ мы уже видѣли довольно.

Слуга вашъ * *

39.

Г. ИЗДАТЕЛЬ!

Въ нѣкоторыхъ приказахъ показался новой способъ брать взятки. Челобитчики или отвѣтчики бьются съ судьями и секретарями о закладъ такимъ образомъ: напримѣръ, истецъ хочетъ, чтобы беззаконное ево требованіе было рѣшено въ его пользу, и такъ онъ съ судьею споритъ, что къ такому то числу ето дѣло въ его пользу не рѣшится; а судья утверждаетъ что рѣшится. Закладъ всегда бываетъ по цѣнѣ того дѣла, и почти всегда сіи заклады выигрываютъ судьи. Г. издатель! я вамъ сіе сообщаю для напечатанія. Сіе безъ сомнѣнія дойдетъ до рукъ судей закладчиковъ, можетъ быть они устыдятся: сего только я и желаю; въ прочемъ будьте увѣрены, что я пребываю вамъ

доброжелателемъ.

Москва, 1769 года,
Августа 27 дня.

П. С.

P. S. Подобныя симъ извѣстія я и впредь вамъ сообщать буду: ибо вашъ журналъ мнѣ весьма полюбился.

ТРУТЕНЬ.
ЛИСТЪ XXII. СЕНТЯБРЯ 22 ДНЯ.

40.

СТИХИ

Александру Андреевичу Беклешову, на смерть брата его подполковника Арсенія убитаго, при одержанной Россійскимъ войскомъ надъ Турками побѣдѣ у Хотина, Августа 29 дня, 1769 года.

Велика Беклешовъ сія тебѣ утрата,
Лишился своего любезнаго ты брата,
Лишился купно въ немъ ты друга своего.
Оплачь, мой другъ, оплачь умѣренно его;
Пролей о немъ изъ глазъ источники ты слезны;
Скажи въ послѣднія: прости мой братъ любезный,
И болѣе сего ты слезъ своихъ не лей,
Ты сердце мужеско въ напасти сей имѣй,
Давай съ разсудкомъ ты сію природѣ плату,
И буди мужествомъ своимъ подобенъ брату.
Хотя его судьба жизнь кратку отняла,
Но прежде показавъ въ немъ храбрыя дѣла.
Пускай бы онъ еще на свѣтѣ семъ остался,
Пускай бы въ старости глубокой онъ скончался:
Начто желати намъ, начто долгайшій вѣкъ?
Не лѣтами великъ, дѣлами человѣкъ;
Коль бѣдствія тѣснятъ, волнуютъ духъ нашъ страсти,
И всякій часъ грозятъ намъ разныя напасти,
И коль необоримъ на свѣтѣ рокъ ни чемъ,
Не лутчель кончить жизнь, какъ кончилъ онъ съ мечемъ
Представь передъ собой, ты брата и героя,
Сражавшагось среди ужаснѣйшаго боя;

*

Представь, какъ онъ враговъ смертельно поражалъ,
Представь, какъ врагъ предъ нимъ въ смятеніи бѣжалъ;
Имѣючи въ себѣ онъ душу толь геройску,
Оставилъ славу тѣмъ и честь Россійску войску,
Оставилъ память онъ безсмертну по себѣ,
Оставилъ кушно честь и роду и тебѣ.

Василей Майковъ.

41.

СТИХИ.

Примпръ-Маіору Юрью Богдановичу Г. Бибикову.

Тобою Бибиковъ намъ вѣсть привезена,
Что сила Агарянъ, Россійской попрана,
Что наша молнія въ странахъ противныхъ блещетъ,
И что нашъ сопостатъ бѣжа ея трепещетъ.
О вѣстникъ радостный прехрабрыхъ Россіянъ!
Ты самъ участникъ былъ разбитья Агарянъ;
Хотя ты малой войскъ былъ части предводитель,
Надъ многимъ ты числомъ остался побѣдитель.
Твой врагъ передъ тобой бѣжати принужденъ.
Я храбрость симъ твою прославити пылаю,
И вотъ чево тебѣ, еще тебѣ желаю,
Подобенъ будь тому, кѣмъ Вернеръ побѣжденъ.

В. Майковъ.

Г. сочинителю сихъ стиховъ не могъ я сдѣлать болѣе угожденія, какъ помѣстить его стихи въ слѣдующемъ листѣ: ибо они мною получены Сентября 13 дня, то есть тогда, когда уже минувшій XXI. листъ былъ отпечатанъ. Впротчемъ свидѣтельствую

ему мою благодарность, за сообщеніе оныхъ; похвалу ему за оныя сплетать немогъ за тѣмъ, что сіе исполнить оставилъ господамъ читателямъ.

42.

Несмыслу богатому, но глупому дворянину, бывшему въ отставкѣ, пришла охота итти въ штатскую службу. Къ чему ты вознамѣрился скудоумной человѣкъ! когда ты не умѣешъ управлять собою и подвластными тебѣ крестьянами, то какъ можешъ ты быть судьею, которому разумъ и науки необходимо нужны. Останься въ своей деревнѣ, гдѣ ты хотя неразумнѣйшій, однако перьвый человѣкъ. Но дураки всегда упрямы, и разума себѣ по крайней мѣрѣ три пуда лишнія приписываютъ. Собравши съ крестьянъ впередъ за два года оброкъ, пріѣзжаетъ съ полными мѣшками въ Петербургъ доставать себѣ выгодное мѣсто. Уже знакомится съ камердинерами знатныхъ бояръ, даритъ ихъ и проситъ, чтобъ онъ представленъ былъ ихъ превосходительствамъ. Потавши долгое время передніе, сталъ на конецъ знакомъ во многихъ домахъ. Бояра начали съ нимъ говорить, и увидѣли, что онъ глупъ; однако по дворянству и по богатству ласкаютъ и привѣтствуютъ. Уже молодецъ нашъ въ знатныхъ домахъ и въ вистъ и въ ломберъ играетъ: хотя всякой день рублевъ по сотнѣ проигрываетъ, однако внутренно радуяся думаетъ, что мѣсто, которое онъ непремѣнно чревъ новыхъ пріятелей достанетъ, наградитъ ему всѣ убыт-

ки. *Несмыслъ* проситъ о мѣстѣ. Всякой бояринъ обѣщается ему отъ всего сердца служить, но при томъ думаетъ, что *Несмыслъ* съ ума сошелъ, и ни къ какому дѣлу не годится. Отставной нашъ помѣщикъ слыша лестныя обнадеживанiи, восхищается отъ радости; однако не долго нарадуешься бѣдной человѣкъ! Видно что ты еще не знаешъ обманчиваго языка бояръ знатныхъ. Проходитъ уже пять мѣсяцовъ, дворянинъ нашъ мѣста не получаетъ, но только что проигрывается и проживается. Первыхъ денегъ уже не стало; Несмыслъ надѣяся на обѣщанiи мнимыхъ своихъ милостивцовъ закладываетъ въ банкѣ деревню, но и тѣ деньги приходятъ къ концу. *Несмыслъ* началъ уже на бояръ сердиться, а бояра начали почитать его скучнымъ и несноснымъ. Онъ проклинаетъ теперь бояръ, несмотря на то, что онъ долженъ былъ бранить прежде всего свою глупость. Чтожъ на конецъ здѣлалось? Дворянинъ нашъ неполучивши мѣста, ѣдетъ на сихъ дняхъ опять въ свою деревню возвращать убытокъ съ крестьянъ своихъ; а прожитыя двенатцать тысячъ рублевъ показали ясно двору и городу, что г. *Несмыслъ* совершенной дуракъ.

43.

Г. Трутень!

Всѣ вы, господа издатели, чудныя люди: браните сь и сами не вѣдаете за что, а тѣмъ лишь толь-

ко занимаете свои листки, которыя, какъ сказываете, издаете для нашева увеселенія. Пожалуй будь хоть ты по умняе, не пиши браней, и не отвѣтствуй на нихъ; тебѣ гораздо больше содѣлаетъ ето славы, и тѣмъ то ты однимъ и побѣдишь своихъ бойцовъ; а вмѣсто того издавай по прежнему присылаемыя піесы, а то вѣть съ того времени, какъ завелася у васъ перяная междуусобная война, вы многимъ дѣлаете обиду, а между протчими и мнѣ. Я послалъ къ вамъ пѣсню моего сочиненія, а вы ее и понынѣ еще не напечатали. И такъ естьли захочется вамъ въ слѣдующемъ XXII. листѣ отвѣтствовать на брань, то вмѣсто того напечатайте мою пѣсню, чемъ вы одолжите

Вашего слугу.
В...

ПѢСНЯ.

Жить во щастье безъ помѣхи,
Радости вкушать и смѣхи,
Горести не ощущать.
Жизнь такая есть блаженна,
Но любовника разженна
Не умѣетъ обольщать.

Я довольняй былъ бы той судьбою,
Естьли бъ могъ почаще быть съ тобою.

На тебя когда взираю,
Я охотно презираю
Роскошь мира всю сего.

Красотой твоей прельщаться,
Ею въ страсти восхищаться,
Ставлю выше я всего.

Но довольняй былъ бы той судьбою,
Естьли бъ могъ я быть любимъ тобою.

О когда бы ты прекрасна
Учинилась мною страстна,
Преклонясь къ любви моей!
Щастіе сіе приятно,
Было бъ лестняй мнѣ стократно,
Щастья всѣхъ земныхъ царей

Но довольняй былъ бы той судьбою,
Естьли бъ съединился я съ тобою.

Таковой блаженной части,
Къ услажденью нѣжной страсти,
Не ласкаюсь получить;
Но когда бъ мнѣ царагая,
Равной страстію пылая,
Вздумала себя вручить

Ахъ! доволенъ былъ бы сей судьбою:
Сколько бъ радостей вкусилъ съ тобою?

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ XXIII. СЕНТЯБРЯ 29 ДНЯ.

44.

Г. ИЗДАТЕЛЬ!

Больныхъ тѣломъ всегда бываетъ много, а больныхъ душею еще больше. Перьвыя пусть лѣчатся у тѣхъ особъ, которыя имѣютъ позволеніе большую половину ими пользуемыхъ методически и систематически морить; а послѣднія, естьли угодно, могутъ пользоваться слѣдующими рецептами, которыя прошу напечатать, буде оныя вамъ будутъ непротивны. Я увѣряю, что сіи рецепты никакова никому непричинятъ вреда для того, что я по сіе время ни охоты, ни случая не имѣлъ подобныхъ себѣ убивать тварей: ибо я ни докторъ, ни аптекарь, ни пристрастной судья, и ни глупая повивальная бабка, но г. издателя

всепокорной слуга
Лѣчитель.

45.

РЕЦЕПТЫ.

Для его превосходительства г. Недоума.

Сей вельможа ежедневную имѣетъ горячку величаться своею породою. Онъ производитъ свое поко-

лѣніе отъ начала вселенной, презираетъ всѣхъ тѣхъ кои дворянства своего покрайней мѣрѣ за пять сотъ лѣтъ доказать не могутъ; а которыя здѣлалися дворянами лѣтъ за сто или меньше, съ тѣми и говорить онъ гнушается. Тотчасъ начинаетъ его трясти лихорадка, естьли кто предъ нимъ упомянетъ о мещанахъ или крестьянахъ. Онъ ихъ въ противность моднова нарѣчія не удостоиваетъ ниже имени подлости, а какъ ихъ называть, того еще въ пятьдесятъ лѣтъ безплодной своей жизни не выдумалъ; не ѣздитъ онъ ни въ церьковь, ни по улицамъ, опасаяся смертельнаго обморока, которой непремѣнно, думаетъ онъ, съ нимъ случится встрѣтившись съ неблагороднымъ человѣкомъ. Вотъ для чего сей вельможа, подобясь дикому медвѣдю, сосущему свои лапы, сдѣлалъ домъ свой навсегда лѣтнею и зимнею для себя берлогою: или лучше сказать, онъ сдѣлалъ домъ свой домомъ бѣшеныхъ, въ которомъ, отдавая себѣ справедливость, добровольно заключился. Затворникъ нашъ ежечасно негодуетъ на судьбу, что опредѣлила она ево тѣмъ же пользоваться воздухомъ, солнцемъ и мѣсяцемъ, которымъ пользуется простой народъ. Онъ желаетъ, чтобы на всемъ земномъ шарѣ не было другихъ тварей, кромѣ благородныхъ, и чтобъ простой народъ со всемъ былъ истребленъ; о чемъ неоднократно подавалъ онъ проекты, которыя многими ради хорошихъ и отмѣнныхъ мыслей были похваляемы; а многими были опорочены для того, что изобрѣтатель, для произведенія въ дѣйство своей выдумки, требовалъ напередъ трехъ сотъ милію-

новъ рублей. Вельможа нашъ ненавидитъ и презираетъ всѣ науки и художества, почитаетъ оныя безчестіемъ для всякой благородной головы. По его мнѣнію всякой шляхтичь можетъ все знать ни чему не учася; философія, математика, физика и прочія науки суть бездѣлицы, нестоящія вниманія дворянскаго. Гербовники и патенты, едва, едва отъ пыли и моля спасшіяся, суть однѣ книги, кои онъ безпрестанно по складамъ разбираетъ. Александрійскія листы, на которыхъ имена ево предковъ росписаны въ кружкахъ, суть однѣ картины, коими весь домъ его украшенъ; короче сказать деревья, чрезъ которыя онъ произхожденіе своего рода означаетъ, хотя многія сухія имѣютъ отрасли, но нѣтъ на нихъ такова гнилова сучка, каковъ онъ самъ, и нѣтъ такой во всѣхъ фамильныхъ его гербахъ скотины, каковъ его превосходительство. Однако г. *Недоумъ* о себѣ думаетъ противное, и по крайней мѣрѣ въ разумѣ великимъ человѣкомъ, а въ породѣ божкомъ себя почитаетъ: а чтобы и весь свѣтъ тому вѣрилъ, ради тово онъ старается не чрезъ полезныя и славныя дѣла отъ другихъ быть отличнымъ, но чрезъ великолѣпныя домы, екипажи и ливрею, не смотря что онъ для поддержанія своей глупости проживаетъ уже тѣ доходы, кои бы еще чрезъ десять лѣтъ проживать надлежало. Для излѣченія г. *Недоума* отъ горячки

РЕЦЕПТЪ.

Надлежитъ больному довольную мѣру здраваго привить разсудка и человѣколюбія, что изтребитъ изъ

него пустую кичливость и высокомѣрное презрѣніе къ другимъ людямъ: ибо знатная порода, есть весьма хорошее преимущество: но она всегда будетъ обезчещена, когда не подкрѣпится достоинствомъ и знатными къ отечеству заслугами. Мнится, что похвальняе бѣднымъ быть дворяниномъ или мещаниномъ и полезнымъ государству членомъ, нежели знатной породы тунеядцомъ, известнымъ только по глупости, дому, екипажемъ и ливрѣе.

46.

Для нѣкотораго судьи.

Старайся знать потребныя для твоего знанія науки, безъ нихъ ты никогда не будешь умѣть правильныхъ дѣлать заключеній и догадокъ. Человѣколюбіе и безкорыстіе должны перьвыми быть путеводителями твоего сердца. Берегись невѣжества глупыхъ господчиковъ и дерзости, съ которою они обо всемъ рѣшительно, но неправильно судятъ; бѣги праздности и лѣности, бѣги самолюбія приличнаго только худымъ авторамъ; а паче всего убѣгай пристрастія безсовѣстнаго *Стозмѣя:* оно есть врагъ чести, добродѣтели и истиннаго человѣчества. Когда ты все сіе истолчешъ въ порошокъ, и пересыплешъ имъ свое сердце и мозгъ, то будешъ судія отецъ, судія истинный, сынъ отечества, а не судія палачь.

47.

Для нѣкотораго военнаго человѣка.

Когда ты перестанешъ гордиться чиномъ, презирать мещанъ и крестьянъ, за тѣмъ только, что они

безчиновны, безчеловѣчно увѣчить себѣ подчиненныхъ; когда ты станешъ исправлять ихъ ласкою и своимъ примѣромъ, а не строгостію и мучительствомъ; когда ты возмешъ по цѣлому фунту, слѣдующаго, а именно: любви къ отечеству, желанія ко истинной славѣ, благоразумной неустрашимости, знанія въ военномъ искусствѣ, покорности къ начальникамъ, снизхожденія къ подчиненнымъ и терпѣнія въ нужныхъ случаяхъ, тогда по справедливости достоинъ будешъ тѣхъ лавровъ, коими герои украшаются.

48.

Г. *Самолюбъ* нѣсколько лѣтъ страждетъ самолюбіемъ по той причинѣ, что онъ Стихотворецъ. Сія болѣзнь ежедневно въ немъ увеличивается, а чрезъ то, сильное у него волненіе бываетъ во крови и обыкновенной бредъ. Онъ иногда говоритъ о славномъ нашемъ Россійскомъ Стихотворцѣ Г. С. сравнявшимся въ басняхъ съ *Лафонтеномъ*, въ Еклогахъ съ *Виргиліемъ*, въ Трагедіяхъ съ *Рассиномъ* и *Волтеромъ* и оставляющимъ свои притчи неподражаемымъ примѣромъ для нашихъ потомковъ, что онъ между Рускими писателями то, что былъ *Прадонъ* между Французскими. Такой бредъ онъ тогда обыкновенно повторяетъ, когда ево стихи не похвалятъ. Отъ сей болѣзни ему слѣдующей

РЕЦЕПТЪ.

24. зол: благоразумія 48. лот: знанія, произрастѣней именуемыхъ: *знать свою цѣну* 2. фун: *умѣть*

отдавать другимъ справедливость 2. фун: воды изъ ипокренова источника 3. фун: сіе все положа варить, и послѣ вмѣсто обыкновеннаго питья давать пить больному до совершеннаго излѣченія. Между тѣмъ всякія четверть часа надлежитъ ему смотрѣться въ волшебное зеркало, которое показывать будетъ достоинствы хулимаго имъ Стихотворца и собственныя ево недостатки. Естьлиж и сіе не поможетъ, тогда болѣзнь сія останется не излѣчимою.

49.

Начеркалъ, сочинилъ вздорную піесу, и вздумалъ, что онъ можетъ ровняться со всѣми славными комическими авторами. Сіе произошло отъ пристрастія и самолюбія, съ тѣхъ поръ не терпитъ онп сочинителя новой комедіи, за то только, что ево піеса хорошо написана, и что она всѣми разумными людьми похваляется. На конецъ отъ перьвыхъ болѣзней приключилась ему новая опаснѣйшая прежнихъ: онъ сталъ злоязычникъ, и всѣхъ тѣхъ ругаетъ, кто не похвалитъ его сочиненій. Отъ той болѣзни

РЕЦЕПТЪ.

Всякой день долженъ онъ читать свою піесу по два раза, сличая съ тою, которую онъ обокралъ и продолжать оное чтеніе три мѣсяца, что произведетъ въ немъ отвращеніе отъ той ево піесы; тогда увидитъ онъ свои недостатки и самолюбіе уменьшится; злоязычество же, произшедшее отъ самолюбія, есть болѣзнь неизлѣчимая.

Продолженіе рецептовъ въ слѣдующемъ листѣ.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ XXIV. ОКТЯВРЯ 6 ДНЯ.

РЕЦЕПТЫ.

50.

Простосердъ недомогаетъ болѣзнію, именуемою *слѣпая довѣренность*. По причинѣ сей болѣзни судитъ онъ о всѣхъ по себѣ, всѣмъ вѣритъ, и думаетъ, что люди не могутъ быти злыми за тѣмъ, что добрыми сотворены. Сіе мнѣніе часто ему плачено было худо: но онъ и тогда говаривалъ, что сіе дѣлалося по слабости человѣческой, а не по злому намѣренію вредить ближнимъ. Отъ такой ево опасной для него болѣзни прописанъ слѣдующей

РЕЦЕПТЪ.

На всѣхъ людей смотрѣть въ волшебной Лорнетъ, показывающей сердца съ нимъ говорящихъ людей. Сіе отъ той болѣзни ево конечно излѣчитъ; но при томъ долженъ онъ употреблять свое добросердечіе, отъ чего и здѣлается честнымъ здоровымъ человѣкомъ.

51.

Незрѣлъ, вспыльчивъ, имѣетъ бѣгучія мысли, но не со всѣмъ основательныя, а сердце кажется что доброе. По такому его нраву съ нимъ случаются

слѣдующія болѣзни: отъ бездѣлицы покраснѣетъ, взбѣсится и въ состояніи сдѣлать всякое дурачество въ своей запальчивости; а иногда онъ смѣется тому самому, за что бѣсился, и въ доброй часъ сноситъ наивеличайшія обиды. Бѣгучія мысли заводятъ ево подъ небеса, но дошедъ до своихъ границъ низвергаютъ въ заблужденіе, и тогда онъ сердится самъ на себя. Во гнѣвѣ не попадайся ему ни слуга, ни собака, ни лошадь: онъ всѣхъ перебьетъ. Когда же спокоенъ, то добросердіе ево всѣми видимо: оказываетъ услуги по своей возможности не только что своимъ пріятелямъ и знакомымъ, но въ состояніи одолжить и такова человѣка, котораго видѣлъ не болѣе двухъ разъ, и не знаетъ иногда, какъ ево зовутъ, отъ чево часто претерпѣвалъ убытки. Сему болящему слѣдующей

РЕЦЕПТЪ.

Не полагаться на свои мысли, и при начатіи каждаго дѣла подробно разсматривать свою способность и силы. Въ запальчивости своей пить ему холодную воду, и продолжать до тѣхъ поръ сіе питіе, доколѣ самъ не начнетъ смѣяться своему дурачеству. Отъ излишняго же добросердечія потребно ему золотниковъ 12 недовѣрчивости.

52.

Для нѣкотораго купца.

Ваша милость, имѣлъ случай съ помощію подкупленныхъ тобою бояръ, судей и подъячихъ набога-

титься отъ откуповъ и подрядовъ, или лутче сказать отъ разоренія народнаго. Хотя наполнилъ ты мѣшки свои серебромъ и золотомъ, но видно не наполнилъ ты головы своей разумомъ: презирая науки и почитая за грѣхъ читать свѣтскія книги, ты стараешься выйти въ другой свѣтъ, въ коемъ ты не родился, а именно: ты добиваешься быть дворяниномъ и имѣть чины: сыновей женить на дворянкахъ, а дочерей выдавать за дворянъ. Желать надобно, чтобъ сіе збылося; ибо ничто не вылѣчитъ такъ скоро твоей алчности къ чинамъ и дворянству, какъ то раскаяніе, когда новыя твои сродники все твое безъ совѣсти нажитое имѣніе промотаютъ.

53.

Для Г. Безразсуда.

Безразсудъ болѣнъ мнѣніемъ, что крестьяне не суть человѣки, но крестьяне; а что такое крестьяне, о томъ знаетъ онъ только по тому, что они крепостныя ево рабы. Онъ съ ними точно такъ и поступаетъ, собирая съ нихъ тяжкую дань, называемую *оброкъ*. Никогда съ ними не только что не говоритъ ни слова, но и не удостоиваетъ ихъ наклоненіемъ своей головы, когда они по восточному обыкновенію предъ нимъ по землѣ разпростираются. Онъ тогда думаетъ: *Я господинъ, они мои рабы, они для того и сотворены, чтобы претерпѣвая всякія нужды и день и ночь работать и исполнять мою волю исправнымъ платежемъ оброка: они памятуя мое*

и свое состояніе должны трепетать моего взора. Въ дополненіе къ сему прибавляетъ онъ, что точно о крестьянахъ сказано: *въ потѣ лица своего снеси хлѣбъ твой.* Бѣдныя крестьяне любить ево какъ отца не смѣютъ, но почитая въ немъ своего тирана, ево трепещутъ. Они работаютъ день и ночь, но со всемъ тѣмъ едва, едва имѣютъ дневное пропитаніе, за тѣмъ, что на силу могутъ платить господскія поборы. Они и думать не смѣютъ, что у нихъ есть что нибудь собственное, но говорятъ: *ето не мое, но Божіе и господское.* Всевышній благословляетъ ихъ труды и награждаетъ, а *Безразсудъ* ихъ обираетъ. Безразсудной! развѣ забылъ то, что ты сотворенъ человѣкомъ, не уже ли ты гнушаешься самимъ собою, во образѣ крестьянъ, рабовъ твоихъ? развѣ не знаешъ ты, что между твоими рабами и человѣками больше сходства, нежели между тобою и человѣкомъ. Вообрази рабовъ твоихъ состояніе, оно и безъ отягощенія тягостно: когдажъ ты гнушаешься тѣми, которыя для удовольствованія страстей твоихъ трудятся, почти безъ отдыхновенія: они не смѣютъ и мыслить, что они человѣки: но почитаютъ себя осужденниками за грѣхи отецъ своихъ, видя, что прочія ихъ братія у помѣщиковъ отцовъ, наслаждаются вождѣленнымъ спокойствіемъ, не завидуя никакому на свѣтѣ щастію, ради тово, что они въ своемъ званіи благополучны: то подумай, какъ должны гнушаться, тобою истинныя человѣки, человѣки Господа, Господа, отцы своихъ дѣтей, а не тираны своихъ, какъ ты, рабовъ. Они гнуша-

ются тобою, яко извергомъ человѣчества, преобращающаго нужное подчиненіе, въ несносное иго рабства. Но *Безразсудъ*, всегда твердитъ: *я господинъ, они мои рабы; я человѣкъ, они крестьяне.* Отъ сей вредной болѣзни

РЕЦЕПТЪ.

Безразсудъ долженъ всякой день по два раза разсматривать кости господскія и крестьянскія до тѣхъ поръ, покуда найдетъ онъ различіе между господиномъ и крестьяниномъ.

54.

Для госпожи Смѣхъ.

О ты! которая будучи пятидесяти лѣтъ стараешься казаться осмнатцати лѣтнею: ты которая всякой день пять часовъ просиживаешъ передъ зеркаломъ, въ которомъ учишься косить разнообразно глаза свои, дѣлать ужимки, бросать взоры нѣжныя, страстныя, застенчивыя, гордѣливыя, печальныя и отчаянныя. Ты которая чрезъ смѣшеніе разныхъ красокъ, порошковъ и умываньевъ представляешъ глазамъ нашимъ не естественное лицо свое, но маску разпещренную. Не пора ли тебѣ, сударыня, образумѣться, и не дѣлать изъ себя, съ позволеніемъ сказать, смѣшной дуры. Лѣты прелестей твоихъ протекли, и оставили въ доказательство того на лицѣ твоемъ морщины, въ кои никто ужѣ больше не влюбится, не изволишъ ли полѣчиться и принять слѣдующее лѣ-

*

карство: оставь не приличное тебѣ жеманство, брось румяны, бѣлилы, порошки, умыванья, и сурмилы, которыя смѣяться надъ тобою заставляютъ. Храни по крайней мѣрѣ хотя въ старости твоей благопристойность, которой ты въ молодости хранить не умѣла, и утѣшай себя напоминаніемъ прешедшихъ своихъ приключеній. Поступя такимъ образомъ, не будешъ ты ни смѣшна, ни презрительна.

ИЗВѢСТІЕ.

Въ сухопутномъ шляхетномъ Кадетскомъ корпусѣ у переплетчика Тидделіуса продается новонапечатанная книжка подъ заглавіемъ: *описаніе древняго Славянскаго языческаго баснословія*, каждой екземпляръ на бѣлой бумагѣ 17 коп: а на простой по 15 копѣекъ.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ XXV. ОКТЯБРЯ 13 ДНЯ.

55.

Г. ИЗДАТЕЛЬ!

Я увѣренъ, что вы ненавистникъ пороковъ и порочныхъ, и что вы не слѣдуете мнѣнію утверждающихъ, что порочнаго на лицо критиковать не надлежитъ, но вообще порокъ; да и то издалека и слегка. Я не вѣдаю какой они отъ такихъ дальныхъ околичностей ожидаютъ пользы. Извѣстно, что признаніе во своихъ слабостяхъ и порокахъ самому себѣ, дѣлаютъ весьма не многія: кто самъ себѣ признается во своихъ проступкахъ, тотъ ежели не со всемъ исправляется, такъ по малой мѣрѣ борется со своими страстями, и тому, по мнѣнію моему, потребны наставленіи, а не критика. Другія, кои больше самолюбивы и ослѣплены страстями, критику на общей порокъ писанную слегка, отъ его дѣйствій весьма удаленную, тотчасъ совращаютъ на лице другова; такой тогда еще болѣе ищетъ причинъ удалить оную отъ себя, нежели какъ критикъ, его пороки критикующей, искалъ отъ его лица удалиться. Въ такомъ случаѣ обыкновенно много помогаютъ ласкатели: ибо, ежели бы кто сталъ критиковать поступки знатнаго господина, тогда ласкатели безстыдно предупреждая его признаніе, тотчасъ сы-

щутъ невинное лицо, на которое совратятъ критику. Невинный тогда страждетъ, а порочный насмѣхается своимъ порокомъ въ лицѣ другаго. Вотъ всьо, чего отъ такихъ критикъ ожидать надлежитъ. Правда, что и ваше правило, въ разсужденіи критики, отъ ласкателей мало помогаетъ. Но тутъ страждетъ критикъ, естьли увидятъ, что критикованное лицо точно тѣ имѣетъ пороки, тогда хотя и признаются, но утверждая, что критикъ весьма злобной человѣкъ. Впрочемъ мое мнѣніе весьма съ вашимъ согласно, что критика на лицо больше подѣйствуетъ, нежели какъ бы она писана на общій порокъ. Напримѣръ: я много разъ видалъ, что когда представляютъ на театрѣ *Скупова*, тогда почти всякой скупой старикъ въ театръ смотрѣть ѣздитъ. Для чего же? для того, что онъ думаетъ тогда о какомъ нинаесть другомъ скупягѣ; а себя навѣрное тогда не вспомнитъ. Когда представляютъ *Лихоимца*, тогда кажется, что не всѣ скупыя на *Кащея* смотрѣть будутъ. Меня никто не увѣритъ и въ томъ, чтобы Моліэровъ *Гарпагонъ* писанъ былъ на общій порокъ. Всякая критика, писанная на лицо, по прошествіи многихъ лѣтъ обращается въ критику на общій порокъ, осмѣянной по справедливости, *Кащей*, со времянемъ будетъ общій подлинникъ всѣхъ лихоимцовъ. Я утверждаю, что критика, писанная на лицо, но такъ чтобы не всѣмъ была открыта, больше можетъ исправить порочнаго. Впротивномъ же случаѣ, естьли лицо такъ будетъ означено, что всѣ читатели ево узнаютъ, тогда порочный не исправится, по къ прежнимъ по-

рокамъ прибавитъ и еще новой, то есть злобу. Критика на лицо, безъ имяни, удаленная поелику возможно и потребно, производитъ въ порочномъ разкаяніе; онъ тогда увидитъ свой порокъ, и думая, что о томъ всѣ уже извѣстны, непремѣнно будетъ терзаемъ стыдомъ и начнетъ исправляться. Я вамъ скажу на ето примѣръ. Одинъ молодинькой писецъ читалъ много книгъ, и слѣдовательно видѣлъ, что худыхъ писцовъ не хвалятъ. Но однакожъ ему пришла охота къ писанію, онъ сочинилъ піесу, ее начали хвалить; хотя и видѣли его недостатки, но на перьвой случай хотѣли ево тѣми похвалами ободрить, надѣяся, что ежели онъ хорошенько вникнетъ, тогда и самъ свои недостатки увидитъ. Другія поступили съ нимъ искренняе. Они объявили ему его погрѣшности и недостатки: но онъ похвалы почиталъ отъ истинны произходящими, а критику отъ злобы и зависти. Ободренной писецъ и поощренной ко продолженію своихъ трудовъ, скоро началъ себя ровнять со славными писателями, а по томъ и вѣчной похвалы достойныхъ авторовъ началъ ругать. Друзья его остерегали многократно, по онъ утверждалъ, что они ошибаются. Послѣ начали ево критиковать на общее лицо. Говорили ему, что ежели въ сочиненіи случатся едакія погрѣшности, такъ ето порокъ: онъ на то соглашался, но въ своихъ сочиненіяхъ тѣхъ погрѣшностей не видалъ и не исправился. Онъ не переставалъ себя хвалить, а другихъ ругать, до того времени, какъ показалися на нево другія критики: не могъ уже онъ ошибиться, что

тѣ на него были писаны. Онъ спрашивалъ у друзей своихъ, правильны ли критики на нево писанные, и такъ ли онъ худо пишетъ, какъ тѣ утверждаютъ? Они признался, что весьма правильно. Ево ето тронуло. Онъ пересталъ писать, и ежели не со всѣмъ исправился, такъ по крайней мѣрѣ исправляется. Ибо онъ началъ признаваться, что онъ и самъ вѣдалъ, что пишетъ онъ худо. Но надѣяся когда нибудь исправиться, въ томъ упражнялся. Но какъ скоро примѣтилъ, что онъ не успѣваетъ, такъ скоро и пересталъ писать. Что онъ писалъ по одной только охотѣ, и что онъ никогда недумалъ, что ето ево métier (*). Вотъ вамъ примѣръ, ежели станутъ утверждать, что сей писецъ отъ тѣхъ критикъ не исправится, о томъ я спорить не буду, но и не повѣрю, чтобы онъ исправился общею критикою. На конецъ сообщаю вамъ г. издатель описаніе безсовѣстнаго поступка одного чиновнаго человѣка съ купцомъ. Пусть увидятъ, достоинъ ли онъ критики, и пусть скажутъ, что онъ бы общею критикою на бездѣльниковъ исправился.

Пролазъ, человѣкъ чиновной и непослѣдней мотъ, былъ долженъ одному честному купцу по векселю. Срокъ пришелъ. Купецъ требовалъ денегъ, а *Пролазъ* не отдавалъ, надѣяся что купецъ по знакомству съ его приятелями просить на него не будетъ. Купецъ

(*) Metier, по Руски ремесло, и тутъ вымолвлено тѣмъ писцомъ ошибкою, но такую ошибку, кажется, можно простить: ибо не весьма легко человѣку, равнявшемуся со славными авторами и весьма самолюбивому, признаваться, что онъ пишетъ худо.

по многократномъ хожденіи, на конецъ вознамѣрился вексель отдать въ протестъ и по немъ взыскивать. Но *Пролазъ* нашелъ способъ съ нимъ раздѣлаться безъ платы денегъ. Случилося имъ быть вмѣстѣ въ гостяхъ, купецъ подпилъ, и *Пролазъ* не упустилъ ево по разгорячить, что онъ ему денегъ не отдастъ, и что ежели онъ будетъ просить на него, такъ ничево не сыщетъ. Купецъ послѣ сего Пролаза выбранилъ; а *Пролазъ* ничево ему не отвѣчая сказалъ: *милости прошу прислушать*, и на другой день подалъ челобитную. На конецъ вмѣсто бещестія взялъ обратно свой вексель съ надписью, что по оному деньги получены, да для наступившей зимы, супругѣ своей не худой на шубу мѣхъ. Пролазъ долгомъ поквитался, а купецъ за то, что плута назвалъ бездѣльникомъ, потерялъ свои деньги.

Пожалуйте г. издатель помѣстите мое письмо въ вашихъ листахъ. Вы одолжите тѣмъ вашего слугу.

Правдулюбова.

56.

Г. ИЗДАТЕЛЬ!

При нынѣшнемъ рекрутскомъ наборѣ, по причинѣ запрещенія чинить продажу крестьянъ въ рекруты, и съ земли до окончанія набора, показалося новоизобрѣтенное плутовство. Помѣщики, забывшіе честь и совѣсть, съ помощію ябѣды выдумали слѣдующее: продавецъ согласясь съ покупщикомъ, велитъ

ему на себя бить челомъ въ завладѣніи дачь; а сей имѣвъ нѣсколько хожденія потому дѣлу, на конецъ подастъ обще съ исцомъ мировую челобитную, уступая въ искъ того человѣка, котораго онъ продалъ въ рекруты.

Г. издатель! вотъ новой родъ плутовства, пожалуйте напишите ко отвращенію сего зла, средство.

Вашъ слуга
П. С.

МОСКВА.
1769 года, Октября 8 дня.

* * * * * * * * * * *

Ето не мое дѣло.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ XXVI. ОКТЯБРЯ 20 ДНЯ.

57.

Для Г. Скудоума.

Скудоумъ, сынокъ приказнаго человѣка, грабившаго цѣлой свѣтъ, имѣетъ слѣдующія болѣзни: онъ презираетъ свою почтенія достойную супругу, которая не только что его сдѣлала щастіе, но и всей *Скудоумовой* фамиліи: а *Скудоумъ*, не чувствуя ни малой къ ней благодарности, таскается по всему городу и влюбляется въ такихъ, съ коими обхожденіе наноситъ безчестіе. Друзей имѣть не можетъ затѣмъ, что много естьли мѣсяцъ съ кѣмъ знается, а то тотчасъ сыщетъ причину поссориться. И слѣдуя наставленіямъ одного пооглядѣвшагося въ свѣтѣ бродяги, пользующагося его малоумiемъ, лазитъ по голубятнямъ, гоняетъ голубей, держитъ пѣтуховъ, кои бьются между собою, и кормитъ разнаго роду мерзкихъ сабакъ. Славныя авторы заключены у него въ шкапѣ краснаго дерева съ разбитыми стеклами, отъ частаго чтенія моль половину ихъ переѣла, а остатки покрыты пылью. Вотъ какая участь авторамъ, попадшимъ въ руки невѣжи. Отъ сихъ болѣзней слѣдующей

РЕЦЕПТЪ.

Какъ всѣ *Скудоумовы* болѣзни происходятъ отъ недостатку разума, то потребно ему принимать вся-

кой день по 10 золотниковъ здраваго разсужденія, по 8 унцій охоты къ чтенію хорошихъ авторовъ, и безпрестанно нюхать порошокъ, прочищающей толстыя перепонки, наросшія на его мозгу.

58.

Г. издатель!

Изъ вашихъ сочиненій примѣтилъ я, что вы къ состоянію крестьянъ чувствительны. Вы о нихъ сожалѣете вообще: похвально; но коликагожъ достойны сожалѣнія тѣ, кои во владѣніи у худыхъ помѣщиковъ! Я къ вамъ сообщаю отписки одного старосты къ его помѣщику и помѣщиковъ указъ къ крестьянамъ; вы изъ того усмотрѣть можете, какъ худыя помѣщики надъ крестьянами данную власть употребляютъ во зло, и что такія господа едва ли достойны быть рабами у рабовъ своихъ, а не господами.

Слуга вашъ Правдинъ.

59.

Копія съ отписки.

Государю Григорью Сидоровичу!

Бьютчеломъ *** отчины твоей староста Андрюшка со всѣмъ миромъ.

Указъ твой господской мы получили, и денегъ оброчныхъ со крестьянъ на нынѣшнюю треть собра-

ли: съ сельскихъ ста душъ, сто дватцать три рубли, дватцать алтынъ; съ деревенскихъ съ пятидесяти душъ шестьдесятъ одинъ рубль, семнатцать алтынъ; а въ недоимкѣ за нынѣшнюю треть осталось на сельскихъ дватцать шесть рублевъ, четыре гривны, на деревенскихъ тринатцать рублевъ, сорокъ девять копѣекъ: да послано къ тебѣ, государь, прошлой трети недоборныхъ денегъ съ сельскихъ и деревенскихъ сорокъ три рубли дватцать копѣекъ, а больше собрать немогли: крестьяне скудны, взять негдѣ, нынѣшнимъ годомъ хлѣбъ не родился, на силу могли сѣмена въ гумны собрать. Да богъ посѣтилъ насъ скотскимъ падежемъ, скотина почти вся повалилась; а которая и осталась, такъ и ту кормить нечемъ, сѣна были худыя, да и соломы мало, и крестьяне твои, государь, многія пошли по миру. Неплательщиковъ по указу твоему господскому на сходѣ сѣкъ нещадно, только они оброку не заплатили, говорятъ, что негдѣ взять. Съ Ѳилаткою, государь, какъ поволишь? денегъ не плотитъ говоритъ, что взять негдѣ: онъ самъ все лѣто прохворалъ, а сынъ большой померъ, остались малинькія робятишки; и онъ нынѣшнимъ лѣтомъ хлѣба не сѣялъ, нѣкому было землю пахать, во всемъ дворѣ одна была сноха, а старуха его и съ печи не сходитъ. Подушныя деньги за него заплатилъ миръ, видя ево скудость; а за твою, государь, недоимку по указу твоему продано ево двѣ клети за три рубли, за десять алтынъ; корова за полтора рубли, а лошади у нево всѣ пали, другая коровенка оставлена для ра-

бятишекъ, кормить ихъ нечемъ: миромъ сказали, буде ты ево въ томъ не простишь, то они за ту корову деньги отдадутъ, а рабятишекъ поморить, и ево въ конецъ разорить не хотятъ. При семъ послана къ милости твоей Ѳилаткина челобитная, какъ съ нимъ самъ поволишь, то и дѣлай; а онъ уже не плательщикъ, покуда не подростутъ робятишки; безъ скотины, да безъ дѣтей нашъ братъ твоему здоровью не слуга. Миромъ, государь, тебѣ бьютчеломъ о завладѣнной у насъ *Нахрапцовымъ* землѣ, прикажи ходить за дѣломъ: онъ насъ здѣсь раззоряетъ, и землю отрѣзалъ по самыя наши гумна, нѣкуда и курицы выпустить; а на дѣло по указу твоему господскому собрано тритцать рублевъ, и къ тебѣ посланы безъ доимки; за неплательщиковъ положили тяглыя, только прикажи, государь, добиваться по дѣлу. *Нахрапцовъ* на насъ въ городѣ подалъ явочную челобитную, будто мы у него гусями хлѣбъ потравили, и потому ево челобитью была за мною изъ города посылка. Меня въ отчинѣ тогда небыло, посыльныя забрали въ городъ шесть человѣкъ крестьянъ въ самую работную пору; и я, государь въ городъ ѣздилъ просилъ Секретаря и Воеводу, и крестьянъ вашихъ выпустили, только по тому дѣлу стало миру, денегъ шесть рублевъ, возъ хлѣба, да пять возовъ сѣна. *Нахрапцовъ* попался намъ на дорогѣ, и грозился насъ опять засадить въ тюрму; Секретарь ему родня, и онъ насъ очень обижаетъ. Отпиши, государь, къ Прокурору: онъ бояринъ доброй, ничего не беретъ, когда къ нему на поклонъ придешъ,

и онъ твою милость знаетъ, авосьлибо онъ за насъ вступится и Секретаря уйметъ, а Воевода никакихъ дѣлъ не дѣлаетъ, ѣздитъ съ собаками, а дѣла всѣ знаетъ Секретарь. Вступись, государь, за насъ своихъ сиротъ: коли ты за насъ не вступишься, такъ насъ со всѣмъ раззорятъ и *Нахрапцовъ* всѣхъ насъ пуститъ въ миръ. Да еще твоему здоровью всѣмъ миромъ бьютчеломъ о сбавкѣ оброчныхъ денегъ, намъ уже стало не въ могуту; послѣ переписи у насъ въ селѣ и въ деревнѣ померло больше тридцати душъ, а мы оброкъ платимъ всьо тотъ же; покуда смогли такъ мы таки твоей милости тянулись, а нынче стало уже не-въ мочь. Буде не помилуешъ, государь, то мы всѣ въ конецъ раззоримся; не плательщики все прибавляются, и я по указу твоему сборъ дѣлалъ всякое воскресеніе, и не плательщиковъ сѣку на сходѣ, только имъ взять негдѣ, какъ ты съ ними ни поволишь. Еще твоей милости доношу, ягоды и грибы нынѣшнимъ лѣтомъ не родились, бабы просятъ, чтобы изволилъ ты взять деньгами, по чему укажешъ за фунтъ; да еще просятъ, чтобы за пряжу и за холстину изволилъ ты взять деньгами. Лѣсу твоего господскова продано крестьянамъ на дрова на семь рублевъ съ полтиною; да на двѣ избы, по пяти рублевъ за избу. И деньги, государь, всѣ съ Антошкою посланы. При семъ еще послано штрафныхъ денегъ съ Ипатки за то, что онъ въ челобитьѣ своемъ тебя, государь, оболгалъ и на племянника сказалъ, будто онъ ево не слушался, и за тѣмъ съ нимъ разошолся, взято по

указу твоему тридцать рублевъ. Съ Антошки за то, что онъ тебя въ челобитной назвалъ отцомъ, а не господиномъ, взято пять рублевъ. И онъ на сходѣ высѣченъ. Онъ сказалъ: *я де его сказалъ съ глупости*, и на предки онъ тебя, государя, отцомъ называть не будетъ. Дьячку при всемъ мирѣ приказъ твой объявленъ, чтобы онъ впредь такъ не писалъ. Остаемся раби твои староста Андрюшка со всѣмъ миромъ, земно кланяемся.

Другая отписка и господской указъ помещены будутъ въ послѣдующихъ листахъ.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ XXVII. ОКТЯБРЯ 27 ДНЯ.

60.

Г. издатель!

Я прибѣгаю къ вамъ и прошу вашей помощи. Въ сосѣдствѣ со мною оказалися болѣзни, отъ которыхъ господа лѣчители тѣлъ нашихъ отказались, говоря: *не наше де ето дѣло*. И такъ надѣяся на васъ, опишу вамъ болѣзни моихъ сосѣдей; а вы пожалуйте напишите имъ рецепты, которыя съ благодарностію приметъ

вашъ слуга.
Заботинъ.

61.

Перьвая моя сосѣдка госпожа *Непосѣдова*, больна припадкомъ ѣздить изъ дома въ домъ безпрестанно; переносить вѣсти, ссорить друзей, супруговъ и всѣхъ, ково случится. Сіе дѣлаетъ отъ добраго сердца: ибо она всѣхъ любитъ равно; и такъ естьли гдѣ услышитъ о комъ слово, то уже не преминетъ пересказать дѣйствительно изъ одного сожалѣнія. Сіе ее сожалѣніе часто производитъ ссоры, и для того потребенъ ей отъ сей болѣзни рецептъ.

62.

Г. *Мешковъ* имѣетъ болѣзнь для своего прибытка честныхъ людей поносить. Онъ обманываетъ всѣхъ по своей возможности; въ глаза льститъ, а за очно ругаетъ, и для полученія какой нибудь вещи, не щадитъ ни чести, ни добродѣтели, ни совѣсти, ни законовъ. Онъ содержитъ роспись всѣмъ женщинамъ, съ которыхъ во Франціи и Голландіи собирается пошлина; знаетъ, которая изъ нихъ съ кѣмъ знакома, по знакомилась, или поссорилась, и за что. Онъ ежедневно разсказываетъ премножество новостей, хотя оныя въ городѣ и неслучались; показываетъ себя ученымъ и честнымъ человѣкомъ; критикуетъ поступки всѣхъ гражданъ. Дѣла всякія рѣшитъ, показывая свою остроту; выдумываетъ новыя изобрѣтенія и никогда оныя не исполняетъ. Словомъ, ежели бы избирать надлежало изъ бездѣльниковъ министра, такъ бы лучше ево сыскать было невозможно. Ему потребенъ рецептъ.

63.

Г. *Злораду*, думающему, что слугъ ему подчиненныхъ ко исполненію своихъ должностей ни чемъ инымъ принудить не возможно, какъ строгостію, иль паче звѣрствомъ и жестокими побоями. Для сей причины, подчиненныхъ ему слугъ, и за самомалѣйшія слабости и оплошности, наказываетъ звѣрски. Онъ не говоритъ съ ними никогда ласково, но такими словами, которыя въ нихъ производятъ ужасъ. Одѣваетъ, обуваетъ и кормитъ онъ своихъ слугъ весь-

ма худо, утверждая, что когда сіи безумія его нещастныя невольники чувствуютъ голодъ и холодъ, тогда ежеминутно памятуютъ они свое рабство, и, по его мнѣнію, слѣдовательно тѣмъ побуждаются ко исполненію своихъ должностей. Любовь къ человѣчеству онъ опровергаетъ, но утверждаетъ, что рабамъ жестокость и наказаніе такъ, какъ и дневная пища необходимо нужны. Надлежитъ думать, что онъ имѣетъ сердце напоенное лютымъ звѣрствомъ и жестокостію, когда не слышитъ вопіющаго гласа природы: *и рабы человѣки*. А нравъ ево весьма соотвѣтствуетъ испорченному ево воспитанію. Отъ такой болѣзни надлежитъ прописать рецептъ.

64.

Гжѣ *Бранюковой*.

Сія боярыня поминутно бранится съ друзьями, дѣтьми, слугами и своими дѣвками. Она не можетъ ничево приказать не побраня. Друзья ее или вѣтрены, или угрюмы, или очень скупы, или расточительны; дѣти упрямы, слуги и дѣвки лѣнивы, воры, пьяницы, моты, картежники; словомъ: она такъ бранчива, что ежели не найдетъ хотя малѣйшей причины ково нибудь побранить, то бранитъ она самое себя. Отъ безпрерывнаго ворчанья часто бываетъ она больна разными припадками. Ей потребенъ рецептъ.

65.

Миловидъ думаетъ, что всѣ женщины должны въ него влюбляться, и для того непрестанно за всѣми

волочится. Онъ и вѣрить тому не хочетъ, чтобы нашлась такая женщина, которая бы въ нево не влюбилась. Любовь ево бываетъ недолговременна: ибо онъ всѣмъ собою жертвуетъ, и мысленно всѣхъ себѣ приноситъ въ жертву. Отъ сего припадка надлежитъ ему полѣчиться.

66.

Шестнатцатилѣтней дѣвушкѣ весьма хочется выйти за мужъ, ради того, что матушка ее часто журитъ и не даетъ воли, отъ чего часто бываютъ у нее разныя припадки.

67.

Глупомыслъ хочетъ непремѣнно знатнымъ быть господиномъ, хотя имѣетъ чинъ и весьма малинькой. Онъ почитаетъ себя весьма обиженнымъ: ибо по его мнѣнію онъ можетъ быть и Фельдмаршеломъ и Министромъ и Сенаторомъ, и всѣмъ тѣмъ, что есть на свѣтѣ знатно; а въ самомъ дѣлѣ *Глупомыслъ* ничто иное, какъ дуракъ, и ни къ какимъ дѣламъ не годится.

68.

РЕЦЕПТЫ.

I.

ГОСПОЖѢ НЕПОСѢДОВОЙ.

Больная должна чаще быть дома, и смотрѣть за своею экономіею. Тогда останется у нее гораздо меньше времени на безполезныя ее выѣзды, и она не здѣлаетъ столько вреда и друзьямъ своимъ и самой себѣ; а между тѣмъ принимать ей по три порошка въ день, составленныхъ изъ *благоразумія* и

истинной дружбы, которыя произведутъ въ ней побужденіе ко услугѣ ближнимъ, и истинное дружество основывающееся на чести и добродѣтели, и нечувствительно вселитъ отвращеніе отъ вредныхъ пересказываній.

II.

ДЛЯ Г. МЕШКОВА

Не могъ я прописать рецепта по причинѣ многочисленныхъ его припадковъ. Для ево выздоровленія непремѣнно надлежитъ собрать совѣтъ: я не могу сказать утвердительно, но кажется мнѣ, будто у нево болѣзнь неизлѣчимая.

III.

ДЛЯ Г. ЗЛОРАДА.

Чувствованій истиннаго человѣчества 3 лота; любви къ ближнему 2 золотника, и соболѣзнованія къ нещастію рабовъ 3 золотн: положа вмѣстѣ истолочь, и давать больному въ теплой водѣ; а потомъ всякой часъ давать ему нюхать спиртъ дѣлающейся изъ благоразумія. Естьлижъ и сіе не поможетъ, тогда дать больному принять волшебныхъ капель отъ 30 и до 40. Сіи капли произведутъ то, что онъ самъ нѣсколько часовъ будетъ чувствовать рабское состояніе, и послѣ сего онъ конечно излѣчится.

IV.

ГОСПОЖѢ БРАНЮКОВОЙ.

Всякой день по большому стакану давать пить воды, настоянной съ благоразуміемъ. Сіе утишитъ

безпрестанное волненіе въ ея крови, и произведетъ то, что она кропотливостью своею сама будетъ гнушаться, и послѣ того увидитъ, что люди безъ погрѣшностей быть не могутъ, и что иногда оныя прощать весьма нужно.

V.

Болѣзнь Г. *Миловида* минуется съ лѣтами, естьли онъ не старѣе 30 лѣтъ. Буде же старѣе, то хотя болѣзнь сія и неопасная, но однакожъ неизлѣчимая.

VI.

Дѣвицѣ, желающей выйти за мужъ, надлежитъ принять до 30 горькихъ капель, имянуемыхъ *брачныя узы*. По принятіи сихъ капель конечно не такъ скоро захочетъ она за мужъ, но пожелаетъ остаться у своей матушки.

VII.

Г. *Глупомыслъ* желаетъ невозможнаго и для него вреднаго. Сіе произошло отъ худыхъ мокротъ усилившихся въ немъ при его воспитаніи. Для очищенія его отъ сихъ мокротъ, надлежитъ ему принять *благоразуміе*, такъ какъ оно обыкновенно благороднымъ дѣтямъ прививается въ сухопутномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ. Естьлижъ лѣты его не позволятъ ему сей прививки здѣлать, то сія болѣзнь едва ли излѣчимая.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ XXVIII. НОЯБРЯ 3 ДНЯ.

69.

Смѣющейся Демокритъ.

Ба! ето тотъ, въ изорванномъ идетъ лахмотьѣ, скупяга, которой во весь свой вѣкъ собираетъ деньги и расточаетъ совѣсть; умираетъ съ голоду и холоду, которой подчиненныхъ ему слугъ приучаетъ ѣсть для жизни: то есть, сколько потребно, для удержанія души въ тѣлѣ; которой беззаконнымъ лихоимствомъ вездѣ прославился, которой наложилъ на себя и на прочую дворовую ево скотину постъ во весь годъ, которой зимою по однажды въ недѣлю топитъ печь во своей лачугѣ, которой радъ продать самого себя за гривну, и которой накопилъ сорокъ тысячь рублей, на то только, чтобы по смерти своей оставить ихъ глупому плѣмяннику; тому семнатцатилѣтнему сквернавцу, которой скупостію и безсовѣстнымъ лихоимствомъ превзошелъ шестидесятилѣтняго своего дядю, которой самъ у себя крадетъ деньги, и беретъ съ самого себя за ту кражу штрафъ, и которой во весь свой вѣкъ не хочетъ жениться для того только, чтобы на содержаніе жены и дѣтей не тратить излишняго дохода. О! они достойны, чтобы надъ ними посмѣяться. Ха! ха! ха!

Кажется, что я вижу ему противоположника. Конечно ето *Мотъ*? такъ, онъ и есть. О! етотъ молодецъ не имѣетъ пороковъ своего батюшки; но вмѣсто того зараженъ другими не лучше тѣхъ. Батюшка ево беззаконно собиралъ деньги; а сей безумно ихъ расточаетъ. Скупой ево родитель съѣдалъ то въ мѣсяцъ, чтобы надлежало въ одинъ день скушать: на противъ того *Мотъ*, то въ день съѣдаетъ, чтобы въ годъ ему съѣсть надлежало; тотъ хаживалъ пѣшкомъ для того только, чтобъ не тратить денегъ на кормъ лошади; а сей держитъ шесть коретъ и шесть цуговъ лошадей, опричь верьховыхъ и санныхъ для тово, чтобы не наскучило въ одномъ ѣздить екипажѣ. Тотъ дватцать лѣтъ таскалъ одинъ кавтанишка, а *Моту* и въ одинъ годъ дватцати паръ кажется мало. Короче сказать, отецъ всякими непозволенными средствами, лихоимствомъ, обидою ближнихъ и раззореніемъ безпомощныхъ собралъ себѣ великія сокровища; а *Мотъ* раззоряя самого себя, другихъ надѣляетъ. Оба они дураки и обѣимъ имъ посмѣюся. Ха! ха! ха! ха!

Вотъ еще ковалеръ достойной смѣха. Ето *Надмѣнъ*. Онъ имѣетъ знатной чинъ, великой достатокъ и малой умъ; ему велѣно дѣлать людей блаженными, по елику можно, но онъ и послѣднее спокойство у нихъ отнимаетъ. *Надмѣнъ* не говоритъ ни съ кѣмъ ласково за тѣмъ, что не хочетъ себя до тово унизить. Милостей ни кому не дѣлаетъ, но иногда

обѣщаетъ. Онъ хочетъ, чтобы всѣ ево искали покровительства: но подъ оное никово почти не принимаетъ; а ежели бы и вздумалось ему сію милость кому здѣлать, такъ тотъ ничево бы не выигралъ: ибо *Надмѣнъ* ково больше любитъ, того больше и наказываетъ. Въ заключеніе, *Надмѣнъ* всѣхъ глупяе; а думаетъ, что всѣ ево глупяе. Какъ надъ нимъ не посмѣяться! Ха! ха! ха!

Ба! ето г. *Влюбчивъ*. Что онъ такъ скоро бѣжитъ? на лицѣ у нево написана радость; онъ поетъ и прыгаетъ, конечно поналась ему новая любовница; онъ ихъ такъ перемѣняетъ часто, какъ верхнія рубашки, и точно такъ съ ними и поступаетъ, какъ съ рубашками; надѣнетъ, любуется; замараетъ, броситъ; велитъ вымыть, надѣнетъ еще, и еще броситъ, и такъ далѣе; сколько женщинъ, столько у нево и любовницъ. Впрочемъ г. *Влюбчивъ* утверждаетъ и всѣхъ увѣряетъ, что онъ самой постоянной и вѣрной любовникъ нашего вѣка. Онъ теперь веселъ, и я ему посмѣюся, ха! ха! ха! — Но полно онъ жалокъ, онъ скоро будетъ печаленъ. Ха! ха! ха!

Вотъ еще дуракъ, но только другова рода. Ето *Простъ*. Кажется, что онъ очень печаленъ, идетъ потупя голову и нахмуря глаза въ превеликой задумчивости. Бѣднякъ сей въ нашемъ вѣкѣ ищетъ Лукрецію, нигдѣ не находитъ, и о томъ сходитъ съ ума. Онъ чрезвычайно влюбленъ въ постоянство

романическихъ Героинь. Надъ нимъ часто смѣются, и онъ иногда бываетъ очень забавенъ. Печаль ево конечно бы *Ераклида* тронула, и онъ бы заплакалъ: но мнѣ хочется смѣяться. Ха! ха! ха! ха! ха!

. . . . . .

Ето кто такъ прытко скачетъ? ба! *Плохъ*. Онъ спѣшитъ показать свою глупость въ какомъ нинаесть знатномъ домѣ. *Плохъ* тщеславится тѣмъ, что имѣетъ входъ къ знатнымъ господамъ, таскается къ нимъ сколько возможно чаще, и дѣлаетъ въ угодность ихъ разныя дурачества, думая оказать другимъ свое у нихъ могущество. Вмѣшивается въ ихъ разговоры, и ничево не зная, думаетъ оказать себя разумнымъ; онъ читаетъ книги, но ничево не понимаетъ; ходитъ въ Театръ, критикуетъ актеровъ, и по наслышкѣ затвердя, споритъ: етотъ актеръ хорошъ, а етотъ худъ. Знатнымъ господамъ разсказываетъ разныя небылицы, и старается говорить острыя слова, но всегда не къ статѣ: словомъ, *Плохъ* старается себя увѣрить, что поступки ево разумны, однакожъ всѣ думаютъ, что они глупы. Ха! ха! ха!

Ханжа выступаетъ смиренно изъ церькви, раздаетъ по полушечькѣ бѣднымъ, ево окружающимъ, и щитаетъ оныя по чоткамъ. Идучи читаетъ молитвы, отъ женщинъ свой взоръ отвращаетъ, оберегая свои очи: ибо онъ говоритъ, чтобы конечно оба ихъ изткнулъ, ежели бы они ево соблазнили. *Ханжа* грѣшитъ по минутно, но показываетъ себя пра-

ведливомъ идущимъ по пути устланному терніемъ. Притворныя молитвы, набожность и посты, не мѣшаютъ ему раззорять и утѣснять сколько возможно подобныхъ себѣ. *Ханжа* грабилъ тысячами, а раздаетъ полушками. Такою наружностію онъ многихъ обманываетъ. Молодымъ людямъ ежечасно толкуетъ девять блаженствъ, но самъ въ шестьдесятъ лѣтъ своей жизни ни одинажды ни котораго не успѣлъ здѣлать. *Ханжа* ходитъ всегда смиренно, и не возводитъ никогда своихъ глазъ на небо, за тѣмъ, что не надѣется обмануть тамъ живущихъ: но смотря въ землю обманываетъ ея обитателей. Ха! ха! ха!

Вотъ ѣдетъ госпожа! она вчерась вышла за мужъ, а севодни спѣшитъ на свиданье съ любовникомъ. Ха, ха, ха!

Я вижу двухъ человѣкъ; одинъ другова увѣряетъ въ своей дружбѣ, и обманываетъ; а другой притворяется, будто тому вѣритъ, и будто онъ не знаетъ, какъ тотъ ево поноситъ. Оба обманываютъ и оба обманываются. Ха! ха! ха!

Что ето за человѣкъ бѣжитъ въ такомъ отчаяніи? А! ето *Втренъ*. Ево обманула любовница, и онъ хочетъ удавиться. Онъ жалокъ.... Но вонъ тамъ идетъ женщина: она съ нимъ встрѣтилась, и онъ

свое намѣреніе оставляетъ. На чтожъ дурачиться? Ха! ха! ха!

Вотъ г. *Кривотолкъ*: онъ торопится здѣлать доѣзду одному бумагомарателю, перетолковавъ написанное имъ въ худо безъ малѣйшаго основанія. По нещастію онъ въ силахъ сіе исполнить, но я сему дурачеству посмѣюся. Ха! ха! ха! ха! ха! ха!

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ XXIX. НОЯБРЯ 10 ДНЯ.

70.

Господинъ издатель!

Я вамъ знакомъ; однако не скажу теперь, кто таковъ. Я къ вамъ искренепъ . . . . . Но оставимъ ето, и поговоримъ о другомъ. Мнѣ извѣстно, что описаніе произшествій пороками преисполненныхъ, и изданное въ свѣтъ тисненіемъ, три въ себѣ имѣетъ пользы; перьвая, таковыя описаніи порочныхъ поступокъ, или сатиры на порочныхъ есть зеркало всѣмъ достойнымъ осмѣянія лицамъ: вторая, такихъ сатиръ чтеніе приноситъ удовольствіе добродѣтельнымъ гражданамъ; ибо они видя порочныхъ критикуемыхъ, надъ оными превозносятся мысленно, не пышными титлами и богатствомъ, но добродѣтельными поступками: третія, приноситъ небольшую, но однакожъ безгрѣшную прибыль сочинителямъ.

Я написалъ двенатцать піесокъ стихами, и наименовалъ каждую изъ нихъ *Быль*, и оныя сообщая, хочу вамъ ими услужить. На перьвой случай я посылаю къ вамъ двѣ *Были*, и ето для того, чтобы узнать ваше о моихъ трудахъ мнѣніе. Когда же они примутся благосклонно, то и достальныя къ вамъ сообщитъ

вашъ доброжелатель
Азазель Азазезовъ.

Октября 20 дня
1769 года.

P. S. Многія говорятъ: личныя сатиры ничто иное, какъ дерзновеніе, и протч: . . . . . а того и не вздумаютъ, что всякое произшествіе никогда долго не бываетъ тайно. Сперьва говорятъ о томъ друзья, послѣ приятели, а на конецъ сей слухъ разпространится и ко всѣмъ незнакомымъ. Когда же новыя вѣсти изъ двора во дворъ переносить словесно не почитается не благопристойностію, но оныя еще всегда со удовольствіемъ слушаютъ,

такъ для чего же ихъ не печатать? Вѣть словами разсказываютъ всегда язвительнѣе и обыкновенно ко вреду порочнаго; напротивъ того печатныя вычищены отъ всякихъ грубостей и непристойностей, имя сокрыто, и тутъ уже дѣло идетъ не ко вреду критикуемаго, но къ его пользѣ и исправленію; когда же и осмѣивается какое нибудь заблужденіе, такъ и то бываетъ слегка и къ его же наставленію.

У насъ до вѣстей охотниковъ очень много, а переносчиковъ и того больше. Но надлежитъ вѣдать, на какой конецъ разкащики, услыша какую новость, о томъ проповѣдываютъ? Въ знатныхъ домахъ къ сему поощряютъ: ласкательство, раболѣпство и желаніе показать, что все порочныя хозяина, коему разсказываетъ, а онъ всѣхъ добродѣтельныя; а въ другомъ домѣ думаютъ то же о другомъ, и такъ далѣе. Въ средостепенныхъ же и мѣлкихъ домахъ къ такому разказыванью побуждаетъ желаніе показать остроту своего разума.

Признаюсь, что я очень дерзко сказалъ о господахъ разкащикахъ; но ты г. издатель, думаю, за ето не осердишся, когда узнаешь, что я человѣкъ удалившейся отъ городскихъ излишнихъ учтивостей, и живучи въ деревнѣ говорю о всемъ прямо и безъ ласкательства. Я вѣдаю, что многія не любятъ, когда говорятъ имъ правду, но какая нужда льстить имъ человѣку, привыкшему говорить истинну! древнія философы суеты сего мира презирали и гнушалися богатствомъ; а нынѣшнія философы презираютъ тѣхъ, кои говорятъ имъ правду и гнушаются бѣдностію. Истинна нага, нѣтъ у нее денегъ, платья съ шить не начто; слѣдовательно и по неволѣ она по старинному философствуетъ. Наши философы богатство перьвнымъ почитаютъ достоинствомъ; кто богатъ тому кланяются, тово почитаютъ, тово называютъ разумнымъ, и тотъ только имѣетъ благородныя чувствованія; а кто бѣденъ, тотъ подлъ, глупъ, грубъ, и проч: Богатство дѣлаетъ все, а бѣдность ничево.

Я изъ числа людей ни откуда помощи не имѣющихъ, и прожившъ на свѣтѣ тритцать лѣтъ, на силу сыскалъ трехъ человѣкъ знающихъ и чувствующихъ нещастія

себѣ подобныхъ, и коихъ добродѣяніямъ въ пользу утѣсненныхъ нѣтъ предѣловъ, или лучше сказать: нѣтъ силъ моихъ оныя по достоинству прославить. Они люди молодыя, свѣтскія, возвышенныя на такой почтенной степень, на коемъ подобныя имъ бываютъ горды и затворяютъ свой слухъ отъ стенанія бѣдныхъ и безпомощныхъ человѣковъ; взираютъ завистливымъ окомъ на равныхъ себѣ, раболѣпствуютъ предъ знатнѣйшими себя и пекутся о собственной только пользѣ. Напротивъ того мои благодѣтели, или правильнѣе сказать благодѣтели всѣхъ бѣдныхъ и утѣсненныхъ, снисходительны, ласковы, ставятъ должностію помогать помощи требующимъ, и о благополучіи ихъ такъ пекутся, какъ о своемъ собственномъ; имъ подобны во всемъ госпожа *** и сынъ ея, коихъ добродѣяніи узналъ я опытами.

Не подумайте, г. издатель, что сія похвала отъ ласкательства произходитъ. Нѣтъ, всѣ благодѣяніями ихъ осыпанныя и имѣющія благодарныя сердца, по всемѣстно то утверждаютъ; а я искавъ долго случая, показать свѣту ихъ благодѣянія и мою къ нимъ благодарность, наконецъ нашелъ и исполнилъ.

71.

БЫЛЬ.

I.

Три жениха.

Женихи живутъ въ столицѣ,
А невѣсты въ деревняхъ;
Нужда здѣлалась вдовицѣ
Предъ постомъ, въ послѣднихъ днякъ,
Съ дочкой въ городъ прокатиться
Съ людьми добрыми спроситься,
Выдать за мужъ ей дитя.
Мало времени спустя,
По пріѣздѣ ихъ въ столицу,
Слухъ разнесся про дѣвицу,
Что ей надобенъ женихъ.

Молодецъ одинъ явился,
И невѣстѣ полюбился,
Дѣло въ ладъ пошло у нихъ.
Нѣтъ препятствію тутъ мѣста,
Жениху мила невѣста:
Въ протчемъ дѣвушка сама,
Была сельскова ума.
Видъ у ней былъ самой кроткой,
Ни чему не учена,
И прямою Новгородкой
Взрощена была она.
Не искалъ женихъ изрядства,
И вотъ что сему виной:
Онъ лишь только для богатства
Мнилъ имѣть ее женой
Уже дѣлалъ онъ наряды,
Какъ есть свадебны обряды;
Съ тещей важно говорилъ,
А невѣсту всѣмъ дарилъ.
Съ нимъ невѣста веселяся,
Въ его волю отдалася.
Не боявшися грѣха,
Быть въ вѣкъ вѣрною клялася,
Цѣловала жениха. - - -
Только три дни миновали,
Кои случай подавали,
Имъ пріятною судьбой
Веселиться межъ собой:
Но другой женихъ явился
И ей столькожъ полюбился;
Разбрелись глаза у ней.
Не прошло еще двухъ дней,
Женихъ третей по немножку,
Сыскалъ также къ ней дорожку,
Мысль утроилася въ ней.
Нѣтъ диковинки въ семъ дѣлѣ,
И не будетъ въ томъ грѣха,
Что въ одной у нихъ недѣлѣ
Три столкнулись жениха.

Женихъ всякой къ ней ласкался,
Всякъ изрядным ей казался.
Обольщенъ ее сталъ зракъ,
Съ кѣмъ вступить не знала въ бракъ!
Въ ней замужствомъ кровь кипела,
Но тутъ масляна приспѣла,
Должно свадьбу отложить.
Съ дочкой мать поста въ началѣ;
Женихамъ къ большой печалѣ,
Чтобъ имъ головы вскружить:
Всѣхъ надеждой забавляютъ,
Сами городъ оставляютъ,
И въ деревню ѣдутъ жить.
Женихи по сей разлукѣ,
Провождали время въ скукѣ;
Но изъ всѣхъ одинъ женихъ,
Былъ проворнѣе другихъ.
Онъ вступилъ въ село къ невѣстѣ
Безъ чиновъ прямымъ лицомъ,
Съ нареченной тещей вмѣстѣ
Прохлаждаться сталъ винцомъ;
Зная онъ ее охотку,
Сколь она пить любитъ водку,
За прохладъ на единѣ,
Рада жизнь скончать въ винѣ!
Должно къ етому прибавить,
Что ей трудно день пробавить
Безъ хмельнова питейца.
Нравъ въ ней здѣлался упрямой,
Что и въ праздничной день самой
Прославлять пойдетъ Творца,
Выпивъ мѣрочку винца! - - -
Женихъ къ тещѣ тѣмъ подбился,
Что хмельное подливалъ;
А невестѣ полюбился,
Что одинъ все съ ней бывалъ.
Сокращалъ онъ тещѣ скуку,
Ослѣплялъ виномъ ей зракъ,
И подъ пьяную съ ней руку

Здѣлалъ рядную на бракъ;
И потомъ бывъ въ духѣ смѣломъ,
Приступая самымъ дѣломъ
Спѣшно къ брачному узлу.
Женихи же тѣ остались
Потерявъ то, чѣмъ ласкались;
Случай поданъ имъ *ко злу!*
Но теперь здѣсь молвить можно
Въ честь героя моего,
Что проворенъ онъ не ложно;
То увидимъ изъ сего?
Многи люди есть примѣтны,
Что бываютъ въ вѣкъ безвѣтны
Изъ бояръ и бѣдняковъ.
Сей женатой не таковъ:
Хоть женился и недавно,
Но ужъ здѣлалъ дѣло славно
Тѣмъ, что полгода спустя,
Родилось ему дитя.
Пусть то всякъ, какъ хочетъ, судитъ,
Что не съ нимъ онъ схожъ лицомъ;
Но дитя его въ вѣкъ будетъ
Кликать тятай и отцомъ.

72.

БЫЛЬ.

II.

Модная жена.

Любя супругу мужъ избаловалъ потачкой,
Хотя и не былъ трусъ;
Однако имъ жена играетъ какъ сабачкой - - -
Страдаетъ мужъ горячкой.
Жена о семъ ни чуть не дуетъ въ усъ,
Имѣя съ малыхъ лѣтъ она въ амурахъ вкусъ.
Въ болѣзни стонетъ мужъ: жена хохочетъ,
Вдовой быть хочетъ,
И мужу говоритъ: когда мой свѣтъ умрешь? - - -
Чтожъ должно бы на то сказать? жена ты врешь!
А мужъ отвѣтствовалъ, хотя жену исправить:
Желаю я и самъ давно сей свѣтъ оставить,
Когда лишь тѣмъ могу покой тебѣ возставить.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ XXX. НОЯБРЯ 17 ДНЯ.

73.

Копія съ другой отписки.

Государю Григорью Сидоровичу!

Бьетъ челомъ и плачется сирота твой Θилатка.

По указу твоему господскому, я сирота твой на сходѣ высѣченъ, и клѣти мои проданы за безцѣнокъ, также и корова, а деньги взяты въ оброкъ, и съ меня староста правитъ остальныхъ, только мнѣ взять нѣгдѣ, остался съ четверыми робятишками малъ мала меньше, и мнѣ, государь, ни ихъ, ни себя кормить нѣчемъ; надъ робятишками и надо мною зжалился миръ, видя нашу бѣдность: имъ далъ корову, а за меня заплатили подушныя деньги, а то бы пришло послѣднюю шубенку съ плечь продать. Нынѣшнимъ лѣтомъ хлѣба не сѣялъ, да и на будущей земли не пахалъ; нѣчемъ подняться. Робята мои большія и лошади померли, и мнѣ хлѣба достать не начемъ и не съ кѣмъ, пришло пойти по миру, буде ты, государь, не зжалишься надъ моимъ сиротствомъ. Прикажи, государь, въ недоимкѣ меня простить, и дать вашу господскую лошадь, хотя бы мнѣ мало по малу исправиться, и быть опять твоей милости тяглымъ крестьяниномъ. За мною, покуда на меня Богъ и ты государь не прогнѣвались, недоимки никогда не

бывало, я всегда первой клалъ въ оброкъ. Нынѣче пришло на меня невзгодье, и я по неволѣ сдѣлался твоей милости неплательщикомъ. Буде твоя милость до меня будетъ, и ты оботрешь мои сиротскія и бѣдныхъ моихъ робятишекъ слезы, и дашъ исправиться, такъ я и опять твоей милости буду крестьянинъ; а а какъ подростутъ робятишки, такъ я и доброй буду тебѣ слуга. Буде же ты, государь, надо мною не сжалишься, то я сирота твой и съ малыми моими сиротишками по неволѣ пойду питаться Христовымъ именемъ. Помилуй, государь нашъ, Григорей Сидоровичь! кому же намъ плакаться, какъ не тебѣ? Ты у насъ вмѣсто отца, и мы тебѣ всей душой ради служить. Да какъ пришло не въ мочь, такъ ты надъ нами смилуйся; наше дѣло крестьянское, у ково намъ просить милости, какъ не у тебя. У насъ въ крестьянствѣ есть пословица, *до Бога высоко*, *а до Царя далеко*, такъ мы таки все твоей милости кланяемся. Неужто у твоей милости каменное сердце, что ты надъ моимъ сиротствомъ не зжалишься? Помилуй, государь, прикажи мнѣ дать кляченку и отъ оброка на годъ уволить, мнѣ безъ того ни какъ подняться не возможно; ты самъ, родимой, человѣкъ умной, и ты самъ вѣдаешь, что какъ твоя милость безъ нашей братьи крестьянъ, такъ мы безъ детей да безъ лошадей никуда негодимся. Умилосердися, государь, надъ бѣдными своими сиротами. О семъ проситъ со слезами крестьянинъ твой Ѳилатка и земно и съ робятишками кланяется.

74.

Копія съ помѣщичьяго указа.

Человѣку нашему Семену Григорьеву!

Ѣхать тебѣ въ * * * * наши деревни, и по пріѣздѣ исправить слѣдующее:

1.

Проѣздъ отсюда до деревень нашихъ и оттуда обратно имѣть нащетъ старосты Андрея Лазарева.

2.

Пріѣхавъ туда старосту при собраніи всѣхъ крестьянъ высѣчь нещадно за то, что онъ за крестьянами имѣлъ худое смотрѣніе и запускалъ оброкъ въ недоимку, и послѣ изъ старостъ его смѣнить; а сверьхъ того взыскать съ него штрафу сто рублей.

3.

Сыскать въ самую истинную правду, какъ староста, и за какія взятки оболгалъ насъ ложнымъ своимъ докладомъ? За то прежде всево ево высѣчь, а потомъ начинать слѣдствіемъ порученное тебѣ дѣло.

4.

Старосты Андрюшки и крестьянина Панфила Данилова, по коемъ староста учинилъ ложной доносъ, обѣихъ ихъ домы опечатать и опредѣлить караулъ; а ихъ самихъ отдать подъ караулъ въ другой домъ.

5.

Естьлижъ въ чемъ либо будутъ они чинить запирательство, то объяви имъ, что они будутъ отданы въ городъ для наказанія по указамъ.

6.

И какъ нѣтъ сумнѣнія, что староста доносъ учинилъ ложной, то за оное перевесть ево къ намъ на житье въ селю * * *; буде же онъ за дальнимъ разстояніемъ перевозиться и раззорять себя не похочетъ, то взыскать съ нево за оное еще пятьдесятъ рублей.

7.

Сколько пожитковъ всякаго званія осталося, послѣ крестьянина Анисима Иванова и получено крестьяниномъ Панфиломъ Даниловымъ, то все съ него Данилова взыскать и взять въ господской дворъ, учиня всему тому опись.

8.

Крестьянъ въ раздѣлѣ земли по прозьбѣ ихъ поровнять по твоему благоразсужденію: но при томъ однакожъ объявить имъ, что збавки съ нихъ оброку не будетъ, и чтобы они, не дѣлая никакихъ отговорокъ, оной платили безъ доимочно; неплательщиковъ же при собраніи всѣхъ крестьянъ сѣчь нещадно.

9.

Объявить всѣмъ крестьянамъ, что къ будущему размежеванію земель потребно взять выпись; и для того на оное собрать тебѣ со крестьянъ сколько потребно будетъ на взятье выписи.

10.

Въ начавшійся рекрутской наборъ съ нашихъ деревень рекрута не ставить: ибо здѣсь за нихъ поставленъ въ рекруты Гришка Ѳедоровъ за чиненныя

имъ неоднократно пьянствы и воровствы вмѣсто наказанія, а со крестьянъ за поставку того рекрута собрать по два рубли съ души.

11.

За ложное показаніе Панфила Данилова и утайку свойства другихъ взять съ него, вмѣняя въ штрафъ, сто рублевъ; и ево перевесть къ намъ въ село * * * на житье; а когда онъ просить будетъ, чтобы полученныя имъ неправильно пожитки оставить у него и его оставить на прежнемъ жилище, то за оное взыскать съ него, опричь штрафныхъ двѣсти рублевъ.

12.

По прозьбѣ крестьянъ у Ѳилатки корову оставить а взыскать за нее деньги съ нихъ; а чтобы они и впредь такимъ лѣнивцамъ потачки не дѣлали, то купить Ѳилаткѣ лошадь на мирскія деньги; а Ѳилаткѣ объявить, чтобы онъ впредь пустыми своими челобитными не утруждалъ, и платилъ бы оброкъ безъ всякихъ отговорокъ безъ доимочно.

13.

Старосту выбрать миромъ, и подтвердить ему, чтобы онъ о зборѣ оброчныхъ денегъ имѣлъ неусыпное попеченіе, и неплательщиковъ бы сѣкъ нещадно; буде же какія впредь явятся недоимки, то оное взыскано будетъ все со старосты.

14.

За грибы, ягоды и протч: взять съ крестьянъ деньгами.

15.

Выбрать шесть человѣкъ изъ молодыхъ крестьянъ,

и привесть съ собою для обученія разнымъ мастерствамъ.

16.

По исправленіи всего вышеписаннаго ѣхать тебѣ обратно; а старостѣ накрѣпко приказать неусыпное имѣть попеченіе о зборѣ оброчныхъ денегъ.

N. B. * * *

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ XXXI. НОЯБРЯ 24 ДНЯ.

75.

Г. ИЗДАТЕЛЬ!

Г. *Спорщикъ*, мой пріятель, недомогаетъ страннымъ припадкомъ, пожалуйте пропишите ему рецептъ. Болѣзнь ево слѣдующая: онъ отъ природы весьма слабаго сложенія, но повреждаетъ свое здоровье еще больше безпрестаннымъ смѣхомъ и спорами. Во всю свою жизнь онъ только два имѣетъ упражненія: споритъ, часто и самъ не вѣдая о чемъ и безпрестанно смѣется. Многія на нево за то сержывались; а иногда дѣло доходило до того, что и бить ево хотѣли: но однакожъ, не вѣдаю для чего, всегда ему прощали. Ежели не удастся ему ково переспорить, тогда тотчасъ повернется прочь на каблукахъ и скажетъ: *ето дурачество*. Вотъ ево болѣзнь; постарайтеся г. издатель ево отъ оной вылѣчить; вы тѣмъ одолжите человѣка благодарнаго и

Вашего слугу
Ф: А.

76.

ДЛЯ Г. СПОРЩИКА.

РЕЦЕПТЪ.

Для унятія безпрестаннаго смѣха, больному давать нюхать спиртъ, дѣлаемой изъ *благоразумія и здраваго*

разсужденія, и употреблять оное сколько возможно чаще. Сіе прочиститъ ево мозгъ; и слѣдовательно дастъ разпространиться стѣсненному его разсудку; послѣ чего смѣяться будетъ онъ, когда потребно. Для утоленія же охоты ко спорамъ, давать ему въ холодномъ чаю по 30 горькихъ капель въ день. Капли сіи именуются *истинное о вещахъ понятіе*. Сіе нечувствительно охоту ко спорамъ уменьшитъ, и болѣной выздоровѣетъ.

77.

Г. издатель!

Вчерась я былъ въ гостяхъ у одной госпожи: тамъ нашелъ я премножество гостей обоего пола; а между протчими были двѣ гостьи, кои наиболѣе притягивали мое удивленіе. Одну назову я *Прелестію*, а другую *Нельпою*. Перьвая одарена душевными и телѣсными дарованіями весьма изобильно; лице у нее весьма пріятное, голосъ и тѣлодвиженіи трогающія, а поступки ее заставляли всѣхъ оказывать ей почтеніе. Она разумна и скромна; короче сказать, я въ ней видѣлъ совершенную дѣвицу. Другая была ее противуположница. Представьте себѣ одну изъ тѣхъ женщинъ, кои называются кокетками, и кои хотятъ тѣмъ нравиться, что производитъ въ безпристрастныхъ людяхъ къ нимъ отвращеніе. Ето будетъ точное изображеніе *Нельпы*. Сія женщина хотя и не имѣла лица отвратительнаго, но точно такія имѣла поступки. Она кривлялась и жеманилась

разными манерами, о всемъ спорила, кричала и хохотала изо всей силы. Всѣ ее усмѣшки, на мущинъ страстныя взгляды, разговоры, тѣлодвиженіи;—словомъ, все ето было не къ статѣ и ей несвойственно. Она атаковала попеременно то того, то другаго мущину, и думала ихъ прельщать, но вмѣсто того многія ей смѣялись. Въ заключеніе должно прибавить, что разумъ у ней изъ плохихъ; и она когда ни зачинала говорить, ясно показывала свое невѣжество.

Вотъ г. издатель, два одного рода сотворенія, оба заставляющія удивляться природѣ: перьвое, что такъ хорошо сотворено; а другое, на что сотворено.

Прелеста разумомъ и тихими поступками заставляла всѣхъ тамъ бывшихъ чувствовать и оказывать ей почтеніе; а *Нелѣпа* невѣжествомъ и кокетствомъ, ежели не во всѣхъ, такъ по крайней мѣрѣ во мнѣ одномъ произвела отвращеніе. Надобно сказать, что были тамъ и такія гости, коимъ *Нелѣпа* нравилась; но почтеніе, отъ нихъ ей оказываемое, не можетъ быть долговременно.

На конецъ прошу васъ г. издатель, посовѣтуйте всѣмъ нашимъ дѣвицамъ слѣдовать примѣру *Прелесты*, и чтобы они всячески остерегались поступковъ *Нелѣпы*, тогда они прекрасной полъ учинятъ достойнымъ обожанія.

Слуга вашъ
Правомыслъ.

Москва,
1769 года,
Ноября 1 дня.

78.

БЫЛЬ III.

Мужъ и Жена.

Охотникъ въ карты мужъ играть:
Надъ картами потѣетъ,
Отъ картъ не богатѣетъ,
Скудѣетъ.
Охотница жена съ любови дань сбирать:
Сбирая дань потѣетъ,
Трудомъ симъ не скудѣетъ,
Трудомъ симъ богатѣетъ.
Супругу мужъ свою подозрѣвалъ,
Увѣщевалъ
Сіе отринуть дѣло.
Жена ему на то сказала смѣло:
Теперь я зрю сама,
Что нѣтъ въ тебѣ ума.
Когдабъ не я пеклась о нашей денегъ тратѣ,
Такъ былъ бы ужъ давно ты мужъ мой въ Магистратѣ.

79.

Г. издатель!

Скажите мнѣ, хорошо ли я провожу свое время, а оно проходитъ у меня во слѣдующемъ: встаю я по утру иногда рано, иногда поздо: но ето все равно, за тѣмъ что я ничего не дѣлаю, а развѣ что нибудь отъ скуки поговорю съ тѣмъ, кто у меня случится. Послѣ того одѣваюсь и хожу со двора обѣдать, гдѣ посидѣвъ не много, ежели покажется мнѣ скучно, уѣзжаю въ другое мѣсто. Послѣ обѣда иногда играю въ карты; но какъ мнѣ и ето наскучило, за тѣмъ что всегда проигрываю, то и въ карты

играть перестаю. Говорятъ, что будто я отъ того всегда и проигрываю, что не знаю ни одной обстоятельно игры, и что надобно етому учиться, а я учиться немогу; мнѣ ето будетъ очень скучно. Послѣ картъ доходитъ дѣло до ужины, и я отужинавши прихожу домой и ложуся спать. Я позабылъ васъ увѣдомить, что я по утрамъ смотрю толкованіе сновъ, и которой день для меня означится щастливъ или нещастливъ, потому я свои поступки и располагаю. Впротчемъ книгъ я никакихъ не читаю, за тѣмъ что тетушка моя мнѣ сказала, что въ свѣтскихъ книгахъ много ереси.

Вотъ все мое препровожденіе времени. Оно весьма скучно, да чтожъ дѣлать, я ето сношу великодушно. Я хотѣлъ было васъ еще кое о чемъ увѣдомить, но мнѣ и ето показалося уже очень скучно; и такъ послѣднее вамъ скажу слово: прости.

80.

Г. издатель!

Зачто вы на насъ прогнѣвались, что цѣлыя четыре недѣли не видали мы ни одного листа. Естьли вы на ково осердились, такъ чѣмъ же виноваты мы протчія? и зачто насъ безъ притчинно лишать удовольствія читать ваши листы. Пожалуйте прервите свое молчаніе, и начните по прежнему свой жур-

налъ издавать, вы многимъ здѣлаете удовольствіе, а особливо мнѣ.

Г. издателя
Покорный слуга
Безпристрастный читатель.

Г. безпристрастный читатель, признаюсь, что я предъ вами не правъ, и слова своего, чтобы всякую недѣлю издавать листы, не здержалъ: но я не со всѣмъ въ томъ виноватъ. Я бы охотно сообщилъ вамъ причины, меня къ тому принудившія, но для избѣжанія хлопотъ, я о томъ умалчиваю; во удовольствіе ваше листы по прежнему издаются: въ протчемъ для меня весьма лестно слышать, что безпристрастному читателю мое изданіе угодно и приноситъ удовольствіе.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ XXXII. ДЕКАБРЯ 1 ДНЯ.

81.

РАЗГОВОРЪ

Я и Трутень.

Я.

Г. Трутень! пожалуй скажи, съ какимъ намѣреніемъ издаешь ты свой журналъ?

Трутень.

Съ тѣмъ, чтобы принести пользу и увеселеніе моимъ согражданамъ.

Я.

Очень хорошо, намѣреніе препохвальное. Но ты какой отъ того ожидаешь пользы?

Трутень.

Польза будетъ велика, естьли только я заслужу вниманіе и похвалу разумныхъ и безпристрастныхъ читателей и благоволѣніе знатныхъ господъ и покровительство.

Я.

Первое отъ части исполняется; чтожъ надлежитъ до послѣдняго, то не думаю, чтобы ты имѣлъ въ томъ успѣхъ. Вѣдаешъ ли полно ты другъ мой, кто и чемъ заслуживаютъ благоволеніе знатныхъ господъ и покровительство?

Трутень.

Конечно вѣдаю: тѣ, кои говорятъ имъ правду, показываютъ ихъ слабости и нечаянныя проступки, и отъ оныхъ ихъ остерегаютъ. На конецъ всѣ тѣ, которыя приносятъ пользу отечеству, всегда заслуживаютъ ихъ покровительство и защищеніе.

Я.

Худо же ты ихъ знаешь. Напротивъ твоего мнѣнія, покровительство нѣкоторыхъ господъ заслуживаютъ только тѣ, кои имъ угождаютъ, какимъ бы то ни было средствомъ, позволеннымъ или непозволеннымъ. Защищеніе тѣ, которыя льстятъ ихъ слабостямъ; выхваляютъ безстыдно во глаза тѣхъ, коихъ внутренно почитаютъ скотами; тѣхъ, кои прославляютъ ихъ добродѣтели, милосердіе, кротость, или кто къ чему пристрастенъ; удивляются стройности ихъ тѣла, хвалятъ тѣлодвиженіи: и словомъ тѣ, кои другихъ безстыдняе, а говорящія имъ истинну и показывающія ихъ слабости всегда бываютъ ненавидимы и обыкновенно слывутъ невѣжами, грубіянами и злонравными людьми. Теперь разсуждай, что тебѣ надобно писать, когда хочешъ заслужить ихъ покровительство.

Трутень.

Такъ по твоему мнѣнію въ знатныхъ господахъ нѣтъ ни единаго добродѣтельнаго человѣка.

Я.

Есть, только мало такихъ, которыя помнятъ истинну, любятъ добродѣтель и не позабываютъ, что они такія же человѣки, какъ и тѣ, кои ихъ бѣдняе,

и что они въ знатныя возводятся достоинства для того только, чтобы больше могли дѣлать благодѣяніи человѣчеству, помогать бѣднымъ и защищать утѣсняемыхъ; а такихъ и очень мало, кои могутъ остерегаться ядотворнаго языка льстецовъ.

Трутень.

Да вѣть и знатныя господа такія же, какъ и мы человѣки, и слѣдовательно тѣмъ же подвержены слабостямъ. Такъ какъ же ты хочешъ, чтобы они не дѣлали ни малѣйшихъ погрѣшностей; дорога, по коей они идутъ, гораздо скольщае нашей, и слѣдовательно чаще и претыкаются. По твоему мнѣнію, знатной господинъ долженъ быть больше человѣка.

Я.

Нѣтъ: я хочу, чтобы онъ былъ только человѣкъ но человѣкъ, по елику отличенъ отъ прочихъ знатностію своего сана, по толику бы отличался и добродѣтелію; чтобы восходя на степень знатности, не позабывалъ, что тѣ бѣдныя отъ коихъ онъ отличенъ, остались еще такимижъ бѣдными, и что они требуютъ его помощи, также какъ и онъ самъ требовалъ въ подобномъ находясь состояніи; чтобы не затворялъ своего слуха отъ прозьбы бѣдныхъ, и тѣмъ не скучалъ, что онъ можетъ дѣлать добро, чтобы старался о благосостояніи государства больше, нежели о самомъ себѣ, и чтобы не откладывалъ того до завтра, что нынче можетъ сдѣлать, ради того, что нужда времени не терпитъ.

Трутень.

Очень хорошо: ты хочешъ, чтобы они пеклися о

благосостоянiи другихъ лишаяся своего: чтобы другихъ покоя, сами беспокоилися; короче сказать, памятуя другихъ, себя позабывали: на такомъ основанiи, кто пожелалъ бы знатнаго достоинства? сiе бы преимущество лишало выгодъ жить для себя, и какая бы польза тогда была въ знатномъ чинѣ?

Я.

Та, что они утѣшаться могутъ тѣмъ, что они возведены на такой степень, что могутъ дѣлать другимъ добро, чемъ мало чиновныя и бѣдныя люди утѣшаться не могутъ. Не малая ли его отличность, что онъ признанъ добродѣтельнѣйшимъ, многихъ подобныхъ ему человѣковъ и могущимъ дѣлать добро. Вотъ что прямо добродѣтельнаго человѣка утѣшать можетъ.

Трутень.

Такъ не уже ли думаешъ ты, что всѣ знатныя господа похожи на описанныхъ тобою? Ежели ты такъ думаешъ, такъ очень много ошибаешься. Посмотри на О... П... Н... С... В... Ш... Б... В... Нещитая протчихъ добродѣтельныхъ господъ, сiи одни должны обратить тебя на другiя мысли....

Я.

Я не спорю, что сiи господа тобою наименованныя столько добродѣтельны какъ ты сказываешъ: но для чего не имянуешъ ты мнѣ тѣхъ, кои восходя на степень знатности, со всѣмъ забываютъ человѣчество; бываютъ горды, не правосудны, завистливы, пристрастны, и множество другихъ приобрѣтаютъ пороковъ вкупѣ со знатностiю....

Трутень.

Да развѣ малочиновныя и бѣдныя не имѣютъ тѣхъ же пороковъ. Перестанъ, мой другъ, винить однихъ знатныхъ; всѣ люди слабостямъ подвержены: но розница между ими та, что въ бѣдныхъ людяхъ не такъ ихъ проступки примѣтны, за тѣмъ что знатной господинъ, на вышнемъ стоя степенѣ, привлекаетъ на себя всѣхъ вниманіе и отъ такова великова числа судей ево поступокъ, не можетъ укрыться. Надѣешься ли ты, ежели будешъ знатнымъ господиномъ; ты, которой въ нынѣшнемъ твоемъ состояніи, почитаешься добродѣтельнымъ человѣкомъ, не имѣть пороковъ тобою нынѣ ненавидимыхъ....

Я.

Я не хочу, и боюсь желать знатнаго чина для того, чтобы не лишиться спокойствія и человѣчества, коимъ нынѣ наслаждаюсь.

Трутень.

Ты видишъ что я правъ, утверждая, что во всякомъ званіи есть много людей и добродѣтельныхъ и порочныхъ, и такъ перьвыя заслуживаютъ по справедливости похвалу; а другія критику; что исполняя не думаю, чтобы мое изданіе никому не нравилось и чтобы всѣ меня за то злословили.

Я.

Однакожъ многія тебя злословятъ и говорятъ, что ты злонравной человѣкъ, что ты никово не щадишъ, и что въ твоемъ изданіи кромѣ ругательства ничево нѣтъ.

Трутень.

На весь свѣтъ, и сама не угодитъ природа, такъ можно ли мнѣ надѣяться, чтобы мое изданіе всѣмъ нравилось; довольно и того, что оно нѣкоторымъ нравится. Нѣтъ ничево чтобы не было подвержено критикѣ. Пусть критикуютъ; однакожъ бы не ругали. Естьлижъ и къ тому найдутся охотники, такъ я и за то сердиться не буду.

Я.

Тебя бранятъ только тѣ, кои сами заслуживаютъ брань, и ты сего опасаться не долженъ. Впротчемъ, мнѣ бы хотѣлося съ тобою поговорить о другомъ, но теперь я не могу долѣе съ тобою пробыть.

Трутень.

Мнѣ и самому досадно, что разговоръ нашъ не тѣмъ кончится, чѣмъ бы я хотѣлъ.

Я.

Въ другой разъ мы съ тобою поговоримъ по больше, а теперь прощай.

Трутень.

Прости.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ XXXIII. ДЕКАБРЯ 8 ДНЯ.

82.

СМѢЮЩЕЙСЯ ДЕМОКРИТЪ.

Нарцисъ влюбяся во свою красоту, не перестаетъ самъ себѣ нравиться и не отходитъ прочь отъ зеркала. По ево мнѣнію всѣ мущины, неудивляющіяся ево прелестямъ, смертельно согрѣшаютъ; а женщины, кои въ нево не влюбляются, суть безъ ума. Онъ недавно изъ передъ туалѣта, за которымъ просидѣлъ цѣлой день, завивая волосы, притирая лице, чистя зубы, румяня губы, подмазывая брови и протч: прелестныя ево волосы имѣетъ щастіе чесать новомодной Французской парикмахеръ, и за то получаетъ по 30 рублей въ мѣсяцъ. Исправной сей Французъ ставитъ ему разныхъ сортовъ пудру и помады; за что награждается весьма щедро; при чесаніи, за ту же цѣну увѣряетъ *Нарциса*, что онъ подобныхъ ево волосамъ ни во Франціи, ни въ Россіи не видывалъ. *Нарцисъ* для умноженія своихъ прелестей, не щадитъ ни притираньевъ, ни душистыхъ водъ. И теперь одѣвшись, прикалываетъ весьма искусно сдѣланной пучекъ цвѣтовъ и ѣдетъ на балъ. Я слѣдую за нимъ же, и вижу ево тамъ. Онъ съ мущинами разговариваетъ весьма гордо, поминутно смотрится въ зеркало и поправляетъ свои цвѣты. Говоритъ

только о своихъ надъ прекраснымъ поломъ побѣдахъ, и не можетъ пробыть ни минуты въ той комнатѣ, гдѣ по малой мѣрѣ нѣтъ трехъ зеркалъ. *Нарцисъ* обыкновенно садится такъ, чтобы онъ во всѣхъ зеркалахъ себя могъ видѣть; и часто забывшись кидаетъ на себя въ зеркалѣ страстныя взгляды и воздыхаетъ. Старается иногда острыя говорить слова, но въ 23 года ево жизни, не сказалъ еще ни одного, за тѣмъ что ему всегда мѣшаютъ. *Нарцисъ* изъ всѣхъ душевныхъ добродѣтелей прославляетъ свою щедрость: и подлинно она чрезмѣрна, потому что онъ красоту свою всѣмъ городскимъ жителямъ показываетъ безденежно, и черезъ то ихъ не разоряетъ. Словомъ, *Нарцисъ* на своей красотѣ сходитъ съ ума; тамъ ему всѣ смѣются, и я ему посмѣюся. Ха! ха! ха! ха!

Посмотрите на етова негодяя; ето судья *Забылчесть*. Онъ, не взирая на строгость указа о лихоимствѣ, со всѣхъ челобитчиковъ не только самъ подъ разными видами, но и подчиненныхъ ему своимъ примѣромъ взятки брать поощряетъ. Онъ выдумалъ, по ево мнѣнію, безгрѣшной способъ брать взятки, а имянно: чтобы тѣ дѣла вѣршить по прошествіи двухъ часовъ по полудни: ибо де, говоритъ онъ, жалованье государево получаю я за то, чтобы быть въ присутствіи только до двухъ часовъ; а когда де пробуду я и третей часъ, тогда ето сдѣлаю не по указу, но по дружбѣ съ челобитчикомъ; а тотъ

по дружбѣ за то подаритъ. Какіе же ето взятки? Ето, говоритъ онъ, подарки. Теперь подписываетъ онъ за 200 рублей опредѣленіе о выдачѣ одному челобитчику 2000 рублей, законно ему принадлежащихъ, и самъ себя увѣряетъ, что ето безгрѣшно, и противъ законовъ, и противъ совѣсти, *понеже* скоро будетъ бить три часа; какое скаредное крючкотворство! Ха! ха! ха!

Вотъ еще люди достойныя осмѣянія; двоя изъ нихъ судьи, а третей секретарь. Во всѣхъ присудственныхъ мѣстахъ обыкновенно секретари дѣлаютъ то, что приказываютъ имъ судьи; а здѣсь то дѣлаютъ судьи, что приказываетъ секретарь. Одинъ судья не противорѣчитъ ему для того, что ни въ каѳія не входитъ дѣла, а подписываетъ всѣ тѣ опредѣленіи, кои секретарь помѣтитъ: другой напротивъ того хотя и не подписываетъ дѣлъ не читавши; но за сію осторожность взятки съ секретаремъ дѣлитъ пополамъ, и для избѣжанія въ такомъ случаѣ хлопотъ, также какъ и перьвой ему никогда не противорѣчитъ. Здѣсь судьи худыя секретари; а секретарь былъ бы хорошей судья, естьли бы не расточилъ свою совѣсть. По такимъ обстоятельствамъ, естьли челобитчикъ захочетъ, чтобы ево дѣло было рѣшено, то непремѣнно долженъ прежде на свою сторону склонить секретаря, въ противномъ же случаѣ дѣло ево не рѣшится. Ха! ха! ха! ха!

Я вижу въ театрѣ двухъ въ ложѣ дамъ. Они сидятъ спокойно и ожидаютъ начатія комедіи. Спокойствіе ихъ нарушается; къ нимъ вступаетъ изрядно одѣтой мущина, и они всѣ увидѣвъ другъ друга приходятъ въ замѣшательство. Кавалеръ сей одинъ изъ числа тѣхъ вѣтрѣныхъ мущинъ, которыя влюбляться во многихъ женщинъ и ихъ обманывать не только почитаютъ за ничто, но и находятъ еще въ томъ удовольствіе. Бѣднякъ сей не ожидалъ, чтобы двѣ его любовницы, которыхъ онъ ложными клятвами и притворнымъ постоянствомъ обманывалъ порознь, случилися тутъ обѣ вмѣстѣ. Онъ надѣялся тутъ найти одну и съ нею поговорить, а послѣ хотѣлъ побывать и у другой: но увидя ихъ вмѣстѣ, пришелъ въ такое замѣшательство, что не зналъ, съ которою начать разговоръ. Смѣлость его и обыкновенная такимъ мущинамъ живость, предками нашими наглостію называемая, ево оставили. Блѣднѣетъ, краснѣетъ и кажется будто уже и раскаевается. Госпожи совмѣстницы тотчасъ сіе примѣтили, и каждая, скрывая свою досаду, принялися надъ господиномъ волокитою шутить. Язвительныя ихъ насмѣшки усугубляютъ ево замѣшательство. Сіе зрѣлище достойно, чтобы всѣ вѣтрѣныя мущины на оное взирали, и остерегалися отъ подобныхъ приключеній. Обезмолвленной волокита собираетъ свои силы, начинаетъ передъ госпожами извиняться. Но что сіи извиненіи возмогутъ сдѣлать! обиженная такимъ образомъ любовница лишъ въ пущую запальчивость приходитъ. Волокита при семъ извиненіи одной любовницѣ боль-

ше оказываетъ почтенія, и кажется, будто предъ нею больше хочетъ оправдаться. Сугубо обиженная любовница воспламеняется ревнивостію, видя совмѣстницу свою себѣ предпочитаемую, близъ себя. Она обращаетъ острой свой языкъ не на измѣнившаго ей любовника, но на свою совмѣстницу, торжествовать начинающую. Осыпаетъ ея язвительными насмѣшками. Вдругъ возгарается война. Любовницы досадою, ревнивостію и злобою воспламеняются. Не древнія на брань ополчаются Амазонки, храбростію своею Грековъ устрашавшія. Не смертоносныя изъ колчановъ своихъ извлекаютъ стрѣлы. Двѣ любовницы, женщины нашего вѣка, выдергиваютъ изъ шиньеновъ своихъ длинныя булавки, и мгновенно ими другъ друга поражаютъ. Обѣ поединщицы приходятъ во изступленіе: злоба паче возгарается, удары повторяются, и любовникъ отъ мѣста удаляется. Храбрыя наши героини переколовъ другъ другу и руки и бока и истощивъ свои силы, не побѣдя соперницу, удивляются своей крѣпости. Стыдъ, что всѣ на нихъ свои обратили взоры, заступаетъ мѣсто злобы, и на лицѣ ихъ показывается. Они встаютъ со своихъ мѣстъ и удаляются; а я во слѣдъ имъ посмѣюся. Ха! ха! ха!

Что за человѣкъ съ такимъ въ низъ по лестницѣ бѣжитъ стремленіемъ? А! ето любовникъ, удаляющейся отъ мѣста сраженія ево любовницъ. Онъ приходитъ въ портеръ, и становится къ другой сторонѣ отъ той, гдѣ были ево любовницы. Онъ разкаевает-

ся во своемъ поступкѣ, и подаетъ надежду, что онъ исправится и будетъ постоянняе. Онъ опасается, чтобы ево не примѣтили. Наконецъ спокойствіе къ нему возвращается: но онъ и тогда взоръ свой на другую сторону обращаетъ. Съ нимъ встрѣчается взоръ дѣвицы лѣтъ осмнатцати. Она прекрасна и любовникъ нашъ видѣлъ ее одинъ разъ и съ нею говорилъ. Они другъ друга узнаютъ и начинаютъ разговоръ. Волокита избавясь отъ одной опасности, вдается въ другую; онъ въ красавицу влюбляется, и помалу страсть свою ей открываетъ. Она не хочетъ слушать; онъ клянется и на конецъ доводитъ до того что она ево выслушала; она принимаетъ на себя веселой видъ и улыбаяся хочетъ ему отвѣтствовать. Волокита восхищается мечтою; самолюбіе ему льститъ; онъ уже почитаетъ себя щастливѣйшимъ изъ смертныхъ: но дѣвица ему отвѣтствуетъ: хоть три дни, сударь, посвяти памяти оставленныхъ и обиженныхъ тобою любовницъ, а потомъ открывайтесь другой, а не мнѣ: ибо я бывъ очевиднымъ свидѣтелемъ вашего постоянства, вѣрить не могу. Ищите женщину меня легковѣрняе. Она начинаетъ смѣяться, и волокита удаляется, неся съ собою образецъ вѣтрѣныхъ любовниковъ. Ха! ха! ха!

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ XXXIV. ДЕКАВРЯ 15 ДНЯ.

83.

СУДЬБА.

О смертный! безплодно стараешься изыскивать тотъ способъ, коимъ Богъ управляетъ свѣтомъ. Вѣчно ты, коль бы много ни силился, не постигнешь своимъ разумомъ, имѣющимъ предѣлы, какъ премудрое божество устроеваетъ дѣла человѣковъ. Ты при всѣхъ обращающихся въ свѣтѣ дѣлахъ минувшаго ни послѣдующаго не видишь. Слѣдственно суетно домогаешься знать, для чего сіе такъ, а не инако произошло? Богъ правосудъ въ своихъ положеніяхъ, коихъ ты никогда не увѣдаешь. Естьли желаешь вѣдать причины судебъ смертныхъ; довлѣетъ быть тебѣ Богомъ. Взирай лучше благоговѣйно правленію тому, котораго ты причины знать тщишься. Научайся изъ представленнаго тебѣ здѣсь примѣра, которой доказываетъ, что въ свѣтѣ ничего не дѣлается случайно.

Нѣкогда одинъ изъ праведныхъ мужей стоя на горѣ предъ богомъ просилъ объ откровеніи ему вѣчнаго совѣта, опредѣляющаго жребій человѣковъ. Услышалъ онъ голосъ, повелѣвающій ему смотрѣть на подгорную плоскость, гдѣ увидѣлъ воина ѣдущаго верьхомъ къ текущему тамъ источнику, изъ коего

онъ напившись продолжалъ свой путь. Едва лишъ уѣхалъ; мальчикъ прибѣжавъ отъ стада пить къ семужъ ручью, нашелъ потерянной кошелекъ съ деньгами, которой онъ взявъ побѣжалъ къ стаду. Потомъ къ семужъ источнику при помощи своего костыля приползъ весьма дряхлый старикъ, которой напившись воды сѣлъ отдыхать. Дрожащая его голова принудила его лечь на пріятную зелень, на коей онъ при журчаніи водъ покоясь, забывалъ тягость глубокой своей старости. Какъ только засыпать онъ началъ; то помянутый воинъ возвратясь, требовалъ отъ него потеряннаго своего кошелька съ деньгами. Старикъ со слезами клялся, что не находилъ никакого кошелька. Воинъ грозилъ ему смертію, естьли не отдастъ требуемыхъ денегъ. Наконецъ Солдатъ разгорячась закололъ невиннаго старика до смерьти.

Праведный мужъ смотря на такое позорище палъ отъ жалости на землю: но вдругъ услышалъ гласъ: *Теперь познавай Божеское правосудіе, изслѣдывающее дѣянія человѣковъ. Въ крови утопающій сей старикъ убилъ нѣкогда злодѣйски отца того мальчика, которой нашелъ здѣсь кошелекъ съ деньгами.*

Перевелъ И. М.

84.

Г. Трутень!

Вчерась я по обыкновенію моему пришелъ въ трактиръ обѣдать. За столомъ сидѣли мы только

четверо, я съ моимъ пріятелемъ и двое Агличанъ, и всѣ разговаривали о чемъ кто хотѣлъ. Агличанѣ о политическихъ дѣлахъ, а я съ пріятелемъ говорилъ о городскихъ новостяхъ, а между тѣмъ ѣли. Въ половину обѣда вошли въ нашу комнату два человѣка, одинъ одѣтъ такъ, какъ обыкновенно городскія купцы одѣваются, а другой чисто, но однакожъ примѣтить было можно, что сей человѣкъ изъ приказнаго рода. Купецъ подошелъ къ трактирщику и спрашивалъ у нево, что онъ возметъ за обѣдъ, чтобы накормить хорошенько восемъ человѣкъ? Трактирщикъ спросилъ у нево, кто будетъ обѣдать. Приказной служитель не давъ выговорить купцу, сказалъ, у ево милости завтрѣ здѣсь обѣдать будетъ *Правосудіе*. Онъ вознамѣрился его потрактовать, *понеже* дѣло ево имѣетъ быть вскорости предложено къ слушанію: того ради и подлежитъ помянутое *Правосудіе* трактовать весьма богато, а я, г. трактирщикъ васъ, ево милости рекомендовалъ. Трактирщикъ сказалъ, что съ другихъ бы онъ взялъ и больше: но когда будетъ у него кушать только *Правосудіе*, то онъ возметъ по два рубли съ человѣка опричь напитковъ. Купецъ пришелъ во изумленіе, и спрашивалъ, сколько же надобно напитковъ, чтобы *Правосудіе* совершенно употчивать? Трактирщикъ отвѣчалъ, что онъ напередъ етова сказать не можетъ, но что по окончаніи стола подастъ ему самой вѣрной щетъ. Купецъ спрашивалъ послѣ цѣну винъ, и больше двухъ часовъ торговался; наконецъ хотя и воздыхаючи, однакожъ отдалъ дватцать руб-

лей въ задатокъ, и приказалъ приготовить хорошей обѣдъ. Мы примѣтили, что купецъ отдавалъ деньги съ великимъ сожалѣніемъ, и изъ того заключали, что онъ сіе дѣлаетъ по нуждѣ. По выходѣ ихъ, трактирщикъ и мы, на щетъ ихъ посмѣялися довольно. Пріятель мой и я весьма любопытны были видѣть заказанной для *Правосудія* обѣдъ; и мы уговорились прійти туда на другой день. Сего дня въ 12 часовъ пошли мы въ тотъ трактиръ: мы хотѣли обѣдать въ одной комнатѣ, но трактирщикъ намъ униженно доносилъ, что сего ему никакъ сдѣлать не возможно: но онъ во удовольствіе наше назначилъ намъ побочную комнату, изъ которой мы все видѣть и разговоры званыхъ гостей слышать могли. Купецъ бѣдной суетился и бѣгалъ чтобы поскоряе все было приготовлено и какъ возможно получше, но однакожъ какъ возможно и подешевлѣ. Какъ скоро столъ былъ накрытъ, то купецъ вышелъ на крыльцо и почти цѣлыя два часа стоялъ на часахъ, ожидая прибытія своихъ гостей. Мы также ожидали ихъ съ нетерпѣливостію: ибо мнѣ хотѣлось узнать въ какомъ видѣ придетъ *Правосудіе* на купецкой обѣдъ. Наконецъ купецъ почти безпамяти вбѣжалъ въ назначенную для пріему его гостей комнату, и спрашивалъ все ли готово, гости изволятъ ѣхать, и опрометью побѣжалъ встрѣчать. Мы оба съ пріятелемъ устремили свой взоръ туда, откуда должно итти *Правосудіе*. Наконецъ оно показалось намъ; но въ какомъ же видѣ? въ видѣ нѣсколькихъ секретарей и прочихъ приказныхъ служителей. У сего *Право-*

судія глаза не были завязаны: они ими смотрѣли на столъ для нихъ приготовленной по нѣсколькихъ обнадеживаніяхъ, что купецкое дѣло рѣшено будетъ скоро. Сѣли они за столъ, и я увидѣлъ, что *Правосудіе* кушало изрядно. Одинъ изъ нихъ изъ поставленной передъ него бутылки налилъ рюмку, и только что хотѣлъ пить, какъ почувствовалъ, что *Правосудіе* тѣмъ оскорбляется, когда трактирщикъ вмѣсто бургонскаго поставилъ ординарное вино. Купецъ услыша сіе, съ крайнимъ огорченіемъ перемѣнилъ ординарное на бургонское, и тѣмъ удовлетворилъ *Правосудіе*. Послѣ начали пить здоровьи всѣхъ гостей шампанскимъ, венгерскимъ, и протчими хорошими и дорогими винами; не позабыли тутъ и скотовъ *Правосудія*, ихъ здоровье также пили аглинскимъ пивомъ. Купецъ подавая каждую бутылку, испускалъ вздохъ. Наконецъ вздумалось имъ выпить по бокалу, благополучнаго окончанія купеческаго дѣла, и встали изъ за стола. Тутъ начали играть на бильярдѣ а лагеръ. *Правосудіе* положило было съ каждой персоны по нѣскольку имперіяловъ своихъ денегъ; но случившейся тутъ приказной крючокъ тотчасъ сталъ тому противорѣчить, и сказалъ: *понеже* почтенной сей купецъ звалъ обѣдать на свой коштъ; того ради и ета игра должна по *Правосудію* быть на ево коштъ; между тѣмъ купцу шепнулъ на ухо, что ето самое удобное время. Купецъ на сіе согласился: они начали играть, а между тѣмъ по часту пили. Мы увидя, что *Правосудіе* такъ хорошо играетъ, что проиграть никогда не можетъ. И

какъ я страстной охотникъ до бильярда, то боялся, чтобы и насъ не обыграло, и для того изъ трактира вышелъ. При выходѣ нашемъ примѣтилъ я, что *Правосудіе* начинаетъ уже шататься.

Слуга вашъ Г. П. Р. Т.

ИЗВѢСТІЕ.

Еженедѣльное сочиненіе Трутень продолжаться будетъ и на будущей 1770 годъ; чего ради чрезъ сіе сообщается: ежели кто пожелаетъ имѣть сіе сочиненіе на бѣлой бумагѣ, тѣ могутъ получить отъ переплетчика Веге билеты, заплатя за весь годъ, на любской бумагѣ 2 рубл. на александрійской 3 рубл: роздача сихъ билетовъ будетъ до 25 числа сего мѣсяца, а послѣ того на бѣлой бумагѣ получать будетъ не возможно.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ XXXV. ДЕКАБРЯ 22 ДНЯ.

85.

Каковы мои читатели.

Славенъ подъ бременемъ къ безсмертію ведущихъ дѣлъ пребываетъ не утомимъ, изливаетъ безчисленныя благодѣянія на всѣхъ ему подчиненныхъ; взираетъ не на состояніе людей, но на заслуги: ему тѣ любезны, кои другихъ добродѣтельняе. Истинна, добродѣтель и милосердіе пребываютъ съ нимъ не разлучны. Мыслитъ какъ философъ, и хочетъ, чтобы подвластныя ему люди наслаждалися блаженствомъ златаго вѣка: словомъ, онъ хочетъ, чтобы сіи твари были человѣки. Дѣламъ ево удивляется весь свѣтъ, за тѣмъ что другой малѣйшее изъ многочисленныхъ ево великихъ дѣлъ содѣлавъ, почелъ бы себя достойнымъ безсмертія: но онъ думаетъ, что еще мало сдѣлалъ для пользы человѣковъ. Рѣдкой даръ, дѣлать безсмертныя дѣла, и думать, что еще мало сдѣлалъ! *Славенъ* кротостію и милосердіемъ всѣ покорилъ себѣ сердца; ему надобно только желать, они всіо сдѣлаютъ, чтобъ только ему угодить. *Славенъ* между важными дѣлами читаетъ и мои листы: но я не вѣдаю, что онъ о нихъ думаетъ: малѣйшую его похвалу почелъ бы я стократно больше похвалъ многихъ тысячь людей!

Зрѣлумъ хвалитъ хорошія сочиненія, но онымъ не удивляется: ибо дуракамъ однимъ свойственно дивиться, а просвѣщенному *Зрѣлуму* и подобнымъ ему разумнымъ людямъ ничто удивительно быть не можетъ; слѣдовательно ихъ похвала лестняе всѣхъ похвалъ несмысленныхъ читателей.

Несмыслъ хвалитъ Трутня для того, что слышалъ какъ его хвалили въ двухъ или трехъ домахъ.

Завистливъ хулитъ мой журналъ; сіе и не удивительно: ибо онъ все хулитъ окромѣ своихъ сочиненій.

Безразсудъ поноситъ меня за то, что въ моихъ листахъ изображено состояніе крестьянъ: ему и хвалить меня не льзя для того, что строгостію своею, или лучше сказать звѣрствомъ больше другихъ утѣсняетъ ему подчиненныхъ рабовъ.

Нарцисъ бранитъ меня за то, что я написалъ его портретъ, и говоритъ: *Я бы можетъ быть ево похвалилъ, естьли бы онъ отдалъ мнѣ ту справедливость, которую я самъ себѣ отдаю.*

Зараза разумна, хороша, жива и весела; она читаетъ мои листы и танцуетъ.

Милослава, при пленяющей всѣхъ красотѣ, одарена острымъ разумомъ. Она часто смѣется описаннымъ въ Трутнѣ портретамъ, и ей онъ нравится.

Прелесть мои листы нравятся; а особливо тѣ мѣста, кои осмѣиваютъ женщинъ: сіе доказываютъ что она не дѣлаетъ того, что подвержено критикѣ. Сія похвала лестна.

Перекраса говоритъ, что Трутень былъ бы несравненной журналъ, естьли бы не трогалъ женщинъ: ибо, говоритъ она, женскія слабости всегда извинительны.

Нелѣпа хвалитъ Трутня, а всево ей приятняе то, что онъ печатанъ со украшеніемъ.

Разумная *Постана*, читая мои листы, разсуждаетъ здраво и безпристрастно судитъ; она хвалитъ то только, что заслуживаетъ похвалу; и я симъ доволенъ.

Роза читаетъ листокъ Трутня, и говоритъ съ своимъ любовникомъ: слѣдовательно читаетъ и не понимаетъ. Ей ни хвалить, ни хулить не возможно.

Нарцисса читаетъ мои листы, но разсуждать о

ничъ не имѣетъ времени: ибо всѣ ея мысли наполнены только ее красотою.

Вѣтренъ хулитъ мой журналъ за тѣмъ, что всѣ описанія волокитъ и вѣтреныхъ любовниковъ беретъ на свой щетъ; а женскія портреты ставитъ на щетъ своихъ любовницъ.

Влюбчивъ хулитъ Трутня и говоритъ, что сей журналъ самой вздорной и недостойной чтенія. Онъ и дѣйствительно его не читаетъ; а хулитъ для того только, что двѣ его любовницы бранятъ сіе изданіе.

Худой судья многое въ Трутнѣ хвалитъ: но не хвалитъ того, что написано на худыхъ судей.

Силенъ сказываютъ разсуждаетъ здраво когда не пьянъ: но какъ всякой день винныя пары отягчаютъ ево голову и затмѣваютъ разсудокъ, то ни хулы, ни похвалы отъ него во вѣки не дождуся.

Чужемыслъ хвалитъ и хулитъ всегда по чужему мнѣнію: со всѣми соглашается; а противурѣчитъ только тѣмъ, о коихъ несправедливости ево другія сильняе увѣрятъ. Онъ часто при чтеніи восхищается, и тотчасъ, когда другія станутъ хулить, соглашается, что то худо; слѣдовательно онъ самъ не

чувствуетъ. Ему всѣ люди и всѣ въ свѣтѣ вещи непремѣнно кажутся и добрыми и злыми. *Чувствительность* достоинъ сожалѣнія потому, что лишенъ разсужденія. Но чтожъ дѣлать? родитель его воспитывая, не положилъ въ него никакого основанія къ разсужденію, и онъ такъ возросъ.

Своенравъ иногда меня хвалитъ, а чаще бранитъ, за тѣмъ что нѣкоторыя листы ему не нравятся: одни, говоритъ онъ, писаны очень вольно, а другія очень воздержно: словомъ, онъ почти всегда находитъ написанное не такъ, какъ бы ему хотѣлося. Виноватъ ли я, когда не такъ какъ *Своенравъ* думаю? ему не одни мои листы не нравятся: онъ иногда входитъ въ политическія дѣла и ихъ критикуетъ для того только, что не онъ ихъ учредилъ. *Своенраву* многое не нравится, и онъ самъ также многимъ не нравится.

Самолюбъ не дальнаго разума, слѣдовательно и писать хорошо не можетъ. Я ему читалъ свой журналъ, онъ слушалъ, и лишь только я окончалъ, то началъ мнѣ разсказывать о своемъ сочиненіи: онъ наполненъ о самомъ себѣ хорошими мыслями; слѣдовательно о другихъ ему нѣкогда и думать.

Высокопаръ наполненъ воображеніемъ о свое превыспренней учености. Взираетъ съ презрѣніемъ

на всѣхъ писателей; по его мнѣнію онъ только одинъ достоинъ всеобщей похвалы, и что онъ давно уже заслужилъ безсмертную славу. Сіе утверждаютъ и всѣ преданныя ему животныя, давшія клятвенное обѣщаніе превозносить до небесъ ево пухлыя сочиненіи. *Высокопаръ* хулитъ Трутня, не бравши въ руки ни одного листа. Онъ со многими сочиненіями такъ поступаетъ: но что о немъ и говорить? ево не возможно исправить, и вывесть изъ заблужденій. Онъ во вѣки будетъ думать, что во всемъ пространномъ свѣтѣ онъ одинъ здраво разсуждаетъ, имѣетъ высокія мысли и пишетъ разумно и прекрасно.

Суевѣръ златой вѣкъ, въ коемъ позволено всѣмъ мыслить, называетъ желѣзнымъ вѣкомъ, и утверждаетъ, что сіе означаетъ скорое преставленіе свѣта.

Лицемѣръ много въ моихъ листахъ находитъ хорошева, но жалѣетъ, что напечатаны нѣкоторыя сочиненіи, по ево мнѣнію, противу закона, и что тѣмъ только Трутень и обезображенъ.

ТРУТЕНЬ.
ЛИСТЪ XXXVI. ДЕКАВРЯ 29 ДНЯ.

86.

Каковы мои читатели.

Вертопрахъ читаетъ мои листы сидя передъ туалѣтомъ. Онъ всѣ книги почитаетъ бездѣлицами не стоящими его вниманія, какъ же ожидать мнѣ, чтобы Трутень казался ему полезною книгою? однакожъ Трутень иногда заставлялъ ево смѣяться. Онъ ево почитаетъ забавною книгою, и для того ево и покупаетъ. *Вертопрахъ* повертѣвши листки въ рукахъ, и которыя заслужатъ ево благоволеніе, тѣ кладетъ онъ на туалѣтъ, а протчія употребляетъ на завиваніе волосъ. Естьлижъ въ которомъ покажется ему описанъ знакомова человѣка портретъ, то такія листочки возитъ онъ съ собою и расказываетъ, что ето на такова то написано. *Вертопрахъ* сіе дѣлаетъ для того, что любитъ на щетъ другихъ посмѣяться, и для того только и приклепываетъ; а издатель за сіе страдаетъ.

Жидоморъ утверждаетъ, что Трутень очень хорошъ, и что сія книга самая преполезная: но сожалѣетъ о томъ, что дорого продается. *Жидоморъ* хочетъ подавать представленіе, чтобы для пользы народной Трутня роздавали безденежно. Онъ бы и самъ не покупалъ моихъ листовъ, какъ они ему ни нравятся, естьли бы не нашелъ способа, весь годъ читать только за четыре копѣйки. *Жидоморъ* сдѣлалъ сіе такимъ образомъ, первой листъ купилъ и заплатилъ деньги, а въ другую недѣлю прочитавъ первой листъ принесъ къ переплетчику тотъ листъ назадъ, и увѣрилъ его, что онъ ошибкою далъ ему тотъ листъ вмѣсто втораго и такъ далѣе; симъ способомъ читаетъ всѣ листы и денегъ не платитъ.

Злорадъ читая мои листы, всегда меня ругаетъ за то, что будто я одинажды списалъ его портретъ и напечаталъ. *Злорадъ* сей, человѣкъ весьма злобной, не знаетъ человѣчества, грубъ, жестокъ, гордъ предъ своими подчиненными и низокъ до подлости предъ начальниками своими. Онъ на всѣхъ злостію дышетъ, и называетъ скотами помѣщиковъ, кои слугъ своихъ и крестьянъ не щитаютъ скотами, но поступаютъ съ ними со всякимъ милосердіемъ и кротостію; а я назову тѣхъ скотами, которыя *Злорада* назовутъ человѣкомъ: ибо между имъ и скотомъ гораздо болѣе сходства, нежели между скотомъ и крестьяниномъ. По ево мнѣнію и скоты и крестьяне

равно сотворены для удовольствованія нашихъ страстей. *Эларадъ* и теперь еще меня бранить начинаетъ: но пусть онъ бранить, меня ето не трогаетъ; я похвалы его не требую.

Скудоумъ читаетъ мои листы съ великою жадностію, и удивляется остротѣ моего разума. Но чтожъ ему нравится? то, чево онъ не понимаетъ, или что и мнѣ самому не нравится. Ево похвалу я почитаю хулою. Господа читатели, вы знаете много ли у насъ такихъ благосклонныхъ, какъ *Скудоумъ*, читателей.

Я бы могъ еще десять листовъ наполнить описаніемъ моихъ читателей, но сіе оставляю; а скажу только то, сколько у меня читателей, столько и разныхъ мнѣній о моемъ изданіи. И такъ можетъ ли многимъ людямъ разныя вкусы имѣющимъ угодить одинъ человѣкъ? сіе оставляю на ваше рѣшеніе; въ дополненіе къ сему скажу, что цѣлыя восемь мѣсяцовъ слушалъ я, похвалу и хулу весьма безпристрастно. Намѣреніе мое при изданіи сего журнала было то, чтобы угодить вамъ, любезныя читатели, сколько возможно. Естьли я въ семъ успѣлъ и сдѣлалъ хотя нѣкоторому изъ васъ числу угодность, то довольно награжденнымъ себя почту за трудъ мой. Мое самолюбіе не такъ велико, чтобы сими бездѣлками льстился заслужить безсмертную славу.

Нѣтъ, я увѣренъ, что сіе оставлено къ чести нашего вѣка прославившимся въ Россіи писателямъ, г. Сумарокову и по немъ г. Ломоносову: ихъ сочиненіямъ, потомки наши удивляться будутъ. Притчи г. Сумарокова какъ нынѣ безпримѣрны, такъ и у потомковъ нашихъ останутся неподражаемыми; а Трутень и протчія подобныя же ему бездѣлки нынѣ есть и впредь останутся бездѣлкамижъ.

ТРУТЕНЬ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ,

на

1770 годъ,

Опасно наставленье строго,
Гдѣ Звѣрства и безумства много.
прит: Р: Сумар:

Печатано вторымъ тисненіемъ
въ санктпетербургѣ.

с: п. Кирсановъ

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

ДВОРА

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ КАМЕРГЕРУ,

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

ОБЕРЪ-ПРОКУРОРУ

И

ОРДЕНА СВЯТЫЯ АННЫ

КАВАЛЕРУ

ВСЕВОЛОДУ АЛЕКСѢЕВИЧУ

ВСЕВОЛОДСКОМУ,

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ!

Милостивый Государь!

Принося вашему Превосходительству сію книжку, стыжуся и досадую самъ на себя, что она такъ мало васъ достойна. Естьлибы дарованіи мои равны были моему желанію, то была бы она наилутчая: но они слабы, а велико къ вамъ мое почтеніе. Оно велико и искренно, однакожъ не знатность вашего чина во мнѣ оное производитъ, но ваши добродѣтели: ибо знатный господинъ, неимѣющій душевныхъ добродѣтелей, столже малъ въ моихъ глазахъ, какъ и послѣдній гражданинъ неимѣющій оныхъ. Не чины человѣка украшаютъ, но добродѣтели; чины принуждаютъ къ наружному, а добродѣтели вперяютъ искреннѣе почтеніе. Не лесть сію слабую жертву вамъ посвящаетъ, но искренность: къ перьвому ни сердце, ни языкъ мой неудобны. И такъ принося вашему Превосходительству сію книжку, приношу только глубочайшее и искреннѣе почтеніе, съ которымъ пребуду на всегда

Милостивый государь!

Вашего Превосходительства

всепокорнѣйшимъ слугою

Издатель Трутня.

ТРУТЕНЬ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ

ИЗДАНІЕ,

НА

1770 ГОДЪ.

Опасно наставленье строю,
Гдѣ зѣрства и безумства много.
Прит. Г. Сумар.

Печатано
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ I. ЯНВАРЯ 5 ДНЯ.

I.

Въ новой годъ новое щастіе.

Присловица старинная, но и понынѣ у всѣхъ на языкѣ. Всѣ щастія ищутъ, рѣдкія находятъ, а протчія сѣтуютъ. Всякой представляетъ его себѣ во особливомъ видѣ. *Жидоморъ* ищетъ онаго въ великомъ богатствѣ, *Пышенъ* въ великолѣпіи, *Гордъ* въ раболѣпствѣ ему подчиненныхъ, *Влюбленой* во своей любовницѣ, и проч: я сообщу моимъ Читателямъ нѣсколько примѣровъ.

Простъ воспитанъ худо, но природа одарила его изрядным понятіемъ. Въ юныхъ лѣтахъ онъ читалъ премножество любовныхъ романовъ, и набилъ ими свою голову. *Простъ* влюбленъ, и думаетъ, что онъ щастливѣйшій человѣкъ изъ всѣхъ смертныхъ, ежели любовница ево подобнымъ же горитъ къ нему пламенемъ. Всякая ласка, приятной взглядъ, ево восхищаютъ: словомъ, *Простъ* все щастіе полагаетъ во своей любовницѣ. Сіе щастіе не можетъ быть долговременно, и *Простъ* конечно обманывается. Нынѣшняя любовь весьма далека отъ любви нашихъ предковъ. Многія женщины нашего вѣка не почитаютъ преступленіемъ, одного любить и шестерыхъ обманывать, и говорятъ, что истинная любовь требуетъ отъ любовника вѣры, или слѣпой довѣренности, то есть видѣть и быть слѣпу. Модныя любовники такъ и поступаютъ: они притворяются, будто во всемъ вѣрятъ своимъ любовницамъ, хотя думаютъ совсѣмъ противное. Они иногда попущаютъ себя такъ, какъ искусныя Министры, обманывать

для того только, что бы способняе извѣдывать обстоятельствы. Откуду произошло основаніе сихъ правилъ, я не вѣдаю, но знаю только то, что отъ подобныхъ произшествій вошло въ обыкновеніе говорить, что женщины гораздо хитряе мущинъ. Я оставляю господамъ Читателямъ рѣшить, тотъ ли хитряе, кто думаетъ, что обманываетъ и обманывается, или тотъ, который попущаетъ себя обманывать и обманываетъ; а только то скажу, что *Простъ* въ городѣ щастливъ не будетъ, пусть ищетъ онъ своего щастія въ отдаленныхъ отъ городовъ обиталищахъ.

Жидоморъ произшелъ отъ благородной крови, а имѣетъ въ себѣ кровь въ тысячу разъ подляе всѣхъ подлыхъ крестьянъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ. Онъ былъ судьею въ нѣкоторомъ нажиточномъ приказѣ въ то время, когда грабительствы и взятки почиталися подарками; слѣдовательно разоряя многихъ, нажилъ онъ довольное имѣніе, и умножилъ бы оное такъ, какъ и стонъ бѣдныхъ и безпомощныхъ людей еще болѣе, ежели бы сіяющая во всю пространную Россію на престолѣ истинна не извергла сего бездѣльника съ мѣста, опредѣленнаго правосудію; ево отрѣшили отъ онаго: но онъ еще нашелъ способъ утѣснять согражданъ своихъ. Началъ беззаконно нажитыя имъ деньги отдавать въ займы, и собирать беззаконныя проценты, поставляя свое щастіе во умноженіи богатства, не смотря, что онъ не имѣетъ ближнихъ наслѣдниковъ, и что самъ онъ не проживаетъ ни десятой доли получаемыхъ ежегодно процентовъ. Словомъ, ежедневно прилагая беззаконіе къ беззаконію, часто жалуется на правленіе за то, что запрещено брать проценты выше указныхъ. *Жидоморъ* щастіе нашелъ, но беззаконно; слѣдовательно всякой честной человѣкъ оному завидовать не будетъ.

Пышенъ имѣетъ великое богатство, но употре-

бляетъ его весьма худо. Вмѣсто вспоможенія бѣднымъ и другихъ христіянскихъ заповедей, требующихъ исполненія, покупаетъ ежегодно премножество дорогихъ коретъ, имѣетъ премножество лошадей, лакеевъ, екипажей, и протч. Столъ ежедневной у него бываетъ на 40 приборовъ, а садятся за столъ по 15 человѣкъ. *Пышенъ* всѣмъ, что имѣетъ не доволенъ: онъ свое щастіе полагаетъ въ томъ, чего имѣть не можетъ. Желаніе непозволенное и невозможное рѣдко исполняется! *Пышенъ* для приданія себѣ большей пышности хотѣлъ бы имѣть богатство всего свѣта. Сего щастія имѣть онъ не можетъ; а я ему желаю чтобы онъ научился пользоваться тѣмъ, что имѣетъ, онъ бы конечно былъ счастливъ.

Сутяга непозволенными средствами при откупахъ и подрядахъ нажилъ довольное имѣніе. Умирая за копѣйку, по всякой день умножаетъ свое стяжаніе: но при томъ поминутно воздыхаетъ, и говоритъ, что онъ нещастливъ, что дѣтямъ ево останется весьма мало, что онъ обиженъ, и что всѣ бездѣльники щастливы, а нещастливъ только онъ одинъ. *Сутяга* щастливъ быть не можетъ за тѣмъ, что онъ, имѣя щастіе въ рукахъ, не умѣетъ имъ пользоваться.

Но можно ли изчислить всѣ желаніи! всякой желаетъ щастія по своимъ склонностямъ. Большая половина того желаетъ, чего никогда получить не могутъ; они не будутъ щастливы. Наслаждаются щастіемъ только тѣ, кои довольны тѣмъ, что они имѣютъ; желаніи ихъ ограничены. Они желаютъ того, что нужно къ ихъ благоденствію, а не къ удовольствованію ихъ прихотей. Надобно желать, чтобы они были удовольствованы, на примѣръ: *Честенъ* получаетъ тысячу рублевъ годоваго дохода, проживаетъ 750, а остальныя употребляетъ въ пользу бѣдныхъ. Ежели *Честенъ* желаетъ большаго стяжа-

нія, то желаетъ для того только, что бы больше могъ дѣлати добра другимъ.

На конецъ слѣдуя обыкновенію, пожелаю я моимъ Читателямъ въ новый годъ щастія.

Вельможамъ.

Будьте любимы вамъ подчиненными и простымъ народомъ. Располагайте свои поступки и дѣла такъ чтобы они почитали васъ предстателями въ ихъ нуждахъ и заступниками, а не щитали бы васъ тиранами, отъемлющими ихъ благоденствіе тогда, когда съ престола истинны щетроты на нихъ рѣками изливаются. Будьте добродѣтельны, тогда вы бѣдныхъ утѣснять не помыслите: дѣлайте имъ добро по должности всѣмъ безъ изъятія, а не по пристрастію, и пекитеся о благосостоянiи ихъ больше, нежели о своемъ. Не слушайте льстецовъ, они обольщевая васъ, пользуются вашими слабостями, и силою вашею другихъ утѣсняютъ, а утѣсняемыя почитаютъ то ударомъ руки вашея. Они вамъ говорятъ, что вы добродѣтельны. Лгутъ они сами за глаза, больше другихъ поносятъ: сказываютъ, что всѣ удивляются вашей щедротѣ, что вы неотказываете въ ихъ нуждахъ, они васъ обманываютъ, и называютъ дураками. Убѣгайте ихъ, они ядъ, они желчь наполняющій горестію сладкую вашу жизнь.

Продолженіе въ слѣдующемъ листѣ.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ II. ЯНВАРЯ 12 ДНЯ.

Будьте сами судіями своихъ поступокъ: вѣсьте свои дѣла на вѣсахъ безпристрастія, вы увидите сколь они безстыдны и сколько вы обманываетесь. Вотъ ваше щастіе! Добродѣтельный человѣкъ вашего званія конечно назоветъ себя щастливымъ, естьли онъ сіе исполняетъ; а исполнять вамъ сіе нетрудно: ибо бѣдной человѣкъ и то въ знатномъ добродѣтелію почитаетъ, когда не дѣлаетъ онъ ему зла.

Средостепеннымъ.

Состояніе ваше требуетъ, что бы вы были любимы и знатными людьми и бѣдными. Вы содержите между высокостепенными и низкостепенными средину; и такъ перьвымъ говорите всегда правду, безъ грубости; показывайте имъ погрѣшности ихъ, отдавайте почтеніе ихъ добродѣтелямъ, а не чинамъ и справедливость ихъ поступкамъ. Не поносите ихъ за невинныя проступки: ибо слабость свойственна человѣкамъ. Не льстите имъ никогда, и чрезъ то не старайтесь входить въ ихъ милость: таковое щастіе долговремянно быть не можетъ. Низкостепеннымъ напоминайте ихъ должности, и поощряйте ко исполненію оныхъ своимъ примѣромъ. На конецъ приуготовляя себя къ вышнимъ степенямъ, пріуго-

товляйте и добродѣтели нужныя сему состоянію. Вѣсьте свои способности справедливо, и потому желайте вышшихъ достоинствъ. Приучайте себя за ранѣе сносить тягость знатной степени. Она блистательна съ наружи, и потому то васъ прельщаетъ. Будьте искренны и съ перьвыми и съ послѣдними. Наживайте друзей въ настоящемъ званіи, но такихъ, которыя бы и по полученіи вами знатныхъ достоинствъ, необиновенно всегда говорили вамъ правду; что бы они были столько добродѣтельны, что бы вы могли отъ нихъ заимствовать: естьлижъ вы не сыщете такихъ, то не сыщете щастія, хотя и будете на вышнемъ степенѣ: ибо знатной рѣдко имѣетъ вѣрнаго друга.

Мещанамъ.

Желаю трудолюбія и праводушія.

Бѣднымъ.

Добродѣтелей приличныхъ ихъ состоянію, и что бы знатныя ихъ не угнѣтали: вотъ ихъ щастіе!

Поселянамъ.

Я желаю, что бы ваши помѣщики были ваши отцы, а вы ихъ дѣти. Желаю вамъ силъ тѣлесныхъ, здравія и трудолюбія. Имѣя сіе вы будете щастливы. А щастіе ваше руководствуетъ ко благосостоянію всего государства.

На конецъ пожелаю я и себѣ въ новый годъ, новаго щастія. Чегожъ я пожелаю? Г. Читатель от-

гадай. Я желаю, что бы желаніе щастія моимъ согражданамъ было имъ угодно; что бы изданіе мое принесло пользу, и что бы меня не ругали.

2.

Г. издатель!

Покорно прошу напечатать приложенное письмо, вы тѣмъ одолжите весьма благодарнаго человѣка.

P: S: Надлѣжитъ васъ увѣдомить, что я не нашелъ способа вручить мое письмо, къ той особѣ, въ которую я влюбился. Естьлижъ вы ево напечатаете, то оно конечно дойдетъ до ее рукъ: ибо я знаю, что она ваши листы читаетъ.

P: S: Я и позабылъ было васъ увѣдомить, гдѣ я въ перьвой разъ увидѣлъ мою красавицу. Въ послѣднюю комедію, была она въ Театрѣ вмѣстѣ съ большею своею сестрою, и съ однимъ молодымъ мущиною; которой по моему заключенію, или братъ ее былъ, или мужъ большой сестры: ибо по ево съ ними разговорамъ не могъ я подумать, что бы онъ которой нибудь изъ нихъ былъ любовникомъ. Прелѣстница моя была тогда такъ, какъ и большая сестра, въ черномъ платье. Боже мой!..... Г. издатель, я не могу вамъ изъяснить, ни вы не можете себѣ вообразить: вдругъ столько прелѣстей, коими любезная моя была преисполнена. Представьте себѣ дѣвицу лѣтъ шестьнатцати, у которой лицо..... глаза наполненныя огнемъ.... носъ, губы, щеки, белизну, румянецъ.... Нѣтъ, я не могу изъяснить и

описать подробно ея прелѣсти: словомъ, всіо описанное мною, есть слабое начертаніе ея прелѣстей. Изъ сего разсудите, могъ ли я быть нечувствительнымъ видя ея; я вамъ еще больше скажу. Я сидѣлъ въ побочной подлѣ ее ложѣ, и слышалъ ее разговоры.... какой ето голосъ! Г. издатель, я внѣ себя .... боюсь, не любовникъ ли ее, сидѣвшей съ ними мущина... можетъ быть она уже любитъ... Нѣтъ... увѣрьте ее Г. издатель, что намѣренiи мои честны, что я влюбленъ въ нее до безумія, что отъ нее зависитъ здѣлать меня наиблагополучнѣйшимъ, или злощастнѣйшимъ человѣкомъ..... я не знаю ее имя, но она меня вспомнитъ, когда прочтетъ мое письмо: я во всю комедію, неспускалъ съ нее глазъ.

3.

Государыня моя!

Увидя васъ въ Театрѣ, почувствовалъ я прежесточайшую страсть.... Нѣтъ сударыня, я въ васъ смертельно влюбился; вы тому конечно не удивитесь: ибо всѣхъ смертныхъ нашего пола участь, увидя васъ влюбляться; вы на то родились, что бы васъ обожали. Но можетъ быть, изъ всѣхъ я одинъ взялъ дерзновеніе о томъ объявить. Вы меня примѣтили: я сидѣлъ подлѣ вашей ложи. Вы разговаривая съ вашею сестрицею, ненарочно положили руку близъ меня.... какая ето рука, я бы тысячу разъ согласился умереть, чтобъ только могъ ее поцаловать.

Сударыня! я бы желалъ, что бы вы ничево не

имѣли, кромѣ вашихъ прелѣстей, я бы, отдавъ вамъ сердце мое и руку, повергъ къ стопамъ вашимъ всіо мое богатство: безъ васъ меня оно отягощать будетъ; словомъ, я не могу безъ васъ жить. Соизволеніе ваше, на нашъ бракъ сдѣлаетъ меня наиблагополучнѣйшимъ человѣкомъ, а презрѣніе лишитъ меня жизни.

Влюбленъ.

P: S: Естьли сіе признаніе заслужитъ ваше вниманіе, то постарайтесь сударыня, въ будущую комедію сѣсть въ туже ложу... Я сего ожидать буду вмѣстѣ съ приговоромъ моей жизни или смерти.

Г. Влюбленъ. Есть русская пословица: *не спрося броду, несуйся въ воду*. Кажется она бы должна васъ остеречь, отъ вашей ошибки. Вы увидѣли молодую дѣвушку въ Театрѣ, въ нее влюбились, и открываетесь, несвѣдавъ прежде, кто она, и естьли у нее отецъ или мать. Вы объявляете, что ваши намѣренія честны—Вѣрю. Но вы не знаете въ своей ли власти ваша любезная, и можетъ ли согласиться съ вами на бракъ. Немалая была и та съ вашей стороны ошибка, что вы подписали подлинное свое имя: я ее исправилъ, утаивъ оное. Вы должны имѣть нѣкоторую надежду, естьли молодой мущина братъ вашей любовницы; естьлижъ нѣтъ, то не ручаюсь. Въ немалое меня удивленіе привело и то, что вы говорите, будто богатство ваше будетъ вамъ въ тягость, естьли неисполнится ваше желаніе. Я повѣ-

рилъ бы сему, когда бы вы сіе сказали по прошествіи двухъ мѣсяцовъ. Чтожъ принадлежитъ до описанія тѣлесныхъ достоинствъ вашей красавицы. То сіе подтверждаетъ, что вы горячо влюблены. Въ подобныхъ случаяхъ, господа любовники частенько лгутъ. Но я сожалѣю, что вы описывая тѣлесныя дарованіи, ни слова неупомянули о душевныхъ достоинствахъ: я бы желалъ, что бы и они также были хороши, какъ перьвыя.

Я увѣряю дѣвицу * * * что *Г. Влюбленъ* подлинно влюбился въ нѣе до безумія: письмо ево то доказываетъ. Намѣреніи ево честны, и такъ желалъ бы я исполненія оныхъ.

4.

Извѣстіе.

Естьли кто соблаговолитъ какія сочиненіи, или переводы помѣстить въ Трутнѣ; тѣ могутъ присылать оныя къ Переплетчику *Веге* съ подписаніемъ: *Г. Издателю Трутня.*

ТРУТНЬ.

ЛИСТЪ III. ЯНВАРЯ 19 ДНЯ.

5.

Г. издатель!

Въ прошломъ годѣ послала я къ вамъ нѣсколько портретовъ: вы ихъ напечатали, и я тѣмъ была довольна; но недовольна тѣмъ, что вы не сказали мнѣ во отвѣтъ ни одного слова, хороши ли они или худы. Молчаніе въ томъ случаѣ весьма худой отвѣтъ! Я поняла ваше мнѣніе, то есть, что они вамъ не понравились, и изъ того заключила: не прогнѣвайтесь, ежели скажу правду, что вы не весьма хорошей имѣете вкусъ. Въ вашемъ Трутнѣ напечатаны были сочиненіи и хуже моево. А мое, по чести скажу, почти всѣми мущинами похваляется; или по меньшей мѣрѣ тѣми, которыя знаютъ, что ето я писала. Вы тотчасъ скажете, что они льстятъ — Можетъ быть: но вы развѣ не знаете, что намъ ето пріятно? Я на вѣрное скажу, что всякая изъ насъ скоряе осердится, естьли не къ стати скажутъ правду. А когда приятно и умѣючи льстятъ, тогда хотя и скажетъ: *ты мнѣ льстишь*, однакожъ безъ сердца. Короче сказать, я на васъ сердилась, и ужесть какъ васъ и вашева Трутня бранила; называла грубіяномъ и проч. Не послала бы я къ вамъ и етаго письма, естьли бы не увѣрилъ меня одинъ мой знакомой, что вы тою болѣзнію, которая не

только намъ, но и многимъ знатнымъ господамъ не нравится, заражены съ самаго младенчества; что съ лѣтами вашими она умножалась; и что ето ваше, къ неучтивой истинѣ пристрастіе, происходитъ отъ того, что вы недовольно обращались во свѣтѣ; что не имѣли времени разобрать обычаи нашихъ современниковъ; и слѣдовательно, слѣдуя обычаямъ предковъ, не умѣете угождать намъ. Услышавъ ето, тотчасъ перестала на васъ сердиться, и послала къ вамъ мое письмо и приложенныя портреты: напечатайте ихъ, и сдѣлайте мнѣ отвѣтъ; да не позабудь Г. Издатель, что я женщина; а притомъ еще и та, которой многія мущины говорятъ: *Ужесть какъ мила.*

P. S. Мнѣ сказали, что вы хорошо пишете надписи; ежели ето правда, такъ пожалуйте потрудитесь, подъ каждымъ портретомъ оную написать, я вамъ за то очень буду благодарна.

6.

Портреты.

I.

Мущина лѣтъ тридцати, разуменъ, учтивъ и пріятенъ. Говоритъ краснорѣчиво, умѣетъ хвалить, слѣдовательно самъ онъ всѣмъ нравится; а особливо любимъ красавицами и знатными господами: да и не льзя не такъ, онъ умѣетъ всѣмъ говорить пріятное. Мущина етотъ очень щастливъ, довольно богатъ и имѣетъ хорошей чинъ: а всіо ето получилъ разумомъ. Естьли не перемѣнитъ онъ своего пове-

денія, то надѣяться должно, что будетъ знатнымъ человѣкомъ.

*

Надпись.

*

Льстецъ.

* * *

II.

Говорятъ, что *Чистосердъ* разуменъ и ученъ, и что онъ честной человѣкъ: но етого никто не примѣчаетъ; а примѣтна всѣмъ грубость ево и неучтивство. *Чистосерда* почти никто не любитъ: онъ иногимъ досаждаетъ и ево часто бранятъ.

*

Часто говоритъ правду.

* * *

III.

Дѣвица лѣтъ шестьнадцати, одѣвается щегольски, во всемъ имѣетъ хорошей вкусъ: разумѣется въ нарядахъ, старается быть съ мущинами, часто смотрится въ зеркало; женьщинъ почти всѣхъ пересуживаетъ, а мущинъ часто хвалитъ. Книгъ не любитъ, но вмѣсто того превеликая охотница до большихъ бесѣдъ, театральныхъ позорищь и маскерадовъ, и вездѣ съ перьваго взгляда всѣмъ нравится.

*

Красавица.

* * *

IV.

Безпрестанно говоритъ о войнѣ разсказываетъ о сраженіяхъ, въ которыхъ онъ находился. За всякую

бездѣлицу сердится, и разгорячась тотчасъ грозитъ шпагою.

*

Трусъ.

* * *

V.

Вездѣ и почти безпрестанно говоритъ о стихахъ и всѣхъ критикуетъ.

*

Стихотворецъ.

* * *

VI.

Женьщина лѣтъ сорока безъ мала, хулитъ всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ; говоритъ, что онѣ очень вѣтрены, худо одѣваются, вольно обходятся и проч. Она почти всегда говоритъ, что она уже старуха, и что часто смѣется шалостямъ молодыхъ людей. Однакожъ между тѣмъ часто посматривается въ зеркало, поправляетъ свои уборы; и когда молодой мущина скажетъ ей, что она еще молода, хороша, приятна, одѣвается по вкусу и проч. за то она не сердится: но улыбнувшись скажетъ: *шутишь*. Большую часть своихъ лѣтъ препроводила она въ спаньѣ и передъ туалетомъ; слѣдовательно выключа сіе, и въ подлинную она еще робенокъ.

*

Устарѣлая Кокетка.

* * *

VII.

Во всѣхъ всѣ видитъ пороки, а въ себѣ ни одного; всѣхъ критикуетъ, сказываетъ наставленіи и по

возможности старается исправлять: но самъ рѣдко исправляется.

*

Проповѣдникъ и Сатирикъ.

* * *

VIII.

Одѣвается по модѣ, низко кланяется, говоритъ ласково и учтиво; часто улыбается, всѣмъ обѣщаетъ, рѣдкому исполняетъ, въ глаза всякаго хвалитъ, а за глаза бранитъ; проживаетъ больше, нежели получаетъ, и всему на свѣтѣ завидуетъ.

*

Прид. Господинъ.

* * *

IX.

Молодецъ, лицомъ недуренъ и неглупъ, имѣлъ веселой нравъ и живыя поступки; въ бесѣдахъ душею собранія почитался, и словомъ во всѣхъ между молодыми людьми веселостяхъ былъ перьвой; но съ нѣкотораго времени со всѣмъ перемѣнился: сталъ задумчивъ, скученъ и иногда не только другимъ, но и самому себѣ тягостенъ бываетъ. Поступки ево не имѣютъ уже прежней живости, но вмѣсто того видна робость и смятеніе, и часто въ задумчивости отвѣчаетъ не то, о чемъ спрашиваютъ.

*

Влюбленъ.

N. B. По дѣдовски.

* * *

X.

Дѣвица лѣтъ осмнатцати, лицомъ не дурна, не глупа, не самолюбива, не своенравна, умѣетъ от-

давать справедливость другимъ и самой себѣ; охотница до словесныхъ наукъ, любитъ разсуждать, и разговаривая съ другимъ, тягости и скуки собою не дѣлаетъ. Ей приятно, когда мущины отдаютъ ей справедливость: но тотчасъ разсердится, естьли примѣтитъ, что ей хотѣли польстить.

*

N. B. Чудь, чудь было не позабыла я увѣдомить васъ, Г. Издатель, что сія дѣвица имѣетъ нехудой вкусъ, и одѣвается изрядно, по модѣ и къ лицу.

*

Надпись.

Естьли не ошибаюсь, такъ ето

ВЫ САМИ.

* * *

Милостивая государыня! на перьвое ваше письмо не отвѣтствовалъ по тремъ причинамъ. I. По достоинству ваше сочиненіе похвалить не смѣлъ за тѣмъ, что я къ прелѣстному полу имѣю почтеніе. II. Опасался я его похвалить много за тѣмъ, чтобы вы не сочли меня льстецомъ, и III что я всегда молчу, когда нѣчего говорить.

На второе ваше письмо отвѣтствую также по тремъ причинамъ. I. Сдѣлать вамъ угодность, исполнивъ ваше ребованіе. II. Что бы вы неосердились и не стали меня опять бранить, естьли бы я не отвѣтствовалъ, и III сказать, что бы вы нынѣ и впредь ожидали похвалы отъ читателей, а не отъ меня. Впротчемъ за сообщеніе вашего письма, я весьма благодаренъ. Я бы просилъ васъ сообщить ко мнѣ описаніе пороковъ свойственныхъ вашему полу: но опасаюсь отяготить вашу скромность.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ IV. ЯНВАРЯ 26 ДНЯ.

7.

Г. ИЗДАТЕЛЬ!

Кому то вздумалось всклепать на меня, будто я неблагодарное имѣю сердце; а я въ етомъ на тебя плюсь, Г. Издатель! ты меня не меньше другихъ знаешь. Прошу покорно меня въ етомъ оправдать— Да какъ же ты ето сдѣлаешь? а вотъ какъ: напечатай приложенныя при семъ стишки, они докажутъ несправедливость людей, меня оклеветать старающихся, и подтвердятъ, что я есмь

Благодарной.

Г. Благодарной! То, на что вы жалуетесь, есть такъ обыкновенно, что въ такомъ случаѣ я бы письменно и не пожаловался: надлежитъ только согласовать свои поступки съ правилами честности и добродѣтели. Оклеветатели на честныхъ людей всегда нападаютъ больше, и дѣлаютъ то иногда для своей пользы; а иногда для того только, чтобы поговорить на щетъ другихъ. Сію язву искоренить трудно! Вы говорите, что я васъ знаю — можетъ быть: но вы подлиннаго своего имени не подписали, по чему я и не могъ васъ узнать: ниже по тому знаку, что

вы *Благодарной* человѣкъ. Я поручусь, что мои друзья всѣ люди честныя и благодарныя. Симъ только щастіемъ по сіе время я пользуюсь!

Во удовольствіе ваше стихи помѣщаю; тѣмъ паче, что они васъ оправдаютъ, какъ вы увѣряете.

8.

СТАНСЫ.

Враговъ прогнать
И градъ намъ ихъ отдать
Благоволившу Богу;
А днесь премудра наша Мать
Ко подданнымъ своимъ явила милость многу,
И въ самый сей благополучный часъ
Сталъ радостный у насъ
Повсюду слышенъ гласъ,
Судьбина многихъ обновилась,
Премѣна въ нихъ тогда и внѣ и внутрь явилась,
Сорадовались имъ всѣ ихъ друзья;
Сорадовался тожъ премѣнѣ двухъ и я,
Которыхъ почитаю.
Я силъ не обрѣтаю.
Тогдашнее мое все чувство изъяснить!
Но чтобъ не укоснить,
Я свѣту то вѣщаю,
Что въ сердцѣ ощущаю.

*

Когда прешла сомнѣнья тѣнь,
И наступилъ желанный день;
Я друга своего зря въ щастіи толикомъ,
Что онъ переступилъ съ степени на степень:
Во удовольствіи я былъ огда великомъ.

*

Друговажъ видя я отъ радости весь мѣлъ,
Какъ освященный онъ мундиръ надѣлъ.

Пріятнѣйшимъ его духъ чувствомъ наслаждался:
Онъ жребія себѣ дождался,
Которымъ такъ давно ласкался.

*

Какъ ни былъ кто сему безмѣрно радъ,
Но въ удовольствіи не можетъ съ тѣмъ сравниться,
Кой первому есть другъ, послѣднему же братъ.

*

А я ко всѣмъ тремъ усердіемъ пылая,
И искренне желая,
Чтобъ дологъ былъ ихъ вѣкъ,
Чтобъ дни подобныя съ собою влекъ;
А больше то всево, чтобъ непоспѣшно текъ,
Дабы могла судьба ихъ щастіе исправить,
И во избыткѣ ихъ въ дни поздныя оставить.

9.

Г. ИЗДАТЕЛЬ!

Я сообщаю къ вамъ для напечатанія нѣсколько пѣсенъ: въ нихъ нѣтъ ни пользы обществу, ни увеселенія—ето я самъ знаю. Однакожъ я надѣюсь, что вы нѣсколькими страницами пожертвуете для того человѣка, которой васъ о томъ проситъ, и которой еще тотъ въ себѣ имѣетъ порокъ, что онъ

Нетерпѣливъ.

10.

ПѢСНЯ I.

На голосъ.

Достигнувши тобою
Желанья моего.

*

Любовь меня пронзила
Нещастною стрѣлой,

*

Всѣхъ радостей лишила,
Разруша мой покой.
Всечасно воздыхаю,
Я рвуся и страдаю,
Отрады малой нѣтъ,
Мнѣ весь противенъ свѣтъ.

*

Родилась я нещастна
Для нестерпимыхъ бѣдъ;
Почто я стала страстна,
Когда надежды нѣтъ
Весельемъ наслаждаться,
Любезнымъ восхищаться,
Его всечасно зрѣть,
Въ любви взаимной тѣть?

*

Судьба насъ разлучаетъ
И мучить обоихъ;
Мой видъ его смущаетъ,
Онъ зритъ въ глазахъ моихъ,
Что мучуся всечасно,
И знаетъ, что напрасно
Разженны въ насъ сердца,
Коль мукамъ нѣтъ конца.

*

Что дѣлать въ злобной долѣ,
И чемъ тоску прервать?
Иль въ тягостной неволѣ
Мнѣ должно жизнь скончать?
Любезной мой мнѣ вѣренъ,
Мой жаръ къ нему безмѣренъ,
Но должно намъ страдать
И слезы проливать!

11.

ПѢСНЯ II.

Къ Д. М.

*

Когда судьба велѣла
Тебя мнѣ полюбить,
Душа моя хотѣла
Тобой одною жить;
Тобой одной прельщалась,
И тѣмъ лишь огорчалась,
Что мнѣ не вѣчно жить,
Не вѣчно и любить.

*

Разлука не грозила
Горячности моей,
Ты грудь мою пронзила
Приятностью своей,
Ты сердце услаждала,
Ты нову жизнь давала,
И прелести своей,
И нѣжности моей.

*

И естьли разлучится
Мнѣ должно полюбя;
Пусть все со мной случится!
Покину я тебя;
Растануся съ тобою,
Но духъ возьму съ собою,
Которой я любя
Похитилъ у тебя.

*

Тебѣ свой духъ оставлю,
Пусть рокъ играетъ мной,
Я сердце мукъ избавлю,
Прельщаяся тобой.
Ты будешь мной прельщаться;
Не станемъ оба рваться;

Ты будешь жити мной,
Я стану жить тобой.

*

Въ любовникахъ желанье
Единое горитъ,
Привѣтство и вздыханье
Всю дальность прелетитъ.
Къ тебѣ мой вздохъ помчится,
Съ твоимъ соединится;
Коль сердце чье горитъ,
На все оно летитъ.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ V. ФЕВРАЛЯ 2 ДНЯ.

12.

ПѢСНЯ Ш.

Къ Д. М.

На голосъ

Напрасно лишь стараюсь
Я страсть свою таить.

*

Отчаянье съ тоскою
Терзаютъ страстной духъ:
Растанусь я съ тобою
И съ радостями вдругъ.

*

Не будетъ мнѣ отрады
На свѣтѣ въ жизнь сію:
Твои любезны взгляды
Пронзили грудь мою.

*

Дражайшая, тобою
На вѣки я плѣненъ;
И въ вѣкъ судьбиной злою
Спокойствія лишенъ.

*

Ахъ! можноль не вздыхая
Сказать тебѣ, прости?
Не плача, не страдая,
Не можно то снести.

*

Хоть тяжко разлучиться
На вѣки съ жизнью сей;
Но тягосней лишиться
Возлюбленной своей,

Когдажъ мой стонъ и мука
Угодны злой судьбѣ,
Свершись скорей разлука;
Я духъ предамъ тебѣ.

*

Тебѣ моя драгая!
Я сердце посвятилъ;
И въ вѣкъ тобой пылая,
Тебѣ я буду милъ.

*

И ежели я буду
На вѣкъ забытъ тобой,
Любви не позабуду,
Но въ гробъ снесу съ собой.

13.

БЫЛЬ IV.

Супругу мужъ любя, желалъ всегда быть съ ней
Во всяко время:
Супругѣ было то тяжело бремя
Желала, чтобы къ ней
Былъ мужъ похолоднѣй:
Любовь ею супружня мучитъ,
Супругъ присутствіемъ своимъ ей скучитъ
Она не видя съ нимъ веселыхъ дней,
Всей силою старалась
На время отъ себя ево поотлучить
И вольность получить:
Чтобъ страстную любовь иному облегчить,
Передъ мужемъ притворялась
И такъ,
И сякъ,
Какъ можетъ вообразить объ етомъ всякъ,
И мужу говоря она чистосердечно:
Я вижу то давно, что боленъ ты конечно,
Что всяку ночь, когда ты очень крѣпко спишь,
Прежестоко храпишь;
И такъ представь себѣ, что мы подвласны року,

Вообрази, что ты боль чувствуешь жестоку,
Любезной мой супругъ, и дарагой мой мужъ!
А мужъ хоть былъ здоровъ и дюжъ;
Да самъ себѣ не вѣритъ.
И думаетъ онъ такъ: жена не лицемѣритъ,
И правду говоритъ.
Что цвѣтъ въ лицѣ ево не свѣжъ, и самъ онъ зритъ,
По слабости своей такъ точно разсуждаетъ,
Супругѣ угождаетъ
И боль предупреждаетъ.
Искуснова Врача велѣлъ къ себѣ призвать,
Сталъ Лѣкарь по рублю на всякой день клевать
Больнова носящая,
Лѣкарствами ево здоровье изнуряя,
И сущую ему горячку приключая.
Хоть выдумка сія была и хороша,
Да мало барыша:
Супруга въ горѣ
Прибѣгла къ способу другому вскорѣ,
Больному начала совѣты подавать,
Коль сможешь ты, мой мужъ, хоть чуть вставать,
То лутче всякой день по разу проѣзжаться,
А нежель всіо лежать
И немочь умножать.
Мужъ долженъ и сево былъ правила держаться,
Изволилъ проѣзжаться.
Чтожъ вскрылось на конецъ изъ случая сево?
А вотъ идетъ молва народнаго здѣсь гласа,
Что вышла та болѣзнь на верхъ главы его,
И здѣлалась на лбу ево прикраса.

14.

БЫЛЬ V.

Имѣя дѣвушка съ природы чувство нѣжно,
Стараяся прилежно
Природу раздражать,
Кокеткамъ подражать:

Ихъ правила держаться,
По модѣ наряжаться.
Собою же она удобнѣе пужать,
А нежель заражать.
Продолговатой ликъ, на коемъ цвѣтъ смугленекъ,
Не множко ликъ ребенекъ,
Не множко ротъ кривенекъ,
Не множко умъ слабенекъ;
А вообще сказать прямымъ словцомъ,
Чрезъ чуръ дурна лицомъ:
И ето непривяска,
Незнавшему ее,
Увидя въ перьвый разъ подумать льзя сіе,
Что то на ней надѣта маска;
А дѣвушка себѣ такую дурноту
Щитаетъ въ красоту:
Но рокъ, колико можно
Далъ ей о томъ узнать, сколь мнѣнье ето ложно;
И вотъ то было какъ: тутъ гость, или женихъ,
Когда бывалъ у нихъ,
Слуга, которому за онымъ ѣздить должно,
Когда узрѣть еіо случай ни находилъ,
Онъ глазъ своихъ съ неіо въ то время не сводилъ;
И какъ она ево взоръ всякой часъ встрѣчала,
То не иное въ томъ, какъ склонность заключала,
И на сіе молчала.
Не стало силъ еіо въ незнаньѣ пребывать,
Ей должно было то молчаніе прервать.
Вѣрнѣйшей нянюшкѣ всю тайну открываетъ,
Что свѣдать отъ слуги она желаетъ
Притчину взглядовъ всѣхъ ево,
И для ради сево
Велѣла
Усердной сей рабѣ,
Привесть ево къ себѣ
Подъ видомъ дѣла.
И та минута ей казалася долга,
Котора подождать слугу ей оставалась:
Она въ задумчивость вдавалась,

Услужникаль найдетъ себѣ или врага?
Предсталъ предъ ней слуга.
Какое воображенье!
Еіо сталъ полонъ умъ
Пріятныхъ думъ.
Вдругъ сердце у неіо пришло въ движенье;
Пе знала, что начать,
А время коротко, не льзя молчать;
И какъ противъ себя она ни воружалась,
Но радость на лицѣ у ней изображалась.
Смущала духъ ее присудствіе ево:
Волненье таково
Она имѣла,
Въ ней кровь кипѣла;
Она рабѣла,
Она хрипѣла,
И обладать собой въ то время не умѣла,
Въ смятеніи къ слугѣ простерла рѣчь сію:
Я позволеніе мой другъ тебѣ даю
Открыть мнѣ мысль свою;
А я тебѣ божуся,
Что я не разсержуся:
Какую въ етомъ ты утѣху находилъ,
Что часто на меня глаза свои взводилъ?
Неушто я тебѣ пріятною кажуся?
Ахъ! я стыжуся!...
Возможноль, чтобъ тебя плѣнилъ мой зракъ?...
Слуга сей былъ хотя и не дуракъ,
Да правды онъ держался,
Къ тому же испужался.
А больше что въ дѣлахъ амурныхъ былъ простакъ,
Отвѣтствовалъ ей такъ:
Сударыня! не льзя предъ вами мнѣ таиться,
Я искренне готовъ открыться,
Исполню вашъ приказъ:
Что противъ вашева лица я становился,
Притчина та тому: что я всегда дивился,
Сколь въ знатныхъ и простыхъ домахъ, гдѣ ни бывалъ,
Я сколь какихъ изъ женщинъ ни зналъ,

Верховыхъ дѣвушекъ, боярышенъ, крестьянокъ,
Грузинокъ, Персіанокъ;
Но съ роду не видалъ по самой этотъ разъ,
Нигдѣ дурныя васъ.

15.

Извѣстіе.

Сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго Корпуса у Переплетчика Тидделіуса продается новонапечатанная книга: подъ заглавіемъ *Іосифъ* поема, сочиненная Г. Битобе, каждый екземпляръ 1 рубль двадцать пять копѣекъ.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ VI. ФЕВРАЛЯ 9 ДНЯ.

16.

Г. ИЗДАТЕЛЬ!

Не повѣришь радость, въ какой ты у насъ модѣ. Ужесть какъ всѣ тебя хвалятъ, и всѣ тобою довольны. Я сама много разъ отъ Московскихъ нашихъ щеголихъ слыхала, что тебѣ предъ всѣми даютъ преимущество; а я твоего Трутня ни на какія книги не промѣняю. Послѣ покойнаго старичка, моево батюшки, досталось мнѣ книгъ очень много, только по чести я ни одной не беру въ руки. Божусь тебѣ, что принявшись за одну, провоняла было сухою моралью: объ закладъ бьюсь, что ты не отгадаешь, какія ето книги?—всьо *Θеофаны* да *Кантемиры*, *Телемаки*, *Роллени*, *Лѣтописцы* и всякой едакой вздоръ. Честью клянусь, что я читая ихъ ни слова не разумѣла. Одинъ разъ развернула *Θеофана* и хотѣла читать, но не было мочи: не повѣришь радость, какая сдѣлалась *тьснота въ головъ* *); а что принадлежитъ до твоего Трутня, то по чести я ни когда не устаю ево читая: ужесть какъ хорошъ! Теперь я всьо сказала, что надлежало до тебя: выслушай же радость и мою прозьбу.

*) *Модное слово.*

Батюшка покойникъ, скончавшись третьева года, избавилъ меня отъ ужасныхъ хлопотъ и безпокойства. Ты удивишься, какъ я тебѣ скажу: у васъ въ Петербургѣ и въ голову никому ето не входило. Послушай, да не засмѣйся: уморишь радость! я принуждена была смотрѣть за курами — ты хохочешь: потерпи пожалуй — За курами, за гусями, и деревенскими бабами—ха! ха! ха! Разсуди радость, сносноли благородной дворянкѣ смотрѣть за едакою подлостью. Я не къ тому рождена: но батюшка мой, покойной старичокъ, всьо-таки на своемъ поставилъ. Онъ воспиталъ меня такъ худо, какъ хуже, трудно и придумать. Я знала только какъ и когда хлѣбъ сѣютъ; когда садятъ капусту, огурцы, свеклу, горохъ, бобы и всьо то, что нужно знать дураку прикащику—Ужасное знаніе! а того, что дѣлаетъ нашу сестру совершенною, я не знала. По смерти батюшкиной пріѣхала въ Москву, и увидѣла, что я была совершенная дура. Я не умѣла ни танцовать, ни одѣваться, и со всѣмъ не знала, что такое *мода*. Вотъ до какой глупости отцы, подобныя моему, дѣтей своихъ доводятъ! Повѣришь ли Г. Издатель?— мнѣ стыдно тебѣ признаться:—я такъ была глупа, что по пріѣздѣ только моемъ въ Москву узнала, что я хороша—разсуди теперь, какъ меня приняли Московскія щеголихи. Они съ головы до ногъ меня засмѣяли, и я три мѣсяца принуждена была сидѣть дома, чтобы только выучиться по модѣ одѣваться. Ни день, ни ночь, не давала я себѣ покоя, но сидя передъ туалѣтомъ надѣвала карнеты, скидывала,

опять надѣвала: разнообразно ломала глаза, кидала взгляды, румянилась, притиралась, налепливала мушки, училась различному употребленію опахала, смѣялась, ходила, одѣвалась, и словомъ въ три мѣсяца, всьо-то научилась дѣлать по модѣ. Мнѣ кажется ты удивляешься, какъ могла я въ такое коротвое время всему, да еще сама научиться? Я тебѣ ето таинство открою, послушай: по щастію попалась мнѣ одна француская мадамъ, которыхъ у насъ въ Москвѣ довольно. Она еще до прозьбы моей предложила мнѣ свои услуги: разсказала мнѣ въ какомъ я нахожусь невѣжествѣ, и что она въ состояніи изъ меня сдѣлать самую модную щеголиху. Вотъ какое изъ насъ Французы дѣлаютъ превращеніе! изъ деревенской дуры въ три мѣсяца сдѣлать модную щеголиху, для человѣка невозможность, а французы дѣлаютъ. Какою благодарностью должны мы французамъ: они насъ просвѣщаютъ, и оказываютъ свои услуги и тогда, когда ихъ не требуемъ. Лишь только вышла я изъ рукъ моей учительницы, то и показалася въ собраніе. На меня уже другими глазами смотрѣли: я познакомилась со многими дѣвицами и науку мою совершенно выучила. Скоро послѣ того услышала, что и меня называютъ модною щеголихою. Сколько я тогда радовалась! уморить ли тебя?—Въ тысячу разъ больше, какъ радовался батюшка мой, получая въ году тысячу четвертей хлѣба съ своего помѣстья. Тогда то узнала я, что мы и съ хлѣбомъ и съ деньгами нашими безъ французовъ были бы дураки. Они еще дьошево продаютъ о насъ свои

попеченіи. Услыша лестное о себѣ мнѣніе, не пропущала я тогда ни комедіи, ни маскерадовъ, ни гульбищей: вездѣ я поспѣвала. Ты радость можешь разсудить, что дѣвка осьмнадцати лѣтъ, которая отъ всѣхъ слышитъ: *мила какъ Ангелъ!* тотчасъ наживетъ себѣ завистницъ: со мною точно такъ и здѣлалось. Меня стали снова пересмѣхать; но ужъ изъ зависти, видя, что молодыя мущины толпами за мною бѣгаютъ. На всю злость Московскихъ щеголихъ, и ласки молодыхъ мущинъ, смотрѣла я съ холодностію. Многія Молодчики въ любви мнѣ открывались: но я смѣялась — я еще больше дѣлала: сказать ли?—я дурачила ихъ сколько хотѣла, а они не сердились. На конецъ попался мнѣ молодчикъ, хорошъ какъ Ангелъ, умьонъ, и при томъ щеголь. Онъ въ меня влюбился до безумія; и я къ нему почувствовала, незнаю что-то отмѣнное отъ прочихъ. Я восхищалась, видя ево на маскерадахъ: онъ леталъ какъ вѣтръ, когда онъ танцовалъ; и вездѣ, гдѣ я нибывала, находила тутъ и ево. Нѣсколько времени было ето мнѣ приятно, а послѣ безъотвязностію своею онъ мнѣ и наскучилъ. Я вознамѣрилася ево позабыть: и слово свое сдержала. Послѣ сего молодчиковъ съ десятокъ пробовали свое щастіе: но я и съ ними точно также поступила.

Вотъ обстоятельствы, въ которыхъ я нахожуся. Дай радость мнѣ хорошенькой совѣтъ: такъ ли мнѣ поступать, какъ начала, или и самой въ ково нибудь влюбиться. Пожалуй Ангелъ мой напиши мнѣ поскоряе отвѣтъ, да не умори меня; я ево съ не-

терпѣливостію буду дожидаться; и прежде, нежели ево не получу, не скажу тебѣ, кто я такова. Мнѣ хочется и тебя помучить. Прости радость!

P. S. Ужесть какъ хочется, чтобы совѣтъ твой поспѣлъ къ нашимъ маскерадамъ.

Въ Москвѣ,
Ноября 25 дня,
1769 года.

17.

Государыня моя! я человѣкъ чистосердечной, и такъ не прогнѣвайтесь, ежели скажу, что поступки ваши со всѣмъ мнѣ не нравятся. Послушайте искреннева совѣта! оставьте ихъ, они унижаютъ вашу красоту. На что прелестное ваше лицо: я разумѣю изъ письма вашего. Начто ево различными намазывать красками? Глаза ваши блистаютъ можетъ быть огнемъ: начто вы ихъ коверкаете? — *мода* и тутъ замѣшалась! Еще васъ прошу, оставьте сіе несвойственное вамъ искуство: прекраснова не можно прекраснѣе здѣлать, но развѣ безобразнѣе: превеликую дѣлаете вы честь своей учительницѣ! Естьли всѣ они ту только дѣлаютъ пользу, такъ они совсѣмъ для насъ не нужны. Оставьте всьо искуство, и дайте въ себѣ удивляться дѣламъ природы. Вы не захотите можетъ быть слѣдовать моему совѣту для того, что боитесь скуки: не опасайтесь сударыня, Г. Сочинитель *Всякія Всячины* обѣщал-

ся предписать вамъ упражненіи; слѣдуйте только имъ: вы скуки чувствовать не будете. На конецъ совѣтую вамъ читать и хулимые вами книги, хотя изъ рѣдка. Совѣтую также побольше имѣть почтенія къ памяти вашего родителя. Въ протчемъ, за хорошее ваше о Трутнѣ мнѣніе я бы васъ благодарилъ, естьли бы похвала сія была умеренна и справедлива; но вы предпочитаете моего Трутня такимъ славнымъ Сочинителямъ, у которыхъ, *недостоинъ я отрѣшить ремень сапогъ ихъ;* и такъ отъ принятія сей похвалы прошу меня уволить.

Письмо Г. *Правдолюбова* напечатано не будетъ. Оно задѣваетъ *Всякую Всячину* и критикуетъ Господина Сочинителя за то, что отъ критики свободно. Въ томъ же письмѣ Г. *Правдолюбовъ* дѣлаетъ разсужденіе о всѣхъ еженедѣльныхъ сочиненіяхъ минувшаго года, и полагаетъ имъ цѣну; нападаетъ также своею критикою на нѣкоторую переводную въ стихахъ Поему и проч. Я сообщаю Г. *Правдолюбову*, что подобныхъ сему писемъ и впредь печатать не буду.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ VII. ФЕВРАЛЯ 16 ДНЯ.

18.

Изъ дюжины новыхъ былей.

БЫЛЬ VI.

НЕУДАЧА.

Мы разсудокъ сей имѣемъ,
И то твердо разумѣемъ,
Что есть худо, что добро,
Что есть злато, что сребро;
Но не всѣ творимъ мы благо:
Люди нрава есть инаго,
Просто молвить нрава злаго;
Иго то стремятся несть,
Отъ чево страдаетъ честь.
Иль въ обманъ вдаются смѣло
На безсовѣстное дѣло,
Приключать другимъ напасть.
Иль въ винѣ находятъ сласть;
А дурняй всево есть красть.

Тщетно я доводы трачу,
Склонность ставить злу виной,
Я скажу про неудачу:
Вамъ прелестницы одной;
И прелестницы такой,
Каковой поступки рѣдки,
Та по правиламъ кокетки,
Прямо жизнь свою вела,
Волокитъ не отмѣтала,
Нѣжну страсть для нихъ питала.
Въ своей юности цвѣла,

И тѣмъ только утѣшалась,
Чтобъ быть склонною ко всѣмъ,
Принимати негнушалась,
Въ знакъ подарковъ тѣмъ и семъ:
Не избѣгла въ жизни плача,
Волокитъ хоть былъ содомъ,
Въ нихъ была ей неудача,
Не могла скопить тѣмъ домъ.

Скоро вѣкъ сей премѣнился,
Нѣкто модницей плѣнился,
Не убогой молодецъ,
Не прыткой чрезъ чуръ хитрецъ:
Онъ на бракъ тотчасъ склонился,
На манерщицѣ женился;
Можно молвить за прокладъ,
Не жену нашелъ онъ кладъ!
Зря къ себѣ ее пріятство,
Ей себя и все богатство
Простодушникъ сей вручилъ:
Лишь тово не получилъ,
Чтобъ вѣрна была супруга.
Ей нужна другихъ услуга,
Избрала инова друга;
Симъ она полезла въ знать;
Въ совершенны вступя лѣты,
Зачала кокетка брать,
Ужъ не деньги, не портреты,
Чтожъ такое?... Туалеты.
Но къ потокамъ горькихъ слезъ,
Рокъ дни младости унесъ,
Часть драгую премѣняетъ,
Ей любовникъ измѣняетъ.
О ты свѣтска суета!
Стала модница не та:
Ко искуству прибѣгаетъ,
Ей и то не помогаетъ,
По увяла красота.

Чтожъ начать? не льзя сердиться
На судьбину ни кому,
Должно было покориться
Ей разсудку своему.
Новой долѣ не пеняетъ,
Приходя во славу вновь
Она дѣвушекъ склоняетъ,
Ко любовникамъ въ любовь.
Не избѣгла въ жизни плача,
Ей и въ томъ мала удача;
Ее всѣ благодарятъ,
Да не всѣ ее дарятъ.

Какъ подьячей въ гнѣвѣ лютомъ
Негодуетъ на указъ,
Что поставленъ въ немъ онъ плутомъ,
И претитъ брать взятки съ насъ;
Такъ мануфактурщицу терзаетъ
Потерянье юныхъ лѣтъ.
Больше тѣхъ часовъ ужъ нѣтъ,
Ктобъ прислалъ ей туалетъ.
Страсть ей нова грудь пронзаетъ,
Тмитъ разсудокъ какъ туманъ:
Уже модница дерзаетъ,
Прибирать все въ свой карманъ;
Чтобы въ руки ни попалась,
У нее бы то осталось.
Промыслъ сей легокъ, всѣ мнятъ,
И искусниковъ не чтятъ.
О семъ модница не мыслитъ,
Прибыль многу въ етомъ числитъ,
Ищетъ опытъ сей явить,
Гдѣбъ ей руку обновить.
Опытъ сей когда случился,
Я объ томъ не извѣстился:
Можетъ было въ Генварѣ,
Можетъ въ Мартѣ иль въ Іюнѣ,
Ну пусть было хоть въ Іюлѣ:
На гостиномъ на дворѣ,

Тутъ купцамъ у насъ въ прибавку
И Французъ имѣетъ лавку,
А ужъ ето и давно,
Для бояръ не все равно.
Плѣнены они французскимъ,
И гнушаются всѣмъ русскимъ,
Такъ не диво, что туда
Чаще ѣздятъ господа,
Сколько ради покупанья;
Въ двое больше для свиданья.

Въ сей то лавкѣ случай былъ
Рѣшить трудную задачу,
Рокъ манерщицѣ судилъ
Показать свою удачу;
Тутъ съ любезной нѣкто былъ,
Съ тою вмѣстѣ, кѣмъ онъ страстенъ,
И въ которой не нещастенъ.
Щеголь сей спервa любилъ
Ету модную кокетку,
А потомъ влюбясь въ брюнетку.
Ей не только измѣнилъ;
Но помочь себѣ склонилъ.
О нравъ женщины послушной!
Ты почтеніе нашла,
Дружбой сей великодушной
Всѣхъ влюбленныхъ превзошла.
Льзя къ ее огромной чести
Здѣсь сказать безъ всякой лести;
Не прехвальныль то дѣла?
Бывъ любовницей прямою;
Но любовнику къ покою,
Собой жертвовать могла,
Вознеслася тѣмъ и паче
Не противяся судьбѣ.
Зря возлюбленнаго въ плачѣ
О иной, не о себѣ.
Сколько слезъ ни уронила,
Но ее къ нему склонила,

Подала случай имѣть,
Имъ взаимной страстью тлѣть.

Тутъ сойдясь: она мнитъ точно,
Что за трудъ онъ подаритъ;
А онъ мнилъ, что то безпрочно,
Больше нужды въ ней не зритъ.
Чтожъ начать въ слезахъ и плачѣ,
Въ вѣкъ тужить о неудачѣ;
Но грусть скоро уменшитъ,
Какъ намѣренье свершитъ,
Изчисляя всѣ поступки,
По порядку велъ дѣла,
Что подъ образомъ покупки,
Тутъ манерщица была.
Всяку вещь она торгуетъ,
Смотритъ все, о всѣмъ толкуетъ,
Какъ порядокъ купли есть,
Но забывъ немножко честь.
Вещь, которую держала,
Ту въ рукѣ своей зажала;
Нашъ Парижецъ сколь ни смѣлъ,
Но почтеніе имѣлъ:
Хоть и видѣлъ все то дѣло,
Какъ кокетка нѣчто смѣло,
Вдругъ изволила склюнуть,
И въ карманъ себѣ воткнуть;
Онъ неставилъ ей то въ кражу,
Что искалъ свою пропажу.
Вотъ пришла теперь бѣда,
Должно треснуть со стыда!
Она руку наклонила,
Табакерку уронила,
Французъ тотчасъ подхватилъ,
Самъ съ боярами шутилъ.
Но о часть достойна плача!
Ей и въ етомъ неудача.
Чтожъ осталось зачать:
Предъ Французомъ замолчать.

Тутъ супругъ увидя диво,
Кражу въ женниной рукѣ,
Словъ пятокъ сказалъ учтиво
На Французскомъ языкѣ;
Не Парижцу онъ пенялъ,
Но супругу извиняетъ,
Руку объ руку потеръ,
И сказалъ: votre serviteur;
Не хотя съ Французомъ драться,
Онъ спѣшилъ домой убраться,
Со женой уходитъ вонъ,
Здѣлавъ вѣжливой поклонъ.

19.

Извѣстіе.

Сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго Корпуса въ книжной лавкѣ у Переплетчика Тидцеліуса, продается новая книжка: подъ заглавіемъ *Щастливое Семейство* Сказка, цѣною по 30 копѣекъ.

ТРУТЕНЬ.
ЛИСТЪ VIII. ФЕВРАЛЯ 23 ДНЯ.

20.

Чензыя Китайскаго Философа совѣтъ, данной его Государю.

Для правленія государственнаго необходимо должно знать и исполнять слѣдующее.

I.

Полезныя государству твоему учрежденія полагай твердо. Сердцу твоему и разсудку основаніемъ да будетъ истинна. Чти преданія мужей отличныхъ какъ добродѣтелію, такъ и разумомъ. Взирай на образцы благоразумныхъ прежнихъ правителей, и несклоняясь на безпутныя предложеніи, не помрачай дѣлъ твоихъ безполезными новизнами. Тщись государство твое содѣлати блаженнымъ такъ, какъ было оно во времена трехъ похвальныхъ вѣковъ. Естьли учрежденіи твои будутъ легкомысленны, и слѣдовательно не тверды, то вѣдай, что не только государство свое не исправишь, но и самого тебя исправить трудно будетъ. Знай, что не было отъ вѣка такого Государя, который бы не желалъ благополучія своимъ подданнымъ: но немногія достигли до исполненія онаго; а сіе ради того, что Государи часто бываютъ легковѣрны, и окружаютъ себя льстецами; слѣдовательно такія не могутъ знать истиннаго состоянія своихъ подданныхъ: по сему не могутъ они ни по-

лезныхъ дѣлать учрежденій, ни искоренять злоупотребленій, ни наказывать преступниковъ, ни награждать добродѣтельныхъ для того только, что чужими смотрятъ глазами. Одинъ имѣлъ желаніе подданнымъ своимъ содѣлати блаженство, но не зналъ способовъ ко исполненію своего намѣренія. Другой рачительно начиналъ, но облѣнялся оканчивать. Третій предавшись порокамъ, ни самаго себя исправить, ни подданныхъ своихъ благополучными содѣлать не могъ. Иной обремененъ будучи различными предложеніями и добрыми и худыми, не зналъ и того, за которое приняться.

II.

Поручай государственныя дѣла во правленіе мужамъ достойнымъ: ибо одному тебѣ въ пространномъ твоемъ владѣніи ни всего узнать, ни исправить не возможно. Сего ради имѣй при себѣ надежныхъ пособниковъ, людей избранныхъ, добродѣтельныхъ и благоразумныхъ, на коихъ бы ты могъ положиться безъ всякаго сомнѣнія. Всѣ великія Государи наиглавнѣйшій трудъ поставляли во изысканіи такихъ людей, а находили ихъ посредствомъ осторожнаго и прозорливаго только избранія. Чрезъ осторожное избраніе познавали они добродѣтели, качествы и состояніе избираемаго; а узнавъ вѣрили безъ сомнѣнія: имѣвши же къ нему довѣренность, поручали всякія дѣла въ полновластіе, и имѣли такихъ людей въ великомъ почтеніи. Будь Государь увѣренъ, что осторожнымъ избраніемъ много сыщешь людей честныхъ, разумныхъ и повѣренности

твоей достойныхъ; но нашедъ имѣй ихъ въ полной довѣренности и почтеніи. Наконецъ вѣдай, что честный человѣкъ ко исполненію своей должности довѣренностію привлекается паче награжденія. Тысячи примѣровъ доказываютъ, что министры, полководцы и градоначальники всегда больше оказывали искусства и усердія въ тѣхъ дѣлахъ, кои поручасмы были имъ въ полномочіе, и съ лучшимъ оныя оканчивали успѣхомъ, нежели какъ когда они были ограничены. Великихъ людей бываетъ немного; но когда они есть, таковыхъ почитай своими путеводителями: слушай разумныя ихъ совѣты, и исполняй предложенія ихъ съ твердостію, хотябы они и неугодны были страстямъ твоимъ. Сіи нужныя тебѣ пособники естьли увидятъ, что труды ихъ не тщетны, тогда попеченіи ихъ о благополучіи твоихъ подданныхъ усугубятся; они о блаженствѣ ихъ пещися будутъ, какъ о своемъ собственномъ, и будутъ государственныя дѣла разсматривать такъ какъ домашнія. При такихъ людяхъ видны будутъ хищники и лукавцы, презрѣнны льстецы и обманщики, наказаны грабители и беззаконники, и наконецъ всѣ хитрости и пронырства будутъ безполезны. Тогда ободрятся добродѣтельныя, поощрятся трудолюбивыя, наградятся честныя; наконецъ и нехотящія по нуждѣ будутъ прилѣплятися ко истиннѣ: тогда то возсіяетъ во днехъ твоихъ правда, изчезнетъ беззаконіе, и изкоренятся законопреступники. Блаженны будутъ твои подданныя; и ты сто кратъ блаженъ будешь, когда узришь таковыя дѣла рукъ твоихъ, дѣла

достойныя безсмертія. Вотъ къ чему руководствуетъ прозорливое твое испытаніе способниковъ твоихъ!

Естьлижъ избраніе твое будетъ неосторожно, но случайно, тогда не будешь знать совершенно тобою избраннаго; не совершенножъ зная, не можешь ему во всѣмъ вѣрить. Естьли будешь къ нему имѣть недовѣренность, тогда не можешь на него твердо положиться: не твердо на кого полагаешься, того ты мало уважаешь, а кого ты мало уважаешь, тому окружающія тебя не дѣлаютъ почтенія; а наконецъ дойдетъ онъ и до народнаго презрѣнія. Съ любимцами государскими поступаетъ народъ точно какъ съ модными товарами.

Наконецъ представлю тебѣ состояніе того вельможи, къ коему не имѣешь ты полной довѣренности. Онъ видя твою къ нему недовѣрчивость всегда колеблется мыслями, не вѣдая угодно ли тебѣ будетъ ево предложеніе. Онъ не смѣетъ оказывать своего въ дѣлахъ знанія и искусства, опасаясь, чтобы ты не почелъ то хитростію. Мало оказываешь ты ему почтенія, онъ бываетъ тогда робокъ, и на себя безнадеженъ; не поручаешь ты ему дѣлъ въ самовластіе, онъ думаетъ, что ты его подозрѣваешь; тогда онъ оберегаетъ себя, и не смѣетъ оказывать своего къ тебѣ усердія, опасаясь и твоего гнѣва и завистниковъ: ибо они для своей пользы, легко его тогда свергнуть могутъ.

III.

Во всѣ важныя должности такъ, какъ и въ большія и малыя судьи и градоначальники, избирай лю-

дей ученыхъ и просвѣщенныхъ, и памятуй, что благоразумныя Государи, благоденствіе и добрыя обычаи въ подданныхъ своихъ вводили посредствомъ людей науками просвѣщенныхъ. Ты все повелѣть можешь своимъ подданнымъ, всѣ силѣ твоей покоряются, подобно сильному вѣтру, все низвергающему; но неможешь только повелѣть быть добрыми: къ сему потребно не могущество; но воспитаніе, науки и добрыя примѣры. Естьли возлюбишь ты науки, будутъ ихъ любить и окружающія тебя; а народъ все то почитаетъ, что ты любишь. И такъ благосостояніе государства зависитъ отъ тебя и избранныхъ тобою людей. Безъ сегоже всѣ твои стараніи будутъ тщетны. Пусть подданныхъ своихъ обогатишь прибытками, пусть защитишь отъ непріятелей, пусть будутъ они во всѣмъ изобильны: но они и тогда не будутъ еще вкушать истиннаго благоденствія.

Перевелъ съ Китайскаго языка
Не знаю кто.

Видя благоразумное правленіе НАШЕЯ ВЕЛИКІЯ ГОСУДАРЫНИ, ЕЯ о подданныхъ попеченіи и неусыпныя труды, ЕЯ учрежденіи о вкорененіи добрыхъ нравовъ, о введеніи наукъ и художествъ, ЕЯ прозорливое избраніе властей правительствующихъ, ЕЯ правосудіе, ЕЯ щедроты рѣками изобильно на всѣхъ изливаемыя; и словомъ, всѣ ЕЯ безсмертныя дѣла видя, можно смѣло сказать, что когдабы Китайской философъ нынѣ жилъ, то бы не написалъ сего совѣта своему Государю; а совѣтывалъ бы ему

въ храмъ вѣчности ийти по стопамъ ВЕЛИКІЯ ЕКАТЕРИНЫ.

21.

Г. ИЗДАТЕЛЬ!

Я примѣтилъ, что всѣ наши молодыя дворяне, путешествующія въ чужія земли, привозятъ только извѣстіи, какъ тамъ одѣваются, пространное дѣлаютъ описаніе всѣмъ увеселеніямъ и позорищамъ того народа: но рѣдкой изъ нихъ знаетъ на какой конецъ путешествіе предприниматься должно. Я почти ни отъ одного изъ нихъ не слыхалъ, чтобы сдѣлали они свои примѣчанія на нравы того народа, или на узаконенія, на полезныя учрежденіи и протч. дѣлающее путешествіе толико нужнымъ. Мнѣ ето совсѣмъ не нравится: лучше совсѣмъ не ѣздить, нежели ѣздить, безъ пользы; а еще паче и ко вреду своего отечества. Для сей то самой причины вознамѣрился я путешествовать во своемъ отечествѣ, дабы прежде узнать обычаи своихъ единоземцовъ. Я недавно былъ въ двухъ нашихъ городахъ, и сдѣлалъ на оныя примѣчанія; естьли будутъ они вамъ угодны, то я къ вамъ для напечатанія ихъ сообщу, а теперь ожидаю какъ вы на то отзоветеся.

Вашъ покорный слуга
Путешественникъ.

Г. Путешественникъ! естьли примѣчанія ваши могутъ принести пользу Читателямъ, то съ удовольствіемъ помѣщены будутъ въ моихъ листахъ. Я ожидаю ихъ съ нѣкоторою надеждою.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ IX. МАРТА 2 ДНЯ.

22.

Г. ИЗДАТЕЛЬ!

Нужда заставила меня имѣть къ вамъ прибѣжище: я пріѣхалъ въ вашъ городъ для необходимыхъ моихъ нуждъ. Но сколько я удивился обычаямъ нѣкоторыхъ вашихъ согражданъ! живучи въ деревнѣ велъ я весьма спокойную жизнь, и никогда не воображалъ себѣ, чтобы люди находили удовольствіе въ томъ, когда они безъ всякой причины дѣлаютъ другимъ обиды. У насъ въ деревняхъ не безъ обидчиковъ; но наши обидчики сносняе вашихъ: наши непозволенными хитростями и происками отнимаютъ у сосѣдей земли и проч: а ваши городскія стараются отнимать честь. Деревенскія хотя беззаконно, однакожъ получаютъ прибыль, а ваши не получаютъ никакой пользы, окромѣ удовольствія болтать ко вреду ближняго. Наши обидчики беззаконныя грабители чужаго имѣнія, а ваши безчестныя люди. Я не знаю, какъ вы о томъ думаете; но я думаю, что наши обидчики сносняе вашихъ: я скоряе соглашусь потерять имѣніе, нежели честь. Бѣдной, честной и добродѣтельной человѣкъ, ежели не у васъ въ большихъ городахъ, такъ по крайней мѣрѣ у нашихъ деревенскихъ жителей, найдетъ себѣ всегда прибѣжище: а бещестный по справедливости достоинъ

презрѣнія. Сколь вредны ваши обидчики, я ето по нещастію испыталъ собою. Не успѣлъ я въ здѣшнемъ городѣ прожить мѣсяца, какъ услышалъ, что обо мнѣ носится молва, будто я проигралъ въ карты четыре тысячи рублевъ имперіялами; меня ето удивило: всѣ знающія меня побожатся, что я въ карты не играю. Сколько мнѣ ето было ни чувствительно, однакожъ я по совѣту нѣкоторыхъ моихъ друзей презиралъ сію молву. Они мнѣ сказывали, что въ вашемъ городѣ многія заражены болѣзнію, именуемою *безполезное болтанье*. Они мнѣ раздѣляли ее на многія части, и расказывали то, чего я еще и не слыхивалъ. Я было успокоился, и думалъ наслаждаться веселостями, которыхъ въ вашемъ городѣ пашелъ я очень довольно. Но злость и болтливость лишили меня сего удовольствія. Я услышалъ еще, начали говорить будто я въ малое время нажилъ болѣе десяти тысячь долгу. Начали клеветать на меня во всѣхъ мѣстахъ, и я по нещастію принужденъ былъ слышать, что во многихъ мѣстахъ начали о мнѣ говорить худо: я ни до ково не имѣю дѣла, и не стараюсь имѣть знакомства ни съ знатными господами, ни съ вѣтреными молодыми вашими дворянами для того, что сіи знакомствы опасны. По сему то и думалъ я, что до меня никто дѣла имѣть не можетъ, и радовался, что симъ способомъ проживу по моему желанію весьма спокойно, но меня онаго лишаютъ. Я принужденъ былъ развѣдать, откуда произошли сіи слухи, и наконецъ узналъ, что они прямо вышли отъ *зло-*

бы одной и *кокетства* другихъ женщинъ. *Элонрава* (*) немогла терпѣть, когда меня хвалили, и завидовала моему состоянію. Вотъ г. Издатель причина, побудившая ее къ тому предпріятію, которое она съ успѣхомъ и исполнила. Я не вѣрилъ когда мнѣ сказали, что злобная женщина опасняе всякаго чудовища; но думалъ, что сей полъ гораздо нашего нѣжняе, и потому гораздо чувствительняе, что они, имѣя нѣжныя сердца, никогда не вступаютъ въ подлыя клеветы; но я очень обманулся. Я узналъ, что естьли женщина кѣмъ огорчится, тогда всіо въ состояніи сдѣлать, линь бы удовольствовать свое мщеніе. Меня больше всего то удивляетъ, что я симъ госпожамъ не только нималой никогда не дѣлалъ обиды, но и не малѣйшаго никогда не дѣлалъ неучтивства: ибо, какъ я выше сказалъ, что я всячески того убѣгаю. Я отъ природы весьма тихаго сложенія, и при томъ доброе имѣю сердце: такъ разсудите, можетъ ли человѣкъ такихъ свойствъ дѣлать другимъ обиды? Какъ бы то ни было, только госпожа *Элонрава* происками своими двухъ госпожъ, извѣстныхъ городу, вѣтреннимъ своимъ болтаніемъ и кокетствомъ до того довела, что они повсюду тѣ плевелы на меня разносили. Одна говорила, что я игрокъ; другая, что я мотъ, и что я уже больше должонъ, нежели сколько имѣю. Г. *Назойлова*, одна изъ двухъ моихъ новыхъ благодѣтельницъ, кажется

(*) *Элонрава*. Ето неподлинное ее имя, но я поставилъ его для того, что оно точно означаетъ характеръ той женщины, которая своимъ стараніемъ и двухъ другихъ женщинъ побудила на меня клеветать.

особливое имѣетъ искуство сдѣлать врагъ ближнимъ; ибо она одна острымъ своимъ языкомъ въ одну недѣлю успѣла объявить всему городу всклепанную на меня небылицу, и я отвсюду принужденъ былъ слушать сіи язвительныя для меня изрѣчіи. Вотъ и. Издатель причина, побудившая меня къ вамъ писать; дайте мнѣ совѣтъ, какъ мнѣ оправдаться отъ той небылицы, которую на меня всклепали: а притомъ о распространеніи сего слуха пожалуйте приспите нѣсколько наставленій, чтобы они отъ такого безчестнаго поступка впредь остерегались, и невинныхъ людей, чтобы не злословили, но слѣдуя благопристойности упражнялися бы въ приличныхъ ихъ полу должностяхъ. Я ожидаю вашего отвѣта съ нетерпѣливостію; постарайтеся исполненіемъ моей прозьбы и внесеніемъ моего писма въ ваши листы одолжить человѣка благодарнаго, которой называется

Нещастной.

P. S. Ето не подлинное мое имя, но оно показалося мнѣ приличнымъ моему состоянію. Я тогда перестану называться *Нещастнымъ*, когда мои дѣла позволятъ мнѣ отсюда выѣхать.

28.

Г. *Нещастной!* злословіе во многихъ мѣстахъ такъ употребительно, что поступокъ врагъ твоихъ вами описанной меня не удивляетъ. Болѣзнь сія весьма прилипчива, ею и многія, въ протчемъ добрыя люди страдаютъ. Вы объявляете, что ваши обидни-

цы злословили васъ безъ всякой причины, и что сіе проистекаетъ отъ *кокетства*, и просите, чтобы я написалъ имъ наставленіи — Г. *Нещастной*, вы требуете совсемъ невозможнаго. Нѣтъ такихъ ни наставленій, ни средствъ, коими бы *кокетку* можно было удержать отъ злословія. Надобно отдать симъ госпожамъ справедливость, что когда начнутъ они кого злословить, то злословятъ уже прямо по мастерски. Совѣтъ мой вамъ состоитъ въ слѣдующемъ: 1) Презирайте своихъ клеветницъ и будьте увѣрены, что честныя люди симъ слухамъ не повѣрятъ, ежели они несправедливы. 2) Старайтесь жить добродѣтельно и честно; чрезъ сіе вы останетесь на всегда въ хорошемъ мнѣніи у добрыхъ людей, и еще клеветницъ своихъ довольно накажете: ибо злыя люди всегда завидуютъ спокойству честнаго человѣка.

24.

Письмо г. *Просящего за пріятеля*, подписанное изъ Стрѣлиной Мызы, и съ приложенными стихами напечатано не будетъ. Оно содержитъ въ себѣ сатиру не знаю на какого Іерея, весьма не важную, но весьма пространную, такъ что едва достало бы моего листка на напечатаніе онаго. Благопристойность не позволяетъ его напечатать. Въ прочемъ я прошу г. *Просящаго за пріятеля*, чтобы онъ посовѣтовалъ своему пріятелю прочитать Епистолы г. Сумарокова. Они ему будутъ весьма полезны. Г. С. всѣмъ молодымъ людямъ, имѣющимъ охоту къ стихотворству, даетъ весьма дружеской совѣтъ.

*

О вы! которыя стремитесь на Парнасъ,
Нестройнаго гудка имѣя грубый гласъ,
Престаньте воспѣвать! пѣснь ваша непрелестна,
Когда музыка вамъ прямая неизвѣстна.

НИЖЕ:

Нельзя, чтобъ тотъ себя письмомъ своимъ прославилъ,
Кто грамматическихъ не знаетъ свойствъ ни правилъ,
И правильно письма не смысля сочинить,
Захочетъ вдругъ творцомъ и стихотворцомъ быть.
Онъ только лишь слова на риѳму прибираетъ;
Но сплетенный вздоръ стихами называетъ.

И НИЖЕ:

Складъ басенъ долженъ быть шутливъ, но благороденъ,
И низкій въ ономъ духъ къ простымъ словамъ пригоденъ,
Какъ то де ла Фонтенъ разумно показалъ,
И басеннымъ стихомъ преславенъ въ свѣтѣ сталъ.
Наполнилъ съ головы до ногъ всѣ притчи шуткой,
И сказки пѣвъ игралъ все тожде погудкой.
Быть кажется, что стихъ по волѣ онъ вертѣлъ,
И мнится, что писавъ ни разу не вспотѣлъ:
Парнасски дѣвушки перомъ ево водили,
И въ простотѣ рѣчей искусство погрузили.

И ПРОТЧ.

*

Письмо г. *Презрѣволна Страхозыблева* и съ приложенными притчами и загадками также напечатано не будетъ. Мнѣ разсудилося и ево отослать къ Епистоламъ г. Сумарокова.

Извѣстія.

Сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса у переплетчика Тидделіуса продается *Исторія Донъ Кишота ла Манжскаго* II. Часть по 80 коп.

Въ Луговой Миліонной у переплетчика Веге продается собраніе разныхъ Пѣсенъ часть I. по 75 коп.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ X. МАРТА 9 ДНЯ.

25.

Г. ИЗДАТЕЛЬ!

Я много разъ бывалъ обманутъ, много проигрывалъ, наконецъ проигралъ дѣдовскіе серебряные шанданы, у меня остались одни только щипцы: на сей случай сочинилъ я стихи, которые можете напечатать, естьли за благо разсудите.

СТИХИ.

Щипцы! на васъ я взоръ смущенный обращаю,
Тоскую, и хочу я съ вами разсуждать:
Но чтобъ моимъ словамъ красу и силу дать,
То будьте вы герой, я лиру настроюю,
И ваши подвиги вселенной возглашу.
Откудажъ мнѣ начать, у васъ самихъ спрошу:
Съ того ли времени, какъ были вы рудою,
И чтобъ имѣть жену, Адамъ отдалъ ребро?
Я знаю и тогда вы были серебро,
Или съ тѣхъ поръ какъ все покрылося водою,
И судно чудное стояло на водѣ?
Я могъ бы васъ своимъ умомъ найти вездѣ.
Отъ васъ отвѣту нѣтъ, родились вы безгласны:
Такъ долженъ разсуждать о васъ я самъ съ собой.
Начну съ тѣхъ поръ когда вы мнѣ даны судьбой:
Тогда не вѣдалъ я, что мы страстямъ подвласны,
Безчувственно на всѣхъ красавицъ я взиралъ.
И въ гнѣвѣ паролей проигранныхъ не дралъ.
Имѣя васъ, имѣлъ серебрены шанданы:
Я съ полнымъ кошелькомъ не зналъ что бѣдность есть,
И что для прибыли забыта въ свѣтѣ честь;

Мнѣ были всѣ друзья усердны и преданны.
Теперь обманутъ сталъ любовницей своей,
Позналъ друзей, родню, и знатныхъ я людей:
Въ обманахъ всѣ живутъ, мѣчта насъ всѣхъ плѣняетъ,
Всѣ тлѣнно, наша жизнь проходитъ такъ какъ сонъ,
Нещастливый въ бѣдахъ пускаетъ жалкой стонъ,
Щастливый въ роскошахъ вседневно утопаетъ;
Сей суетности я былъ самъ слѣпый свидѣтель.
Блаженство смертныхъ всѣхъ, едина добродѣтель!

26.

Раскаяніе во грѣхахъ половину заслуживаетъ прощенія. Вы чистосердечно признаетеся во своихъ порокахъ; чемъ исправили половину сдѣланнаго вами худа: но надлежитъ вамъ постараться и о исполненіи другой половины, то есть отстать отъ игры. Естьли и сіе исполните, то вы по справедливости заслужите похвалу. Тотъ кажется больше будетъ остороженъ, кто согрѣшилъ и покаялся, нежели какъ тотъ, который еще не согрѣшилъ. Старайтесь приобрѣсть то блаженство, которое вы изъясняете вашимъ послѣднимъ стихомъ, тогда вы будете спокойны, не завидуя ни чьей участи.

27.

Господинъ издатель!

Въ прошлогоднемъ вашемъ Трутнѣ напечатана была Епитаѳія покойному Г. Ломоносову въ стихахъ, чемъ по справедливости сказать, вся публика была довольна: по чему не сомнѣваюсь я, что и приложенная при семъ томужъ великому мужу надгробная

надпись въ прозѣ, нынѣ въ вашемъ журналѣ во удовольствіе публики, предана будетъ тисненію. Она вырѣзана въ Италіи на мраморномъ въ честь его воздвигнутомъ отъ Мецената наукъ монументѣ, которой поставленъ на его гробѣ въ Троицкомъ Александроневскомъ монастырѣ съ слѣдующими Латинскою и Россійскою надписями.

Viro celeberrimo,

MICHAELI LOMONOSOW,

Kolmogorodi nato, anno MDCCXI.

Augustae Russiarum Imperatricis Consiliario status,

Academiae Scientiarum Petropolitanae

Professori Publio ordinario,

Holmensis et Bononiensis socio,

qui ingenio excelluit, et artibus

patriae decus eximium:

Eloquentiae, Poeseos

et

Historiae Patriae praeceptor.

Metri Russici institutor, Tragaediarum

in Vernacula Autor.

Primus Musivi operis in Russia pictor

autodidactos.

Praematura morte Musis atque Patriae

ferijs Paschatos MDCCLXV. scriptis

et

operibus oblivioni ereptus.

Talem civem gratulans Patriae obitum eius lugens Michael comes a Woronzow posuit.

Въ память славному мужу
МИХАЙЛУ ЛОМОНОСОВУ,
родившемуся въ Колмогорахъ
въ 1711 году,
бывшему Статскому Совѣтнику,
Императорской Санктпетербургской Академіи
Наукъ
Профессору,
Стокгольмской и Бононской
ЧЛЕНУ,
разумомъ и науками превосходному,
знатнымъ украшеніемъ отечеству служившему,
краснорѣчія, Стихотворства
и
Исторіи Россійской учителю,
Муссіи первому въ Россіи безъ руководства
изобрѣтателю:
прежде временною смертію отъ Музъ и
отечества на дняхъ святыя Пасхи
1765 году похищенному.
Воздвигъ сію гробницу
Графъ Михайло Воронцовъ.
славя Отечество съ таковымъ гражданиномъ, и горестно соболѣзнуя о его кончинѣ.

28.

Видя надлежащую достоинствамъ славныхъ писателей отдаваемую справедливость, не можно воздержаться, чтобы не отдать справедливую похвалу покойному Его Сіятельству Графу Воронцову. Монументъ, воздвигнутой его тщаніемъ и иждивеніемъ въ честь имени покойнаго г. Ломоносова возвѣститъ позднѣйшимъ потомкамъ состояніе словесныхъ наукъ нашего вѣка; можетъ быть поступокъ сей межъ нашими потомками произведетъ благодарную и похвалы достойную зависть. Меценаты того времени будутъ завидывать Его Сіятельству, что онъ жилъ въ нашемъ вѣкѣ; а писатели также будутъ завидывать, ежели не будетъ у нихъ такихъ Меценатовъ. Но ко прославленію Россіи и къ чести нашего вѣка да умножатся таковыя писатели, какого мы видѣли въ покойномъ г. Ломоносовѣ, и какого видимъ г. Сумарокова. Дѣламъ ихъ справедливую отдавали похвалу, и нынѣ отдаютъ славнѣйшія Европейскія писатели; а къ распространенію въ Россіи словесныхъ наукъ да умножатся подобныя Его Сіятельству Меценаты, и да изтребятся ободряющія глупыхъ писцовъ, дѣлающихъ посрамленіе нашему времени. Любезныя читатели, къ вамъ теперь я обращаюсь! научайтесь паче всего отдавать справедливую похвалу достоинствамъ, и не соблазняйтеся похвалять бездѣлицы; а еще паче и равнять съ писаніями двухъ славныхъ Россійскихъ писателей.

29.

Извѣстіе.

У переплетчика Веге, живущаго въ Луговой Милліонной, продается Виргиліевой Енейды первая книжка, переводу г. Санковскаго, по 25 коп. экземп. у него же продается Канонъ Пасхи въ стихахъ преложенный г. Рубаномъ, по 8 коп. екземпляръ.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ XI. МАРТА 16 ДНЯ.

30.

Г. ИЗДАТЕЛЬ!

Журналъ наполненъ вашъ и критикъ и сатиръ,
Стишки вамъ сій къ статѣ,
Предайте ихъ печатѣ,
Чтобъ вышла въ миръ
Хулельщицамъ упрека.
Столкнулося такихъ
Двѣ пары щеголихъ,
На неповиннаго клевещутъ человѣка:
Одна ему своя
Да какъ?... не знаю я;
А три ей помогаютъ
И вообще ругаютъ:
Хулу плетутъ
И мотомъ чтутъ,
И что колико можно
Вскляпать безбожно,
На человѣка ложно,
То вымыслить они
Подщипися одни.
Подруга такъ подругѣ
Сказала на досугѣ:
Родитель ящъ ево въ послѣдній разъ дохнулъ,
И вѣчнымъ сномъ заснулъ,
Скончался.
Въ ихъ домѣ начался и плачь и стонъ,
Сынокъ свои стопы направилъ вонъ,
Съ двора умчался
И повстрѣчался
Съ такимъ же, самъ каковъ:
Съ однимъ изъ игроковъ.

Почтенья не храня къ родителю онъ мертву,
Въ гостяхъ у щеголей,
Четыре тысячи рублей,
Все чистымъ золотцомъ принесъ вдругъ картамъ въ жертву.
Слова сіи хотя не клей,
И не прильнули;
Однакоже кольнули!
Напраслину сію невинной зря,
И жалобу творя
Въ семъ горестномъ страданье;
Но все не въ оправданье.
Къ нему рокъ видно лихъ,
Не переможетъ онъ четырехъ щеголихъ.

*

Въ сей крайности велитъ вступиться честь за друга,
И вотъ ему моя услуга:
Хулельщицамъ ево я молвлю во преки;
Когда докажутъ всѣмъ прямыя знатоки,
И видоки,
Ложъ ету очевидно,
Не будетъ ли тогда, сударыни, вамъ стыдно?

31.

Къ невинному.

Когда нѣтъ способа избавится клеветъ,
Такъ мой совѣтъ,
Всѣ колкія слова хоть то и щекотливо,
До времени сносить, сколь можно терпѣливо.
Пускай въ напраслинѣ постраждетъ честь,
Не предавайтесь вичсть.
Разумной говоритъ писатель справедливо:
Пустыя клеветы
Пройдутъ они, какъ всѣ проходятъ суеты...
А я не думая равняться съ сею знатью
Скажу хоть точно тожъ, своей только статью
Невинному вреда

Не много приключится:
Со временемъ сама не правда обличится,
И небыль какъ вода
Удобна только сдѣлать лужу:
Подобно клевета лишь баснь одну сплететъ,
Но послѣ все минетъ,
И выйдетъ на конецъ вся истинна на ружу.
У насъ
Довольно есть проказъ,
Переговорщицъ куча,
Нашла на одного подобна етой туча,
Имъ только сей скачокъ
Попалъ на язычокъ.
Они что вздумать льзя, все то въ хулу сплетали,
Всемѣстно клеветали,
Вседневно хлопотали,
Всечастно щекотали;
Всечастно хохотали,
Да на конецъ устали:
Пресѣклись ихъ слова:
Изчезла вся молва,
Имъ стыдъ одинъ остался,
Невинной оправдался.
Подобно и у сихъ,
Отборныхъ щеголихъ,
И рты и языки когда нибудь устанутъ,
И сами перестанутъ,
И больше клеветать не станутъ;
И такъ престань о семъ Д. . . . ты жалѣть
Терпи! терпѣньемъ льзя напасть преодолѣть.

32.

Г. Издатель Трутня!

Нѣтъ средства, чтобъ не писать сатиръ на подъячихъ: сія тварь весьма несносна честнымъ людямъ. Самое... бездѣльное дѣло надѣлало мнѣ множество

хлопотъ: нужда мнѣ была, чтобъ въ Москвѣ въ ***** подписали мою подорожную. Я изготовясь совсемъ къ отъѣзду, зашелъ туда, думая что въ четверть часа могу быть отправленъ; однако весьма обманулся въ своемъ чаяніи. Пришедъ въ Коллегію, спросилъ, у кого такіе дѣла: сторожъ отставной солдатъ, бывшей въ походахъ при первомъ Императорѣ, съ почтенными усами и стриженою бородою, ввелъ меня въ большую комнату, гдѣ всѣ стѣны замараны чернилами, и въ которой навалено великое множество бумагъ, столовъ и сундуковъ: подъячихъ оборванныхъ и напудреныхъ, т. е. разнаго рода человѣкъ 80. Многіе изъ нихъ драли другъ друга за волосы, а прочіе кричали и смѣялись. Столь странное зрѣлище привело меня въ удивленіе: я спрашивалъ за чемъ тутъ такая драка, и насилу могъ довѣдаться, что такъ наказывали приказныхъ служителей за разныя ихъ несправности.

Дожидался я часа два, чтобъ сіи господа успокоились; послѣ того подходилъ ко многимъ, дабы узнать, что мнѣ дѣлать. Насилу нашелъ дневальнаго, у котораго сіи дѣла, онъ мнѣ гордо сказалъ: *подождите, небывалъ дежурной*. Я говорилъ: мнѣ сказали, что ето вы сударь. Онъ засмѣялся и сказалъ мнѣ: *я дневальной, ето правда, однако дневальной и дежурной не все одно*. Наконецъ послѣ многихъ насмѣшекъ научили меня, что дневальной есть Канцелярист, а дежурной Регистраторъ: теперь я это знаю, а прежде не вѣдалъ ни объ одномъ изъ сихъ животныхъ. Дожидался дежурнаго, которой сказалъ,

что о семъ до надлежитъ учинить представленіе господамъ присутствующимъ, и какъ они соблаговолятъ. Докладался и присудствующихъ, и ходя по разнымъ мытарствамъ, и слушая безконечныя *завтра*, обыкновенные отвѣты докучливымъ челобитчикамъ, съ превеликимъ трудомъ получилъ милостивое рѣшеніе, не могши безъ того обойтись, чтобъ не заплатить за труды моимъ почтеннымъ докладчикамъ.

Прости г. И. я отправился въ свой путь, здѣлавъ клятвенное обѣщаніе не входить ни за чемъ въ мѣста опредѣленныя для правосудія.

Слуга вашъ
N. N.

Изъ Москвы.
Февраля 9. дня,
1770 года.

33.

Г. Издатель!

Обстоятельствы мои не позволили мнѣ на нынѣшній годъ продолжать еженедѣльнаго моего изданія подъ заглавіемъ *Смѣси*: я его окончалъ; но по окончаніи получилъ я письмо отъ неизвѣстной мнѣ особы, которое обще и съ моимъ, къ писавшему ко мнѣ, отвѣтомъ, къ вамъ сообщаю, прося оныя помѣстить въ вашихъ листахъ. Я надѣюсь, что вы въ прозьбѣ моей не откажете, тѣмъ паче, что мы во весь минувшій годъ жили весьма мирно. Письмо

мое окончиваю желаніемъ лучшаго успѣха въ вашихъ трудахъ, нежели какой мы по сіе время имѣли.

Вашъ покорнѣй слуга
Бывшей И. Смѣси.

34.

Г. Издатель Смѣси!

Я поражена почти, такъ сказать, вашимъ неистовствомъ. Можно ли сударь! чтобъ я и ненарицала толь гнуснымъ словомъ вашъ отказъ, что вы сдѣлали въ листѣ 40-мъ Смѣси. Вы будете смѣшны, ежели станете слѣдовать вашему намѣренію. И ежели не станите доказывать свѣту удовольствія, какое онъ, а по малой мѣрѣ я, почерпала изъ вашей Смѣси; то кажется сіе непростительно вамъ. Слѣдуйтежъ разсудку: я вѣрю, что ты съ нимъ рожденъ: и для меня миляе нѣтъ, какъ видѣть Смѣсь. Сіе толь лестное названіе плѣняетъ меня всякой разъ. О!... Я ничего не желаю, какъ видѣть Смѣсь еще. Я, и мнѣ подобные гораздо больше станутъ чувствовать обязанности къ вамъ, чѣмъ больше покажетесь вы влюбчивы въ ваше безпечіе, безъ презорчивости тѣхъ мыслей, и тѣхъ подлыхъ душъ, что всякую картину берутъ за свой портретъ.

Не краски нужны вамъ, въ нихъ часто лесть и ложь:
Перо острите вы, и Смѣсь свою имъ множь.

Услужница ваша
Любоправдова.

Воронежъ 4 Генваря
1770 года.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ XII. МАРТА 23 ДНЯ.

35.

Отвѣтъ г. Издателя *Смѣси*

Госпожѣ *Любоправдовой*.

Я самъ пораженъ, сударыня, всѣми кривыми толками о моей *Смѣси*. Можно ли повѣрить, что иные хвалятъ то, чего слабой ихъ разсудокъ понять не можетъ: другіе ругаютъ, что говоришь правду;********* что овладѣвшее ими предразсужденіе препятствуетъ имъ слѣдовать истиннѣ. Самое ваше письмо, наполненное хвалою, или хулою, тоже почти доказываетъ: оно писано прямо подьяческимъ слогомъ, и все въ немъ можно толковать двояко. Но что мнѣ нужды до того, что вы въ насмѣшку, *Смѣсь* называете *лестнымъ* названіемъ; я знаю, что *Смѣсь* добродѣтелей прелестна и похвальна, а *Смѣсь* пороковъ покрытая кокетствомъ, или педантствомъ, гнусна и заслуживаетъ презрѣніе. И такъ видите, что *Смѣсь*, можетъ быть разумная, почти не сдѣлаетъ скучнымъ своимъ многоглаголаніемъ; то окончивая сіе скажу: что также и *Смѣсь*, какъ мѣстоименіи *вы* и *ты*, не можетъ быть хороша; и сіе всякой видитъ въ вашихъ стихахъ, которыми окончали вы свое письмо.

86.

Господинъ Издатель Трутня!

Я влюблена въ вашъ журналъ: онъ мнѣ ужесть какъ милъ! разумѣете ли вы меня?..... статься не можетъ, чтобъ вы не разумѣли, я объ васъ всегда лучше думаю: вы причиною, что я тружусь надъ сочиненіями; а стараніе мое въ томъ отъ того только происходитъ, чтобы войти къ вамъ въ любовь. Нѣтъ больше для меня удовольствія, какъ читать ваши листы. Повѣришь ли радость! сколько повстрѣчалось мнѣ тово, что случилось незадолго предъ концемъ нынѣшняго десятилѣтія. Всево больше пріятны мнѣ ваши *портреты:* представить себѣ не можешь, сколько иныя похожи на людей мнѣ знакомыхъ; я ихъ при нихъ читала: какъ же они бѣсились!.... и сколько я хохотала!..... Дорого бы я заплатила, чтобы всѣ ваши листы наполнены были такими портретами, и чтобы стиховъ въ нихъ совсемъ не было: стихи мнѣ не нравятся; я не касаюсь чести господъ сочинителей, не говорю, что они дурны; но похвалить ихъ не могу, потому что я женщина: боюсь погрѣшить противъ справедливости. Какъ же жалки мнѣ бѣдняшки мѣлкія стихомарателі! они карабкаются тудаже, куда идутъ и славныя стихотворцы. По грѣхамъ нашимъ они нынѣче расплодилися такъ, какъ въ пустомъ саду крапива. Всѣ называютъ крапиву корнемъ подьячихъ: но по справедливости и стихотворцевъ можно уподобить сей травѣ. Не дотрогивайся до крапивы, она обоз-

жотъ: не серди стихотворца, онъ напишетъ сатиру. Ету тварь надобно всегда ласкать, какъ человѣка нужнаго, угождать какъ человѣку больному: а иногда и объявленіе ихъ любви принимать безъ огорченія.

Признаюсь, радость, что я заслуживаю стихотворческую ненависть; но меня обнадеживаетъ только то, что они обо мнѣ не узнаютъ, кто я такова; да пусть бы и узнали, пускай пишутъ, что угодно, я сама скажу имъ мои пороки. Я не скромна, вѣтрена, люблю всѣ новыя моды, страстна къ Театральнымъ позорищамъ, а больше еще къ маскарадамъ: и ужесть какъ ненавижу бесѣды; несносны они мнѣ для того, что наши сестры переговорщицы, только и дѣлаютъ, сошедшись вмѣстѣ, что ково нибудь пересуждаютъ, не смотря, что они сами заслуживаютъ осмѣяніе; а я етова терпѣть не могу. Ненавижу также скупость, мотовство, зависть, карточныя игры, ревнивыхъ мужей, невѣрныхъ женъ, вѣтреныхъ любовницъ и любовниковъ: ужесть какъ гадки мнѣ всѣ тѣ, кои много о себѣ думаютъ. Я знаю много такихъ людей, и они то подали мнѣ матерію сочинить историческія картины: я написала сперьва двѣ, а теперь, радость, уже ихъ у меня цѣлыя шесть написаны. Ты скажешь, можно бы въ ето время сочинить и больше: ето правда; да подумай, вѣть я женщина, такъ довольно, что я и столько могла сдѣлать. Я не знаю, какъ и съ тѣми показаться, посылаю и робѣю: боюсь, что съ такимъ сочиненіемъ непонравлюсь — ужесть какъ ето воображеніе меня

*

мучитъ. Я не могу себѣ представить, какъ я перенесу противной отъ васъ отзывъ: онъ мнѣ всякаго отказа страшняе..... Ахъ! не умори меня! и не отыми надежду въ молодой сочинительницѣ.

P. S. Нѣтъ сомнѣнія, чтобы почеркъ женскихъ рукъ, вамъ не примѣлькался: но мой вы еще въ перьвой разъ теперь видите, такъ можетъ быть чего и не разберете; объ етомъ васъ прошу прилѣжнѣе постараться: но не переправлять ничего, что можетъ быть покажется вамъ нескладнымъ; пусть ета погрѣшность останется на моей сторонѣ.

КАРТИНЫ.

I.

Сія картина изображаетъ мущину низкова происхожденія, которой нашелъ случай приплестись въ родню знатной фамиліи. На правой сторонѣ видны всѣ нажиточныя мѣста, во кругъ которыхъ онъ по милости своихъ родственниковъ терся. На лѣвой ево кладовая, заваленная почти вся сундуками, шкапами и мѣшками съ деньгами: онъ наполнилъ ее всякими непозволенными средствами, а имянно грабилъ и захватывалъ насильно чужое добро, бралъ на сохраненіе и не отдавалъ назадъ; а паче всево нажилъ онъ то лихоимствомъ. Тутъ еще изображается нѣсколько вдовъ, сиротъ и безпомощныхъ: они ево просятъ съ заплаканными глазами и съ распростертыми руками; и кажется, что они всѣ хотятъ вымолвить: *помилуй*, *покажи правосудіе!* Но онъ со

спокойнымъ видомъ всегда говоритъ имъ *завтра:* Надъ кладовою ево надпись: *сіе добро, посредствомъ моего умишка, мнѣ Богъ далъ.* Живописецъ, писавшей сію картину, не позабылъ въ дали изъяснить брошенныя наполъ изломанныя вѣсы, означающія правосудіе, и также истинну поверженную.

КАРТИНА
II.

Представляется вдовушка лѣтъ дватцати — ужесть какъ не дурна! нарядъ ее показываетъ довольно знающую свѣтъ, подлѣ нее въ пребогатомъ уборѣ сидитъ согнувшейся старикъ въ видѣ любовника: онъ изображенъ отягченнымъ подагрою, хирагрою, коликою, удушьемъ, и словомъ всѣми припадками, какія чувствуютъ старички при послѣднемъ издыханіи. Спальна и кабинетъ сей вдовушки скрываютъ двухъ молодыхъ ее любовниковъ, которыхъ она содержитъ на иждивеніи сѣдова старика, въ должности помощниковъ. Она дѣлаетъ ето для облегченія старости своего возлюбленнаго.

КАРТИНА
III.

На оной означенъ *Худосмыслъ*, имѣющій знатной чинъ, довольной достатокъ, не великъ только ростомъ, и не тонокъ, лѣтами около шестидесятъ. На одной сторонѣ означается его служба, гдѣ видно съ самыхъ младыхъ лѣтъ безпрерывное его за краснымъ сукномъ засѣданіе, подъ симъ надпись: *худой*

былъ человѣкъ, худой есть судья, и умретъ еще худшимъ. На другой сторонѣ картины означается пріѣздъ къ нему гостей и видъ внутреннихъ ево покоевъ: покои сіи наполнены почти ломберными столами, за коими хозяинъ съ гостями играетъ въ карты, надъ нимъ надпись: *не умомъ, да деньгами.* Вдали отъ сего видѣнъ *Худосмыслъ* между своими служителями; одинъ изъ нихъ стоитъ передъ нимъ съ сердитымъ лицемъ, изображающимъ непослушаніе: другой скидаетъ съ него платье съ пренебреженіемъ; а поодаль сего означенъ видъ управительскихъ двухъ покоевъ; въ нихъ видно богатство, состоящее въ сундукахъ съ деньгами, въ шкапахъ съ серебряною посудою и столикахъ съ фарфоромъ, часами, табакерками, и тому подобнымъ. Надлежитъ замѣтить, что въ покояхъ помѣщичьихъ ничего подобнаго сему неозначено.

ИЗЪЯСНЕНІЕ.

Худосмыслъ господинъ надъ людьми своими, а господа надъ нимъ ево люди; всякой лакѣй смѣетъ ему противурѣчить, отговаривать и доводить до того чтобы онъ былъ всегда въ ихъ повелѣніяхъ, только что они не сѣкутъ ево, да и онъ ихъ сѣчь не смѣетъ, а для сего подлый народъ *Худосмысла* и называетъ: *то-то господинъ, то-то отецъ, люди у него какъ въ раю живутъ!*... Только *Худосмыслъ* у людей своихъ живетъ какъ на каторгѣ.

продолженіе въ слѣдующемъ листѣ.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ XIII. МАРТА 30 ДНЯ.

КАРТИНА

IV.

Маска представляетъ женщину тихую, добродѣтельную, показывающую жалость объ всякомъ пришедшемъ въ нещастіе человѣкѣ. Чувствительность ее о бѣдныхъ видна тѣмъ больше, что при слушаніи о нещастныхъ катятся ручьями слезы у нее; а въ прямомъ видѣ изображается ета женщина самолюбивою и сребролюбивою; ее окружаютъ нѣсколько человѣкъ въ разныхъ видахъ. Она на неимущихъ взираетъ гордо, а раболебствуетъ ничего незначущимъ, будучи сама чиновна. Къ одной сторонѣ надпись. «Сія женщина ко умноженію своей славы всѣмъ «бѣднымъ помогать берется, а не собою, да знат«ными, кои ей знакомы: она выпрашиваетъ у нихъ «на дворянокъ неимущихъ платье и деньги, чего «однакожъ никому никогда не отдаетъ». А подъ симъ видно, какъ она жалуетъ, тѣмъ бѣднымъ, вмѣсто выпрошенова платья, свои вѣтхія обноски, ставя ихъ въ цѣну, а деньги даетъ имъ въ долгъ, и беретъ съ нихъ обязательство. Здѣсь означается, какъ она запрещаетъ накрѣпко тѣмъ бѣднымъ ходить въ тѣ домы, гдѣ она платье и деньги на нихъ получила. (*)

(*) По лѣвую сторону сей картины оставлено мѣсто на другую половину исторіи, кол еще сочиняется.

КАРТИНА

V.

Въ худоубранномъ платьѣ представленъ мущина, неимѣющей никакихъ достоинствъ, или такого, чтобы притягало искать его дружбы, кромѣ что онъ человѣкъ. Тутъ сотовариществуютъ ему его знакомыя и нѣсколько домашнихъ. Рѣчь его къ нимъ слѣдующая. «Не могу отъ знакомствъ отбиться! они мнѣ «даже что въ тягость! Всѣ во мнѣ ищутъ, всѣ меня «почитаютъ, всѣ ласкаются быть мнѣ друзьями!.... А «господинъ С... О! онъ для меня все сдѣлаетъ, что-«бы я ни сказалъ ему; онъ меня отмѣнно любитъ».... Позади же сего видно, какъ сей высокомыслъ самъ во всѣхъ ищетъ; а объ немъ всѣ думаютъ такъ мало, какъ не можно меньше.

КАРТИНА

VI.

Между множествомъ обоего пола людей видна женщина лѣтъ около пятидесятъ; однако не такъ дурна, чтобъ за хорошія подарки какому щоголю не могла еще понравиться. Она окружающихъ ее женщинъ толкаетъ прочь, сердится и отъ нихъ отворачивается; а къ мущинамъ всякаго сорту показываетъ ласку, даетъ имъ знакъ, чтобъ они подошли къ ней, и досадуетъ, что они противятся. Позади ее двоя мущинъ не худо одѣтыхъ на нее указываютъ. Вопросъ одного: кто она такова? Отвѣтъ другаго: *Безумнова.*

Ну, радость, вотъ сочиненія моего картины; ка-

ковы они? скажи мнѣ?... Нѣтъ не говори лучше ничего, ежели они дурны.

37.

Госпожа *молодая сочинительница!* боязнь ваша, въ разсужденіи отсылки вашего письма, ко мнѣ была напрасная. Ваше сочиненіе такъ хорошо, что я бы желалъ таковыя получать чаще: но по несщастію моему рѣдко сіе случается. Естьли вы будете ко мнѣ и впредь подобныя сему сообщать сочиненіи, то я вамъ буду весьма за то благодаренъ. Впрочемъ я бы желалъ, чтобы вы къ молодымъ стихотворцамъ имѣли побольше снисхожденія. На конецъ долженъ я передъ вами извиниться, что не совсѣмъ вашу прозьбу исполнилъ. Нѣсколько причинъ съ моей стороны меня бы въ томъ оправдали; но я о нихъ умолчу: вы сами догадаетесь.

38.

НОВОСТЬ.

На нашей памяти и вѣрно въ нашемъ вѣкѣ,
Случилось дѣло по суду.
Судья не могъ узнать души въ томъ человѣкѣ,
О коемъ я здѣсь рѣчь веду:
Онъ былъ военной,
Не правильно просилъ въ судѣ, но былъ богатъ.
Сговорчивой судья тому и радъ,
Что по своей привычкѣ по вседневной,
Онъ челобитчиковъ любя
Поможетъ ближнему не позабывъ себя;
И такъ судья беретъ то дѣло съ уговоромъ

Чтобы женился онъ на дочери ево,
За тѣмъ и за труды не проситъ ничево.
Нашъ воинъ будто бы пленясь прелестнымъ взоромъ
Судейской дочери драгой,
И быть того желая роду,
Дабы принять Ѳемисину породу,
Кричитъ, стучитъ ногой,
Клянется на конецъ и небомъ и землею,
Что хочетъ быть въ роднѣ съ судьею.
Судья не знавъ весь умыселъ его,
Самъ дѣло разбираетъ,
Не бережетъ здоровья своего,
Кривитъ душой; чернитъ, маргаетъ,
И въ пользу воина рѣшитъ.
Но бѣдной нашъ судья безъ прибыли грѣшитъ:
Не жалколь то, послушайте что сталось?
Сіе я думаю ни разу не случалось
Во весь нашъ вѣкъ,
Чтобы судья напрасно льстился;
Но обманулъ ево военной человѣкъ,
Не далъ и затруды, и не женился.

39.

Г. ИЗДАТЕЛЬ!

Есть люди, которые говорятъ, что Трутень 1770 года, нерадивѣе Трутня 1769. Въ прошломъ годѣ онъ не только что издавалъ отборныя пиэсы, но и присылаемыя къ нему исправлялъ, и своимъ хорошимъ вкусомъ и остроуміемъ изъ худыхъ писателей дѣлалъ хорошихъ Авторовъ. А нынѣ всѣ соболѣзнуютъ, всѣ рыдаютъ и вопіютъ: о плачевная премѣна! Трутень, славной Трутень! сталъ нерадивъ, не смотритъ за наборщиками лютыми врагами всѣхъ Авторовъ. Они такъ портятъ писмена, попадшія къ

нимъ въ руки, что читатель потѣя и ломая свою голову, скорѣе ослѣпнетъ отъ неусыпнаго прилежанія въ изысканіи смысла, нежели пойметъ мысль Автора. А бѣдной Авторъ, какъ чадолюбивой отецъ терзается досадою и разрываетъ родительское сердце, взирая на безобразіе своихъ трудовъ, любезныхъ чадъ своихъ.

*

Въ смущеніи творецъ труды свои читаетъ,
И зря что самъ писалъ, того не понимаетъ,
Блѣднѣетъ, сердится, судьбу свою клянетъ,
И губы окусавъ сивуху съ горя пьетъ.
Потомъ какъ злой Зевесъ беретъ гремящи стрѣлы,
Онъ въ гнѣвѣ взявъ перо разрушитъ всѣ предѣлы,
Начавъ съ Россійскимъ здѣсь Виргиліемъ *рвать*,
Издатель! вотъ все то, что могъ тебѣ сказать.

40.

Сочинителю сего письма во отвѣтъ ничего теперь не скажу: пусть онъ изволитъ потерпѣть, а со временемъ я его увѣдомлю о многомъ особливымъ письмомъ.

41.

П Ѣ С Н Я.

Куда свой взоръ ни обращаю,
Вездѣ напасти мнѣ грозятъ:
Утѣхъ себѣ не предвѣщаю,
Бѣды нещастнаго разятъ.

*

Болѣзни сердце отягчаютъ,
Во мнѣ волнуетъ хладна кровь,

Меня мученія терзаютъ,
Ведетъ въ отчаянье любовь.

*

Не зрятъ глаза мои любезной,
Увы! Я съ нею разлученъ,
Вздыхай, терзайся, лей токъ слезной,
Нещастной ты на вѣкъ плѣненъ.

*

Ты тяжкимъ бремемъ жизнь считаешь,
Ты вянешь, твой блѣднѣетъ видъ;
Ты мысля о драгой страдаешь,
И мысль сія какъ громъ разитъ!

*

О вы мѣста! мѣста любезны!
Гдѣ часть души моей живетъ!
Къ вамъ путь являютъ токи слезны,
Что всякой часъ нещастной льетъ.

*

Теперь отъ васъ я удаляюсь,
И стражду продолжая путь,
Любовью пагубной терзаюсь,
Стеня тягчу вздыханьемъ грудь.

*

Рази разгнѣванна судбина,
О смертной часъ скорей теки!
Приди желанная кончина,
И жизнь несносну пресѣки.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ XIV. АПРѢЛЯ 6 ДНЯ.

42.

Господинъ Издатель!

Отъѣзжаетъ любовникъ, оставляетъ вѣрную свою любовницу; какой прежалостной видъ изобразить должна картина! Любовница держитъ любовника въ своихъ объятіяхъ; онъ цѣлуетъ ее руки, страстныя взоры ихъ устремлены другъ на друга. Сладчайшія минуты! но минуты и самозлѣйшія: она видитъ предъ собою обожаемый ею предмѣтъ; но видитъ ево въ послѣдній разъ; разлука твердится въ умѣ еіо, жестокое мученіе на мѣсто утѣхи она ощущаетъ, лютѣйшею горестію покрыто лице ее; слезы, лющіяся безперерывно изъ глазъ у ней, окропляютъ ее любовника, орошаютъ и то мѣсто, гдѣ сидятъ они. Ахъ! г. Издатель, какая ето жалость! какія вздохи, какія рѣчи, страданія ихъ всего изъяснить не можно. Вотъ слѣдствіи толь страстной и толь постоянной любови: любовь кажется преисполнена сладостей а ежели разсмотрѣть ясно, то найдется, что любовь больше преисполнена досадъ и печали, нежели утѣхи.

Я посылаю вамъ сочиненныя на сей случай стишки для того, что любовь нынѣ у насъ завелась большою частью модная, что значитъ: увидѣть, влюбиться, получить склонность, и тотчасъ сдѣлаться невѣрнымъ; а еще моднѣе: влюбляться и измѣнять

разъ по сту на день; а едакая любовь почитается уже за рѣдкость, такъ и прошу, чтобъ сіе напечатать.

*

Нежалостливый рокъ всѣ радости кончаетъ!
Любовника въ страну далеку отлучаетъ,
Любовницѣ напасть и муку приключаетъ.
Уже она собой не можетъ обладать,
Ничто не можетъ ей въ тоскѣ отраду дать;
Да какъ не рваться ей и какъ ей не страдать;
Теченіе слезамъ по волѣ отворяетъ,
И горести своей ни чемъ не умѣряетъ,
Она въ немъ вѣрнова любовника теряетъ!
Колико тяжело въ неволѣ быть кому;
Тяжелѣ во-сто разъ любовнику сему:
Онъ чувствуетъ всю скорбь по сердцу своему;
Но слѣдовать своей ему судьбинѣ должно:
Растаться навсегда; растаться съ ней не ложно,
И етова никакъ перемѣнить не можно!
Мучительно сіе любовницѣ снести,
Мучительнѣй еще любя безъ всякой льсти
Услышать отъ нево, въ послѣдній разъ: прости.

43.

Господинъ Издатель Трутневъ!

Я ужесть какъ на тебя зла: я табой взбѣшена, ахъ! радость какой ты несносный человѣкъ; па чести етова я не вабражала, вазможнали што тебя ништо не можетъ удержать атъ такой склонности, какая тебѣ не дѣлаетъ чести, ты мнѣ кажешься пахожимъ въ етамъ на женьщину; изъ нашихъ сестеръ: неуймешь кокетку отъ амуровъ, манерщицу отъ нарядовъ; а тебя отъ переправокъ чужихъ сочиненій.

Ето радость очень гадка! простила бы я твою переправку, когда бы ею сочиненіе мае было исправлено; а то позволь себѣ сказать: оно испорчено! ты радость невыразумѣлъ мысли живописцы: она въ первай картинѣ изобразила толька пранырства подлова человѣка, какой можетъ не выше Секлетаря былъ, а ты ево пажаловалъ судьею. Другая испорченажъ, да еще таки съ милости. А въ третей у ней представленъ Худасмыслъ съ надписью: каковъ былъ съ молоду худой резолютъ въ дѣлахъ приказныхъ, таковъ по нынѣ, такаву видна и умереть ему што и есть пряма Худасмыслъ. А ты ево назвалъ: худымъ человѣкамъ, и худымъ судьею; изъ чево разумѣть можна: безсовѣснова, грабителя и неправосуднова. - - - Худасмыслъ правда что судья; да онъ толька ета имя на себѣ носитъ; а дѣла дѣлаетъ: ево Секлетарь и другія судьи таварищи. Ты радасть поумничалъ, да не къ статѣ. А иномъ ужъ я и не гаворю: што изъ женскава слога сдѣлалъ ты подьяческай, наставилъ ни къ чему: обаче, иначе, дондеже, паче. Мы едакихъ рѣчей ничуть не пишемъ, у мущинъ они въ употребленіи; а у женщинъ нѣтъ. А я чаю какъ въ паслѣднихъ трехъ картинахъ, такъ и падавно нѣчева ждать доброва, какихъ я думаю наставилъ ты тамъ жучекъ въ епанечкахъ.

Въ етамъ письмѣ нѣтъ прежней маей ласки; да кто виноватъ, ты своими переправками сдѣлалъ ету во мнѣ перемѣну. Уймись радость! въ прativномъ случаѣ напишу я на тебя сатиру, и буду жаловаться твоей прабабкѣ.

44.

Государыня моя, госпожа молодая Сочинительница!

Ежели бы получилъ я ваше письмо вчерась, то бы дошло у насъ до превеликой ссоры. Вы чрезвычайно горячи, да и я также: сверьхъ того я взбѣшенъ былъ одною женщиною, такъ немудрено, ежели бы и вамъ здѣлалъ грубой отвѣтъ, чего по справедливости вы и достойны. Но нынче я веселъ, и ваше письмо попалося мнѣ въ доброй часъ, и такъ читайте слѣдующей отвѣтъ.

Я сударыня не вѣдалъ, что вы самолюбивы, хотя и вѣдалъ изъ письма вашего, что вы женщина. Вы объявили себя молодою сочинительницею, и такъ за нужное почелъ малыя ваши погрѣшности исправить. Вы жалуетесь, что я женской вашъ слогъ испортилъ, и здѣлалъ подьяческой.—Увѣдомьте меня сударыня, что вы разумѣете подъ словомъ *женской слогъ;* то ли, что женщинамъ и въ писаніяхъ погрѣшности прощать надлежитъ, или только то, что ваше письмо написано слогомъ женщины неправильно говорящей, и съ позволеніемъ вашимъ, свойствъ и правилъ рускова языка незнающей. На то вамъ скажу: что вы по разгорячась, сказали лишнѣе. Другое ваше письмо я издаю въ печать точно такъ, какъ ево получилъ. На конецъ сказываете, что я лишился вашей ласки.—Не удивительно сударыня, я знаю вашъ полъ. Есть между вами особливой родъ называемой *кокетки:* они сударыня по минутно — нѣтъ не скажу. Вы конечно ихъ сами знаете. Я опасаюсь

не изъ числа ли ихъ и вы: ибо никто такъ скоро разсердиться не можетъ, какъ *кокетка*, когда при ней другую женщину хвалить станутъ, или скажутъ что она не къ лицу одѣта. И такъ, сударыня, ежели вы изъ числа ихъ, то я лишась вашей ласки, тужить о ней не стану. Окончаніе вашего письма состоитъ въ угрозахъ, что вы написавъ на меня сатиру, будете жаловаться моей прабабкѣ — но у меня ее нѣтъ; а естьли написать вамъ будетъ нужно, то сообщите ко мнѣ, я ее вѣрно напечатаю.

45.

УТѢШЕНІЕ

Г. Любоправдовой.

Я любоправдову съ отвѣтомъ поздравляю,
И сожалѣніе объ оной изъявляю,
Что за стиховъ своихъ нескладно ремесло,
Отъ *Смѣси* причтена въ подьяческо число:
То правда ты, мой свѣтъ! ошибку учинила,
Не къ статп *ты* и *вы* въ стихѣ соединила;
Однако ты себя печалью не тревожь,
Остри свое перо и больше вздоръ свой множь.

На день рожденіе Красавицы *N N* 21 Марта 1770.

Весны пріятное начало,
Съ твоимъ рожденьемъ возсіяло
Красавица! во градѣ семъ.
О коль въ прекрасно время года
Тебя произвела природа,
И сколько щастлива ты тѣмъ,
То каждому понять удобно,
Лице твое Веснѣ подобно,

Пріятности въ немъ блещутъ всѣ:
Любви начальница Киприда,
Что славна красотою вида,
Твоей завидуетъ красѣ.

*

Ты равной духа красотою,
Съ небесъ одарена судьбою
Въ благополучнѣйшій сей день.
Твои поступки благородны,
Къ наукамъ умъ твой превосходный
Изъ малолѣтства есть вперенъ;
Ты добродѣтель почитаешь,
Пороки гнусны презираешь,
И купно слѣдующихъ имъ.
Честными ты людьми любима,
Живи же вѣчно невредима
Съ драгимъ супругомъ ты своимъ.

Къ вензловому имени красавицы, вырѣзанному на хрустальномъ кубкѣ.

Здѣсь блещетъ на стеклѣ особы имя той,
Что добродѣтелью славна и красотой.

ИЗВѢСТІЕ

У переплетчика *Веге* продается книжка: *Славенскія древности или приключенія Славенскихъ Князей* часть, I. на бѣлой бумагѣ 45 коп., на простой 40 коп. каждой екземпляръ.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ XV. АПРѢЛЯ 13 ДНЯ.

46.

Господинъ Трутень!

Кой чортъ! что тебѣ здѣлалося? ты совсемъ сталъ не тотъ; развѣ тебѣ наскучило, что мы тебя хвалили, и захотѣлося послушать какъ станемъ бранить? такъ послушай—Ну, да полно, шутки въ сторону. Пожалуй скажи, для какой причины перемѣнилъ ты прошлогодней свой планъ, чтобы издавать сатирическія сочиненіи? Ежели для того, какъ ты самъ жаловался, что тебя бранили; такъ знай, что ты превеликую ошибку здѣлалъ. Послушай нынѣ: тебя не бранятъ, но говорятъ, что нынѣшней Трутень прошлогоднему негодится и въ слуги; и что ты нынѣ также бредишь какъ и другія. Надобно знать, что хулы есть разныя; одни происходятъ отъ зависти, а другія отъ истинны; и такъ я совѣтую лутче терпѣть первыя, нежели послѣднія. Что тебѣ нужды смотрѣть на то, что говорятъ другія; знай только самъ себя. Пожалуй, г. новой Трутень, преобразись въ стараго, и будь любезнымъ нашимъ увеселеніемъ; ты увидишь, что и тебѣ отъ того больше будетъ пользы: а то вѣть я чаю, ты бѣдненькой останешься въ накладѣ. Мнѣ сказывалъ твой книгопродавецъ что нынѣшняго года листовъ, не покупаютъ и въ десятую долю противъ прежняго. Пожалуй послушай-

ся меня, и многихъ со мною; а буде не такъ, такъ прощай Трутень на всегда.

Тотъ, кто написалъ.

Апрѣля 6 дня,
1770 года.
Въ Санктпетербургѣ.

47.

Господинъ Издатель Трутня!

Мнѣ кажется, что тебя избаловали похвалами; по чему ты и вздумалъ, будто всякой вздоръ, да лишъ бы напечатанъ былъ подъ заглавіемъ Трутня; то примется читателями, равно какъ и хорошія сочиненіи въ немъ напечатанныя. Ежели ты такъ думаешь, такъ повѣрь (*), что ты много ошибаешся. Въ прошлогоднемъ твоемъ Трутнѣ, большая часть сочиненій были очень хороши, и имъ отдавали справедливость, напримѣръ вѣдомости, портреты, рецепты; твой Демокритъ, нѣкоторыя піески въ стихахъ, также и многія письма въ прозѣ, заключающія въ себѣ сколько остроты и соли, столько хорошаго вкуса, здраваго разсужденія и чистоты рускаго языка. Нѣтъ нужды, и Боже меня сохрани, чтобы я стала говорить, будто ты цѣлилъ въ нихъ на извѣстныя тебѣ лица. Довольно того, что твои сатиры очень хороши. Я не скажу, чтобы совсѣмъ не было по-

(*) Я не скажу *радость*: для того, что тебя нынѣ приличнѣе назвать *печалью;* ты мой свѣтъ, очень достоинъ, чтобы хорошенько побранить тебя; но однакожъ я еще потерплю.

добныхъ прежнимъ сочиненіямъ и въ нынѣшнемъ твоемъ Трутнѣ; но скажу по чести, что они въ немъ такъ рѣдки, какъ были рѣдки въ прошлогоднемъ худыя. Етова кажется довольно, ты видишь, что я говорю искренно; и такъ не сомнѣваюсь, что ты воспользуешься моимъ совѣтомъ, и будешь въ выборѣ піесъ поразборчивѣе. Прости г. Издатель!

Услужница ваша
Не отгадаешь кто.

48.

Подобныхъ симъ, я получилъ еще четыре письма; въ коихъ во всѣхъ приносится, индѣ съ ласкою, а индѣ съ бранью, на меня жалоба; мнѣ же самому. Говорятъ: меня избаловали похвалами. Прошлогодней Трутень хорошъ, нынѣшній дуренъ, гадокъ — Господа читатели! господа читатели остановитесь хоть на минуту! За что вы на меня гнѣваетесь? прошлаго года кричали вы, что въ моемъ изданіи, кромѣ ругательства и брани, подлыхъ мыслей и проч: ничего нѣтъ (*), и за то меня бранили; браните и нынѣ за то, для чего нѣтъ въ нынѣшнемъ изданіи подобныхъ прежнимъ сочиненіямъ. Милостивыя государи! скажитежъ мнѣ, кто изъ васъ говоритъ правду, и ково я долженъ слушать? Естьли правы по-

(*) Смотри *и То и Сьо* и *Всякую Всячину* еженедѣльныя сочиненія 1769 года, въ которыхъ брани мнѣ написано очень много. Во *Всякой Всячинѣ*, правда, что она относится къ лицу г. *Правдулюбова*; но въ *и То и Сьо*, безъ разсужденія и безъ причины, прямо на мое лице, что хотя и походитъ на П.... но я....

слѣднія, такъ за что меня бранили церьвыя? Есть-лижъ правы первыя, то не стыдно ли бранить меня послѣднимъ? Я зналъ и прежде, что на всѣхъ угодить не возможно, а нынѣ узналъ то опытомъ, надъ самимъ собою.

И такъ господа читатели не прикажетели сказать, что прошлогодней Трутень большею частію нравился вамъ для того, что ето было еще ново; но по прошествіи года, всѣ еженедѣлныя сочиненіи вамъ наскучили. Не съ одними ими вы такъ поступаете: всякая новость васъ прельщаетъ, а потомъ и наскучитъ. Ежели такъ, то не прикажетели всякой мѣсяцъ перемѣнять заглавія..... На конецъ оставляю васъ разсуждать по произволенію: оставте только меня въ покоѣ; я васъ не трогаю, не бранитежъ и вы меня.

49.

Г. Издатель!

Скрѣпи свое сердце! Я поразить тебя намѣренъ! Нещастной! ты не вѣдаешь своей горести. Послушай, да не заплачь, не пролей рѣками слезъ твоихъ, нынѣ и безъ того грязно. Ну! укрѣпись, и выслушай. Прабабка твоя госпожа *Всякая Всячина* скончалась. Ето еще скрываютъ, но черезъ недѣлю о томъ узнаютъ всѣ. Бѣдной сирота! ты остался у насъ одинъ. Что я вижу? ты плачешь! Не плачь бѣдняшечка, а мы право не заплачемъ. Во утѣшеніе твое, сочиняю я твоей прабабкѣ похвальное слово, и какъ скоро оное окончу, то къ тебѣ его сообщу.

Ахъ бѣдной Трутень! какъ ты мнѣ жалокъ! Не умри и ты: ибо многія видятъ въ тебѣ смертельныя признаки. Добро вы читатели! всѣхъ издателей переморили (*). Екія варвары! Ну прости голубчикъ мой Трутень; милинькой Трутень, пожалуй береги себя, непростудись: нынѣ еще погода не очень хороша. Прости сиротачка: живи невредимо на многія лѣта. Сего желаетъ

Съ превеликой печали, о кончинѣ твоей прабабки, право позабылъ какъ меня зовутъ.

За сожалѣніе благодарствую; печаль о кончинѣ *Всякой Всячины*, хотя и велика, однакожъ не такая, чтобы я позабылъ, что мы всѣ смертныя. Впрочемъ *много милости*.....

50.

Господинъ Издатель!

Давно хотѣлося мнѣ съ тобою познакомиться, но недосуги мои недопущали; а нынѣ привлекаетъ къ тому необходимость. Мнѣ нужны твои совѣты. Пожалуй будь со мною откровененъ; я малой право доброй, и со мною ужиться въ согласіи очень легко. А ты хотя и не совсемъ мнѣ полюбился; од-

---

(*) У меня есть пріятель; ремесломъ одинъ изъ тѣхъ, которыя людей морятъ. Онъ меня за подлинно увѣрялъ, что моровое повѣтріе на издателей, точно отъ того здѣлалося, что они всегда бранились; а причиною тому были читатели: ибо они своими письмами ихъ ссорили.

накожъ примѣтить я могъ, что ты человѣкъ доброй. Много ты имѣешь слабостей, да и я также; а можетъ быть еще и одинакія; какъ же быть, вѣть мы человѣки, часто случается, что дѣлаешь то, чево бы и нехотѣлъ здѣлать: но оставимъ ето. Я приступлю къ дѣлу. Я вознамѣрился въ нынѣшнемъ году издавать: *Модное ежемѣсячное сочиненіе*, и посвятить ево красавицамъ. Но прежде захотѣлъ спросить у тебя совѣта искренняго; ты уже другой годъ около етова промысла трешься, такъ конечно всіо узналъ; и такъ, пожалуй скажи мнѣ, не хлопотно ли ето, и не надобно ли мнѣ будетъ съ кѣмъ нибудь ссориться. Ето меня пуще всево стращаетъ: ибо я до ссоръ неохотникъ. Совѣтъ твой рѣшитъ мое сомнѣніе; а я буду либо настоящимъ издателемъ, или останусь только вашимъ слугою и будущимъ издателемъ *моднаго сочиненія*.

Господинъ будущій Издатель, *Моднаго сочиненія*.

Я вамъ не могу дать инаго совѣта, какъ только, чтобы вы о будущемъ своемъ изданіи, посовѣтовали сами съ собою. Хлопотъ издателямъ довольно, и еще и заботы, а временемъ и убытка: но заглавіе вашего изданія, отъ послѣдняго васъ конечно избавитъ; ссоры также бываютъ: впротчемъ, ежели вы такой доброй человѣкъ, то я бы хотѣлъ васъ имѣть своимъ товарищемъ; можетъ быть вы своимъ заглавіемъ періодискія сочиненіи; опять введете въ моду у читателей.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ XVI. АПРѢЛЯ 20 ДНЯ.

51.

Господинъ Издатель!

Говорятъ, что скупость неглупость. Правда, ежели сію пословицу взять въ настоящемъ смыслѣ, то она весьма справедлива и много въ себѣ заключаетъ добраго: но въ противномъ случаѣ многіе люди ей слѣдуютъ слѣпо, не входя въ смыслъ ее. По мнѣнію моему произойдетъ то, что скупость превращается не только что въ глупость, но и здѣлается гнуснѣйшимъ порокомъ; а щедрость въ хитрость, за тѣмъ, что скупость наводитъ ненависть, а роскоши пріобрѣтаютъ друзей.

При сей нравоучительной рѣчи взбрѣла мнѣ на умъ женщина, которая, ежелибъ только какая нибудь академія имѣла нужду въ професорѣ скупости, то вѣрно могла бы въ семъ училищѣ заступить мѣсто первѣйшаго. Я увѣренъ, чтобы она учениковъ своихъ научила какъ полушку дѣлить на шестьнадцать частей. Можетъ быть ты ее узнаешь, когда я тебѣ ее опишу.

Она женщина лѣтъ уже немолодыхъ, съ косую сажень безъ полуаршина въ вышину, а въ плечахъ отъ большаго жира четверти въ полторы безъ осмой долй; глаза составляютъ большую часть ея лица; а носъ по пропорціи ея вышины двадцать четвертое раздѣленіе; руки на подобіе анатомическихъ назы-

ваемыхъ препаратовъ, налитыхъ воскомъ и высушеныхъ, по которымъ положеніе кровяныхъ и прочихъ сухихъ жилъ распознавать научаются; только сіи превосходняе потому, что безъ трудовъ операторскихъ отъ наблюдаемаго ею хорошаго діета теченіе крови ясно видѣть можно. Платье она носитъ такое, которое сама собственными трудами себѣ доставляетъ, говоря, что ни одинъ портной по ее нраву сшить не можетъ. Скупаетъ вѣтошки отъ торговокъ, кои ихъ продаютъ куклодѣльницамъ, а на рубашки себѣ скупаетъ полотно небѣленое отъ крестьянъ пріѣзжающихъ изъ деревень, цѣною аршинъ въ шесть копѣекъ съ полушкою, и чтобъ подешевлее обошлось, послѣ сама отбѣливаетъ.

Зимой сидитъ дома на часахъ при деньгахъ, сказываясь всегда больною, отвращая тѣмъ къ себѣ отъ гостей посещенія, и собираетъ приходъ наистрожайше безъ упущенія за наймы покоевъ отъ жильцовъ, которые деньги платятъ на передъ, а ежели по случаю, кто чево въ мѣсяцѣ не доживаетъ, то вычету изъ забранной суммы не бываетъ; а лѣтомъ только къ тѣмъ друзьямъ ѣздитъ, кои сады имѣютъ и безпокоитъ ихъ своими прозбами, чтобъ ее снабдить тѣми и семи овощьми, которые подороже, а иногда сводитъ тѣсную дружбу съ разнощиками всякой зелени чаркой водки, чтобы уступка на товаръ поболѣ была.

Надобно знать, что она имѣетъ мужа, котораго годовой доходъ заключалъ прежде сего нѣсколько тысячь рублевъ, а нынѣ хотя менее, но токмо еще

съ достаткомъ, отъ чего онъ себѣ и нажилъ изрядной каменной домъ, изъ подъ котораго каменной фундаментъ выломанъ, а на мѣсто ево подкачены сундуки наполненные деньгами, по той причинѣ, чтобы во первыхъ занятую кладовую полату очистить и отдать въ наемъ: а во вторыхъ, чтобъ избавиться отъ похитителей сего сокровища. Я имѣлъ въ той части города, гдѣ она живетъ, дѣло, и вздумавши, что я ее мужу, долженъ поклономъ за его посѣщеніе, пошелъ къ нему для засвидѣтельствованія моей учтивости. По нещастію моему былъ столъ накрытъ, когда я въ покой вошелъ, и поусильной прозбѣ сожителя сей экономки я никакъ отъ обѣда отговориться не могъ; и такъ я долженъ былъ, слѣдуя благопристойности, къ вящему моему неудовольствію быть за столомъ свидѣтелемъ упадающихъ слезъ плачущей хозяйки о моемъ присутствіи. Вздохамъ, жалобамъ о дороговизнѣ и произносимому стону о ея бѣдности, а паче сокрушенію о одной тогда въ кухнѣ разбившейся каменной тарелкѣ. Кушаньеже походило весьма на походное, или на степное, а не на городское, и вмѣсто сытости я набрался болѣе голоду, и пришедши домой принужденъ былъ настоящимъ образомъ обѣдать.

Ежеліже ее позовутъ въ гости обѣдать; то она желудочной магазеинъ впредь до такого для нея опять торжественнаго дня наполняетъ слѣдующимъ образомъ. Стѣсненной во время пребыванія дома шнурованіемъ запасной дворъ разпространяетъ тогда въ гостяхъ широкимъ корсетомъ; за столомъ си-

дя еще розвязываетъ и отпускаетъ, и такъ безъ всякой невозможности, на долгое время у себя дома сыта бываетъ, набравшись наилучшими кушаньями.

Когда же чрезвычайность такая случится, что она отъ гостей не скроется, а приметъ ихъ благосклонно, то ежели съ большимъ принужденіемъ, чаю подать велитъ, всякаго и завѣдомо спрашиваетъ, какъ кто жалуетъ пить, съ прикускою, или нѣтъ, и тотъ часъ напоминаетъ дороговизну сахара, и сама дома у себя не инако пьетъ какъ съ прикускою; въ гостяхъ же весьма наблюдаетъ довольную сладость въ чайныхъ чашкахъ.

Г. издатель, я описалъ вамъ только малую часть поступокъ сей женщины, и потому судите о ней, чего она достойна. Я бы самъ вамъ о томъ сказалъ, но боюсь, что можетъ быть ето вамъ не понравится; и такъ прекратя сіе остаюсь.

вашъ покорный слуга,
Ненавистникъ зла.

52.

СТИХИ
НА СМЕРТЬ
ѲЕДОРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЭМИНА,
Россійской Исторіи писателя,
послѣдовавшую въ Санктпетербургѣ
18 Апрѣля, 1770 года,
писанные къ его другу.

Къ тебѣ, кой дружбы былъ Эминовой искатель,
Пишу печальной стихъ, ты будь мнѣ сострадатель,

Прими участіе въ тоскѣ моей души,
О смерти днесь ево со мною потужи.
Я знаю, что ево ты другомъ почитался.
И знаю, что скорбишь, что съ нимъ теперь растался.
Жалѣнья нашего сей есть достоинъ другъ,
За множество ево оказанныхъ заслугъ,
Во время краткія своей на свѣтѣ жизни;
Онъ нашей описалъ дѣянія отчизны.
Отъ отдаленнѣйшихъ начавши самыхъ лѣтъ,
Съ которыхъ только могъ Россію вѣдать свѣтъ,
Что Несторъ написалъ, что предалъ Ломоносовъ,
Татищевъ и Хилковъ писцы дѣлъ древнихъ Россовъ,
И множайшихъ другихъ писаніе мужей,
На коихъ шлется онъ въ Исторіи своей;
Старался онъ сводить и привести въ согласность,
Доказывая ихъ однихъ съ другими разность.
По вычисленіямъ исправнымъ всѣхъ временъ,
Ученой свѣтъ ему тѣмъ много одолженъ:
Онъ снялъ его заслугъ во вѣки не забудетъ,
Безсмертная ему за трудъ сей слава будетъ,
И будетъ сожалѣть, что такъ въ короткой вѣкъ
Его полезну жизнь свирѣпой рокъ пресѣкъ.
Но что жалѣть о томъ, чему помочь не можно,
Намъ въ слѣдъ его итти, хоть раноль, позноль должно,
Хотя природа нашъ духъ къ жалости влечетъ,
Коль предъ глазами зримъ печальной мы предмѣтъ.
Умершій всѣмъ намъ сей пріятель есть свидѣтель,
Мы дружбу вспомнивши его и добродѣтель:
Отъ жалости себя не можемъ воздержать;
Но чтожъ осталось намъ! осталось лишъ сказать,
Прости на вѣкъ Эминъ, прости нашъ другъ любезной,
Ты будешь вѣчно живъ чрезъ трудъ твой всѣмъ полезной.

53.

Господинъ Издатель!

Всякая Всячина простилась, и То и Сіо въ ничто превратилось, Адская Почта остановилась, а

Трутню также пора летѣть на огоніокъ въ кухню, чтобъ подняться съ пламенемъ сквозь трубу на воздухъ и занестись самъ не знаю куда, только чтобъ болѣе людямъ не быть въ тягость и ненаскучить своими разказами. Что за вздоръ! долго ли и въ прямъ читать одно, да одно? всіо Трутня да Трутня! Сколько денежекъ не выдавай, а другова не ожидай: какъ посмотришь на листокъ, такъ всіо заглавіе одно носитъ имя. Что нужды до содержанія, когда не разное именованіе; вы бы всѣ, сколько васъ ни было, старались лучше о выдумкахъ, чтобъ по крайней мѣрѣ каждой мѣсяцъ... Нѣтъ долго, каждую недѣлю перемѣнить именованіе своего изданія. Удивительно право, какъ вы по сіе время еще не переняли поступки красавицъ, которые бы вамъ хорошимъ образцомъ въ такомъ случаѣ служить могли. Представте себѣ только, сколь тонокъ ихъ вкусъ; онѣ никогда не дѣлаютъ то, что съ перемѣною несопряжено: такъ какже такое безконечное племя изданія читать безъ скуки, которые свое званіе не перемѣняютъ. Нѣтъ, я вамъ чистосердечно признаюсь, что я давно объ нихъ и слышать не хочу. Сперва я было таки листковъ съ десятокъ безъ троякаго прочитанія не оставлялъ, да и во снѣ про нихъ видалъ; а нынѣ ужесть какъ несносны, да и скучно объ нихъ вѣдать, что онѣ въ свѣтѣ есть. Ну прости, мнѣ не досугъ больше писать, пора мнѣ ѣхать въ ряды, и купить... я самъ не знаю что.

Вашъ покорный слуга

Вертопрахъ.

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ XVII. и ПОСЛѢДНІЙ АПРѢЛЯ 27 ДНЯ.

54.

ПѢСНЯ.

Не знала я, что пагубна любовь
Нещасныхъ мучитъ и терзаетъ:
Я чувствую: во мнѣ волнуетъ кровь,
И духъ томится и страдаетъ;
Въ любви такой,
Ахъ! все смущаетъ,
Отнявъ покой.

*

Нигдѣ ужъ для меня веселья нѣтъ:
Оставлена моимъ любезнымъ,
Противна жизнь, и непріятенъ свѣтъ
Ужъ на всегда очамъ симъ слезнымъ;
Разсталась я,
Ахъ! въ вѣкъ съ любезнымъ,
Нещастная.

*

По что измѣнника я своево
Еще любезнымъ называю?
Забылъ меня, забуду я ево:
Но ахъ! по что не забываю
Льстеца сево? —
Нѣтъ... Обожаю
Еще ево.

*

Любезенъ онъ и милъ моимъ очамъ,
Хотя мнѣ здѣлался невѣренъ,
И сердца я другому не отдамъ:
Ахъ! пламень мой безмѣренъ,
Себя гублю,

Ахъ! будь увѣренъ—
Тебя люблю.

*

На вѣкъ въ моемъ ты сердце впечатлѣнъ,
Оно всегда тобой пылаетъ:
На вѣкъ нещастную ты взялъ во плѣнъ,
Лишь о тебѣ она вздыхаетъ,
Къ тебѣ горитъ,
И лобызаетъ
Въ умѣ твой видъ.

*

Ахъ! сжалься ты жестокой надо мной!
Смягчись моими ты слезами,
Приди ко мнѣ и возврати покой....
Или постигнута бѣдами
Въ вѣкъ жизнь моя,
И въ вѣкъ судьбами
Сраженна я?

55.

Г. Издатель Трутня!

Я и многія сомною имѣемъ справедливую причину на тебя, да еще на г. Издателя *Смѣси*, жаловаться. Вы своими шутками причиняете намъ убытокъ: не подумайте, чтобы я жалѣлъ о тѣхъ деньгахъ, которыя платилъ ла ваши листы: Боже меня сохрани отъ такой несправедливости! я всегда скажу, что мы за оныя платили деньги съ превеликимъ удовольствіемъ; ибо получали отъ того пользу и увеселеніе. Выслушайтежъ мою жалобу, она истинно справедлива: вы критиковали не знаю какова-то стихотворца: можетъ быть и весьма справедливо; да дѣло-то въ томъ состоитъ, что вы ево какъ говорится, задѣли

за живое. Онъ на васъ разгнѣвался, какъ раздраженной стихотворецъ, пылалъ яростію и желалъ отмстить свою обиду. По нещастію общему всѣхъ читателей, ето случилося въ то самое время, когда сей стихотворецъ издавалъ въ печать книгу своего перевода. Тутъ-то онъ себя удовлѣтворилъ: ибо къ книжкѣ состоящей менѣе трехъ листовъ, написалъ на четырехъ листахъ предисловіе, въ которомъ пространно утверждалъ что критикующіе люди злые, а критики ихъ неосновательныя; что они въ силу указовъ дарованную вольность умамъ употребляютъ во зло, осмѣлясь критиковать человѣка достоинствы свои совершенно знающаго; что онъ тѣ критики, яко неистяробеснующихся молодичей, малыми своими душевными добротами и слабоблещущими пылинками остраго разума возпроизжелавшихъ посверькать, соблаговоляетъ уничтожать и презирать, и что онъ на нихъ ни единаго не будетъ отвѣтствовать слова: но забывшись исписалъ цѣлыя четыре листа, наполня изъ предсердія его изходящимъ ругательствомъ; не позабывъ при томъ прикрыть сіе завѣсою благочинія. А все ето почти за одно словцо: *Рыгать*. Вамъ шутки, а намъ убытокъ: ибо за двадцати пяти копѣешную книжку, принуждены мы платить по пятидесяти копѣекъ. Словцо ето показалось и въ новомъ вашемъ Трутнѣ, что все предвѣщаетъ, что мы опять напрасной убытокъ нести будемъ; а книгопродавецъ безъ предисловія той книжки не продаетъ. И такъ прошу васъ г. Издатель, пожалуйте оставьте ево въ покоѣ, не рыгайте новоизобрѣтенными

ево нелѣпыми изреченіями, и тѣмъ непричиняйте намъ убытка. О семъ просить

покорный вашъ слуга
Я въ своемъ домѣ.

Москва,
1770 года,
въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ.

56.

Письмо г. съ печали позабывшаго свое имя, и при немъ сообщенное на погребеніе *Великія Вѣчины* похвальное слово, также какъ и протчія присланныя ко мнѣ письма, нѣкоторыя въ стихахъ сочиненій и *молодой въ Россіи путешественникъ* напечатаны не будутъ, ради того, что Трутень съ превеликой печали, по кончинѣ своихъ современниковъ, и самъ умираетъ. Надлежитъ замѣтить, что поколѣніе еженедѣльныхъ 1769 года сочиненій съ нимъ пресѣкается.

57.

РАЗСТАВАНІЕ,
или
послѣднее прощаніе съ читателями.

Противъ желанія моего, читатели я съ вами разлучаюсь; обстоятельствы мои и ваша обыкновенная жадность къ новостямъ, а послѣ того отвращеніе, тому причиною. Въ минувшемъ и настоящемъ годахъ, издалъ я во удовольствіе ваше, а можетъ быть и ко умноженію скуки, ровно пятьдесятъ два листа, а теперь издаю 53 и послѣдній: въ немъ то прощаюсь я съ вами, и на всегда разлучаюсь. Увы! какъ перенесть сію разлуку? Печаль занимаетъ духъ.... Замираетъ сердце.... Хладѣетъ кровь, и отъ предстоящаго нещастія все члены немѣютъ... Не причесанныя мои волосы становятся дыбомъ; словомъ я все то чувствую, что чувствуютъ въ превеликихъ печаляхъ. Перо падаетъ изъ рукъ... Я ево беру опять, хочу писать, но оно не пишетъ. Ярость

объемлетъ моё сердце, я бѣшусь: бѣшенство не умаляетъ моей скорби, но паче оную умножаетъ: но я познаю мою ошибку, перо ещё не очинено: я бросилъ ево опять, беру другое, и хочу изъявить состояніе души моей; но печаль затмѣваетъ разсудокъ; съ какою скорбію возможно сравнить печаль мою? нестолько мучится любовникъ при вѣчномъ разлученіи со своею любовницею; не столько бѣсился подъячій, какъ читалъ указъ *о лихоимствѣ* повелѣвающій имъ со взятками на всегда разлучиться; не столько печалится Іезуитъ, когда во весь годъ не продастъ ни единому человѣку отпущенія грѣховъ, или когда при послѣднемъ издыханіи лежащаго человѣка уговоритъ въ пользу своей души, лишить наслѣдниковъ своего имѣнія, пустить ихъ по миру, а имѣніе беззаконно имъ нажитое и награбленное отдать имъ въ чистилищѣ, будтобы тѣмъ учинить возмездіе, и чтобы омыть скверну души его; но больной сей выздоровѣетъ и перемѣнитъ свое намѣреніе; нестолько страдалъ *Кащей*, когда неправедно захваченное имъ стяжаніе, законно отдано кому оно принадлежало; не столько бѣсится завистливой *Злорадъ*, когда при немъ другія похваляются, или когда онъ ково ругаетъ и ему не вѣрятъ; не столько терзается стихотворецъ когда стихи ево не похваляются; не столько бѣсится щеголь, когда портной испортитъ ево платье, котораго онъ съ нетерпеливостію ожидалъ, и въ которомъ для плѣненія сердецъ хотѣлъ ѣхать въ Екатерингофъ на гулянье, или когда ему Парикмахеръ волосы причешетъ не къ лицу, а онъ хочетъ ѣхать на свиданье; не столько мучится и кокетка, когда любовникъ ее оставляетъ и предпочитаетъ ей другую женьщину, или когда ее не хвалятъ... Нѣтъ? печали всево свѣта съ моею сравниться не могутъ! Я пишу мою скорбь, и опять вычерниваю: буквы мною написанныя, кажутся малы, и слѣдовательно не могутъ изъяснить великость оныя. Я черню и перечерниваю, засыпаю пескомъ: но ахъ! вмѣсто песошницы я употребилъ чернильницу. Увы! источники чернильныя проливаются по бумагѣ и по столу. Позорище сіе ослабляетъ мои чувства.... Я ли-

шаюся оныхъ... падаю въ обморокъ.... упалъ на столъ, замаралъ лице, и такъ лежу..... Чернильной запахъ коснувшись моего обонянія возвращаетъ мою память.... открываю глаза.... но при воззрѣніи изъ глазъ моихъ слезы проливаются рѣками, и смѣшавшися съ черными текутъ со стола на полъ. Въ такомъ положеніи нечаянно взглянулъ я на читателей: но что я вижу? Ахъ жестокіе! вы несоболѣзнуете со мною? на лицахъ вашихъ изображается скука.... Варвары, Тигры! вы не проливаете слезъ, видя мою горесть? такъ то васъ печали другихъ трогаютъ? теперь не удивительно мнѣ, что при представленіи трагедіи въ самомъ печальномъ явленіи на которое сочинитель всю полагалъ надежду, и надѣялся, что весь портеръ потопите слезами; но увы! ни у единаго изъ васъ не видно тогда было ни капли слезъ: жестокіе! вмѣсто пропролитія слезъ вы тогда зевали, будто бы было вамъ то въ тягость. Такъ то награждаете вы труды Авторскія? но по что безплодно терять слова? окаменѣнныхъ вашихъ сердецъ ни чемъ не возможно тронуть! Я заклинаю себя, наказать васъ, за вашу свирепость.... бѣшенство мною владѣетъ.... такъ, я васъ накажу..... но... на что колебаться; слушайте приговоръ вашего наказанія: впредь ни единой строки для васъ писать не буду.... Вы приходите во отчаяніе.... нѣтъ нужды, ни чемъ вы меня не смягчите, и слово мое исполнится. Я столькожь буду жестокъ, какъ вы. Прощайте..... Слушайте читатели, я хотѣлъ было сочинить двенадцать трагедій, въ томъ вкусѣ, о которой трагедіи недавно я упоминалъ, двадцать комедіи, пятнадцать романовъ.... но вы ничево етова неувидите. Читайте.... Ну, прощайте неблагодарныя читатели, я не скажу больше ни слова.

ИЗВѢСТІЕ.

Которые платили деньги переплетчику Вегу за весь годъ Трутня, и получили отъ него билеты, тѣ могутъ достальныя деньги по рацоту отъ него получить обратно; а которыя билеты получили не отъ него, тѣ должны возвратить тѣмъ, отъ кого оныя получили.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ 1769 году.

Посвященіе (стр. 3 — 4). Посвященія Л. А. Нарышкину при 1 изд. Трутня не было. Оно помѣщено только при 2 изд., вѣроятно, вслѣдствіе того, что по возбудившейся на Трутень нелитературной полемикѣ, Новиковъ счелъ необходимымъ опереться на покровительство вліятельнаго лица. Л. А. Нарышкинъ (1733 — 1799), какъ любимецъ и близкій человѣкъ къ императрицѣ, конечно, былъ пригоднѣе всѣхъ для этой цѣли. Нарышкинъ отличался своими остротами и каламбурами и къ нему-то относится 15-й вопросъ Д. И. Фонъ-Визина (соч. его, изд. 1852 стр. 676), навлекшій на него неудовольствіе императрицы: «отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ и весьма большіе?»—Сей вопросъ родился отъ *свобододзычія*, замѣтила на это императрица (соч. Фонъ-Визина, 1852 г., стр. 676). Повинная Фонъ-Визина—«заблудшей овцы», по выраженію Екатерины—перепечатана въ собраніи его сочиненій безъ помѣтки, помѣщенной въ V кн. «Собесѣдника Любителей Россійскаго Слова». (1783). Въ этомъ послѣднемъ журналѣ участвовалъ и Л. А. Нарышкинъ, подъ псевдонимомъ *каноника*. Статьи его очень высоко цѣнились императрицею и за

нихъ она нерѣдко ссорилась съ кн. Дашковой, личнымъ врагомъ Нарышкина (*).

Предисловіе (стр. 7). Перепечатано во 2 изд. безъ перемѣнъ, только съ измѣненіями въ орѳографіи и отчасти съ замѣною словъ, напр., на стр. 9 (с. 25): «безъ пользы *свѣту* жить», и на стр. 10 (с. 23): «хотя единожды *была полезна*».

2. *Любезной племянничекъ* (с. 13). Письмо это перепечатано въ 3, 4 и 5 изд. Живописца (ч. 1, ст. XV), съ пропускомъ всего, помѣщеннаго въ P. S. на стр. 16 и безъ «Притчи», напечатанной въ 3 листѣ. Оно по всей вѣроятности принадлежитъ *Мих. Попову* († 1790), потому что «Притча: два вора», присланная при этомъ письмѣ, внесена въ собраніе соч. и пер. Попова. Онъ былъ изъ числа тѣхъ молодыхъ ярославцевъ, изъ которыхъ *Ѳ. Г. Волковъ* (1729 — 1763) составилъ свою маленькую труппу, положившую основаніе русскому театру. Привезенный съ этою труппою въ Пб., Поповъ по приказанію имп. Елизаветы былъ помѣщенъ съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей въ первый шляхетный корпусъ. Впослѣдствіи онъ былъ секретаремъ коммиссіи составленія законовъ. Незначительная часть изъ его соч. и пер. издана отдѣльно въ 2 томахъ, подъ заглавіемъ: *Досуги или собраніе сочиненій и переводовъ Михайла Попова* (2 ч. Въ Спб. 1772 года; 8⁰, стр. въ 1 ч. 258 и 1, во 2 ч. 320). Онъ первый перевелъ *Освобожденный Іерусалимъ* (1771) и *Севильскаго цирюльника* (1782). Поповъ, по указ. Новикова, участвовалъ и въ другихъ сатирическихъ еженедѣльникахъ 1769

(*) О немъ см. въ «Словарѣ» *Бантыша Каменскаго* (1847 г., ч. 2, стр. 481) и въ «Матеріалахъ для исторіи журнальной и лит. дѣятельности Екатерины II» *г. Пекарскаго* (Спб. 1863).

г., напр. въ «*И то и се*», издававшемся его товарищемъ по Ярославлю М. Д. Чулковымъ (*).

Мих. Дм. Чулковъ (1726—1793) кромѣ еженедѣльника «И то и се» издавалъ въ 1770 г. ежемѣс. журналъ: «Парнасскій Щепетильникъ». Чулковъ замѣчателенъ, какъ составитель многихъ весьма полезныхъ книгъ (Ист. описаніе росс. торговли, Миѳолог. словарь, Сл. рус. суевѣрій, Крат. исторія о рос. коммерціи, Словарь ярмороковъ и мн. др.). Изъ его романовъ: «*Пригожая Повариха*» (вышла только 1-я ч.) такая рѣдкость, что теперь не возможно ея найти (*).

Притча: Два вора (стр. 17) перепечатана въ «*Досугахъ*» Мих. Попова (ч. 1-я, стр. 29 — 30), съ пропускомъ 3—7 стих. и съ замѣною 8 стиха: «Но *только что они* покроемъ не однимъ». Послѣ 10-го стиха прибавленъ новый: «*Одни политики другіе просто плуты*». Стихъ 12 читается: «И перво въ нихъ мое искуство покажу», а стихи 21 и 22:

Повѣрьте едако или такая мода
Есть у безсовѣстныхъ подъячихъ и судей.

3. *Тридцатилѣтняя дѣвушка гораздо меньше радуется* (стр. 18). Письмо это направлено противъ *Влад. Ив. Лукина*, автора и переводчика нѣсколькихъ посредственныхъ комедій, человѣка талантливаго, но пользовав-

(*) О Поповѣ см. «Опытъ словаря» Новикова (1772, стр. 170), «Словарь св. пис.», м. Евгенія (1845, ч. 2, стр. 133), «Основ. рус. театра», Карабанова (1849, стр. 24 и 34), «Біогр. замѣтки о рус. писат. XVIII в.» (Лѣтописи рус. лит. 1859 кн. 2, отд. 3, стр. 199).

(*) О Чулковѣ см. «Опытъ» Новикова (стр. 241), «Біографич. изв. при книгѣ: «Записки экономическія» и пр. (изд. 2-е, 1790), перепечат. въ «Лѣт. Рус. Лит.» (1859 г. кн. 2), Словарь м. Евгенія (1845 г., ч. 2) и «Рус. Сат. Ж.» г. Аѳанасьева (1859 г., стр. 7 и др.).

шагося нерасположеніемъ современной прессы за эгоистическій и самолюбивый характеръ. Лукинъ былъ секретаремъ при *Ив. Перф. Елагинѣ* (1725 — 1786) и пріобрѣлъ особое его расположеніе. Заносчивый и неуживчивый характеръ Лукина, а больше, кажется, расположеніе Елагина были причиною, что *Д. И. Фонъ-Визинъ*, поступившій въ 1763 г. на службу къ Елагину, тотчасъ же разошолся съ Лукинымъ и сохранилъ къ нему ненависть до конца жизни (Соч. Фонв., изд. 1852 г., стр. 510 — 511, 638). Сумароковъ не любилъ Лукина, потому что считалъ личною обидою имѣть совмѣстника на поприщѣ, которое считалъ своею безраздѣльною принадлежностью. За Сумарокова возставали на Лукина и еженедѣльники 1769 г., особенно же Новиковъ, ярый поклонникъ Сумарокова. Нѣкоторыя изъ пьесъ Лукина изданы были въ особомъ сборникѣ: «*Сочиненія и переводы Владимера Лукина*» (2 ч. Въ Спб. 1765 года, въ 8⁰). Въ это собраніе вошли: «Мотъ, Любовію исправленный», «Пустомеля», «Награжденное постоянство» и «Щепетильникъ», всѣ съ огромными предисловіями (при послѣдней комедіи — ввидѣ письма къ Ельчанинову). Кромѣ того отдѣльно изданы комедіи: «Менехмы, или близнецы» (1763), «Ревнивой, изъ заблужденія выведенной» (1764), «Тесть и зять» (1768), «Разумной вертопрахъ» (1768) и «Задумчивой» (1769). Всѣ кромѣ «Мота» передѣл. съ франц. Лукину-же принадлежитъ переводъ 5 и 6 ч. «Приключеній Маркиза Г...», которыхъ 4 первыя части переведены И. П. Елагинымъ (*).

(*) *О Лукинѣ* см. «Владиміръ Лукинъ», 2 ст. А. Пыпина (От. Зап. 1853 № 8 и 9); здѣсь собрано все о немъ написанное до того времени Также: «Опытъ» Новикова (стр. 181), Словарь м. Евгенія (1845, ч. 2 стр. 36), Словарь Бантышъ-Кам. (1847,

Письмо въ Трутнѣ написано совершенно манерою Лукина, съ употребленіемъ его любимыхъ выраженій и даже имѣетъ форму огромнаго предисловія, какими Л. снабжалъ свои комедіи. Напр. на стр. 19 (с. 3) «*ничего значущими*» взято изъ предисловія къ «Награжд. постоянству» (стр. IV), строки 22 и слѣд. съ легкимъ измѣненіемъ находятся въ предисловіи къ «Пустомелѣ». *Какъ ли ни* вм. «какъ ни» и *а!* вм. «ахъ!» безпрестанно встрѣчаются у Л-на. Прихотливая разстановка знаковъ препинанія и неправильное употребленіе буквы *ѣ* (стр. 21 — 22) — также составляютъ одну изъ особенностей Лукина. — *На стр. 19* въ примѣчаніи упоминается комедія *Тесть и Зять*, принадлежащая Лукину, а на *стр. 21* во 2 примѣчаніи слова «человѣка два, три не мелкихъ моимъ живутъ разумомъ», указываютъ на ходившіе тогда слухи, будто И. П. Елагинъ нѣкоторые изъ переводовъ Лукина выдавалъ подъ своимъ именемъ. Замѣтимъ еще, что на стр. 20 — 21 по всей вѣроятности описывается наружность Лукина.

Окончаніе письма (стр. 23). «Наука быти льстецомъ» — намекъ на отношенія Лукина къ Елагину, о чемъ упоминаетъ и Фонъ-Визинъ. «Мотъ вразумившійся» (с. 11) указываетъ на «Мота любовію исправленнаго», а слѣ-

---

ч. 8, стр. 451), «Вл. Лукинъ», Макарова (Реп. и П. 1844, VI, стр. 459 — 481), Essai sur la lit. russe (Revue étr., 1851, t. LXXX, pp. 1 — 15) и нѣмецкій подлинникъ этого *Опыта* съ русскимъ переводомъ М. Л. Михайлова, на стр. 18 и 37 (М. 1862, in 8°, стр. 44). *О Богд. Егор. Ельчаниновѣ* — «опытъ», Новикова (стр. 65), «Нѣмецкое извѣстіе» (стр. 17 и 37). Объ *Ив. Перф. Елагинѣ* — «Опытъ» Нов. (стр. 64), «Нѣмецкое изв.» (стр. 13 и 33), Слов. м. Евгенія (1845, ч. 2 стр. 211 — 214), Бантышъ-Кам. (1847, ч. 2 стр. 10), «Библ. Зап.» (1858, 59 и 61), «Рус. Архивъ» (1863 — 64) и указанную ст. А. Пыпина. Въ «Пансаквинѣ» (М. 1809) Елагинъ носитъ имя *барона Поито*.

дующій за тѣмъ отзывъ — на предисловіе къ «Моту» (стр. XII и XXI)

Епиграмма (стр. 25) принадлежитъ *Мих. Попову*. Она перепечатана въ его «Досугахъ» (ч. 1, стр. 27), что даетъ поводъ думать, что и самое письмо написано М. Поповымъ.

Приведенное на стр. 25 (с. 22 — 23) двустишіе (*Язвлю тебя* и пр.) взято изъ «Посланія Ѳеофила Кролика, архимандрита новоспасскаго» къ кн. Ант. Дм. Кантеміру (см. соч. Кантеміра, изд. 1847 г., стр. XII).

4. *Вѣдомости. — Изъ гостинаго двора* (стр. 28). Это была первая статья въ Трутнѣ, возбудившая вредные для журнала толки и непріязнь нѣкоторыхъ лицъ, за то, что Трутень осмѣлился «наводить свое зеркало на лица знатныхъ бояръ и боярынь». Не могла понравиться и загадка, которою оканчивается извѣстіе «изъ нѣкотораго приказа» (стр. 25 — 28).

5. *Второй ваш листокъ* (стр. 29). Это и другія два письма *Правдулюбова* принадлежатъ къ лучшимъ статьямъ Трутня по честности убѣжденій, руководившихъ писавшимъ, по энергіи, сжатости и мѣткости выраженій. Видно, что писалъ ихъ человѣкъ недюжинный.— Мы выписываемъ разбираемую статью *Всякой Всячины*, тѣмъ болѣе, что впослѣдствіи Правдулюбовъ еще разъ возвращается къ ней.

52.

Писатель писма отъ 26 Марта, 1769 года, подписаннаго *вашъ покорнѣйшій и усердный слуга А.* узналъ, что его писмо не будетъ напечатано. Мы совѣтуемъ ему оное беречь до тѣхъ поръ, пока не будетъ сдѣланъ лексиконъ всѣхъ слабостей человѣческихъ и всѣхъ недостатковъ разныхъ въ свѣтѣ государствъ. Тогда сіе писмо можетъ служить реестромъ ко вспоможенію памяти сочинителю; а до тѣхъ поръ

просимъ господина *А.* сколько возможно упражняться во чтеніи книгъ такихъ, посредствомъ которыхъ могъ бы онъ человѣколюбіе и кротость присовокупить ко прочимъ своимъ знаніямъ; ибо намъ кажется, что любовь его ко ближнему болѣе простирается на исправленіе, нежели на снисхожденіе и человѣколюбіе; а кто только видитъ пороки, не имѣвъ любви, тотъ не способенъ подавать наставленія другому. Мы и о томъ умолчать не можемъ, что большая часть матерій, въ его длинномъ писмѣ включенныхъ не есть нашего департамента. И такъ просимъ господина *А.* впредь подобными присылками не трудиться; нашъ полетъ по землѣ, а не на воздухѣ, еще же менѣе до небеси: сверьхъ того мы не любимъ меланхоличныхъ писемъ.

(Вс. Вс., стр. 139 — 140).

Въ прежнемъ Трутнѣ на стр. 29 (с. 7) была опечатка: 340, вм. 140. Она и у меня оставлена неисправленною, ибо усмотрѣна уже по отпечатаніи книжки, при сравненіи съ текстомъ *Всякой Всячины*. Въ письмѣ *Правдумобова*, кромѣ приведенной 52 статьи Вс. Всячины, указываются и другія статьи этого журнала. Напр. пьянство (стр. 30«письма») Вс. Всячина назвала именно *порокомъ* (стр. 152), а не слабостью и пр. Выраженіе, что «*отъ смѣха три дня бока болѣть могли*» (стр. 31, с. 11 и 12), принадлежитъ къ любимѣйшимъ выраженіямъ Всякой Всячины и потомъ часто встрѣчается въ «*Собесѣдникѣ Любителей Р. Слова*» (1783 — 1784), издававшемся почти тѣми же лицами, какъ и Вс. Всячина, въ особенности въ статьяхъ озаглавленныхъ «были и небылицы» (*).

6. *Статьи изъ русскаго словаря* (стр. 31). Насмѣшки надъ употребленіемъ иностранныхъ словъ и неправиль-

---

(*) Замѣтимъ кстати, что у Вс. Всячины былъ также сотрудникъ *Правдолюбовъ*, но его никакъ не должно смѣшивать съ *Правдулюбовымъ* Трутня.

ныхъ выраженій подробнѣе были развиты Новиковымъ въ *Живописцѣ* (сравн. изд. 7, стр. 53 и 59).

8. *Вѣдомости въ С.-Петербургѣ* (стр. 35 — 40) перепечатаны въ 3, 4 и 5 изд. *Живописца* подъ заглавіемъ: «*Сатирическія вѣдомости*» (ч. 2, ст. XI, № 1), съ исключеніемъ изъ 5-го изданія нѣкоторыхъ замѣтокъ, при которыхъ объ этомъ и будетъ упомянуто.

Изъ Мещанской (стр. 35) перепечатано въ уличномъ листкѣ *Мужичокъ* (Спб. 1862 г.).

Изъ Москвы (стр. 36) въ строкахъ 11 и 29 слова: *миніатурнаго* и *живописца* взяты изъ 2-го изд. Трутня, а въ 1 изд. читалось: «преискуснаго живописца» и «чтобы приняли въ Академію Художествъ».

Изъ Ярославля (стр. 37). Какъ въ 1769 г. Москва не послѣдовала примѣру Петербурга въ изданіи сатирическихъ журналовъ; точно также и въ 1858 г., когда въ Петербургѣ появились цѣлые десятки уличныхъ сатирическихъ листковъ, она не выпустила ни одного.

Молодой дворянинъ (стр. 39) перепечатано въ уличномъ листкѣ *Мужичокъ* (Спб. 1862 г.).

Для напомненія порожнихъ мѣстъ. Въ нѣкоторое суд. мѣсто и *Курсъ деньгамъ* (стр. 39 и 40). Всѣ три замѣтки были исключены изъ 5-го изд. «Живописца».

Недавно пожалов. воевода (стр. 40). Мы имѣемъ указаніе, что эта замѣтка достигла своей цѣли и воевода къ мѣсту своего назначенія не отправился. Въ «*Пустомелѣ*», сатирическомъ журналѣ 1770 г., читаемъ слѣдующую эпиграмму:

ЕПИГРАММА

г. Кондратовича къ г. Издателю Трутня.

Что ты Трутень напечаталъ? будто Воевода
Совѣсть продаетъ, что легша есть въ пути выгода?

Здѣсь онъ! и умъ не поѣдетъ съ воеводства бывъ смѣненъ;
Ибо бывшій подъ командой каждый онымъ огорченъ;
Есть указъ о Воеводахъ; не смѣнять; естьли миръ проситъ;
Миромъ же сей былъ не прошенъ; и смѣненъ; здѣсь вѣсти носитъ
За добро вѣть не смѣняютъ; начудесилъ знатно онъ;
Будетъ вѣкъ безъ воеводства, хоть всѣмъ отдаетъ поклонъ.
(Пуст. 1770, іюль. Изд. г. Аван., стр. 110).

Кирьякъ Кондратовичъ былъ переводчикомъ при Ак. Наукъ. Онъ писалъ много стиховъ и особенно эпиграммъ (до 10,000), перевелъ *Иліаду* и *Одиссею*, *Гербершгейновы* записки о Россіи, *Цицероновы* отборныя рѣчи и мн. др., но большая часть его переводовъ не напечатаны (*).

Издатель Трутня объщался (стр. 46) замѣтка эта во 2 изд. Трутня *не перепечатана*.

12. *Письмо Правдулюбова* (стр. 47). Изъ статей Вс. Всячины, по поводу которыхъ написано это письмо, одна перепечатана выше на стр. 334 — 335; а вторую, составляющую отвѣтъ на первое письмо Правдулюбова, перепечатываемъ здѣсь.

66.

На ругательства, напечатанныя въ Трутнѣ подъ пятымъ отдѣленіемъ, мы отвѣтствовать не хотимъ, уничтожая оныя; а только на скоро дадимъ примѣтить, что господинъ Правдулюбовъ насъ называетъ криводушниками и потачниками пороковъ для того, что мы сказали, что имѣемъ человѣколюбіе и снисхожденіе ко человѣческимъ слабостямъ, и что есть разница между пороками и слабостьми. Господинъ Правдулюбовъ не догадался, что изключая снисхожденіе, онъ истребляетъ милосердіе. Но добросердечіе его не понимаетъ, чтобы гдѣ нинаесть быть могло снисхожденіе; а можетъ

(*) О К. Кондратовичѣ см. «Опытъ» Нов. (стр. 107), «Словарь» м. Евгенія (1845, ч. 1), статью г. *Тихонравова* (Библ. Зап. 1858 г. № 8) и статью г. *Пекарскаго* (Соврем. 1858, № 2).

статься что-и умъ его не достигаетъ до подобнаго нравоученія. Думать надобно, что ему-бы хотѣлось за все да про все кнутомъ сѣчь. Какъ бы то ни было, отдавая его публикѣ на судъ, мы совѣтуемъ ему лѣчиться, дабы черные пары и желчь не оказывалися даже и на бумагѣ, до коей онъ дотрогивается. Намъ его меланхолія не досадна; но ему не сносно и то, что мы лучше любимъ смѣяться, нежели плакать. Еслибъ онъ писалъ трагедіи, то бы ему нужно было въ людяхъ слезливое расположеніе; но когда его трагедіи еще свѣта не узрѣли, то какая ему нужда заставляти плакать людей или гнѣваться на зубоскаловъ.

(Вс. Вс. стр. 174 — 175).

13. *Чистосердечное ваше о самомъ себѣ описаніе* (стр. 49). Это письмо представляетъ первый благоразумный совѣтъ Трутню—не заноситься высоко, а обращаться въ сферахъ низменныхъ. Писавшій приводитъ городскіе толки и Новикову нельзя было не обратить вниманія, хоть бы на такое разсужденіе, что за дерзость сатиры «въ старыя времена послали бы де его потрудиться для пользы государственной описывать нравы какова ни на есть царства Русскаго владѣнія» (тонкій намекъ на Сибирь, по замѣчанію г. Пекарскаго), что не такіе бывали сатирики, «но и тѣмъ рога поломали». — Къ этому же времени, вѣроятно, относится и приводимое *Макаровымъ* извѣстіе, что «весь петербургскій народъ, который какъ нибудь зналъ грамоту, толковалъ объ этомъ (о Новиковѣ и его Трутнѣ) публично и даже говорили, что Рубанъ и *какіе-то академики* доложили о томъ же при своихъ «сентенціяхъ» гр. Никитѣ Ивановичу Панину; а графъ Панинъ это же докладывалъ государынѣ. И государыня де порадовалась Новикову, а не прогнѣвалась на него». (От. Зап. 1839 г. № 8). Названная выше брошюра г. Пекарскаго показываетъ однако, что въ послѣднемъ случаѣ Макаровъ ошибался.—Слухи

эти, вѣроятно, и были причиною того, что печатавшееся въ это время 2-е изданіе первыхъ 10 листовъ Трутня (они вышли въ концѣ Іюля) Новиковъ посвятилъ Л. А. Нарышкину, человѣку который могъ бы за него вступиться, вслучаѣ надобности.

Упоминаніе въ концѣ письма о 7 знатныхъ боярахъ (стр. 52) сравн. съ именами на стр. 196.

14. *Вѣдомости* (стр. 53 — 58) перепеч. въ 3, 4 и 5 изд. «Живописца» (ч. 2, ст. XI, № 2).

16. *Игрокъ здѣлавшійся писцомъ* (стр. 65). Надо полагать, что въ этой «сказкѣ» заключаются намеки тоже на Вл. Лукина, который въ предисловіи къ «Моту» самъ разсказываетъ, какъ былъ преданъ игрѣ, и описываетъ общество игроковъ.

18. *Хочу васъ увѣдомить* (стр. 76). На стр. 77 (с. 6) упоминается «недавно вышедшая» *трагедія*, которую полезно читать вмѣсто рвотнаго. Единственная трагедія, вышедшая въ 1769 г.—была *Пантея*, Ѳ. Козельскаго, къ которой вѣроятно и относится этотъ отзывъ, тѣмъ болѣе, что и въ 1768 г. тоже не выходило новыхъ трагедій, а вышло только нѣсколько новыхъ изданій прежнихъ трагедій Сумарокова, передъ которымъ Трутень благоговѣлъ. Помѣщенное же далѣе указаніе на 24 и 25 недѣли «*нѣкотораго журнала*» относится къ еженедѣльнику М. Д. Чулкова (+ 1794) «*И то и сe*», въ которомъ напечатаны разсужденія издателя съ портнымъ о вредѣ размноженія журналовъ и указываемая въ Трутнѣ басня о козленкѣ (двѣ дѣвушки удивлялись, что онъ безъ рогъ, а пастухъ отвѣчалъ имъ, что козленокъ еще не былъ женатъ).

19. *Ты охотникъ до вѣдомостей* (стр. 79) перепечатано въ 3, 4 и 5 изд. «Живописца» (ч. 1, ст. III),

съ маленькими измѣненіями. Стр. 80 (с. 31) въ «Жив.» опущены слова: *des délits et des peines*. Стр. 81 (с. 18 — 23) въ Жив., вм. текста Трутня, читается: «не столько *веселится Мотышка, когда отецъ его, смертію своею, оставилъ его властителемъ своихъ сокровищъ, которыя онъ собралъ, разворя бѣдныхъ просителей*, не столько веселится и монахъ» и пр. Далѣе вм. *сослать* (с. 34) въ Жив. *пошлется;* вм. рублевъ (стр. 82) — *рублей*. Стр. 83 (с. 14 — 18), вм. текста Трутня, чит: «что онъ *бываетъ дневальнымъ*», а фразы: «роздаетъ иногда кушанье, да и то непроворно и неопрятно», и черезъ строку: «всѣми чувствами его ненавидѣвшей» — въ Жив. опущены. Точно также не перепечатаны: заключительныя слова: «*на которыхъ прошу*» и пр. и помѣта: «*Москва 1769 году*» (стр. 84).

20. *Надпись къ роще Л. А. Нарышкина* (стр. 85). Л. А. Нарышкину принадлежала мыза *Га! га!* или *Левендаль* на 6 в. отъ Петерб., въ Ораніенбаумскомъ уѣздѣ (см. *Щекатова*, II, 1). Находившаяся тамъ, великолѣпно устроенная роща, съ рѣчкой, ручьями, островками, съ мраморнымъ памятникомъ и пр., подробно описана въ «*Спб. Вѣд.*» (1770 г. № 79) при извѣстіи о бывшемъ тамъ праздникѣ, по случаю посѣщенія мызы Екатериною II, 17 Іюля 1770 г. Памятникъ, поставленный тамъ Нарышкинымъ, былъ мраморный столбъ, съ капителью, съ двуглавымъ орломъ на верху его, и съ надписью на пьедесталѣ: «Сей изъ обрѣтеннаго въ Сибирѣ мрамора сдѣланной и отъ всещедрыя Императрицы Екатерины вторыя въ даръ полученной столбъ въ незабвенный знакъ своея къ Ея Имп. Вел. благодарности на семъ мѣстѣ поставилъ Левъ Нарышкинъ лѣта въ кое Россійскій флотъ при-

былъ въ Морею». Дача, принадлежавшая его брату—Ал—ру Ал. Нарышкину, также была воспѣта стихами въ «Вечерахъ» (1773, ч. 2, стр. 55).

22. *Пламя войны и между сочинителями возгорѣлось* (стр. 87). Письмо это написано *Ѳ. А. Эминымъ* издателемъ «Адской Почты» и буквы поставленныя внизу—Б. К. слѣдуетъ читать: *Бѣсъ Кривой*, отъ имени котораго Эминъ писалъ въ своемъ журналѣ. Письмо указываетъ на полемику, возникшую по поводу спора Правдулюбова съ Вс. Всячиной, отвѣтившей на его замѣтку (л. VIII) очень не деликатно. Задѣтая за живое въ своей узкой морали, Вс. Всячина высказалась вполнѣ. Она напр. стала даже защищать приказныхъ, противъ которыхъ сама прежде ратовала, всѣ вины ихъ клала на *искушенія* отъ просителей; увѣряла, что все зло заключается «въ насъ самихъ» и замѣтила, что долгъ нашъ, какъ христіанъ и какъ согражданъ, велитъ имѣти повѣренность и почтеніе къ установленнымъ для нашего блага правительствамъ, и не поносить ихъ такими поступками и несправедливыми жалобами», далѣе было сказано: «нѣкоторые дурныя шмели на сихъ дняхъ нажужжали мнѣ уши своимъ разговоромъ о мнимомъ неправосудіи судебныхъ мѣстъ. Но наконецъ я догадался, для чего они такъ жужжатъ... (они) поносили людей такихъ, у которыхъ, судя по однимъ качествамъ души, они недостойны разрѣшить ремень сапоговъ ихъ». (Вс. Вс. стр. 226—230). Такія вовсе нелитературныя выходки вызвали горячія возраженія со стороны органовъ тогдашней печати. *Смѣсь* и *Адская Почта* напечатали нѣсколько рѣзкихъ статей противъ Вс. Всячины. Противъ нихъ возстало только «*И то и сѣ*», но нападая на нихъ не оставило въ по-

*

коѣ и Вс. Всячины. Для разъясненія намековъ въ письмѣ Эмина, въ слѣдующемъ затѣмъ отвѣтѣ Новикова и въ стихотвореніи «Задача» перепечатываю весь 28 листъ *И того и сего*. Замѣчу еще что въ «*Рѣшеніи*» задачи (стр. 90) 6-й стихъ оканчивающійся словомъ *чулковъ*, долженъ былъ служить указкою для читателя, что стихи написаны противъ *Чулкова*.

ГОСПОДИНЪ СОЧИНИТЕЛЬ И ТОВО и СЕВО!

Вы, я думаю, извините меня великодушно, что я, не будучи вамъ знакомъ, осмѣлился къ вамъ адресоваться. Нѣсколько дней разсуждалъ я, у котораго бы изъ сочинителей испросить позволеніе къ перепискѣ? въ такомъ намѣреніи, что естьли въ праздное время случится попасться такой мысли, которая пользу или удовольствіе обществу принесть можетъ, не пропустить напрасно. Не познавъ же склонности искать знакомства казалось мнѣ дѣломъ безразсуднымъ; для чего прошедшую недѣлю собравъ всѣ листки еженедельно издаваемые и ежемѣсячно обѣщанные, и прилагалъ всевозможное стараніе по свойству сочиненій, составить хотя малое понятіе о качествахъ сочинителей нашихъ. Признаюсь вамъ чистосердечно, что прежде нежели прочолъ сочиненіе каждаго, не на васъ упалъ мой жребій. Древность почитать всѣмъ намъ свойственно; почему Всякая Всячина, какъ праматерь, овладѣла было моимъ желаніемъ, но забылъ, что старость имѣетъ свои слабости, и что съ уменшеніемъ тѣлесныхъ силъ, ослабѣваютъ вмѣстѣ и душевныя дарованія. Приведя сіе на мысль, разсудилъ я прежде прочесть послѣдній листокъ ее сочиненій. Но какъ я удивился увидя ее начинающею учиться лягушачья языка! съ крайнимъ сожалѣніемъ сердца познавъ сіе ея состояніе, Боже мой! сказалъ я тогда съ внутреннимъ соболѣзнованіемъ: вотъ какъ тебѣ угодно было въ свѣтъ произвести человѣка. Чрезъ нѣсколько лѣтъ и я Всякой Всячинѣ подобенъ буду, потерявши то, что украшаетъ человѣчество, возненавижу можетъ быть и я такъ же людей, какъ она возненавидѣла, и буду стараться искать тѣхъ совершенствъ въ презрѣнныхъ тва-

рахъ, которые тебѣ угодно было дать избраннѣйшей. Сего уже довольно было перемѣнить мое намѣреніе, и отъ старости ослабѣвающій разумъ оставить въ покоѣ.

Потомъ попалось мнѣ въ руки сочиненіе Господина Трутня. Сей человѣкъ показался мнѣ, что онъ объявилъ себя непріятелемъ всего рода человѣческаго. Тутъ кромѣ язвительныхъ браней и ругательства, я не нашолъ ничево доброва; для чево послалъ я къ одному моему пріятелю попросить еще нѣсколько листковъ ево же журнала: но что я увидѣлъ? тутъ грубость и злонравіе въ наивысочайшемъ блистали совершенствѣ; ево вѣдомости сплетены были изъ ругательства и поношенія ближнимъ, и естьлибъ ему вѣрить, то бы надлежало возъимѣть совершенное отъ всѣхъ людей отвращеніе; но я подумалъ, что и онъ человѣкъ же, и что можетъ быть пороки, которыми язвитъ другихъ, ему еще болѣе всѣхъ свойственны; и какъ онъ описалъ себя весьма празднымъ, то сіе наипаче утвердило меня въ семъ мнѣніи, поколику праздность есть кормилица пороковъ, въ нѣжныхъ которой объятіяхъ созрѣваютъ сіи благословенные плоды весма поспѣшнѣй, нежели подъ тернісмъ трудолюбія; то сіе разсужденіе принудило меня возъимѣть противное мыслямъ ево о немъ заключеніе. Будучи же всегдашній другъ общества, въ числѣ которыхъ полагая и самого себя, не могъ согласиться съ имъ, чтобъ услаждаться другихъ поношеніемъ. Адская почта, хотя наименованіемъ своимъ меня и не устрашаетъ; но какъ она весьма нова и имѣетъ нѣкоторые еще не вразумительные намѣренія, почему о ней ни какова заключенія здѣлать не возможно; притомъ же я съ самаго младенчества къ духамъ адскимъ толикое получилъ омерзѣніе, что не только переписки съ ними, но и полученіе писемъ чрезъ курьера сего рода, мнѣ не нравится; и для того ее оставляю.

Наконецъ читая изданіе ваше, удовольствовалъ мое желаніе. Оно показалось мнѣ самымъ невиннымъ упражненіемъ, приносящимъ иногда ползу, иногда увеселеніе. Я не примѣтилъ въ немъ ни грубости ни невѣжества, ни такъ же язвительной критики. Сіе привело меня возъимѣть къ вамъ особливое почтеніе и просить позволенія о перепискѣ съ вами, хотя вамъ переписка съ не ученымъ и не принесетъ

великой славы, но вы можете изъ сего составить нѣкоторую себѣ честь, подавши способъ разсуждать человѣку, исправляя ево погрѣшности; а наипаче умножите возъимѣвшее къ вамъ почтеніе.

Искренняго Вашего слуга.
Д. П.

* * *

Отвѣтъ

Имѣть съ вами переписку отъ всего моего сердца желаю, но притомъ прошу имѣть къ намъ снисхожденіе, ибо мы не Цицероны, но и въ томъ находятся погрѣшности, слѣдовательно извиненія вашего мы не недостойны.

* * *

Азъ
Не безъ глазъ
Смотрѣти я умѣю
И что на пользу мнѣ конечно разумѣю.
Болванъ и дерево единыя природы
И вышли ужъ они давно у насъ изъ моды
А прежде имъ во храмахъ покланялись
И ихъ боялись
Невѣжи въ старину почтеніе имѣли
Писати не умѣли
Однако за сукномъ за краснымъ тѣ сидѣли,
И всѣ дѣла рѣшили какъ хотѣли;
Но нынѣ ужъ не такъ!
Мы видимъ изъ дали кто глупъ и кто дуракъ.
На чемъ стоитъ земля мы ето разумѣемъ
И многоль на ней
Людей
Хотя перещитать сево мы не умѣемъ
Однако положить число мы онымъ смѣемъ
А сколько дураковъ
Вопросъ таковъ
И я одинъ рѣшу
И противъ формы въ томъ ни чуть не погрѣшу
А какъ?
Вотъ такъ.

Кто думаетъ, что онъ умнѣе всѣхъ людей
За тѣмъ, что выше всѣхъ взбиваетъ лишь тупей,
Дуракъ.
Кто думаетъ о томъ, чтобъ модно нарядиться,
И въ платьѣ такъ, какъ бѣсъ предъ завтреней вертится,
Дуракъ.
Кто отъ роду нигдѣ лѣнясь не работаетъ
Но только живучи на свѣтѣ семъ мотаетъ,
Дуракъ.
Кто льститъ другимъ въ глаза, а за очи бранитъ
И ближнему сплести погибель наровитъ,
Дуракъ.
Кто праотцевъ своихъ сатирами поноситъ
И похвалы себѣ отъ всѣхъ за ето проситъ,
Дуракъ.
Кто цыфровъ не училъ, но лѣтописи строитъ
И Волгою брега Санктпетербургски моитъ,
Дуракъ.
Кто взялся написать исторію безъ смысла
И ставитъ тутъ Неву, гдѣ протекаетъ Висла,
Дуракъ.
Кто объ Египтянахъ намъ тщится предлагать,
А самъ онъ о себѣ не знаетъ какъ сказать,
Дуракъ.
Кто умнымъ никогда писателямъ невѣритъ,
И думаетъ сама въ нихъ правда лицемѣритъ,
Дуракъ.
Кто взапуски писать примается съ Волтеромъ
И думаетъ тому въ писмѣ онъ бить примѣромъ,
Дуракъ.
Кто думаетъ себя хвалой превознести
За то, что онъ умѣлъ Романа съ три сплести,
Дуракъ.
Кто разума въ себѣ ни смысла не имѣетъ,
Но важныя писать исторіи онъ смѣетъ,
Дуракъ.
Кто глупости своей даетъ и злости волю
Зоилову во всемъ наслѣдовалъ онъ долю,
Дуракъ.

Кто всѣхъ безъ выбору согражданов ругаетъ,
И только одново себя лишь почитаетъ,
Дуракъ.
Кто много черезъ чуръ, или слишкомъ написалъ;
Однакъ ругать людей нигдѣ не пропускалъ,
Дуракъ.
Кто мертвымъ и живымъ покоя не даетъ,
И думаетъ предъ ними виновенъ весь сей свѣтъ,
Дуракъ.
Кто миръ и тишину и дружбу ненавидитъ
И безъ причины онъ другихъ людей обидитъ,
Дуракъ.
Кто ближняго злодѣй и врагъ себѣ конечно
Безмозглой человѣкъ, скажу чистосердечно,
Дуракъ.
Конечно такъ
То подтвердитъ и всякъ.
А я еще къ тому въ добавокъ прибавляю,
Что глупости во ослѣ не столько обрѣтаю
Колико въ сихъ людяхъ именованныхъ мною
Которы не даютъ въ сей жизни намъ покою.

24. *Племяннику моему Ивану* (стр. 91) перепечатано въ 3, 4 и 5 изд. «Живописца» (ч, I ст. XV) вслѣдъ за первымъ письмомъ къ племяннику (стр. 13). Надо думать, что и это второе письмо принадлежитъ Мих. Попову; а такъ какъ оба письма по направленію, по духу и даже по манерѣ выраженія и по нѣкоторымъ оборотамъ очень сходны съ письмами *родныхъ къ Θалалею*, помѣщенными въ Живописцѣ 1772—1773 гг., то можно не безъ основанія предположить, что и тѣ письма сочинены Мих. Поповымъ. Подтвержденіемъ этого предположенія можетъ служить еще и то, что письма родныхъ Θалалея и оба письма къ племяннику Ивану — въ 3, 4 и 5 изд. Живописца собраны особо и помѣщены рядомъ.

Въ одномъ изъ экземпляровъ 3-го изд. «Живописца» въ послѣднемъ письмѣ встрѣтилось мнѣ двѣ приписки, сдѣланныя старинным почеркомъ: 1) на стр. 94 (с. 2 снизу) по нынѣшнему изданію «Трутня» : «какъ и изъ чего созданъ міръ (приписано:) *и кто создалъ міръ? да еще и на какой конецъ? вотъ прекрасно! совсѣмъ съ ума сошли!*» и 2) на стр. 95 (с. 14) «что ее называютъ (приписано:) *какой-то Катихизисъ*», т. е. вѣроятно приписывавшій имѣлъ ввиду катихизисъ свободно-каменщическій.

25 и 31. *Вѣдомости* (стр. 97 — 102 и 109 — 141)— перепечатаны въ 3, 4 и 5 изд. «Живописца» (ч. 2, ст. XI, № 3), но не всѣ; а нѣкоторыя изъ перепечатанныхъ въ 3 и 4 изд. исключены изъ 5-го. Въ «Живописцѣ» порядокъ такой: *Изъ л. XVII:* 1) Изъ большой улицы, 2) съ парнасса, 3) оттудажъ, 4) изъ Москвы. *Изъ л. XVI:* 5) оттуду же, 6) изъ Коширы, 7) изъ Кронштата. *Изъ л. XVII:* 8) Миловида, 9) нѣкоторый стихотворецъ. *Изъ л. XVI:* 10) Себелюбъ. *Изъ л. XVII:* 11) издателю Трутня. *Изъ л. XVI:* 12) нѣкот. судьѣ, 13) недавно пожалованный прокуроръ. *Изъ л. XVII:* 14) плоды невѣжества. *Изъ л. XVI:* 15) у г. Искушателева, 16) Обманъ, 17) въ тайномъ г. волокитъ, 18) наставленіе о добр. жизни. *Изъ л. XVII:* 18) троекратно, 20) профессоръ, 21) Chicaneau, 22) отст. канцеляристъ, 23) Fripon.

Изъ большой садовой (стр. 97) не перепечатано въ «Жив.» Замѣтимъ кстати, что упоминаемый здѣсь *Стозмый* вѣроятно — какая нибудь извѣстная, однажды такъ обозванная личность, какъ *Лохмоцкій* или *Заносенгеймъ* нынѣшней «Искры». Въ этомъ можно убѣдиться тѣмъ, что и въ другомъ еженедѣльникѣ (*Смѣсь*)

встрѣчается это имя при описаніи господина тѣхъ же самыхъ качествъ; а также и тѣмъ, что при перепечаткѣ въ «Живописцѣ» тѣхъ статей Трутня, гдѣ говорится о *Стозмѣѣ*, имя это во всѣхъ перепечаткахъ исключено, тогда какъ другія имена остались.

Изъ 1 россійской арміи (стр. 98) въ «Жив.» не перепечатано.

Изъ Москвы (стр. 99) и *Изъ Кронштата* (стр. 100) перепечатаны въ 3 и 4 изд. «Живописца», а изъ 5 исключены.

28. *Издатель! многіе глупцы* (стр. 105). Въ 5 стихѣ упомянуты «*Разумной Вертопрахъ*» Вл. Лукина и «*Пантея*» Ѳ. Козельскаго. Оба эти писателя сопоставлены и въ «Смѣси», въ разговорѣ издателя съ Меркуріемъ (стр. 163 — 4). На стр. 106, ст. 14 чит. «*Лукинъ* съ своимъ» и пр. Далѣе *а!* и *какъ ли ни!* выраженія Лукина. *Ѳ. Козельскій* былъ плохой писатель того времени. Кромѣ траг. «Пантея», онъ еще напечаталъ поэму «*Незлобивая жизнь*», нѣсколько одъ и элегій. Соч. его изданы въ Пб. въ 1778 г. (2 части); очень краткія свѣдѣнія о немъ сообщены въ «Опытѣ» Новикова (стр. 190) и въ «Словарѣ» м. Евгенія (1845, ч. 1, стр. 295).

29. *Чортъ меня дернулъ* (стр. 107). Письмо это написано *Алек. Онисим. Аблесимовымъ*, тогда еще не пріобрѣтшимъ извѣстности, которою пользовался послѣ своего «Мельника,» принятаго съ общимъ энтузіазмомъ, что однако не помѣшало автору умереть въ крайней бѣдности экзекуторомъ при московской полиціи (1783). *Сказки*, о которыхъ помѣщено объявленіе вслѣдъ за письмомъ, были почти всѣ перепечатаны Аблесимовымъ, съ исправленіями и измѣненіями, въ его еженедѣльномъ сатирическомъ изданіи: «*Разжащикъ забавныхъ басенъ,*

служащихъ къ чтенію, въ скучное время; или когда кому дѣлать нѣчево. Стихами и прозой» (Въ Москвѣ. Въ Унив. Тип. у Н. Новикова. 1781), который Новиковъ, вообще помогавшій А—ву, печаталъ на свой счетъ. Поэтому М. Евгеній и Сопиковъ неосновательно указываютъ 2-е изданіе «сказокъ» въ 1780 и 1787 г., а Сопиковъ произвольно называетъ ихъ «*баснями*» (№ 2130 и 2131), не упоминая вовсе объ изданіи 1769 г. Первые свои опыты Аблесимовъ помѣщалъ въ *Трудолюбивой пчелѣ* (1759) Сумарокова (*).

31. *Вѣдомости. Изъ большей улицы* и *Съ парнаса* (стр. 109) перепечат. въ 3, 4 и 5 изд. Живописца. Подъ буквою *С.* подразумѣвается Сумароковъ, которому тогда сплетали преувеличенныя хвалы, въ особенности Новиковъ, сохранившій до конца дней благоговѣніе къ памяти Сумарокова, собравшій и издавшій (два раза) его сочиненія. Далѣе (на стр. 110), вѣроятно рѣчь идетъ о *Бригадирѣ* Фонъ-Визина, напечатанномъ около 1765 г. (См. «Замѣтку о времени появленія комедіи Фонъ-Визина: Бригадиръ» *М. Н. Лонгинова*. Библ. Зап. 1858 № 24).

Отпудажъ (стр. 110). Пегасъ подавалъ въ отставку, вѣроятно, по слѣд. случаю. Въ 1769 г. вышла книжка стихотвореній *Мих. Матв. Хераскова* (1733—1807): «Философическія оды или пѣсни Михайла Хераскова», на заглавномъ листѣ которой былъ изображенъ летящій пегасъ. Не признавая за Хер. поэтическаго таланта, надъ этою виньеткою поглумилась и *Смѣсь*, говоря, что пегасъ сшибъ съ себя писателя (стр. 164).

(*) Объ Аблесимовѣ см. «Опытъ» Новикова (стр. 1), «Драмат. Словарь» 1787 (стр. 77), «Словарь м. Евгенія (1845, ч. 1), ст. *Макарова* въ «Репертуарѣ» 1841 г. (кн. 12) и замѣтку *Н. Тихонравова* въ «Лѣтоп. рус. лит.» 1859 г. (кн. 2).

Изъ Москвы перепечатано въ 3 и 4 изданіяхъ. «Живописца», а изъ 5-го изданія статейка эта исключена. Книга, о которой въ ней идетъ рѣчь, переведена, княземъ Ант. Дм. Кантеміромъ (1708 — 1744): «*Разговоры о множествѣ міровъ*, соч. г. Фонтенелла, перевелъ съ франц. и потребными примѣч. изъяснилъ кн. Антіохъ Кантемиръ въ 1730 году; съ виньетами. Спб. 1740, in. 4°. Второе изданіе вышло въ 1761 г. и третье въ 1799 г. Другой переводъ сдѣланъ княжной А. П. Трубецкой и напечатанъ въ Москвѣ въ 1802 г. Изъ слѣдующихъ статеекъ «Вѣдомостей», (стр. 112—114), перепечатанныхъ въ «Живописцѣ», были исключены изъ 5-го изданія: «*Миловида камърена*». (112), и «*Отставной канцелярист*ъ» (113).—*Нѣкоторый стихотворецъ* (стр. 112), вѣроятно, намекаетъ на Вл. Лукина, а первая статья «Подрядовъ» (стр. 112)—на обстоятельства издателя. Видно, что «придирки» Всякой Всячины произвели ожидаемое дѣйствіе и Новиковъ убѣдился, что просто ничего неподѣлаешь (ср. стр. 301) (*).

(*) Кстати, по поводу *Всякой Всячины*, замѣтимъ, какъ осторожно надо полагаться на «литературныя преданія» и разныя «анекдотическія» сказанія вродѣ М. Н. Макарова. Въ *Московскомъ Городскомъ Листкѣ* 1847 г. при статьѣ Н. И. Билевича *о Новиковѣ* (поверхностной и преисполненной ошибками) было сдѣлано такого рода примѣчаніе, по поводу нападокъ Вс. Всячины на Трутня: «На конюшнѣ царской было нѣсколько ословъ; уходъ за ними былъ порученъ кучеру императрицы; однажды разгнѣванная *глупою и непозволительною статьею, напечатанною во Всякой Всячинѣ*, она приказала генералу Бекленишеву отыскать въ тотъ же день сочинителя этой статьи, а сама выѣхала въ саняхъ прогуливаться. На вопросъ, сдѣланный ею кучеру: «а что твои ослы?» тотъ отвѣчалъ: «да ничего путнаго не дѣлаютъ, а такъ себѣ всякую всячину.» Это развеселило императрицу; она возвратилась во дворецъ и приказала оставить сочинителя въ покоѣ, прибавивши: «мнѣ сказалъ мой кучеръ, что всякой всячиной занимаются ослы». (М. Г. Л. 1847 № 46). Этотъ анекдотъ въ свое время такъ понра-

Извѣстіе (стр. 114). Въ этомъ листкѣ, отъ 25 августа, въ первый разъ объявлено о выходѣ 2-го изд. Трутня, а между тѣмъ оно вышло (первые 10 л.) гораздо раньше и объявленіе объ этомъ напечатано было въ Спб. Вѣд. еще 28 Іюля (№ 60).

33. *Нѣкогда читалъ* (стр. 121). Письмо написано противъ Всякой Всячины. Это видно изъ разсказа о передавленныхъ пирогахъ и пр., напоминающаго веселенькій юморъ Всякой Всячины, изъ указаній на насмѣшки ея надъ Тредьяковскимъ (стр. 123), на претензіи въ наставничествѣ молодежи во «всемирномъ возглашательствѣ добродѣтели» и пр.

34. *По сіе время* (стр. 124)—служитъ какъ бы продолженіемъ и поясненіемъ предыдущаго письма. Эта замѣтка принадлежитъ, вѣроятно, самому Новикову или Аблесимову, ибо въ «Разкащикѣ» Аблесимова, печатанномъ Новиковымъ, встрѣчается тотъ же псевдонимъ *Огорченной*. Наивно замѣчаніе, что писать сатиру на нѣкоторыхъ людей Новиковъ считаетъ возможнымъ, только «справясь съ силами тѣлесными.» Видно и тогда было тоже, что и теперь.

35. *Скажите за что вы бранитеся* (стр. 125) Это письмо, мнѣ кажется, не настоящее, а написано самимъ Новиковымъ по поводу разныхъ толковъ. Оно еще болѣе переноситъ насъ къ современности: тѣже возгласы о неприличіи полемики, тоже тайное злорадство по этому поводу, какъ и у нѣкоторыхъ теперешнихъ изданій. Подпись письма сравните съ текстомъ стр. 48-й: что

вился, что его перепечатали въ «Спб. Полицейскихъ Вѣд.» (№ 54) и въ «Русскомъ Инвалидѣ» (№ 56), а *Ѳадей Булгаринъ*, тоже занимавшійся *всякой всячиной*, даже обидѣлся и написалъ возраженіе (Сѣв. Пчела N 63). Оказывается теперь, что анекдотъ, этотъ — вымыселъ; ибо императрицѣ было хорошо извѣстно, кто издаетъ Всякую Всячину.

тамъ въ разсужденіи, то здѣсь въ подписи. (Ср. также стр. 136).

36. *Надгробная Ломоносову* (стр. 126). Высоко цѣня Ломоносова, Новиковъ однакоже ставилъ его постоянно *послѣ* Сумарокова.

40. *Стихи А. А. Беклешову* (стр. 133) Это стихотвореніе В. И. Майкова (1725—1778) перепечатано въ собраніи его сочиненій, вышедшемъ въ Спб. въ 1809 г. (см. стр. 293). О смерти подполковника *Арс. Андр. Беклешова* см. въ «Спб. Вѣд.» 1769 г. № 74. Алекс. Андр. Беклешовъ (1743—1808) самъ участвовалъ въ морскомъ походѣ гр. Орлова. Замѣчательно, что при имп. Павлѣ, съ 1796 по 1800 г., онъ былъ пожалованъ генералъ-лейт., потомъ ген. отъ инфантеріи, переименованъ въ д. тайн. сов., потомъ опять въ ген. отъ инф., причисленъ къ свитѣ, сдѣланъ сенаторомъ, генералъ прокуроромъ, получилъ орденъ Іоанна Іерусалимскаго, былъ военнымъ губернаторомъ въ Каменцѣ, въ Кіевѣ; Малороссійскимъ ген. губ.; шефомъ разныхъ полковъ и пр. и пр., а въ 1800 г. вовсе уволенъ отъ службы. Имп. Александръ 1 возвратилъ ему должность ген. прокурора, и потомъ съ 1804 по 1806 г. онъ былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ.

41. *Стихи примъ(ье)ръ маіору Бибикову* (стр. 134) въ изданіи сочиненій В. Майкова не перепечатаны.

45. *Рецепты* (стр. 139). Въ рядѣ статеекъ, собранныхъ подъ этимъ названіемъ, особенно укажемъ рецепты: *для г. Недоума* (139) и *для г. Безразсуда* (147). Всѣ «рецепты», за исключеніемъ № 48 перепечатаны въ 3, 4 и 5 изд. «Живописца» (ч. 1, ст. XVI), а рец. «для г. Недоума», кромѣ того, въ «Исторической Христоматіи» г. Галахова (Спб. 1861, ч. 1, стр. 331—332).

Для г. Недоума (стр. 139). На стр. 140, (с. 26—28) въ фразѣ: «которыя многими ради хорошихъ и отмѣнныхъ мыслей были *похваляемы, а многими были* опорочены» подчеркнутое—во всѣхъ изд. «Живописца» пропущено, по недосмотру.

46. *Для нѣкотораго судьи* (стр. 142) строки 17—20 въ «Живописцѣ» перепечатаны такъ: «бѣги праздности, *лѣности и самолюбія, они враги суть* чести.» Въ 24 стр. въ «Трутнѣ» была опечатка: «*истинны* сынъ», исправленная мною по «Живописцу».

48. *Г. Самолюбъ* (стр. 142) намекъ на Вл. Лукина; а г. С. означаетъ Сумарокова. Въ «Жив.» не перепечатано.

49 *Начеркалъ* (стр. 144)—тоже относится къ Лукину и самое имя намекаетъ на употребленныя имъ о себѣ выраженія: *начеркать, начеркалъ* и т. п. (Предисл. къ «Пустомелѣ» ч. 1, стр. 151, и «Письмо къ Ельчанинову» ч. 1, стр. 145). Въ рецептѣ дѣло идетъ о «*Мотѣ любовію исправленномъ*», котораго считали выкраденнымъ Лукинымъ изъ комедіи Детуша. «Le dissipateur».— Въ «Жив.» вм. авторами—*писателями* (строка 12).

53. *Для г. Безразсуда* (стр. 147). Въ Жив. вмѣсто: «преобращающаго» (стр. 149, с. 1)—*преобращимъ* въ 3 и 4 изд., а въ 5-мъ: *преобращшимъ*.

Извѣстіе (стр. 150). Часто встрѣчающіяся въ «Трутнѣ» объявленія о книгахъ Мих. Попова, какъ здѣсь: «Описаніе древняго слав. языч. баснословія», такъ и въ другихъ мѣстахъ: «Собраніе пѣсенъ» (стр. 278), «Славянскія древности» (стр. 308), и др. отчасти подтверждаютъ мнѣніе, что Мих. Поповъ былъ однимъ изъ близкихъ лицъ къ издателю и принималъ дѣятельное участіе въ «Трутнѣ» и потомъ въ «Живописцѣ».

55. *Я увѣренъ* (стр. 151). Это послѣднее письмо *Правдолюбова*. Новиковъ, который въ началѣ сочувственно относился къ этому сотруднику (стр. 46) и высоко цѣнилъ его замѣтки, на слѣдующее послѣ этого письма отвѣтилъ отказомъ въ напечатаніи (стр. 260). Времена были уже не тѣ.

56. *При нынѣшнемъ рекрутскомъ наборѣ* (стр. 155). Приписокъ, подобныхъ помѣщенной въ концѣ этого письма, Новиковъ прежде не дѣлывалъ.

59. *Копія съ отписки* (стр. 158) эта статья и продолженіе ея (на страницѣ 181) принадлежатъ къ лучшимъ замѣткамъ Трутня. Напомнимъ, что все, въ нихъ написанное, сказано было задолго до Радищева. Объ *отписки* и *господскій указъ*—перепечатаны въ 3, 4 и 5 изд. «Живописца» (ч. 1, ст. XVIII) безъ измѣненій, съ замѣною только на стр. 161 (ст. 26) слова «пяти» словомъ *десяти* и съ пропускомъ подписи N. B. (стр. 186). Въ текстѣ моего изд. «Трутня» опечатка на стр. 184 (с. 5); надо: *пятьдесятъ*, а не пьтьдесятъ.

61. *Первая моя сосѣдка* (стр. 163). Въ 3, 4 и 5 изд. «Живописца» статьи 61—67 перепечатаны не сподрядъ, а за каждою статейкой слѣдуютъ и соотвѣтствующіе ей рецепты, которые въ «Трутнѣ» напечатаны отдѣльно въ раздѣленіи 68. При этомъ для *Злорада* (стр. 167) прописано «5 золотниковъ любви къ ближнему», вмѣсто *двухъ* «Трутня».

69. *Смѣющійся Демокритъ* (стр. 169). Его не должно смѣшивать съ книгой, вышедшей въ томъ же году, подъ заглавіемъ: «Смѣющійся Демокритъ, или поле честныхъ увеселеній съ поруганіемъ меланхоліи. Переведено съ латинскаго языка.» (Печатано при Тип. Моск. Университета, 1769 года. in 8^0, стр. 2 нен., 169 и

2). Въ книгѣ этой собраны *забавные* анекдоты во вкусѣ Кузьмы Пруткова.—«Смѣющ. Демокритъ» перепечатанъ въ 3, 4 и 5 изд. Живописца (ч. 1 ст. XVII), а статьи: 1, 2, 3, 6, 7, 9 и 11 еще и въ «Историч. Христ.» г. Галахова (ч. 1 стр. 333—334).

Вар. Стр. 172 (с. 1)—*ирония* въ Жив.; стр. 173 (с. 18) —«*будто тому въритъ и*» пропущено въ Живописцѣ.

70. *Я вамъ знакомъ* (стр. 175). Письмо Ал. Он. Аблесимова. *Азазезъ Азазезовъ*—отъ *Азъ* (Александръ), *Азъ* (Аблесимовъ). Письмо это замѣчательно по проводимому взгляду о необходимости и о пользѣ только *личной* сатиры, а не отвлеченныхъ словоизверженій. Это же говорилъ и Правдулюбовъ (стр. 151—155). Письмо Аблесимова, равно и указанное выше, а также всѣ его «Были» (стр. 177, 180, 190, 250, 251 и 262) не вошли въ Смирдинское изданіе сочиненій Аблесимова (1849). Въ это изданіе не внесено также ничего и изъ еженедѣльника «Разскащикъ» (1781), почти исключительно составленнаго изъ статей и стиховъ Аблесимова.

80. *За что вы прогнѣвались* (стр. 191). Замѣтка эта показываетъ, что «Трутень» выходилъ вовсе не такъ аккуратно, какъ можно бы заключить по его «листкамъ», помѣченнымъ числами мѣсяца, ровно черезъ недѣлю каждый.

81. *Разговоръ* (стр. 193). Выставленныя на стр. 196 восемь буквъ, означающихъ фамиліи «добродѣтельныхъ господъ» (ср. стр. 52, гдѣ было только 7), вѣроятно, указываютъ: Орлова, Панина, Нарышкина, Салтыкова, Васильчикова, Шереметева, Безбородко и Всеволодскаго. Послѣдній (восьмой), можетъ быть, прибавленъ къ прежнимъ 7 только по личнымъ отношеніямъ къ Новикову, посвятившему ему и «Трутень» 1770 года.

82. *См. Демокритъ* (стр. 199). При перепечаткѣ въ Живописцѣ пропущены слова: «*Она прекрасна и любовникъ нашъ впдѣлъ ее одинъ разъ и съ нею говорилъ*» (стр. 204, с. 6—8), а въ 21 строкѣ вм. «вѣрить не могу», въ Живописцѣ: «вѣрить *вамъ* не могу».

84. *Вчерась я по обыкновенію* (стр. 206)—одна изъ лебединыхъ пѣсней прежняго «Трутня».

85. *Каковы мои читатели* (стр. 211). Интересны: Безразсудъ (212), Лицемѣръ (216) и въ особенности Злорадъ (218).

Къ 1770 году.

Посвященіе Вс. Ал. Всеволодскому (стр. 223). О Всев. я ничего не могъ найти, кромѣ титуловъ и орденовъ, указанныхъ въ посвященіи, о коихъ упоминаетъ и Бантышъ-Каменскій въ *Историческомъ собраніи списковъ кавалерамъ 4 росс. имп. орденовъ* (Спб. 1814): «Вс. Ал. Всеволожскій—тайный сов., сенаторъ и камергеръ», кавалеръ орденовъ св. Анны 1 ст. и св. Александра Невскаго—и только (см. стр. 239 и 308).

1. *Въ новой годъ* (стр. 227). Опечатки и недосмотры этой и слѣдующихъ статей, допущенные въ 1-мъ изданіи, исправлены мною по 2-му изд.; напр. въ 1-мъ было «*попупаютъ*» (стр. 227, с. 28), «*издѣвать*» вм. «извѣдывать» (стр. 228, с. 1), «*благороднаго* человѣка» вм. «благодарнаго» (стр. 223, с. 6) и мн. др.

10. *Пѣсня* (стр. 245). Вѣроятно М. Попова, ибо та пѣсня, на голосъ которой она написана («Достигнувши тобою»), помѣщена въ «*Досугахъ*» (ч. 1, стр. 62).

15. *Извѣстіе* (стр. 254). Въ «Чистосердечномъ признаніи» Д. И. Фонъ-Визинъ пишетъ: «Я пріѣхалъ въ Пб. и привезъ съ собой «Бригадира» и «Іосифа» (изд.

1852, стр. 514).—«Іосифъ», какъ видно изъ Трутня, напечатанъ въ 1769 г. Не въ этомъ ли году изданъ и «Бригадиръ», о печатаніи котораго нѣтъ никакихъ извѣстій. Это отчасти можно заключить изъ указанія на новую комедію, приводимаго на стр. 110 Трутня.

22. *Нужда заставила* (стр. 273). Упоминаніе о проигрышѣ въ 4000 р. (стр. 274) имѣетъ какое нибудь современное значеніе, ибо объ этомъ упоминается вторично уже въ стихахъ (стр. 286).

24. *Письмо т. Просящего* (стр. 277). Стихи на стр. 278 взяты изъ «*Епистолы*» Сумарокова «*О стихотворствѣ*» (соч. С. изд. 1787, ч. 1, стр. 336 и 344).

Извѣстія. «Исторія Донъ-Кишота Ла-Манчскаго», вышедшая въ 1769 г., переведена Ос. Никол. *Осиповымъ* (1751—1799). М. Евгеній относитъ изданіе этого перевода къ 1791 г. Потомъ, въ 1804—6 гг., былъ изданъ переводъ *В. А. Жуковскаго* (въ 6 частяхъ) съ Флоріановой передѣлки; настоящаго же перевода *Донъ-Кихота*, къ стыду нашему, до сихъ поръ у насъ нѣтъ. Переводъ *К. П. Масальскаго* (1802—1861) остановился на первомъ томѣ, изданномъ въ 1838 г.

27. *Надгробная надпись Ломоносову* (стр. 280). Памятникъ на могилѣ М. В. Ломоносова (1711—1765) сдѣланъ въ Ливорно изъ бѣлаго каррарскаго мрамора на счетъ гр. Мих. Лар. Воронцова (1714—1767); надпись сочинена Штелинымъ. Она перепечатана была въ «Опытѣ» Новикова (стр. 123—126), въ изданіи: «Слова похвальнаго М. В. Л—ву» Василья Севергина (Спб. 1805), и въ «Словарѣ» М. Евгенія (М. 1845); а въ послѣднее время—въ «Иллюстрированной Газетѣ» (1865 г. № 14), гдѣ помѣщено и изображеніе самаго памятни-

*

ка. Онъ былъ совершенно пополненъ въ 1836 г. кн. Мих. Сем. Воронцовымъ (1782—1856).

33. *Обстоятельства мои непозволили* (стр. 289). *Смѣсь* одинъ изъ лучшихъ еженедѣльниковъ 1769 г., близко подходящій къ Трутню и даже едва ли не болѣе его интересный. Изданіе *Смѣси* приписывали Новикову, но не говоря о различіи въ складѣ сатиры, въ самомъ слогѣ и пр., странно предположить, чтобъ въ одно время Новиковъ вздумалъ издавать два журнала. Кромѣ того изъ объявленій въ Пб. Вѣд. о выходѣ «листовъ» Трутня и Смѣси видно, что издатели ничего не имѣли общаго. Во 2 изд. «Трутня» (5—6 строка) напечатано: «къ *писавшей оное* ко мнѣ», вм. «къ писавшему».

34. *Письмо Любоправдовой* (стр. 290) или для шутки сочинено самимъ издателемъ *Смѣси*, или авторомъ его было какое нибудь лицо, хорошо извѣстное и издателю *Смѣси* и издателю *Трутня*, ибо иначе нельзя объяснить ни отвѣтовъ ни стиховъ на стр. 291 и 307.

39. *Есть люди* (стр. 300). Замѣчательно это письмо, какъ характеристика всего «Трутня» 1770 г., и особенно замѣчательны стихи, помѣщенные въ концѣ письма на стр. 301; отвѣтъ же Новикова (№ 40) довольно загадоченъ.

43. *Я ужесть какъ на тебя зла* (стр. 304). М. Н. Макаровъ, говоря объ участіи кн. Е. Р. Дашковой въ «Трутнѣ» (От. З. 1839), вѣроятно имѣлъ ввиду это письмо, преизобилующее буквою *а* вмѣсто *о*, ибо какъ извѣстно Дашкова даже свою фамилію не писала правильно и всегда подписывалась: «Дашкава». Я, напротивъ, полагаю, что письмо № 43 сочинилъ самъ Новиковъ и остроумно на оное отвѣтствовалъ (см. № 44).

Въ этомъ отвѣтѣ остается необъяснимымъ: на какую женщину былъ взбѣшенъ Новиковъ (стр. 306) и замѣчательно полнѣйшее отрицаніе какой бы то ни было солидарности «Трутня» съ «Всякой Всячиной» (стр. 307), которая всѣмъ еженедѣльникамъ 1769 г. сама навязывалась въ родство, называя себя ихъ «прабабкою». Лучшіе изъ еженедѣльниковъ (напр. Трутень и Смѣсь), съ своей стороны, съ негодованіемъ отрицали такія родственныя притязанія.

44. *Утѣшеніе г. Любоправдовой* и *На день рожденія красавицы NN* (стр. 307)—мнѣ кажется, нарочно поставлены рядомъ и соединены подъ однимъ нумеромъ. Видимо хвалы послѣдней особѣ преувеличены, чтобъ уязвить г-жу *Любоправдову* и *Молодую сочинительницу*. По отношеніямъ Новикова къ Льву Александр. Нарышкину, я полагаю, что стихи «На день рожденія красавицы» писаны къ Аннѣ Никитишнѣ Нарышкиной (дочери ген.-маіора Ник. Ив. Румянцова), женѣ Александра Александр. Нарышкина. Въ «Запискахъ о пребываніи имп. Екатерины II въ Кіевѣ въ 1787 г.» (С. От. 1843 № 3) подъ 21 марта означено, что была послана лента ордена Святой Екатерины «супругѣ Алекс. Ал. Нарышкина въ С. Петербургъ съ нарочнымъ курьеромъ» (стр. 17). Эта Нарышкина значится въ «Пансалвинѣ» подъ именемъ «*Неаны*».

46, 47, 48. *Письма и отвѣты* (стр. 309—311) окончательно разъясняютъ причину паденія «Трутня».

49. *Скрыли свое сердце* (стр. 312). Письмо это непремѣнно отъ одного изъ издателей *Вс. Всячины*. Не даромъ Новиковъ такъ сухо отвѣчаетъ на это полное сарказма предупрежденіе о близкомъ прекращеніи и его листка; не даромъ онъ прибавляетъ: «Впрочемъ *много милости*»...

50. *Письмо издателя «Моднаго сочиненія» и отвѣтъ* (стр. 312—313). Прежде предполагали, что это письмо писано *В. И. Майковымъ*, ибо ему постоянно приписывали изданіе подобнаго же журнала: «*Модное ежемѣсячное изданіе, или библіотека для дамскаго туалета*». Журналъ этотъ выходилъ въ 1779 г. ежемѣсячно книжками, сначала въ Петербургѣ (янв.—апрѣль), потомъ въ Москвѣ (съ мая). Три книжки составляли часть. Всего вышло 12 книжекъ (4 части). Въ немъ встрѣчаются стихи В. Майкова, именно продолженіе перевода Овидіевыхъ Превращеній, которыхъ первыя четыре книги были изданы отдѣльно, около 1775 года. Теперь положительно могу сказать, что «Модное изданіе» Майкову не принадлежитъ, ибо имѣю точное и достовѣрное указаніе. Майковъ умеръ еще 17 Іюня 1778 г., находясь на службѣ, въ чинѣ бригадира, главнымъ членомъ мастерской и оружейной конторы, въ вѣдѣніи которой состояли всѣ драгоцѣнности (древнія), принадлежащія Императорскому Двору. День смерти Майкова указанъ въ донесеніи одного изъ членовъ названной конторы Кн. Потемкину-Таврическому. Въ донесеніи говорится, что дворцовыя драгоцѣнности, по случаю смерти Майкова, оставались долго запертыми и запечатанными; почему, въ избѣжаніи порчи вещей, бывшихъ долгое время непросушенными и непровѣтренными, испрашивалось разрѣшеніе открыть хранилище.—Сообщеніемъ этихъ указаній я обязанъ благосклонному содѣйствію *Г. Н. Александрова*, имѣвшаго подъ руками часть документовъ о послѣдней службѣ Майкова. Въ печати первое неопредѣленное упоминаніе о смерти М. явилось въ «Разсказникѣ» Аблесимова (1781, л. 25), гдѣ приведено и одно стихотвореніе Майкова, невошедшее

въ изданіе его сочиненій (1809 г.). Замѣчу кстати, что до сихъ поръ никто не упоминалъ объ участіи М. въ сатирическомъ изданіи 1772 г. «*Вечера*». Въ нихъ были помѣщены отрывки изъ перевода «Овид. Превращеній» (Вечера ч. 1, стр. 204 и ч. 2 стр. 116; а по изданію «Ов. Пр.» 1775, стр. 113 и 117) и «Епиграмма на болтуна» (Веч. ч. 1, стр. 8) безъ подписи, но перепечатанная съ подписью въ «Опытѣ русской анеологіи» *М. Яковлева* (Спб. 1828, стр. 3). Въ приготовленномъ мною изданіи «*Сочиненій и переводовъ В. И. Майкова*» возможно подробныя о немъ свѣдѣнія будутъ собраны въ біографической статьѣ, приготовляемой Л. Н. Майковымъ; къ изданію будетъ приложенъ гравированный портретъ, до сихъ поръ остававшійся неизданнымъ.

52. *Стихи на смерть Ѳ. А. Эмина* (стр. 317). Біографическія свѣдѣнія объ Эминѣ (1735?—1770) крайне сбивчивы и запутаны. По одному извѣстію—онъ родился около 1735 г. въ Польшѣ, по другому—въ Венгріи, по третьему—въ Турціи. По одному указанію—онъ воспитывался у іезуитовъ, по другому—въ кіевской академіи. Онъ много путешествовалъ и, говорятъ, въ Турціи случилось съ нимъ какое-то приключеніе (о которомъ Эминъ никому не говорилъ), вслѣдствіе чего былъ взятъ подъ стражу, принялъ магометанство и поступилъ въ янычары. Отсюда онъ бѣжалъ въ Лондонъ, явился къ русскому посланнику кн. Голицыну и окрестился въ грекоросс. вѣру. Въ 1761 г. пріѣхалъ въ Пб. и опредѣлился учителемъ въ сухоп. шляхетный корпусъ; послѣ былъ переводчикомъ въ коллегіи иностр. дѣлъ и въ кабинетѣ. Онъ былъ человѣкъ образованный и начитанный; зналъ языки: франц., англ., итальян., испанскій, португ., польскій, литовскій, турецкій, татарскій, рус-

ский, греческій и латинскій. Эминъ издалъ болѣе 25 сочиненій и переводовъ на русскомъ яз.; между прочимъ: «Путь ко спасенію», романъ: «Непостоянная фортуна или похожденіе Мирамонда» и «Россійскую Исторію» въ 3 томахъ, исполненную впрочемъ странныхъ ошибокъ и промаховъ. Въ 1769 г. (съ іюля по декабрь) издавалъ ежемѣсячно «*Адскую Почту*», которая вся состоитъ изъ его статей (*). Чулковъ, какъ видѣли выше, помѣстилъ въ «И то и се» брань на Эмина и на него-же намекалъ въ стихотвореніяхъ своихъ: «На качели» и «Печальное паденіе стихотворцевъ» (оба стих. ошибочно перепечатаны въ «Собр. сочиненій В. И. Майкова», изд. 1809 г.; см. стр. 119, 120 и 131).

(*) Объ Эминѣ см. «Опытъ» Новикова (стр. 253 — 258), «Словарь» м. Евгенія (1845, ч. 1, стр. 214—225), «Жизнеописаніе Эм.», при изд. «Пути ко спасенію» (1798) и «Русскіе сатир. журн.» г. Аѳанасьева (стр. 18). Ежемѣсячникъ *Эмина* имѣлъ такое заглавіе: «*Адская почта, или переписка храмоногаго бѣса съ кривымъ*. Ежемѣсячное изданіе 1769 года. Мѣсяцъ Іюль (Августъ и т. д.) Издалъ въ свѣтъ *я*, напечатано здѣсь». Изъ имѣющихся у меня 3 экземпляровъ въ двухъ на заголовкѣ Іюльской книжки послѣднія слова читаются; «напѣчатано здѣсь. *Вторымъ тисненіемъ*». Всѣхъ стр. въ журналѣ in 8° 385. Кромѣ того есть 2-е изданіе съ большими пропусками: «*Куріеръ изъ ада съ письмами*. Сочиненіе Ѳедора Эмина. На изд. П. Б. Въ Санктпетербургѣ съ дозв. указн. 1788 года». (in 12 , стр. 325). Есть у меня еще одно изданіе, на которое я не встрѣчалъ до сихъ поръ *никакихъ* указаній: «*Адская Почта или куріеръ изъ ада съ письмами*. Сочиненіе Ѳедора Эмина. На изд. П. Б. Въ С—гѣ, съ дозв. указн. 1788 года» (in 12 , стр. 325). Изданіе это очень странно: годъ и число страницъ одинаковы съ указаннымъ 2-мъ изд., но при сравненіи оказывается, что они различаются типографскими украшеніями, разстановкою знаковъ препинанія и даже цѣлыми словами. Шрифтъ сходенъ, но цифры по счету страницъ совсѣмъ разной формы, и въ одномъ изд. есть означеніе: 140 стр.—неправильно, тогда какъ въ другомъ изданіи правильно означено: стр. 104. Особенно разнятся 82, 103, 104, 106, 129, 149 и 151 стр. Къ обоимъ изъ этихъ двухъ изданій приложено по 10 стр. книгопродавческихъ объявленій, но отъ разныхъ книгопродавцевъ и совсѣмъ о другихъ книгахъ.

Въ «Опытѣ Ист. Словаря» Новикова напечатаны еще другіе стихи, написанные другомъ покойника:

Стихи на смерть Ѳедора Александровича Эмина 18 апрѣля, 1770 года.

Что слышу? Эминъ мертвъ и друга я лишенъ!...
Я тѣло зрю, но въ немъ огнь жизни погашенъ.
Померкли тѣ глаза, что сердце проницали;
Сомкнулись тѣ уста, что страсти порицали;
Ослабла та рука, которой гнанъ порокъ....
Почто ты жизнь его пресекъ жестокій рокъ?
Онъ истинну хранилъ, любилъ онъ добродѣтель;
Друзьямъ былъ вѣрный другъ, и бѣднымъ благодѣтель.
Онъ гордость презиралъ и гналъ коварну лесть.
Въ душѣ его была и искренность и честь.
Ахъ! всѣ сіи дары смерть алчна похищаетъ,
И съ ними крѣпость силъ въ единый гробъ вмѣщаетъ!
Въ великомъ тѣлѣ онъ великій духъ имѣлъ.
И видя смерть въ глазахъ былъ мужественъ и смѣлъ.
Неробкая душа! всѣ страхи отметая,
Къ началу своему съ весельемъ возлетая,
Ликуй во щастіи готованномъ себѣ,
А я тебя лишась, рыдаю о тебѣ.

45. *Я и многія* (стр. 322). Въ этомъ письмѣ указывается оскорбленный переводчикъ, обидившійся отзывомъ о его переводѣ и выраженіемъ *рыгать* (см. стр. 301). Это, кажется, относится къ *Василью Санковскому*, котораго переводъ 1-й пѣсни *Виргиліевой Энеиды* вышелъ въ 1769 г. (см. стр. 284). Вторая пѣснь издана уже въ 1772 г.—Санковскій въ 1764 г. издавалъ въ Петербургѣ журналъ: «*Доброе намѣреніе*», гдѣ и помѣщено много его одъ, элегій, сатиръ и эпиграммъ. *Смѣсь* также издѣвалась надъ указаннымъ переводомъ Энеиды (стр. 189),

а потомъ надъ нимъ глумился и *Пустомеля* (1770 г., стр. 22—24, по изд. г. Аѳанасьева). Если Санковскій въ отвѣтѣ своемъ дѣйствительно приводилъ аргументъ, что Трутень и Сатирь «*въ силу указовъ дарованную вольность ума употребляютъ во зло*», то это не дѣлаетъ чести его полемикѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
	Объ изданіяхъ Трутня	V
	1769 годъ.	
	Посвященіе	4
	Предисловіе	7
1.	Не входя въ подобное изслѣдованіе	11
	Притча: *Слонъ произведенной въ чинъ*	—
2.	Любезной племянничекъ	13
	Притча: *Два вора*	15
3.	Тридцатилѣтняя дѣвушка гораздо	18
	Окончаніе письма	23
	(Отвѣтъ)	24
	Епиграмма	25
	Съ того времени, какъ началъ я издавать	—
4.	Вѣдомости:	
	Изъ нѣкотораго приказа	—
	Изъ гостинаго двора	28
5.	Второй вашъ листокъ	29
6.	Статьи изъ Русскаго Словаря	31
7.	Епитафія	34
8.	Вѣдомости:	
	Изъ Мещанской	35
	Изъ Литейной	—
	Изъ Москвы	36
	Изъ Ярославля	37
	Изъ Кронштата	38
	(Извѣстія)	—
	Подряды	39
	Продажа	40

		стр.
	Курсъ деньгамъ	40
9.	Вы лѣнивы, да и я не прилѣженъ	41
10.	Пріѣхавъ въ деревни	42
11.	Епитафіи	45
	Епиграмма	—
*	Издатель Трутня обѣщался	46
	— — во утѣшеніе Вс. Всячинѣ	47
12.	Г. Вс. Всячина на насъ прогнѣвались	—
13.	Чистосердечное ваше о самомъ себѣ описаніе	49
14.	Вѣдомости:	
	Съ Васильевскаго Острова	53
	Изъ Конной улицы	—
	Изъ Офицерской улицы	54
	Изъ Коломны	55
	Изъ Твери	56
	(Извѣстія)	57
15.	Цѣлую недѣлю у меня денегъ не было	58
16.	Сказка: *Ирокъ сдѣлавшійся писцомъ*	65
	Воздаяніе	70
17.	Сказка: *Стыдъ хулителю*	71
18.	Хочу васъ увѣдомить о двухъ великихъ важностяхъ	76
19.	Ты охотникъ до вѣдомостей	79
20.	Надпись къ рощѣ Его Пр. Л. А. Нарышкина	85
21.	Прохожія	—
22.	Пламя войны и между сочинителями возгорѣлось	87
	(Отвѣтъ)	89
24.	Задача (читатели! прошу рѣшить)	—
	Рѣшеніе	90
24.	Племяннику моему Ивану	91
25.	Вѣдомости:	
	Изъ большой Садовой улицы	97
	Изъ 1 россійской арміи	98
	Изъ Москвы	99
	Изъ Коширы	—
	Изъ Кронштата	100
	Себелюбъ, славной волокита	101
	Подряды и Продажа	102
26.	Сообщая вамъ нѣсколько портретовъ	103
27.	Портреты	—
28.	Издатель! многіе глупцы тебя ругаютъ	105
29.	Чортъ меня дернулъ приняться	107
30.	Извѣстіе	108
31.	Вѣдомости:	
	Изъ большей улицы	109
	Съ парнаса... 1769 г.	—
	Отъ тудажъ 1 августа	110
	Изъ Москвы	—
	(Извѣстія)	112

		Стр.
	Подряды	112
	Продажа	113
	Отъѣзжающія	—
	Извѣстіе	114
32.	Самое негодное дѣло быть стихотворцемъ	115
33.	Нѣкогда читалъ нѣкто	121
34.	По сіе время не видали мы еще	124
	(Отвѣтъ)	125
35.	Скажите, что вы всѣ бранитеся	—
36.	Надгробная (Ломоносову)	126
37.	Ко мнѣ пріѣхалъ братъ	127
38.	Я незнаю, отъ чего во многихъ вкралося предразсужденіе	130
39.	Въ нѣкоторыхъ приказахъ показался	131
40.	Стихи Ал. Анд. Беклешову	133
41.	Стихи Ю. Б. Бибикову	134
	(Замѣтка В. И. Майкову)	—
42.	Несмыслу, богатому и глупому	135
43.	Всѣ вы, г. издатели бранитесь	136
	Пѣсня: *Жить во щастье*	137
44.	Больныхъ тѣломъ всегда быв. много	139
45.	Рецепты:	
	Для его превосх. т. *Недоума*	—
46.	Для нѣкотораго *судьи*	142
47.	Для нѣкотораго *военнаго человѣка*	—
48.	*Г. Самолюбъ*	143
49.	*Начеркалъ* сочинилъ	144
50.	*Простосердъ* недомогаетъ	145
51.	*Незрялъ* вспыльчивъ	—
52.	Для нѣкотораго *купца*	146
53.	Для т. *Безразсуда*	147
54.	Для т-жи *Смѣхъ*	149
	Извѣстіе	150
55.	Я увѣренъ, что вы ненавистникъ пороковъ	151
56.	При нынѣшнемъ рекрутскомъ наборѣ	155
	(Замѣтка)	156
57.	Для т. *Скудоума*	157
58.	Изъ вашихъ сочиненій примѣтилъ я	158
59.	Копія съ отписки (крестьянской)	—
60.	Я прибѣгаю къ вамъ	163
61.	Первая моя сосѣдка, т. *Непосѣдова*	—
62.	*Г. Мышковъ* имѣетъ болѣзнь	164
63.	*Г. Злораду*, думающему	—
64.	*Г-жѣ Бранюковой*	165
65.	*Миловидъ* думаетъ	—
66.	Шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ	166
67.	*Глупомыслъ* хочетъ непремѣнно	—
68.	Рецепты (61 — 67)	—
69.	Смѣющейся Демокритъ	169

стр.
70. Я вамъ знакомъ 175
71. Быль I: *Три Жениха* 177
72. Быль II: *модная жена* 180
73. Копія съ другой отписки (крестьянской) 181
74. Копія съ помѣщичьяго указа 183
75. *Г. Спорщикъ* мой пріятель 187
76. Для г. Спорщика рецептъ ..... —
77. Вчерась я былъ въ гостяхъ 188
78. Быль III: *Мужъ и Жена* 190
79. Скажите мнѣ, хорошо ли я провожу свое время ..... —
80. За что вы на насъ прогнѣвались 191
(Отвѣтъ) 192
81. Разговоръ: Я и Трутень 193
82. Смѣющейся Демокритъ 199
83. Судьба (о смертный! безплодно стараешься) 205
84. Вчерась я по обыкновенію моему пришелъ въ трактиръ обѣдать 206
Извѣстіе 210
85. Каковы мои читатели 211
86. Каковы мои читатели 217

1770.

(Посвященіе) 223
1. Въ новый годъ новое щастіе 227
Вельможамъ 230
Средостепеннымъ 231
Мѣщанамъ, бѣднымъ и поселянамъ 232
2. Покорно прошу напечатать письмо 233
3. Увидя васъ въ театрѣ 234
(Замѣтка) 235
4. Извѣстіе 236
5. Въ прошломъ годѣ послала я 237
6. Портреты 238
(Замѣтка) 242
7. Кому то вздумалось вскленать 243
(Отвѣтъ) ..... —
8. Стансы: *Враговъ прогнать* 244
9. Я сообщаю вамъ нѣсколько пѣсенъ 245
10. Пѣсня I: *Любовь меня пронзила* ..... —
11. Пѣсня II: Къ Д. М: *Когда судьба велѣла* 247
12. Пѣсня III. Къ Д. М: *Отчаянье съ тоскою* 249
13. Быль IV: *Супругу мужъ любя* 250
14. Быль V: *Имѣя дѣвушка* 251
15. Извѣстіе 254

		стр.
16.	Не повѣришь, радость, въ какой ты у насъ модѣ	255
17.	Я человѣкъ чистосердечной	259
	Письмо г. Правдолюбова напечатано не будетъ	260
18.	Быль VI: *Неудача*	261
19.	Извѣстіе	266
20.	Чензыя Китайскаго Философа совѣтъ, данной его Государю.	267
21.	Я примѣтилъ, что всѣ наши молодыя дворяне	272
	(Отвѣтъ)	—
22.	Нужда заставила меня имѣть въ вамъ прибѣжище	275
23.	Г. Несщастной! Злословіе во многихъ мѣстахъ	276
24.	Письмо г. Просящего за пріятеля	277
	Письмо г. Презрѣволна Страхозыблева	278
	Извѣстія	—
25.	Я много разъ бывалъ обманутъ	279
	Стихи: *Щипцы! на васъ я взоръ*	—
26.	Раскаяніе во грѣхахъ половину заслуживаетъ	280
27.	Въ прошлогоднемъ Трутнѣ (надпись на памятникѣ Ломоносова)	—
28.	Видя надлежащую достоинствамъ	283
29.	Извѣстіе	284
30.	Журналъ наполненъ вашъ и критикъ и сатиръ	285
31.	Къ невинному (стихи)	286
32.	Нѣтъ средствъ, чтобъ не писать сатиръ на подъячихъ	287
33.	Обстоятельствы мои не позволили	289
34.	Г. Издатель Смѣси	290
35.	Отвѣтъ г. Издателя Смѣси	291
36.	Я влюблена въ вашъ журналъ	292
	Картины	294
37.	Г. Молодая сочинительница	299
38.	Новость (стихи)	—
39.	Есть люди, которые говорятъ, что Трутень 1770 года	300
40.	Сочинителю сего письма	301
41.	Пѣсня: *Куда свой взоръ ни обращаю*	—
42.	Отъѣзжаетъ любовникъ	308
	Нежалостливый рокъ всѣ радости кончаетъ	—
43.	Я уместь какъ на тебя зла	304
44.	Г-жа Молодая сочинительница	306
45.	Утѣшеніе г. Любоправдовой	307
	На день рожденія красавицы N. N	—
	Къ вензловому имени красавицы	308
	Извѣстіе	—
46.	Кой чортъ! что тебѣ здѣлалося	309
47.	Мнѣ кажется, что тебя избаловали	310
48.	Подобныхъ симъ я получилъ еще 4 письма	311
49.	Скрѣпи свое сердце	312
	За сожалѣніе благодарствую	313
50.	Давно хотѣлося мнѣ съ тобою познакомиться	—
	Г. будущій издатель *Моднаго сочиненія*	314

стр.
51. Говорятъ, что скупость не глупость 315
52. Стихи на смерть Ѳ. А. Эмина..... 318
53. Всякая Всячина простилась, и То и Се въ ничто превратилось..... 319
54. Пѣсня: *Незнала я, что пагубна любовь*..... 321
55. Я и многія со мною имѣемъ справедливую причину 322
56. Пиѣьмо г. съ печали позабывшаго свое имя..... 324
57. Разставаніе, или послѣднее прощаніе съ читателями .... —
Извѣстіе..... 326

Примѣчанія:

къ 1769 г..... 329
къ 1770 г..... 356

ЖИВОПИСЕЦЪ

ЖИВОПИСЕЦЪ

Н. И. НОВИКОВА

1772—1773

ИЗДАНІЕ СЕДЬМОЕ

И. А. ЕФРЕМОВА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ

1864

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 августа 1863 года.

ОБЪ ИЗДАНІЯХЪ ЖИВОПИСЦА.

Живописецъ издавался въ лучшую пору дѣятельности Новикова.

Выступивъ на литературное поприще въ 1769 г. съ превосходнымъ журналомъ «Трутень», Новиковъ цѣлые пять лѣтъ не переставалъ трудиться на пользу общую, подтверждая дѣломъ слова свои, что къ литературной дѣятельности его побуждало «не тщеславіе получить названіе сочинителя, но желаніе оказать услугу отечеству». Въ эти 5 лѣтъ явились всѣ лучшія его изданія: *Трутень*, *Живописецъ* (три изданія), *Кошелекъ*, *Древняя Россійская Вивліоѳика*, *Древняя Россійская Идрографія* и *Исторія о заточеніи боярина Матвѣева*. Послѣдующій за тѣмъ періодъ *литературной* дѣятельности Новикова, начавшійся еще въ Петербургѣ изданіемъ *Утренняго Свѣта* (1777), отличается какимъ-то туманнымъ религіозно-мистическимъ направленіемъ, которое, все болѣе и болѣе развиваясь, проходитъ черезъ всѣ его московскіе журналы, наконецъ переходитъ въ чистый мистицизмъ и завершается изданіемъ цѣлаго ряда такъ называемыхъ «масонскихъ» книгъ. Конечно и въ Москвѣ Новиковъ сдѣлалъ очень много

хорошаго, такъ что общественная его дѣятельность достойна великаго уваженія, но тѣмъ не менѣе московскіе его журналы сильно отстали отъ прежнихъ петербургскихъ: тутъ уже не было тѣхъ «блюдъ», которыя для «нѣжныхъ вкусовъ» могли показаться «горьковатыми», какъ въ прежнее время замѣчалъ самъ Новиковъ. Это подтверждается и тѣмъ, что московскіе его журналы безпрепятственно выходили въ 3, 4 и даже въ 9 частяхъ, довольно почтеннаго объема, тогда какъ *Трутень* и *Живописецъ* не могли просуществовать болѣе года и умѣстились въ четыре маленькія книжки. Кромѣ того, не надо упускать изъ вида, что вторая половина каждаго изъ этихъ двухъ журналовъ нисколько не похожа на первую. Прямой, энергическій протестъ противъ злоупотребленій, открытое и смѣлое нападеніе на все пошлое, низкое и безнравственное, борьба съ невѣжествомъ и предразсудками— вотъ характеристика первой половины *Трутня* и *Живописца*, не говоря уже о томъ, что здѣсь всюду свѣтится благородное чувство честнаго патріотизма, ѣдкая сатира и глубокая иронія. Во второй половинѣ обоихъ изданій все стирается, мельчаетъ, переходитъ въ плохіе стишки и отвлеченныя разсужденія, въ легонькую насмѣшку изъ-подъ-тишка, съ безпрестанными недомолвками, въ крайнюю безцвѣтность и пустоту содержанія и заканчивается прекращеніемъ журнала...

Трутень явился въ началѣ мая 1769 г., и вскорѣ занялъ первое мѣсто между множествомъ издававшихся тогда листковъ. Похвалы ему сыпались со всѣхъ сторонъ, но послѣ нѣсколькихъ статей о взяточничествѣ, вызвавшихъ вовсе не литературную полемику, журналъ сдѣлался

значительно слабѣе и на второе полугодіе, т. е. въ 1770 г., окончательно оплошалъ. Видя невозможность продолжать изданіе, Новиковъ въ концѣ апрѣля прекратилъ его и занялся составленіемъ *Опыта историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ*. Въ началѣ 1772 г. онъ его напечаталъ, такъ что 30 марта уже было объявлено въ № 26 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей о выходѣ этой книги. Вслѣдъ за тѣмъ Новиковъ приступилъ къ изданію *Живописца* и 12 апрѣля * приготовилъ 1-й листъ, который и былъ выпущенъ 17 апрѣля (какъ можно судить по объявленію о выходѣ 2 листа 24 апрѣля). Казалось-бы не было причины надѣяться на устраненіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ для изданія со времени еще недавняго прекращенія Трутня. Но въ это время императрица написала комедію «О. время!» въ которой осмѣивала ханжество, суевѣріе, невѣжество, страсть къ сплетнямъ и т. п. пороки. Новиковъ сталъ подъ защиту этой комедіи и объявилъ, что единственно только она вызвала его на литературное поприще, потому что въ ней первой явилась ѣдкость сатиры, равномѣрно распространенная на «низкостепеннаго человѣка» и на «превосходительство пороками удрученное», въ ней первой сдѣлано смѣлое нападеніе на пороки и открытъ для всѣхъ путь подражать «въ похвальномъ подвигѣ». Этимъ Новиковъ заранѣе устранялъ всякое нападеніе враждебнаго ему направленія, но тѣмъ не менѣе уже 5-й листъ Живописца повидимому возбудилъ ярыя нападки, отъ которыхъ

* Это число поставлено подъ «посвященіемъ» журнала.

издателю пришлось отбиваться въ своихъ листкахъ (см. стр. 79). Послѣ этого онъ сдѣлался осторожнѣе и всѣ статьи, которыя могли бы возбудить вредные толки, сталъ печатать въ срединѣ между одами, или между письмами къ разнымъ вліятельнымъ особамъ, какъ напр. къ гр. Орлову. Но кажется и это не помогло. Черезъ полгода журналъ началъ путаться: содержаніе сдѣлалось менѣе интереснымъ, появились разныя слова, рѣчи и стихи, нумера стали запаздывать выходомъ; даже объявленія въ Пб. Вѣд. стали появляться не такъ акуратно, а съ 19 нумера 2 части вовсе прекратились и послѣдніе листки наполнились такими статьями, которыя ясно показываютъ, что издатель хотѣлъ только довести журналъ до конца года. Дѣло велось до того небрежно, что въ 23 листѣ была цѣликомъ помѣщена статья уже напечатанная въ 10 листѣ той-же части. Причиною этому можетъ быть долею и то обстоятельство, что съ самаго начала 1773 г. Новиковъ былъ занятъ изданіемъ *Вивліовики*, выходившей помѣсячно, а съ марта мѣсяца кромѣ того приступилъ къ изданію *Древней Россійской Идрографіи* и *Исторіи о ваточеніи боярина Матвѣева*.—Послѣдніе листы Живописца вышли или въ концѣ іюня, или въ началѣ іюля 1773 г., потому что въ 24 нумерѣ были перепечатаны «стихи» на прогулку воспитанницъ Воскресенскаго монастыря въ лѣтнемъ саду; первоначально-же стихи эти появились въ № 45 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, отъ 4 іюня; а объявленіе о продажѣ 2 части Живописца напечатано 5 іюля. Поэтому-то срокомъ окончанія журнала я и полагаю іюнь или начало іюля.

Перехожу къ частному описанію изданій:

1. *Живописецъ, еженедѣльное на 1772 годъ сочиненіе.—Въ Санктпетербургѣ.* — 2 части, въ 8 д. л., 419 стр. (изъ нихъ 208 въ первой).

Журналъ выходилъ еженедѣльно, по вторникамъ, начиная съ 17 апрѣля 1772 г., до конца іюня или до начала іюля 1773 г. Каждый нумеръ назывался *листомъ* и состоялъ изъ печатнаго полулиста; 26 такихъ *листовъ* составили часть и имѣли отдѣльную нумерацію въ каждой части, но счетъ страницъ для обѣихъ частей былъ общій. Листъ продавался по 4 к. асс., а каждая часть отдѣльно по 1 рублю. *

Нѣкоторыя статьи въ этомъ изданіи были напечатаны

---

* Первое объявленіе о выходѣ «Живописца» напечатано въ № 33 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей (вторникъ 24 апрѣля): «Въ луговой Миліонной, у переплетчика Миллера продаются два листа еженедѣльнаго сочиненія подъ названіемъ *Живописца*, каждый по 4 к., а впредь выходить будетъ въ каждую недѣлю по полулисту.» За тѣмъ въ 1772 г. печаталось о выходѣ *1 части*: 3, 4 и 5 л.—1, 8 и 15 мая; 11 л.—26 іюня, съ 12 по 16 л. включительно—3, 10, 17, 24 и 31 іюля; 18, 19, и 20 л.—14, 21, и 28 августа; 23 и 24 л.—18 и 25 сентября, а 9 октября въ № 81 объявлено, что у Миллера «продается еженедѣльнаго сочиненія *Живописца* 1 часть по 1 р., а впредь выходить будетъ въ каждую недѣлю по листу. Кто имѣетъ неполную первую часть, тѣ могутъ дополнять порознь до конца мѣсяца, а по окончаніи врознь продаваться не будутъ». Послѣ было объявляемо о продажѣ листовъ 2-й *части* сначала по 2 листа: 2 л.—23 октября; 4 и 6 л. — 6 и 27 ноября; 8 и 9 л. — 4 и 11 декабря; въ 1773 г. объявлялось опять о каждомъ листѣ порознь: 11 и 12 л.—15 и 22 января; 13, 14 и 15 л.—15, 19 и 26 февраля; 16, 17 и 19 л.—5, 12 и 26 марта. Послѣднее объявленіе было повторено два раза и затѣмъ объявленія о выходѣ остальныхъ *листовъ* превратились; только уже 5 іюля въ № 54 было объявлено о продажѣ 2 части, вмѣстѣ съ 2 изданіемъ первой.

съ пропусками и недомолвками. Пропуски эти находились преимущественно *въ 1 части* въ слѣдующихъ статьяхъ: I (стр. 13, 20), VI (с. 43), XXIV (с. 92—96), XXXV (с. 115), XXXVIII (с. 130), XXXIX (с. 131, 133), XLV (с. 143), XLVII (с. 146) и XLVIII (с. 148, 149); *во 2 части* напечатана была сокращенно только одна пословица въ ст. VIII (с. 189). *

2. *Живописецъ, еженедѣльное на 1772 годъ сочиненіе. Изданіе второе.—Въ Санктпетербургѣ 1773 года.*—Въ 8 д. л., 186 стр.

Успѣхъ Живописца повидимому былъ очень великъ, потому что еще не была окончена вторая часть, а первая уже печаталась вторымъ изданіемъ. О выходѣ ея было публиковано въ № 54 С. Петербургскихъ Вѣдомостей 1773 г. (5 іюля). Нѣкоторыя статьи и замѣтки 1-го изданія во второе не вошли, а именно пропущены: *извѣстіе* (с. 18), двѣ замѣтки издателя (с. 84 и 144) и статьи: XXX (с. 106), XLVI (с. 145) и LI (с. 162); въ статьѣ же XXXV сдѣлано большое исключеніе (с. 120 — 121). Напротивъ, въ этомъ изданіи пополнены всѣ исчисленные выше пропуски 1-го изданія и сдѣланы болѣе или менѣе значительныя исправленія въ статьяхъ VII (с. 45), VIII (с. 53—56), XXIV (с. 93, 95, 96), XXVII (с. 102), XXXIV (с. 113), XXXV (с. 115),

* Страницы означены по VII изд., такъ какъ въ примѣчаніяхъ къ нимъ подробно указаны всѣ пропуски. Вообще во всѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ особой оговорки, указаніе на страницы слѣдуетъ относить къ VII изданію.

XLVIII (с. 148, 150) и XLIX (с. 153, 156). Находившіеся въ началѣ каждаго листа 1 изданія заголовки: «Живописецъ листъ такой-то» замѣнены заголовками: «листъ такой-то», и печатанье каждаго новаго листа начинается тотчасъ по окончаніи предыдущаго, а не съ новой страницы. Нумера надъ статьями сначала не выставлены и начинаются только съ VI-го, въ 7 листѣ.

3. *Живописецъ, еженедѣльное сатирическое сочиненіе. 2 части. Изданіе третіе, вновь пересмотрѣнное, исправленное и умноженное.—Въ Санктпетербургѣ 1775 года.*—Въ 12 д. л., стр. въ 1 ч. XV, 218 и 3 нен. (опеч.); во 2 ч. 230 и 2 нен. (опеч.), 4 (огл.).

Къ этому изданію Новиковъ приложилъ слѣдующее предисловіе, перепечатанное потомъ въ 4 и 5 изданіяхъ безъ всякихъ измѣненій, кромѣ указаній на цифру изданія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ о ней говорится.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Благосклонное принятіе первымъ двумъ изданіямъ сего труда моего, ободрило меня приступить къ третьему. Если бы я былъ самолюбивъ, то скорой сей росходъ Живописцу, неотмѣнно поставилъ бы на щетъ достоинства моего сочиненія; но будучи о дарованіяхъ своихъ весма умѣренную мнѣнія, лучше соглашаюсь вѣрить тому, что сіе сочиненіе попало на вкусъ мѣщанъ нашихъ: ибо у насъ тѣ только книги третьими, четвертыми и пятыми изданіями печатаются, которыя симъ простосердечнымъ людямъ, по невна-

нію ихъ чужестранныхъ языковъ, нравятся; люди же разумы свои знаніемъ Французскаго языка просвѣтившіе, полагая книги въ число головныхъ украшеній, довольствуются всѣми головными уборами привозимыми изо Франціи: какъ то пудрою, помадою, книгами и проч. Въ подтвержденіе сею моею мнѣнія служатъ тѣ книги, кои отъ просвѣщенныхъ людей никакого уваженія не заслуживаютъ, и читаются одними только мѣщанами; сіи книги суть: Троянская исторія, Синопсисъ, Юности честное зерцало, Совершенное воспитаніе дѣтей, Азовская исторія, и другія нѣкоторыя. Напротивъ тою книги, на вкусъ нашихъ мѣщанъ не попавшія, весьма спокойно лежатъ въ хранилищахъ, почти вѣчною для нихъ темницею назначенныхъ. Сожалѣть должно о томъ, что въ число сихъ послѣднихъ многія весьма хорошія и полезныя книги попались, которыя весьма бы были достойны занимать мѣсто самой душистой пудры, изо Франціи привозимой.

Впрочемъ должно объявить читателю, что я въ Журналѣ моемъ многое перемѣнилъ, иное исправилъ, другое выключилъ, и многое прибавилъ изъ прежде изданныхъ моихъ сочиненій, подъ другими заглавіями. Сіе сдѣлалъ я по примѣру Французскихъ писателей, которые весьма часто сіе употребляютъ, для лучшаго росхода своихъ сочиненій.

Отъ перемѣнъ, о которыхъ сказано въ этомъ предисловіи, изъ журнала или сборника, въ которомъ *сатирическое направленіе* было *преобладающимъ*, составил-

ся *чисто-сатирическій* сборникъ. Исключенію подверглись всѣ статьи, вызванныя различными современными событіями, всѣ стихи и всѣ переводы. Взамѣнъ этого добавлены сатирическія статьи изъ *Трутня* 1769 г. Вообще въ 3 изданіи изъ 1 части 1 изданія *вовсе не перепечатано* пять листовъ: 7, 8, 22, 25 и 26, и сдѣланы *исключенія* изъ десяти листовъ: 3 (извѣщеніе), 9 (ст. IX), 11 (ст. XI и XIV), 12 (ст. XV и XVI), 13 (замѣтка къ ст. XIX), 14 (ст. XXI и XXII), 16 (ст. XXVII), 17 (ст. XXIX, XXX и XXXI), 23 (ст. XLIII, XLIV и замѣтка къ ст. XLV) и 24 (ст. XLVI). Изъ 2 части 1 изданія *вовсе не перепечатано* шестнадцать листовъ: 1, 3, 4, 6, 7, 12—17, 19, 20, 24—26 и сдѣланы *исключенія* изъ двухъ листовъ: 5 (ст. IX) и 23 (ст. XXVIII).—Всѣ поправки и дополненія, сдѣланныя во 2 изданіи, вошли и въ третье, съ замѣною только любопытнаго варіанта на стр. 95 новымъ текстомъ; а на стр. 120—121 оставленъ пропускъ, сдѣланный при 2 изданіи. Остальныя поправки въ статьяхъ ограничиваются замѣною одного слова другимъ; такихъ поправокъ я насчиталъ 45 и всѣ онѣ оговорены въ примѣчаніяхъ.—Изъ «Трутня» 1769 г. внесены въ 1 часть: 1) разсказъ о пропавшихъ у судьи часахъ: «ты охотникъ до вѣдомостей», 2) Письма къ племянницу, 3) Лечебникъ, 4) Смѣющійся Демокритъ и 5) Двѣ отписки крестьянскія съ концомъ помѣщичьяго указа; а во 2 части добавлено три нумера Сатирическихъ Вѣдомостей.

Раздѣленіе на *листы* въ этомъ изданіи уничтожено; статьи, которыхъ продолженіе печаталось въ нѣсколькихъ листахъ, соединены въ одну; самый порядокъ раз-

мѣщенія статей измѣненъ; * къ изданію приложено 5 стр. *опечатокъ*, изъ которыхъ часть впослѣдствіи исправлена въ 4 изд., но оговоренное въ нихъ ошибочное обозначеніе № 5 и 6 *сатирическихъ вѣдомостей*, вмѣсто 3 и 4, перешло безъ исправленія въ 4 и 5 изданія.

4. *Живописецъ, еженедѣльное сатирическое сочиненіе 2 части.—Изданіе четвертое, вновь переосмотренное, исправленное и умноженное. — Въ Москвѣ, Въ Университетской типографіи у Н. Новикова, 1781 года.*—Въ м. 8 д. л., стр. въ 1 ч. XII и 164, во 2 ч. 174 и 4 неп. (оглавл.).

---

* *Часть I.* Неизвѣстному г. сочинителю комедіи о время, приписаніе; къ читателю (въ 1 небыло), I Авторъ къ самому себѣ (въ 1 безъ №), II Принявъ названіе Живописца (ст. I), III Ты охотникъ до вѣдомостей (Трут. л. 13), IV Mon coeur Живописецъ (ст. VIII), V—Опытъ моднаго словаря (ст. X), VI Листочки ваши съ великимъ удовольствіемъ я читаю (ст. XII), Я не могу довольно испорченному здѣшняго города вкусу надивиться (ст. XIII), VII Я превеликое имѣю желаніе съ вами увидѣться (ст. XVII), VIII Англійская прогулка (ст. XVIII), IX Не знаю какъ въ Петербургѣ (ст. XIX), X Сыну нашему Ѳалалею Трифоновичу (ст. XXIII и XXIV), XI Сыну моему Ѳалалею (ст. XLV), XII Свѣтъ мой Ѳалалей Трифоновичь! (ст. XLVII), XIII Любезному племяннику моему Ѳалалею Трифоновичу (ст. XLVIII), XIV Слушайка братъ Живописецъ! (ст. VII, ч. 2); XV Любезной племянничекъ (Тр. л. 2), Племяннику моему Ивану (Тр. л. 15), XVI Лечебникъ (Тр. л. 23, 24, 26 и 27), XVII Смѣющійся Демокритъ (Тр. л. 28 и 33), XVIII Отписки крестьянскіе и помѣщичей указъ по крестьянамъ (Тр. л. 26 и 30).

Часть II. I На сихъ дняхъ получилъ я писаніе (ст. IV), II Я теперь Неудобо-разумо-и-духодѣятеленъ! (ст. X. стр 209), III Недѣли съ двѣ тому (ст. XI), IV Сколько во Франціи почитаютъ Боало де Прея (ст. XII), V Извѣстіе полученное съ Ели-

Это изданіе перепечатано съ предыдущаго, съ *добавленіемъ* нѣсколькихъ строкъ въ статьѣ «Принявъ названіе Живописца» (стр. 13). Остальныя разнорѣчія съ 3 изданіемъ (до 15) ограничиваются только перемѣной словъ, и оговорены мною въ примѣчаніяхъ. Опечатокъ гораздо меньше. Вообще это самое полное и лучшее изданіе.

5. *Живописецъ, еженедѣльное сатирическое сочиненіе 2 части. Изданіе пятое, вновь пересмотренное, исправленное и умноженное.—Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ, 1793 года.*—

кона (ст. XIII), VI Какъ мнѣ извѣстно (ст. XVII), VII Лишь только увѣрился я (ст. XXII), VIII На сихъ дняхъ (ст. XXIII и XXIV), IX Случившееся недавно со мною (ст. XXV), X Я начинаю скучать городскою жизнію (ст. XXVII), XI Сатирическія вѣдомости: № 1 (Тр. л. 6), № 2 (Тр. л. 9), № 3 (Тр. л. 16 и 18), № 4 (ст. III ч. 1), № 5 (ст. XXXVI ч. 1), XII Возлюбленному о Христѣ брату радоватися (ст. XXXVII ч. 1), XIII Пречестный отецъ Тарасій! (ст. XXXVIII ч. 1), XIV Что мнѣ дѣлать (ст. XXXIX ч. 1), XV Я имѣю у себя родственника молодаго человѣка (ст. XXV и XXVI ч. 1), XVI Вы стараетесь выводить наружу пороки (ст. XXVIII ч. 1), XVII Сообщите прошу васъ покорно (ст. XXXII и XXXIII ч. 1), XVIII Долголи тебѣ устремлять гнѣвъ твой (ст. XXXIV ч. 1), XIX Будучи всегдашнимъ читателемъ (ст. XXXV ч. 1), XX Отрывокъ путешествія въ *** И. Т. (ст. II и XX ч. 1).

Выписавъ *оглавленіе* 3 изданія, я въ скобкахъ поставилъ соотвѣтственныя № статей 1-го изданія. Замѣчу еще, что *Сатирическія Вѣдомости* Трутня перепечатаны были въ Живописцѣ: № 1 и 2—сподрядъ, изъ листовъ 6 и 9, а № 3—изъ листа 16 стр. 124—128 и изъ листа 18 стр. 137—144 и притомъ не сряду, но въ перемежку изъ того и другаго листа.

Въ 12 д. л., стр. въ 1 ч. 2 нен. (огл.), VI (припис.), 4 нен. (къ чит.) и 182, во 2 ч. 2 нен. (огл.) и 202.

Изданіе это нисколько не исправлено противъ четвертаго, съ котораго перепечатано, напротивъ того испещрено опечатками, нерѣдко даже искажающими смыслъ. Такъ напр. въ ст. «Авторъ къ самому себѣ», напечатано: «не подвергну себя *порицаюсь* еще заслужить», вм. «не подвергну себя порицанію, но надѣюсь еще заслужить» (стр. 8), въ статьѣ «Принявъ названіе» напечатано: «*то есть*» вм. «то ето» (стр. 22), въ X ст. «*благоволилъ*» вм. «благословилъ» (стр. 64), въ ст. XII. ч. 2 «*а учителей* спросите», вм. а у читателей (с. 224) и пр. Кромѣ того въ 5 изд. находятся пропуски противъ 1-го изданія: во 2 части, въ ст. IV (стр. 172 и 176), VIII (с. 190) и XI (с. 221); а въ *Сатирическихъ Вѣдомостяхъ* пропущены бывшія въ 3 и 4 изд. замѣтки изъ Трутня: въ № 1 — *Для наполненія порожнихъ мѣстъ* (IV, с. 83), *Въ нѣкоторое судебное мѣсто* (с. 84), *Курсъ деньгамъ* (с. 85), и въ № 3— *Изъ Москвы* (с. 97), *Отнуду же* (с. 98), *Изъ Кронштата* (с. 101), *Миловида камърена* (с. 102), и *Отставной Канцеляристъ* (с. 108). *

Сопиковъ, сдѣлалъ ошибочныя указанія о годахъ 1, 2 и 5 изданій Живописца (1770, 1772 и 1792), но справедливо замѣтилъ, что 5 изданіе хуже двухъ предыду-

---

* Указанія на статьи и страницы, гдѣ находятся пропуски, приведены по VII изд., а указанія на пропуски изъ сатирическихъ вѣдомостей сдѣланы по IV изданію.

щихъ, потому что въ немъ многое исключено. Напротивъ г. Буличъ, въ своей книгѣ о Сумароковѣ, называетъ это изданіе совершенно сходнымъ съ 3 и 4, а отзывъ о немъ Сопикова ошибочнымъ. Кромѣ этого г. Буличъ дѣлаетъ еще исправленія мнимыхъ ошибокъ Сопикова и передѣлываетъ его правильныя указанія на неправильныя, несправедливо удостовѣряя, что 2-го изданія вышло 2 части и, что 4-е напечатано въ 12 д. л. Онъ ошибается также говоря и о 6 изданіи, будто оно издано in 8°.

6. *Живописецъ, еженедѣльное вновь исправленное изданіе, на 1772 годъ. — Москва. Въ вольной типографіи Пономарева, 1829 года.* — Въ 12 д. л., 166 стр.

Это изданіе не что иное какъ жалкая спекуляція. Въ немъ нѣтъ и половины Живописца: все лучшее откинуто, да и перепечатанное вошло съ пропусками и искаженіями, съ произвольными урѣзками и добавками и съ исправленіемъ устарѣвшаго слога; иныя статьи снабжены затѣйливо-придуманными заглавіями, напр. *полезны-ли науки* (т. е. «Принявъ названіе» и пр.), нѣкоторыя имена замѣнены новыми, напр. вм. Худовоспитанника является *Рубакинъ* (таже статья), вмѣсто «пастушескихъ стихотвореній» издатель ставитъ *идилліи* и т. п. Исправленіе слога очень нецеремонно. Даже самое «Приписаніе» передѣлано такъ: «Неизвѣстному г. сочинителю комедіи *подъ названіемъ* о время, *усерднѣйшее посвященіе*». VI изданіе печатано съ 1-го, но всего перепечатано сряду 14 листовъ 1-й части (VII, стр. 3—90), по-

томъ напечатана «*Пѣсня*» изъ 23 листа 2 части (VII, с. 293), потомъ изъ 22 листа 1 части ст. XL и XLI (VII, стр. 134—137), наконецъ VIII Сатира Буало изъ 6 и 7 листа 2 части (VII, стр. 195—206). Раздѣленіе на листы уничтожено.—Варіантовъ этого изданія я не привожу, такъ какъ они не принадлежатъ Новикову.

Нѣкоторыя изъ статей «Живописца» были перепечатываемы въ разныхъ изданіяхъ:

1) Въ *Московскомъ Собесѣдникѣ* на 1806 г.—два письма отца и письма матери и дяди къ Ѳалалею (мартъ, с. 175, 189, 197, 203), Отрывокъ путешествія И. Т. съ частью Англійской прогулки (сентябрь, с. 163) и Слѣдствія худаго воспитанія (декабрь, с. 456).

2) Въ *Сѣверной Минервѣ* 1832 г. Рѣчь Георгія Конискаго 10 марта 1773 г. (№ 1, стр. 24).

3) Въ *Опытѣ обозрѣнія жизни сановниковъ*, Терещенко, 1837 г.—Письма Фридриха II и гр. Сольмса (ч. 2, с. 323—325).

4) Въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1858 г. Письмо императрицы Екатерины II (№ 16).

5) Въ *Исторической Христоматіи* г. Галахова, 1861 г. — Приписаніе (с. 335), Изъ письма щеголихи (с. 336), 2-е письмо отца и письма матери и дяди къ Ѳалалею (с. 337, 339, 340), Письмо императрицы Екатерины II (с. 343) и изъ стиховъ Поповскаго (с. 323).

6) Въ уличномъ листкѣ: *Мужичекъ. Разсказы дяди Макара. Изд. С. Смирнова.* Спб. 1862 (въ 8 д. л.,

стр. 16). Неизвѣстный господинъ перепечателъ, не указывая на источникъ, съ странными искаженіями, приспособленіями къ современнымъ обстоятельствамъ и съ большими пропусками: первое письмо къ Фалалею (с. 1 — 6), Любители добродѣтели (с. 7—8) и три замѣтки изъ «Сатирическихъ Вѣдомостей», въ томъ числѣ двѣ, вошедшія въ Живописецъ изъ Трутня: «Есть женщина лѣтъ 50» (с. 12), «Молодой человѣкъ, идучи по матеріальной улицѣ» (с. 13) и «Въ будущей намъ вѣкъ 10 числа» (с. 13), т. е. будущаго іюня 10 числа (с. 13). Къ этому издатель прибавилъ самодѣльныя статейки, очень пошлыя, и стишонки самаго низкаго разбора.

Изъ статей и книгъ, въ которыхъ говорится о «Живописцѣ», достаточно указать слѣдующія: 1) Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 годовъ, эпизодъ изъ исторіи литературы прошлаго вѣка. Соч. *А. Аванасьева*. М. 1859. (Статьи, изъ которыхъ составилась эта книга были напечатаны въ «Отеч. Запискахъ» 1855 г. № 3, 4 и 6 и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1857 г. № 16 и 18); 2) Обличительная литература въ первыхъ русскихъ журналахъ и стѣсненіе гласности (1769 — 1775)—двѣ статьи *Д. Мордовцова* въ «Русскомъ Словѣ» 1860 г. № 2 и 3; 3) Сумароковъ и современная ему критика. Соч. *Н. Булича*. Спб. 1854 и 4) Исторія русской словесности, древней и новой. Соч. *А. Галахова*. Спб. 1863.

Седьмое изданіе Живописца напечатано съ перваго слово въ слово, но только съ добавкою тѣхъ пропусковъ, которые были сдѣланы въ первомъ изданіи и потомъ пополнены въ слѣдующихъ четырехъ. Эти добавки оговорены мною въ примѣчаніяхъ. Пропусковъ противъ прежнихъ изданій въ VII—*пять ни одного*; встрѣчающіеся же въ немъ ряды точекъ обозначаютъ мѣста, пропущенныя *во всѣхъ* безъ исключенія изданіяхъ Живописца. Большая часть *листовъ* перваго изданія напечатаны въ VII на 6 страницахъ, иные на 8, а нѣкоторые на 5, оттого что въ 1 изданіи шрифтъ не одинаковъ, и многіе листы печатаны очень мелко, тогда какъ другіе печатались шрифтомъ разгонистымъ и съ большими пробѣлами между статьями.

Статьи, внесенныя въ 3 изданіе Живописца изъ «Трутня», я не перепечаталъ, потому что предполагаю въ непродолжительномъ времени сдѣлать новое изданіе Трутня.

П. Е.

ЖИВОПИСЕЦЪ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ

НА

1772 ГОДЪ

СОЧИНЕНІЕ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

НЕИЗВѢСТНОМУ
Г. СОЧИНИТЕЛЮ
КОМЕДІИ
О ВРЕМЯ,
ПРИПИСАНІЕ.

Государь мой!

Я не знаю кто вы; но вѣдаю только то, что за сочиненіе ваше достойны почтенія и великія благодарности. Ваша комедія *о Время* троекратно представлена была на Императорскомъ придворномъ театрѣ, и троекратно постепенно умножала справедливую похвалу своему сочинителю. И какъ не быть ей хвалимой? Вы перьвой сочинили комедію точно въ нашихъ нравахъ; вы перьвой съ такимъ искусствомъ и остротою, заставили слушать ѣд-

кость сатиры, съ пріятностію и удовольствіемъ; вы перьвой съ такою благородною смѣлостію напали на пороки въ Россіи господствовавшія; и вы перьвой достойны по справедливости великой похвалы во представленіѣ вашей комедіи оказанной. Продолжайте, государь мой, къ славѣ Россіи, къ чести своего имени, и къ великому удовольствію разумныхъ единоземцовъ вашихъ; продолжайте, говорю, прославлять себя вашими сочиненіями: перо ваше достойно равенства съ Моліеровымъ. Слѣдуйте его примѣру: взгляните безпристрастнымъ окомъ на пороки наши, закоренѣлыя худыя обычаи, злоупотребленія, и на всѣ развратныя наши поступки; вы найдете толпы людей достойныхъ вашего осмѣянія; и вы увидите, какое еще пространное поле ко прославленію вашему осталось. Изтребите изъ сердца своего всякое пристрастіе; не взирайте на лица: порочной человѣкъ во всякомъ званіи равнаго достоинъ презрѣнія. Низкостепенной порочной человѣкъ, видя осмѣваема себя купно съ превосходительнымъ, не будетъ имѣть причины роптать, что пороки въ бѣдности только одной перомъ вашимъ угнѣтаются. А превосходительство, удрученное пороками, въ первой разъ въ жизни своей возчувствуетъ равенство съ низкостепенными. Вы первой достойны показать, что дарованная вольность умамъ Россійскимъ употребляется въ пользу отечества. Но, государь мой, почто укрываете свое имя; имя всеобщія достойное благодарности: я никакой не на-

хожу къ тому причины. Не уже ли, оскорбя толь жестоко пороки и вооружа противъ себя порочныхъ, опасаетесь ихъ злословія—Нѣтъ, такая слабость никогда не можетъ имѣть мѣста въ вашемъ сердцѣ. И можетъ ли такая благородная смѣлость опасаться угнѣтенія въ то время, когда ко щастію Россіи и ко БЛАГОДЕНСТВІЮ человѣческаго рода, владычествуетъ нами ПРЕМУДРАЯ ЕКАТЕРИНА: ЕЯ удовольствіе, оказанное во представленіѣ вашей комедіи, удостовѣряетъ о покровительствѣ ЕЯ такимъ какъ вы писателямъ. Чегожъ осталось вамъ страшиться? Но можетъ быть особенныя причины принуждаютъ васъ укрывать свое имя; ежели такъ, то не тщусь проникать оныхъ. И хотя имя ваше навсегда останется неизвѣстнымъ, однакожъ почтеніе къ вамъ мое никогда не умалится. Оно единственнымъ было побужденіемъ приписанію вамъ журнала подъ названіемъ *Живописца*. Примите, государь мой, сей знакъ благодарности за ваше преполезное сочиненіе отъ единоземца вашего. Вы открыли мнѣ дорогу, которой я всегда страшился; вы возбудили во мнѣ желаніе подражать вамъ въ похвальномъ подвигѣ, исправлять нравы своихъ единоземцовъ; вы поострили меня испытать въ томъ свои силы: и дай Боже, чтобы читатели въ листахъ моихъ находили хотя нѣкоторое подобіе той соли и остроты, которыя оживляютъ ваше сочиненіе. Естьлижъ буду имѣть успѣхъ въ моемъ предпріятіи, и естьли листы мои принесутъ пользу

и увеселеніе читателямъ, то за сіе они не мнѣ, но вамъ будутъ одолжены: ибо безъ вашего примѣра, не отважился бы я напасть на пороки; а я останусь навсегда

вашимъ почитателемъ,

С. Живописца.

П. П. Хотѣлъ бы я просить васъ, чтобы вы сдѣлали честь моему журналу, сообщеніемъ какого либо изъ вашихъ мѣлкихъ сочиненій; но опасаюсь отвлечь отъ упражненій вашихъ. Впротчемъ для меня весьма лестно получить вашъ отвѣтъ.

Въ Санктпетербургѣ
Апрѣля 12 дня,
1772 года.

ЖИВОПИСЕЦЪ ЛИСТЪ 2.

АВТОРЪ КЪ САМОМУ СЕБѢ.

Ты дѣлаешься Авторомъ; ты принимаешь названіе Живописца; но не такова, которой пишетъ кистью, а Живописца перомъ, изображающаго наисокровеннѣйшія въ сердцахъ человѣческихъ пороки. Знаешь ли, мой другъ, какой ты участи себя подвергаешь? вѣдаешь ли совершенно, какой предлежитъ тебѣ трудъ? извѣстны ли тебѣ твои свойства и твои читатели? надѣешься ли всѣмъ имъ сдѣлать угожденіе? взвѣсилъ ли ты безпристрастно свои достоинства и способности? подумалъ ли, что худой Авторъ добровольно себя всеобщему подвергаетъ осмѣянію? — Ты молчишь: бѣдной человѣкъ! ты столько же порабощенъ страстямъ своимъ, какъ и тѣ, которыхъ исправлять намѣряешся! — Слышу твое возраженіе: какъ оно слабо и смѣшно. Ты говоришь, вить другія пишутъ, не больше моего имѣя способностей; для чего же не писать и мнѣ, имѣвши столько же къ писанію охоты, какъ и они; да еще и тогда, какъ всѣ мои пріятели увѣряютъ, что я къ писанію способенъ: ты одинъ только упорствуешь и никогда на ихъ не хочешь согласиться мнѣніе. — Выслушай мой отвѣтъ, твоими же скажу тебѣ словами: вить другихъ пересмѣхаютъ, для чего же ты примѣромъ ихъ не исправляешься. Пріятели твои льстили тебѣ или по легкомыслію, или въ насмѣшку, или наконецъ по

ложной благопристойности худое хвалить, дабы не раздражить хулимаго: ты узнаешь, сколь опасны такія пріятели! Я вѣдаю, что утвердить тебя въ твоемъ заблужденіи не великаго имъ стоило труда. Самолюбіе твое было тѣмъ удововольствовано, и ты думалъ такъ: другихъ пересмѣхали и охуждали для того, что они писали дурно; я самъ усматривалъ ихъ погрѣшности; я буду стараться убѣгать отъ подобныхъ и по тому не только что не подвергну себя порицанію, но надѣюсь еще заслужить похвалу—Какъ ты худо себя знаешь! и какое заблужденіе! Всѣ писатели такъ думаютъ, всѣ такъ мысленно оправдываются, всѣ такъ заблуждаютъ, и всѣ въ другихъ находятъ погрѣшности, а не видятъ только собственныхъ своихъ. Посмотри на сего высокопарнаго *Невпопада*; онъ силится, напрягается, обѣщаетъ гору, но всегда рождаетъ мышь: всѣ такъ о немъ говорятъ; но онъ одинъ утверждаетъ, что всѣ обманываются—Бѣдной Авторъ! Взгляни на сего дерзкаго *Кривотолка*; онъ безъ всякой пощады порицаетъ сочиненія всѣхъ славныхъ писателей, показывая тѣмъ остроту своего разума: онъ хорошія сочиненія другихъ обращаетъ въ худыя, а свои негодныя поставляетъ равными наилутчимъ сочиненіямъ славныхъ писателей; но никто изъ разумныхъ людей ему не вѣритъ, и всякой говоритъ: онъ истинной *Кривотолкъ*! Какаяжъ причина сему Кривотолкову заблужденію? Зависть—бѣдной Авторъ! Тутъ найдешь писателя, старающагося забавлять разумъ своими сочиненіями и производить смѣхъ въ разумныхъ читателяхъ; но увидишь, что онъ больше досаждаетъ и производитъ скуку, а смѣется только самъ—Бѣдной Авторъ! Въ другомъ мѣстѣ уви-

дишь Нравоучителя, порицающаго всѣхъ критиковъ, и утверждающаго, что сатиры ожесточаютъ только нравы, а исправляютъ нравоученія; но читатель ему отвѣтствуетъ: ты пишешь такъ сухо, что я никогда не имѣю терпѣнія читать твоихъ сочиненій—Бѣдной Авторъ! Тамъ Сатирикъ описываетъ пороки, язвитъ порочныхъ, забавляетъ разумъ остротою своего сочиненія и приноситъ удовольствіе. Нѣкоторыя читатели говорятъ ему: ты забавенъ; я читалъ тебя съ пріятностію, но ты ѣдокъ; я тебя опасаюсь: а прочія кричатъ: онъ всесвѣтный ругатель!—О бѣдной Авторъ! Встрѣчается со мною трагической писатель; онъ сочиняетъ трагедію и говоритъ: комедія развращаетъ только нравы и научаетъ порокамъ, а не исправляетъ оныхъ: такія сочиненія не только что безполезны, но и вредны. Одна трагедія имѣетъ своею цѣлію добродѣтель и научаетъ оной и самихъ Царей. Какая завидная участь! Но читатель ему отвѣтствуетъ: ежели твоя трагедія хороша, то тогда услаждаетъ она мои чувства и питаетъ разумъ: но однакожъ вѣдай, что до сея пищи охотниковъ не много—Бѣдной Авторъ! Писатель комедій говоритъ: трагедія показываетъ слѣды нравоученія тѣмъ людямъ, которыя во ономъ не имѣютъ нужды: обучать такихъ людей, кои или уже добродѣтельны, или не слушаютъ его нравоученія, есть трудъ безполезный. Напротивъ того комедія пріятнымъ нравоученіемъ и забавною критикою исправляетъ нравы частныхъ людей; язвитъ пороки, не даетъ имъ усиливаться, искореняетъ ихъ: словомъ, изъ всѣхъ театральныхъ сочиненій одна комедія полезна: но читатель ему говоритъ: знай, когда ты меня осмѣиваешь, тогда я тебя пересмѣ-

хаю—Бѣдной Авторъ! Тутъ слѣдуетъ писатель, которой не сочиняетъ ни трагедій, ни комедій, для того только, что сіи роды сочиненій очень стары: онъ охотникъ выдумывать новое, и для того пишетъ сочиненіе въ такомъ вкусѣ, которой съ лишкомъ за двѣ тысячи лѣтъ откинутъ: ему читатель отвѣтствуетъ: напрасно ты трудишься; ты очень... бѣдной Авторъ! Но мнѣ еще встрѣчается писатель: онъ сочиняетъ пастушескія сочиненія, и на нѣжной своей лирѣ воспѣваетъ златой вѣкъ. Говоритъ что у городскихъ жителей нравы развращенны, пороки царствуютъ, всю отравлено ядомъ; что добродѣтель и блаженство бѣгаютъ отъ городовъ, и живутъ въ прекрасныхъ долинахъ, насажденныхъ благоуханными деревьями, испещренныхъ различными наилутчими цвѣтами, орошенныхъ источниками, протекающими кристаловидными водами, которыя тихо переливаяся по мѣлкимъ прозрачнымъ камушкамъ, восхитительной производятъ шумъ. *Блаженство* въ видѣ пастуха сидитъ при источникѣ, прикрытомъ отъ солнечныхъ лучей густою тѣнью того дуба, которой съ лишкомъ три тысячи лѣтъ зеленымъ одѣвается листіемъ. Пастухъ на нѣжной свирѣли воспѣваетъ свою любовь: во кругъ его летаютъ Зефиры, и тихимъ дыханіемъ пріятное производятъ ему прохлажденіе. *Невинность* въ видахъ поднебесныхъ птицъ, совокупляетъ пріятное свое пѣніе съ пастушескою свирѣлью, и вся природа во успокоеніи сему пріятному внимаетъ согласію. Сама *Добродѣтель* въ видѣ прелестной пастушки одѣта въ бѣломъ платьѣ и увѣнчанная цвѣтами, тихонько подкрадывается; вдругъ передъ нимъ показывается; пастухъ кидаетъ свирѣль, бросается во объя-

тія своей любовницы и говоритъ: Цари всего свѣта, вы завидуете нашему блаженству! Г. Авторъ восхищается, что двумъ смертнымъ такое могъ дать блаженство: и какъ хотя мысленнымъ не восхищаться блаженствомъ; жаль только, что оно никогда не существовало въ природѣ! Творецъ сего блаженства хотя знаетъ всю цѣну завидныя сея жизни, однакожъ живетъ въ городѣ, въ суетахъ сего міра; а сіе, какъ сказываютъ, дѣлаетъ онъ ради двухъ причинъ: первое, что въ нашихъ долинахъ зимою много бываетъ снѣгу, а второе, что ежели бы онъ туда переселился, то городскія жители совсемъ бы позабыли блаженство сея жизни. Читатель ему отвѣтствуетъ старинною пословицею: *чужую душу въ рай, а самъ ни ногой*—Бѣдной Авторъ, ты другихъ и себя обманываешь! Тутъ предстаетъ передъ мои глаза толпа писателей, которыя то бредятъ, что видятъ. Ихъ сочиненія иногда читаютъ; но ничего имъ не отвѣтствуютъ. — О пребѣдныя Авторы! ваша участь достойна сожалѣнія! Но какъ изчислить всѣхъ? Болѣзни Авторскія, такъ какъ и сами они, многообразны. Писатели желаютъ быть Хамелеонами, преображающимися по своему желанію, и показывающимися наилутчими во всѣхъ видахъ; но рѣдкія до сего достигаютъ; прочіяже всегда въ одномъ, да и въ худомъ показываются видѣ. Г. Живописецъ, вотъ картина, изображающая тебѣ Авторовъ; я не входилъ въ подробности, но начертаніемъ однимъ изобразилъ различныя роды упражненія, къ коимъ ты себя опредѣляешь. Я не упомянулъ также о сей грозной тучѣ, на труды Авторскія всегда устремляющейся; о сихъ острыхъ критическихъ языкахъ которыя даже до буквы неправильно по-

ставленной, писателямъ никогда не прощаютъ. Что будетъ съ твоими сочиненіями, когда и славнѣйшихъ писателей труды не щадятся? Тебѣ извѣстно, какія свойства, дарованія и способности составляютъ хорошаго писателя: они бываютъ рѣдки, но когда бываютъ, тогда обожаютъ ихъ просвѣщенныя читатели. И такъ разсмотря себя оставь сіе упражненіе—Но ты молчишь; и я съ досадою на твоемъ лицѣ усматриваю непремѣнное желаніе быть Авторомъ. Еще разъ прошу тебя, оставь сіе упражненіе—Не льзя, ты мнѣ отвѣчаешь: такъ прости бѣдной писатель; съ превеликимъ соболѣзнованіемъ оставляю тебя на скользкой сей дорогѣ. По малой мѣрѣ не позабывай никогда словъ мною тебѣ сказанныхъ: что люди, упорно подвергающія себя осмѣянію, никакого не достойны сожалѣнія. Впротчемъ я даю тебѣ совѣтъ: изберн изъ своихъ пріятелей друга, которой бы былъ человѣкъ разумной, знающей и справедливой, слушай его критику безъ огорченія; слѣдуй его совѣтамъ; и хотя оныя обидятъ твое самолюбіе, но однакожъ знай, что они будутъ имѣть дѣйствіе, подобное горькимъ лѣкарствамъ отъ болѣзней насъ освобождающимъ. Наконецъ требую отъ тебя, чтобы ты въ сей дорогѣ никогда не разлучался съ тою прекрасною женщиною, съ которою иногда тебя видалъ: ты отгадать можешь, что она называется *Осторожность*.

ЖИВОПИСЕЦЪ ЛИСТЪ 3.

I.

Принявъ названіе Живописца, и сдѣлавшись Авторомъ еженедѣльныхъ листовъ, нечувствительно сдѣлался я должникомъ всѣхъ моихъ читателей. Они безъ сомнѣнія потребуютъ въ каждую недѣлю полулиста моего сочиненія: я имъ такъ обѣщалъ, и почтенное Авторское слово сохраню неотмѣнно. Да для чегожъ бы и не сохранить онаго?—По модѣ нашего времяни писать не трудно: благодаря Бога, правая рука моя здорова, буквы чертить по бумагѣ научился еще съ робячества. Я говорю чертить, для того, что Россійской грамотѣ учился я у дьячка, которой и самъ не зналъ ни какихъ правилъ, а о Грамматикѣ и не слыхивалъ; слѣдовательно учился я искуству попугая и обезьяны: но ето разумѣется только о Россійскомъ языкѣ, которому почти и всѣ обучаются безъ правилъ; и такъ были бы только чернила, перо, бумага, такъ и совсемъ Авторъ. О времена! блаженныя времена, въ которыя не учась грамотѣ становимся попами! Нѣкоторыя ненавистники писмянъ новаго вкуса утверждаютъ, что ко всякому сочиненію потребенъ разумъ, ученіе, критика, разсужденіе, знаніе Россійскаго языка и правилъ грамматическихъ — Устыдитесь, государи мои строгія судьи, устыдитесь своего мнѣнія; оставте ваше заблужденіе: посмотрите только на молодыхъ нашихъ пи-

сателей, вы увидите, что они никогда вашимъ не слѣдуютъ правиламъ. Вы то проповѣдуете, чего не было, или что вышло уже изъ моды: кто же будетъ вамъ слѣдовать? — Право ни кто. По малой мѣрѣ, мы молодыя люди, никогда не отяготимъ памяти своей ненужнымъ знаніемъ; да ето и похвально: для чего безъ нужды трудиться? На что разумъ, когда и безъ онаго писать можно? Что въ разсужденіи и критикѣ?—все ли захватить Автору, надобно и читателямъ что нибудь оставить. Пропади знаніе Россійскаго языка, ежели и безъ него можно жить въ большомъ свѣтѣ: а етотъ большой свѣтъ составляютъ почтенныя и любезныя наши щеголи и щеголихи. Изчезните правила грамматическія! вы только пустое дѣлаете затрудненіе. А ученіе—О! ета ненужная тягость совсемъ брошена — Но что я слышу! строгія, ученыя и благоразумныя люди негодуютъ; вооружаются противъ меня; хотятъ дѣлать опроверженіе моимъ правиламъ: я пропалъ! — Но постойте, государи мои, есть у меня защитники; они за меня отвѣтствовать вамъ будутъ — Благородныя невѣжды, вѣтреныя щеголи, модныя вертопрашки, на васъ полагаю я надежду; вы держитесь моихъ правилъ, защищайте ихъ: острыя ваши языки къ тому способны. И вы добрыя старички, вы думаете о наукахъ согласно со мною, но подругимъ только причинамъ. Вы разсуждаете такъ: «дѣды «наши и прадѣды ничему не учились, да жили щастли«во, богато и спокойно: науки да книги переводятъ толь«ко деньги: какая отъ нихъ прибыль, одно раззоренье!» Дѣтямъ своимъ вы говорите: «рости только великъ, да «будь щастливъ, а умъ будетъ»—Прекрасное нравоуче-

ніе! неоспоримыя доводы: новая истинна открывается свѣту! Благоразумныя старцы, премудрыя воспитатели, въ вашемъ невѣжествѣ видно нѣкоторое подобіе, славнѣйшія въ нашемъ вѣкѣ человѣческія мудрости, *Жанъ Жака Руссо*: онъ разумомъ, а вы невѣжествомъ доказываете, что науки безполезны. Какія ужасныя противоположники соглашаются утвердить вредъ отъ наукъ происходящій! Въ первый еще разъ, сіи непримиримыя непріятели *разумъ* и *невѣжество* во единомысліе приходятъ. Прорицалище нашего вѣка, славный *Вольтеръ*, познай свое заблужденіе: старики наши, паче тебя тягостію лѣтъ обремененныя, никогда неговорятъ, что на четырехъ ногахъ ходить поздно. Послушаемъ теперь, какъ молодыя люди о наукахъ разсуждаютъ.

«Что въ наукахъ, говоритъ *Наркисъ*: Астрономія умножитъ ли красоту мою паче звѣздъ небесныхъ? — «Нѣтъ: начтожъ мнѣ она? Математика прибавитъ ли моихъ доходовъ—Нѣтъ: чортъ ли въ ней! Физика изобрѣтетъ ли новыя таинства въ природѣ, служащія къ моему украшенію—Нѣтъ: куда она годится! Исторія покажетъ ли мнѣ человѣка, которой бы былъ прекраснѣе меня—Нѣтъ: какаяжъ въ ней нужда? Географія сдѣлаетъ ли меня любезнѣе—Нѣтъ: такъ она и не достойна моего вниманія. Протчія всѣ науки могутъ ли произвесть чудо, что бы красавицы въ меня не влюблялись—Нѣтъ: ето невозможность; слѣдовательно для меня всѣ они безполезны. А о словесныхъ наукахъ и говоритъ нѣчего. Одна только изъ нихъ заслуживаетъ нѣсколько мое вниманіе: ето стихотворство; да и оно нужно мнѣ тогда только, когда захочется написать пѣсен-

«ку. Я бы началъ обучаться оному, да то бѣда, что я «не знаю Рускова языка. Покойный батюшка ево тер- «петь не могъ; да и всю Россію ненавидѣлъ: и сожа- «лѣлъ, что онъ въ ней родился; полно етому дивиться «нѣчему; она и подлинно ето заслуживаетъ: человѣкъ «съ моими достоинствами не можетъ найти щастія! То, «что имѣю я, другой почелъ бы щастіемъ, но для меня «етова мало. — О Россія! Россія! когда научишься ты «познавать достоинства людскія!» Такъ разсуждаетъ *Наркисъ*: достоинства его слѣдующія; танцуетъ прелестно, одѣвается щегольски, поетъ какъ ангелъ: красавицы почитаютъ его *Адонидомъ*, а солюбовники *Марсомъ*, и всѣ его трепещутъ; да есть чего и страшиться: ибо онъ уже принялъ нѣсколько уроковъ отъ Французскаго *Шпагобойца*. Къ дополненію его достоинствъ играетъ онъ во всѣ карточныя игры совершенно, а притомъ разумѣетъ по Французски—Не завидной ли ето молодецъ? не совершенной ли онъ человѣкъ?—Читатель, скажи мнѣ на ухо, каковы будутъ дѣти *Наркисовы*.

Худовоспитанникъ говоритъ: «науки никакой не по- «гутъ мнѣ принести пользы: я опредѣлилъ себя къ во- «енной службѣ, и я имѣю уже офицерской чинъ. Науки «сдѣлаютъ ли меня смѣлѣе? прибавятъ ли мнѣ храбрости? «сдѣлаютъ ли исправнѣйшимъ въ моей должности—Нѣтъ: «такъ они для меня и негодятся. Моя наука вся въ томъ «состоитъ, чтобы умѣть кричать: пали! коли! руби! и «быть строгу до чрезвычайности къ своимъ подчинен- «нымъ. Науки да книги умягчаютъ сердце; а отъ мягко- «сердечія до трусости одинъ только шагъ. И такъ пусть «учатся и читаютъ книги люди празныя; а я храбростію

«одною найду себѣ щастіе.» *Худовоспитанникъ* точно такъ и поступаетъ: его называютъ храбрымъ офицеромъ, похваляютъ: отецъ его радуется, что имѣетъ столь любезнаго сына. Наконецъ, по многимъ храбрымъ его поступкамъ, сдѣлалъ онъ прехраброе дѣло: его пожаловали бы большимъ чиномъ, естьли бы онъ что нибудь разумѣлъ опричь науки рубить шпагою. Но тутъ уже смотрятъ на него другими глазами, и говорятъ: онъ былъ нашлутчей офицеръ, когда былъ подъ командою, но будетъ самой худой начальникъ. Какъ повѣрить ему полкъ? онъ ничему не учился, ничего не читалъ и ничего не знаетъ. Вмѣсто большаго чина, даютъ ему деньги: онъ щитаетъ себя обиженнымъ, думая, что когда былъ онъ хорошимъ офицеромъ, то былъ бы еще лутчимъ начальникомъ. Онъ идетъ въ отставку, и говоритъ: достоинства не награждаются. *Худовоспитанникъ* пріѣзжаетъ въ другую непріятельскую землю, а именно во свое помѣстье. Служа въ полку, собиралъ онъ иногда съ непріятелей контрибуцію, а здѣсь со крестьянъ своихъ собираетъ тяжкія подати. Тамъ рубилъ невѣрныхъ, а здѣсь сѣчетъ и мучитъ правовѣрныхъ. Тамъ не имѣлъ онъ никакія жалости; нѣтъ у него и здѣсь никому и никакой пощады; и естьли бы можно ему было со крестьянами своими поступать въ силу военнаго устава, то не отказался бы онъ ихъ *Аркибузировать*. Тамъ отнятіемъ непріятельскихъ земель служилъ онъ отечеству, а здѣсь отнятіемъ оныхъ у маломощныхъ своихъ сосѣдей, дѣлается преступникомъ законовъ отечества—Правильно говорилъ *Худовоспитанникъ*, что науки для него безполезны; не нужны они ему были въ военной службѣ, а въ отставкѣ и со всемъ не годятся!

Кривосудъ получа судейской чинъ говоритъ: «по на-«укамъ ли чины роздаются? Я ничему не учился, и не «хочу учиться; однакожъ я судья. Моя наука теперь въ «томъ состоитъ, чтобы знать наизусть всѣ указы, и въ «случаѣ нужды умѣть ихъ употреблять въ свою пользу. «Науками ли получаютъ деньги? науками ли наживаютъ «деревни? науками ли пріобрѣтаютъ себѣ покровителей? «науками ли доставляютъ себѣ въ старости спокойную «жизнь? науками ли дѣлаютъ дѣтей своихъ щастливы-«ми—Нѣтъ: такъ къ чему же они годятся? Будь уче-«ной человѣкъ, хотя семи пядей во лбу, да попадись «къ намъ въ приказъ, то переучимъ мы его на свой «салтыкъ: буде не захочетъ ходить по міру. О науки! «науки! безполезная тяжесть. О ученыя! ученыя! вы то «прямыя дураки.»

Продолженіе въ слѣдующемъ листѣ.

ИЗВѢСТІЕ.

Сочиненіе сіе выходитъ будетъ каждой недѣли во вторникъ по полулисту и продаваться у переплетчика Миллера, живущаго въ луговой миліонной улицѣ, въ собственномъ домѣ, каждый № по 4 к. Кто соблаговолитъ помѣстить свои сочиненія въ сей журналъ, тѣ могутъ оныя сообщать къ переплетчику, съ надписаніемъ: *Г. Живописцу*; но притомъ сочинитель сего журнала проситъ покорно, чтобы сообщаемыя сочиненія присылаемы были со окончаніемъ.

ЖИВОПИСЕЦЪ ЛИСТЪ 4.

Продолженіе.

Щеголиха говоритъ: «какъ глупы тѣ люди, которыя «въ наукахъ самыя прекрасныя лѣта погубляютъ. Ужесть «какъ смѣшны ученыя мущины; а наши сестры уче- «ныя — О! они то совершенныя дуры. *Безпримѣрно*, «какъ они смѣшны! Не для географіи одарила насъ при- «рода красотою лица; не для математики дано намъ острое «и проницательное понятіе; не для исторіи награждены «мы плѣняющимъ голосомъ; не для Фисики вложены въ «насъ нѣжныя сердца; для чего же одарены мы сими «преимуществами? — чтобы были обожаемы. — Въ сло- «вѣ, *умѣть нравиться*, всѣ наши заключаются науки. «За науки ли любятъ насъ до безумія? наукамъ ли въ «насъ удивляются? науки ли въ насъ обожаютъ. — Нѣтъ, «право нѣтъ. Пусть ученая женщина покажется въ ту «бесѣду, въ которой будутъ всѣ наши *щеголи*, украшаю- «щія собою мужеской полъ: пусть она туда покажется: «чортъ меня возми! ежели тамъ съ нею хотя одно слово «промолвятъ. А ежели она говорить начнетъ, то всѣ «мущины зѣвать станутъ. Щаслива будетъ она, ежели «случится тамъ нѣсколько человѣкъ ей подобныхъ: то- «гда по малой мѣрѣ хотя не умретъ отъ скуки. Но чтожъ «она тѣмъ выигрываетъ? Не больше, какъ назовутъ ее «ученою женщиною; да и то такія люди, которыхъ са-

«михъ называютъ *педантами*—Прекрасная побѣда! *без-*
«*примѣрно какъ славна!* — Ученая женщина! ученая
«женщина! фуй! какъ ето *неловко*. Напротивъ того,
«ежели приѣду я въ такое собраніе, то въ мигъ окру-
«жатъ меня всѣ мущины. Станутъ наперерывъ хвалить
«меня: одинъ удивляется красотѣ моего лица; другой
«хвалитъ руки; третей станъ; иной походку; тотъ пріят-
«ность моего голоса; иной превозноситъ нѣжность моего
«вкуса въ нарядахъ: словомъ сказать, ни одна изъ без-
«дѣлокъ моихъ даже до булавки не останется, чтобы не
«была расхвалена. Всѣ кричатъ: вотъ прекрасная, пріі-
«ятная и любезная женщина; вотъ чудесное произведе-
«ніе природы; вотъ совершенное ея сотвореніе: она мила
«какъ Ангелъ! Разумѣется, что всѣ такія слова безъ
«проводника идутъ къ сердцу. Не успѣю я осмотрѣться,
«какъ уже тысячи найду обожателей. Одинъ говоритъ,
«что онъ хотѣлъ бы быть вѣчно моимъ слугою, лишь
«бы могъ имѣть щастіе всегда меня видѣть. Какъ ето
«много! *безпримѣрно* много; изъ благороднова человѣка
«хочетъ сдѣлаться слугою, для того только, чтобы чаще
«на меня смотрѣть и удивляться. Другой говоритъ, что
«онъ оставилъ бы престолъ всего свѣта, лишъ бы могъ
«быть моимъ любимымъ невольникомъ.—Ужасная мысль!
«годится хоть въ трагедію; по щастью, что онъ еще не ко-
«роль, а то бы и въ истинну онъ такъ сдурачился.—Одна-
«кожъ ево до такова дурачества не допустили бы. Но какъ
«изчислить все, что говорятъ учтивыя мущины красави-
«цамъ? ласкательствы ихъ неограниченны, а учтивости
«безконечны. Слыша ето, какъ не восхищаться? какъ за
«учтивости не платить ласкою? Я такъ и поступаю: съ

«однимъ поговорю, другова похвалю, на третьева брошу «взглядъ, поражающей ево сердце, и такъ далѣе. Я ни «одному ничего не обѣщаю, но однакожъ всѣхъ ихъ къ «себѣ привязываю. Ужесть какъ завидно состояніе кра- «савицы, и какъ *безпримѣрно* жалко ученой женщины. «Божусь, что я своего состоянія ни на какое не промѣ- «няю. Какаяжъ нужда мнѣ въ наукахъ? — право ника- «кой.» Такъ разсуждаетъ *Щеголиха*. Читатель скажи, не- правильно ли ея разсужденіе?

Молокосос говоритъ: «я не хочу тратить времени «для наукъ: они мнѣ не нужны. Чины получаю я по «милости моего дядюшки, гораздо еще преимущественнѣе «передъ тѣми, которыя въ наукахъ погубили молодыя «свои лѣта. Деньги на мое содержаніе жалуетъ мнѣ ба- «тюшка, а когда недостаетъ оныхъ, тогда забираю въ «долгъ, и мнѣ вѣрятъ. Начальники мои не только что «любятъ меня, но еще стараются угождать мнѣ, дѣлая «тѣмъ услугу знатнымъ моимъ родственникамъ. Въ люб- «ви щастливъ я и безъ наукъ: всякая красавица за «честь себѣ почтетъ быть моею женою. Куда я ни пріѣ- «ду, вездѣ меня ласкаютъ; всѣ хвалятъ, удивляются «моей живости, превозносятъ остроту мою; и такъ по «всему науки для меня безполезны.» Читатель! прибавь отъ себя, какъ *Молокососа* всѣ внутренно называютъ.

Волокита разсуждаетъ такъ: «какая польза мнѣ въ «наукахъ. Науками ли приходятъ въ любовь у прекрас- «нова пола? Науками ли имъ нравятся? науками ли упор- «ныя побѣждаютъ сердца? науками ли украшаютъ лобъ? «науками ли торжествуютъ надъ соплобовниками?—Нѣтъ: «такъ они для меня и не годятся. Моя наука состоитъ

«въ томъ, чтобы умѣть одѣваться со вкусомъ, чесать «волосы по модѣ, говорить всякія трогающія бездѣлки, «воздыхать къ статѣ, хахотать громко, *сидѣть разбро-* «*сану*, имѣть пріятной видъ, плѣняющую походку, быть «*совсемъ развязану*: словомъ, дойтить до того, чтобы «называли шалуномъ тѣ люди, которыхъ мы дураками «называемъ: когда можно до етаго дойти, то ето зна- «читъ, дойти до совершенства въ моей наукѣ. Въ бе- «сѣдѣ со *щеголихами* бываю я воленъ до наглости, «смѣлъ до безстыдства, живъ до дерзости; меня за ето «называютъ *рѣзвымъ робенкомъ*; и хотя ударятъ меня «по рукѣ и скажутъ *перестань, ты очень дерзокъ*: од- «накожъ я никогда отъ того не краснѣю. Слово, я не «могу владѣть собою, меня въ такомъ случаѣ извиня- «етъ. Впротчемъ всегда долженъ я быть вѣтренъ и зло- «языченъ. Съ которою *машусь*, ту одну хвалю; въ ней «одной всѣ нахожу совершенства, а въ протчихъ вижу «только недостатки и пороки. Что нужды, ежели они «ихъ и не имѣютъ, довольно что я тѣмъ дѣлаю угод- «ность моей красавицѣ. Необходимо также долженъ я «умѣть портить Руской языкъ, и говорить нынѣшнимъ «щегольскимъ женскимъ нарѣчіемъ: ибо въ наше время «почитается ето за одно не изъ послѣднихъ достоинствъ «въ любовномъ упражненіи. Открытіе любви долженъ я «дѣлать по новому обыкновенію, и никогда не допус- «кать, чтобы въ такія разговоры вмѣшивалось сердце. «Ето было бы *дурачиться по дѣдовски*. По нашему «надобно любить такъ, чтобы всегда отстать можно бы- «ло. Открытіе дѣлаю я всегда такъ, какъ будто ето не- «нарочно случилось; напримѣръ: разсказывая красавицѣ

«о какомъ нинаесть любовномъ приключеніи, вдругъ пе-
«рерываю разговоръ—Е! къ статѣ сударыня, сказать ли
«вамъ новость? вить я влюбленъ въ васъ *до дурачества*: вы своими прелестями такъ вскружили мнѣ го-
«лову, что я *не въ своей сижу тарелкѣ*,— Шутишь,
«она мнѣ отвѣтствуетъ ужесть какъ *славно* ты себя *рас-
«крываешь — Безпримѣрно славно*, сударыня; что мнѣ
«нужды, какъ вы ето почитаете *реввостью* или *дурачествомъ* только я вамъ говорю въ *настоящую*, что я
«*дурачусь*. Пусть я не доживу до *мѣднаго таза*, ежели говорю не правду! Послѣ такой клятвы, бросаю на
«нее *нѣжной взглядъ*, а между тѣмъ начинаю хвалить ее
«и тутъ даю полную свободу языку моему, которой ска-
«зать истинну въ такихъ случаяхъ очень остеръ. Она
«часто потупляется, будто бы стыдилась слушать себѣ
«похвалу, иногда усмѣхается, иногда удивляется и по
«часту говоритъ: *перестань шутить, вить не утьш-
«но слушать вздоръ*. Послѣ етаго я даю свободу ру-
«камъ: мнѣ говорятъ: *ето ужъ и въ истинную глу-
«пость* — а я далѣе, далѣе; а наконецъ она и сама
«повѣритъ, что ето была не шутка. Потомъ бываемъ
«мы нѣсколько дней смертельно другъ въ друга влюб-
«лены: и ето называется, *дурачиться до безумія*. Мы
«располагаемъ дни такъ, чтобы всегда быть вмѣстѣ: въ
«*Сьринькой* ѣздимъ въ Аглинскую комедію; въ *Пестрин-
«кой* бываемъ въ Французской; въ *Колетца* въ маска-
«радѣ, въ *Мѣдной тазъ* въ концертѣ; въ *Сайку* смот-
«римъ руской спектакль; въ *Умойся* дома; а въ *Крас-
«ное* ѣздимъ прогуливаться за городъ. Такимъ образомъ
«держу ее своимъ *болванчикомъ* до того времяни, какъ

«встрѣтится другая. Вотъ моя наука! она безъ сомнѣ-«нія важнѣе всѣхъ наукъ; и я знаю ее въ совершен-«ствѣ. Пусть ученой человѣкъ со всею своею премудро-«стію начнетъ при мнѣ строить *дворики*, то я его такъ «проучу, что онъ отъ всякой *щеголихи*, тотчасъ *на че-«тырехъ ногахъ поскачетъ*.»

О великой человѣкъ! ты разсуждаешъ премудро, наука твоя *безпримѣрно славна*, и ты такъ ученъ, что я *отъ тебя падаю*; ты *вѣчно посадилъ себя въ голову вздоръ*: какъ тебѣ не удивляться!

Читатель! съ позволенія твоего, не пора ли оставить разсужденія нѣкоторыхъ нашихъ молодыхъ людей о наукахъ. Кажется мнѣ, что я уже ими довольно тебѣ наскучилъ. Ты ожидаешъ чего нибудь поважнѣе, потерпи пожалуй, все будетъ: только чуръ не сердиться.

II.

ОТРЫВОКЪ ПУТЕШЕСТВІЯ

ВЪ * * *

И * * * Т * * *

ГЛАВА XIV.

. . . . . .

. . . . . По выѣздѣ моемъ изъ сего города, я останавливался во всякомъ почти селѣ и деревнѣ: ибо всѣ они равно любопытство мое къ себѣ привлекали; но въ три дни сего путешествія, ничего не нашелъ я похвалы достойнаго. *Бѣдность* и *рабство* повсюду встрѣчалися со мною во образѣ крестьянъ. Непаханныя поля, худой урожай хлѣба, возвѣщали мнѣ какое помѣщики тѣхъ мѣстъ о земледѣліи прилагали раченіе. Маленькія покрытыя соломою хижины изъ тонкаго заборника, дворы огороженныя плѣтнями, не большія *одонья* хлѣба, весьма малое число лошадей и рогатаго скота, подтверждали сколь велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны.

Не пропускалъ я ни одного селенія, чтобы не разспрашивать о причинахъ бѣдности крестьянской. И слу-

шая ихъ отвѣты, къ великому огорченію всегда находилъ, что помѣщики ихъ сами тому были виною. О человѣчество! тебя не знаютъ въ сихъ поселеніяхъ. О господство! ты тиранствуешь надъ подобными себѣ человѣками. О блаженная добродѣтель, любовь ко ближнему, ты употребляешься во зло: глупыя помѣщики сихъ бѣдныхъ рабовъ изъявляютъ тебя болѣе къ лошадямъ и сабакамъ, а не къ человѣкамъ! Съ великимъ содраганіемъ чувствительнаго сердца, начинаю я описывать нѣкоторыя села, деревни и помѣщиковъ ихъ. Удалитесь отъ меня ласкательство и пристрастіе, низкія свойства подлыхъ душъ: истинна перомъ моимъ руководствуетъ!

Деревня *Разворенная* поселена на самомъ низкомъ и болотномъ мѣстѣ. Дворовъ около дватцати, стѣсненныхъ одинъ подлѣ другаго, огорожены изсохшими плѣтнями, и покрыты отъ одного конца до другаго, сплошь соломою. Какая нещастная жертва, жестокости пламяни посвященная нерадивостію ихъ господина! Избы, или лутче сказать бѣдныя развалившіяся хижины, представляютъ взору путешественника, оставленное человѣками селеніе. Улица покрыта грязью, тиною и всякою нечистотою, просыхающая только зимнимъ времянемъ. При въѣздѣ моемъ въ сіе обиталище плача, я не видалъ ни одного человѣка. День тогда былъ жаркой; я ѣхалъ въ открытой колескѣ; пыль и жаръ столько обезпокоивали меня дорогою, что я спѣшилъ войти въ одну изъ сихъ развалившихся хижинъ, дабы нѣсколько успокоиться. Извощикъ мой остановился у воротъ одного бѣднаго дворишка, сказывая, что ето былъ лутчей во всей деревнѣ; и что хозяинъ онаго зажиточнѣе былъ всѣхъ протчихъ,

по тому, что имѣлъ онъ корову. Мы стучалися у воротъ очень долго; но намъ ихъ не отпирали. Сабака, на дворѣ привязанная, тихимъ и осиплымъ лаяніемъ, казалось давала знать, что ей оберегать было нѣчево. Извощикъ вышелъ изъ терпѣнія, перелѣзъ черезъ ворота, и отперъ ихъ. Колясна мои взвезена была на грязной дворъ, намощенной соломою: ежели оною намостить можно грязное и болотное мѣсто; а я вошелъ въ избу растворенными на стешь дверями. Заразительной духъ отъ всякой нечистоты, чрезвычайной жаръ, и жужжаніе безчисленнаго множества мухъ, оттуда меня выгоняли; а вопль трехъ оставленныхъ младенцевъ удерживалъ во оной. Я спѣшилъ подать помощь симъ несчастнымъ тварямъ. Пришедъ къ лукошкамъ, прицеплѣннымъ веревками къ шестамъ, въ которыхъ лежали безъ всякаго призрѣнія оставленныя младенцы, увидѣлъ я, что у одного упалъ сосокъ съ молокомъ; я его поправилъ и онъ успокоился. Другова нашелъ, обернувшагося лицомъ къ подушонкѣ изъ самой толстой холстины, набитой соломою; я тотчасъ его оборотилъ, и увидѣлъ, что безъ скорой помощи, лишился бы онъ жизни: ибо онъ не только что посинѣлъ, но и почернѣвъ, былъ уже въ рукахъ смерти: скоро и етотъ успокоился. Подошедъ къ третьему увидѣлъ, что онъ былъ разпеленанъ, множество мухъ покрывали лице его и тѣло и немилосердо мучили сего робенка; солома, на которой онъ лежалъ, также его колола, и онъ произносилъ пронзающій крикъ. Я оказалъ и етому услугу, согналъ всѣхъ мухъ, спеленалъ его другими, хотя нечистыми, но однакожъ сухими пеленами, которыя въ избѣ тогда развѣшены были; поправилъ со-

лому, которую онъ борохтаясь, ногами взбилъ: замолчалъ и етотъ. Смотря на сихъ младенцевъ, и входя въ бѣдность состоянія сихъ людей, вскричалъ я: жестокосердый тиранъ отъемлющій у крестьянъ насущный хлѣбъ и послѣднѣе спокойство! по смотри, чего требуютъ сіи младенцы! У одного связаны руки и ноги: приноситъ ли онъ о томъ жалобы?—Нѣтъ: онъ спокойно взираетъ на свои оковы. Чего же требуетъ онъ? — Необходимо нужнаго только пропитанія. Другой произносилъ вопль о томъ, что бы только не отнимали у него жизнь. Третей вопіялъ къ человѣчеству, что бы его не мучили. Кричите бѣдныя твари: сказалъ я проливая слезы; произносите жалобы свои! наслаждайтесь послѣднимъ симъ удовольствіемъ во младенчествѣ: когда возмужаете, тогда и сего утѣшенія лишитесь. О солнце, лучами щедротъ своихъ * * * озаряющее: призри на сихъ нещастныхъ!

Оказавъ услугу человѣчеству, я спѣшилъ подать помощь себѣ: тяжкой запахъ въ избѣ, столь для меня былъ вреденъ, что я насилу могъ выйти изъ оной. Пришедъ къ своей колискѣ, упалъ я безъ чувства во оную. Приключившейся мнѣ обморокъ былъ не продолжителенъ: я опомнился, спрашивалъ холодной воды: извощикъ мой ее принесъ изъ колодязя; но я не могъ пить ея по причинѣ худаго запаха. Я требовалъ чистой; но во отвѣтъ услышалъ, что во всей деревнѣ лутче етой воды нѣтъ, и что всѣ крестьяне довольствуются сею пакостною водою. Помѣщики, сказалъ я, вы никакого не имѣете попеченія о сохраненіи здоровья своихъ кормильцевъ!

Я спрашивалъ, гдѣ хозяева того дома: извощикъ отвѣтствовалъ: что всѣ крестьяне и крестьянки въ полѣ;

прибавя къ тому, что когда былъ я въ избѣ, то выходилъ онъ въ то время за заднія ворота посмотрѣть, не найдетъ ли тамъ ково нибудь изъ крестьянъ; что нашелъ онъ тамъ одного спрятавшагося мальчика, которой ему сказалъ, что увидѣвъ изъ далека пыль отъ моей коляски, подумали они, что ето ѣдетъ ихъ баринъ, и для того отъ страха разбѣжались. Они скоро придутъ, сказалъ извощикъ; я ихъ увѣрилъ, что мы проѣзжія, что ты боярин доброй, что ты не дерешься, и что ты пожалуешь имъ на лапти. Вскорѣ послѣ того пришли два мальчика и двѣ дѣвочки отъ пяти до семи лѣтъ. Они всѣ были босиками, съ разкрытыми грудями и въ однихъ рубашкахъ; и столь были дики, и застращены именемъ барина, что боялись подойти къ моей колескѣ. Извощикъ ихъ подвелъ, приговаривая: *не бойтесь, онъ васъ не убьетъ: онъ боярин доброй; онъ пожалуетъ вамъ на лапти.* Робятишки подведены будучи близко къ моей колескѣ, вдругъ всѣ побѣжали назадъ крича: *ай! ай! ай! берите все что есть, только не бейте насъ!* Извощикъ схватя одного изъ нихъ спрашивалъ, чего они испужались. Мальчишка тресучись отъ страха говорилъ: *да! чево испужались - - - ты насъ обманулъ - - - на етомъ баринъ красной кафтанъ - - - ето никакъ нашъ баринъ - - - онъ насъ васпчотъ.* Вотъ плоды жестокости и страха: о вы худыя и жестокосердыя господа! вы дожили до того нещастія, что подобныя вамъ человѣки боятся васъ какъ дикихъ звѣрей! Не бойся, другъ мой, сказалъ я испуженному краснымъ кафтаномъ мальчику; я не вашъ баринъ: подойди ко мнѣ, я тебѣ дамъ денегъ. Мальчикъ оставилъ страхъ, подошелъ ко мнѣ, взялъ деньги, по-

клонился въ ноги, и оборотясь кричалъ другимъ: *ступайте сюда робята*; *ето не нашъ баринъ*; *етотъ баринъ доброй*: *онъ даетъ деньги и не дерется!* Робятишки тотчасъ всѣ ко мнѣ прибѣжали: я далъ каждому по нѣскольку денегъ и по пирожку, которыя со мною были. Они всѣ кричали: *у меня деньги! у меня пирогъ!*

Продолженіе будетъ впредь.

Сіе сатирическое сочиненіе, подъ названіемъ путешествія въ * * * получилъ я отъ г. И. Т. съ прошеніемъ, чтобы оно помѣщено было въ моихъ листахъ. Естьли бы ето было въ то время, когда умы наши и сердца заражены были Французскою націею, то не осмѣлился бы я читателя моего поподчивать съ етого блюда; потому что оно приготовлено очень солоно, и для нѣжныхъ вкусовъ благородныхъ невѣждъ горьковато. Но нынѣ премудрость, сѣдящая на престолѣ, истинну покровительствуетъ во всѣхъ дѣяніяхъ. И такъ я надѣюсь, что сіе сочиненьице заслужитъ вниманіе людей истинну любящихъ. Въ протчемъ я увѣряю моево читателя, что продолженіе сего путешествія удовольствуетъ его любопытство.

III.

ВѢДОМОСТИ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

ИЗЪ ГОСТИНАГО ДВОРА.

Купечество наше, торгующее въ гостиномъ дворѣ, претерпѣваетъ великое помѣшательство въ торговлѣ, отъ прогуливанія знатныхъ госпожъ и господъ по гостиному двору. Сія мода недавно вошла во употребленіе; и купечеству нашему тѣмъ болѣе вредна, что госпожи и господа пріѣзжаютъ туда въ великомъ множествѣ; садятся въ лавкахъ бесѣдовать; пересматриваютъ всѣ товары, какія только есть; разговариваютъ о нарядахъ и любовныхъ дѣлахъ; пересмѣхаютъ всѣхъ проходящихъ, а между тѣмъ купцы теряютъ напрасно свое время. Посредственнаго состоянія люди видя въ лавкахъ знатныхъ людей, изъ учтивости проходятъ мимо и не покупаютъ нужнаго для своего употребленія. Сіи тягостныя для хозяина гости просидѣвъ часа два въ лавкѣ выходятъ; а купецъ принужденъ бываетъ часа три прибирать разбросанныя товары, которыя гостямъ своимъ показывалъ, и изъ которыхъ они ничево не купили. Пришедшія для покупки товаровъ люди уходятъ домой, и принуждены бываютъ приходить въ гостиной дворъ раза по три за тѣмъ, что бы могли они

купить въ десять минутъ. Гости, гостинаго двора, переходятъ изъ лавки въ лавку, ищутъ знакомыхъ; находятъ, и съ ними еще садятся и разговариваютъ до того времяни, какъ уже будетъ поздно. Купечество наше обѣщаетъ отъ себя немалое награжденіе тому изъ модныхъ господъ, которой, чрезъ изкорененіе сея моды, доставитъ имъ свободную торговлю. Награжденіе сіе, какъ сказываютъ, состоять будетъ въ томъ, что вся *Суровская* линія, сложася съ другими, сдѣлаетъ благодѣтелю своему кредитъ на десять тысячь рублей. Должно ожидать отъ сего желаемой пользы: ибо кто въ состояніи вывесть сіе изъ моды, тотъ не захочетъ потерять сію находку. Купечество же потерю свою щитать будетъ тогда не болѣе какъ въ трехъ тысячахъ рублей.

ИЗЪ МИЛЛІОННОЙ.

Здѣсь примѣчена великая перемѣна въ продажѣ книгъ. Прежде жаловались, что на Россійскомъ языкѣ не было почти никакихъ полезныхъ и ко украшенію разума служащихъ книгъ: а печатались одни только *Романы* и *Сказки*; но однакожъ ихъ покупали очень много. Нынѣ многія наилутчія книги переведены съ разныхъ иностранныхъ языковъ, и напечатаны на Россійскомъ; но ихъ и въ десятую долю противъ *Романовъ* не покупаютъ. Прежнему великому на *Романы* и *Сказки* росходу причиною было, какъ нѣкоторыя сказываютъ, невѣжество; а нынѣшнему малому наилутчимъ книгамъ росходу, полагаютъ причиною великое наше просвѣщеніе. И подлинно, благодаря

Бога, мы нынѣ такъ стали разумны, что не только ничему уже не хотимъ учиться, но и за стыдъ почитаемъ упражняться въ наукахъ, а еще и паче во словесныхъ. Чтожъ касается до подлинныхъ нашихъ книгъ, то они никогда не были въ модѣ, и совсемъ не расходятся; да и кому ихъ покупать? просвѣщеннымъ нашимъ господчикамъ онѣ не нужны, а невѣжамъ и совсѣмъ негодятся. Кто бы во Франціи повѣрилъ, ежели бы сказали, что *Волшебныхъ Сказокъ* разошлося больше сочиненій *Расиновыхъ?* А у насъ ето сбывается: *Тысяча одной ночи* продано гораздо больше сочиненій *г. Сумарокова.* И какой бы Лондонской книгопродавецъ не ужаснулся, услышавъ, что у насъ двѣсти ексемпляровъ, напечатанной книги, иногда въ десять лѣтъ на силу разкупятся? О времена! о нравы! Ободряйтесь Россійскія писатели! сочиненія ваши скоро и совсемъ покупать перестанутъ.

ИЗЪ МОСКВЫ.

Свирѣпствовавшая въ нашемъ городѣ заразительная болѣзнь прекращена совсѣмъ премудрыми учрежденіями Дражайшія Матери всея Россіи, и неусыпными попеченіями нѣкоторыхъ истинныхъ сыновъ отечества, приносившихъ жизнь свою въ жертву смерти, для нашего избавленія. Да начертаетъ истинна имена ихъ во храмахъ славы и вѣчности! И мы паки наслаждаемся вожделѣннымъ спокойствіемъ. О когда бы могла такъ скоро истребиться другая болѣзнь, въ Москвѣ и Петербургѣ укоренившаяся! Подъ сею болѣзнію разумѣемъ мы слѣпое пристрастіе нѣ-

которыхъ знатныхъ Россійскихъ бояръ и молодыхъ господчиковъ во всѣмъ иностранцамъ. Къ стыду нашему сіе пристрастіе весьма далеко простирается. Россійскія ученыя, художники и ремесленники, ими презираются; а иностранныя, хотя многія и безъ всякихъ достоинствъ, ими отлично принимаются, защищаются и всегда находятъ ихъ покровительство. Да истребится сіе вредное, и ни которому народу несвойственное пристрастіе; да воздается достоинствамъ иностранныхъ должная справедливость; но да ободрятся и сыны отечества и процвѣтутъ въ Россіи науки, художества и ремесла, и да будутъ презираемы всѣ ненавидящія отечество!

ИЗЪ ЯРОСЛАВЛЯ.

Ярославль извѣстенъ былъ прежде прекраснымъ только мѣстоположеніемъ и манифактурами, а нынѣ славится и хорошими сочиненіями. Въ нашемъ городѣ сочиненныя комедіи представляются въ Санктпетербургѣ на придворномъ Россійскомъ театрѣ; принимаются съ превеликою отъ всѣхъ похвалою, и почитаются лутчими комедіями въ Россійскомъ театрѣ. И мы можемъ хвалиться, что Ярославль первый изъ городовъ Россійскихъ, обогатилъ Руской театръ тремя комедіями, въ нашихъ нравахъ. Поговариваютъ, что и въ другихъ Россійскихъ городахъ принимаются за сіе упражненіе. У насъ на Руси все дѣлается по модѣ: но дай Боже! чтобы полезныя моды почаще входили во употребленіе, и чтобы науки и художества процвѣтали во всѣхъ Россійскихъ городахъ такъ, какъ въ Петербургѣ и Москвѣ.

ИЗЪ ТВЕРИ

Недавно черезъ нашъ городъ проѣхалъ въ Петербургъ какой то славной *Выдумщикъ*. Онъ разсказывалъ намъ о себѣ великія чудеса, и показывалъ болѣе ста *выдумокъ*, имъ сочиненныхъ. Между протчими выхвалялъ онъ болѣе всѣхъ сочиненіе, въ которомъ онъ предлагаетъ способъ для пріохочиванія молодыхъ Россійскихъ господчиковъ къ чтенію Рускихъ книгъ. Оной въ томъ состоитъ, чтобы Рускія книги печатать Французскими литерами. Г. *Выдумщикъ* увѣряетъ, что симъ способомъ, можно приманить къ чтенію Россійскихъ книгъ, всѣхъ щеголей и щеголихъ; да и самыхъ тѣхъ, которыя Россійскаго языка терпѣть не могутъ. Онъ утверждалъ, что ежели ета его выдумка произведется въ дѣйство, то онъ надѣется отъ сего великаго успѣха: потому что, по его мнѣнію, Французскія буквы мягкостію своею очистятъ всю грубость Россійскаго языка. Сей великой человѣкъ недолго промѣшкалъ въ нашемъ городѣ, и поскакалъ въ Петербургъ.

ИЗВѢСТІЯ.

Будущаго Іюня 10 числа, въ домѣ г. *Наркиса*, состоящемъ въ *Вертопрашной* улицѣ, будутъ розыгрываться лотерейнымъ порядкомъ сердца разныхъ особъ, въ разныя времена г. *Наркисомъ* плѣненныя, и за ветхостію къ собственному его употребленію неспособныя. При каждомъ сердцѣ отданы будутъ и крѣпости на оныя состоящія въ любовныхъ письмахъ и портретѣ. Билеты можно

получать въ собственномъ его домѣ, гдѣ и цѣна онымъ будетъ объявлена.

Недавно пріѣхавшій Французъ учредилъ для молодыхъ благородныхъ и мѣщанскихъ дѣтей школу, въ которой преподавать будетъ всѣ въ карточныхъ играхъ употребляемыя хитрости и обманы, въ каждой день отъ 10 по полудни, до 5 часовъ по полуночи. Сей честный и некорыстолюбивый Французъ обязуется какъ сему такъ и другимъ разнымъ ко обогащенію себя средствамъ обучать учениковъ своихъ безъ всякой платы. Но чтобы ученики его больше уважали его наставленія и болѣе бы имѣли прилѣжанія къ скорѣйшему обученію. то требуетъ онъ только сей бездѣлки. чтобы они играли съ нимъ на чистыя деньги. Впротчемъ онъ клянется Французскою своею совѣстію, что въ скорое время учениковъ своихъ приведетъ въ такое состояніе, что они другихъ обучать будутъ. Сей учитель живетъ въ улицѣ *Раззореніе* въ домѣ г. *Безстыднова*.

Прибавленіе къ симъ вѣдомостямъ будетъ впредь.

ЖИВОПИСЕЦЪ ЛИСТЪ 3.

IV.

ПИСЬМО КЪ ГОСПОДИНУ ЖИВОПИСЦУ.

Государь мой!

Никогда не думалъ я, чтобъ сочиненная мною комедія, *О Время*, таковой имѣла успѣхъ, каковымъ вы меня увѣряете: а тѣмъ паче не воображалъ себѣ той чести, которую вы, приписаніемъ еженедѣльныхъ вашихъ листовъ, мнѣ здѣлали. Комедію мою сочинилъ я живучи во уединеніи во время свирѣпствовавшей язвы; и при сочиненіи оной не бралъ я находящихся въ ней умоначертаній ни откуда, кромѣ собственной моей семьи: слѣдовательно не выходя изъ дому своего нашолъ въ немъ одномъ къ составленію забавнаго позорища, довольно обширное поле, для искуснѣйшаго пера; а не для такова, каковымъ я свое почитаю. Что до меня касается; я никакихъ ни требованій, ни желаній не имѣю. Пишу я для собственной своей забавы: и естьли малыя сочиненія мои

приобрѣтутъ успѣхъ, и принесутъ удовольствіе разумнымъ людямъ, то я тѣмъ весьма награжденъ буду. На противъ того естьли услышу, что нѣтъ въ нихъ никому увеселенія, то хотя тѣмъ, ненавидя праздность, отъ писанія и не воздержуся; однакожъ выдавать ихъ болѣ не стану. Имяни своего я не скрываю: но и не напишу его: дабы въ первой разъ не явилось оно въ свѣтѣ въ заглавіи комедій; что для меня самого было бы комедіею; а прибыли въ томъ ни кому нѣтъ, Карпомъ ли или Сидоромъ меня зовутъ. И такъ остава сіе позвольте мнѣ включить здѣсь нѣкоторое примѣчаніе на недавно сочиненную мною комедію, названную *Имянины госпожи Ворчалкиной*. Дошло до меня, что нѣкоторыя критики за непристойно поставляютъ, что *господинъ Фирлифюшковъ*, за безстыдное слово нездержаніе, наказанъ палкою. Говорятъ они, что, «*какъ дескать дворянина за безчестное дѣло бить палкою?*» Я не стану приводить здѣсь бывалоль таковое гдѣ нибудь дѣйствіе, или нѣтъ; ниже хочу извинять поступокъ господина *Геркулова*. Онъ дѣйствительно въ обыкновенномъ общежитіи жестокъ. Но себя я легко оправдать могу, сославшись на самое уложенье. Въ немъ господа критики найдутъ, чему за несдержаніе слова и за бездѣльство люди подвергаются. Еще остается мнѣ отвѣтствовать вамъ на вашу прозьбу. Вы хотите, чтобъ я присылалъ къ вамъ какія нибудь мои сочиненія; сіе съ охотою впредь я исполню, и сожалѣю о томъ только, что на сей случай никакихъ у меня готовыхъ не случилось: ибо я цѣлыя пять мѣсяцовъ занятъ былъ сочиненіями комедій, коихъ пять готовыхъ имѣю, и нѣкото-

рыя изъ нихъ отосланы на Ѳеатръ, а протчія туда же въ походъ собираются - - - Я впротчемъ есмь,

Государь мой,

вашъ охотный слуга,

сочинитель комедіи:

О Время.

Господину сочинителю комедіи *О Время*, за полученное мною письмо, свидѣтельствую мою благодарность. Впротчемъ я имѣю къ нему сообщить многое, и для того оставляю отвѣтствовать особливымъ письмомъ до слѣдующихъ листовъ.

V.

Государь мой!

Я читаю ваши листы съ большимъ удовольствіемъ; они, надѣюсь я, многимъ принесутъ пользу. Живучи давно въ свѣтѣ, я примѣтилъ, что осмѣяніе порока умаляетъ силу его болѣе, нежели иногда нравоученіе со скукою смѣшанное. Наипаче молодые люди пристаютъ скорѣе къ забавному листочку, и оный читаютъ, нежели къ толстой въ листъ книгѣ, на которую не взглянутъ

безъ негодованія внутренняго, или наружнаго, если хотя малѣйшее окажется имъ принужденіе читать оную. Живый примѣръ тому, что я говорю, имѣю я во своемъ домѣ. Обѣ мои дочери, листовъ вашихъ изъ рукъ почти не выпускаютъ съ того времени, какъ они выходить стали. Когда же бывало говаривалъ я имъ по вечерамъ нравоученія, тогда они, или обѣ вмѣстѣ, или по одиначкѣ, ничего инаго не дѣлали, какъ только поперемѣнно зѣвали; и я примѣчалъ, что наставленія мои слушали они болѣе изъ почтенія и дѣтскаго ко мнѣ повиновенія, а не для того, чтобы находили они въ рѣчахъ моихъ пользу или забаву. Воспользуйтесь, государь мой, симъ полезнымъ, для вашихъ листовъ, расположеніемъ молодыхъ людей: именно: я васъ прошу, напишите что ни наесть такое, что бы заранѣе дочерей моихъ устрашить могло отъ того, если бы они вышедъ за мужъ, похотѣли мужнинъ домъ оставить, или смотря на другихъ, по-модѣ съ ними развестися. Представьте имъ въ забавномъ слогѣ сколь соблазнительны таковые разводы для общества. Опишите стыдъ и поношеніе, коимъ подвергается всякая жена тогда, когда порочное ея поведеніе, побѣгомъ отъ мужа всѣмъ сдѣлается извѣстнымъ; будетъ твердиться во устахъ цѣлаго города; и будетъ служить содержаніемъ разговоровъ на долгое время. Въ такомъ случаѣ говорятъ про нее не только то, что было, но и то, чего въ ней никогда не бывало. Позолотите сію горькую для дѣвицъ пилюлю, и сдѣлайте такъ, чтобы проглотили они ее съ пріятностію. Но чтобы дерево съ корня срубить разомъ, то пожалуйте введите въ сіи новаго рода проповѣди и то, что молодымъ дѣвицамъ, отъ одного слова любви,

пригожѣе краснѣть, нежели имѣть его въ безпрестанномъ употребленіи: ибо сіе слово во устахъ ихъ не должно быть до замужства. Скромное поведеніе, есть драгайшій даръ женскаго пола. Скажите имъ, что *нахалы* мужескаго пола, похожи на мухоморовъ между грибами: они имѣютъ цвѣтъ видный и пригожій изъ дали, но въ близи они вредны; и всякій разумный человѣкъ, проходитъ мимо ихъ, или съ презрѣніемъ кидаетъ. Я читалъ гдѣ то, что и *нахалки* женскаго пола занимаютъ въ обществѣ мѣсто одинакое съ тѣми въ лѣсу грибами, кои на тоненькихъ, пустыхъ и гнилыхъ ростутъ ножкахъ. Извѣстно, что простый народъ всѣ оные роды грибовъ означаетъ однимъ названіемъ поганыхъ. Вы государь мой изо всего сего сдѣлайте употребленіе, какое за благо разсудите; но пожалуйте не слушайте тѣхъ, кои скажутъ вамъ, что примѣръ поганыхъ грибовъ невѣжливъ: ето была бы слабость учтиво обходиться съ пороками. Я пишу все ето для предостереженія моихъ дочерей отъ поганаго обыкновенія; и для того болѣе смотрю на чистоту и силу смысла, а не на нѣжность словъ.

Государь мой,

покорный вашъ слуга

М. М.

п. п. Пропалъ я, господинъ Живописецъ; я думалъ, что дочери мои любятъ ваши листы для нравоученій въ нихъ содержащихся; ничего етаго не бывало: они выби-

рaютъ изъ нихъ только модныя слова, и наизусть ихъ вытверживаютъ. Я засталъ, что они сіи слова списываютъ на особомъ листѣ; всѣ они кажутся имъ пріятны, а наипаче сходятъ съ ума отъ *мѣднаго таза*, и безпрестанно его твердятъ. Дайте совѣтъ, что мнѣ дѣлать?

Во удовольствіе ваше, полученное мною отъ васъ письмо, предается тисненію: пусть дочери ваши прочтутъ ваше же нравоученіе въ моемъ листѣ: можетъ быть оно покажется имъ пріятнѣе, для того что напечатано оно подъ тѣмъ же заглавіемъ, подъ которымъ и *мѣдной тазъ* поставленъ. Угодить всѣмъ, есть дѣло невозможное: чего требуете вы, за то будутъ досадывать другія. Вы хотите, чтобы для предостереженія вашихъ дочерей написалъ я критику на тѣхъ женъ, которыя оставляютъ своихъ мужей: можетъ быть когда нибудь и удовольствую ваше желаніе, но при томъ однакожъ съ прибавленіемъ критики на тѣхъ мужей, которыя безпорядочнымъ своимъ житіемъ выводятъ женъ своихъ изъ терпѣнія, и по нуждѣ заставляютъ покинуть мужа, въ которомъ вмѣсто друга, находятъ себѣ мучителя. Сего требуютъ благоразуміе и справедливость. Впротчемъ я подумаю, какой вамъ дать совѣтъ.

VI.

Господинъ сочинитель Живописца!

Прочитавъ твои листки, я право полюбилъ тебя, и почувствовалъ и самъ не знаю какую то привязанность: можетъ быть отъ того, что чувствія наши одинаковы. Сочиненіи твои мнѣ весьма нравятся; но не тѣмъ, чѣмъ они нравятся другимъ; то есть не слогомъ, а содержаніемъ. Какая мнѣ нужда въ красотѣ слога: провались краснорѣчіе, ядомъ льсти напоенное! Я ненавижу тѣхъ краснорѣчивыхъ разкащиковъ, которыя обольщая слухъ, обманываютъ насъ; а люблю въ писателѣ, лутче всего, доброе сердце, и истинную любовь къ отечеству. Ты пишешь сатиры на тѣхъ людей, которыхъ давно уже пожурить надлежало: сказать ли тебѣ? читая твой листокъ, я плакалъ отъ радости, что нашолся человѣкъ, которой противъ господствующаго ложнаго мнѣнія, осмѣлился говорить въ печатныхъ листахъ. Великій Боже! услыши моленіе осмидесяти лѣтняго старика, которой приноситъ тебѣ оную, сердцемъ чистымъ и правдивымъ: къ щастію нашему, продли дражайшія дни премудрыя Государыни.... Куда бы ты попалъ бѣдняшка естьли бы ету пѣсню запѣлъ въ то время, когда я былъ помоложе. О время! ты протекло: и не возвращайся къ намъ никогда. Но сказатьли тебѣ другъ мой: ты многихъ вооружилъ противъ себя; тебя злословятъ: такъ-то воздаютъ тѣмъ людямъ, которыя говорятъ правду! Но что нужды: живучи въ свѣтѣ, я насмотрѣлся на перемѣны людскихъ мнѣній: я терпѣлъ и больше етаго, однакожъ все ето миновалось. Не сер-

дись за то, что люди испорченныхъ нравовъ тебя поносятъ: другъ мой! тебѣ ето такую же честь дѣлаетъ, какъ и то, что честныя люди благодарятъ тебя. Однакожъ пиши поосторожнѣе; любя тебя, я сожалѣть буду, естьли перервется твой журналъ. Дай Богъ тебѣ щастье и лучшей успѣхъ въ твоемъ трудѣ. Сего искренно желаетъ

Осмидесяти лѣтнѣй

Старикъ.

ЖИВОПИСЕЦЪ ЛИСТЪ 8.

VII.

ПИСЬМО

О пользѣ наукъ, и о воспитаніи во опыхъ юношества, писанное покойнымъ Профессоромъ Поповскимъ, къ его Превосходительству Ивану Ивановичу Шувалову, при заведеніи Московскаго Университета, 1756 года.

Различны, Меценатъ! къ безсмертію дороги:
Иный повергнувъ тьмы людей себѣ подъ ноги,
Чрезъ раны, черезъ кровь, чрезъ кучи блѣдныхъ тѣлъ,
Развалины градовъ, сквозь дымъ созженныхъ селъ,
Отверзъ себѣ мечемъ путь къ вѣчности кровавый,
И съ пагубой другихъ достигъ безсмертной славы;
Но плачъ и вопль сиротъ, и стонъ оставшихъ женъ,
Родителей печаль, и трескъ упадшихъ стѣнъ,
Гремящую трубу ихъ славы заглушаетъ,
И ясно проникать въ слухъ смертныхъ воспящаетъ.
Другій поднявъ верхи ужасныхъ пирамидъ
Превыше тучь, гдѣ вѣтръ и буря не шумитъ,
Потомству по себѣ мнитъ память тѣмъ оставить,
И имя чудными громадами прославить:
Но многихъ трудъ вѣковъ, несчетныхъ тысящъ потъ,
Подъ тягостію сей вздыхающій народъ,
На вѣчные труды и муки осужденный,
И въ жертву гордости невинно принесенный,
Мучительскую тѣмъ доказываютъ власть,
И самолюбную изобличаютъ страсть.
Тотъ мыслей хитростью, и скрытностью совѣтовъ,
И темнотой своихъ сомнительныхъ отвѣтовъ,
Народовъ дружбу рветъ союзныхъ межъ собой,

И возмущаетъ ихъ возлюбленный покой,
Чтобъ ссорою другихъ своимъ дать силы болѣ,
И далѣ разширить отечественно поле:
Надѣясь дѣломъ симъ политикомъ прослыть.
И титло мудраго министра заслужить.

И такъ не истинной прельщаемся хвалою;
Призракомъ лишъ ея, и тѣнію пустою!
Не подлинная насъ въ дѣлахъ предводитъ честь,
Но легкомысліе, и хвастовство, и лесть:
Намъ похвалою то и славою быть мнится,
Коль въ насъ чему нибудь простый народъ дивится.
Не могъ скрыть *Демосѳенъ* веселья своего,
Какъ женщины, *вотъ онъ*! шептали про него.
Младенца удивить бездѣлицей не трудно:
Пустому можетъ онъ дивиться безразсудно.
Обманщикъ знатокомъ покажется наукъ,
Какъ насмѣется онъ глазамъ проворствомъ рукъ.
Но паче похвала насъ та увеселяетъ,
Котора у живыхъ вокругъ ушей летаетъ.
Что хочешъ про меня тихонько разсуждай,
Лишъ только во глаза хулой не досаждай.
Аммоновъ жрецъ дары принявъ, въ умѣ смѣялся,
Когда отвѣтъ его правдивымъ показался
Не хитрому Царю, что онъ *Зевесовъ сынъ*;
Хотъ изо всѣхъ Боговъ скончался онъ единъ.
Весьма безуменъ *Крисъ*, имѣя столько злата,
Что Титла не купилъ Юпитерова брата.
Скажу про *Юлія*, что въ Римѣ онъ Тиранъ,
Что вольность онъ тѣснитъ неправедно гражданъ;
Но мечъ въ его рукѣ обуздаваетъ слово,
Отцемъ его признать все общество готово:
Онъ держитъ на своихъ отечество плечахъ,
Онъ можетъ лишъ единъ въ колеблемыхъ стѣнахъ

Пороки истребить, возстановить законы;
И нѣтъ, кромѣ его, другія обороны.
Но только слухъ прошелъ, что *отчества отецъ*,
Достойный получилъ дѣламъ своимъ конецъ,
То льва бездушнаго поверженное тѣло
Трусливый попиралъ оселъ ногами смѣло.
Ужъ *отчества отца* тираномъ стали звать:
Доброты прежнія пороками считать.
Вотъ какъ народному ввѣрять себя языку,
Ласкательнымъ словамъ, плескамъ и крику,
Гдѣ дѣйствуетъ одна надежда, или страхъ;
Гдѣ искренности нѣтъ ни истины въ сердцахъ!

Но что безстыдніе! фортуну обвиняемъ,
Какъ власть ее своимъ совѣтамъ причисляемъ:
Что счастьемъ сдѣлалось, что случай учинилъ,
Величеству своихъ приписываемъ силъ.
Лисица пѣтуха всего съѣсть не успѣла,
Какъ волка близъ себя внезапно усмотрѣла:
Нарочно для тебя я берегу, дружокъ:
Съ тобою, говоритъ, послѣдній съѣмъ кусокъ.
Въ свою влечемъ хвалу, хоть наше, хоть чужое:
И мѣлочь самую мы больше кажемъ втрое.

Но много ли такихъ мы найдемъ на землѣ,
Чтобъ честность предпочли напрасной похвалѣ;
Чтобы имѣли духъ и сердце благородно,
И не смотрѣли бы на мнѣніе народно;
Чтобъ не прельщалися ни суетной хвалой,
Не оскорблялись бы безумною хулой;
Чтобъ совѣсти одной и правдѣ угождали,
И на безстрастный бы потомства судъ взирали:
Гдѣ злобы, зависти, ниже потачки нѣтъ,
Гдѣ малымъ и большимъ по выслугѣ отвѣтъ;

Чтобы держалися во всемъ сего устава.
Что честь и похвала, величіе и слава.
Го добродѣтельныхъ заслугахъ состоитъ,
Съ любовью ко своимъ, и прочимъ безъ обидъ;
Чтобъ твердо вѣрили, что всѣ дѣла честныя
Хоть въ жизни хулятся отъ непанисти злыя,
Иль меньше хвалятся по существу заслугъ:
Но какъ изъ бреннаго изыдетъ тѣла духъ,
Тогда имъ должная цѣна постановится,
И мрачнымъ никогда забвеньемъ не затмится!

Ты къ славѣ, Меценатъ, надежнѣй путь избралъ,
Что Мусы возлюбилъ, что зрѣть ихъ предпріялъ:
Обычаямъ худымъ, растлѣнной нашей волѣ
Чѣмъ можно пособить, и чѣмъ исправить болѣ?
Сіе осталося едино врачество,
Душевный исцѣлить недугъ и естество.
Прошли тѣ времена, прошли златые вѣки,
Какъ разумомъ простымъ водимы человѣки,
Не вѣдая наукъ, незлобіе блюли,
И отъ неправдъ себя, какъ яда, берегли.
Но въ нашъ несчастный вѣкъ, проклятые пороки
Взошли на самый верхъ и степень превысокій:
И некуда уже взойти превыше имъ:
Тожъ будутъ дѣлать впредь, что мы давно творимъ.

Имѣемъ отъ младыхъ ногтей мы свѣтъ природный,
Который насъ ведетъ на путь блаженству сродный;
Имѣемъ сѣмена естественныхъ добротъ,
Которы дать могликъ плоды своихъ красотъ;
Но вредные людей испорченныхъ примѣры,
И въ ложныхъ мнѣніяхъ погрязши лицемѣры,
Природу нѣжную младенческихъ умовъ,
Доброту красную естественныхъ даровъ,

Въ противну сторону напрасно преклоняютъ:
Гдѣ былъ бы красный цвѣтъ, тамъ терніе взращаютъ.
Какъ взрытая земля, что влагой смягчена,
Удобно внутрь себя пріемлетъ сѣмена,
Такъ ложны мнѣнія, въ младый умъ впечатлѣнны
Не трудно могутъ быть на долго вкоренѣнны.
Когда же пустится ихъ корень въ глубину,
И отрасли свои распуститъ въ ширину;
Когда съ годами вдругъ чрезъ возрастъ укрѣпится,
То скоро ли тогда сіе искоренится?

Блаженъ, кто получивъ родителей честныхъ,
Воспитанъ въ строгости обычаевъ святыхъ,
Издѣтска научен знать хвально что, безчестно,
И къ честности кому теченіе извѣстно:
Сей радость есть отцевъ, надежда матерей,
Родства сей красота, и честь семьи своей!
Не игры на умѣ и не непостоянство,
Не вкусъ и щегольство, пирушки и убранство;
Но польза общества, потомства похвала,
Чтобъ вѣчность получить чрезъ славныя дѣла.
Таковъ былъ *Александръ*, въ свои младые годы,
Пока не покорилъ роскошные народы!
Побѣды славные, и тяжкіе труды,
Походы дальные, ученья суть плоды.
Таковъ былъ *Сципіонъ* для отчества любови:
Онъ въ жизни не жалѣлъ ни здравія, ни крови;
Но кто тому виной, что жизнь онъ презиралъ?
Родитель въ томъ его наставилъ, воспиталъ.

Опека добрая, прилѣжное ученье,
Примѣръ похвальныхъ дѣлъ, честное обхожденье,
Незараженное сообществомъ худымъ,

Все можетъ произвесть въ младенцахъ, что хотимъ.
Сіе и добрую природу утверждаетъ,
И склонную ко злу способно исправляетъ.

Но много ли такихъ родителей сыскать,
Чтобъ честности дѣтей старались наставлять?
Неправеднымъ житьемъ, продерзскими дѣлами.
Дорогу имъ ко злу показываютъ сами.
Когда ты деньгами обклавшися дрожишъ,
Полушки нищему одной не удѣлишъ,
Надѣешсяль, чтобъ сынъ не зналъ къ богатству страсти;
Чтобъ бѣдныхъ искупалъ изъ скудости, напасти?
Когда насильственно обидятъ немощныхъ,
Безъ всякой жалости смотря на слезы ихъ:
Когда ихъ, образомъ, тѣснишъ, безчеловѣчнымъ,
То сынъ твой будетъ ли, то зря, мягкосердечнымъ.
Ты въ роскошахъ уснулъ, во сладостяхъ погрязъ,
Друзьямъ и недругамъ ты лжешъ на всякій часъ:
А хочешъ, чтобъ былъ сынъ воздержанъ и умѣренъ,
Чтобъ тайну сохранилъ, и въ словѣ былъ бы вѣренъ.
За тоже ремесло, за кое и отецъ,
Принается и сынъ, смотря на образецъ.
Купеческій сынокъ смышляетъ какъ взять втрое:
Смѣкаетъ какъ продать за цѣлое гнилое.
О картахъ и дитя съ слугами говоритъ,
Котораго отецъ надъ оными сидитъ.
Какъ язва, такъ примѣръ пороковъ переходитъ,
И заразивъ отцовъ, дѣтямъ болѣзнь наводитъ.

Въ томъ крѣпость дивная, божественный въ томъ духъ,
Который таковы соблазны видя вкругъ,
Но къ онымъ во младыхъ лѣтахъ не поползнется,
И отъ прельщающихъ приманъ сихъ отречется.

Сей возрастъ мудрые толь свято люди чтутъ,
Такую честь ему по правдѣ отдаютъ,
Что домъ тотъ почитать за храмъ велятъ священный,
Гдѣ отрокъ есть въ умѣ еще несовершенный;
И ничего чтобы не дѣлать передъ нимъ,
Что стыдно былобъ намъ содѣлать предъ другимъ;
И что бы ничего при немъ не говорили,
За чтобъ насъ правильно другіе осудили.

Язычники намъ сей оставили законъ.
Въ какій, о Небо! стыдъ насъ всѣхъ приводитъ онъ,
Что будучи святой мы Вѣрой просвѣщенны,
Имѣемъ сей законъ въ забвеньѣ погруженный;
И къ службамъ хитростнымъ пріучивая псовъ,
Наставить не хотимъ къ полезному сыновъ!
На васъ, родители, потребуютъ отчета,
Что вашихъ жизнь дѣтей позоромъ стала свѣта;
И что въ безпутствахъ дни свои ведутъ они,
Причиною тому лишъ только вы одни!

Когда кто отъ дѣтей почтенія желаетъ,
Тотъ: *я отецъ твой*! имъ всегда напоминаетъ.
Но чѣмъ они должны тебѣ? иль что зрятъ свѣтъ?
Но ихъ испорченъ нравъ: и свѣтъ ихъ сей клянетъ.
Иль что вскормилъ ты ихъ, какъ были малолѣтны?
И въ семъ уста твои должны быть безотвѣтны:
Природа и законъ не только что своихъ,
Воспитывать велитъ, младенцевъ и чужихъ;
И самы варвары къ нимъ не жестокосерды;
И звѣри лютые ко дѣтямъ милосерды.
На *Ромуловъ* съ горы и *Ремовъ* плачъ сошла
Волчица, и сосцы младенцамъ подала.
Тогда ты ихъ отецъ, и присный ихъ родитель,

Когда-нимъ въ дѣтствѣ былъ наставникъ и учитель.
Когда ты разумъ ихъ ученьемъ просвѣтилъ,
И къ добродѣтели дороги нимъ открылъ;
Безъ коей самая жизнь мука и досада,
И коя въ самыхъ намъ несчастьяхъ есть отрада;
Когда ихъ научилъ зло съ благомъ различать,
Держаться истинны, пороковъ убѣгать.

Сіе родителей о дѣтяхъ небреженье.
Чрезъ собственное ты объ оныхъ попеченье,
Стараешся теперь исправить Меценатъ!
Единъ ты обще всѣхъ пріялъ въ опеку чадъ,
Представивъ мудрый твой совѣтъ Петровой Дщери:
Въ Минервинъ храмъ отверзъ Россійскимъ дѣтямъ двери,
И случай подалъ нимъ свой разумъ просвѣщать:
Познаніемъ наукъ себя обогащать.
Безсмертная твоя къ отечеству заслуга
Не увядетъ пока земнаго станетъ круга.
Не на тщеславіи основана она,
На пользѣ истинной людей утверждена:
Россіянамъ она пріятна и полезна,
Похвальна отъ чужихъ, и варварамъ любезна.
Сей истинной хвалѣ ничто не повредитъ;
И зависть оную и злоба подтвердитъ.
Ни въ жизни ты притворствъ въ хвалахъ не опасайся,
И славы по концѣ правдивой дожидайся:
Дѣяньемъ симъ всегда себя увеселяй,
И лучшія хвалы ты въ жизни не желай.

VIII.

Mon coeur, Живописецъ!

Ты радость *безпримѣрной* Авторъ — *По чести* говорю, *ужесть какъ ты славенъ*; читая твои листы, я *безподобно утѣшаюсь;* какъ все у тебя *славно*: слогъ *разстеганъ*, мысли *прыающи—По чести* скажу, что твои листы *вѣчно меня прельщаютъ*: *клянусь*, что я всегда *фельетирую* ихъ безъ всякой *дистракціи*. Да и нельзя не такъ, ты *не грустенъ*, *шутишь славно*, и твое перо *по бумагѣ бѣгаетъ безподобно.—Ужесть, ужесть*, какъ прекрасны твои листы! Но сказать, *вокругъ насъ*. ты много долженъ мнѣ:—*уморить ли радость?* Вѣтъ мнѣніе то *Щеголихино* ты у меня подтяпалъ:—Ха! ха! ха!—*Клянусь*: спроси у всѣхъ моихъ знакомыхъ, они тебѣ скажутъ, что я всегда ето говаривала; — но ето ничево не значитъ. Признаюсь, что я и сама много заняла изъ твоихъ листовъ. Пуще всего ты *льстишь* меня тѣмъ, что *никакъ со мною не споришь*; а особливо когда говорилъ о наукахъ: ты ето такъ *славно прокричалъ?*—Чортъ меня возьми!—*какъ книга*.. А при томъ, ты всега стараешся оказывать намъ учтивости; не такъ какъ нѣкоторой грубіянъ, сочиня Комедію, одну изъ подругъ моихъ *вытащилъ* на театръ: — Куда какъ онъ много выигралъ? Я чаю, онъ надѣялся, что всѣ *разхохочутся до смерти*; анъ право никто изъ нашихъ сестеръ, и учтивыхъ мущинъ, и не улыбнулся; а смѣялись только- - - - Онъ хотѣлъ насъ одурачить, да не удалось. *Ужесть какъ славно* онъ забав-

лялся, надъ бѣднымъ мальчикомъ *Фирлифюшковымъ*: совсемъ тѣмъ подобныя ему люди останутся всегда у насъ въ почтеніи; а его *Дремовъ* никогда не выдетъ изъ дураковъ. Еслибъ узнала я етова Автора, то *оттыкала* бы сама ево *безподобно*. Я *никакъ* на нево не сердита: онъ меня *никакъ* не тронулъ; однакожъ я и сама не знаю, за что я ево *никакъ* не могу терпѣть. Въ первой его Комедіи, я сама до *смерти захохотала*сь, *ужесть какъ славно шпетилъ* онъ нашихъ бабушекъ; а ета Комедія такую сдѣлала *дистракцію*, и такую *грусть*, что я поклялась *никакъ на именины* не ѣздить. Правда, ты и самъ *зацепился*: но ето шуткою; а за шутки мы *никакъ* не сердимся: напротивъ того ты бранишъ однихъ только деревенскихъ дураковъ; да и *безпримѣрно*: *ужесть какъ славно* ты ихъ *развернулъ*, въ 5 листѣ твоего Живописца—Ты *уморилъ* меня: точь въ точь *выказалъ* ты дражайшаго моего *Папихина*. — Какой ето несносной человѣкъ! *Ужесть радость*, *какъ онъ не ловокъ выдѣланъ*: какой грубіянъ! Онъ и со мною хотѣлъ поступать также, какъ съ мужиками; но я ему показала, что я не такое животное, какъ ево крестьяне. Тото были люди! съ матушкою моею онъ обходился по старинѣ. Ласкательства его къ ней были, брань, пощочины и палка; но она и подлинно была тово достойна: съ едакимъ звѣремъ жила сорокъ лѣтъ, и не умѣла *ретироваться въ свѣтъ*. Бывало онъ *сдѣлаетъ ей грубость палкою*, а она опять въ глаза ему лѣзетъ: *безпримѣрныя люди!* такихъ горячихъ супруговъ и въ *романахъ* не скоро *набѣжишь*. *Ужесть какъ славны!* Суди *душа моя* по етому, въ какой была я школѣ: было чему научиться! По щастью скоро выдали меня за

мужъ: я пріѣхала въ Петербургъ: *подвинулась въ свѣтъ, равняла глаза, и выкинула весь* тотъ *изъ головы вздоръ*, которой *посадили* мнѣ мои родители: поправила *опрокинутое мое понятіе*, научилась говорить, познакомилась со *Щеголями* и *Щеголихами*, и сдѣлалась человѣкомъ. Но я *никакъ* не ушла отъ бѣды: мужъ мой *въ умѣ очень развязанъ*, да ето бы и ничего; чѣмъ глупѣе мужъ, тѣмъ лучше для жены: но вотъ что меня *терзаетъ* до *невозможности*; онъ *влюбленъ въ меня* до *дурачества*, а къ томужъ еще и ревнивъ. Фуй! какъ ето *не ловко* мужъ *разтрепанъ* отъ жены: *ето радость гадко!* О, еслибъ не помогло мнѣ разумное нынѣшнее обхожденіе, то давно бы я *протянулась*. Сказать ли, чѣмъ я *отвязываюсь* отъ етова несноснова человѣка? Одними обмороками. — Не удивляйся, я тебѣ ето разтолкую: какъ привяжется онъ ко мнѣ со своими *декларасіонами* и клятвами, что онъ отъ любви по мнѣ сходитъ съ ума, то я сперва говорю ему *отцѣпись*; но онъ *никакъ* не отстаетъ; послѣ етова *резонирую*, что стыдно и глупо быть мужу влюблену въ свою жену; но онъ *никакъ* не вѣритъ: и такъ остается мнѣ одно средство упасть въ обморокъ. Тогда суется онъ по всѣмъ угламъ, старается помогать мнѣ, а я тихонько смѣюсь: *ужасно*, какъ *безпримѣрно* много помогаютъ мнѣ обмороки: *божусь!* тѣмъ только и живу, а то бы онъ меня *залюбилъ* до *смерти*; *безподобной человѣкъ! Подари радость* хорошинькимъ совѣтомъ, что мнѣ съ нимъ дѣлать. Онъ до того *темень въ свѣтѣ*, что и спать со мною хочетъ вмѣстѣ: — ха! ха! ха! Можно ли такъ глупо *догадаться! Шутки прочь*, помоги мнѣ: ты знаешь, *радость*, что отъ етова можно тотчасъ получить *многонд-*

рію. Пожалуй *неподержись* съ отвѣтомъ; я на тебя *опущаюсь*, и буду ожидать ево съ *безпримѣрнымъ нетерпѣніемъ*. Прости *радость!*

P. S. Услужи, *радость*, мнѣ, собери всѣ наши модныя слова, и напечатай ихъ особливою книжкою, подъ именемъ *Моднаго Женскаго Словаря*: ты многихъ одолжишь, и мы твой журналъ за сто будемъ превозносить. Только не *умори*, *радость*, напечатай ево маленькою книжкою, и *дай ему видъ*; а еще бы лучше, если бы ты напечатала ево вмѣсто чернилъ какою краскою. Мы бы тебя *до смерти зацѣловали*.

За краткостію времени, я никакова не могу дать вамъ совѣта. Потерпите, можетъ быть, кто нибудь изъ читателей можетъ оный вамъ сообщить. Чтожъ касается до собранія Словаря, то охотно бы вамъ тѣмъ услужилъ, если бы сообщили вы мнѣ всѣ слова въ вашемъ нарѣчіи употребляемыя.

IX.

Государь мой!

Послѣ дѣда моего нашелъ я записки, изъ которыхъ сообщаю къ вамъ маленькую выпись: и если она вмѣсно будетъ въ ваши листы, то продолжу по временамъ присылать; а если не вмѣсете, то за излишно почитаю далѣе симъ васъ утруждать. Что предаю на ваше благорасужденіе.

Въ порочныхъ сердцахъ любовь порокомъ обращается; напротивъ того въ добродѣтельныхъ душахъ сія страсть переимѣняется въ добродѣтель.

Человѣкъ, нелюбящій постоянства, счастливымъ на долго быть не можетъ.

Скажи дочерѣ своей, чтобъ она научилась быть чистоплотною прежде, нежели примется за щегольство.

Не смѣйся пороку ближняго, пока не испытаешь себя, не имѣешь ли самъ его; въ противномъ случаѣ самъ смѣшонъ будешь.

Скажи мнѣ, съ кѣмъ обходишся; я скажу тогда, каковъ ты.

Не смѣйся громко при людяхъ, коимъ ты долженъ оказывать почтеніе.

Не становись задомъ, молодый человѣкъ, предъ тѣми, кои выше тебя чиномъ, и старѣе тебя лѣтами.

Имѣй къ людямъ уваженіе, если уважаемъ быть хочешь.

Не пропускай мимо ушей правилъ, по коимъ устроить можешь свое поведеніе, но размышляй объ нихъ; авось либо и тебѣ они пригодятся.

Что ни предпримешь, старайся достигнуть въ томъ до нѣкотораго искуства по крайней мѣрѣ.

Праздность мать всѣмъ порокамъ.

Скука первородная дочь праздности.

Лѣность, трусость и нерѣшимость ни къ чему въ свѣтѣ не годятся.

Храбрость, терпѣніе и великодушіе все въ свѣтѣ преодолѣваютъ.

Ложь всякая оказываетъ подлость души лгуна.

Не толкуй въ худую сторону словъ безлюбныхъ.

Не толкуй сыну о родѣ его; говори ему о добродѣтеляхъ, безъ которыхъ унизитъ онъ свое рожденіе.

Молодый человѣкъ, неслушающійся своихъ начальниковъ, никогда не научится повелѣвать съ разумомъ.

Гдѣ точности нѣтъ, тутъ нѣтъ и исполненія.

Жалка подъ старость всякая красавица, которая вѣкъ свой ни о чемъ иномъ не размышляла, какъ о красотѣ своей; сія подруга обманчива: ее покинетъ; свѣтъ ей покажется пустъ тогда; она была самдругъ, а останется одна съ пустою головою передъ зеркаломъ, въ которомъ уже отрады нѣтъ: грустно.

Не принимай съ сердцемъ, что въ шутку говорено.

Самая лучшая участь для женщины есть честь.

Если женщина желаетъ быть въ почтеніи, то должна она умѣрять свои желанія, любить своихъ родителей, и жить въ добромъ согласіи съ мужемъ и его роднею.

Чѣмъ болѣе споришъ съ дуракомъ, тѣмъ болѣе открываешь его дурачество.

Если ты не виненъ, то защищай смѣло свою невинность.

Если ты виноватъ, то винись скорѣе: упрямствомъ умножишъ и вины и бѣды.

Чѣмъ богатѣе за женою приданое берешъ, тѣмъ болѣе увеличиваешь иго свое.

Чтобъ дѣла твои шли съ успѣхомъ, надобно, чтобъ ты объ нихъ свѣдомъ былъ.

Тотъ, кто въ праздникъ все пропьетъ, долженъ назавтра поститься.

Человѣкъ никогда лучше, какъ по потерѣ, не узнаетъ цѣны того, что онъ имѣлъ.

Если не хочешъ, чтобъ пороки твои пересчитываны были, то не заставь никого ждать себя: тѣ, кои ждутъ, всегда перебираютъ пороки тѣхъ, коихъ долго ожидаютъ.

X.

ОПЫТЪ
МОДНАГО СЛОВАРЯ,
Щегольскаго наречія.

А.

АХЪ! въ Щегольскомъ нарѣчіи совсемъ противное отъ прежняго приняло знаменованіе. Прежде сіе словцо изъявляло знаки удивленія, сожалѣнія и ужаса: первое его знаменованіе было всѣмъ полезно: старики показывали имъ свою досаду и удивленіе, любовники свою страсть, а стихотворцы болѣе всѣхъ употребляли его во свою пользу, наполняя почасту одними ахами цѣлое полустишіе. Но Щеголихи всѣхъ ихъ лишили сего междометія, перемѣнивъ его употребленіе. Въ ихъ нарѣчіи Ахъ большею частію преслѣдуется смѣхомъ, а иногда говорится въ ироническомъ смыслѣ; и такъ удивительной и ужасной Ахъ, перемѣнился въ шуточное восклицаніе; да его и давно пора было сдѣлать: непросвѣщенные наши предки охотники были плакать, а мы больше любимъ смѣ-

яться; старинныя наши дѣвушки и подъ вѣнцомъ стоя плакали, а нынѣшнія смѣются; да при томъ же старой Ахъ, поплакалъ довольно, такъ пора ему и посмѣяться.

Примѣры употребленія стараго и новаго Ахъ.

Ахъ, какой онъ негодной человѣкъ! онъ не любитъ свою жену, не смотря на то, что она разумна, добронравна, домоводна, хороша, и сама его любитъ. *Ахъ*, какъ жалка, его бѣдная жена!

Ахъ, какъ я сожалѣю объ этомъ мальчишкѣ! покойный его отецъ былъ мнѣ другъ, и честной человѣкъ; онъ воспиталъ его по долгу родительскому очень хорошо, научилъ его всему, вкоренялъ въ него благонравіе, честность и учтивость; да труды его были и ненапрасны, пока онъ подъ его присмотромъ. Я и теперь еще помню, какъ бывало плакивалъ этотъ старичокъ отъ радости, что имѣлъ столь завиднаго сына. Но нынѣшнее обхожденіе совсемъ его испортило, и сдѣлало наглымъ и дерзкимъ повѣсою. Я и самъ прежде радовался, когда бывалъ онъ у меня, а нынѣ и въ домъ его къ себѣ не пускаю. *Ахъ*, какъ портитъ молодыхъ людей худое сообщество, естьли они по нещастію въ него попадаютъ. Ну, ежелибъ бѣдной мой другъ воскресъ и увидѣлъ нынѣ своего сына: *Ахъ*, сколько бы онъ пролилъ слезъ, но не отъ радости, а съ печали.

Ахъ, я погибъ! моя жена измѣняетъ мнѣ --- она меня больше не любитъ! *Ахъ*, въ какомъ я мучительномъ

нахожусь состояніи! Какимъ опытамъ, какимъ доказательствамъ, и какимъ клятвамъ повѣрить можно, когда ея были ложны. Любовь ея ко мнѣ была безпредѣльна; ежечасно видѣлъ я умножающуюся ко мнѣ ея горячность, поминутно видѣлъ новыя ласки; и я вкушалъ неисходчайшее удовольствіе быть любиму страстно — Но *Ахъ!* все ето миновалось, и осталось мучительное только одно напоминаніе моего блаженства. О проклятое вольное обхожденіе! ты одно могло отнять у меня жену! *Ахъ*, какъ я нещастливъ, что не могу позабыть сію невѣрную! --- О женщины, женщины, вы меня больше не обманете!

Мущина притащи себя ко мнѣ, я до тебя охотница.—Ахъ, какъ ты славенъ! Ужесть, ужесть: я отъ тебя падаю! --- Ахъ --- Ха, ха, ха.

Ахъ мущина, какъ ты не важенъ!

Ахъ мущина, какъ ты забавенъ! ужесть, ужесть; твои гнилыя взгляды, и томныя вздохи, и мертвова разсмѣшить могутъ. Ахъ, какъ ты славенъ: безподобной болванчикъ!—Ну естьлибъ сказала я тебѣ: люблю; такъ вѣть бы я пропала съ тобою.—Почести: ты бы до смерти меня залюбилъ,—не правда ли? Перестань радость шутить, ето кичуть не славно.

Ха, ха, ха: ахъ монкьорь, ты уморилъ меня! онъ живетъ три года съ женою, и по сю пору ее лю-

быть! Перестань душенька, ето никакъ не можетъ быть: три года имѣть въ головѣ своей вздоръ.—Ахъ, какъ ето славно! ха, ха, ха: необрѣтаемыя болваничи! — Ахъ, какъ онъ славенъ; съ чужою женою и помахаться не смѣетъ — еще и за грѣхъ ставитъ! Прекрасно! перестань шутить, почести, у меня отъ етаго сдѣлается тѣснота въ головѣ.—Ахъ, какъ ето славно! ха, ха, ха.—Они до смерти другъ друга залюбятъ—Ахъ мущина, ты уморилъ меня.

Б.

БЕЗПОДОБНО, БЕЗПРИМѢРНО. Оба сіи слова тожъ имѣли знаменованіе у предковъ нашихъ, какъ и у нынѣшнихъ Щеголихъ; съ тою только разницею, что употребляютъ ихъ не одинаково, или лучше сказать и совсѣмъ въ противномъ смыслѣ. Изъ приложенныхъ здѣсь примѣровъ усмотрѣть можно, что оба сіи слова въ Рускомъ нарѣчіи употребляются въ одномъ прямомъ, но въ Щегольскомъ нарѣчіи они часто говорятся и въ ироническомъ смыслѣ. И такъ употребленіе сихъ словъ сдѣлалось гораздо обширнѣе; да ето и не худо: предки наши во всемъ очень были скупы; они всему, такъ какъ и умствованію своему полагали предѣлы: но благодаря Бога, мы избавились отъ сего гнуснаго порока. Съ того времени, какъ начали думать, что познаемъ себя, мы во всемъ стали тороватѣе нашихъ предковъ. Тѣсные предѣлы намъ не нравятся, и мы во всемъ любимъ свободу; даже до того, что и кафтановъ и юбокъ узкихъ

не носимъ; а узкія маньки * совсемъ брошены, и оставлены для употребленія простому народу. Нынѣ въ превеликой модѣ все вольное, покойное и широкое.

Примѣры.

Я былъ вчерась въ гостяхъ у Дремова, и тамъ нашелъ многихъ изъ его сосѣдей; и хотя бесѣда наша была не многочисленна, однакожъ весела: ибо тамъ находились все люди разумные, степенные и веселые. Большую часть времени препроводили мы въ разговорахъ, особливо разсуждали многіе очень хорошо о худомъ воспитаніи дѣтей; и я утверждалъ, что ежели у кого дѣти худы такъ тѣ должны жаловаться на самихъ себя, по тому что или нерачиво ихъ воспитали, или, слѣпою любовію ко дѣтямъ, сами ихъ избаловали. Дремовъ въ етомъ былъ со мною согласенъ, и сказывалъ въ примѣръ собственное свое съ дѣтьми обхожденіе. Всѣ его хвалили за разумное дѣтей воспитаніе; и мы такъ весело провели время, что я давно не чувствовалъ *подобнаго* увеселенія. А при томъ хозяинъ и хозяйка столько были намъ рады, что не знали какъ насъ уподчивать; и намъ всякое у нихъ кушанье казалось сахаромъ: да на ето и присловица есть: *былъ у друга, пилъ воду, но лучше непріятельскаго меду.* Пуще всего полюбилися мнѣ дѣти Дремова: какъ они хорошо воспитаны! къ родителямъ почтительны, къ старшимъ и знатнѣйшимъ себя учтивы, къ равнымъ ласковы, къ бѣднымъ

---

* *Манька по старинному, а по нынѣшнему муфточка.*

снисходительны и милостивы; въ разговорахъ ихъ видно просвѣщенное науками разсужденіе; и они такъ умѣли всѣмъ угодить, и усладить бесѣду, что всѣ гости смотря на нихъ, не могли довольно нарадоваться; а я и теперь еще отъ того въ восхищеніи! О когда бы Богъ благословилъ меня, воспитать также и моего сына: какое бы въ старости чувствовалъ я утѣшеніе! И мы единогласно заключили, что какъ самъ Дремовъ *примѣрнымъ* отцемъ, такъ и его дѣти, по справедливости, должны почитаться *примѣрными* молодцами.

Безподобные люди!—Она дурачится по дѣдовски, и тѣмъ безподобно его терзаетъ; а онъ такъ темекъ въ свѣтѣ, что по сю пору не примѣтитъ, что ето ничуть не славно, и совсемъ неловко; онъ такъ развязанъ въ умѣ, что никакъ не можетъ ретироваться въ свѣтѣ.

Переводъ сего примѣра. *

Рѣдкіе люди! Она любитъ его постоянно, а онъ совсемъ незнающъ въ Щегольскомъ обхожденіи, и не разумѣетъ того, что постоянная любовь въ Щегольскомъ свѣтѣ почитается тяжкими оковами; онъ такъ глупъ, что и самъ любитъ ее равномѣрно.

---

* Мнѣ разсудилося нѣкоторые изъ примѣровъ, со Щегольскаго нарѣчія, перевесть на общій нашъ языкъ: я не слѣдовалъ точности словъ, но держался смысла.

Безпримѣрное маханье! Онъ посадилъ себѣ въ голову вздоръ, а у нее вѣчной въ головѣ безпорядокъ.

—

БОЛВАНЧИКЪ. Предки наши оставя прелесть идольскаго служенія, изъ презрѣнія ко своимъ кумирамъ, называли ихъ болванами; а дѣды наши, гнушаясь прежнимъ суевѣріемъ, означали дураковъ наименованіемъ болвана, въ такомъ смыслѣ, что дуракъ, такъ какъ и болванъ, наружное только съ человѣкомъ имѣетъ подобіе. Но ни первые, ни послѣдніе, никогда не употребляли сего слова въ уменьшительномъ степенѣ, а всегда говаривали въ положительномъ болванъ, и въ превосходительномъ болванище. Сія честь, чтобы грубыя брани, передѣлывать въ пріятныя наименованія, оставлена была почтеннымъ нашимъ Щеголихамъ. Они откинули положительной степень болвана, и превосходительной болванища, а вмѣсто тѣхъ, во свое нарѣчіе приняли въ уменьшительномъ степенѣ болванчика; и чтобы болѣе сіе слово ввесть во употребленіе, то разсудили симъ наименованіемъ почтить любовника и любовницу. Мужья и жены симъ лестнымъ названіемъ не иначе могутъ пользоваться, какъ развѣ между собою будутъ жить по щегольскому нынѣшнему обыкновенію. Сія благоразумная Щеголихъ нашихъ осторожность имѣла желаемой успѣхъ: ибо для полученія лестнаго названія болванчика, многія мужья и жены перемѣнили старое обхожденіе на новое щегольское; и отъ сего произрасли уже желаемые плоды: чему примѣровъ очень много. Напротивъ того есть еще и такія пристрастныя къ старымъ обычаямъ супруги, которые не позабываютъ изреченія:

а жена да боится своего мужа; и хотя они толкуютъ сіе изреченіе неправильно, и принимаютъ оное совсемъ въ противномъ смыслѣ, однакожъ хотятъ лучше называться болванами, нежели болванчиками: хотя впрочемъ болванчикъ слуху гораздо пріятнѣе болвана. Трудно бы было сдѣлать правильное заключеніе о произведеніи слова болванчикъ, естьлибъ кто этого потребовалъ: ибо, ежели произвесть его отъ болвана, *Кумира*, то это было бы согласно съ Французскимъ употребленіемъ Idole de mon ame, Кумиръ моея души, такъ какъ это употребляется во всѣхъ Французскихъ романахъ и любовныхъ письмахъ; но это произведеніе весьма удалится отъ того смысла, въ какомъ по щегольскому нарѣчію любовь принимается. И такъ остается произвесть его отъ послѣдняго болвана, *дурака*. Сіе произведеніе кажется гораздо свойственнѣе щегольскому нарѣчію, по тому что это гораздо ближе къ дурачеству. См. *Дурачество*.

ЖИВОПИСЕЦЪ ЛИСТЪ 11.

XI.

Государь мой!

Прошу покорно приложенные здѣсь письма сообщить въ вашъ журналъ. Я вдругорядь постараюсь что нибудь лучшее прислать. Человѣкъ я хотя не дальняго разума, однако обращаясь въ здѣшнемъ городѣ много узнала. Въ прочемъ есмь

Любительница Живописца
Сахороднаго двора.
М. С.

XII.

Государь мой!

Листочки ваши съ великимъ удовольствіемъ я читаю, и отъ вторника нетерпеливо вторника ожидаю. Я вамъ откровенно признаюсь, что они дурныя привычки, начинавшіяся во мнѣ вкореняться отъ частаго съ ненавистниками наукъ, и съ порабощающими всю свою жизнь единой праздности обхожденія, совсемъ истребили. Если теперь приведу себѣ на мысль заочныя ихъ другъ друга осужденія, какъ они вѣсятъ чужіе малые пороки, не смотря на свои, которыхъ и перевѣсить за множествомъ трудно, и множество другихъ ихъ безпорядковъ; то не могу безъ величай-

шаго сожалѣнія взирать на всѣ ихъ суетныя убранства и мнимыя ихъ чести, почитаемыя мною главнѣйшими источниками, изъ коихъ сердца ихъ напаяются ненавистью къ наукамъ, любовію къ праздности, омерзѣніемъ къ добродѣтели, желаніемъ къ мерзкостію исполненнымъ дѣламъ. Сіи единыя обезображивающія совершенства человѣка чудовища, затмѣваютъ изящество разума, и душу на блаженнѣйшій конецъ устроенную мерзятъ. Сіи самыя чудовища здѣлали, что госпожи здѣшнія листочковъ вашихъ бѣгаютъ какъ заразы, одни изъ зависти покупая оныя жгутъ, другія съ досады оными волоса завиваютъ, иныя называютъ васъ сумасшедшимъ, бѣднякомъ просиживающимъ цѣлыя ночи въ соплетеніи сумазбродныхъ лжей, чтобы достать себѣ чрезъ то пропитаніе, другія типографію, которая предаетъ тисненію ваши листочки, ругаютъ, и жалуются, что она ничего не смотритъ, и что повидимому скоро вся подлость сдѣлается писателями и все предавать будетъ печати. Нѣтъ ужъ сударыня, говорила мнѣ одна барышня; здѣсь вовсе свѣту подражать не знаютъ, а все то испортили училища да ученыя люди: куда ни посмотришъ, вездѣ учоной человѣкъ лишъ сумазбродитъ и чепуху гонитъ. Посмотри сударыня, какъ въ другихъ государствахъ, всѣ люди просвѣщены, какія хорошія учрежденія, живутъ съ кѣмъ хотятъ, любятъ кого желаютъ, а здѣсь противно тому лишъ только твердятъ, живи съ мужемъ, люби его же. Вотъ какой разсудокъ! продолжала она: по ихъ рѣчамъ, если мужъ и состарѣетъ, то все его люби; для меня же ето, сударыня несносно, я дѣвица, однако пя-

той десятокъ въ спокойствѣ проживаю, и никто уже мнѣ не скажетъ: живи съ однимъ и люби одного.

Я сперва опасалась, чтобъ не потревожить вашихъ мыслей такими ихъ терзаніями, но напослѣдокъ приведши на память себѣ вашъ здравой разсудокъ, рѣшила тѣмъ свое сомнѣніе. Я пріемля участіе въ столь полезномъ для общества дѣлѣ прошу васъ, не взирая на всѣ такія ихъ роптанія, продолжать сей достойный васъ трудъ, за которой всякъ особо вамъ и потомству вашему останется благодарнымъ; плюйте на сіи отъ вѣтра вертящіяся пустыя мельницы, авосьлибо дождемся, что дни сдѣлаются красные и вѣтры стихнутъ. Въ прочемъ пребываю,

Любительница вашихъ сочиненій

М. С.

XIII.

Государыня моя!

Я не могу довольно испорченному здѣшняго города вкусу надивиться; извѣстныя вамъ нѣкотораго дерзскаго Живописца сплетки все почти общество безразсудно покупаетъ, и хвалитъ оные до безумія. Я уже не дивлюсь старикамъ, что ихъ хвалятъ по тому, что они всегда подъ старость съ ума сходятъ; но только то мнѣ досадно, что и бѣдно рожденныя отъ нихъ дѣти въ цвѣтущей своей юности слѣпотствуютъ во тьмѣ невѣжества, послѣдуютъ противъ воли своей ихъ дураческимъ наставленіямъ, а наконецъ дѣвица совсемъ сдѣлается не дѣ-

вшей, сидитъ какъ неодушевленная статуя, боится выпустить изо рта слово, а какъ въ модномъ свѣтѣ обращаться, того головой не смыслитъ. Таковыхъ состояніе, сударыня, достойно быть отъ всякаго оплакиваемымъ. Пускай лишенные старики разума войдутъ въ разсудокъ, пускай оставятъ дѣтей своихъ послѣдовать отъ натуры данной имъ склонности; тогда ясно они увидятъ, что дѣти ихъ не къ такой наукѣ, которую они имъ по неволѣ преподаютъ, рождены. Чему же должно больше подражать? безразсудному ли желанію человѣка, или врожденной въ себѣ склонности? Не за безуміе ли должно почесть, если данныя намъ очи обозрѣвать всѣ прелестныя творенія, потупимъ мы въ землю, устроенную для разсматриванія подлымъ хлѣбопашцамъ. Не слѣдуетъ ли всему естественному вещей порядку превратиться, если органамъ, которыми одарены для собственной нашей пользы, мы запретимъ дѣйствовать? Сіе то называется дойти до крайняго невѣжества; а сумасшедшіе старики почитаютъ то въ нашей сестрѣ за похвальное достоинство. Въ прочемъ, государыня моя, я Живописца столько ненавижу, что если онъ прійдетъ мнѣ на мысль, то я съ ума схожу; браню не знаю за что всѣхъ, и сама совѣстью не знаю отъ чего мучусь. Остаюсь

Ваша доброжелательная, нена-

вистница Живописца

Р. Г.

XIV.

Господинъ Живописецъ!

Вы описавъ столько различныхъ умоначертаній не забудьте словечушка молвить и о тѣхъ людяхъ, кои ищутъ уважаемы быть отъ ближняго своего, обезпокоивая того или другаго непріятными вѣстьми, которыя они называютъ обыкновенно: *для осторожности*, или *осторожками*. Я отъ сихъ людей на своемъ долгомъ вѣку не мало имѣлъ безсонныхъ ночей до тѣхъ поръ, покамѣстъ не узналъ, что и безъ сихъ ремесленниковъ въ свѣтѣ жить можно, и что по большой части упражняющіеся въ семъ ремеслѣ не имѣютъ другаго дара обращать на себя примѣчаніе тѣхъ, въ коихъ ласкѣ имъ нужда или надобность, какъ переносясь изъ дому въ домъ рѣчи и взгляды; и дѣлая изъ оныхъ употребленіе въ разсужденіяхъ и толкахъ своихъ иногда со всѣмъ противныхъ тому, что слышали или видѣли. Я нахаживалъ и таковыхъ безсовѣстныхъ, которые сами составливали басни, о коихъ и никому ничего на умъ не приходило, и сими лживыми выдумками меня тревоживали, и дѣлывали печаль мнѣ и безпокойство безвременное. Я въ пятьдесятъ лѣтъ уши свои заткнулъ отъ сихъ въ обществѣ вредныхъ блохъ, кои сосутъ обыкновенно тѣхъ, которыхъ жаломъ своимъ колютъ. Теперь благодарю Бога мнѣ за семдесятъ лѣтъ: и я живу лѣтъ двадцать щастливъ и благополученъ безъ нихъ и безъ ихъ мнимыхъ и скучныхъ *осторожекъ*. Я поставилъ себѣ за правило, исполнять долгъ званія моего, и поступать, колико я

смышлю, сходно во всякомъ случаѣ съ правдою, отдаваясь впрочемъ во власть создавшаго мя; сплю спокоенъ, и никто по пустому меня не тревожитъ.

Слуга вашъ покорный

Пустяковтоптатель.

Я благодарю госпожу М. С. за хорошее о моемъ трудѣ мнѣніе, и радуюсь, что листами моими сдѣлалъ ей угодность и услугу. Хотѣлъ бы я, чтобы они и многимъ другимъ принесли пользу: но ето зависитъ уже отъ нихъ самихъ, а не отъ меня. Впротчемъ развратные толки дѣвицы Р. Г. и подобныхъ ей меня не безпокоятъ; пусть будутъ они дѣлать заключенія, какія имъ угодны, со всемъ тѣмъ останутся они въ проиграшѣ: безпристрастные читатели толкамъ ихъ не повѣрятъ, а пристрастныя хотя и прилѣпятся къ ихъ мнѣнію, однакожъ тѣмъ не совратятъ меня съ дороги, которую я избралъ.

XV.

Господинъ Живописецъ!

По случаю принесенъ ко мнѣ прилагаемый здѣсь переводъ, который я почелъ достойнымъ, чтобъ сообщить оный своимъ согражданамъ, какъ до нихъ всѣхъ вообще касающійся. Васъ же къ сему моему намѣренію избралъ я посредственникомъ, прося вмѣстить оный въ ваши всюду теперь похваляемые листы, тѣмъ больше, что въ немъ видѣнъ живыми красками описанный Образъ нашея Повелительницы. Какъ далеко свѣтъ разума и добродѣтелей ЕЯ всѣми зрится! сколь же и мы щастіе свое чувствовать должны!

Вашъ покорный слуга. К. С.

XVI.

Переводъ съ письма господина Доминика Діодати изъ Неаполя 1771 года, Октября 7 дня, писаннаго къ Россіянину, пославшему къ нему въ подарокъ Наказъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, данный коммисіи о сочиненіи Проекта Новаго Уложенія.

Изъяснить едва могу, сколько ваше письмо меня обрадовало. Оно мнѣ тѣмъ пріятнѣе было, чѣмъ менѣе

ожидалъ я его. Но нечаянную радость пресѣкла нечаянная смерть отца моего, которая въ толикую печалъ меня низвергнула, что къ уменьшенію сердечной моей болѣзни едва какое сыскать могъ средство. Изъ сего видите вы, для чего отвѣтствую вамъ позже, нежели почтеніе мое къ вамъ того требовало. Всепресвѣтлѣйшей Вашей ИМПЕРАТРИЦЫ Наказъ о сочиненіи проекта новаго уложенія получилъ я при писмѣ вашемъ, который пребудетъ у меня и у всѣхъ моихъ вѣчною памятію вашей ко мнѣ любви и дружества нашего. Вамъ же, коликое могу словами и сердцемъ обнять, приношу благодареніе за такій вашъ подаронъ. Сію ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА книгу, какъ скоро я получилъ, жадно читалъ, и всю прочелъ съ великимъ удовольствіемъ. Но когда разсмотрѣлъ я все Сочиненіе премудростію вездѣ сіяющее, то чрезъ сіе не могу вамъ изъяснить, сколько оно меня въ удивленіе привело. Самая лучшая ИМПЕРАТРИЦА, самаго лучшаго правленія основаніе полагая, беретъ ученіе правъ не отъ Римлянъ, какъ всѣ почти прочіе, ниже изъ другихъ законовъ бывшихъ и нынѣ сущихъ народовъ, но отъ самой природы своихъ подданныхъ, такъ что оное законоположеніе природнымъ, а не изъ чужихъ странъ взятымъ кажется. Хотя же ОНА совершенную и полную власть имѣетъ, однако законы постановляетъ, не смотря на самовластіе, но попирая оное, ищетъ въ томъ не собственной, но общей пользы. Въ ономъ отъ другихъ законовъ, и то особливое примѣчается, что всѣ установленія съ великимъ человѣколюбіемъ суть сопряжены. Добродѣтели награждаетъ, и всѣхъ къ почитанію ихъ преразумно поощряетъ; исправляетъ погрѣшно-

сти, и дѣлая всѣхъ добрыми, ту имъ собственно похвалу оставляетъ, что они учинились такими безъ принужденія; печется о воспитаніи юношества; старается о благонравіи и будущихъ гражданъ: отъ преступленій удерживаетъ кротостію; а не по примѣру Дракона, который по повѣствованію законы писалъ кровію, не чернилами; однако же кротость сія ко преступленіямъ поводовъ не подаетъ, но напередъ пресѣкаетъ оные. Въ недостатокъ жителей въ вашемъ государствѣ, какъ въ главнѣйшее дѣло, остротою своего разума входитъ, и разыскиваетъ оный философскимъ окомъ, которое во внутренности проницая самыя малѣйшія вещи подробно разсматриваетъ, и нашедъ толикаго вреда истинныя причины, государство жителями, а жителей изобиліемъ обогатить старается. Ко пріобрѣтенію же сего предуготовляетъ нужное: простый народъ отъ бремени податей освобождаетъ; на хлѣбопашество призираетъ милостиво; искуства и художества всѣ, способствующія либо ко спокойствію, либо ко пріятности жизни, возстановляетъ; торговлю, какъ прямый богатства источникъ, облегчаетъ и распространяетъ, и отвращаетъ все оную стѣсняющее. Ничего во всемъ не оставляетъ безъ своего разсмотрѣнія, ничего не умалчиваетъ, все объявляя всенародно, для общаго всѣхъ благополучія. Во всемъ увидѣлъ я премудрыя законодавицы руку, которая Россіянъ ведетъ пріятнымъ путемъ туда, гдѣ обитаетъ блаженство, и вѣчное съ добродѣтелію имѣетъ сопряженіе. По истиннѣ то самое теперь сбывается, что Платонъ говоритъ, когда либо Философы государствуютъ, либо Государи философствуютъ. Но и самому Платону, чтобы показалось, если бы узналъ

онъ, что Наказъ сей не Солономъ, не Ликургомъ, ниже какимъ другимъ мудрецомъ, но ЕКАТЕРИНОЮ II. написанъ; что по истинѣ есть древнимъ чудо неслыханное, намъ удивленія достойное, потомкахъ можетъ быть невѣроятное. Ибо Августѣйшая ИМПЕРАТРИЦА превзошедъ силы своего пола, сверхъ вѣроятія всѣхъ смертныхъ, первая безъ примѣра, новое законоположеніе во всемъ совершенное въ свѣтъ издала, въ которомъ аки въ зерцалѣ увидѣвъ разумъ ЕЯ, съ кѣмъ сравнить и кого предпочесть ЕЙ, не нахожу. Все ЕЯ сочиненіе наполнено премудрыми примѣчаніями, правилами разумнѣйшими, сильными доказательствами и важными изреченіями. Что же скажу о самомъ слогѣ, которымъ написано оное? Даже и въ переводѣ Латинскомъ, самымъ чистымъ и самымъ краснымъ языкомъ написанномъ, вездѣ сіяетъ истинный свѣтъ безъ ложнаго блеска, величество безъ умноженія онаго мнимою славою, краткость безъ темноты. Я отмѣнно почитая Славнѣйшую Россійскую ИМПЕРАТРИЦУ, не могъ удержаться, чтобы сего законоположенія не показать для удивленія нашимъ Профессорамъ, которымъ оно такъ понравилось, что всѣ со мною купно Августѣйшую Законодавицу другъ предъ другомъ прославляютъ, и не только хвалятъ, но и правленію ЕЯ желаютъ такого блаженства, какимъ древность по баснословію во время Сатурнова правленія наслаждалась. Вы же премудрые мужи, которымъ достославная ИМПЕРАТРИЦА поручила сочиненіе сего новаго уложенія, употребите все прилѣжаніе ваше, продолжайте труды свои, и новою славою прославляйтеся, дабы вамъ по совершеніи сего дѣла участниками называться Россійскаго блаженства, и за-

служить достойную навсегда, и никогда непрестающую похвалу отъ потомковъ вашихъ.

При семъ и проч.... Прибавляю только то одно еще прошеніе мое, чтобъ вы, какъ начали безъ малѣйшей моей услуги меня любить, такъ и впредь продолжали любовь вашу ко мнѣ. Прости, Россіянъ украшеніе!

Въ Неаполѣ 1771 года, Октября 7 дня.

XVII.

Господинъ Живописецъ!

Я превеликое имѣю желаніе съ вами увидѣться, но незнаю гдѣ васъ найти: нужда моя состоитъ въ томъ, что я хочу написать мой, и жены моея, портреты на одной картинѣ; и какъ вы въ превеликой нынѣ, въ нашемъ городѣ, находитесь славѣ, то и разсудилъ я просить васъ о написаніи сея картины. Правда, что слухи о вашей работѣ, такъ какъ и похвалы и хулы на оную весьма различны; но однакожъ ето меня не отвращаетъ отъ моего намѣренія. Я узналъ изъ опытовъ, что люди вашего упражненія почасту навлекаютъ на себя хулу и негодованіе тѣмъ самымъ, что дѣлаетъ имъ славу. Никогда не позабуду я приключенія съ однимъ портретнымъ живописцомъ, отъ котораго чуть не умеръ я тогда отъ смѣха. Нѣкоторая пожилая знатная госпожа, услышавъ о томъ живописцѣ, призвала его къ себѣ, и приказала написать свой портретъ, миніатурною жи-

вописью: живописецъ окончалъ свою работу съ совершеннымъ искуствомъ, и принесъ къ госпожѣ: госпожа лишь только взглянула на портретъ, то закричала съ удивленіемъ: Ахъ!... какимъ написалъ онъ меня уродомъ!... Ето въ семдесятъ лѣтъ старуха! Сколько морщинъ, какой ложной цвѣтъ въ лицѣ! — Она подбѣжала къ зеркалу, и глаза ее не находили никакова сходства; хотя мы всѣ тамъ бывшіе видѣли, что портретъ написанъ былъ весьма сходно съ ея лицомъ. Госпожа разсердясь бросила портретъ въ каминъ, и вмѣсто 30 рублей, заплатила живописцу только 10; и послѣ вездѣ его ругала, и увѣряла, что онъ пишетъ прескверно. Таковато, государь мой, участь живописцовъ: но я удалился отъ своего намѣренія; и такъ возвратясь ко оному, прошу васъ, увѣдомить меня чрезъ вашего переплетчика, гдѣ ваша квартира, я къ вамъ приду, и изъяснюсь съ вами о предлагаемомъ мною трудѣ. Повѣрьте, государь мой, что етотъ трудъ достоинъ вашея кисти. Впрочемъ я есмь

Вашъ покорный слуга

нещастной мужъ.

ЖИВОПИСЕЦЪ ЛИСТЪ 12.

XVIII.

АНГЛИЙСКАЯ ПРОГУЛКА

Прогуливаясь третьяго дни по берегу, встрѣтился я съ однимъ изъ тѣхъ почтенныхъ человѣковъ, которые превосходительство поставляютъ не въ пышности названія, но въ добротѣ сердца. Сей господинъ, со обыкновенною своею учтивостію и ласкою, свойственною только добродѣтельнымъ людямъ, подошедъ поздравлялъ меня съ хорошимъ успѣхомъ Живописцовыхъ листовъ; увѣряя при томъ, что они заслужили благоволеніе многихъ почтенныхъ особъ. Я началъ было благодарить его за сіе для меня пріятное извѣстіе, но онъ перервавъ мои слова спрашивалъ: для чего я не издаю продолженія путешествія И*** Т*** — Безъ сомнѣнія дошли до васъ, говорилъ онъ, толки симъ листочкомъ произведенныя: но вы не должны о томъ безпокоиться. Правда, что многія наша братья дворяне пятымъ вашимъ листомъ не довольны, однакожъ вѣдайте и то, что многія за оной же листъ и похваляютъ васъ. На всѣхъ никто угодить не можетъ, такъ старайтесь по крайней мѣрѣ угождать тѣмъ, которые во своихъ требованіяхъ справедливѣе другихъ. Впротчемъ я со всѣмъ не понимаю, продолжалъ онъ, по чему нѣкоторые думаютъ, что будто сей листокъ огорчаетъ цѣлый дворянскій корпусъ. Тутъ описанъ помѣщикъ не имѣющій ни здраваго разсужденія, ни любви къ человѣчеству, ни сожалѣнія къ подобнымъ себѣ; и слѣдовательно описанъ дворянинъ, власть свою и преиму-

щество дворянское во зло употребляющій * . . . . .
Кто не согласится, что есть дворяне подобные описанному вами? Кто посмѣетъ утверждать, что сіе злоупотребленіе не достойно осмѣянія? И кто скажетъ, что худое раченіе помѣщиковъ о крестьянахъ не наноситъ вреда всему государству? Пусть вникнутъ въ сіе здравымъ разсужденіемъ: тогда увидятъ отъ чего остановляются и приходятъ въ недоимку государственные поборы? Отъ чего происходитъ то, что крестьяне наши бываютъ бѣдны? отъ чего у худыхъ помѣщиковъ и у крестьянъ ихъ частыя бываютъ неурожаи хлѣба? ** . . . . . .
. . . . . .
Не все ли сіе проистекаетъ отъ употребленія во зло преимущества дворянскаго? Когдажъ неустроенію сему причиною худые дворяне; то недостойны ли они справедливаго порицанія? Пусть скажутъ господа критики, кто больше оскорбляетъ почтенный дворянскій корпусъ: я еще важнѣе скажу, кто дѣлаетъ стыдъ человѣчеству: дворяне ли преимущество свое во зло употребляющіе, или ваша на нихъ сатира? И такъ вѣрьте, примолвилъ онъ, что такія ваши сатиры не только что не огорчаютъ дворянъ, украшенныхъ добродѣтелію и знающихъ человѣчество, но паче еще и превозносятъ ихъ. Правда, что въ числѣ вашихъ критиковъ были и такія, которыя порицали васъ, будучи побуждаемы слѣпымъ пристрастіемъ

---

* Тутъ слѣдовали многія другія упреканія, относящіяся къ худымъ помѣщикамъ, но я ихъ выключилъ, опасаясь навлечь на себя сугубое негодованіе.

** Я и тутъ многое выключилъ для сказанныхъ мною причинъ въ первомъ примѣчаніи.

по преимуществу дворянскому: но коль чудно и странно сіе пристрастіе! Какъ? защищать упорно такое преимущество, которымъ сами они, и всѣ честныя и добросердечныя дворяне никогда не пользуются? . . . Я знаю еще недовольныхъ вашимъ листкомъ; но неудовольствіе сихъ людей достойно того, чтобы вы имѣли къ нимъ почтеніе: ибо они не вѣдая вашей цѣли, никакова не могли по началу сдѣлать правильнаго заключенія; и потому изъ любви ко ближнему болѣе сожалѣли, нежели охуждали, что вы не съ той стороны приялися за сію сатиру. Напротивъ того бранили васъ надмѣнныя дворянствомъ люди, которыя думаютъ, что дворяне ничего не дѣлаютъ неблагороднаго, что подлости одной свойственно утопать въ порокахъ; и что наконецъ, хотя нѣкоторые дворяне и имѣютъ слабость забывать честь и человѣчество, однакожъ, будто они, яко благорожденные люди, отъ порицанія всегда должны быть свободны. Сіи гордые люди утверждаютъ, что будто точно сказано о крестьянахъ: *Накажу ихъ жезломъ беззаконія:* и подлинно они часто наказываются беззаконіемъ. Что по ихъ мнѣнію. . . . . .

. . . . . .

Мы привыкли, продолжалъ онъ, перенимать съ жадностію все отъ иностранныхъ, но по нещастію нашему по часту перенимаемъ только пороки ихъ; напримѣръ, когда были у насъ въ модѣ Французы, то отъ обхожденія съ ними остались у насъ легковѣрность, непостоянство, вертопрашество, вольность въ обхожденіи, превосходящая границы благоразумiемъ учрежденныя, и многія другія пороки. Французовъ смѣнили Англичане: ны-

нѣ женщины и мущины взапуски стараются перенимать что нибудь отъ Англичанъ: все Англиское кажется намъ теперь хорошо, прелестно, и все насъ восхищаетъ. И мы по нещастію столь пристрастны къ чужестранному, что и самыя пороки ихъ не рѣдко почитаемъ добродѣтелію. Французкую наглость называли мы благородною вольностію, а нынѣ Англискую грубость именуемъ благородною великостію духа. Я говорю ето, продолжалъ онъ, не въ поношеніе обоихъ сихъ народовъ: ибо всякъ вѣдаетъ, что Французы и Англичане весьма много имѣютъ добраго; но говорю единственно въ доказательство пристрастнаго нашего къ иностраннымъ порокамъ прилѣпленія. Кто захочетъ въ истиннѣ сего мнѣнія удостовѣриться, тотъ пусть поогляднтся; я увѣренъ, что онъ много найдетъ сему подобнаго . . . . . .

. . . . . .

Нѣкоторые изъ насъ удивлялися шатавшимся провинціальнымъ Англискимъ актерамъ, а своихъ имѣемъ, которые равняются съ наилучшими Англискими актерами и актрисами, но однакожъ они намъ не удивительны, по тому что онѣ Рускіе.

Когдажъ все Англиское въ такой у насъ превеликой модѣ, то для чего любители иностранныхъ вкусовъ не почитаютъ пятый вашъ листокъ въ Англискомъ вкусѣ написаннымъ: тамъ дворяне критикуются также какъ и простолюдимы. Я сожалѣю, что вы въ заглавіи сего сочиненія не написали: *Путешествіе въ Англискомъ вкусѣ написанное;* можетъ быть, что ето названіе, вмѣсто порицанія, привело бы его въ моду. О времена! О нравы! сказалъ сей господинъ вздохнувши. Послѣ сего усиль-

но просилъ онъ меня, чтобы продолженіе путешествія, и сіе его разсужденіе напечаталъ я въ моихъ листахъ подъ названіемъ *Англиская прогулка*. Сколько ни отговаривался я отъ сей прозьбы; но однакожъ убѣжденъ былъ увѣреніями его, что сіе разсужденіе не будетъ противно дворянамъ истинно благороднымъ. И такъ въ удовольствіе его я сообщаю и то другое, прося при томъ извиненія, что выключилъ нѣчто изъ его разсужденій: ето показалося мнѣ необходимо нужнымъ.

XIX.

Государь мой!

Не знаю какъ въ Петербургѣ, а у насъ въ Москвѣ много взмъ чести дѣлаютъ ваши листочки. Что касается до меня, я о томъ только и думаю, чтобъ они у меня были въ полномъ собраніи: и по тому, что я не изъ тѣхъ числа, у коихъ пустыя сказки преимуществуютъ предъ благонамѣренными сочиненіями: и по тому, что я весьма услаждаюсь, когда тѣ произрастѣнія, коими другія мѣста къ великой своей славѣ изобилуютъ, нахожу и на нашихъ поляхъ. Желалъ бы я, чтобъ Россія, любезное мое отечество, меньше имѣло нужды въ типографическихъ товарахъ выписываемыхъ по милости иностранцовъ! Естьли какое находитъ она препятство къ тому, чтобъ нарещися ей за превосходныя свои совершенства несравненною подъ солнцемъ страною, то другаго нѣтъ кажется, какъ сей токмо недостатокъ. Какъ вы думаете, господинъ Живописецъ? Извинительны ли тѣ, кои при

всемъ томъ, что ихъ и природа расположила и науки уготовили, и извѣстность воздаянія поощряетъ въ сходственность ихъ способностямъ трудиться, только что другихъ критикуютъ? Мнѣ кажется, лутче бы имъ быть слушателями критики, а не произносителями. Обуздайте слабость свою, О вы наукъ питомцы! и признайтесь, что тѣхъ дней, кои вамъ осталось доживать, едва станетъ на заглажденіе и одной вашей лѣности. Время приступить къ лутчему; а особливо что никакого нѣтъ сомнѣнія, будутъ ли ваши упражненія уважены, когда Монаршеская щедрость ко вступленію во оныя еще и приглашаетъ васъ. Смотрите, чтобъ тотъ источникъ, которой составляетъ и славу вашего имени и награду трудовъ вашихъ, со временемъ не затворился. Извините меня, государь мой, что я ето на вашей каѳедрѣ ставши прокричалъ.

Вашъ усердный слуга

Прошу не погнѣваться.

P. S. Прошу меня увѣдомить, не противно ли будетъ вамъ, естьли я почаще къ вамъ буду писать. Я бы недурнымъ былъ въ вашемъ искуствѣ подмастерьемъ, естьли позволите мнѣ сообщать вамъ мои фантазіи.

Іюля 2 дня, 1772 года

изъ Москвы.

Продолженіе путешествія, другое письмо *Г. прошу не погнѣваться*, и на оныя отвѣтъ, сообщены будутъ въ слѣдующемъ листѣ.

XX.

Продолженіе

ОТРЫВКА ПУТЕШЕСТВІЯ

ВЪ * * *

И * * * Т * * *

ГЛАВА XIV.

Между тѣмъ солнце совершивъ свое теченіе погружалось въ бездну водъ, дневный жаръ перемѣнялся въ прохладность, птицы согласнымъ своимъ пѣніемъ начали воспѣвать пріятность ночи, и сама природа призывала всѣхъ отъ трудовъ къ покою. Между тѣмъ богачи, любимцы *Плутовы*, препроводя весь день въ веселіи и пированіяхъ, къ новымъ приготовлялися увеселеніямъ. Люди праздные, скучающіе драгоцѣнностію времени, потерявъ сей день безполезно, возвращались на ложе свое спокойными, и радовались, что одинъ день убавился изъ ихъ вѣка. Худый судья и негодный подьячій веселились, что въ минувшій день сдѣлали прибытокъ своему карману, и пролили новые источники невинныхъ слезъ. Волокиты и Щеголихи препроводя весь день въ нарядахъ, скакали на берегъ * для свиданья. Ревнивыя супруги

* Надобно думать, что ето путешествіе писано въ то время, когда прогуливаніе по берегу было въ модѣ.

и любовники затворялись во своихъ покояхъ, и проклинали вольное обхожденіе. Устарѣлыя Щеголихи воспаляли великое число восковыхъ свѣчъ, и устроя лице свое различными хитростьми, торжествовали восхожденіе престарѣлыя луны, своея благотворительницы, которая блѣднымъ своимъ свѣтомъ оживляла увядшія ихъ прелести. Игроки собирались ко всеночному бдѣнію за карточными столами, и тамъ теряя честь, совѣсть и любовь ко ближнему, приготовлялись обманывать и разорять богатыхъ простячковъ, всякими непозволенными способами. Другіе игроки везли съ собою въ карманѣ труды и потъ своихъ крестьянъ цѣлаго года, и готовились поставить на карту. Купецъ веселился считая прибытокъ того дня, полученный имъ на совѣсть, и радовался, что на дешевый товаръ много получилъ барыша. Врачъ благодарилъ Бога, что въ етотъ день много было больныхъ, и радовался, что отправленный имъ на тотъ свѣтъ покойникъ былъ весьма молчаливый человѣкъ. Стряпчій доволенъ былъ, что въ минувшій день умѣлъ разорить зажиточнаго человѣка, и придумать новыя плутовства для разоренія другихъ по законамъ. А крестьяне, мои хозяева, возвращались съ поля въ пыли, въ потѣ, измучены, и радовались, что для прихотей одного человѣка, всѣ они въ прошедшій день много сработали.

Вошедъ на дворъ и увидѣвъ меня въ колискѣ, всѣ они поклонились въ землю, а старшій изъ нихъ говорилъ: Не прогнѣвайся, господинъ доброй, что насъ никово не прилучилося дома. Мы всѣ, родимой, были въ полѣ: Царь небесной далъ намъ ведро, и мы торопимся убрать живо, покуда дожжи не захватили. По сіось день

Господень всіо таки у насъ, родимой, погода стоитъ добрая, и мы почти со всемъ господскимъ хлѣбомъ управились: авось таки милосливой Спасъ подержитъ надъ нами свою руку, и дастъ намъ еще хорошую погоду, такъ мы и со своимъ хлѣбишкомъ управимся. У нашева боярина такое, родимой, повѣрье, что какъ поспѣетъ хлѣбъ, такъ сперьва всегда ево боярской убираемъ; а съ своимъ то де, *изволитъ баять*, вы поскорѣе уберіотесь. Ну, а ты разсуди кормилецъ, вѣть мы себѣ не лиходѣи: мы бы и рады убрать, да какъ захватятъ дожжи, такъ хлѣботъ нашъ и пропадетъ. Дай ему Богъ здоровье! Мы на Бога надѣемся: Богъ и Государь до насъ милосливы, а кабы да Григорей Тереньтьевичъ также насъ миловалъ, такъ бы мы жили какъ въ Раю. Подите, друзья мои, сказалъ я имъ, отдыхайте: взавтра Воскресенье, и вы конечно на работу не пойдете, такъ мы поговоримъ побольше.—И! родимой! сказалъ крестьянинъ, какъ не роботать въ Воскресенье! Помолясь Богу, не што же дѣлать намъ, какъ не за роботу приниматься; кабы да по всѣмъ праздникамъ нашему брату гулять, такъ нѣкогда бы и роботать было? Вѣть мы, родимой, не господа, что бы и намъ гулять; полно тово что и они гуляютъ. Послѣ чего крестьяне пошли, а я остался во своей колясцѣ, и разсуждая о ихъ состоянiи, столь углубился въ размышленія, что не могъ заснуть прежде двухъ часовъ по полуночи.

На другой день поговоря съ хозяиномъ, * я отпра-

---

* Я не включилъ въ сей листокъ разговоръ путешественника со крестьяниномъ по нѣкоторымъ причинамъ: благоразум-

вился во свой путь, горя нетерпѣливостію увидѣть жителей *Благополучныя деревни*: хозяинъ мой столько насказалъ мнѣ добраго о помѣщикѣ тоя деревни, что я напередъ уже возымѣлъ къ нему почтеніе, и чувствовалъ удовольствіе, что увижу крестьянъ благополучныхъ.

XXI.

Господинъ Живописецъ.

Я имѣю честь сообщить къ вамъ писмо, писанное мною ко Графинѣ Прасковьѣ Александровнѣ Брюсовой, которое прошу покорно включить въ издаваемыя вами въ свѣтъ листы. Вы, государь мой, принявъ на себя званіе Живописца, имѣете, по всеобщему почти признанію, званіе Живописца удачливаго; и описываемыя вами лица изображаютъ намъ точь въ точь черты, кои перо ваше изображать предпріемлетъ. Но какъ не всегда картины пороковъ пріятны для общества, то позвольте, мнѣ государь мой, осмѣлясь сообщить вамъ сочиненіе мое, и начать тѣмъ описаніемъ, которое долженъ былъ сдѣлать достоинствамъ

ный читатель и самъ ихъ отгадать можетъ. Впрочемъ я увѣряю моего читателя, что сей разговоръ конечно бы заслужилъ его любопытство, и показалъ бы ясно, что путешественникъ имѣлъ справедливыя причины обвинять помѣщика Разоренной деревни, и подобныхъ ему.

тоя особы, къ которой мое приложенное письмо писано. Оно мало изображаетъ всѣ дарованія, коими она обладаетъ; но я предоставляю воздать имъ всю ту плату, каковыя она достойна. Въ прочемъ я имѣю честь быть

Вашимъ, государь мой,

покорнымъ слугою

Любитель добродѣтельныхъ людей.

XXII.

ПИСМО

къ ея Сіятельству Графинѣ Прасковьѣ Александровнѣ Брюсовой.

Небесну красоту въ твоемъ лицѣ я зрю,
И часто о тебѣ съ почтеньемъ говорю:
Но прелестиль однѣ меня столь удивляютъ;
Твои достоинства почтеніе раждаютъ.
Что къ щастію тебя судбина возвела,
То лестно: но ты все превысить то могла,
Умѣя сохранить сей даръ себѣ судбины.
Наперстницею ставъ Второй ЕКАТЕРИНЫ,
Не случаемъ однимъ велика между насъ,
Великость свойствомъ ты являешь каждой часъ.
Тебѣ подобныя въ великости бываютъ;
Но души слабыя свой долгъ позабываютъ,
И щастіе свое употребляютъ въ зло;
Тебя все щастіе испортить не могло.

Та пышность, коя всѣхъ толь много ослѣпляетъ,
Великодушіе и жалость истребляетъ,
И портя чувствіе порочитъ часто честь:
Сіе чудовище подъ нѣжнымъ видомъ *лесть*,
Которое всегда въ насъ гордость услаждаетъ,
И самолюбія злымъ ядомъ заражаетъ,
Ни мало не могли поколебать твой духъ;
Всѣ льстивыя слова твой не плѣняютъ слухъ.
Поступокъ кротокъ твой, и честь тобой предводитъ;
Сей даръ твоей души все щастье превосходитъ
Не пышностью одной ты хочешъ быть славна,
Чтя истинну одну, во всѣ ты дни равна.
Какъ прелести въ тебѣ, такъ добродѣтель зрима:
Такъ жены славились во дни цвѣтуща Рима.
Не Римъ, Россія днесь раждаетъ мудрыхъ женъ:
Мы славой превзошли великость всѣхъ временъ.
Но что примѣры мнѣ здѣсь приводити тщиться,
Когда Монархиня, которой свѣтъ дивится,
Котора мудростью всѣхъ смертныхъ превзошла,
Тебя наперстницей Своею избрала:
Такъ чтя дѣла твои, дивиться имъ не должно,
Инакой быть тебѣ конечно не возможно.

XXIII.

Господинъ Живописецъ! помѣстите пожалуйте слѣдующее письмо въ ваши листы, буде возможно; содержаніе его кажется заслуживаетъ ето, чтобы вы исполнили прозьбу

Вашего покорнаго слуги
П. Р.

XXIV.

ПИСЬМО УѢЗДНАГО ДВОРЯНИНА КЪ ЕГО СЫНУ.

Сыну нашему Ѳалалею Трифоновичу, отъ отца твоего Трифона Папкратьевича, и отъ матери твоей Акулины Сидоровны, и отъ сестры твоей Варюшки, низкій поклонъ и велиное челобитье.

Пиши къ намъ про свое здоровье: таки такъ ли ты поживаешь ходишь ли въ церьковь, молишься ли Богу, и не потерялъ ли ты святцовъ, которыми я тебя благословилъ. Береги ихъ; вить ето не шутка: меня ими благословилъ покойникъ дѣдушка, а его отецъ духовной Ильинской батька. Онъ былъ боленъ черною немочью и по обѣщанью ѣздилъ въ Кіевъ: его Богъ помиловалъ и Кіевскіе чудотворцы помогли; и онъ оттуда привезъ стотъ канунникъ и благословилъ дѣдушку, а онъ его возомъ муки, двумя тушами свиными, да стягомъ говяжьимъ. Не тѣмъ-то покойникъ свѣтъ будь помянутъ! онъ

ничего своего даромъ не давалъ: дѣдушкины та свѣтъ грѣхи дорогоньки становились. Кабы онъ покойникъ поменьше съ попами водился, такъ бы и намъ побольше оставилъ. Домъ его былъ какъ полная чаша, да и тутъ процѣдили. Вить и нашъ батько Иванъ: кабы да я не таковъ былъ, такъ онъ бы готовъ хоть кожу содрать: тото поповскіе завидливые глаза: прости Господи мое согрѣшеніе! А ты Ѳалалеюшка съ попами знайся, да берегись; ихъ молитва до Бога доходна, да убыточна.... Какъ отпоешь молебенъ, такъ можно ему поднести чарка вина, да дать ему шесть денегъ, такъ онъ и доволенъ. Чегожъ ему больше: прости Господи, вить не рожна? Да полно нынче и винцо-та въ сапогахъ ходитъ: екое времечко; вотъ до чего дожили, что и вина своего не льзя привесть въ городъ; пей де вино государево съ оружала, да дѣлай прибыль откупщикамъ. Вотъ какое разсужденіе! А говорятъ, что всіо хорошо дѣлаютъ; по этому скоро и изъ своей муки нельзя будетъ испечь пирога. Да што ужъ и говорить, житье то наше дворянское нынѣче стало очень худенько. Сказываютъ, что дворянамъ дана вольность: да чортъ ли ето слыхалъ, прости Господи, какая вольность? Дали вольность, а ничего не можно своею волею сдѣлать; не льзя у сосѣда и земли отнять: въ старину то было намъ больше вольности, бывало отхватишь у сосѣда земли цѣлое поле; такъ ходи же онъ да проси, такъ еще десять полей потеряетъ; а вина бывало кури сколько хочешь, про себя сколько надобно, да и продашь на сотню мѣста. Коли воевода пріятель, такъ кури смѣло въ его голову: тото была воля-та! Нынче и денегъ отдавать

въ проценты не льзя: больше шести рублей брать не велятъ, а бывало такъ бирали на сто и по двадцати по пяти рублей. Нѣтъ ста, кто што ни говори, а старая воля лучше новой. Нынче только и воли, што можно вытить изъ службы, да поѣхать за море; а не слыхать што тамъ дѣлать: хлѣбать мы и здѣсь ѣдимъ, да таковожъ живемъ. А изъ службы тогда хоть и не вольно было вытить, такъ были на ето лѣкари: отнесешь ему барашка въ бумажкѣ, да судьѣ другова, такъ и отставятъ за болѣзнями. Да ужъ бывало какъ пріѣдешь въ деревню-та, такъ ето наверстаешь: былъ бы только умъ, да зналъ бы приказныя дѣла, такъ сосѣди и не куркай. Тото было житье: ты Ѳалалеюшка не запомнишь етова. Сестра твоя Варя посажена за грамоту; батюшо Иванъ самъ ей началъ азбуку въ ее именины; ей минуло пятнадцать лѣтъ: пора другъ мой и объ етомъ подумать; вить ужъ скоро и женихи станутъ свататься; а безъ грамоты замужъ ее выдать не годится: и указа самой прочесть не льзя. Отпиши Ѳалалеюшка, что у васъ въ Питерѣ дѣлается: сказываютъ што великіе затеи. Колокольню строютъ, и хотятъ сдѣлать выше Ивана Великаго; статошное ли это дѣло; то дѣлалось по благословенію Патріяршему, а имъ какъ ето сдѣлать. Вѣра-та тогда была покрѣпче, во всемъ другъ мой надѣялись на Бога, а нынче она пошатнулась, по постамъ ѣдятъ мясо, и хотятъ сами все сдѣлать; а все ето проклятая некрещь дѣлаетъ: отъ Нѣмцовъ житья нѣтъ! Какъ поводимся съ ними еще, такъ и намъ съ ними быть во адѣ. Пожаласта Ѳалалеюшка, не погуби себя, не заводи съ ними знакомства: провались они проклятые!

Нынче и за море ѣздить не запрещаютъ, а въ *Кормчей книгѣ* положено за ето проклятіе. Нынче все ничего; и коляски пошли съ дышлами, а и за ето такъ же положено проклятіе; не льзя только взятки братъ, да проценты выше указныхъ: ето имъ пуще пересола; а объ етомъ въ кормчей книгѣ ничего и не написано: на моей душѣ проклятія не будетъ: я и по сю пору ѣзжу въ зеленой своей колескѣ съ оглоблями. Меня отрѣшили отъ дѣлъ за взятки; процентовъ большихъ не бери, такъ отъ чего же и разбогатѣть: вить не всякому Богъ дастъ кладъ: а съ мужиковъ ты хоть кожу сдери такъ не много прибыли. Я кажется, таки и такъ не плошаю, да што ты изволишь сдѣлать: пять дней ходятъ они на мою работу, да много ли въ пять дней сдѣлаютъ: сѣку ихъ нещадно, а всіо прибыли нѣтъ; годъ отъ году всіо больше мужики нищаютъ: Господь на насъ прогнѣвался; право Θалалеюшка и ума не приложу, что съ ними дѣлать. Пріѣхалъ къ намъ сосѣдъ *Брюжжаловъ*, и привезъ съ собою какіе та печатные листочки, и будучи у меня читалъ ихъ. Что ето у васъ Θалалеюшка дѣлается, никакъ съ ума сошли всѣ дворяне? чего они смотрятъ, да я бы ему проклятому и ребра живова не оставилъ. Што за живописецъ такой у васъ проявился! какой нибудь Нѣмецъ, а православной етова не написалъ бы. Говоритъ, что помѣщики мучатъ крестьянъ, и называетъ ихъ тиранами, а того проклятой и не знаетъ, што въ старину тираны бывали не крещеные, и мучили святыхъ: посмотри самъ въ Чети Минеи; а наши мужики вить не святые: какъ же намъ быть тиранами? Нынѣче же ето и ремесло не въ модѣ: скорѣе въ Воеводы

добьешся, нежели во — Да полно ето не наше дѣло. Изволитъ умничать, что мужики бѣдны: едакая бѣда; не ушто хочетъ онъ, чтобы мужики богатѣли, а мы бы дворяне скудѣли; да етова и Господь не приказалъ: кому нибудь одному богатому быть надобно, либо помѣщику, либо крестьянину: вить не всѣмъ старцамъ въ игуменахъ быть. И во святомъ писаніи сказано: *Другъ другу тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ:* они на насъ работаютъ; а мы ихъ сѣчомъ, ежели станутъ лѣниться; такъ мы и равны — да на што они и крестьяне: его такое и дѣло, што работай безъ отдыху. Дайка имъ волю, такъ они и не вѣтъ что затѣютъ. Вотъ те на до чего дожили: только я на ето смотрѣть не буду: ври себѣ онъ што хочетъ: а я знаю что съ мужиками дѣлать *

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

О коли бы онъ здѣсь былъ! то то бы потѣшилъ свой животъ: всѣ бы кости у него сдѣлалъ какъ въ мѣшкѣ. Што и говоритъ, дали волю: тутъ не бось не видятъ, и знатные господа молчатъ; кабы я былъ большимъ бояриномъ, такъ управилъ бы его въ Сибирь. Едакія люди за себя не вступятся! Вить и бояра съ мужиками та своими поступаютъ не по Нѣмецки, а все таки такъ же по Руски, и ихъ крестьяне не богатѣе нашихъ. Да што ужъ и говоритъ и они свихнулись. Не далеко отъ меня деревня Григорья Григорьевича Орлова; такъ знаешь ли по чему онъ съ нихъ беретъ: стыдно и сказать, по полтара рубли съ души,

* Я нѣчто выключилъ изъ сего письма: такія мнѣнія оскорбляютъ человѣчество.

а угодьевъ-та сколько! и мужики какіе богатые; живутъ себѣ да и гадки не маютъ, богатѣе инова дворянина; ну, а ты разсуди самъ, што отъ етова прибыли, што мужики богати; кабы перетаскалъ въ свой карманъ, такъ бы ето полутче было: едакой умъ! то то Ѳалалеюшка не къ рукамъ едакое добро досталось. Кабы ета деревня была моя, такъ бы я по тридцати рублей съ нихъ бралъ, да и тутъ бы ихъ въ міръ еще не пустилъ; только што мужиковъ балуютъ. Ехъ! перевелись ста старые наши большіе бояра: то-та были люди, не только что со своихъ, да и съ чужихъ кожи драли. То-то пожили да поцарствовали, какъ сыръ въ маслѣ катались: и Царское, и Дворянское, и купецкое, все было ихъ; у всѣхъ кромѣ Бога, отнимали; да и у того чуть тако не отни — А нынѣшніе господа што за люди, и себѣ добра не хотятъ. Што ужъ и говорить: все пошло на Нѣмецкой манеръ. Нутка Ѳалалеюшка, вздумай да взгадай, да поди въ отставку: полно другъ мой, вить ты уже послужилъ, лбомъ стѣну не проломишь; а коли не то, такъ хоть въ отпускъ пріѣзжай. Скосырь твой живъ и налетка; мать твоя бережетъ ихъ пуще своего глаза; намнясь налетку укусила было бѣшеная собака; да спасибо скоро захватили, ворожея заговорила. Ну да полно и было за ето людямъ. Сидоровна твоя всѣмъ кожу спустила: то-то проказница; я за то ее и люблю, што ужъ коли примется сѣчь, такъ отдѣлаетъ, перемѣнъ двенадцать подадутъ: попроситъ небось воды со льдомъ; да ето нѣтъ ничего, лутче смотрятъ. За симъ писавый кланяюсь. Отецъ твой Трифонъ, благословеніе тебѣ посылаю.

XXV.

Господинъ живописецъ!

Я имѣю у себя родственника молодаго человѣка, который подъ присмотромъ родителей своихъ выросъ въ деревнѣ, а теперь время приходитъ ему, оставя свое уединеніе, вступить въ службу, слѣдовательно и въ свѣтъ. Отецъ его послѣ Ставучанской баталіи пошедъ въ отставку удалился отъ свѣта, и сыну своему кромѣ сей войны ни о чемъ не разсказывалъ. Но какъ все подвержено перемѣнамъ, то не избѣжалъ отъ сего правила и смыслъ нѣкоторыхъ словъ, а сіи перемѣны обыкновенно дѣлаются тамъ, гдѣ большое общество обитаетъ. Извѣстножъ, сколь худо войтить въ люди, не будучи свѣдому о нравахъ того общества, въ которомъ обращаешься. Я предпріялъ по долгу родства предварить его истолкованіями тѣхъ словъ, которыхъ значеніе обычай перемѣнилъ въ нынѣшніе времена; а предпріявъ сіе разсудилъ поступить и далѣе, чтобъ не только воспользовался онымі младый мой родственникъ, но и другіе подобные ему. Сіе дѣлаю я отчасти, чтобъ видѣть себѣ благодарность, отчасти слѣдуя тому правилу, которое предписуетъ, что живущіе въ свѣтѣ праздно, тягчатъ только землю, и не пользующіе себѣ подобныхъ не отличаются отъ скотовъ. Мнѣ не хочется быть во щетѣ реченныхъ; ибо я живу весьма праздно, служу обществу однимъ именемъ, получаю чины и жалованье, ѣзжу въ мое мѣсто лишь только для того, чтобъ исполнить еди-

ный видъ моея должности; и тамо, гдѣ надлежитъ упражняться въ дѣлахъ мнѣ порученныхъ, я разговариваю о вчерашнемъ днѣ, о моихъ деревняхъ, о дѣтяхъ и лошадяхъ, дабы скорѣе препроводить часы упражненія. Товарищи мои весьма согласны со мною, и такъ безъ малѣйшихъ споровъ, всѣ дѣла каждый день отлагаемъ мы до завтрея. Но чтобъ сдѣлать пользу подобнымъ моему родственнику воспитанному въ деревнѣ, изъясненіемъ перемѣннаго смысла нѣкоторыхъ словъ, я за лучшій способъ нахожу просить васъ г. Живописецъ, печатать въ вашихъ семидневныхъ листахъ тѣ письма, которыя буду писать къ моему родственнику и изъ коихъ первое теперь къ вамъ прилагаю.

Покорный вашъ слуга
Доброхотовъ.

XXVI

I ПИСЬМО КЪ ПЛЕМЯННИКУ.

Любезный племянникъ! я получилъ отъ отца твоего письмо, въ которомъ увѣдомляетъ меня, что онъ вознамѣрился съ тобою разстаться и отпустить тебя въ службу. Прежде нежели вступишь ты во свѣтъ, потребно тебѣ имѣть нѣкоторое понятіе о свѣтской жизни; хотя отецъ твой и много разъ сказывалъ о Ставучанской баталіи и о всѣхъ Турецкихъ походахъ, однакожъ со всѣмъ тѣмъ ты весьма мало знаешь науку свѣта. Я нѣкогда былъ въ равныхъ съ тобою обстоятельствахъ, и собственнымъ опытомъ узналъ, сколь худо вступить въ свѣтъ не зная онаго. Вступая въ свѣтъ, тебѣ не воспользуетъ

свѣдѣніе о Турецкихъ походахъ: ибо во свѣтѣ не одни Турки будутъ тебѣ непріятели, ты найдешь непріятелей гораздо больше внутри своего отечества, и часто между ближнихъ своихъ пріятелей; и для того намѣренъ сдѣлать тебѣ нѣкоторое понятіе о свѣтѣ. Ты, пріѣхавъ изъ деревни не только не будешь знать нравовъ и сердецъ людскихъ, но и значеніе словъ нѣкоторыхъ тебѣ будетъ неизвѣстно; хотябъ ты самыя тѣ слова слыхалъ отъ воеводши и отъ подьячего съ приписью. Тебѣ отецъ твой часто твердилъ, что у подьячихъ много, есть крючковъ, но у свѣтскихъ людей ты найдешь ихъ еще больше. Для сего я вознамѣрился истолковать тебѣ значеніе нѣкоторыхъ словъ: но чтобъ сдѣлать порядокъ, я буду толковать тебѣ слова по алфавиту: теперь начинаю съ буквы *А*, а потомъ дойду и до другихъ.

А! Есть междометіе восклицательное, изъявляющее радость. Между знающими свѣтъ и политику людьми, оно произносится обыкновенно съ веселымъ лицемъ, съ отверстыми глазами, съ небольшимъ возвышеніемъ головы, съ нѣкоторымъ наклоненіемъ тѣла и съ движеніемъ рукъ изъявляющимъ обьятіе. Узрѣвъ таковую встрѣчу, ты конечно подумаешь, что тотъ, который ето сдѣлалъ, увидѣвъ тебя весьма обрадовался, и что онъ тебя любитъ; однако подумая такъ ошибешься, потому что у людей знающихъ свѣтъ, ето значитъ со всѣмъ противное твоему мнѣнію; напримѣръ:

Ежели увидя тебя кто нибудь изъ твоихъ именуемыхъ только пріятелей скажетъ: *А мой любезный другъ! какъ я радъ, что тебя увидѣлъ*; потомъ возметъ тебя за руку, не много пожметъ и поцалуетъ и въ ту и въ

другую щеку, ето будетъ значить что онъ тебя или бранилъ не давно, или идетъ куда нибудь бранить тебя, а естьли ни того, ни другаго нѣтъ, такъ по крайней мѣрѣ, или вывѣдать что нибудь хочетъ, или имѣетъ до тебя нужду: ибо когдабъ не было ничего сказаннаго, то поклонился бы онъ тебѣ весьма холодно и молча отъ тебя пошелъ прочь.

Ежели встрѣтитъ тебя игрокъ со онымъ восклицаніемъ, то будетъ значить, что онъ хочетъ съ тобою подружиться и употребя все, что только возможно обыграть тебя.

Ежели дѣвушка сдѣлаетъ тебѣ таковую встрѣчу; ето значить будетъ, что она знаетъ о твоемъ богатствѣ и изрядной фамиліи и что она хочетъ выттить за тебя замужъ, и послѣ украсить голову твою скотскимъ уборомъ, дабы въ фамилію твою присовокупить мірское подаяніе.

Когда замужняя женщина повстрѣчаясь съ тобою вскричитъ *A!* ето знакъ, что она хочетъ тебѣ понравиться, послѣ обобрать тебя, а на конецъ осмѣять и одурачить.

Ежели судья встрѣтитъ тебя съ такимъ же восклицаніемъ, тогда вѣдай, что ему хочется, что бы ты завелъ какую тяжбу, и что бы ему можно было сорвать съ тебя взятки.

Когда начальники твои, встрѣчая тебя кричать будутъ *A!* то тутъ есть двоякое значеніе. Въ устахъ холостаго человѣка сіе восклицаніе значитъ, что онъ хочетъ на твой щетъ повеселиться, а женатыхъ желаніе въ томъ состоитъ, чтобы ты женился на ихъ дочерѣ.

Ежели большой господинъ увидя тебя употребитъ сіе восклицаніе, то вѣдай, что ето всего опаснѣе. Ето *A!* имѣетъ двоякое значеніе, или хочетъ онъ, чтобы ты пе-

реносилъ ему вѣсти, или чтобъ ослѣпя тебя своими ласками, употребить въ какія ни есть интриги и въ случаѣ неудачныхъ слѣдствій жертвовать тебя своему избавленію; а безъ сего, живучи въ свѣтѣ, весьма рѣдко случится, что бы кто съ тобою ласково сталъ обходиться.

Вотъ все то, что значитъ между просвѣщенныхъ людей восклицаніе *A!* Теперь зная подлинное сего слова значеніе, въ поведеніи твоемъ слѣдуй своему разсудку. Я оканчиваю ето письмо изтолкованіемъ единаго сего восклицанія, а впредь буду сообщать изъясненіе другихъ словъ.

. . . . .

XXVII.

ПИСМО

Его сіятельству Графу Григорью Григорьевичу Орлову, отъ нѣкотораго духовнаго лица изъ Москвы поздравительное съ новымъ 1772 годомъ, и благодарительное за его ревность и усердіе, принятое ко отвращенію бывшей въ Москвѣ моровой язвы 1771 года.

Оставя ваше Сіятельство Москву, оставили въ сердцахъ всѣхъ ея жителей наичувствительнѣйшее сожалѣніе о разлученіи съ вами. Вашими отличными добродѣтелями и благодѣяніями всѣхъ души не могли не быть плѣненными. Вы пребывая съ нами исполнили все то, что составляетъ вѣрноотечественный духъ. Вы соотвѣтствовали должности честнаго человѣка, оказавъ ближнимъ своимъ толь великіе знаки человѣколюбія. Вы по справедливости заслужили имя ревностнаго гражданина, принося свое щастіе на жертву общему благополучію, и подвергая себя

[illegible] [illegible]ности, отъ которой своихъ согражданъ избавили. Вы своимъ примѣромъ доказали долгъ истиннаго Христіанина, сохранивъ тѣ правила, на коихъ основывается законъ Божій и любовь къ роду человѣческому. Вы своимъ повиновеніемъ, исполняя Высочайшія повелѣнія Августѣйшія нашея САМОДЕРЖИЦЫ, изъявили новый опытъ той вѣрности, которою прямые сыны отечества обязаны своимъ Монархамъ. Вамъ должно отдать честь величайшаго иройства потому, что вы не имѣли ничего себѣ предмѣтомъ, кромѣ блаженства своихъ сочленовъ; ни цѣною, кромѣ сохраненія ихъ жизни. Сократъ видѣлъ и оплакивалъ нещастіе своего отечества; а вы узрѣвъ печальную Москву, отерли слезы ея обитателей и возвратили прежнее ихъ благосостояніе. Симъ образомъ вы отличили себя отъ обыкновенныхъ человѣковъ, симъ обязали все общество, которое не остается къ вамъ безъ признанія. Тажъ самая сила благодарности наполняетъ и мои чувствованія. Къ открытію оныхъ подаетъ мнѣ побудительную причину самое начало новаго года. Я и всѣ вообще увѣрены, что съ теченіемъ лѣтъ будутъ проистекать еще вящшія отъ васъ для любезнаго отечества благотворительные услуги. И такъ со умноженіемъ временъ умножится наивящшимъ образомъ всѣхъ къ вамъ истинная благодарность и то глубокопочитаніе, съ коимъ я имѣю честь быть навсегда.

XXVIII.

Господинъ Живописецъ!

Вы стараетесь выводить наружу пороки осмѣянія и презрѣнія достойные, которыхъ есть толикое неисчетное множество, что естьли бы вы и весь вѣкъ свой листы ваши оными наполнять хотѣли, такъ конечно бы всѣхъ еще не описали.

Главные пороки подобны большимъ деревьямъ, имѣющимъ нѣсколько тысящь вѣтвій и сучковъ, кои паки отъ себя отрасли испускаютъ.

Хотя сіе и весьма трудно, однако намѣреніе ваше всегда похвально, и многимъ полезно: время уже въ просвѣщенный вѣкъ нашъ снимати личину со порочныхъ людей, и представляти ихъ свѣту таковыми, каковы они въ самомъ существѣ суть. Не смотрите на досаду ихъ, пренебрегайте злобу ихъ устремляющуюся на васъ, продолжайте трудъ вашъ; истинна сама будетъ вамъ всегда защитою.

Я листы ваши прилѣжно читаю, и нахожу въ нихъ по справедливости изрядствы, могущія исправляти порочныхъ людей. Желательно, чтобъ для споспѣшествованія вашего добраго намѣренія помогали вамъ во описапіи вредныхъ страстей добродѣтельми украшенные и знаніями одаренные люди, коихъ мы ко славѣ отечества нашего довольно уже имѣемъ. Безъ сомнѣнія сими услужили бы они гораздо болѣе и лучше публикѣ, нежели тѣми пустошами, какіе мы отъ нѣкоторыхъ ежедневно, либо писменные, или печатные видимъ.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, писатели любящіе совершенно добродѣтель и неустрашающіеся гнѣва пороками объятыхъ гонителей, конечно сіе дѣлати начнутъ, а льстецы и трусы пускай молчатъ, для того, что отъ нихъ ничего добраго и ожидати не должно.

Сего рода животныхъ такъ умножилось, что въ нѣкоторыхъ знатныхъ домахъ по цѣлой ихъ дюжинѣ собирается, гдѣ они пороки ласкательствомъ безстыдно подкрѣпляютъ; хотя жалко и прискорбно смотрѣти, какимъ образомъ сіи одаренные острымъ разумомъ и ученіемъ просвѣщенные люди къ такой подлости приступаютъ, которымъ за сіе да будетъ предъ всѣми честными стыдно.

XXIX.

Государь мой!

Пріѣхавши я на сихъ дняхъ изъ деревни, въ которой препроводилъ нѣсколько лѣтъ, случилось мнѣ читать еженедѣльное ваше изданіе подъ именемъ Живописца; общество безъ сумнѣнія, чувствуетъ пользу отъ такого сочиненія, въ которомъ живо описываются пороки, единственно для того, чтобъ оныхъ убѣгать, а при томъ всѣмъ тѣмъ, кто отъ васъ ни потребуетъ, подаются разумныя совѣты. Въ разсужденіи сего вздумалось мнѣ, описавъ вамъ жалостное мое состояніе, попросить вашего совѣта, какимъ бы способомъ излѣчить жену мою отъ мучительной болѣзни, называемой ревнивость, коею она одержима безъ всякой съ моей стороны причины, и чрезъ то доставить бы спокойствіе себѣ и всѣмъ живущимъ въ околичности сосѣдямъ. Я будучи человѣкъ весьма ми-

ролюбивой желаю, чтобъ всѣ жили въ совершенномъ согласіи. Годъ прошелъ какъ я женатъ; при женидьбѣ моей ласкался я препровождать дни мои во всякомъ удовольствіи, надѣялся найтить въ женѣ себѣ друга, зная, что нѣтъ на свѣтѣ пріятнѣе и дороже, какъ имѣть истиннаго друга; но къ нещастію моему не вышло такъ, какъ я разполагалъ. Ревнивость вдругъ столь сильно ее объяла, что она не токмо начала ревновать ко мнѣ всѣхъ женщинъ, съ коими мы имѣемъ знакомство, но и старается еще примѣчать за посторонними четами. Хотя она въ томъ и не успѣваетъ, однако не перестаетъ имѣть подозрѣнія, и выдумывать разныя сплетни, чемъ навлекли мы отъ многихъ, а особливо отъ сосѣдей нашихъ на себя ненависть. Разговоръ ея ни въ чемъ другомъ по большей части не состоитъ, какъ только разсказываетъ и дѣлаетъ заключенія, кто кому творитъ какой то куръ: слово, котораго я до женидьбы моей не зналъ. Жена моя постаралась его мнѣ разстолковать: ибо по ея мнѣнію всякой женщинѣ я его дѣлаю; однимъ словомъ, многія наши бѣдныя сосѣдки претерпѣваютъ отъ нея разныя досады, какъ напримѣръ: разсказывала она про одну изъ нихъ, что будто она ночью приходила ко мнѣ, а не нашедъ способа пройтить въ двери, по тому, что оныя были заперты, пролѣзла сквозь трубу въ печь, а изъ печи въ мою спальну. Таковыя выдумки не мало огорчаютъ всѣхъ тѣхъ, до коихъ они касаются, хотя по здравому разсудку заслуживаютъ они одно только презрѣніе. Изъ сего вы видите государь мой, что ревнивость, господствующая женою моею страсть, сколь много вредна и для нея самой, по тому, что духъ ея всегда въ

сиятенія, а тѣмъ самымъ и кровь ея портится, сколько же она въ тягость мнѣ и другимъ, по чему и принялъ я смѣлость просить у васъ совѣта, какъ бы мнѣ избавиться отъ сей напасти, за что я вамъ во всю мою жизнь обязаннымъ буду

вашъ покорный слуга
80. 90.

Ревнивость есть болѣзнь опасная; прежде полагали, что проистекаетъ она отъ страстныя любви; но въ наши времена узнали, что ревнивость часто бываетъ завѣсою притворства, изъ подъ которой удобнѣе производятъ любовные хитрости; и подлинно ето выдумано весьма осторожно: когда дѣлаютъ нападеніе, тогда слѣдуетъ защищаться, а не самому нападать. Разсмотрите хорошенько свои обстоятельства, посовѣтуйте со своимъ благоразуміемъ, и увѣдомте меня о томъ, тогда я пропишу рецептъ отъ болѣзни вашей супруги.

XXX.

Государь мой!

Я въ одной книжкѣ начиталъ, что разность увеселяетъ де. Можетъ быть ето и въ другую какую сторону относится; однако я крѣпкое намѣреніе положилъ стараться о перемѣненіи теперишняго моего состоянія. Мнѣ вдругъ захотѣлось быть Профессоромъ; да кажется и дѣльно, по тому что я въ етомъ состояніи надѣюсь все то имѣть почти даромъ, что другимъ достается чрезъ великія труды. Иные совѣтуютъ мнѣ постричься въ мона-

хи; однако вижу, что съ нихъ до смерти не сходитъ черной цвѣтъ. Вы что на ето скажете

Вашему покорному слугѣ
Прошу Непогнѣваться?

Мнѣ весьма пріятно получать письма г. *Прошу Непогнѣваться:* по чему и прошу его о присылкѣ оныхъ.

XXXI.

Господинъ Живописецъ!

Простите мнѣ, что я начавъ съ вами переписку начинаю дѣлать вамъ выговоры, такъ государь мой, вы тово достойны, за пренебреженіе ваше, островомъ нашимъ: ни мало не хотите вы на него взглянуть. Не думаете ли вы, что на немъ нѣтъ ничего достойнаго, къ написанію картины вашею для меня милою кистью; есть-ли такъ, то вы неправо мыслите: чего бы я отъ васъ никогда не чаялъ. Примите когда нибудь, трудъ, обойдите островъ нашъ, вы увидите, что мы на острову во первыхъ имѣемъ своихъ карточныхъ игроковъ, которые въ полночь разъѣзжаясь, довольно уже сами собою составляютъ изрядную картину; подите потомъ не много по далѣе, найдете вы страстныхъ любовниковъ, сидящихъ съ любовницами своими подъ окнами, прохаживающихся, другъ друга провожающихъ; найдете мужей съ холоднымъ духомъ смотрящихъ на женъ своихъ, домой съ любовниками возвращающихся, и гуляющихъ съ тою правда только разностію, что безъ мѣдныхъ роговъ, въ которыхъ страна наша недостатокъ претерпѣваетъ. Ког-

дабъ я описывать сталъ все то, что у насъ есть достойнаго къ маленанію вашею кистью, то письмо мое былобъ весьма пространно; довольно теперь и етова, къ показанію вамъ что вы не правы противу нашего острова. Естьли угодно будетъ когда погулять у насъ, то совѣтую часу въ первомъ и во второмъ по полуночи; тогда вы увидите, что все то, что я писалъ, такъ справедливо, какъ и то, что я есмь вашъ покорной слуга.
Новоостровской житель.
8 Іюля 1772.

Р. Р. Естьли вы удостоите меня своимъ отвѣтомъ, то чувствительно обрадованъ буду, а болѣе еще того, когда позволите мнѣ и впередъ съ вами имѣть переписку, и въ нѣкоторыхъ дѣлахъ имѣть ваши совѣты, которые вы многимъ полезно преподаете.

Г. новоостровской житель! непогнѣвайтесь и вы, когда съ позволенія вашего скажу вамъ, что въ письмѣ вашемъ много неправды: я острова не позабылъ, я его очень помню, мои листы печатаются тамъ, и потому я бываю на островѣ довольно часто; но ни отъ кого никогда не слыхивалъ о томъ, о чемъ вы въ письмѣ вашемъ упоминаете: мнѣ сказывалъ наборщикъ мой, что у васъ и спать ложатся ранѣе нашего. Въ протчемъ, хотя бы ето и подлинно было; однакожъ все ето не удивительно тому, который живетъ въ большемъ свѣтѣ, то есть на сдѣшней сторонѣ: есть у насъ премножество игроковъ, довольно мужей съ такоюжъ холодностію взирающихъ на поступки женъ своихъ, и много женъ, которыя мужей своихъ и совсемъ оставляютъ: прощайте.

XXXII.

Государь мой!

Сообщите, прошу васъ покорно, прилагаемую при семъ записку: *слѣдствія худаго воспитанія*, въ своихъ листочкахъ свѣту. Вы симъ меня одолжите много; а отцы и матери, прочтя въ вашихъ листочкахъ таковыя при воспитаніи дѣтей неосторожности, большее будутъ имѣть стараніе за ними, и тѣмъ избѣгнутъ нареканія, учинятъ себя достойными того имени, которое многіе нынѣ недостойно на себѣ носятъ. Въ прочемъ съ любовію моею къ вамъ на всегда есмь

вашимъ покорнымъ слугою.
нещастный Е***

Смоленскъ,
1772 года,
Іюня 20 дня.

XXXIII.

СЛѢДСТВІЯ ХУДАГО ВОСПИТАНІЯ.

Отецъ мой дворянинъ живучи съ малыхъ лѣтъ въ деревнѣ былъ человѣкъ простаго нрава, и сообразовался во всемъ древнимъ обычаямъ; а жена его, моя мать, была сложенія тому со всѣмъ противнаго, отъ чего не рѣдко происходили между ними несогласія, и всегда другъ друга не только всякими бранными словами, ка-

кія вздумать можно, ругали, но не проходило почти того дня, чтобы они между собою не дрались, или бы людей на конюшнѣ плѣтьми не сѣкли. Я будучи въ домѣ ихъ воспитыванъ, и имѣя вседневно въ глазахъ таковыя поступки моихъ родителей, чрезмѣрную возъимѣлъ къ онымъ склонность, и положилъ за правило себѣ во всемъ онымъ послѣдовать. Намѣреніе мое было гораздо удачно; ибо я въ скорое время къ удивленію всѣхъ домашнихъ уже совершенно выражалъ всѣ тѣ бранныя слова, которыя бывало отъ родителей своихъ слышу; а что до тиранства принадлежало, то уже я въ томъ и родителей своихъ превосходилъ; хотя правда они въ семъ искуствѣ гораздо не плохи были: ибо одинъ разъ батюшка за недоимку 35 душъ . . . . . а матушка еще и того болѣе безчеловѣчнымъ наказаніемъ на . . . . . , какъ узнала, что нѣкто изъ крестьянъ перешибъ ногу любезной ея собачкѣ. Отецъ мой хотя правда былъ не далекаго разума, однако разбиралъ по не многу Четьи Минеи и другія церковныя книги: матушка же моя на смерть тѣхъ книгъ не любила, по тому что она дѣвицею воспитана въ городѣ; да рѣдко имѣла досугъ читать и Французскіе, по тому что вседневно ходила слушать очистки крестьянъ: во что ужъ батюшка мой никогда и не мѣшался, а только лишъ бывало по приговору матушки сѣчетъ крестьянъ. А какъ я уже приходилъ лѣтъ подъ десятокъ, и батюшка мой началъ преподавать мнѣ первыя начала Россійской грамоты, то матушка любя меня чрезмѣрно, и опасаясь, чтобъ отъ такого упражненія голова у меня не разломилась, или бы по времени не повредился я умомъ, все-

гда меня отъ книги отрывала, и не разъ за то бранивала батюшку, что онъ меня къ тому неволилъ. Книга, если правду сказать, мнѣ и самому въ то время гораздо несносною казалася, и я не примѣтя еще хорошо по чему отличать А отъ Д., столько оную вымаралъ, что батюшка мой и самъ по часту не распознавалъ буквъ, которыя зналъ ли полно онъ и самъ твердо, я сомнѣваюсь, ибо онъ какъ я примѣтилъ, называлъ одну букву тремя званіями: но до того мнѣ нужды мало. Матушка моя пришедши изъ конюшни, въ которой по обыкновенію ежедневно дѣлала расправу крестьянамъ и крестьянкамъ, читаетъ бывало Французскую любовную книжку и мнѣ всѣ прелести любви и нѣжность любезнаго пола по Руски ясно пересказываетъ; отъ сего по тринадцатому году возраста моего родилась во мнѣ та сильная страсть, о которой не только знать, но и говорить моихъ лѣтъ робятамъ за стыдъ и неприличное дѣло почитаютъ. А какъ я отъ рожденія моего не зналъ, что есть стыдъ, и мнѣ про то ни кто не толковалъ, а меньше еще того разумѣлъ о неприличности, то устремя всѣ мысли свои къ любви, коея прелести мнѣ матушка въ самыхъ ясныхъ словахъ изобразила, влюбился въ комнатную дома нашего дѣвку обладающею всѣми тѣми прелестьми, которыя только могутъ плѣнить нѣжное сердце нещастнаго любовника, и здѣлался въ короткое время невольникомъ рабы своей. Таковый случай причинилъ немалое огорченіе и самымъ моимъ родителямъ, но въ томъ должны они жаловаться на себя; ибо я не видя ни отъ кого хорошихъ примѣровъ послѣдовалъ слѣпо ихъ же поступкамъ развратившимъ мое сердце. Отъ праздности, въ которой

я всѣ дорогіе своей жизни часы препроводилъ, и которая по несмышленности мнѣ пріятною казалась, произошли всѣ мерзкости исполненныя дѣла, а вольность здѣлала меня отважнымъ и наглымъ на всѣ предпріятія. Я спознался съ сыномъ одного помѣщика не подалеку отъ нашей деревни живущаго, который воспитанъ былъ не лучше моего, и дѣтина на всѣ руки. Покрытый сѣдинами его отецъ ожидалъ съ часа на часъ смерти яко убѣжища своего, и все предалъ свое сокровище въ руки своего сына, котораго, хотя былъ онъ еще несовершенныхъ лѣтъ, вся деревня трепетала. Отъ частаго съ нимъ обхожденія научился я просиживать цѣлыя ночи весьма скоро въ игрѣ, въ пьянствѣ и въ другихъ непостоянныхъ забавахъ преходящія, и былъ уже совершеннаго знанія во всѣхъ карточныхъ играхъ къ погибели своего дома. Отецъ мой разгнѣвавшись на меня за таковыя мои поступки выгналъ меня изъ дома, и лишилъ законнаго наслѣдства, а я не имѣя средства, чѣмъ себя пропитать, вдался во всякія неприличныя моему роду дѣла, и тѣмъ доставлялъ себѣ бѣдное пропитаніе. На конецъ несносныя бѣдствія, и оставшаяся во мнѣ еще искра стыда и совѣсти, начали исправлять мои поступки, и я вступилъ въ военную службу, гдѣ нужда еще больше того меня поправила, по чему нынѣ я живу спокоенъ со всегдашнимъ сожалѣніемъ о участи тѣхъ бѣдныхъ, которые имѣютъ подобное моему отъ родителей или наставниковъ своихъ воспитаніе.

Г. Нещастной Е * * *, поступки отца вашего и матери, такъ какъ и ваша въ разсужденіи родителей небла-

годарность, достойны справедливаго порицанія; но вы всѣ уже довольно наказаны. Отцы и матери! казнитеся симъ примѣромъ; воспитывайте дѣтей своихъ со тщаніемъ, естьли не хотите опослѣ быть ими презираемы.

XXXIV.

Господинъ Живописецъ!

Долго ли тебѣ устремлять гнѣвъ твой на женскій полъ и выдумывать нелѣпыя лжи, обвиняя насъ несносными безчиніями. Вѣдай, что мы выходимъ изъ терпѣнія; и естьли ты невоздержишься отъ злословія, такъ берегись. —Сносно ли ето, что въ послѣднемъ твоемъ листѣ нѣкоторую женщину попрекаешь ты ревнивостію! такимъ порокомъ, отъ котораго мы давно избавились. — Заврался мой свѣтъ: ето не правда, знай что многія жены не столько о мужьяхъ своихъ думаютъ, чтобы стали къ нимъ ревновать, и только что терпятъ ихъ, а не любятъ—и какъ можно такъ любить мужа: не понятно, странно, смѣшно, уморилъ ха! ха! ха!—ревновать къ мужу, любить его: етаго я никакъ не понимаю; а можетъ быть твой только одинъ острой разумъ проницаетъ въ чрезъестественныя тонкости. Видѣть мужа всякой часъ, сидѣть съ нимъ обнявшись, говорить съ нимъ нѣжно, да еще и ревновать къ нему—фуй! какъ ето не ловко: конечно сто какая нибудь была сумазбродная женщина: для чего же ты ее скрываешь? такая женщина всеобщаго достойна презрѣнія. Что ето за старовѣрка, чтобъ быть

прицѣпленной къ своему мужу, и ревновать ко всякой: но ето быть не можетъ; нынче вѣкъ просвѣщенной! воспитаніе наше безпримѣрно: мы мужьямъ нашимъ даемъ свободу знаться съ тѣми женщинами, съ которыми хотятъ; и довели ихъ до того, что и они намъ тоже позволяютъ. Понимаетъ ли пустая твоя голова, что отъ етова-та и происходитъ благополучіе нашихъ семействъ и согласная жизнь наша; отъ того мы и не разводимся съ мужьями, а живемъ въ одномъ домѣ: видимся въ недѣлю по разу, ѣздимъ въ комедіи, прогуливаемся съ милымъ человѣкомъ то въ городѣ, то за городомъ. Такая безподобная вольность можетъ ли насъ когда нибудь противу мужей приводить въ огорченіе: нѣтъ; въ листѣ твоемъ описанная ревнивость есть твоя глупая выдумка; и для того-то я симъ письмомъ многихъ оправдать вознамѣрилась. Мы знаемъ, что письмо о ревнивости писалъ ты самъ, а не посторонней. Нѣтъ нынѣ такихъ мужей, которые бы такой вздоръ описывать захотѣли, и безъ причинно бы стали злословить женъ своихъ такимъ гнуснымъ порокомъ, которой давно уже изтребился. Прощай.

XXXV.

Господинъ Живописецъ!

Будучи всегдашнимъ читателемъ похвалы достойныхъ вашихъ листовъ, вижу я со удовольствіемъ, что вы стараетесь въ оныхъ общеполезныя дѣлать наставленія. Множество описали вы намъ пороковъ, за которые иные васъ благодарятъ, а большая часть людей васъ злословятъ; изъ чего видно, что большая часть сихъ объяты пороками, и нравоученіямъ внимати не хотятъ. Добродѣтель во ушахъ слышится имъ нѣкіимъ страннымъ названіемъ въ одно ухо влетающимъ, а въ другое вылетающимъ безъ всякаго въ нихъ дѣйствія. Но какъ бы то ни было, намѣреніе ваше хорошо; не взирайте на ихъ толки, угодить на всѣхъ не можно; добродѣтель не есть вещь модная, продолжайте только вашъ трудъ, авось либо придетъ такое время, въ которое иные поправиться вздумаютъ, а прочіе пороковъ остерегаться будутъ. Вѣдая, что есть дѣло невозможное, чтобъ вамъ на мысль пришли вдругъ всякаго рода человѣческія заблужденія для внесенія въ вашъ журналъ; предпріялъ я вамъ для того въ ономъ по одному случаю учинить вспоможеніе вольнымъ переводомъ. Не примѣтилъ я, чтобъ вы гдѣ либо упомянули о кофегадательницахъ, и удивительно, какъ сіи женщины по сю пору вашего примѣчанія избѣжали, хотя они и столь много служатъ ко посрамленію человѣческому, и слѣдовательно давно уже достойны надлежащаго описанія.

Бывъ недавно свидѣтелемъ предсказаній такой женщины, нахожу себя въ состояніи оную точно описать. Кофегадательница есть такая пожилая тварь, которая честнымъ образомъ болѣе уже пропитанія сыскать не знаетъ, или не хочетъ честно кормиться. Иная кофегадательница не имѣетъ на тѣлѣ цѣльнаго платья, ходитъ въ раздраныхъ лоскутьяхъ, а вся такихъ старухъ шайка есть сборище побродягъ, которыхъ почитать должно извергами человѣческаго рода.

Такія кофегадательницы не имѣя довольно смѣлости, что либо похищати, дабы имъ не быти при старости изтязанными, и не умерети съ голоду въ острогѣ; выдумали хитрое искусство обирати деньги у простосердечныхъ людей, не будучи обвиняемы отъ градоначальства какимъ либо похищеніемъ. Они обманываютъ, людей, неумѣющихъ мыслити, что могутъ предсказывати все изъ кофейныхъ чашекъ. Когда такую Кивиллу приказываютъ позвать, то предлагаютъ ей вопросы: напримѣръ Скупягина вопрошаетъ, кто укралъ серебряную ложку? Безплодова, будетъ ли она имѣть дѣтей? Страстолюбова: вѣрно ли любитъ ея полюбовникъ? Щеголихина, скоро ли умретъ ея мужъ картежникъ: и такъ далѣе. Тогда должно сварить кофій, и сіе уже само по себѣ разумѣется, что поднесутъ ей большія двѣ чарки водки, чтобъ возбудити симъ въ ней болѣе предсказательнаго духа. Потомъ нальетъ почти половину чашки густаго кофію, и болтаетъ его кругомъ иногда съ важнымъ, а иногда съ пронырливымъ видомъ, троекратно, чтобъ кофій внутри повсюды присталъ. Между кофегадательницами есть еще и въ томъ несогласіе, надлежитъ ли послѣ троекратнаго

болтанія дуть въ чашку, или нѣтъ; тѣ, кои показывають себя вѣрными угадчицами, сіе дѣлаютъ, утверждая тѣмъ, что предсказательное дыханіе, частицы кофія въ чашкѣ опредѣляетъ значущія изображенія. Послѣ сего ставитъ чашку обернутую на столъ, чтобъ кофій изъ нея вылился, поворачиваетъ ее еще два раза, дабы троекратнымъ движеніемъ ничево незначущій кофій вонъ выбѣжалъ, чтобъ предсказательныя части кофія въ чашкѣ одни прилипшими остались. По учиненіи сего поднимаетъ чашку въ верьхъ, и въ нея смотритъ. Вопрошающія особы стоятъ передъ сею отгадчицею, пребывая между страха и надежды. Наконецъ отверзаетъ она ротъ свой, и предсказуетъ; напримѣръ: воръ, похитившій ложку, имѣетъ черные волосы. Вопрошающая отвѣчаетъ: такъ ето правда. Я знала ужъ давно, что Ванька воръ. Чашногадательница получаетъ полтину, иногда рубль и болѣе смотря по важности отгадываемой вещи, и потомъ уходитъ домой.

По выходѣ гадательницы, вопрошавшая призываетъ Ваньку, приказываетъ принести плети или батожье; спрашиваетъ его, куда онъ дѣвалъ ложку, приказываетъ, чтобы онъ немедлѣнно признался. Ванька божится, клянется и увѣряетъ ее, что онъ ложки не крадывалъ; но божбамъ его не вѣрятъ. Боярыня его ругаетъ; и лице его, кажется ей, изобличаетъ его въ покражѣ: Ваньку сѣкутъ безъ пощады; долго онъ терпитъ напрасное мученіе, и говоритъ правду. но наконецъ начинаетъ лгать. Онъ признается въ покражѣ ложки, сказываетъ, что ее продалъ и пропилъ—съ кѣмъ? спрашиваетъ боярыня—съ Андреемъ, сосѣдскимъ слугою – такъ, кричитъ госпо-

жа Скупягина, я никогда не ошибаюсь, вы оба давно казались мнѣ ворами. Скупягина посылаетъ къ сосѣдкѣ, проситъ ее чтобы и она также наказала своего слугу; Андрей также говорилъ правду, но наконецъ побоями и его принудили лгать. Скупягина Ваньку своего еще наказываетъ отнятіемъ жалованья и кормовыхъ денегъ, чтобы возвратить свою пропажу и то, что заплачено кофегадательницѣ. Ванька изъ добраго человѣка, по нуждѣ становится воромъ, окрадываетъ свою госпожу, уходитъ, проматываетъ, попадается; его отдаютъ въ приказъ: покраденное пропадаетъ, а Ваньку яко вора посылаютъ въ каторгу. Скупягина лишася ложки, лишается и Ваньки.

Здраворазсуждающіе люди не инако вѣрятъ, какъ что сіе кофейное предсказаніе имѣетъ такое же основаніе, какъ и въ святые вечера, ставящіяся кучки соли, литье олова и воска. Въ прочемъ потребно на сіе только половина ума человѣческаго, чтобъ понимать, что всѣ такія колдовки сущія обманщицы. Вопрошающія особы болтливы, и для того объявляютъ такой кощуньѣ напередъ всѣ свои чаянія: а она располагаетъ свои отвѣты всегда по симъ мнѣніямъ, и лишъ только объявитъ общественный отвѣтъ, который стократнымъ образомъ толковати можно, то и выводятъ они его по своему чаянію, удивляясь пророчествующему дару сея ворожеи. И такъ весьма легкій способъ есть посрамити такую женщину: представь ей вопросъ, и ничего болѣе съ нею не говори, ни прежде, ни послѣ, такъ увидишь тотчасъ глупую ея ложъ. Одна женщина вопрошала, въ то время, когда она хотѣла выти за мужъ, щастливо ли будетъ ея замужство? Начто такой отвѣтъ послѣдовалъ: ты

скоро выдешь замужъ; мужъ твой будетъ своеобычливый человѣкъ, и проживетъ съ тобою только двенадцать лѣтъ. У тебя будетъ четверо дѣтей. Однако изо сего онаго не вышло ничево. Ожидаемое замужство рушилось, и ета женщина еще долго незамужною пребыла.

Другая вопрошала, скоро ли умретъ мужъ, на что ей отвѣтствовано было, что мужъ ее черезъ полгода умретъ; по чему госпожа восхищаясь радостію, тайно съ другимъ здѣлала зговоръ, чтобъ по прошествіи полугода вытти замужъ. Съ нетерпѣливостію она ожидала того блаженнаго часа, въ который изыдетъ душа изъ тѣла ненавидимаго ея мужа. День предписанный наступилъ, и мужъ ея въ оный былъ веселѣе прежняго, и по нынѣ еще къ нескаазанной печали невѣрныя своея жены живетъ. Не знаю тово, естьли въ другихъ мѣстахъ танія гнусныя ворожеи; буде ихъ нѣтъ, такъ весьма досадно, что у насъ въ городѣ столько просты и глупы, что ихъ терпятъ. Во многихъ домахъ есть свои особливыя угадчицы. Нѣкоторыя ежедневно на кофій гадаютъ, и при каждомъ случаѣ для укрощенія суевѣрнаго любопытства ищутъ прибѣжища къ такой ворожеѣ; а въ нѣкоторыхъ домахъ бываетъ она еще и важнѣйшею тварію, приходитъ ли она въ знатный домъ, то скрывается съ нею госпожа или кто иной въ особую комнату, чтобъ неподвергнуться опасности или посмѣянію, буде хозяинъ человѣкъ разумный. И тако естественный человѣческій разумъ сказываетъ каждой почитательницѣ ворожей, что она въ семъ случаѣ весьма безразсудно дѣлаетъ; инако бы не для чего было опасаться и стыдиться, если бы предсказанія ея были на истиннѣ основаны.

Когда бы такіе вздоры были только во обыкновеніи между простымъ народомъ, такъ, чтобъ только простолюдимъ искалъ себѣ вопросами у сихъ ворожей помощи, то бы я не принялъ труда сего и описывать. Отъ простаго народа ничего лучшаго и не ожидаютъ, какъ опытовъ крайнія глупости и сумазброднаго суевѣрія. Но повѣритель вы, государь мой, етому, что многіе изъ знатныхъ, и многіе изъ среднихъ особъ толь много состояніе свое посрамляютъ и ведутъ себя въ семъ случаѣ такъ же какъ и глупая чернь? Люди, отъ коихъ по малѣйшей мѣрѣ здраваго человѣческаго ума чаять долженствовало, суть такъ просты, что дозволяютъ себя обманывать такимъ бабамъ! Ето несносно. Я могъ бы вамъ цѣлый листъ госпожъ, дѣвицъ и мужчинъ предъявить, кои при приключившихся случаяхъ за кофейницами посылаютъ. Мнѣ знакома одна барыня, которой такая кофейница еженедѣльно рублей 15 стоитъ. И естьли ето долѣе продолжится, такъ по истиннѣ должно между порядочными домашними росходами считать еще и жалованье кофейницѣ. Сколь часто благородная особа черни уподобляется, столь часто заслуживаетъ она и посмѣяніе всѣхъ честныхъ и умныхъ людей; и какъ бы женщина знатна ни была, однако дѣлаетъ себя презрительною, естьли она кофейницѣ довѣренность и тайность сообщаетъ.

Иногда ясно, что предвѣщаніе изъ кофейныхъ чашекъ есть живой обманъ, которой къ тому же еще столь глупо выливается, при которомъ предвѣстница не показываетъ ни разума, ни остроты, то можно ея представить себѣ женщиною пропитывающеюся отъ глупѣйшаго ду-

рачества простыхъ людей. Сіе пропитаніе по истинѣ легко и сносно: ибо одинъ дуракъ находитъ всегда большихъ дураковъ, ему удивляющихся. Кофегадательница достойна омерзѣнія и гнѣва, по тому, что она есть обманщица; однако всѣ тѣ, кои дозволяютъ себя ей обманывать, достойны еще больше сего презрѣнія. Когда человѣкъ обманутъ бываетъ весьма тонкимъ и замысловатымъ обманщикомъ, то сожалѣетъ его всякой. Но какъ требуетъ та особа, чтобъ объ ней сожалѣли, когда ее обманываетъ побродяга простымъ образомъ, неимѣющая здраваго ума? Я не могу довольно сильныхъ найти выраженій, чтобъ сказать, сколь безконечно глупою кажется мнѣ та особа, которая кофейницѣ удивляется, яко духами повелѣвающей, и знающей проницати сокровеннѣйшія тайности, которыхъ и самый ученнѣйшій человѣкъ испытати не въ состояніи.

Ежели бы кофейницы не дѣлали инаго вреда, кромѣ выманиванія лжами своими денегъ, такъ можно бы подумать, что свѣтъ хочетъ быть обманутъ; и такъ да будетъ онъ обманутъ. Но она есть болѣе сего сатана, болѣе сего нещастію заводчица въ человѣческомъ родѣ, нежели какъ думаютъ. Сія проклятая тварь причиною, что невинные люди приходятъ въ подозрѣніе; она возставляетъ недовѣріе, ссоры и несогласія. Въ доказательство сего намѣренъ я только привесть два примѣра. Нѣкоторый мужъ, коего я далѣе описывать не хочу, былъ къ женѣ своей ревнивъ. Онъ пошелъ къ кофейницѣ и приказалъ отгадывать о чесности своей жены. Кофейница увѣрила его, что жена ему невѣрна. Съ того времени мужъ сей какъ бѣшеной съ женою своею посту-

пастъ. Бѣдная жена, чтобъ ни дѣлала, какъ бы она невинность свою не доказывала, ничто ей не помогаетъ. Она есть, и пребудетъ въ глазахъ его бракопреступницею, для того, что кофейница такъ ему отвѣчала. Въ другомъ домѣ нѣчто было украдено; спрашивали у нее, и по отвѣтамъ ея заключили, что похититель есть тотъ человѣкъ, который въ томъ домѣ имѣетъ знакомство. Съ того времени почитаютъ его воромъ, повсюды его такимъ злословятъ и въ домъ къ себѣ не пускаютъ; однако я знаю по особливымъ извѣстіямъ, что совсѣмъ иной человѣкъ сіе преступленіе учинилъ.

Тщетно бы было, чрезъ основаніе здраваго ума, тѣхъ кои вѣрятъ кофегадательницамъ, приводить къ разуму человѣческому: ибо они свой собственный потеряли. Однако надлежитъ такимъ людямъ помыслить, что Христіанину весьма не прилично производить такія чародѣйства. Они въ просвѣщенныхъ обществахъ никогда не терпѣлись; и ежелибы во времена Саула, когда онъ еще былъ въ здравомъ умѣ, были такія ворожеи, то съ ними равная же бы судьба возпослѣдовала, какъ и съ чародѣйницею во Ендорѣ.

Ежели вы сіе описаніе напечатаете, то можетъ быть симъ откроете глаза нѣкоторымъ господамъ и госпожамъ, такъ что они сами прежнимъ своимъ заблужденіямъ дивиться станутъ. Въ прочемъ довольны бы мы были, когда бы симъ откровеніемъ поправились они, и оставили бы такое сумазбродное кофегаданіе.

XXXVI.

ВѢДОМОСТИ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

ИЗЪ ГОСТИНАГО ДВОРА.

Въ вѣдомостяхъ Живописцовыхъ, артикулъ изъ гостинаго двора поставленный, во многихъ благородныхъ особахъ, на сего дерзкаго газетьера, справедливое произвелъ негодованіе. Во ономъ артикулѣ упомянуто, будто многіе знатные господа и госпожи безъ всякія нужды пріѣзжаютъ въ гостиный дворъ, ходятъ изъ лавки въ лавку, перебираютъ не нужные имъ товары, и тѣмъ будто отгоняютъ купцовъ посредственнаго состоянія, а чрезъ то, по его мнѣнію, приключаютъ вредъ въ торговлѣ нашей. Кажется никакой нѣтъ нужды увѣрять нашихъ читателей, что всѣ газетьеры вѣдомости свои по часту наполняютъ разными выдумками и ложью: ето всякому извѣстно; и мы не отвѣтствовали бы на сію очевидную ложь, если бы не старались оправдать себя предъ знатными господами и госпожами къ томъ, что сей артикулъ поставленъ безъ нашего согласія. Мы больше имѣемъ попеченія, нежели какъ думаютъ, о сохраненіи господской довѣренности къ нашей совѣсти; она намъ столькожъ нужна, какъ имъ кредитъ нашъ, къ ихъ имѣнію. Впрочемъ мы не много будемъ имѣть тру-

да опровергнуть лжи, симъ газетьеромъ разсѣваемыя, и начнемъ съ перваго.

Прогуливаніе знатныхъ господъ и госпожъ по гостинному двору, не только что не дѣлаетъ торговлѣ нашей вреда, но еще и прибыль приноситъ; безъ сего кто бы покупалъ въ большемъ количествѣ выписываемыя и привозимыя къ намъ многія Французскія бездѣлицы, которыя росходятся нынѣ въ великомъ множествѣ? Безъ сего съ кого бы могли мы брать четверную цѣну, отпущая въ долгъ товары? Опричь сего прогуливаніе и ту приноситъ намъ прибыль, что когда госпожи соберутся въ лавку, и съ нами милостиво разговариваютъ, и изволятъ шутить, тогда и мы будто шутя, показываемъ какія нибудь завалявшіяся бездѣлицы, прося при томъ, чтобы ихъ какъ нибудь ввели въ моду. И часто случается, что отъ такихъ бездѣлокъ получаемъ прибыли гораздо больше, нежели какъ отъ самыхъ лутчихъ товаровъ. Когда пріѣзжаютъ къ намъ любовникъ и любовница, тогда мы на перехватъ стараемся звать ихъ къ себѣ въ лавки; тогда не щадя трудовъ своихъ, сами стараемся показывать всякіе товары, и перебиваемъ всѣ куски: отъ сего имѣемъ мы превеликую пользу; ибо въ такое время у любовницъ превеликое бываетъ желаніе покупать, или лутче сказать, брать всякіе нужные и ненужные товары, а за сіе желаніе, учтивость любовниковъ платитъ намъ всегда наличныя деньги. Въ такомъ случаѣ, господа любовники, весьма мало съ нами торгуются, а госпожи любовницы, хотя и говорятъ по часту: *Ахъ какъ ето дорого! ужасно! ньтъ, я етови не возьму: я бы хотьли ето купить; но ето через*

чуръ дорого; но мы не пужаемся такихъ отговорокъ, потому что *я бы хотѣла ето купить*; *но ето черезъ чуръ дорого*, какъ сказываютъ, на любовномъ языкѣ значитъ: *ежели ты не скупъ*, *такъ заплати за ето деньги*. И мы такъ примѣнились къ такимъ двоесмысленнымъ словамъ, что изъ требуемой цѣны ни копѣйки никогда не уступаемъ, говоря при томъ: *ето*, *сударыня*, *очень дешево*; *другому бы я за такую цѣну не уступила*; *а ево чести уступаю для того*, *что онъ всегда соизволитъ покупать товары на готовыя деньги*; *а при томъ милостивая государыня*, *мы умѣемъ разбирать людей*, *и знаемъ съ кого какую просить цѣну*: *повѣрьте чести моей*, *что его милость копѣйки даромъ не броситъ*. Тутъ мы всѣ трое усмѣхнемся, а господинъ тотчасъ станетъ увѣрять госпожу, что ето не дорого, и заплатя деньги, скажетъ: *онъ дѣтина совѣстной*, *обманывать не станетъ*. Между прочимъ въ Живописцовыхъ вѣдомостяхъ упомянуто, что госпожи, сидя въ лавкахъ, пересмѣхаютъ проходящихъ; но и ето никакова не дѣлаетъ намъ вреда, ибо многія дворянки, не весьма далекія въ модномъ свѣтѣ, и также мѣщанки, почитая такія лавки наполненными модными товарами всегда къ намъ приходятъ, и покупаютъ товары. Но что бы избѣжать насмѣшекъ отъ модныхъ госпожъ, то пріѣзжаютъ они на гостиной дворъ обыкновенно въ такое время, когда не прогуливаются. Чтожъ касается до обѣщаннаго въ Живописцовыхъ вѣдомостяхъ награжденія тому, кто бы вывелъ изъ моды прогуливаніе по гостиному двору, то кажется, что сіе и не заслуживаетъ нашего опроверженія. Впрочемъ у насъ въ гостиномъ дворѣ слухъ но-

ется, будто купечество наше тому, который напишетъ на сего Газетьера сатиру, обѣщаетъ награжденіе, состоящее въ благосклонности тѣхъ господъ и госпожъ, которые сей артикулъ взяли на свой счетъ, и на Живописца прогнѣвались.

ИЗЪ МОСКВЫ.

Модное нарѣчіе Петербургскихъ Щеголихъ, многимъ нашимъ дѣвицамъ вскружило головы. Всѣ такія модныя слова, въ Живописцѣ напечатанныя, онѣ вытвердили наизусть и ввели во употребленіе; но при томъ чувствуютъ еще во ономъ нарѣчіи великой недостатокъ: по чему хотятъ посылать нарочнаго повѣреннаго, который будетъ стараться всѣ слова въ модномъ нарѣчіи употребляемыя собирать и сообщать къ намъ въ Москву. Симъ способомъ, надѣются наши дѣвицы до такова же дойти совершенства въ помянутомъ нарѣчіи, какъ и Петербургскіе Щеголихи. Впрочемъ надлежитъ отдать справедливость нашимъ жителямъ, что въ переимкѣ новыхъ модъ онѣ должны почитаться не послѣдними.

ИЗВѢСТІЯ.

Нѣкто изъ молодыхъ господъ, умѣющій жить во свѣтѣ, одѣваться по модѣ, чесать волосы съ вкусомъ, танцовать прелестно и пѣть Французскія аріи съ наилучшими манерами, третьяго дня ѣхалъ въ наилучшей своей Аглинской каретѣ, запряженной шестью прекрасными

лошадьми, и проѣзжая мимо гостинова двора обронилъ *кредитъ*; кто оный поднялъ, и возвратитъ сему господину, тому обѣщаетъ онъ покровительство свое при дворѣ.

Нѣкоторой дамѣ не послѣдняго класса, во время прогуливанія ея по гостиному двору, отъ нѣкотораго молодова дворянина сдѣлано любовное предложеніе; по чему для свѣденія его объявляется, что ежели онъ говорилъ ето не въ шутку, то справясь бы съ ежегодными своими доходами, явился въ собственномъ сея госпожи домѣ, о которомъ ему объявлено, и который купленъ ею на имя судьи *Кривосудова*.

ПОДРЯДЫ.

Нѣкоторому молодому господину потребенъ секретарь, который бы умѣлъ сочинять комедіи, и писать стихами пѣсни и другія мѣлкія стихотворенія. Но при томъ требуется, чтобы сей человѣкъ былъ трудолюбивъ и скроменъ до чрезвычайности: сіе особливо для того, что сей господинъ, писанныя секретаремъ его сочиненія, хочетъ выдавать за свои собственныя. Кто пожелаетъ вступить въ сію должность, тотъ можетъ явиться въ собственномъ сего господина домѣ, состоящемъ въ *Тщеславной* улицѣ.

Нѣкоторому знатному родомъ и заслуженному, по его мнѣнію, господину, потребно до двѣнадцати молодыхъ, не глупыхъ, проворныхъ и умѣющихъ вкрадываться дворянъ. Онъ обѣщаетъ содержать ихъ на своемъ иждивеніи;

а должность ихъ состоять будетъ въ томъ, чтобы сіи молодые люди проповѣдывали повсемѣстно милосердіе къ бѣднымъ сего господина, котораго однакожъ онъ не имѣетъ; его любовь къ Отечеству, о которой не имѣетъ онъ и понятія; и приписывали бы ему всевозможныя добродѣтели. Симъ способомъ надѣется онъ прійти въ любовь ко всѣмъ и получить чины, которыхъ онъ по знатности своего рода давно имѣетъ право требовать. Желающіе вступить въ сію должность, могутъ явиться у него самого, въ собственномъ его домѣ; построенномъ изъ корыстей, полученныхъ прапрапрадѣдомъ его подъ Чигириномъ.

Престарѣлый *Селадонъ* хочетъ имѣть у себя во услуженіи прекрасную и молодую дѣвушку: должность ея состоять будетъ въ томъ, чтобы по утрамъ и вечерамъ подавала ему шеколадъ. Напротивъ того обѣщаетъ онъ ей ежегодное богатое содержаніе, съ тѣмъ, чтобы сія дѣвушка весьма была исправна во своей должности, и съ такимъ при томъ примѣчаніемъ, чтобы она никогда и никому не давала изъ той чашки, изъ которой будетъ онъ самъ пить: ибо сей дворянинъ въ такомъ случаѣ весьма завистливъ и разборчивъ. Кто хочетъ вступить въ сію должность, та можетъ явиться у господина *Селадона* немедлѣнно; ибо по модѣ нашего времени, надлежитъ ему сіе неотмѣнно сдѣлать.

XXXVII.

Вовлюбленному о Христѣ брату радоватися!

Аще и не вѣмъ тя, кто еси, господине честный: обаче егда узрѣхъ во обители нашей, у единаго отъ старецъ, твои ежеседмицные листы, абіе уразумѣхъ, яко ты печешися очистити злонравіе грѣшниковъ: ово явными, ово сокровенными обличеньми. Дерзай ревнителю истинны и не премолчи, вѣдяще, яко все, еже начерталъ еси, угодно показася и всей здѣ сущей братіи. Возрадовася о трудѣ твоемъ и пречестный отецъ игуменъ нашъ. Обаче нѣцыи окрестъ насъ живущіи повелѣша написати къ тебѣ сице: Ты кто еси судяй чуждему рабу? имъ же бо судомъ судиши, себѣ осуждаеши; таяжде бо твориши судяй. Мы же ни чесоже противу тебе дерзаемъ рещи, яко и самъ ты являешися чтити священный чинъ духовный, и весь причетъ церковный. Аще же что возмниши написати во обличеніе иноческаго житія, блюди себѣ, да не како . . . . . Но кое благодареніе воздати можемъ православнымъ праотцемъ нашимъ, иже умудришася положити жилище наше во оградѣхъ! При семъ молимъ тя, господине честный, ополчитися противу кощунствующихъ, отъ нихъ же нѣкоего видѣхъ азъ толико безчинна, яко вземшу ему стклянницу вина, церковнымъ гласомъ дерзновенно воспѣти о ней сицевое блядословіе: Возвеселится пьяница о стклянницѣ и упо-

ваетъ на вино. Виждь како измѣнити, дерзнуша сынове церкве душеспасительная словеса ея! Но больша сихъ узриши, аще отверзеши очи твои на дѣла законопреступниковъ. Мнози бо отъ нечестивыхъ юношей . . . .
. . . . . .
. . . . . Прочее, господине честный, не престаемъ моляще твое благоутробіе, да нѣчто провозвѣстиши и въ нашу пользу: сирѣчь, еже умножитися подаянію во обитель нашу. Сего ради, благоговѣйне цѣлуютъ тя во первыхъ отецъ игуменъ съ братіею: та же особо, бывшіе иногда отецъ Келарь, отецъ Казначей, отецъ Экономъ, отецъ Ризничій, отецъ Уставщикъ, отецъ Гробовый, отецъ Конюшенный, отецъ Крѣпостный, отецъ Трапезенный, отецъ Рухлядный, отецъ Чашникъ, отецъ Площадный, отецъ Будильникъ, отецъ Подкеларникъ, отецъ Смиренный, и прочіи ихъ же не вѣси; вси цѣлуютъ тя лобзаніемъ святымъ. Азъ же есмь

недостойный богомолецъ твой

Тарасій.

XXXVIII.

Пречестный отецъ Тарасій!

Посланіе твое, еже угодно тебѣ показася начертати ко мнѣ аще и недостойному толикія благости и грѣшнику сущу, азъ получихъ, и егда прочтохъ его, абіе положихъ ѐ на скрыжали сердца моего, да вразумлюся и поучуся словесѣмъ твоимъ, по внегда ходити ми по

стопамъ заповѣдей твоихъ. Но оле безумія нашего! поучати бо тожмо навыкохомъ, а не поучатися. Всякъ, аще и юнъ сый, дерзновенно укоряетъ брата своего, и затыкаетъ ушеса своя, егда рекутъ ему: ты кто еси судяй. Возведи, премудрый старецъ, очи твои окрестъ тебѣ и виждь братію твою. Сѣмо поучаютъ: а идѣже поучаются? ондѣ исправляютъ: и гдѣ исправляются? не исправятся убо поучаемые, дондеже не исправятся поучающіи. Но блюду себе, по словеси твоему, да неякo..... Прочее не престаю моля твое преподобіе, да устроиши вся на пользу души моея: можеши бо вся елико же восхощеши. Исповѣдую бо предъ всѣми яко грѣшникъ есмь, и не имамъ иное что принести тебѣ, точмо сердце чисто и духъ сокрушенъ. Таже со смиреніемъ рѣку тебѣ словеса священная: Удобѣе есть вельбуду пройти сквозѣ иглины уши, неже богату внити въ царствіе небесное. Но да не возмнятъ нѣцыи, яко концунства единаго ради начертахъ словеса сія: ей изнлада не навыченъ есмь сему, и не являюся николи же грѣху сему причастенъ. Воистинну николи же до кончины дней моихъ, Аминь. Цѣлуетъ тя

недостойный

Живописецъ.

XXXIX.

Господинъ Живописецъ!

Что мнѣ дѣлать? Хочется писать, да не знаю за что приняться: кажется мнѣ, что могъ бы я написать все,

но однакожъ по сіе время не написалъ еще ничего. Не подумайтежъ, что я не имѣю способностей къ писанію: напротивъ я ихъ имѣю; но ето происходитъ отъ того, что я весьма разборчивъ и чувствителенъ къ моей славѣ. Стиховъ я не пишу для того, что Русской языкъ не способенъ къ стихотворству: я бы писалъ ихъ на Французскомъ языкѣ, но по несчастію Волтеръ, Расинъ, и многіе другіе писатели родились прежде меня; а какъ дарованія свои и способности вѣшу я всегда на вѣсахъ безпристрастія, то и увидѣлъ, что превзойти сихъ писателей я не могу; а равенства я не терплю ни въ чѣмъ. Что дѣлать, когда я такъ поздно въ свѣтъ родился! Ради сего хочу писать по Русски прозою, но только еще не рѣшился, въ какомъ родѣ сочиненій мнѣ упражняться. Писать сатиры, по моему чину, низко; писать любовныя сочинепія поздно, по моимъ лѣтамъ; къ трагедіи я не имѣю склонности, оперы мнѣ неправятся; пастушескихъ сочиненій я не люблю; для поемы я по сіе время не избралъ еще хорошаго содержанія; и такъ остается мнѣ писать комедіи — Но могу ли я писать ихъ, и чего мнѣ ожидать? Всѣ похвалы, которыя бы по справедливости, принадлѣжали только мнѣ одному, давно уже истощены, не знаю какому то сочинителю комедіи *О Время*, *Именинъ*, *Вѣстниковой*—Сносно ли ето!—Я бѣшусь и прихожу во отчаяніе! Вотъ, сударь, до чего мы дожили: вотъ какой вкусъ въ комедіяхъ утверждается: Русской, Русской—Какая глупость! Французской театръ по старѣе нашего, такъ намъ ли принятое ими перемѣнять; и можетъ ли Русской человѣкъ, не закраснѣвшись осмѣлиться подумать, что онъ можетъ въ чемъ

нибудь поровняться со Французомъ? О вы изъ Русскихъ чиновныхъ дворянъ обожающіе Французовъ, ежели вы впрочемъ и глупы, однакожъ вы достойны великаго почтенія за то одно, что вы удивляетесь Французамъ. Впрочемъ я имѣю средства отомстить и тебѣ, и всѣмъ хвалителямъ комедіи *О Время*: вѣдайте, что я напишу комедію на сего Автора и на всѣхъ васъ, и ежели ее здѣсь не представятъ и не напечатаютъ, тогда переведу ее на Французской языкъ, пошлю на Парижской театръ: пусть ее тамъ представятъ; а ежели имъ угодно будетъ такъ хоть и напечатаютъ. Симъ средствомъ я отомщу обиженную мою честь; а ежели и сего не удастся мнѣ сдѣлать, такъ по крайней мѣрѣ пропущу здѣсь въ городѣ слухъ, что ето сдѣлано. Ето немудрено: вить я умѣлъ же распустить слухъ, будто въ Парижѣ сочинена комедія на одного здѣшняго боярина, котораго я не могу терпѣть, и будто ее представляютъ на *Булеварѣ*. Берегитесь моего мщенія, и знайте, что ежели я за что примусь, такъ уже конечно сдѣлаю. Прощай, отвѣта ко мнѣ не пиши, я его читать не буду.

XL.

Господинъ сочинитель Живописца!

Въ 12 листѣ вашего еженедѣльнаго сочиненія, напечатанъ переводъ съ писма одного Неаполитанца, къ его другу Россіянину. Сіе побудило меня сообщить къ вамъ переводъ съ писма Его Величества Короля Прусскаго, писаннаго ко Всепресвѣтлѣйшей нашей Самодержицѣ и истинной Матери нашего Отечества. Часть писма сего уже напечатана предъ Наказомъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА напечатаннымъ на Россійскомъ и Греческомъ языкахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что оный переводъ, всякій вѣрный сынъ Отечества, прочтетъ съ радостнымъ восхищеніемъ; ибо для Россіянина нѣтъ пріятнѣйшаго удовольствія, какъ видѣть прославляему Благотворительницу своего блаженства. Прежнихъ Государей дѣла прославляли стихотворцы и витіи, а Дѣламъ Великія ЕКАТЕРИНЫ удивляется Король, Король великій, Король философъ, и пишетъ имъ похвалу. Сообща сей драгоцѣнный подарокъ въ ваше еженедѣльное сочиненіе, я пребываю

вашимъ слугою ***

XLI.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПИСМА,

Его Величества Короля Прусскаго,

писаннаго

къ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ЕКАТЕРИНѢ ВЕЛИКОЙ.

Изъ Потсдама, отъ 26 Ноября 1767 года.

Государыня, моя Сестра!

Я долженъ начать благодареніемъ ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, за оказанную Вами мнѣ благосклонность, сообщеніемъ Вашего Сочиненія о Законехъ. Позвольте мнѣ Вамъ донесть, что такое сообщеніе надо имѣетъ примѣровъ во свѣтѣ, и смѣю сказать, Государыня, что ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО есть первая ИМПЕРАТРИЦА посылающая такіе дары, какій я получилъ. Древніе Греки, оцѣнители достоинства, обожали великихъ людей, оставляя всегда первое мѣсто Законодавцамъ, которыхъ почитали истинными благодѣтелями человѣческаго рода, они постановили бы ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО между Ликургомъ и Солономъ. Я началъ, Государыня чтеніемъ драгоцѣннаго Вашего Сочиненія, а чтобъ разсуждать объ немъ съ моимъ предубѣжденіемъ, то, вообразивъ я себѣ, что оно

произтёкло отъ пера неизвѣстнаго. И признаюсь Вамъ, Государыня, что я былъ восхищенъ, не токмо правилами человѣчества и кротости, содержащимися въ Законахъ, но и порядкомъ соединенія понятій, великою ясностію и точностію, которыя царствуютъ въ семъ Твореніи, и обширными свѣденіями, разліянными во ономъ повсюду.

Представя себя, Государыня, на Вашемъ мѣстѣ, тотчасъ я понялъ, что каждая земля требуетъ особливыхъ уваженій, принуждающихъ Законодателя снаравливать народному разуму, подобно какъ садовникъ долженъ соображаться со свойствомъ земли своея, для способнѣйшаго выращенія ея прозябеній. Есть виды, которые ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО довольствовалися токмо нарѣщи, и на которые настоять, возпрещало Вамъ благоразуміе Ваше. Наконецъ, Государыня, хотя я и не вѣдаю совершенно свойство Народа, управляемаго Вами съ толикою славою, но столько удостовѣренъ, что ежели будетъ онъ управляемъ премудрыми Вашими законами, то будетъ блаженѣе всѣхъ Народовъ во свѣтѣ. Но какъ ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, желаете знать мое мнѣніе о сей матеріи, то и скажу Вамъ оное необиновенно: добрые Законы, составленные на правилахъ начертанныхъ въ Наказѣ Вашемъ, Государыня, имѣютъ нужду въ Юрисконсултахъ, дабы исполняемыми быть, въ пространныхъ Вашихъ Областяхъ; и думаю, Государыня, что по учиненномъ вами благѣ въ законодательствѣ, остается только вамъ сдѣлать Академію Правъ, для наученія во оной людей опредѣленныхъ къ должности судейской и стряпческой. Сколь бы просты

ни были Законы, но бываютъ случаи толь недоумительные, дѣла толь запутанныя и темныя, гдѣ надобно извлекать истинну изъ самыя глубины, и кои требуютъ стряпчихъ и судей приобыкшихъ, дабы разпутать оныя. Вотъ по чести все то, что я могу сказать ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ; впрочемъ, Государыня, сей ввѣренный мнѣ драгоцѣнный монументъ Вашихъ трудовъ и рачительности, будетъ сохраняемъ, яко самая рѣдкая вещь въ моей книгохранительницѣ. Но естьлибъ что ни будь могло увеличить мое почитаніе къ Вамъ, Государыня, то развѣ одно благо, творимое Вами безчисленному Народу. Приймите съ обыкновеннымъ Вашимъ благоволеніемъ увѣренія о высокопочитаніи, съ коимъ пребываю. и проч.

Фридерикъ.

XLII.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПИСМА ГРАФА СОЛМСА,

КЪ ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ ГРАФУ ПАНИНУ,

отъ 5 Декабря, 1767 года.

Я поспѣшаю сообщить, Вашему Сіятельству, письмо которое Король мой государь прислалъ въ отвѣтъ на письмо отправленное отъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, при Наказѣ о составленіи Новаго Уложенія въ Россіи, повелѣвая мнѣ оное чрезъ васъ представить ЕЯ

ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ; при чемъ прибавляетъ собственною своею рукою въ присланномъ ко мнѣ писмѣ:

Я читалъ со благоговѣніемъ сочиненіе Императрицы, и не хотѣлъ сказать Ей всего того, что я объ ономъ думаю, для того, что могла бы Она подозрѣвать меня въ ласкательствѣ; но вамъ могу сіе сказать, неоскорбляя Ея смиренномудрія, что сіе сочиненіе есть мужественныхъ и крѣпкихъ силъ, и достойное великаго человѣка. Исторія намъ повѣствуетъ, что Семирамида повелѣвала воинствомъ, Королева Елисавета почиталася искусною въ политикѣ, Императрица Королева явила много твердости при возшествіи своемъ на престолъ; но ни одна еще жена не бывала Законодательницею. Сія слава предоставлена была Россійской Императрицѣ, которая ее конечно достойна.

подъ симъ подписано: Фридерикъ.

XLIII.

НАДПИСЬ

На положеніе ЕКАТЕРИНОЮ Великою предъ надгробіе ПЕТРА I. флага, взятаго у Турокъ на Архипелагѣ.

Августа 29 дня, 1772 года.

Приникни ПЕТРЪ съ небесъ, воззри на гробъ твой нынѣ,
И предстоящей тамъ внемли ЕКАТЕРИНѢ;
Она съ тобой дѣлитъ побѣдъ своихъ плоды,
Священны чтя твои для пользы всѣхъ труды,
Тебя зиждителемъ Россійска флота ставитъ:
И славы въ томъ Своей тебя началомъ ставитъ.
Тебя виновникомъ Своихъ щитая благъ,
У непріятелей отъятый ЕЮ флагъ
Передъ стопы твои усердно полагаетъ,
И жертвой сей твое столѣтіе вѣнчаетъ.

Соч. В. Р.

XLIV.

Господинъ Живописецъ!

Признаюсь, что я на васъ весьма роптала, когда увидѣла въ вашихъ листочкахъ и то письмо, которое ко

мнѣ отецъ мой писалъ. Я тогда стыдился за порогъ выйти: мнѣ казалось, будто всякій думаетъ тоже самое и обо мнѣ, что объ отцѣ моемъ, и я боялся, чтобы не стали указывать на меня пальцами. Но теперь я очень сердитъ на моего отца; и потому досада моя на васъ окончалась, и заступила благодарность ея мѣсто. Я сообщаю къ вамъ писма, одно отъ отца моего, другое отъ матери, а третье отъ дяди, и четвертое мною въ отвѣтъ на ихъ писма написанное. Пускай разумъ ихъ откроется свѣту: пусть въ мое отмщеніе посмѣются имъ люди; и пусть свѣтъ узнаетъ какихъ свойствъ

Вашъ усердный слуга

Θалалей ***

XLV.

Сыну моему Θалалею.

Такъ-то ты почитаешъ отца твоего, заслуженнаго и почтеннаго драгунскаго ротмистра? тому ли я тебя проклятаго училъ, и того ли отъ тебя надѣялся, что бы ты на старости отдалъ меня на посмѣшище цѣлому городу? Я писалъ къ тебѣ окаянному въ наставленіе, а ты ето писмо отдай напечатать. Погубилъ ты, супостатъ, мою головушку: пришло съ ума сойти! Слыханое ли ето дѣло, что бы дѣти надъ отцами своими такъ ругались! Да

знаешъ ли ты ето, что я тебя за непочтеніе къ родителямъ, въ силу указовъ, велю высѣчь кнутомъ: меня Богъ и Государь тѣмъ пожаловали: я воленъ и надъ животомъ твоимъ; видно что ты ето позабылъ! Кажется я тебѣ много разъ толковалъ, что ежели отецъ или мать сына своего и до смерти убьетъ, такъ и за ето положено только церковное покаяніе. Эй сынокъ, спохватись! не сыграй надъ собою шутки: вѣть недалеко великой постъ, попоститься мнѣ немудрено; Петербургъ не за горами, я и самъ могу къ тебѣ пріѣхать. Ну, сынъ, я теперь тебя въ послѣдній разъ прощаю, по прозьбѣ твоей матери; а ежели бы не она, такъ ужъ бы я далъ тебѣ знать себя. Я бы и ее не послушался, ежели бы она не была больна при смерти. Только смотри, впредь берегись: вѣть ежели ты окажешъ еще какое ко мнѣ непочтеніе, такъ ужъ не жди ни какой пощады; я не Сидоровнѣ чета: у меня не одинъ мѣсяцъ проохаешъ, лишь бы только мнѣ до тебя дорваться. Слушай же, сынокъ, коли ты хочешъ опять прійти ко мнѣ въ милость, такъ просись въ отставку, да пріѣзжай ко мнѣ въ деревню. Есть кому и безъ тебя служить: пускай кабы не было войны, такъ бы хоть и послужить можно было, ето бы свое дѣло; а то вѣть ты знаешъ, что нынча время военное; неровно какъ пошлютъ въ армію, такъ пропадешъ ни за копѣйку. Есть пословица: Богу молись, а самъ не плошись; уберисьна въ сторонку, такъ ето здоровѣе будетъ. Поди въ отставку, да пріѣзжай домой: ѣшъ до сыта, спи сколько хочешъ, а дѣла за тобой ни какова не будетъ. Чего тебѣ лутче етого? За честью, свѣтъ, не угоняешся; честь! честь! худая честь, коли нечего бу-

детъ ѣсть. Пусть у тебя не будетъ Егорья, да будешь ты за то поздоровѣе всѣхъ Егорьевскихъ Кавалеровъ. Съ Егорьемъ-то и молодые люди частехонько поохиваютъ а которые постарѣе, такъ тѣ чуть дышутъ: у кого руки перестрѣляны, у кого ноги, у инаго голова: такъ радостно ли отцамъ смотрѣть на дѣтей изуродованныхъ? и невѣста ни одна не пойдетъ. А я тебѣ уже и пріискалъ было невѣсту. Дѣвушка неубогая, грамотѣ и писать умѣетъ, а пуще всего, великая экономка: у нее ни синей порохъ даромъ не пропадетъ, такую-то сыномъ я тебѣ невѣсту сыскалъ. Дай только Богъ, вамъ совѣтъ да любовь, да чтобы тебя отпустили въ отставку. Пріѣзжай другъ мой: тебѣ будетъ чемъ жить опричь невѣстина приданаго; я накопилъ довольно. Я и позабылъ было тебѣ сказать, что нареченная твоя невѣста двоюродная племянница нашему воеводѣ; вѣть это, другъ мой, не шутка: всѣ наши спорныя дѣла будутъ рѣшены въ нашу пользу, и мы съ тобою у иныхъ сосѣдей землю обрѣжемъ по самые гумна: то-то любо! и курицы не куда будетъ выпустить. Со всемъ будемъ ѣздить въ городъ: то-то, Ѳалалеюшка, будетъ намъ житье! никто не куркай. Да полно что тебя учить, ты вѣть уже не малой робенокъ, пора своимъ умкомъ жить. Ты видишь что я тебѣ не лиходѣй, учу всегда доброму, какъ бы тебѣ жить было по пригоднѣе. Да и дядя твой Кириллай, чуть тако не то же ли тебѣ совѣтуетъ; онъ хотѣлъ писать къ тебѣ съ тѣмъ же ѣздокомъ. Мы съ нимъ объ этомъ поговорили довольно, сидя подъ любимымъ твоимъ дубомъ, гдѣ бывало ты въ молодыхъ лѣтахъ забавлялся: вѣшивалъ собакъ на сучьяхъ, которыя худо гоняли за

зайцами, и сѣналъ охотниковъ за то, когда собаки ихъ перегоняли твоихъ. Куда какой ты былъ проказникъ съ молоду! Какъ бывало примешся пороть людей, такъ пойдетъ крикъ такой и хлопанье, какъ будто за уголовье въ застѣнкѣ сѣкутъ: таки бывало животики надорвемъ со смѣха. Молись, другъ мой, Богу! ума у тебя довольно: можно вѣкъ прожить. Не испугайся, Ѳалалеюшка, у насъ не здорово, мать твоя Акулина Сидоровна лежитъ при смерти. Батько Иванъ исповѣдалъ ее и масломъ особоровалъ. А запемогла она, другъ мой, отъ твоей охоты: налетку твою кто то сѣздилъ полѣномъ и перешибъ крестецъ; такъ она голубушка моя какъ услышала, такъ и свѣту божьева не взвидѣла: такъ и повалилась! А послѣ какъ опомнилась, то пошла ето дѣло разыскивать; и такъ надсадила себя, что чуть жива пришла, и повалилась на постелю; да втому же выпила студеной воды цѣлой жбанъ, такъ и присунулась къ ней огневица. Худа, другъ мой, мать твоя, очень худа! на ладонъ дышетъ: я тово и жду, какъ сошлетъ Богъ по душу. Знать что Ѳалалеюшко раставаться мнѣ съ женою, а тебѣ и съ матерью и съ налеткою и она не лучше матери. Тебѣ, другъ мой, все таки легче моего: налеткины щенята, слава богу! живы: авось таки которой нибудь удастся по матери; а мнѣ ужъ едакой жены не нажить. Охти мнѣ пропала моя головушка! гдѣ мнѣ за всѣмъ одному усмотрѣть! Не сокруши ты меня, пріѣзжай да женись, такъ хоть бы тѣмъ я порадовался, что у меня была бы невѣстка. Тошно, Ѳалалеюшко, съ женою раставаться: я было ужъ къ ней привыкъ, тритцать лѣтъ жили вмѣстѣ: какъ у печки погрѣлся! Виноватъ я передъ нею: много

побита она отъ меня на своемъ вѣку; ну да какъ безъ етого, живучи столько вмѣстѣ и горшокъ съ горшкомъ столкнется: какъ безъ того! я крутъ больно, а она не уступчива, такъ бывало хоть маленько, такъ тотчасъ и дойдетъ до драки. Спасибо хоть за то, что она отходчива была. Учись сынокъ, какъ жить съ женою; мы хоть и дирались съ нею, да все таки живемъ вмѣстѣ; и мнѣ ее теперь право жаль. Худо, другъ мой, и ворожеи не помогаютъ твоей матери; много ихъ приводили, да пути нѣтъ, лишъ только деньги пропали. За симъ писавый кланяюсь, отецъ твой Трифонъ благословеніе тебѣ посылаю.

Прочія письма и отвѣтъ къ г. Ѳалалею, помѣщены будутъ въ слѣдующихъ листахъ.

XLVI.

НА ДЕНЬ
РОЖДЕНІЯ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА,
20 Сентября 1772 года.

Ко щастію всего Россійскаго народа.
Произвела Тебя о ПАВЕЛЪ! въ свѣтъ природа,
Осмнадцать лѣтъ уже прошло, какъ Ты рожденъ,
Премудрость возлюбивъ отъ самыхъ Ты пеленъ.
Отъ мудра Мантора вкушалъ ученій сладость,
Онъ добродѣтельми Твою украсивъ младость,
По Матернымъ стезямъ дни жизни дѣтской велъ,
Чемъ всѣхъ и каждаго любовь Ты приобрѣлъ:
Во юношескій Ты вступая возрастъ нынѣ,
Гради Великій Князь! во слѣдъ ЕКАТЕРИНѢ,
Божественнымъ Ея велѣніямъ внуши
И впечатлѣй въ Себя дары Ея души:
Она ведетъ Тебя на степень совершенства,
Россіи Ты одинъ по Ней предметъ блаженства,
Къ Тебѣ и къ Ней горятъ всѣхъ вѣрностью сердца
Въ Ней Матерь зритъ, въ Тебѣ Россія ждетъ Отца.

Соч. В. Р.

XLVII.

Свѣтъ мой Θалалкій Трифоновичь!

Что ты ето другъ мой сердечной накудесилъ? пропала бы твоя головушка: вѣть ты уже не таперь знаешъ Пан-

кратьевича: какъ ты себя не бережешъ; ну кабы ты бѣдниньКой попался ему въ руки, такъ вѣть бы онъ тебя изуродовалъ пуще Божьева милосердія. Нечево, Ѳалалеюшка, поровок-атъ у нево, прости Господи, чертовской; ужъ я ли ему не угождаю, да и тутъ никогда не попаду въ ладъ. Какъ закуралѣситъ, такъ и святыхъ вонъ понеси. А ты батька мой, что ето сдѣлалъ, отдай писмо ево напечатать; вѣть ему всѣ сосѣди смѣются: экой де у тебя сынокъ, что и надъ отцомъ ругается. Да полно вѣть, Ѳалалеюшка, всѣхъ рѣчей не переслушаешъ; мало ли что лихіе люди говорятъ: Богъ съ ними, у нихъ свои дѣтки есть, Богъ имъ заплатитъ. Чужое-то робя всегда худо: наши лутче всѣхъ; а кабы оглянулись на своихъ дѣтокъ, такъ бы и не то еще увидѣли. Побереги ты мой батько самъ себя, не разсерди отца-то еще: съ нимъ и чортъ тогда уже не совладѣетъ. Отпиши къ нему поласковѣе, да хоть солги что нибудь, вѣть ето не какой грѣхъ, не чужова будешъ обманывать своево роднова; и всѣ дѣти не праведники: какъ передъ отцомъ не солгать. Отцамъ да матерямъ на дѣтей не насердиться: свой своему по неволѣ другъ. Дай Богъ тебѣ, другъ мой сердечной, здоровье, а я лежу на смертной постелѣ: не умори ты меня безвременно: пріѣзжай къ намъ поскорѣе, хоть бы мнѣ на тебя насмотрѣться въ послѣдней разъ. Худо, другъ мой мнѣ приходитъ: нечево, очень худо: обрадуй, свѣтъ мой, меня: ты вѣть у меня одинъ одинехонекъ, какъ синей порохъ въ глазѣ, какъ мнѣ тебя не любить, кабы у меня было дѣтей много, то бы свое дѣло. Заставай батька мой меня живую: я тебя благословлю твоимъ Ангеломъ, да отдамъ

тебѣ всѣ мои денжонки, которыя украдкою отъ Понкратьевича накопила: вѣть для тебя же мой свѣтъ; отецъ тебѣ нѣсколько даетъ денегъ, а твое еще дѣло дѣтское, какъ не полакомиться, какъ не повеселиться: твои, другъ мой, такія еще лѣта, чтобы забавляться: мы и сами съ молоду таковы же бывали. Веселись, мой батюшка, веселись: придетъ такая пора, что и веселье на умъ не пойдетъ. Послала я къ тебѣ, Ѳалалеюшка, сто рублей денегъ, только ты объ нихъ къ отцу ничево не пиши; я ето сдѣлала украдкою, кабы онъ свѣдалъ про ето, такъ бы меня, свѣтъ мой, забранилъ. Отцы-та всегда таковы: только что брюжжатъ на дѣтей, а никогда не потѣшатъ. Мое, другъ мой, не отцовское сердце, материнское, послѣднюю копѣйку изъ за души отдамъ, лишь бы ты былъ веселъ и здоровъ. Батька ты мой, Ѳалалей Трифоновичь; дитя мое умное, дитя разумное, дитя любезное, свѣтъ мой, умникъ, худо мнѣ приходитъ: какъ мнѣ съ тобою разставаться будетъ? на ково я тебя покину? Погубитъ онъ супостатъ мою головушку! етотъ старой хрычь когда нибудь тебя изуродуетъ. Береги, мой свѣтъ, себя, какъ можно берега: плетью обуха не перебьешъ; что ты съ едакимъ чортомъ, прости Господи, сдѣлаешъ. Пріѣзжай мой батька къ намъ въ деревню, какъ таки можно пріѣзжай: дай мнѣ на себя насмотрѣться: сердце мое послышало, что приходитъ мой конецъ. Прости мой батюшка, прости свѣтъ мой: благословеніе тебѣ посылаю, мать твоя Акулина Сидоровна, и пижайшій, мой свѣтъ, поклонъ приношу. Прости голубчикъ мой: не позабудь меня.

XLVIII.

Любезному племяннику моему Ѳалалею Трифоновичу, отъ дяди твоего Ермолая Терентьевича низкой поклонъ и великое челобитье; и при семъ желаю тебѣ многолѣтнаго здравія и всякаго благополучія на множество лѣтъ, отъ Адама и до сего дне.

Было бы тебѣ вѣстно, что мы по отпускъ сего письма всѣ, слава Богу, живы и здоровы; такожъ и отецъ твой Трифонъ Панкратьевичъ здравствуетъ же, только Сидоровна, хозяйка его, а твоя мать больно трудна: што подымешъ то и есть, а сама ни на волосъ не поворохнется. Вчерась отнялись у нее и руки и ноги, а теперь чай ужъ и не говоритъ; и при мнѣ-та такъ ужъ черезъ мочь только намекала. Она заочно благословила тебя твоимъ Ангеломъ, да Фарсульской Богородицей, а меня Неопалимой. Ну братъ племянникъ, мать-то твоя и передъ смертью не тароватѣя стала! Оставила на поминъ душѣ такой образъ, что и на полтора рубля окладу не наберется. Невидальщина какая! у меня образовъ-та и своихъ есть сотня мѣста, да не едакихъ, какъ жаръ вызолочены; а ета братъ Неопалима, подлинно что не опалитъ, и окладишко весь почернѣлъ: Богъ съ нею! Спасибо хоть за то, что она въ полномъ умѣ исповѣдалась и масломъ особоровалась; хоть и умретъ, тайъ ужъ по Христіянски. Дай Богъ всякому такую кончину! Да и тутъ, Ѳалалеюшка, кабы не я, такъ бы развѣ глухою исповѣдью исповѣдывать. Ужъ я ей говорилъ: эй Сидоровна исповѣдайся: вѣть уже ты въ гробъ глядишъ; такъ пѣтъ-ста

на силу прибили. А какъ приспичило, такъ давай, давай попа, да ужъ за то въ одинъ день трижды исповѣдалась. Знать что у нее многонько грѣшковъ-то скопилось. Приводили и ворожей: нечево, спасибо твоему отцу, не поскупился; да ничево не помогли. А послѣ исповѣди привели было еще одново, да ужъ и Сидоровна сама не захотѣла напрасно тратить деньги. Кому жить, Ѳалалеюшка, такъ будетъ притоманно живъ, а кому умереть, тому и ворожеи не пособятъ. Животомъ и смертью Богъ владѣетъ. Аще ежели ему угодно будетъ прекратить дни ея, то пріѣзжай погребсти грѣшное тѣло ея. Да и кромѣ того намъ до тебя есть дѣло. Ну, Ѳалалеюшка! вѣть матушка твоя скончалась: поминай какъ звали. Я только теперь получилъ объ етомъ извѣстіе: отецъ твой, сказываютъ, воетъ какъ корова. У насъ всегда бываетъ такъ: которая корова умерла, такъ та и къ удою была добра. Какъ Сидоровна была жива, такъ отецъ твой бивалъ ее какъ свинью, а какъ умерла, такъ плачетъ, какъ будто по любимой лошади. Пріѣзжай, другъ мой, Ѳалалеюшка, пріѣзжай Бога ради поскорѣе, хоть не на долго, а буде можно такъ и вовсе. Ты самъ увидишъ, што тебѣ дома жить будетъ веселѣе Петербургскова. А буде не угодно, то хоша туда просись, куда я тебѣ присовѣтую, сирѣчь къ приказнымъ дѣламъ, да только гдѣ похлѣбнѣе, на прикладъ, въ экономическіе казначеи, или въ управители дворцовыхъ волостей, или куда нибудь къ подряднымъ, либо таможеннымъ дѣламъ. Въ такихъ мѣстахъ кому ни удалось побыть, такъ всѣ, Богъ съ ними, сытехоньки стали. Иной уже теперь и въ каменныхъ полатахъ живетъ, а кото-

рые ни одной души за собою не имѣли, тѣ уже нажили сотни и по двѣ-три. Не въ проносъ сказать о нашемъ Авдулѣ Еремѣевичѣ: хотя онъ не долго пожилъ при монастырскихъ крестьянахъ, да уже всѣхъ дочекъ выдалъ за мужъ. За одной, я слышелъ, чистыми денежками десять тысячь далъ, да деревню тысячь въ пять. А не совсѣмъ-таки раззорился: Богъ съ нимъ, про себя еще осталось. А кабы да ево не смѣнили, такъ бы онъ и гораздо понагрѣлъ руки около нынѣшнихъ рекрутскихъ наборовъ. Знать что тѣхъ молитва дошла до Бога, которые въ ету пору опредѣлились. Не житье имъ, масляница. Я бы ста и самъ непобрезгывалъ пойти въ едакіе управители. Перепало бы кое что и мнѣ въ карманъ: кресты да перстни, всіо тѣже деньги, только умѣй концы хоронить. Я и по нынѣ еще всіо старинькимъ живу. Кто передъ Богомъ не грѣшенъ? кто передъ Царемъ не виноватъ? не нами свѣтъ начался, не нами и окончается. Что въ людяхъ ведіотся, то и насъ не миніотся. Лишь только подѣлись, Ѳалалеюшка, такъ и концы въ воду. Не ужъ-то всѣхъ станутъ вѣшать? въ чемъ кто попадется, тотъ тѣмъ и спасіотся. Грѣхъ да бѣда на кого не живіотъ? Я и самъ попался было однажды подъ судъ; однако дѣло-то пошло иною дорогою, и я очистился, какъ будто ни въ чемъ не бывалъ. Но кабы ты самъ сюда пріѣхалъ, такъ бы мы обо всіомъ поговорили лутче на словахъ; а писать-то страховато, неровно кому попадется въ руки, такъ напляшесся до сыта. При семъ во ожиданіи тебя, остаюсь дядя твой

Ермолай ***

XLIX

Господинъ Живописецъ!

Я уже вашихъ листочковъ не читаю, да и покупать ихъ болѣе ненамѣренъ. Правда, мнѣ должно признаться предъ всѣми, а вамъ предо мною, что содержаніе моего письма для васъ, а паче еще для вашего состоянія не очень пріятно будетъ: ибо изъ онаго не можете вы для себя никакой другой пользы ожидать, какъ только того, что вы всякую недѣлю четыре копѣйки изъ вашихъ доходовъ потеряете. Сохрани богъ! если бы всѣ ваши благосклонные читатели согласились на таковыя предложенія! тогда бы конечно я вамъ не совѣтовалъ собирать сокровища вашею кистью; однако я осмѣливаюсь съ нѣкіимъ пророческимъ духомъ васъ въ томъ увѣрить, что ваши читатели, кои изъ мѣщанства и купечества, не отрекутся и впредь платить вамъ дань, за описаніе глупостей и пороковъ нынѣшняго вѣка. Чтожъ касается до дворянства, то я въ нѣкоторыхъ, ...

. . . . . .

предвижу для васъ болѣе вреда, нежели пользы, и больше ущерба въ вашихъ доходахъ нежели приращенія оныхъ. Не громовый ли то ударъ будетъ для васъ, когда я вамъ чистосердечно открою, что купленные мною двадцать листовъ вашей живописи, преданы уже отъ парикмахера моего на всесожженіе! Признайтесь сами, не представляется ли въ сію же минуту вашимъ глазамъ тотъ же-

стокій пламень, поядающій творенія ваши! Однако прошу васъ, государь мой, дружески, соберите въ семъ случаѣ всѣ силы ваши, и выслушайте мужественно причины, побудившія меня ко уменьшенію вашихъ семидневныхъ сборовъ.

Я прихожу по знакомству въ нѣкоторый домъ; во оном благородная дѣвица, которая, по мнѣнію другихъ а не по моему, весьма просвѣщенна, раскладываетъ по всей комнатѣ свое платье и уборы: но что я увидѣлъ? чепчики, манжеты, булавки, новые башмаки и самые ея волосы одѣты въ *Живописца!* Тогда я самъ въ себѣ сказалъ. И такъ ты господинъ *Живописецъ*, служишь всѣмъ вещамъ сея красавицы общимъ покрываломъ или епанчею! Другій разъ случилось мнѣ притти къ одному молодому придворному, и лишь чуть только успѣлъ я выговорить два, или три слова, какъ вдругъ появился портный съ новымъ вышитымъ камзоломъ, и началъ его униженно просить о десятилѣтнемъ еще долгѣ; но господинъ, вмѣсто платы, сказалъ ему въ отвѣтъ: другъ мой, вѣть я тебѣ только за шинели и сертуки остаюсь полторы тысячи долженъ, а прочее все въ короткомъ времени получишь. Потомъ началъ онъ кричать: малой, подай чистой бумаги для камзола; но малой не запинаясь отвѣчалъ, что нѣтъ во всемъ домѣ ни лоскутка бумаги. Провались твоя голова, закричалъ господинъ, ты всякій день мнѣ все одну проповѣдь читаешь; все нѣтъ— да нѣтъ — —. Такъ подавай тѣ листочки, что лежатъ за печкою. Слуга тащитъ оттуда, но что? разодраннаго *Живописца!* И такъ, государь мой, не погнѣвайтесь, я видѣлъ вашего *Живописца* у разпощиковъ въ корзинкахъ, получалъ его съ пудрою и съ помадою; однако

сего еще не довольно. Послѣднія два приключенія причинятъ вамъ гораздо чувствительнѣйшія удары. Прошедшей недѣли нужда заставила меня навѣстить одну модную госпожу, которая хотя рѣдко бываетъ больною, однако никогда здоровою. А сія губительная болѣзнь погубила и *Живописца*. Ибо кто бы къ сей госпожѣ ни пришелъ, и въ какое бы то время ни случилось, то увидитъ всякъ у нее превеликую кучу лѣкарствъ, служащихъ ей повседневною пищею. Здѣсь я, государь мой, изобрѣтаю то, чего бы иный и въ десять лѣтъ изобрѣсть не могъ. Любопытное мое око ко крайнему вашему неудовольствію открыло, что каждая бумашка, хранящая жизнь сея госпожи, есть *Живописецъ*, и что всѣ оныя не иное что суть, какъ изувѣченные *Живописцы!* Признайтесь, государь мой, легколи вамъ сносить таковыя насильства, и станетъ ли еще силъ вашихъ прочесть слѣдующее приключеніе? Ибо что до меня касается, то я прихожу въ такую робость и безсиліе, что не могу ниже глазъ моихъ обратить на слѣдующія строки; и одно только перо мое говоритъ за меня, и мыслитъ и пишетъ. А дѣло вотъ въ чемъ состоитъ.

Давно уже пылалъ я желаніемъ, сыскать себѣ друга; но друга богатаго, пригожаго, и если можно разумнаго, и женскаго пола. Петербургскія свахи за нѣсколько времени проповѣдуютъ уже имя, нравъ и добродѣтели мои. Третьяго дня пришедши одна изъ сихъ посланницъ сказала: ну теперь дѣло сдѣлано — ; одну половину брака сооружила я, а ты совершай другую. Я васъ у одной пріѣзжей барыни, имѣющей у себя прекрасную *Елену*, описала честнымъ дворяниномъ, степеннымъ, въ любовныхъ

хитростяхъ невиннымъ агнцемъ; притомъ, что вы не картежникъ, не мотъ, и бережете каждую копѣйку какъ глаза; словомъ, я васъ называла Петербургскимъ чудомъ и Россійскимъ Фениксомъ. Да упоминалаль ты о томъ, сказалъ я ей, что я не только дворянинъ, но дворянинъ еще съ именемъ; ибо я ученый дворянинъ. Сей то пунктъ, былъ ея отвѣтъ, и оставила я нарочно для васъ самихъ. Она деревенская барыня, такъ вы можете какъ ее, такъ и дочь ея легко и лучше меня о томъ увѣрить. И такъ совершайте благополучно начатое мною дѣло. Сія деревенская барыня даетъ за дочерью двѣсти душъ, а она васъ завтре къ себѣ ожидаетъ! На другой день, то есть вчерась, одѣвшись я благопристойно, не позабылъ такъ же по обыкновенію моему и *Живописца* въ карманъ положить, ибо я его для того всякій день съ собою носилъ, что если стучится въ комъ нибудь какій порокъ примѣтить, то я вынувъ его изъ кармана, и сыскавъ пристойную для сего страницу, прошу не угодно ли ему прочесть нѣчто изъ *Живописца*. Такимъ образомъ пришедши я къ сей барынѣ, старался сколько силъ моихъ стало, во первыхъ увѣрять ее въ томъ, что сваха моя есть сущая Христіянка, и что она ей о моихъ качествахъ и за мои деньги самую истинну говорила; послѣ началъ я приближаться къ важному моему намѣренію, и вступилъ въ разговоръ объ учености. Сударыня, сказалъ я ей: самое важнѣйшее упражненіе жизни моея состоитъ въ чтеніи книгъ; ученыхъ людей почитаю я больше всего на свѣтѣ. Не изволитель знать Россійскаго *Рабнера*, то есть господина *Живописца*? Онъ составляетъ новыя картины, и изгоняя изъ сердецъ нашихъ пороки, преселяетъ ихъ

на оныя, а душу нашу одинмъ только добродѣтелямъ предоставляетъ. Кровь моя, отвѣчала она, запрещаетъ мнѣ имѣть знакомство съ мастеровыми людьми. Чей онъ человѣкъ? изъ господскихъ ли онъ, или изъ купеческихъ? И вы знаетесь съ нимъ? Конечно, сударыня! Я имѣю честь называться его пріятелемъ. Не подлость ли то, вскричала она съ презрительною улыбкою, знаться и дружиться съ художниками и живописцами! Да ты и самъ не Хамовъ ли внучекъ? Сударыня, отвѣтствовалъ я, извините меня, вы конечно ошибаетесь въ имени Живописца, которое употреблено только для заглавія книги; а сочинитель самъ имѣетъ совсемъ другую фамилію, и есть не только дворянинъ, но еще ученый дворянинъ, то есть, который книги пишетъ. Я же называюсь его пріятелемъ для того, что не только читаю, хвалю и ношу съ собою его сочиненія: но хочу еще, подражая его примѣру, и самъ прославиться изданіемъ книгъ. Тогда она оборотясь ко мнѣ спиною и захохотавъ говорила къ своей дочерѣ: я еще въ первый разъ отъ роду слышу, что и дворяне бываютъ ученые. Благодаря Бога! Въ нашей фамиліи не было еще ни за однимъ таковаго художества, и никто ни книжникомъ, ни скорописцомъ не бывалъ; и я скорѣе согласилась бы отпереться отъ родни, нежели дочь мою выдать за ученаго. Потомъ оборотясь ко мнѣ сказала: другъ мой, неногнѣвайся, у меня двери всегда будутъ для тебя заперты, а теперь для выходу твоего давно уже отворены стоятъ; и я лучше совѣтую тебѣ убираться въ царство живописцовъ и тамъ искать своей невѣсты. Ибо въ нашемъ отечествѣ изъ стари положено для дворянина шпага, для стряпчаго перо, а грамота для поповъ.

Я примѣтя въ ней деревенское и грубое невѣжество, приводилъ ей въ примѣръ Князей, Графовъ, Бароновъ и великое множество знатныхъ дворянъ, которые себѣ науками вѣчную славу заслужили. Однако она столь упорно въ своемъ мнѣніи стояла, что не хотѣла и самаго глупаго сержанта промѣнять на десять ученыхъ дворянъ. Наконецъ домашніе примѣры открыли ей глаза: и будучи насилу убѣждена, что чрезъ ученость дворянская кровь ни мало не повреждается, сказала мнѣ: однако избирай любое, или чтобъ я у тебя ни одной книги не видала, не изключая и благороднаго *Живописца;* или прошу не знать моего дома. Въ первомъ случаѣ, имѣете вы и дочь, и двѣсти душъ, и меня вмѣсто матери вашей. притомъ открою тебѣ въ деревнѣ моей новый ученый свѣтъ; то есть, какъ за сохою ходить, и какъ изъ каждыя души золото дѣлать: напротивъ того лишаешся ты всего. Признаюсь, государь мой, что я при сихъ словахъ остолбенѣлъ, и не могши ничего говорить, просилъ только себѣ двадцать четыре часа на размышленіе. Господинъ *Живописецъ!* поудержите Бога ради отмщеніе ваше за сожженіе двадцати листочковъ: ибо то учинено въ первомъ жару, и въ крайней задумчивости: а теперь при таковыхъ обстоятельствахъ потребенъ мнѣ вашъ совѣтъ; совѣтъ, отъ котораго зависитъ все мое благополучіе. Скажите, что долженъ я здѣсь предпріять? Во ожиданіи отъ васъ скораго и полезнаго для меня совѣта, остаюсь вашимъ пріятелемъ,

дворянинъ съ одною душею.

Ł.

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ

САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ,

на пріобрѣтеніе Бѣлыя Россіи 1772 года.

Совмѣстница боговъ, примѣръ земныхъ Царей,
Рожденна смертнымъ въ честь, достойна олтарей,
Котора Россамъ днесь блаженство изливаетъ:
О Ты! въ комъ Божество свѣтъ цѣлый признаваетъ,
Монархиня! прими усердну пѣснь мою,
Устами Россовъ я хвалу Тебѣ пою.

Гремища лирою Піитовъ древнихъ муза
Искала въ вымыслахъ согласнаго союза,
Но мы безъ вымысла Олимпа и Боговъ
Довольно, прославлять Тебя, имѣемъ словъ.
Твоя премудрость насъ и слава восхищаетъ
И истинна сама сей слогъ мой украшаетъ.
Се новый плодъ Твоихъ премудрыхъ видимъ дѣлъ!

Какъ Римъ въ цвѣтущи дни величествомъ гремѣлъ
И простираючи владѣнія предѣлы
Законы всѣмъ давалъ и удивлялъ свѣтъ цѣлый
Такъ ты блаженная Россійская страна
Къ той славѣ мудрою рукой возведена:

Гремишь побѣдами, законами сіяешь,
Къ державѣ новыя предѣлы присвояешь;
Величество твое блистаетъ и растетъ
И щастью твоему завидуетъ весь свѣтъ.

Воззри на ужасъ сей; что ты одолѣвала.
Колико странъ своимъ ты войскомъ покрывала!
Какія трудности! встрѣчались тьмы бѣдъ:
Какое множество неслыханныхъ побѣдъ!
Отъ сѣверной страны средь земныя пучины
Узрѣли вѣющь флагъ второй ЕКАТЕРИНЫ.
Отъ Невскихъ струй, гдѣ хладъ сжимаетъ воды льдомъ,
Сражаетъ Фракіанъ Богини Росской громъ.
Плѣняетъ Грецію, и казнь невѣрнымъ мещетъ,
Стамбулъ Россійскаго оружія трепещетъ.
Тамъ войска часть прошедъ поверьхъ Кавкасскихъ горъ,
Страшитъ плѣненіемъ Понтъ черный и Босфоръ.
Вездѣ покорены окрестъ Дуная грады;
Вездѣ поражены восточны Миріады·
Кагулъ безсмертную хвалу тебѣ гласитъ,
Во всѣхъ концахъ земли Чесменски бой гремитъ,
И Россовъ мужество твердятъ средьземны волны;
Бендеры ужасомъ еще отъ грома полны:
Херсонецъ на конецъ противиться престалъ
И съ робостью къ стопамъ ЕКАТЕРИНЫ палъ

Я вижу славу здѣсь Россіянъ и побѣды,
Повсюду зрю враговъ окровавленны слѣды.
Зрю Одризійскія бродящія луны
Питомцевъ, ищущихъ къ спасенію страны;
Ужасный вопль враговъ и стонъ земли внимаю
И побѣдителей всю славу понимаю.
Зрю копья и щиты въ трепещущихъ рукахъ

Погибнувшихъ тѣла, въ толпахъ бѣгущихъ страхъ,
Герои сѣвера ихъ гонятъ и сражаютъ,
Плоды своихъ побѣдъ повсюду умножаютъ.
Въ толпы ужасныя противныхъ, мещутъ смерть:
Отъ грома страшнаго колеблется вся твердь,
Трепещетъ воздухъ весь, земля и море стонутъ,
Противныхъ тысящи въ волнахъ кровавыхъ тонутъ;
Не воды во струяхъ, но кровь рѣкой течетъ
И погибающимъ ни гдѣ спасенья нѣтъ.
Гдѣ смерть летающа нещастныхъ поражаетъ,
Тамъ гнѣвъ стемленіе въ Герояхъ умножаетъ.

Не бронью облечась Вулкановыхъ трудовъ,
По предвѣщанію побѣды отъ боговъ,
Какъ Греки нѣкогда сражалися при Троѣ,
Россійски воины являютъ храбрость въ боѣ,
Единымъ мужествомъ открывши къ славѣ путь:
Надежда оныхъ мечь, Эгида тверда грудь;
О множествѣ числа они не разсуждаютъ,
Къ вѣнцамъ побѣдъ текутъ и всюду побѣждаютъ.

Не гидруль прямо зрю въ сей бѣдственной странѣ,
Которой горести коснуться должно мнѣ,
Которая враговъ сколь гидра главъ раждала,
И только лишъ однихъ Россія побѣждала,
Вседневно новые являлись вмѣсто ихъ
И обращали въ адъ спокойство дней своихъ!
Но челюсть адскую геройство побѣдило,
И гидру поразя, народы усмирило:
Спокойство наконецъ тамъ царствуетъ теперь,
И къ благоденствію отверста онымъ дверь.

А ты щастливый край, о Бѣлая Россія!

Твой гласъ, услышалъ Богъ, отъ высоты святыя:
Стенаніе твое и слезы прекратилъ,
Наперстницѣ своей тебя онъ покорилъ:
Ликуй! ты обще днесь съ той будешь цвѣсть страною,
Котора славится закономъ и войною.
Гдѣ кровію твоя багрилася земля,
Тамъ будутъ жатвою покрытыя поля
Въ спокойствѣ *Могилевъ* воздвигнетъ новы стѣны,
И *Шклова* почувствуетъ блаженства сей премѣны;
Двина, Днепръ и Нева согласно днесь текутъ:
Мнѣ мнится такъ они, волнуяся рекутъ:
«Мы равное несемъ веселіе въ пучины,
«Мы обще славимъ днесь дѣла ЕКАТЕРИНЫ,
«Мы всѣ принадлежимъ равно Богинѣ сей!

О мать величія! краса земныхъ царей!
Коль долженъ свѣтъ Твоей премудрости дивиться!
Кто можетъ въ древности съ Тобой въ дѣлахъ сравниться!
Сей свѣтъ еще до днесь Монарха не имѣлъ,
Блаженство ктобъ страны, равно съ Тобой возвелъ;
И Римъ, и Персія, и Спарты, и Аѳины,
Всѣ уступаютъ честь дѣламъ ЕКАТЕРИНЫ.
Законодавцевъ ли въ примѣръ себѣ возмемъ,
Въ Тебѣ МОНАРХИНЯ премудрость ихъ найдемъ:
Ты начертала намъ божественной рукою
Скрижали, къ благу насъ ведущій и покою;
Блаженство здѣсь цвѣтетъ, возставленъ правый судъ,
Но щастье Россіянъ есть Твой Богиня трудъ.

Завоевателей представя и геройство
Мы видимъ, что Твоей души великой свойство,
Повсюду превзошло Героевъ древнихъ дней.
Представимъ ли себѣ щедроту мы Царей,

Твои намъ милости являютъ повсечасно,
Что Россы Матерью Тебя чтутъ безпристрастно.

Но щастье Россіянъ и паче славно тѣмъ,
Что добродѣтели мы въ Сынѣ зримъ Твоемъ;
Онъ вѣрныя сердца Россіянъ возхищаетъ,
Наслѣдіе Твое надеждой украшаетъ;
Твоя МОНАРХИНЯ премудрость въ немъ видна.

О коль щастлива ты Россійская страна!
Преславной Матери достойнаго зря Сына!
И въ ПАВЛѢ будетъ вѣкъ сіять ЕКАТЕРИНА.

О слава сѣвера! Богиня Росскихъ странъ!
Великій духъ Тебѣ на то судьбою данъ
Чтобы вселенной Ты была во удивленье,
Въ защиту бѣдственныхъ, Героевъ въ прославленье;
Чтобы побѣдами Россійская страна,
Сколь истинной была ко славѣ взведена,
Чтобъ славѣ свѣтъ Твоей нигдѣ не зналъ границы,
И солнце гордое съ блестящей колесницы
Бразды всѣ попустивъ стремительныхъ коней,
Прейти не возмогло предѣлъ хвалы Твоей;
Чтобы лучи его гдѣ свѣтъ ни освѣщали,
Твое Величество во всѣхъ мѣстахъ вѣщали,
И безконечное число Твоихъ побѣдъ
Рѣшилось тѣмъ, чтобъ сталъ тебѣ покоренъ свѣтъ.

П. П.

LI.

НА ДЕНЬ
КОРОНОВАНІЯ
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ЕКАТЕРИНЫ II.
ИМПЕРАТРИЦЫ И САМОДЕРЖИЦЫ
ВСЕРОССІЙСКІЯ,
22 Сентября 1772 года.

Монархиня! въ сей день Тебя Москва на тронѣ
Впервые видѣла, въ порфирѣ и коронѣ;
Въ семъ образѣ Тебя теперь Петрополь зритъ,
И память дня сего торжественно творитъ
Въ одинатцатый разъ вся Россійская держава,
И наибольшая земнаго круга часть.
Гдѣ лавроносная Твоихъ оружій слава
Тебѣ приобрѣла трофеи, дани, власть.
Тамъ разны племена и разные языки,
Различнымъ образомъ устроивъ празднествъ лики,
Сей торжествуя день, Твои щедроты чтутъ,
И искренни мольбы къ Творцу вселенны шлютъ,
Да продолжитъ Твой вѣкъ на свѣтѣ вожделѣнный
И да подастъ Тобой народамъ миръ блаженный!

Соч. В. Р.

КОНЕЦЪ ПЕРВЫЯ ЧАСТИ.

ЖИВОПИСЕЦЪ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ

НА

1772 ГОДЪ

СОЧИНЕНІЕ.

ЧАСТЬ II.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

ЖИВОПИСЕЦЪ ЛИСТЪ 1.

I.

Р Ѣ Ч Ь

КЪ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОВОРЕННАЯ

ЕПИСКОПОМЪ АНАТОЛІЕМЪ,

возвратившимся изъ Архипелага, 1772 года,
Октября 7 дня.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Созерцая освященное лице ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, чувствую радость, коя ощущаема сердцемъ, неизреченная устами; вижду предо мною всѣ красоты міра собранныя въ едино. Се то средоточіе славы, которое на подобіе Солнца кажется недвижимо, но лучи свои по всему свѣту простираетъ! Се кивотъ изшедшаго во всю землю закона! Се ЕКАТЕРИНА! О! кто мнѣ дастъ витійство, соразмѣрное милостямъ, кои я пріялъ и пріемлю отъ руки Монаршей. Кто устроитъ мой языкъ, да возглаголю слово Царицѣ моей Матери? Что денница міру, то восходъ Твой на Тронъ былъ моей жизни. Я сидѣлъ во тмѣ и внезапу облиста мя свѣтъ великій. Уникъ сталъ свидѣтель чудесъ Твоихъ на водахъ многихъ. Я узрѣлъ корабли Твои между разсѣянными по Архипе-

лагу островами, на подобіе острововъ, колеблющіеся, и тысящьми мѣдныхъ гортапей могущество Твое морю и Туркамъ возвѣщающіе. Стоялъ на хребтахъ ихъ, среди Героевъ священникъ, и щастіемъ Твоимъ, осѣнялъ къ побѣдамъ Твоихъ Мореходцовъ. Малъ во братіи моей, посреди церкви на далекихъ брегахъ, громомъ Твоего имени раздающихся, пѣлъ Тя, и во храмѣ сердца моего, дондеже есмь, пѣти не престану. Не умру не щастливъ. Смерть закроетъ старцу очи ЕКАТЕРИНИНОЮ славою насыщенныя, славою, и купно Ея лицезрѣніемъ. Се верхъ моего благополучія! Но что воздамъ блаженства и дыханія моего виновницѣ, кромѣ единаго желанія. Да будетъ Монархиня жизнь Твоя столь долголѣтна, сколь она безъ сравненія нужна Россіи; да будетъ здравіе Твое толь невредимо, коль одолженія Твои вселенной велики. Якоже роса Аермонская, нисходитъ на горы Сіонскія, такъ да снидетъ на Тя съ небесъ благословеніе. Живъ Господь Вседержитель, и кто на ны? живы, ЕКАТЕРИНА Самодержица и ПАВЕЛЪ Всероссійскій Наслѣдникъ: привергающіеся же ко стопамъ ихъ во вѣки не погибнутъ.

II.

Господинъ Живописецъ!

Пожалуйте помѣстите прилагаемый здѣсь переводъ, изъ книги: *Утреннія размышленія Королевскія*, сочиненныя Его Величествомъ Королемъ Прусскимъ; и если онъ понравится, то я и прочія статьи сея книжки сообщатъ къ вамъ буду. Я есмь

вашъ Я.

III.

О СЛОВЕСНЫХЪ НАУКАХЪ.

Я употребилъ всю возможность, дабы прославиться во словесныхъ наукахъ, и былъ въ томъ гораздо щастливѣе Кардинала *Ришелье*: ибо, благодаря Бога, я уже слыву писателемъ; но между нами сказать, люди ученые есть родъ проклятый и народъ несносный по своему тщеславію: гордъ, презирающь вельможъ, но жадный ко знатностямъ; тиранъ во своихъ мнѣніяхъ, врагъ непримиримый, другъ непостоянный, жестокій во обращеніяхъ своихъ, и по часту льстецъ и порицатель во единое время. Бывалъ такій стихотворецъ, который отказался бы и отъ моего королевства, ежели бы принужденъ былъ за то пожертвовать двумя только прекрасными своими стихами. Въ прочемъ они люди нужные для Государя, который хочетъ царствовать самодержавно, и при томъ любитъ свою славу. Они раздаютъ чести, и безъ нихъ не можно приобрѣсть никакого твердаго прославленія. И такъ надлежитъ ихъ ласкать по необходимости, а награждать по политикѣ. И какъ ремесло сіе удаляетъ насъ отъ упражненій достойныхъ престола, то я сочиняю тогда только, когда нѣтъ лучшаго мнѣ дѣла. А что бы имѣть нѣсколько въ семъ трудѣ легости, то я содержу при моемъ дворѣ нѣкоторое число сихъ блистающихъ разумовъ, которые пріемлютъ на себя трудъ объяснять мои мысли. Ты видѣлъ, съ какою отличностію принималъ я господина *Аламберта* въ послѣднемъ его путешествіи; я его всегда просилъ къ моему столу, и только что

хвалилъ его. Ты самъ удивлялся тѣмъ великимъ отличностямъ, какія оказывалъ я сему писателю. Такъ по етому не вѣдаешь ты, что сего философа слушаютъ въ Парижѣ какъ прорицателя, и что онъ только что и говоритъ о моихъ дарованіяхъ и добродѣтеляхъ; и повсюду утверждаетъ, что я имѣю все свойствы истиннаго Героя и великаго Государя. Впрочемъ не мало для меня лестно слышать похваляема себя съ разумомъ и тонкостію, и правду тебѣ сказать, надобно мнѣ много ихъ еще имѣть, чтобы сдѣлаться нечувствительнымъ къ похваламъ. Я самъ чувствую, что всѣ мои дѣла того еще не заслужили, но *Аламбертъ* столь былъ вѣжливъ; когда сиживалъ со мною, что никогда не открывалъ своего рта, какъ только чтобы говорить мнѣ пріятныя слова. *Волтеръ* не имѣлъ етаго свойства, и для того я его выгналъ. Я вошелъ въ нѣкоторое почтеніе у *Монертія*, но внутренно я его боялся, потому, что не былъ я надеженъ, чтобы могъ ему завсегда оказывать такое же добро и при томъ вѣдалъ совершенно, что однимъ червонцемъ меньше навлекъ бы я на себя двѣ тысячи авторскихъ уязвленій. Впрочемъ разсмотря все хорошенько, и получа мнѣніе моей Академіи, заключилъ, что двое такихъ острыхъ разумовъ однимъ воздухомъ питаться не могутъ. Я позабылъ было тебѣ сказать, что посредѣ наивеличайшихъ моихъ нещастій никогда не упускалъ я платить исправно ежегодныя награжденія ученымъ людямъ. Сіи философы тотчасъ преобратятъ войну въ наиужаснѣйшее безумство, коль скоро коснется она до ихъ кошелька.

ЖИВОПИСЕЦЪ ЛИСТЪ 2.

IV.

На сихъ дняхъ получилъ я писаніе, скрѣпленное *любопытнымъ зрителемъ*, которое гласитъ тако:

О граждане, граждане! ищите прежде денегъ, а потомъ добродѣтели!

Юпитеръ предложилъ нѣкогда во всеобщемъ собраніи боговъ, что онъ человѣковъ больше нежели всѣхъ звѣрей любитъ, и для того намѣряется сдѣлать всѣхъ ихъ благополучными. Сіе предложеніе подтвердивъ они общимъ согласіемъ поручили Аполлону о томъ пещися. Для произведенія сего въ дѣйство послалъ Аполлонъ семь Мусъ, а двухъ изъ нихъ оставилъ при себѣ, дабы не во всѣ остаться во одиначествѣ. Каждая изъ сихъ семи Мусъ имѣла у себя на плечахъ ящикъ, въ которомъ находились средства для человѣческаго благополучія. Первая несла *разумъ*; другая *добродѣтель*; третія *здравіе*; четвертая *долгоденствіе*; пятая чувственное *увеселеніе*; шестая *честь*, а послѣдняя наполнила свой ящикъ *златомъ*.

Всѣ онѣ вмѣстѣ сошли съ своей горы, и пошли прямо въ одинъ городъ, въ которомъ тогда была ярманка. Всякъ признавалъ ихъ немнако какъ бы за Волдайскихъ дѣвушекъ, и великое множество купцовъ къ нимъ ма-

бѣжало; а напаче весьма великое число молодыхъ мужчинъ окружило ихъ: и для того вознамѣрились онѣ провозгласить свои товары. Первая кричала: государи мои, покупайте разумъ — эй разумъ — разумъ— —! Вы всѣ кажетесь мнѣ имѣть въ немъ великую надобность. Купите разумъ, такъ и не будетъ вамъ нужды покупать другихъ товаровъ у моихъ подругъ. Покупайте разумъ— — право ето рѣдкой товаръ! Вдругъ всѣ зрители начали хохотать, говоря: куда какъ ета утѣшна дѣвка, жаль только, что она уже не молода! Муса видя, что у ней никто ничего не покупаетъ, пошла по всѣмъ улицамъ, крича опять: Кто купитъ разумъ — — — Но какъ и сіе ничего не пособило, то вознамѣрилась пойтить по домамъ, и пришедши въ одинъ знатный домъ, сняла съ плечь ящикъ и на земь постановила: ибо великое количество разума начало уже ее весьма отягощать. По нещастію въ то время ссорилась госпожа онаго дома съ своимъ мужемъ и колотила всю челядь. Она увидя Мусу спросила ее съ свирѣпымъ видомъ: что за женщина? Сударыня, сказала она ей, я хочу спроситься, не соизволители купить разума. Купите заблаговременно, такъ послужитъ онъ вамъ въ нуждѣ. Я можетъ быть не скоро въ другой разъ приду въ вашъ домъ, а мой товаръ вашей особѣ весьма къ статѣ: ибо вы столь любезный и прелестный видъ имѣете, что я признаться должна, вы ни въ чемъ не имѣете недостатка, какъ только въ разумѣ. Пошла къ чорту, закричала госпожа, ты конечно хочешь меня дурачить! Никакъ сударыня, я хочу васъ избавить отъ дурачества: ибо я продаю разумъ. Тогда госпожа схватила съ ноги башмакъ, и не преминула бы

разбить оным у бѣдной Мусы ящикъ съ разумомъ, если бы сія благимъ матомъ не убралась со двора. Лишь чуть успѣла она оттуду унесть ноги, какъ бѣжалъ за нею надсмотрщикъ товаровъ и кричалъ: бродяга, что у тебя въ ящикѣ? ты должна пошлину заплатить - - Ето разумъ, сударь, къ вашимъ услугамъ. Разумъ, отвѣчалъ надсмотрщикъ, разумъ - - Что ето за товаръ? Я кажется и самъ торговалъ, пока еще не сдѣлался надсмотрщикомъ, и сію должность, не хвастуясь, отправлю уже тридцатой годъ, однако не могу припомнить, чтобы когда сіи товары приходили въ нашъ городъ. И такъ я запечатаю твой ящикъ пока не освѣдомлюсь, не принадлежитъ ли разумъ къ запрещеннымъ товарамъ. Надсмотрщикъ побѣжалъ, и представилъ о томъ таможенному начальству, на что и послѣдовало рѣшеніе, что бы немедлѣнно торговщицу сію выгнать изъ города. Ибо помнѣнію судей, имѣли они довольно уже разума; гражданамъ же оный былъ бы безполезенъ, и выше ихъ состоянія: при томъ было бы совсемъ противу благоразумія и политики нынѣшняго вѣка дозволить вывозить деньги изъ государства за таковые товары. Такимъ образомъ вытолкали сію Мусу изъ города подъ запрещеніемъ, что бы впредь она никогда во оный не возвращалась.

Другая имѣвшая для продажи *добродѣтель* кричала равнымъ образомъ по всѣмъ улицамъ, однако не нашла ни одного купца: ибо всѣ единодушно про нее думали, что она не при своемъ разумѣ. Наконецъ одинъ старикъ, мужъ исполненный премудрости, вздохнувъ нѣсколько кратъ, жалкимъ голосомъ сказалъ ей: душа моя, твой товаръ въ отечествѣ нашемъ не въ модѣ. Нѣкоторые на-

ни . . . . . утверждаютъ, что онъ чрезъ чуръ ветхъ, а наши молодыя госпожи почитаютъ всѣ тѣ уборы смѣшными, которые бабушекъ ихъ украшали. И такъ не худо сдѣлаешь ты, когда сей напрасный трудъ для тебя вовсе оставишь. Моды у насъ перемѣняются. И то, что мы за сто лѣтъ добродѣтельною женою называли, имѣнуется нынѣ благородною, высокородною, превосходительною или сіятельною госпожею. По щастію Муса имѣла въ своемъ ящикѣ терпѣніе, которымъ ополчась, новыя получила силы для пренесенія своихъ сокровищъ обратно въ свое жилище.

Третія провозглашающая *здравіе*, хотя и нашла нѣсколько покупщиковъ, однако всѣ почти изъ нихъ такіе люди были, которые или французскими Романами или американскими припадками такъ сильно изнемогали, что уже никакъ не можно было и пособить имъ. По нещастію въ самое то время явился позорищу площадный лѣкарь, и тогда всѣ больные оставя Мусу говорили: полно, оставимъ ее, и пойдемъ къ сему врачу, который всѣхъ знатныхъ господъ и госпожъ исцѣляетъ. Коль многихъ онъ женщинъ своими живыми водами избавилъ отъ сердечной болѣзни, или лучше сказать, отъ любовной чахотки усиливающейся отъ частыхъ и многоличныхъ перемѣнъ? а сія глупая женщина предписываетъ только намъ простую пищу, брачную любовь, да ключевую воду. Тогда Муса принуждена была закрыть свой ящикъ, и едва излѣчились два человѣка ея лѣкарствами: ибо никто не хотѣлъ сохранить предписанный себѣ отъ нея порядокъ трезвыя жизни.

Вдругъ появилась четвертая Муса и кричала *долгоден-*

стые. Лишь только она сіе одинъ разъ выговорила, то воспослѣдовало съ площаднымъ лѣкаремъ почти то самое, что нѣкогда съ *Гомеромъ*; то есть, здоровые и больные его оставя, бросились къ Мусѣ продающей долгоденствіе. Нѣкоторые богачи готовы были уступить за то половину своего имѣнія: но не могши къ ней сквозь народъ продраться, просили полицейскаго офицера послать на ихъ щетъ за десятскими, чтобъ чернь сію разогнать. Дражайшая Муса! говорилъ тогда осмидесятилѣтній старикъ, благодарю небо! Я пріобрѣлъ себѣ кровавымъ потомъ до шести сотъ тысячь рублей, и хотя то такое иго для меня, крушиться день и ночь о безопасности сего малаго моего стяжанія; однако мнѣ не хочется еще умереть: ибо я въ крайнюю горесть прихожу, когда вспомню, что дѣти мои по смерти моей расточатъ потомъ нажитое. И такъ, милостивая государыня, чего вы требовать изволите за то, чтобы жизнь моя еще на восемдесять лѣтъ продолжилася? Восемдесятъ тысячь рублей, отвѣчала Муса. Восемдесять тысячь рублей — —! правду ли вы то говорите? восемдесять тысячь — —! Не можно ли уступить за восемь тысячь, вить надобно же живучи помышлять и о жизни. Государь мой, сказала Муса, вамъ должно знать, что деньги выручаемые за мои товары опредѣлены единственно на прокормленіе разумныхъ и добродѣтельныхъ людей, находящихся въ крайней скудости, и слѣдовательно я въ разсужденіи сихъ бѣдныхъ ничего уступить не могу. Ахъ! что много, то много, сказалъ старикъ; возми я придамъ еще сто рублей, что сдѣлаетъ 8100 рублей, и все чистою серебряною монетою. Прошу милостивая государыня подумать. — Что тутъ еще мно-

го думать, вскричалъ другой богачь, и вынувъ свой кошелекъ, сказалъ, вотъ вамъ восемдесятъ тысячь рублей — —. Весьма изрядно, государь мой, сказала ему Муса, я рада вамъ служить, однако я должна вамъ напомнить, что вы будете сожалѣть о своихъ деньгахъ если вы у моихъ трехъ большихъ сестеръ не купили разума, добродѣтели и здравія. Ибо безъ сихъ вещей лѣкарства мои или вовсе ничего не пособятъ, или будутъ только вамъ причинять безпрестанныя мученія, отъ чего и жизнь ваша будетъ вамъ въ тягость. Да гдѣжъ сіи три сестры, спросилъ богачь? поищите только ихъ; онѣ чаятельно еще въ городѣ. Богачь приказалъ ихъ по всѣмъ домамъ искать; вѣстники разосланы были, что бы спрашивать ихъ по деревнямъ, однако нигдѣ ихъ сыскать не могли.

Къ пятой Мусѣ провозглашающей *Увеселенія* бросились толпами молодые женщины и мужчины жаждущіе сихъ товаровъ, и съ такимъ стремленіемъ, что ее сшибли съ ногъ, и она упавъ разбила свой ящикъ. Тогда съ превеликою жадностію хватали увеселенія, и оныя дружка у дружки съ толикимъ насиліемъ изъ рукъ вырывали, что ничего цѣлаго не осталось. Имѣющіе же у себя маленькіе оныхъ отрывки, досадовали, что имъ всего не досталось; а завистію истаевали, что прочіе удержали у себя то, въ чемъ первые еще недостатокъ имѣли. Муса негодовала на людей за ихъ неистовое стремленіе, которое единственно причиною, что увеселенія ихъ испорченны: ибо она хотѣла имъ уступить оныя добровольно и безъ малѣйшаго поврежденія.

Шестая изъ сихъ Мусъ кричала *честь*: тогда народъ

съ толикою наглостію бросился за симъ товаромъ, что отъ чрезмѣрныя тѣсноты произошла драка, а отъ драки и самое убійство. Вскорѣ подоспѣвшая стража привела Мусу въ безопасность, и избавила ее отъ сверкающихъ мечей подъемлемыхъ надъ ея главою. Во время сего неистоваго волненія жителей, отперши она не примѣтно свой ящикъ вынула оттуда истинную честь, и наполнила оный пустыми только титлами. Сіе учинивъ вскричала, о люди! я васъ усильно прошу, будте нѣсколько скромны, и вѣдайте, что истинная честь сама собою къ вамъ придетъ. Однако они не смотря на ея прозьбу, преодолѣли стражу, разломали ящикъ, и сражались межъ собою нещадя и жизни, за пустыя только титлы находившіяся во ономъ. Что до меня касается, то я весьма дивился, увидѣвъ межъ ими и тѣхъ людей, кои обыкновенно проповѣдовали о единомъ только смиренномудріи; а крайне изумился узрѣвъ превеликую толпу благородныхъ и неблагородныхъ, при томъ не весьма достаточныхъ и оберофицерскихъ дочерей слезно просящихъ себѣ у Мусы зажиточныхъ и случайныхъ супруговъ, и которые бы изъ высокородныхъ или по крайней мѣрѣ не меньше высокоблагородныхъ были. Муса посмѣвшися толь глупому ихъ поступку размышляла въ себѣ, пускай глупые бѣгаютъ съ одними только титлами, а я хочу истинную честь опять вручить Аполлону, да увеличитъ онъ самъ ею того изъ смертныхъ, который всѣхъ ихъ достойнѣе будетъ. Въ сихъ мысляхъ, посмотрѣвъ нѣсколько на меня съ пріятнымъ и веселымъ видомъ, оставила она городъ, какъ нечаянно нашла меньшую свою сестру, которая деньги носила, лежащую безъ чувствъ у градскихъ воротъ. Тог-

да возопила она: увы! любезнѣйшая сестрица! что сдѣлалось съ тобою? Колико соболѣзную я нынѣдъ тебя въ толь горестномъ состоянiи? Наконецъ умирающая Муса приведъ нѣсколко въ себя съ тяжкимъ вздохомъ произнесла — —: ахъ! сколь я щастлива, что вижусь еще съ тобою; ты возвращаешь жизнь мою, которую я было почти потеряла. Никогда я себѣ вообразить не могла, чтобы человѣки столь безумны были. Ступай сестрица— — удалимся отъ сихъ уродовъ — — дай мнѣ убѣжище! ибо я всеминутно въ опасенiи, дабы они опять на меня не напали. Да что же они тебѣ сдѣлали? Представь себѣ, отвѣчала она, тысячу волковъ томимыхъ чрезъ восемь дней гладомъ, и межъ коихъ бы человѣкъ несшiй на плечахъ агнца попался: такъ имѣешъ ты живый образъ того, что мнѣ съ моимъ денежнымъ ящикомъ случилось. Ибо лишь чуть только я въ градскiя ворота вошла и сказала: что я деньги несу, и хочу оныя давать имѣющимъ въ нихъ надобность: то тьма людей меня покрыла. Находившiеся въ жилищахъ изъ окошекъ стремглавъ валились; придворные съ лѣнтами и ключами остановивъ въ дали свои кареты, пѣшкомъ бѣжали; тысящницы вдовы и богатыя дѣвицы съ прежалкимъ воплемъ повергали къ стопамъ моимъ просительныя бумаги: Стихотворцы и ученые бездыханны летѣли съ Еликона съ одами и посвященiями высокихъ своихъ твореній: словомъ всѣхъ чиновъ и состояній градскiе жители стекались ко мнѣ со всѣхъ четырехъ сторонъ, и повергнувъ меня съ моимъ денежнымъ ящикомъ на землю, оный разбили. Тогда они все хватали — — — рвали — — — — а чего въ руки захватить не могли, то

хватали ртомъ и зубами. Наконецъ не нашедши уже ничего болѣе въ ящикѣ и на землѣ сорвали съ меня одежду, обыскивали въ карманахъ, и пороли платье. Тогда бросивъ меня почти бездыханну и мертву тѣ, коимъ ничего не досталось, начали у другихъ насильно отнимать, а чрезъ то вступили въ толь жестокое междоусобіе, что ни единый оттуду съ цѣлою головою не ушелъ, и чемъ болѣе кто себѣ денегъ захватилъ, тѣмъ больше онъ израненымъ и изувѣченымъ остался. Боги получивъ таковое отъ Мусъ извѣстіе и узнавъ, коль алчно человѣки ищутъ *Увеселеній*, *чести* и *богатства*, твердо положили, жаловать впредь сими тремя вещами тѣхъ только, кои имѣютъ *разумъ* и *добродѣтель*. Но исполенъ ли потомъ сей приговоръ, или и понынѣ еще въ не дѣйствіи остался, о томъ не могу я заподлинно увѣрить.

Любопытный зритель.

P. S. Сказуютъ, что сему любопытному зрителю одна Муса подарила превеликіе два штофа разума; а другая продающая честь, пожаловала его достоинствами, то есть *Честностію* и *скромностію*.

V.

Сообщаемое мною въ листахъ моихъ слово на всерадостное выздоровленіе отъ болѣзни Его Императорскаго Высочества въ 1771 годѣ, хотя и было тогда же напечатано, но я по желанію многихъ изъ моихъ читателей повторяю оное тисненіемъ. Да твердятся тьмократно во устахъ Россіанъ слова, Его Высочествомъ изреченныя: *мнѣ то мучительно, что народъ безпокоится моею болѣзнію;* и да пребудутъ они всегдашнимъ завѣтомъ Его любви ко всѣмъ вѣрнымъ сынамъ отечества.

VI.

СЛОВО

НА ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА,

ГОСУДАРЯ, ЦЕСАРЕВИЧА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

ПАВЛА ПЕТРОВИЧА,

1771.

Насталъ конецъ страданію нашему, о Россіане! Изчезъ страхъ, и восхищается Духъ веселіемъ. Се Павелъ, отечества надежда, драгоцѣнный и единый залогъ нашего спокойства, является очамъ нашимъ, изшедши изъ опасности жизни своея, ко оживленію нашему, Боже сердцевидецъ! зри слезы извлеченныя благодарностію за твое къ намъ милосердіе: а Ты Великій Князь! зри слезы

радости изъ очей нашихъ льющіяся. Любезныя Сограждане! Кого мы паки зримъ! . . . Какая грозная туча отвлечена отъ насъ Десницею Всевышняго! Единое о ней воображеніе вселяетъ въ сердца ужасъ ни съ чемъ несравненный, развѣ съ радостію, коею нынѣ объемлется духъ нашъ.

Среди веселыхъ восклицаній Твоихъ, Драгайшее Отечество, дерзаю и я возвысить слабый гласъ мой. Изображу Тебя съ Павломъ оживотворенное, и колико будетъ силъ, восхвалю его добродѣтели, и твое блаженство, Естьли нѣтъ витійства въ моемъ словѣ, не жалѣю о томъ. Истинна простымъ повѣствованіемъ довольна бываетъ, и я по крайней мѣрѣ исполню долгъ Гражданина, и удовлетворю желанію моего собственнаго сердца.

Ты не будешъ отлучена отъ слова сего, о Великая Монархиня, Матерь чадолюбивая, источникъ славы и блаженства нашего! Ты купно страдала съ Павломъ и Россіею, и вкушаешъ съ ними днесь общее веселіе. Съ начертаніемъ ихъ состоянія изображу чувствіе и Твоей добродѣтельной души: а изъявя оное подамъ свѣту примѣръ великій.

Когда вселенная обратила съ удивленіемъ на Россію свои очи, когда слава побѣдъ нашихъ гремѣла во всѣхъ предѣлахъ свѣта, когда потомки Чингисхановы, сихъ древнихъ утѣснителей Россіи и побѣдителей свѣта, подъемля къ ЕКАТЕРИНѢ длани своя, отвращали очи и сердца отъ гордаго врага ея, тогда внезапное смущеніе вселилось въ восхищенныя радостію сердца наши. Слухъ о Павловой болѣзни, еще въ самомъ началѣ ея, подобно пламени лютаго пожара изъ единаго дома въ другій пронесся мгновенно. Въ единый часъ ощутили всѣ душевное уныніе. Еще большая опасность была непредвидима, еще

въ цвѣтущей Павла юности, крѣпость тѣла его, сопротивлялась бодрственно первому устремленію болѣзни: но не взирая на сіе, невольный трепетъ объялъ всѣхъ сердца и души. Толь сильно есть усердіе добрыхъ гражданъ къ государямъ своимъ! Тогда ЕКАТЕРИНА, Великая и въ самой печали своей, вознутилась нетерпѣніемъ зрѣти сына своего. Спѣшитъ Она оставить то пріятное уединеніе, куда нѣкогда Петръ созидая градъ свой и Россію приходилъ отъ трудовъ принимать успокоеніе. Сражаясь съ скорбію своею Павелъ узрѣлъ идущую къ себѣ Государыню и Матерь, и нѣкую новую крѣпость ощутила душа его. Самая болѣзнь укротила въ тотъ часъ свое стремленіе, какъ будтобы терзая Сына, хотѣла пощадити Материне сердце, но судьбы превѣчнаго восхотѣли на нѣкія часы поставить Россію при самой бѣдъ пучинѣ. Страна удивляющая землю, и дающая ей нынѣ зрѣлище великое и славное, самъ Господь отвлекъ тебя отъ края сей пучины! Велико щастіе твое но и напасть ужасная грозила. Вспомяну о ней, да больше ощутимъ, колико небеса Россію защищаютъ.

Возможноли безъ трепета воспомянуть тѣ лютыя часы, въ кои едва не пресѣклась жизнь толико драгоцѣнная, жизнь толь многимъ народамъ нужная? И какъ не ужасаясь привести себѣ на мысль тѣ самыя минуты, въ кои носящія громъ тучи разверзалися надъ Россіями. Уже лютость болѣзни побѣждала и крѣпость Павлову, и старанія мужей просвѣщенныхъ наукою и усердіемъ. Вострепетала Россія; не изреченный ужасъ объялъ души, и мертвая печаль проняла всѣхъ сердца. Самый народъ вѣчно льсти не знающій, и всегда носящій на лицахъ сердецъ своихъ зерцало, самый сей народъ стенялъ и

проливалъ слезы. Колико тяжкихъ воздыханій восходило къ небесамъ! Коликимъ моленіямъ внималъ всевышній! Никогда искреннѣе своихъ не молятъ люди приносятъ Творцу своему. Иной обремененный лѣтами, воздѣвъ на небо слабыя руки: «Боже праведный, вопіетъ горестно, «то ли твой предѣлъ, чтобъ глубокая старость огорча- «лась, видя увядающую юность, и чтобъ мнѣ суждено «было терзаться о томъ, чѣмъ позднѣйшія потомки доли- «ны быть оскорблены. Не моя, но Павлова жизнь по- «требна къ щастію дѣтей моихъ.» Иной въ нервыхъ мла- денчества лѣтахъ, въ сей прекрасной веснѣ человѣче- скаго вѣка, не зная зла, и доселѣ не ощущая горести, зритъ Матерь свою въ слезахъ навлекаемыхъ опасностію Павла, обращаетъ на нее невинные взоры, утѣшаетъ ее младенческою ласкою: но видя горесть ея непрерываему, самъ унываетъ, плачетъ, и будто чувствуетъ, что въ тѣ часы угрожаетъ ему собственная напасть его. Иной въ крѣпости лѣтъ своихъ, истинный сынъ Отечества, и усердный сердцемъ къ Павлу, познавъ опасность пред- стоящую, и возмутясь духомъ, устремляется къ другу своему. «Трепещи, вопіетъ ему, гибнетъ отечество на- «ше, Павлова жизнь едвали не въ отчаяніи, и что съ «нами будетъ, когда его лишимся!» Не хотяй вѣрити толь грозной вѣсти другъ его, хочетъ и себя и его утѣ- шити: «можетъ быть Богъ къ намъ милосердѣе, отвѣ- чаетъ ему, можетъ быть страхъ больше....» «Не сум- «нись и ужасайся, прерываетъ тотъ рѣчь его: ударъ «конечно близокъ. Я видѣлъ Павлова наставника, сего «почтеннаго мужа, умѣющаго толь много владѣть дви- «женіями сердца своего, я видѣлъ его стеняща и сокры-

«вашіа слезы своя. Когда Пашинъ рыдаетъ о Павловой «опасности, Россія должна пролить источники слезные.»

Въ толь лютые часы для истинныхъ Россіанъ, какое нѣжное и велиное зрѣлище представляется очамъ нашимъ! Терзаемая скорбнымъ чувствіемъ сердца своего, пронзенная нѣжнѣйшею любовію къ Сыну достойному таковыя Матери, ЕКАТЕРИНА вступаетъ въ тѣ чертоги, гдѣ Павелъ начиналъ уже упадать подъ бременемъ болѣзни своея. Приближается къ нему, зритъ измѣненныя черты Его лица, блѣднѣя простираетъ къ нему треиещущую руку. Тогда Павелъ возведъ утомленныя очи, и видя предъ собою страждущую Матерь, забылъ свою болѣзнь, и въ ту минуту страданіе ЕЯ стало единою Его скорбію. Собравъ оставшія силы, приноситъ Онъ къ устамъ своимъ руку возлюбленныя Матери, лобызаетъ ее нѣжно. ЕКАТЕРИНА хощетъ утѣшити Сына Своего нѣжными словами: но рыданіе прерываетъ слова ЕЯ. Уже не въ силахъ Она удерживать болѣе скорби Своей во внутренности сердца: едва не предается всей своей горести: но воззрѣвъ на предстоящихъ Своихъ подданныхъ пораженныхъ симъ зрѣлищемъ, хощетъ Она изъ любви и жалости къ нимъ, одолѣти самое природы чувство; мгновенно отвращаетъ отъ нихъ слезящія очи, останавливаетъ рыданіе, и старается сокрыть отъ нихъ и лютое свое страданіе, и опасность жизни Павловой. Се свойство великія души! Се примѣръ земнымъ владыкамъ! Блаженна та страна, гдѣ Царь владѣетъ и сердцами народа и своимъ собственнымъ.

Продолженіе въ слѣдующемъ листѣ.

ЖИВОПИСЕЦЪ ЛИСТЪ 4.

Продолженіе.

Но пришедъ отъ страждущаго Сына въ тѣ Свои чертоги, кои часто зрятъ Тебя, Великая Монархиня размышляющую на единѣ о благѣ народа Твоего, когда уже ни чей видъ не принуждалъ Тебя сирывать скорби въ нутри сердца Твоего, когда уже могла Ты воздать природѣ горестную дань, и когда ни что не возпрещало Тебѣ рыдать и размышлять, какимъ лютѣйшимъ чувствіямъ предалась тогда душа Твоя! Какія рѣки слезъ полилися изъ очей Твоихъ! Матерь Павла и народа Своего, Ты зрѣла перваго при концѣ жизни, а другаго при концѣ блаженства дарованнаго ему премудростью Твоею. . . . . Ужасное воображеніе извлекающее на всегда слезы изъ чувствительныхъ сердецъ!

Отвращая ударъ толико грозный, Павелъ противоборствовалъ болѣзни крѣпостію духа. Ослабѣли Его тѣлесныя силы; но душевныя не уменьшились. Онъ зналъ, что съ сохраненіемъ жизни Его, сопряжено истинное благо народа Имъ любимаго и Ему усерднаго. Онъ зналъ, что сіе едино, кромѣ человѣческой любви къ жизни Своей, налагало на Него особливый долгъ одолѣвать болѣзненное чувство величествомъ души. Съ какою твердостію, съ какимъ мужествомъ исторгалъ Онъ Себя изъ челюстей смерти возносшей на Него острую косу. Спокоенъ въ мученіи, никогда нетерпѣніемъ не раздражалъ Онъ

болѣзни, и въ тѣ часы, когда душа Его едва не оставляла терзаемаго тѣла, въ тѣ лютѣйшіе часы, являлъ Онъ тѣ же самые добродѣтели, которыя обыкъ творити въ крѣпости силъ своихъ. Благочестіе Богу толь любезное, и возвышающее къ нему души смертныхъ, обитало въ Его сердцѣ, возбуждало въ Немъ надежду, ободряло Его силы, и преклоняло небеса на помощь Его. Кротость нрава ни на единый мигъ не прерывалась лютостію болѣзни. Каждый знакъ воли Его, каждое слово изъявляло доброту Его сердца. Да не исходятъ вѣчно изъ памяти Россіанъ сіи Его слова изшедшія изъ сердца, и прерываемыя скорбію. «*Мнѣ то мучительно*, говорилъ Онъ, *что Народъ безпокоится моею болѣзнію.*» Таковое къ народу Его чувство есть не ложное предзнаменованіе блаженства Россіанъ и въ позднѣйшія времена. . . .

Но ты, который благимъ воспитаніемъ вселилъ въ Него сіе драгоцѣнное намъ чувство, мужъ истиннаго разума, и честности превыше нравовъ сего вѣка! твои отечеству заслуги не могутъ быть забвенны. Ты вкоренилъ въ душу Его тѣ добродѣтели, кои составляютъ щастіе народа и должность Государя! Ты далъ сердцу Его ощутить тѣ священныя узы, кои соединяютъ Его съ судьбою милліоновъ людей, и кои милліоны людей съ Нимъ соединяютъ. Коликими ранами сердце твое было уязвлено во время Павловой опасности! Любя Его нѣжно, насадя въ душѣ Его добродѣтель, просвѣтя познаніемъ разумъ Его, явя въ Немъ человѣка, и уготовляя Государя, сносно ль было видѣти тебѣ приближающуюся минуту, въ которую ти могъ разстаться съ Нимъ на

вѣки! Воспомни тѣ часы, когда обращены были взоры твои на страждущаго Павла; когда терзаясь самъ душевно орошалъ Его слезами, держалъ Его въ своихъ объятіяхъ прижавъ къ трепещущей груди своей, и ожидалъ послѣдняго конца жизни драгоцѣнной. Не самиль небеса тогда подкрѣпляли тебя для Павла и отечества!

Наконецъ, о радость неизрѣченная! о щастіе избавившее Россіанъ отъ погибели! наконецъ прошла безвредно страшная туча гремѣвшая надъ нами. Превѣчный съ высоты престола своего, взирая на слезы и моленія ЕКАТЕРИНЫ, на добродѣтели болящаго, на вопль и стенанія многочисленнаго народа, подвигся о людяхъ своихъ на милосердіе. Велѣніемъ Его, Ангелъ смерти летящій къ Наслѣднику Престола Россійскаго, остановилъ страшное свое теченіе. Здравіе, сей драгайшій людямъ даръ небесный, возвращенно стало Павлу. Возсіялъ прекрасный день по часахъ толико мрачныхъ. Тяжкія стенанія премѣняются во гласы радости. Оживотворенная Россія возноситъ къ небесамъ благодарныя моленія, и сіе чистое приношеніе веселящихся сердецъ проницая предѣлы неизвѣстныя, достигаетъ до самаго Творца вселенныя, и преемлется отъ него съ тою благостію, съ которою внималъ онъ воздыханіямъ Россіанъ.

А ты, торжествующая нынѣ возвращеніе къ жизни возлюбленнаго сына, Матерь нѣжная! Монархиня Великая! Ты, которой добродѣтели и моленія были предстательми предъ Творцемъ за созданіе его Тобою правнесе! Ты благодаря десницу возставившую Павла, возрадуйся днесь всѣмъ сердцемъ своимъ. Се Онъ, се Твой достойный Сынъ, о коемъ Ты страдала, въ комъ душа Твоя

обитаетъ, котораго любовь къ Тебѣ ни съ чемъ на свѣтѣ несравненна. Пріими Его въ Свои объятія, пролей радостныя слезы. Онъ живъ, и будетъ вѣчно Твоимъ утѣшеніемъ, и будетъ славою народа къ обѣимъ вамъ усерднаго.

Къ Тебѣ, великій Князь! возвращенный отъ небесъ Россіанамъ, къ Тебѣ, виновникъ общія радости! обращаю мое слово. Торжествуй и восхищайся веселіемъ сердечнымъ. Возсылай благодареніе къ Вышнему всѣхъ благъ источнику, который отторгнувъ Тебя отъ вратъ смерти, явилъ чрезъ то вселенной, что Ты имъ на свѣтъ произведенъ для щастія и самыхъ будущихъ вѣковъ: но чемъ лучше возможешъ изъявить свое признаніе оживотворившему Тебя, какъ исполненіемъ законовъ его, который есть вся сила и безопасность законовъ человѣческихъ? Сохраняй вѣчно въ своемъ сердцѣ сей новый опытъ нѣжнѣйшія любви, который Матерь Твоя и Государыня, изъявила Тебѣ, страдая съ Тобою купно. Да будетъ премудрость Ея вождемъ Твоимъ, дѣла Ея правиломъ, кроткая душа Ея великимъ тебѣ примѣромъ. Люби своихъ Россіанъ. Ты не можешъ сомнѣваться, Государь! о ихъ къ Тебѣ усердіи, измѣряя оное по тѣмъ горестнымъ чувствамъ, которыя терзали насъ во время опасности жизни Твоея. Сіи страшныя минуты, въ кои лесть умолкаетъ, и Царь и рабъ равно судимы бываютъ, сіи минуты открыли Тебѣ сердца и души каждаго гражданина. Люби ихъ столько, сколько самъ Ты имъ любезенъ. Позволь, о Государь! вѣщать Тебѣ гласомъ всѣхъ моихъ сограждан. Сей гласъ произнесетъ Тебѣ нѣкія истины достойныя Твоего вниманія. Буди правосуденъ,

милосердъ, чувствителенъ къ бѣдствіямъ людей; и вѣчно въ ихъ сердцахъ Ты будешъ обитати. Не ищи Великій Князь другія себѣ славы. Любовь народа есть истинная слава Государей. Буди властелиномъ надъ страстями своими, и помни, что тотъ не можетъ владѣть другими съ славою, кто собой владѣть не можетъ. Внимай единой истиннѣ, и чти лесть измѣною. Тутъ нѣтъ вѣрности къ Государю, гдѣ нѣтъ ее къ истиннѣ. Почитай достоинства прямыя, и награждай заслуги. Словомъ: имѣй сердце отверсто для всѣхъ добродѣтелей, и будешъ славенъ на землѣ, и угоденъ небесамъ.

О Россіане! естьлибъ Павлова судьба зависѣла отъ нашего къ Нему усердія, тобъ не оставалося на свѣтѣ ни для Него чего желать, ни намъ чего страшиться. Безпредѣльно сіе усердіе наше, равно какъ и небесныя къ намъ благодѣянія. Не самоль Божество возвратило нынѣ жизнь тому, кто для нашихъ жизней толико нуженъ? Безъ сомнѣнія оно даровало намъ Его залогомъ нашего блаженства ЕКАТЕРИНОЮ устрояемаго. Велико сіе блаженство наше. Цѣлый свѣтъ на него съ удивленіемъ взираетъ, или паче ЕКАТЕРИНА обращаетъ на насъ очи цѣлаго свѣта. Премудрость Ею руководствуетъ, успѣхи слѣдуютъ дѣламъ Ея, побѣды увѣнчеваютъ Ее лаврами, и славою Ея славится Россія. Въ ней имѣемъ мы настоящее благо наше, а въ Павлѣ надежду будущихъ блаженствъ. Потщимся, любезные сограждане, потщимся, на всегда быти Ихъ достойными. Не пощадимъ ничего для Нихъ и для Отечества. Въ томъ состоитъ истинный долгъ нашъ. О коль любезенъ намъ сей долгъ съ коимъ и польза и слава наша вѣчно сопряжены!

VII.

НАДПИСЬ

КЪ РѢКѢ ВОЛГѢ,

СОЧИНЕННАЯ ВЪ ВѢНѢ НА ЛАТИНСКОМЪ ЯЗЫКѢ

Г. КОЛЛАРОМЪ

ВИВЛІОТЕКАРЕМЪ КНИГОХРАНИТЕЛЬНИЦЫ ЦЕСАРСКОЙ

1772.

Торжественны валы кати о Волга пышно,
Со славою твое повсюду имя слышно.
Минерву сверьхъ твоихъ носила ты зыбей,
Гдѣ больше мудрости питомцевъ было съ ней,
Чѣмъ древле Греціи чрезъ столько лѣтъ ращдала,
Коль вѣки многіе ученіемъ процвѣтала:
Дунай и Тибръ свой бѣгъ предъ Волгой уклони,
Вы славы таковой въ свои не зрѣли дни.

ЖИВОПИСЕЦЪ ЛИСТЪ 5.

VIII.

На прошедшей недѣлѣ получилъ я съ почтоваго двора письмо слѣдующаго содержанія.

Слушайка братъ Живописецъ! на шутку что ли я тебѣ достался? Не на такова ты наскочилъ. Развѣ ты еще не знаешъ приказныхъ, такъ отвѣдай, потягайся. Вѣдомо тебѣ буди, что я передъ Владимирской поклялся, и снялъ ее Матушку со стѣны въ томъ, что какъ скоро пріѣду я въ Петербургъ, то подамъ на тебя челобитье въ безчестьѣ. Знаешъ ли ты молокососъ, что я имѣю патентъ, которымъ повелѣвается признавать меня и почитать за добраго, вѣрнаго и честнаго титулярнаго совѣтника; вѣдаешъ ли ты, что и въ *подлости* * есть присловица: *не поиманъ не воръ, не поднята не . . .* А ты, забывъ законы духовные, воинскіе и гражданскіе, осмѣлился назвать меня яко бы воромъ. Чѣмъ ты ето докажешъ? Я хотя и отрѣшенъ отъ дѣлъ, однакожъ не за воровство, а за взятки; а взятки ни что иное какъ акциденція. Воръ тотъ, который грабитъ на проѣзжей

---

* Подлыми людьми по справедливости называться должны тѣ, которые худыя дѣлаютъ дѣла; но у насъ не вѣдаю по какому предразсужденію вкралось мнѣніе почитать подлыми людьми тѣхъ, кои находятся въ низкомъ состояніи.

дорогѣ, а я бираль взятки у себя въ домѣ, а дѣла вершилъ въ судебномъ мѣстѣ: кто себѣ добра не захочетъ? А къ тому же я ни ково до смерти не убилъ: правда согрѣшилъ передъ Богомъ и передъ Государемъ: многихъ пустилъ по міру; да ето дѣло постороннѣе, и тебѣ до него нужды нѣтъ. Какъ передъ Богомъ не согрѣшить, какъ Царя не обмануть? какъ у него не украсть? грѣшно украсть изъ кармана у своего брата: а ето то дѣло особое: у кого же и украсть какъ не у Царя; благодаря Бога, домъ у него какъ полная чаша, такъ хоть и украдешъ, такъ не убудетъ. Глупой человѣкъ! да ето и указами за воровство не почитается, а называется похищеніемъ казеннаго интереса. А похищеніе и воровство не одно: первое ничто иное какъ только утайка; а другое преступленіе противъ законовъ, и достойно кнута и висѣлицы. Правда, бывали и такіе примѣры, что и за утайку сѣкали кнутомъ: блаженной памяти при ****** ето случалось; но нынѣ благодаря Бога люди стали разсудительнѣе, и за рѣченную утайку кнутомъ сѣкутъ только тѣхъ, которые малое число утаятъ: да ето и дѣльно; не заводи дѣла изъ бездѣлицы. А прочихъ, которые приличаются въ утайкѣ большимъ суммъ, отпущаютъ жить въ свои деревни. Видишъ ли ты глупой человѣкъ; что ты умничаешъ по пустому. Кто тебя послушается? Я помню какъ одинъ господинъ въ бытность мою у него разсуждалъ о тебѣ такъ: онъ де дѣлаетъ безчестье всѣмъ дворянамъ, пиша едакіе письма; что де подумаютъ иностранные объ насъ, когда увидятъ, что у насъ есть дураки, плуты . . . . . .
. . . . . .

Понимаешь ли ты, что и вѣрить этому не хотятъ, что есть безсовѣстные судьи, безчеловѣчные помѣщики, безразсудные отцы, безчестные сосѣди и грабители управители. Чтожъ ты изъ пустова въ порожнѣе пересыпаешь? Мнѣ кажется братъ, что ты похожъ на постельную жены моей сабачку, которая брешетъ на всѣхъ, и никого не кусаетъ. А ето называется брехать на вѣтеръ: по нашему, коли брехнуть, такъ ужъ и укусить, да и такъ укусить, чтобы больно да и больно было. Да на ето есть другіе сабаки а постельнымъ хоти и дана воля брехать на всѣхъ, только ни кто ихъ не боится. Такъ то и ты пишешь все пустое: кто тебя послушается или кто испугается, когда не слушаются и не боятся законовъ опредѣляющихъ казнь за преступленіе. Слыхалъ я отъ одного моего сосѣда исторію, какъ одинъ Греческой мудрецъ сказалъ, увидя что — да полно вить не все надобно говорить, объ иномъ полно что и подумаешь. Ну братъ маляръ образумился ли ты? Послушай, хотя ты меня и обидѣлъ, однакожъ я суда съ тобою заводить не хочу, ежели ты раздѣлаешся со мною добрымъ порядкомъ, и такъ какъ водится между чесными людьми. Сдѣлаемъ мировую; заплати только мнѣ, да женѣ моей безчестье что надлежитъ по законамъ; а буде не такъ, то по суду взыщу съ тебя все до копѣйки. Мнѣ заплатишъ безчестье по моему чину, женѣ моей въ двое, тремъ сыновьямъ недорослямъ въ полы противъ моего жалованья, четыремъ дочерямъ моимъ, дѣвицамъ, въ четверо каждой; а къ тому времени, авось-либо Богъ опростаетъ мою жену и родитъ дочь, такъ еще и пятой заплатишъ. Видишъ ли, что я съ тобою поступаю по Христіански какъ

ковлѣетъ честному и доброму человѣку. Смотри не испорть этого самъ и не разори себя. Къ сдѣлкамъ тяжбамъ мнѣ уже не привыкать; я многихъ молодчиковъ отдѣлалъ такъ, что однимъ моимъ, жены моей и дочерей безчестьемъ, нажилъ тремъ дочерямъ довольное приданое. Чтожъ дѣлать живучи въ деревнѣ отставному человѣку? чемъ нибудь надобно промышлять. Многіе изволятъ умничать, что живучи въ деревнѣ можно де разбогатѣть однимъ домостроительствомъ и хорошимъ смотрѣніемъ за хлѣбопашествомъ: да я сдѣлкамъ врагамъ не вѣрю. Хлѣбъ таки хлѣбомъ, скотина скотиною, а безчестье въ головахъ. Да полно что объ этомъ и говорить, на такія глупыя разсужденія нечего смотрѣть: которая десятина земли принесетъ мнѣ столько прибыли, какъ мое безчестье: нѣтъ-ста, кто что ни говори, а я таки свое утверждаю, что безчестьемъ скорѣе всего разбогатѣть можно. Есть и такіе умники, которые проповѣдываютъ, что безчестье брать безчестію: но пусть они скажутъ мнѣ что почтеннѣе, честь или деньги? что прибыльнѣе, честь или деньги? что нужнѣе, честь или деньги. Коли есть деньги, такъ честь нажить не трудно, а съ честью право не много наживешь денегъ. Такъ те брать я разсуждаю; да я думаю что и многіе хотя не согласятся на сіе словами, но въ самомъ дѣлѣ моимъ же правиламъ слѣдуютъ. И такъ разсудя хорошенько, пожалуй послушайся меня, и не заводи тяжбы: такъ мы и останемся пріятелями; а ето нѣтъ ничего что ты меня выбранилъ: *брань на вороту не виснетъ*, лишъ бы деньги у меня были въ карманѣ. А притомъ постарайся уговорить племянника моего Фалалея ***, чтобы

онъ пошелъ въ отставку и пріѣзжалъ въ деревню. Видно, что ты съ нимъ пріятель, потому что онъ отдастъ тебѣ всѣ отцовскія и материнскія и мои писма для напечатанія. За симъ остаюсь

доброжелатель Ермолай.

Октября 22 дня,

1772 года,

изъ сельца Краденова.

IX.

КАРТИНА ИЗЪ САМОЙ ДАЛЕЧАЙШЕЙ ДРЕВНОСТИ.

Аппеллесъ или правильнѣе сказать Аппеллъ, вѣдая бѣду, въ какую онъ впалъ чрезъ оклеветаніе, написалъ слѣдующую картину: съ правой стороны сидитъ человѣкъ съ предлинными ушами почти подобными Мидовымъ, и простираетъ руку ко Клеветѣ идущей изъ дали. Подлѣ него стоятъ двѣ жены, Незнаніе или Невѣжество и Подозрѣніе; съ другой стороны идетъ Клевета, прекрасная женщина, но весьма гнѣвна и разгорячена, гнѣвъ на челѣ ея весьма ясно примѣтить можно. Въ лѣвой рукѣ держитъ большую горящую свѣчу, правою влечетъ за волосы юношу подъимающаго руки на небо, и боговъ въ невинности своей свидѣтелями призывающаго. Въ передѣ идетъ блѣдный, безобразный съ острыми гла-

зами человѣкъ, подобный истощенному отъ долговременной болѣзни: зависть на лицѣ его живыми красками изображена: за нею слѣдуютъ другія двѣ женщины какъ приборщицы Клеветы; изъ оныхъ одна Ловитву, другая Обманъ представляетъ. Послѣ слѣдуетъ печально облеченная жена, которую Раскаяніемъ называютъ: она со слезами и со стыдомъ оглядывается на послѣдующую ей Истинну.

X.

ПЕРЕВОДЪ.

VIII. БОАЛО ДЕ ПРЕЕВОЙ САТИРЫ НА ЧЕЛОВѢКА.

Изъ всѣхъ животныхъ, что на воздухѣ летаютъ,
Что плаваютъ въ водахъ и землю населяютъ,
Отъ человѣка мы глупѣе не найдемъ,
Хотя весь западъ, югъ, востокъ, сѣверъ обойдемъ.
Какъ? скажутъ мнѣ, и червь, кой травы поядаетъ,
И жаба мерзкая, что въ блатѣ погрязаетъ,
Свинья, змѣя, сова, иль муха что жужжитъ,
Возмогутъ ли они людей умнѣе быть?
Ученой головѣ сія мысль будетъ дика;
Мнѣ скажутъ: человѣкъ всѣхъ тварей есть владыка:
Поля, луга, лѣса, даны во власть ему,
И смыслъ отъ Бога данъ ему лишъ одному.
Что разумъ данъ ему, ту правду признаваю;
Но что глупѣй онъ всѣхъ, то паки повторяю.
Изрядно! мнѣ рекутъ, въ сатирѣ такъ писать,
Для слышателей тѣхъ, что любятъ хохотать.
Но прежде докажи неправильны угрозы,
Согласенъ; дайтежъ мнѣ отвѣты на вопросы:
Въ чемъ мудрость состоитъ? всегда чтобъ равну быть
Въ день страха не робѣть, тщетой себя не льстить,
Въ душѣ, которая такъ мѣрно поступаетъ,
Какъ толстый сельскій попъ по лѣстницѣ ступаетъ,
Но равенство сіе, что мудрыми творитъ;
Кто меньше всѣхъ, скажи, какъ человѣкъ хранитъ.

Презрѣнны муравьи накрывши дрязгомъ домы,
Сокровищемъ весны свои наполнивъ кромы,
Лишъ только сѣверной холодной вѣтръ дуть сталъ,
И листъ на долъ съ деревъ поблеклый пометалъ,
Закроются тотъ часъ, однакожъ безъ печали
Питаются плодомъ, что лѣтомъ собирали,
Довольны пищею и жребіемъ своимъ,
Не нужны пышные дворы и платья имъ,
Зимой суровости стихій имъ не ужасны,
И всѣхъ и каждаго ихъ мысли суть согласны:
Но въ лучшемъ свѣтѣ сей разумный человѣкъ
То мыслью, то другой мятется цѣлый вѣкъ.
Его нетвердый духъ межъ тьмы заботъ летаетъ,
Не вѣдая того, чего онъ самъ желаетъ;
Сегодни нравно то, что за день отметалъ.
Чтобъ я жену себѣ когда либо поялъ,
И чтобы я въ число тѣхъ глупыхъ записался,
Которымъ Моліеръ въ комедіяхъ смѣялся;
Нѣтъ есть и безъ меня довольно дураковъ,
За мѣсяцъ говорилъ, не помню кто таковъ;
А съ десять дней прошло, попался въ тѣже сѣти;
Жениться вздумалъ онъ, ему жена и дѣти
Милѣе золота, и камней и сребра,
Лишъ только бы была она лицомъ добра.
Таковъ то человѣкъ, бѣлитъ и вдругъ мараетъ;
Что въ вечеру хвалилъ, то утромъ проклинаетъ;
Несносенъ всѣмъ другимъ, себѣ наскучитъ самъ,
Мѣняетъ мысли такъ, какъ моды волосамъ;
Третьяго дни просилъ въ судьи, вчера сѣлъ въ лавкѣ,
Сегодни въ шишакѣ, а завтре въ камилавкѣ.
Однако посмотри когда парами онъ,
Наполнясь и въ мечтахъ вдается въ сладкій сонъ;

Онъ мнитъ, что тварей всѣхъ на свѣтѣ основанье;
И отъ руки его зависитъ все созданье;
Онъ какъ животными мнитъ быти властелинъ:
Ктожъ споритъ въ томъ? кричитъ, всему я господинъ;
Но что намъ до того, какъ было, такъ и буди,
Боится ль волкъ людей въ лѣсу, иль волка люди?
Иль заяцъ устрашась охотничьихъ роговъ,
Бѣжитъ въ поля, въ луга, и въ горы изъ лѣсовъ.
Сей мнимый властелинъ царь грозный надъ скотами,
Какими утѣсненъ самъ строгими царями,
Тамъ гордость и сребро, и злоба и любовь,
Терзаютъ духъ его и всю тревожатъ кровь!
Лишъ только сладкій сонъ смыкаетъ томны очи,
Ужъ скупость, встань! кричитъ, ахъ нѣтъ мнѣ сказжетъ мочи.
Нѣтъ встань! еще кричитъ, ступай! куда? за чѣмъ.
Се чрезъ моря идутъ съ купецкимъ кораблемъ,
Въ Японію искать скудѣльнаго фарвору,
За перецъ, за имбирь имѣть съ народомъ ссору.
Нѣтъ нужды, скажешъ мнѣ, и такъ ужъ я богатъ!
Въ богатствѣ мѣры нѣтъ, ступай! ступай! кричатъ,
Его съ умкомъ нажить, кто прямо силу знаетъ,
Тому ни грѣхъ, ни честь, ни совѣсть не мѣшаетъ,
Не смотритъ, сытъ ли онъ? и мягколь спать ему;
Онъ рабъ, не господинъ богатству своему,
Лишъ только стережетъ, тронуть его не смѣетъ,
И въ домѣ ни слуги, ни кошки не имѣетъ;
Онъ хлѣбъ невѣянной для дешевизны ѣстъ,
Чтобъ грошъ сберечь, теперь готовъ въ удавку лѣсть
Но посмотри! кому въ наслѣдство онъ сбираетъ,
Тотъ въ гробъ его уже давно впехнуть желаетъ,
Чтобъ овладѣвъ сребромъ, что властвуетъ тобой,
Насытить щегольствомъ роскошной разумъ свой;

Не ѣхать же нельзя, матросы ужъ готовы;
Но если разорвешъ и скупости оковы,
Тогда тщеславіе разсудокъ помрачитъ,
И силою изъ нѣдръ спокойства извлачитъ,
На тысячи смертей и лютыхъ бѣдъ отправитъ,
Зла рока по стезямъ отвагъ искать заставитъ,
Въ проломы устремясь, на пули, на штыки,
Желая лишъ внестись въ печатные листки.
Не смѣхомъ скажутъ мнѣ, да шуткою иною.
Порокъ былъ сей всегда Иройской похвалою,
Ты скажешъ Александръ дуракъ такой же былъ,
Тотъ звѣрь, что Асію всю въ пепелъ превратилъ,
Которому къ житью все мнилось быть не вмѣстно,
Владѣя свѣтомъ всѣмъ, еще казалось тѣсно.
Тщеславный сей родясь своей землицы царь;
Онъ ею правилъ бы какъ добрый государь,
Когда бы возгордясь не вздумалъ богомъ быти,
И какъ бы не имѣвъ главы гдѣ подклонити,
Скитаться не пошелъ, ведя вездѣ войны,
И тѣмъ не разорялъ всѣ дальныя страны.
Онъ щастливымъ бы былъ, когдабъ тѣ домы были
Тогда, что нынѣ есть, гдѣбъ въ разумъ приводили
Людей; всадивъ его заранѣе туда,
Избавили бы свѣтъ толикаго вреда!
Но что намъ въ сихъ рѣчахъ излишно разпложаться,
И страсти всѣхъ людей описывать стараться:
Ихъ порознь отличать, давать имъ имена,
Ужъ каждая изъ нихъ безъ насъ изъяснена.
Посмотримъ лучше то, что доброе въ семъ вѣкѣ,
И что полезно есть на свѣтѣ въ человѣкѣ:
Посреди онъ градовъ имъ созданныхъ живетъ,
Гдѣ добронравіе съ порядками цвѣтетъ.

Имъ тамъ учреждены скиптръ, власти и короны,
Хранится правый судъ и строгіе законы;
Но много и такихъ на свѣтѣ семъ людей,
Гдѣ нѣтъ порядочныхъ законовъ и судей.
Гдѣ другъ друга ѣдятъ и кровь сосутъ народа,
Тамъ тщетно вопіетъ на небеса природа,
Изшедшая изъ нѣдръ единыя земли,
И равной во гробу подверженная тли.
Видалъ ли кто когда, чтобы львы львовъ терзали,
Иль волки на волковъ разбоемъ нападали,
Чтобъ тигръ отъ гордости подобныхъ тигровъ рвалъ;
Иль Аспидъ Аспида по злобѣ убивалъ,
Либо чтобъ межъ собой вели войну медвѣди,
Иль коршунъ коршуна ловилъ себѣ для снѣди;
Либо чтобы слоны поссорясь межъ собой,
За лѣсъ иль за луга имѣли смертный бой.
Нѣтъ, нѣтъ сей страшный звѣрь, хоть лютостью пылаетъ;
Но образъ свой въ другомъ увидя почитаетъ.
Въ союзѣ межъ собой живетъ всѣхъ звѣрей родъ,
Чуждъ ябедъ, волокитъ, ссоръ, происковъ, хлопотъ.
Орелъ хоть властвуетъ надъ птицами другими,
Но не тязается онъ съ братьями своими.
Лисица хоть полна коварнымъ плутовствомъ,
Но кормитъ равныхъ ей приказнымъ мастерствомъ.
Оленья самочка во время скотска сходу,
Для слабости самца. не проситъ съ нимъ разводу.
Козлы за то козла не поведутъ въ допросъ,
Что многихъ онъ одинъ въ ихъ стадѣ любитъ коз.
И на овцу баранъ за то въ судѣ не проситъ,
Что плодъ не отъ него, его супруга носитъ.
У всѣхъ скотовъ одинъ любови есть предметъ,

И сраиныхъ никогда у нихъ свидѣтельствъ нѣтъ.
По щастію они приказныхъ тяжбъ не знаютъ,
Но всѣ во обществѣ спокойно обитаютъ,
Храня одинъ законъ простыхъ врожденныхъ правъ,
Чтутъ ближняго любовь за свойственный уставъ.
Одинъ лишъ человѣкъ враждуя самъ съ собою,
За славу чтитъ убить себя своей рукою;
То мало, что ему вдохнулъ искуство адъ
Желѣзо изострять, готовить ближнимъ ядъ;
Такъ было надобно къ нещастію вселенной
Въ развратъ привесть законъ съ небесъ благословенной.
Учителей искать, въ толкъ глубоко входить,
И множествомъ ихъ книгъ смыслъ правый затемнить,
А горѣе всего тѣхъ возносить хвалами,
Что разсѣваютъ злость красивыми словами.
Постой ты скажешъ мнѣ сердиться тутъ зачто?
Подверженъ страсти всякъ, не споритъ въ томъ никто.
Созданье человѣкъ на свѣтѣ благородно,
И размышляетъ всякъ своимъ умомъ свободно.
Иной намъ весь включилъ обширной шаръ въ компасъ,
Другаго къ дальнѣйшимъ звѣздамъ проникнулъ глазъ:
Тотъ таинствъ намъ открылъ естественныхъ причины;
Сей показалъ пути въ безвѣстные пучины.
Но кто и пустоши безплодны говоритъ,
Тотъ здраваго ума въ другихъ не повредитъ,
Подобно какъ моря въ волненіи бываютъ,
Но бури добраго пловца не устрашаютъ.
А скотъ ученія не можетъ понимать;
Онъ Академія не смыслитъ и назвать,
Ученаго они и имени не знаютъ,
Художествъ и наукъ они не почитаютъ.
Безвѣстенъ имъ Юристъ, Философъ, Богословъ,

Врачь, Звѣздочетъ, писецъ лицъ, дѣйствій и стиховъ,
Которы общества людскія украшаютъ,
И коихъ за труды повсюду уважаютъ.
Повсюду? но спроси ума ты своего,
Онъ зналъ ли что когда, иль во вся ничего;
Но не равноль все чтутъ въ текущемъ нынѣ вѣкѣ?
По знаніюль наукъ судятъ о человѣкѣ?
Коль хочешъ, чтобъ къ тебѣ всякъ знатный господинъ,
По утру на поклонъ ходилъ, послушай сынъ!
При старости отецъ такъ началъ увѣщанье,
Брось книги и примись за нужное познанье.

Окончаніе въ слѣдующемъ листѣ.

ЖИВОПИСЕЦЪ ЛИСТЪ 3.

Продолженіе.

БОАЛО ДЕ ПРЕЕВОЙ САТИРЫ.

Скажи мнѣ, по чему у насъ за ростъ платятъ?
Берутъ по дватцати, а ябъ взять больше радъ!
Такъ нѣчего учить, ты уже въ совершенствѣ;
О коль въ великомъ жить имѣешъ ты блаженствѣ!
Лишъ только разумъ свой въ семъ знаньи утверди,
И всѣхъ прибыльщиковъ искусствомъ превзойди;
Знай мѣсто, гдѣ вину побольше есть росходу,
И сколько съ табаку и съ соли въ годъ доходу;
Туда впери свой умъ, будь Армянинъ, иль Жидъ,
Грабитель, вѣроломъ: забудь и грѣхъ и стыдъ,
Въ злый щедрости порокъ попасть остерегайся,
Но сокъ и изъ сухихъ вытягивать старайся!
Законодателей тѣмъ мудрость посрами,
Что право, то криви, что криво то прями,
И всѣми образы щечи казну народну,
Увидишъ, какъ найдешъ дорогу симъ свободну;
Вездѣ, гдѣ только ты ни вздумаешъ пойти,
Всѣ будутъ для тебя отверстые пути;
Увидишъ, какъ тогда ученые соборы,
Похвальныхъ книгъ тебѣ намечутъ цѣлы горы!
И до небесъ тебя хвалами вознесутъ.
Ироямъ и Богамъ тамъ мѣста не дадутъ.
Высокой прозою, богатыми стихами
Французскимъ, Греческимъ, и Русскимъ языками,

Докажутъ и въ глаза безстыдно самому,
Что корень ты и столпъ ученью ихъ всему;
Въ богатствѣ всякъ премудръ, все знающъ въ млады годы;
Ему открылися науки отъ природы,
Заслуги разумъ, честь, собой въ него влились,
И добродѣтели съ нимъ вмѣстѣ родились:
Красавицамъ онъ милъ, большими почитаемъ,
И отъ завистниковъ богачъ не призираемъ.
Хоть гадокъ, но въ немъ всѣ находятъ красоту;
Другой пригожъ, но чтутъ дурнымъ за нищету.
Такъ мытаръ наставлялъ сыновню скользку ногу,
Къ богатству доступать на скорую дорогу.
Да часто и такой бываетъ вдругъ богатъ,
Кто только и ума, что знаетъ, вычитать;
А ты надъ Виніей потѣй, пока угодно,
Въ пространномъ морѣ семъ ищи мѣлей безплодно,
И таинства ея сокрыты проницай,
Кальвина Лютера въ догматахъ уличай:
Причины разбери Церковныхъ раздѣленій,
И въ ясность облеки старинныхъ мракъ ученій,
Дабы на старости трудовъ твоихъ сей плодъ,
Такому поднести изъ щасливыхъ господъ,
Который за твое книгъ темныхъ изъясненье,
Сквозь зубы проворчитъ тебѣ благодаренье.
Но буде большую желаешъ честь достать,
Брось критики, стихи и книги сочинять,
И будь ласкателемъ большому господину,
И тѣмъ себѣ ищи и щастія и чину.
За карточнымъ столомъ и день и ночь сиди,
И быть въ томъ знатокомъ стараній не щади.
Ко щастію сея вѣрнѣе нѣтъ дороги:

Игрою нажились на свѣтѣ люди многи;
Игрою богачей вступили на степень:
Незнающій играть мудрецъ, не что какъ пень,
Хотя бы зналъ онъ всѣ художества, науки.
Ученыхъ голова полна, но пусты руки;
И такъ отставъ наукъ признали наконецъ,
Что всякъ ученый мужъ естественный глупецъ.
Ученый мужъ глупецъ, не ври пожалуй болѣ,
Сказать такъ о себѣ въ твоей безспорной волѣ.
Отвѣтомъ симъ ты мнѣ тревожишъ стройность думъ;
Но сей ли мужъ, скажи, имѣетъ здравый умъ,
Который насъ своимъ ученьемъ просвѣщаетъ;
Но самъ пристойности ни въ чемъ не наблюдаетъ,
То пишетъ, что на мысль не набредетъ ему,
И рѣдко здравому послѣдуетъ уму,
Который всякой день ему напоминаетъ,
Что въ Стихотворствѣ онъ успѣхи ужъ теряетъ;
Что съ лѣтами его престалъ ужъ пылкой жаръ,
И что Поезіи онъ симъ безчеститъ даръ.
Стремяся юную страсть обновить безплодно,
Все предпріятіе его уже не годно;
Но онъ такой совѣтъ не только чтобъ принять,
Но паче какъ влечетъ стихи на зло писать,
Чтучи ихъ всякой день въ восторгѣ самъ великомъ,
Сосѣдей и друзей тревожитъ шумнымъ крикомъ,
Столь золъ какъ будто бы его сталъ мучить бѣсъ,
Домашни всѣ его бѣгутъ изъ дому въ лѣсъ.
Оселъ каковъ ніесть, къ чему ужъ онъ родился,
Безмолвно въ томъ своей судьбѣ и покорился,
Шальнымъ не бѣгаетъ, чрезъ свой не складный ревъ.
Въ дубровахъ не глушитъ пріятный птичекъ пѣвъ.
Хоть въ немъ разсудка нѣтъ, да впрямь идетъ стезіею,

Одинъ лишъ человѣкъ и въ день слѣпъ со свѣчою.
Разсудкомъ предводимъ, но дѣлаетъ не то,
И все, что дѣлаетъ, не знаетъ самъ на что;
Все нравится, все нѣтъ, должитъ и оскорбляетъ,
Вдругъ веселъ, вдругъ унылъ, вдругъ пьянъ, вдругъ трезвъ бываетъ,
И въ мысляхъ онъ своихъ то гонитъ, то бѣжитъ,
Въ верхъ взноситъ, вержетъ внизъ, то бьетъ, то самъ убитъ,
Но виданыль скоты такими дураками,
Чтобъ были смущены подобными мечтами,
Иль боялися въ зазорномъ мѣстѣ быть,
Иль вѣрали, что вранъ имъ можетъ зло творить.
Видалъ ли кто? чтобъ звѣрь поролъ себѣ самъ чрево,
Намъ въ жертву принестись, иль чтилъ за бога дерево;
И такъ какъ отъ творца и суши и воды,
Дней ясныхъ, иль дождей молилъ взростить плоды;
А скотъ людей видалъ стократно въ заблужденьи,
Что богомъ чли нрямымъ свои рукотворенья;
Видалъ, какъ вознесли бездушную змѣю,
И ждали съ трепетомъ отъ ней судьбу свою;
Видалъ, какъ по брегамъ прославленнаго Нила,
Съ кадилы и свѣщи искали Крокодила.
Но скажешъ ты! къ чему постылой сей примѣръ,
Что служитъ древность здѣсь съ не истовствомъ ихъ вѣръ.
Какъ можешъ доказать, толь гнусными словами,
Чтобъ мужъ ученый былъ безуменъ предъ ослами.
Оселъ изъ всѣхъ скотовъ преглупѣйшій есть скотъ,
Въ побояхъ и трудахъ влекущій свой животъ.
Руганіе одно сатиру заключаетъ.
Оселъ о чемъ онъ насъ смѣятся заставляетъ,

Ругаются надъ нимъ, но ежелибъ хоть разъ
Онъ могъ то изъяснить, что думаетъ объ насъ.
И еслибъ небеса стараясь насъ прославить.
Склонилися осла разсказывать заставить,
Что только про себя смыкаетъ онъ теперь;
Чегобъ не насказалъ тогда язычный звѣрь?
Что нынѣ думаетъ онъ внутренно съ собою,
Когда то улицей приходитъ то другою,
И видитъ множество бѣсящихся людей,
То въ черномъ, то въ цвѣтномъ одѣтыхъ щеголей.
Что скажетъ, какъ узритъ большіе тѣ парики,
Что здравымъ ядъ даютъ въ свои принявши руки.
А послѣ бѣгаютъ за смертью по пятамъ;
Не къ статѣ помогать бездушнымъ ужъ тѣламъ.
Чтожъ молвитъ посмотря въ ученые соборы,
Гдѣ вдругъ за *Ижицу* до дракъ доходятъ споры;
Что будетъ думать онъ, на свѣтской глядя судъ,
Какъ съ церемоніей убить кого ведутъ;
Какіе бы онъ намъ далъ сильные уразы,
Когда бы въ день суда привесть его въ приказы:
Онъ издали уже услышитъ шумъ и крикъ,
Увидитъ собранный тамъ ябедниковъ ликъ;
Увидитъ стряпчески и писарски ухватки,
Какъ съ правды и со лжи берутъ безстыдно взятки.
О ежелибъ оселъ языкъ тотъ получилъ,
Которымъ онъ во дни Адама говорилъ;
Тогдабъ почтилъ людей прямыми дураками;
Безъ зависти бъ сказалъ, всѣмъ внятными словами:
Доволенъ быть соломъ желаетъ онъ во вѣкъ,
И небо да не дастъ, чтобъ былъ онъ человѣкъ.

XI.

ПОХВАЛА

УЧЕБНОЙ ПАЛКѢ.

Дубовые листки въ почтенья древле были,
Ихъ на главахъ вожди и воины носили;
Но палкѣ въ наши дни довлѣетъ вящша честь,
Она виновница чудесъ великихъ есть:
Она крестьянина въ солдата превращаетъ,
Она въ упорнаго послушный духъ вселяетъ.
Она трусливому отважность подаетъ,
Она злонравнаго на добрый путь ведетъ.
Она лѣнивому вперяетъ въ умъ прилѣжность.
Она изъ молодцевъ выводитъ вредну нѣжность.
Она влагаетъ страхъ, почтенье и любовь,
Она сгустѣвшую живитъ въ составахъ кровь.
Она пушитъ тѣла, мягчитъ ствердѣвши кости,
Она гаситъ въ сердцахъ воспламененны злости.
Она сжимаетъ ротъ привыкнувшій къ вину,
Она прямитъ и въ крюкъ согбенную спину,
Она отъ воровства отводитъ дерзку руку,
Она невѣжливымъ даетъ учтивствъ науку.
Но всѣхъ ея похвалъ не можно описать,
Она въ солдатствѣ всѣхъ благоустройствій мать
Такъ нѣкто разсуждалъ начальникъ сотни воевъ,
Великій думаю, охотникъ до побоевъ,
Который говоритъ, что ставитъ онъ вничто,
Когда кому велитъ отвѣсить палокъ сто.
А если на кого и въ прямъ сердитъ бываетъ,

Тому до тысячи ударовъ продолжаетъ.
Но ежели кому пожалуетъ пять сотъ,
Того уже совсѣмъ не помѣщаетъ въ щотъ.
Тутъ бывшая одна рекла ему особа,
Но многоль палкою прибили вы до гроба?
Не помню матушка! сей рыцарь отвѣчалъ,
Но я раппортъ всегда исправный подавалъ.
Когда кто волею Господнею скончался:
Десятокъ мню еще изъ сотни живъ остался.
Сего дни два изъ нихъ проснись въ лазаретъ,
Лечить изписанный узорами хребетъ;
А три отчаянно лежавши въ Гошпитали,
Какъ слышалъ я вчерась опять здоровы стали.
Безмѣрно мнѣ сія пріятна вѣсть была,
Затѣмъ, что столько мнѣ жизнь воиновъ мила,
Что всякой разъ, когда ихъ бить повелѣваю,
Обильны изъ очей слезъ токи испущаю.
Услышавъ то сказалъ тутъ бывшій господинъ,
По етому прямой Отечества ты сынъ.

X.

ПЕРЕВОДЪ.

Г. Живописецъ!

Я теперь *Неудобо-разумо-и-духодѣятелемъ!* Прошу я васъ, г. м. именемъ всея нашея дружбы, приказать хотя за мой коштъ выпечатать сіе слово большими, а если можно, и красными еще буквами: оно есть новое и высокое изобрѣтеніе осьмагонадесять столѣтія; а я, имѣя щастіе быть онаго первымъ творцомъ и знаменателемъ, хочу оное предать потомкамъ отъ рода въ родъ и на множество вѣковъ. Впрочемъ, дабы избавить всѣхъ строителей новороссійскаго языка отъ излишнихъ и суетныхъ трудовъ, то я вѣрною имъ въ томъ порукою, что онаго слова не находится ни въ Славенскихъ книгахъ, ни въ старинныхъ лѣтосчисленіяхъ, ниже и въ самыхъ ѣдкостію древности обетшалыхъ рукописяхъ; а собственно начертанно оно не истребимыми знаками на скрыжалѣхъ моего сердца. Чрезъ сіе предварительное увѣдомленіе, желаю я освободиться на всегда отъ ученаго прѣнія, и многообразныхъ толковъ; сверьхъ сего предоставляя себѣ только одному право, винословствовать объ ономъ, могу неукоризненно и во всякое время въ разговорахъ и сочиненіяхъ моихъ изображать свойство душевнаго и тѣлеснаго моего состоянія однимъ только выраженіемъ; то есть, что я *Неудобо-разумо-и-духодѣятелемъ!*

Да чтожъ оное значитъ, всеконечно спросите вы меня?

На сіе отвѣтствую, что я то ощущаю только во внутренности моей; изобразить же онаго на словахъ никакъ не могу. Такъ же я ни мало не понимаю, относится ли оное больше къ разуму, или духу; принадлежитъ ли къ числу болѣзней, или къ другимъ какимъ сокровеннымъ дѣйствіямъ душевнымъ; а знаю только то, чего оное не означаетъ. На примѣръ, если бы кто назвалъ меня, по порознь, туманнымъ, или прискорбнымъ, или пасмурнымъ, всегда въ сообществѣ молчаливымъ, всѣмъ недовольнымъ, и на все негодующимъ, или всеминутно стенающимъ, погруженнымъ въ глубокую задумчивость и въ черную тѣнь думъ; или бы захотѣлъ меня выхвалить самыми модными Петербургскими словами; то есть, назвать меня страждущимъ сердечною болѣзнію, или Ипохондріею: то я бы всѣми сими, хотя блистательными, однако порознь мнѣ приписываемыми титлами, ни мало не былъ доволенъ. Напротивъ того единое слово, *Неудобо-разумо-и-духодѣятеленъ*, всего мнѣ на свѣтѣ милѣе, и оно всѣ выше реченныя достоинства, въ превосходномъ степени и въ одно время замыкаетъ въ себѣ. При томъ гораздо похвальнѣе, ежели я представлю собою главу или изпещренный вертоградъ всѣхъ Петербургскихъ Ипохондриковъ, нежели когда только называться буду притворнымъ, или что все равно простымъ Ипохондрикомъ.

Но уже приступаю къ рѣшенію другаго вопроса; то есть, какимъ образомъ взошелъ я на сей степень престранныхъ думъ и чувствованій. Общее и повсемѣстное есть правило, что каждый ищетъ себѣ подобнаго: ибо равныя мысли, единообразный нравъ и сходныя чувствованія притягаютъ, такъ сказать, одного ко другому. Кто

не знаетъ, что сраженные жестокимъ навѣтомъ всегда обращаются и бесѣдуютъ съ подобными только себѣ: нещастнаго любовника сердце не приступно всѣмъ веселіямъ и утѣхамъ міра; но когда равною судьбою гонимой увѣряетъ его, что нѣтъ во свѣтѣ для любви ничего невозможнаго, что наконецъ и самыя непреклоннѣйшія сердца смягчаются и любовнымъ истаеваетъ пламенемъ: тогда нѣкій пріятный лучь новыя надежды и отрады вливается въ душу его. Слѣдовательно и я имѣвъ честь, служить почти съ полгода въ чинѣ простаго Ипохондрика, во всемъ подвластенъ былъ тому же закону. Ибо для Ипохондрика нѣтъ во свѣтѣ ничего увеселительнѣе, какъ видѣться повседневно и быть вмѣстѣ съ Ипоходриками. Въ слѣдствіе сего закона глубокомысленное наше общество благоволило учредить *каменный берегъ* всегдашнимъ нашимъ сборищемъ. Признаюсь, г. м., что я по вступленіи въ новый чинъ, то есть въ Ипохондрію, первые два или три мѣсяца почти не сходилъ съ берега; и когда я на цѣлый свѣтъ уже равнодушнымъ окомъ взиралъ, тогда одинъ только берегъ утѣшалъ еще печальную мою душу. Представьте только себѣ двадцать, или по крайней мѣрѣ десять совершенныхъ Ипохондриковъ, собравшихся въ единое мѣсто; вообразите себѣ ихъ наружный пасмурный видъ, странныя, а часто ужасъ наводящія тѣлодвиженія и слова прерываемыя всеминутно, то воздыханіями, то глубокимъ отчаяніемъ; и скажите безъ всякаго ласкательства, есть ли какое въ свѣтѣ сего прелестнѣе позорище? — — Правда, чтобъ видѣть сіе явственнѣе еще, потребно самому имѣть и очи и чувства Ипохондрическія; но я, благодаря Бога! бу-

дучи оными всещедро одаренъ, надѣюсь представить вамъ самую живѣйшую картину тѣхъ лицъ и особъ, съ коими я на берегу часто обращался. Одинъ, на примѣръ, произноситъ громко хулу и клевету на свое отечество; называетъ оное неблагодарнымъ, что оно забывая его достоинства, которыя въ его записной книжкѣ, имъ самимъ и весьма изящными красками изображены, и не взирая на всѣ его чины, снисканные ему то ближними, то искренними, то усильными прозьбами, считаетъ его безъ разбора, на ряду со другими. Другій проклинаетъ свое рожденіе, жизнь и судьбу; возноситъ жалобу къ пустынѣ, морямъ и дремучимъ лѣсамъ; увѣряетъ ихъ ліющимися слезами, что дни его премѣненны въ смертельный ядъ, и что онъ твердо уже вознамѣрился итить искать себѣ дружбы и любви со звѣрьми, а не съ человѣками: ибо обожаемая имъ повелительница — — повелительница, которая по искуству своему. . . . . преобратила его своимъ непостоянствомъ въ дурака; иный сѣвши на безмолвный камень, и потупивъ очи въ землю, бесѣдуетъ съ нею: о ты! свидѣтельница моихъ мученій — — имъ не будетъ уже конца — — — не будетъ для меня въ жизни сей никакой отрады — — И такъ тщетно я тебя тягчу — — уготови мнѣ здѣсь прохладный одръ — , гдѣ прискорбный мой духъ, гонявшійся за прелестною тѣнію несклонныя любви на всегда успокоится — — . А ты прекрасная дщерь! поразившая нѣкогда сердце мое твоею добродѣтелію, проходи иногда мимо сѣни моей, возри хотя единожды кроткимъ и жалостію раствореннымъ окомъ на то злачное мѣсто, въ которомъ храниться бу-

детъ прахъ мой посвященный твоимъ достоинствамъ въ жертву и горящій къ тебѣ вѣчною любовію! * Вотъ, государь мой, какими я разительными видами почти ежедневно, ходя по берегу, наслаждался — Я, каждый разъ видя предъ собою сихъ ничѣмъ непзлѣчимыхъ страстотерпцевъ, и внимая толь печальному отзыву, производимому ихъ жалобами и воздыханіемъ, точно представлялъ себѣ, что природа изъявляя свое сожалѣніе о моемъ состояніи, сама издавала ехо сіе: таковымъ сладкимъ мечтаніемъ довольно напитавши чувства и душу мою, возвращался въ домъ съ превеликимъ удовольствіемъ.

Однако естьли что на свѣтѣ постоянное? и можетъ ли человѣкъ вожделѣнною вещію долгое время наслаждаться? — Никакъ: полгода былъ я Ипохондрикомъ, а четвертый уже мѣсяцъ тому назадъ, какъ я принужденъ сдѣлаться *Неудобо-разумо-и-духождательнымъ*. Вы можетъ быть г. м. отъ кого нибудь слыхали, въ которомъ углу города я живу; или положимъ, что я можетъ статься живу не далече отъ Сергіевской улицы: такъ не должно ли мнѣ переходить мостокъ, чтобы добраться до каменнаго берега?

Продолженіе будетъ въ слѣдующемъ листѣ.

---

* Здѣсь предложилъ я всѣ роды модной Ипохондріи, проистекающіе изъ трехъ главныхъ источниковъ: то есть, изъ тщеславія и самолюбія; или изъ несклонности, впрочемъ весьма добродѣтельныя красавицы; либо изъ непостоянства развратныхъ мужчинъ и женщинъ. Прочіе всѣ Ипохондрики и Ипохондрицы не заслуживаютъ ниже имени сего на себѣ носить, и принадлежатъ большею частію къ шайкѣ недозрѣлыхъ сумазбродовъ, нежели къ нашему тенвоумствующему лику.

Продолженіе.

Но сего мостка уже нѣтъ на свѣтѣ — — Четвертый мѣсяцъ тому, какъ и развалинъ его не вижу; но четвертый мѣсяцъ и тому, какъ мнѣ пресѣченъ путь къ мѣсту моего увеселенія и купно господствовавшей во мнѣ Ипохондріи — — Первыя три недѣли жилъ я весьма спокойно и тихо; то есть, приказавъ людямъ одинажды на всегда, чтобы всѣмъ приходящимъ, навѣстить меня, сказывали, что меня дома нѣтъ; и запершись одинъ въ моей комнатѣ, находился отъ радости внѣ себя, что я избавился отъ ненавистнаго мнѣ людскаго сообщества. При томъ углубясь въ сіи забавныя для меня мысли, и не говоря ни съ кѣмъ съ утра до вечера ни слова, бѣгалъ въ глубокой задумчивости по комнатѣ съ обнаженною шпагою. Но и сея утѣхи вскорѣ я лишился! — — Ибо будучи однажды престрашными сновидѣніями угрожаемъ пробудился я отъ сна, и всхватясь вдругъ бросился за шпагою, но — — не нашедъ ее на своемъ мѣстѣ, началъ изъ всея силы кричать: шпага — — малой; люди — ахъ! шпага моя — повѣса — гдѣ шпага моя? Тогда слуга, какъ молнія, прилетѣвъ ко мнѣ сказалъ съ притворнымъ видомъ, пожалуйте сударь успокойтесь — — шпага отнесена въ вечеру для починки. Для какой починки? бездѣльникъ — вы конечно всѣ согласились на жизнь мою. Но нѣтъ, плутъ, не удастся вамъ совершить умышленное вами безчинство. Само небо отдаетъ васъ теперь въ мои руки. Подавай платье — я сіюжъ минуту бѣгу исполнить надъ вами праведное мое

мщеніе. Виноватъ, сударь, упадши къ ногамъ, говорилъ онъ мнѣ: вчерась въ вечеру приходилъ сюда хозяинъ съ какими то людьми весьма похожими на бородобрѣевъ, однако я ихъ къ вамъ не впустилъ; и они, объявивъ мнѣ о вашемъ весьма опасномъ состояніи, приказали, чтобы я неотмѣнно прибралъ у васъ шпагу. Государь мой! не понимаетель вы, куда дѣло клонится — — ? Притомъ я ссылаюсь на ваше праводушіе, не всякъ ли имѣетъ право быть веселымъ по своей волѣ; кто же можетъ отнять у человѣка право, и печалиться, сколько ему угодно? Сіе то право врожденное всѣмъ и каждому произвело во мнѣ чрезмѣрный гнѣвъ, и я почти безъ памяти на малаго кричалъ: злодѣй — — измѣнникъ, ты конечно подкупленъ — —. Какъ ты осмѣлился, негодный, лишить меня той вещи, которая всякій часъ охраняетъ жизнь мою. Пойдемъ только, другъ мой, въ полицію, кошки тамошнія поговоря нѣсколько часовъ съ твоею спиною откроютъ всю правду. Помилуй батюшка, кормилецъ — возопилъ слуга: я право для того сіе учинилъ, что мнѣ показалось, да и хозяинъ мнѣ тоже самое твердилъ, будто вы, сударь, немножко помѣшались — — Какъ — — я помѣшался? и въ чемъ? — — Нѣтъ, сударь, я хотѣлъ инако сказать, что вы помутились мыслями — —. Молчи бездѣльникъ, я ни одной кости въ тебѣ живой не оставлю. Кто приставилъ тебя лазутчикомъ или гадателемъ сокровеннаго моего безпокойствія? Нѣтъ, плутъ, заговоръ вашъ скоро выйдетъ наружу; сей часъ мнѣ платье — — Какъ я нѣсколько въ кабинетѣ замедлилъ, и выдумывалъ, какъ бы хитро поговорить съ полицейскими, то малой не преминулъ

увѣдомить о томъ хозяина, я сей такъ же успѣлъ созвать на свой дворъ нѣсколько сосѣдей, и лишь чуть только появился я на крыльцѣ, какъ всѣ вдругъ попались мнѣ, будто не нарочно, на встрѣчу. Все ли въ добромъ здоровьѣ, поклонись хозяинъ спросилъ меня. Слава Богу! выговорилъ я съ потупленными глазами. Да вамъ какая нужда слышать о здоровьѣ, или о смерти моей? Хозяинъ притворясь, якобы не слыхалъ моего отвѣта, опять спросилъ учтиво, куда вы такъ рано изволите итить? Въ полицію, отвѣчалъ сурово, въ полицію, чтобы или *мостокъ* сдѣланъ былъ, или чтобы шпагу мою назадъ мнѣ возвратили. Тогда всѣ они бросившись ко мнѣ, всячески меня молили, чтобы я по причинѣ *мостка* не ходилъ туда, представляя мнѣ, что полиція давно уже о томъ знаетъ; но для того *мостка* не дѣлаетъ, что какая та . . . . , будучи такъ же обязана содержать сей *мостокъ*, не соглашается еще по сіе время къ постройкѣ онаго, а на ее гдѣ ты будешъ искать? И для того опасно докучать полиціи, чтобы она осердясь не наложила сего бремени на насъ самихъ. Что же касается до вашей шпаги, то она, сказалъ хозяинъ, у меня, и я вамъ оную въ цѣлости самъ принесу.

Я будучи съ природы миролюбивъ и не злобивъ, согласился тотчасъ на все: однако спустя нѣсколько времени, узналъ къ крайнему моему ущербу, что я уступилъ имъ очень много. Ибо пришедши однажды малый сказалъ: не прикажете ли покупать дрова, теперь послѣдній уже имъ привозъ. Хорошо, отвѣчалъ я, поди и сторгуй саженъ съ тридцать. Но слуга вскорѣ обрадовалъ меня отвѣтомъ, что дровъ сажень съ перевозомъ

продается по рублю, а поелику за неимѣніемъ *мостка* надобно ихъ кругомъ обвозить, то извозчики отъ сажени еще хотятъ въ прибавку имѣть по сороку копѣекъ. На семъ то мѣстѣ, г. м. сдѣлался я въ первый разъ *Неудобо-разумо-и-доходительнымъ*. И здѣсь вся Ипохондрія въ мигъ изчезла — ! но великое нещастіе бываетъ часто причиною великихъ дѣлъ; и крайняя нужда дѣлаетъ человѣка наилучшимъ изобрѣтателемъ. Я вдругъ ставъ, какъ будто нѣкіимъ новымъ свѣтомъ озаренъ, велѣлъ малому выпросить у хозяина и тѣхъ сосѣдей, коимъ я по ихъ прозьбѣ сдѣлалъ немалое одолженіе, двѣ длинныя и толстыя доски; потомъ доставъ оныя приказалъ моимъ людямъ придѣлять у каждой доски, по обѣимъ сторонамъ, на пять пальцовъ вышиною края. Совершивъ благополучно таковыя рѣдкія и неслыханныя махины, велѣлъ я оныя на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде мостокъ былъ, такъ положить, чтобы колеса у роспусокъ по симъ жолобамъ катиться могли. И какъ лошадей, по моему искусству, не за чѣмъ было переправлять; то вмѣсто оныхъ перетягивалъ я роспуски въ задъ и въ передъ посредствомъ двухъ канатовъ. Такимъ образомъ сторговавъ дрова по рублю, провозили оныя прямо къ моимъ вышеописаннымъ жолобамъ, а здѣсь отложивъ лошадей, прицепляли къ роспускамъ канатъ, перетягивали ихъ чрезъ жолобы, потомъ тащили на дворъ, и сбросивъ тамъ дрова, опять переправляли роспуски на другую сторону посредствомъ другаго каната. Работа сія по моему учрежденію такъ хорошо и безостановочно происходила, что въ одинъ день всѣ дрова на дворъ перевезены были.

Вотъ вамъ г: м: толкованіе на слово: *Неудобо-разумо-*

и-доходьятелемъ. Правда, я можетъ быть чрезъ оное и другія какія еще важныя вещи разумѣю, однако полнаго его содержанія не намѣренъ я открывать свѣту. Славнымъ изобрѣтателямъ и великимъ людямъ въ искусствѣ свойственно сохранять нѣкоторыя тайности по жизнь свою для однихъ только себя. Впрочемъ не могу не упомянуть о томъ, что при переправкѣ дровъ случилось напослѣдокъ со мною. Люди, живущіе около меня, услыша о толь необычайномъ и странномъ дѣлѣ, мало по малу стекалися къ сему мѣсту, и увидѣвъ меня тамъ, что я все учреждаю и повелѣваю всѣми, начали межъ собою перешептывать: ето конечно Французъ — — видишъ, какъ они умны — — Другіе напротивъ того спорили: нѣтъ, ето не Французъ, ето Нѣмецъ, котораго недавно выписали — — а въ отдаленной отъ меня толпѣ дошло было и до драки, потому что одни твердили, ето ни Французъ, ни Нѣмецъ, а конечно нашъ какой удалой — — Теперь и Рускіе, слава Богу! научились — —; другіежъ или отъ злости, либо по упрямству грубо отвѣчали: намъ и не дожить до того, чтобы Рускій когда такую хитрость выдумалъ. Я осердясь на сихъ послѣднихъ бездѣльниковъ, вскричалъ: ступайте домой невѣжды, я васъ палкою — —; за чемъ вамъ драться, я точно Рускій. При томъ увѣряю васъ, что иной Рускій разумъ гораздо превосходнѣе бываетъ заморскаго: но поелику оный не имѣетъ еще столько уваженія и ободренія, какъ иностранный разумъ, то онъ часто отъ того тупѣетъ. Я для того прошу васъ г: м: напечатать мое писмо для увѣренія всѣхъ, что и Рускіе умы, такъ какъ и иностранные, могутъ производить въ свѣтъ важныя и славныя дѣла. Остаюсь.

ЖИВОПИСЕЦЪ ЛИСТЪ 10.

XI.

Г. Живописецъ!

Недѣли съ двѣ тому, какъ пріѣхала я сюда изъ Москвы, и начитавъ въ здѣшнихъ вѣдомостяхъ, что въ луговой Милiонной продаются какого то Живописца листочки, по природной моей къ живописи склонности тотчасъ послала ихъ купить — Но въ какое удивленіе я пришла, нашедъ въ нихъ не любовныя картинки, но поношенія и клеветы противу прекраснаго пола! — Видно, что ты, другъ мой, родился въ какой нибудь Сибирской деревушкѣ, вскормленъ и выученъ безпутной твоей живописи; а если бы хотя одинъ твой глазъ во Франціи побывалъ, такъ ты бы конечно поострѣе глядѣлъ на свои руки, и пишучи женское лице, употреблялъ бы къ тому нѣжныхъ только цвѣтовъ краски, а не темныя и мрачныя, такъ какъ теперь дѣлаешь, не знаю, ошибкою ли, или умышленно. — Нѣтъ дружокъ! даромъ тебѣ ето не пройдетъ — Гдѣ ето слыхано, чтобъ Живописецъ написалъ женское лице темными красками? — И бабушка твоя Всякая Всячина, какъ говорятъ здѣшнія женщины, того не запомнитъ; а ты видно на выскочку —. Полно и того, что твоя братья по невѣжеству своему неумѣютъ иногда и бородавки утаить! а ты вздумалъ еще и худыми красками насъ описывать. Признайсяжъ

самъ, заслуживаешъ ли ты трудами своими отъ нашего пола благодарность? Видно, что ты еще не знаешъ, что кто не умѣетъ женскому полу угождать, того и за человѣка не почитаютъ — — — —. Черезъ кого наживаются портные и перукмахеры? Скажи, не черезъ насъ ли? Черезъ кого происходятъ добрые люди и въ чины, какъ не черезъ насъ? Кто выгоняетъ изъ молодыхъ людей задумчивость, какъ не мы? Кто вперяетъ воспитаннымъ въ непросвѣщеніи дворянамъ понятіе о модахъ, какъ не мы? . . . . . А ты, такая мелкая на свѣтѣ тварь, уродуешъ наши лица. — Пора, право пора тебѣ, дружокъ, опомниться — Напишика два или три хорошенькіе портретца, да только поскорѣе; анъ и не тотъ станешъ человѣкъ. Тебя будутъ звать для снимания портретовъ во всѣ знатные домы; а ты съ легкой моей руки станешъ богатѣть да наживаться. Вотъ тебѣ прямая дорога ко щастію! Кинь дружокъ старинныя темныя краски: они, если по совѣсти сказать, глаза колютъ; такъ будешъ всему женскому полу во всѣ будущіе роды и роды пріятенъ. А теперь всѣ Щеголихи и новомодныя женщины право такъ тебя боятся, какъ робята азбуки. — Такъ то дружокъ — Отпиши же радостъ моя въ твоихъ еженедѣльныхъ листочкахъ, какъ тебѣ покажется мой совѣтъ — тебѣ же лучше будетъ,—а я изготовлю тебѣ между тѣмъ въ подарокъ

Доброхотное

СЕРДЕЧКО.

нить, но тому что ласкательство есть претрудная для меня наука; и я никогда не имѣлъ склонности слѣдовать ея правиламъ. Я соглашаюсь на ваше мнѣніе, что ни одинъ Живописецъ не придетъ въ моду у прекраснаго пола, а можетъ быть и у нашего, который ласкать не умѣетъ — Ето неоспоримая истинна. Живописцевъ, нашей братьи, въ здѣшнемъ городѣ много: такъ вы можете сыскать изъ нихъ одного, по своему желанію. Если вы имѣете прелестное лице, и пріятный станъ, то загляните только ко дв — вы найдете тамъ многихъ живописцевъ по вашему вкусу; или познакомтесь съ какимъ стихотворцемъ. Вы увѣдомляете меня, что всякая щеголиха боится меня, такъ какъ ребята азбуки: я тѣмъ и доволенъ: ребята боявшіеся азбуки, пришедъ въ совершенный возрастъ, всегда разкаяваются въ томъ; можетъ быть—но вить я васъ еще больше разсержу. Прощайте сударыня.

XXVII.

Господинъ Живописецъ!

Я начинаю скучать городскою жизнію, причины тому изъ слѣдующаго узнаете: мнѣ лѣтъ подтрицать; я ни богатъ и не бѣденъ, имѣю, или по меньшей мѣрѣ надѣюсь имѣть деревню. Учился я здѣсь иностраннымъ языкамъ, которыя отчасти я разумѣю. Вышедъ изъ школы вступилъ я въ службу, познакомился съ молодыми люд-

ми, изъ коихъ иные старались вводить меня въ карточную игру, другіе научали всякимъ разнымъ мотовствамъ, и въ скоромъ времени сдѣлали меня, нѣкотораго рода, мотомъ, но благодареніе Богу несовершеннымъ; сверхъ всего того природную имѣлъ я страсть къ любви, которая можетъ быть и была причиною, что я къ другимъ страстямъ мало имѣлъ склонности. Теперь же все то перемѣнилось, всѣ тѣ упражненія, кои прежде мнѣ казались забавны, стали мнѣ гнусны; не съ такою уже горячностію смотрю и на любовь, по тому что часто бывалъ ею обманутъ, хотя и самъ не рѣдко обманывалъ, но то и другое уже наскучило; прежнихъ многихъ друзей совсемъ не знаю, испытавъ, что дружба ихъ основана на какомъ либо прибыткѣ; имѣю токмо двухъ, но прямо истинныхъ друзей, которые теперь все мое удовольствіе составляютъ. Великія чины меня не прельщаютъ, а доволенъ малымъ, который я имѣю; въ такомъ будучи состояніи, принялъ я намѣреніе, сыскавъ хотя бѣднѣйшую, но добродѣтельнѣйшую дѣвицу жениться на ней, съ позволенія тѣхъ коимъ я долженъ своею жизнію, и уѣхать въ деревню; тамо остальныя дни своея жизни препровождать буду въ тишинѣ и покоѣ. Четыре время года подавать мнѣ будутъ разныя упражненія и пользы. По утрамъ буду на поклонъ ходить къ своимъ токмо полямъ; вечернія же собранія составлять будетъ малая моя семья, а переписка съ друзьями пріятное и полезное будетъ мое отдохновеніе. Описавъ теперь подробно всѣ мои мысли, прошу васъ дать мнѣ знать, каковымъ вы почитаете принятое мое намѣреніе; иные говорятъ, что я еще не въ таковыхъ лѣтахъ, чтобъ жить

въ деревнѣ; другіе, что стыдно быть молодому человѣку въ отставкѣ; вы, государь мой, что мнѣ скажите? Нетерпѣливо ожидая вашего отвѣта, остаюсь всегдашнимъ вашимъ доброжелателемъ и покорнымъ слугою.

Прежнее ваше поведеніе было худо, исправленіе полезно, а намѣреніе похвально: по малой мѣрѣ мнѣ такъ его кажется. Но исполните сіе не прежде, какъ испытавъ себя, будите ли вы любить свою жену, и не оставите ли ее послѣдуя модѣ. Въ отставкѣ молодому человѣку быть не стыдно, лишь бы только былъ таковый человѣкъ и себѣ и обществу чемъ нибудь полезенъ.

XXVIII.

ПѢСНЯ.

Здѣсь пристанище покоя,
Здѣсь убѣжище суетъ,
Средь зимы и лѣтня зноя
Здѣсь спокойствіе живетъ:
Нѣтъ суетъ здѣсь ни заботы,
Нѣтъ градскихъ дѣлъ ни работы;
Но здѣсь царствуетъ покой.
Дружба съ нами обитаетъ,
И любовь все оживляетъ;
Здѣсь прямой вѣкъ золотой.

Дружбою сердца сплетенны
Вспомяните оный вѣкъ,
Гдѣ въ незлобіи рожденный
Жилъ спокойно человѣкъ:
Тому вѣку подражайте,
Искренность здѣсь сопрягайте,
Съ честностью въ любви святой;
Дружество здѣсь обитаетъ,
А любовь все оживляетъ;
Здѣсь прямой есть вѣкъ златой.

Всѣ веселья и забавы
Водворяйтесь навсегда,
Злобой изощренны нравы
Не входите никогда:
Ненависть въ вѣкъ удаляйся,
Злость отнюдь не приближайся,
Царствуй здѣсь всегда покой.
Дружба въ вѣкъ да обитаетъ,
Да любовь все оживляетъ,
Буди вѣчно вѣкъ златой.

Сочиненіе Александра Ѳомина,
Архангелогородскаго купца.

XXIX.

СТИХИ,

Сочиненные на случай, когда благородныя дѣвицы четвертаго возраста, воспитывающіяся въ новодѣвичьемъ Воскресенскомъ монастырѣ, по девятилѣтнемъ своемъ пребываніи въ домѣ воспитанія, въ первый разъ явилися въ общество и гуляли въ саду лѣтняго ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА *дворца 1773 года, мая 20 дня. Сіе число есть день общаго гулянья въ реченномъ саду.*

Воспой пріятну пѣснь покоющаясь Муза,
И страстныхъ лѣтъ моихъ ты гласъ возобнови,
Анакреонтова ищи въ стихахъ союза,
И нѣжныхъ чувствъ его пріятности яви.
Украся днесь себя прелестными цвѣтами,
Веселой цвѣтъ юности ты нѣжными устами.

Цитерски Граціи ко мнѣ теперь спѣшите:
Подобны прелести я вамъ воспѣть хощу,
И въ сердце чувствіе мнѣ нѣжное внушите:
Я вашимъ голосомъ съ Парнасса возглашу;
Взрощенныхъ Граціи здѣсь надъ Невскими водами
Плывущихъ въ вертоградъ межъ Невскими брегами.

Уже съ полудня Фебъ блистательный склонился,
И изкошенный лучь скользилъ по верху водъ:

Какъ Невскихъ Граціи, флотъ межъ Невскихъ струй явился,
Въ садъ Матери своей направя быстрый ходъ:
Ихъ первый выходъ къ ней, есть жертвы воздаянье,
Какъ давшу Божеству имъ жизнь чрезъ воспитанье.

Не чародѣйственно мечталося видѣнье,
Какъ плыли пятьдесятъ красотъ между зыбей;
И не Діянининыхъ то было Нимфъ стеченье,
На уловленіе стремящихся звѣрей;
То Нимфы Росскія великія Богини,
Прославившей себя и Россовъ Героини.

Между трофеями побѣдъ ЕКАТЕРИНЫ,
Какъ врагъ Росскій зритъ во кругъ себя бѣды;
Сіи премудростью Ея взращенны Крины,
Сей цвѣтъ сулящій намъ полезныя плоды,
Сіи пріятности, сіи прелестны взгляды,
Достойны Нимфами Россійской быть Паллады.

Узря ихъ шествіе самъ Фебъ остановился,
И свѣтозарными лучами къ нимъ сіялъ,
Толикій зря соборъ пріятностей дивился,
И жаркій солнца лучь вспалить ихъ устремлялъ:
Одежда бѣлая тогда ихъ украшала,
Невинность бѣлизной сердецъ ихъ возвѣщала.

Горящій Фебовъ лучь одежды ихъ касаясь,
Сквозь бѣлый цвѣтъ къ сердцамъ проникнуть не возмогъ,
Скользя по бѣлизнѣ и паки отражаясь
Тѣмъ жаромъ онъ другихъ сердца тогда возжогъ.
Кротъ увидя то, и Фебу такъ вѣщаетъ:
Сія невинность зжетъ сердца; но не пылаетъ.

Какъ съ брегу въ вертоградъ красавицы вступали,
Восторженнымъ очамъ казалося имъ,
Что вѣтьви древеса одушевясь склоняли,
И на объятіе стремились въ стрѣчу имъ;
И нѣжный самъ Зефиръ увидя ихъ плѣнялся,
И розу позабывъ, за ними въ слѣдъ гонялся.

Сирены въ садъ прійти предъ ними поспѣшали,
Оставивши свои пространныя моря,
Гуляющихъ въ саду ихъ пѣньемъ утѣшали;
Однако съ завистью на сихъ красавицъ зря.
Вокругъ ихъ собрались забавы, игры, смѣхи,
Чтобы умножить имъ пріятства и утѣхи.

Стеклися ко брегамъ Нерейды и Наяды,
Чтобы обратно ихъ безвредно проводить,
И чтобъ прельщенные красавицами взгляды,
Пріятностію ихъ питать и усладить.
Всѣ боги въ оный часъ Еолу приказали,
Чтобъ вѣтры колебать волнъ Невскихъ не дерзали.

И богъ Невы тогда пресѣкъ воды теченье,
Покрыту тиною главу поднявъ изъ волнъ,
На прелести ихъ зря къ нимъ чувствовалъ влеченье,
Возлегши на струяхъ, онъ былъ любови полнъ.
Волна, что ихъ несла, съ востергомъ ихъ держала,
И страстно лицы ихъ въ себѣ изображала;

И послѣ обратясь свои стремила воды,
Чтобы себя скорѣй съ водой морей смѣшать,
И тамо разлившись тещи во всѣ народы,
Имъ о пріятностяхъ узрѣнныхъ возвѣщать:

Да вѣдаютъ враги Россійскіе и други,
Сколь важны Бецкова Отечеству заслуги.

Твои, почтенный Мужъ, труды пребудутъ громки,
И память не падетъ къ Отечеству заслугъ;
Но пользу большую почувствуютъ потомки,
И узрятъ, что ты сынъ Отечества и другъ.
Твои заслуги днесь тѣмъ болѣе почтенны,
Что слава съ пользой въ нихъ отечества спряженны.

XXX.

СТИХИ

состоящимъ дѣвицамъ перваго возраста, воспитываемымъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, на присутствіе ихъ въ первый разъ въ саду лѣтнемъ ***ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА*** *дома, сею 1773 года, Маія 20 числа.*

Не Нимфы ли богинь предъ нами здѣсь предстали?
Иль сами ангели со небеси сошли,
Не обитанію имѣть смертныхъ на земли:
Что взоры и сердца всѣхъ зрителей питали?

Одежда бѣлая невинность значитъ въ нихъ:
Но каждая ихъ рѣчь таланты означаетъ;
Иль само божество имѣть ихъ научаетъ
Невинность во сердцахъ, и мудрость въ мысляхъ ихъ?

Какъ солнечны лучи, такъ взоры ихъ сіяютъ;
Съ красой небесною, краса сихъ Нимфъ равна,
Съ незлобіемъ сердецъ невинность ихъ явна:
Конечно божество они въ себѣ являютъ!

Но если смертныхъ мы въ дѣвицахъ сихъ зримъ:
Кто совершенство имъ, такое дать старался?
О Россы! лучь щедротъ не въ первый проліялся
Богини вашей къ вамъ. Почто дивитесь имъ?

Минерву зрите вы въ лицѣ ЕКАТЕРИНЫ:
Ей свойственно являть такія чудеса!
Подъ скипетромъ Ея нѣтъ дня, ниже часа,
Чтобъ къ новой радости не знали мы причины.

Я мню, что зря дѣвицъ прекрасныхъ, сей соборъ,
Какъ нѣкій новый родъ въ нихъ смертныхъ примѣчаемъ,
Отъ коихъ пользы мы только быти чаемъ,
Сколь услаждается ихъ видя нынѣ взоръ.

Какъ садъ присутствіемъ ихъ нынѣ украшался,
Такъ будетъ краситься вся Росская страна.
Предбудущая въ нихъ намъ польза ужъ видна:
Не тщетно каждой зря дѣвицъ сихъ восхищался!

Ихъ воспитаніемъ исправленны умы
Всѣхъ добродѣтелей примѣры намъ представятъ,
Сердца испорченны и нравы злыхъ исправятъ.
Сколь много должны въ нихъ ЕКАТЕРИНѢ мы!

Чемъ можетъ мы Тебѣ, Монархиня! воздать,
За всѣ къ намъ милости, Ты кои изливаешъ?

Вседневно болѣе сердца Ты всѣхъ плѣняешь.
Достойно Россы чтутъ въ Тебѣ премудру Мать!

А ты усердный сынъ преславныя державы!
Плоды твоихъ трудовъ мы съ радостію зримъ,
И съ восхищеніемъ тебя благодаримъ.
Достоинъ чести ты, любви похвалъ и славы.

XXXI.

Государь мой!

Получа предъ самымъ отъѣздомъ моимъ вторую часть третьяго тома записокъ Енциклопедическихъ, нашелъ я одну статью, которую не могъ читать безъ восхищенія. Но сіе же самое произвело во мнѣ и нѣкоторое угрызеніе. Возможно ли, что мы посреди своего отечества оставляемъ въ невѣдѣніи народъ о щедротахъ нашей Премудрой Государыни, между тѣмъ, какъ чужестранныя вѣдомости всѣ оными наполнены? Скорость моего отъѣзда препятствуетъ мнѣ пространно о семъ объяснить, но я не могъ видѣвъ сію статью, гдѣ новый опытъ милосердія ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА Великой нашей Государыни прославляется, пропустить чтобъ не перевести ее, и сей переводъ къ вамъ сообщаю прося васъ, дабы онъ былъ включенъ въ издаваемые вами листы.

Я имѣю честь быть, и проч.

Переводъ изъ записокъ Енциклопедическихъ второй части третьяго тома.

Пріѣзжающіе банкруты въ Англію и Голландію не безъ причины заставляли опасаться, что въ Петербургѣ воз-

чувствовали уже подрывъ извѣстной славной конторы. Въ самомъ дѣлѣ, одинъ Аглинскій купецъ, живущій въ семъ столичномъ городѣ, котораго товарищъ въ Лондонѣ претерпѣлъ отъ подрыву оной канторы, едва не былъ принужденъ отказаться отъ всякаго платежа по торгамъ своимъ. Сей Аглинскій купецъ имѣлъ на нѣкоторой знатной особѣ въ Россіи взыскать девяносто шесть тысячь рублей, но не получилъ оныхъ ради того, что помянутая особа имѣла искъ на коронѣ гораздо въ превосходной предъ симъ суммѣ. Между тѣмъ обстоятельства его требовали неминуемо денегъ. Въ такой крайности находясь осмѣлился онъ прибѣгнуть ко стопамъ ИМПЕРАТРИЦЫ, и просить Высочайшаго ЕЯ разсмотрѣнія. Хотя еще дѣло поминаемой особы не было рѣшено; но ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО удостовѣрена будучи, что коммерція есть одна изъ главнѣйшихъ подпоръ государства; и что оная требуетъ защищенія и вспомоществованія: благоволила тотчасъ выдать ему оные девяносто шесть тысячь. Сверьхъ сего ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО желая предупредить, чтобъ и другія купцы живущіе въ Петербургѣ и не имѣющіе таковыхъ способовъ, не были подвержены разоренію, соизволила приказать объявить всѣмъ имъ чрезъ г. Фридрихса банкера Санктпетербургскаго двора, что для предохраненія ихъ отъ подрыву опредѣляется милліонъ рублей; и что каждой можетъ изъ онаго брать, сколько кому будетъ потребно, съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ полагали нѣкоторое довольное удостовѣреніе на число заемныхъ денегъ, или иначе объявляли правительству справедливые и вѣрные щеты дѣламъ и долгамъ своимъ какъ настоящимъ такъ и про-

шедшимъ. Щедрота, каковую ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО оказать изволила въ семъ случаѣ; служитъ истиннымъ доказательствомъ тѣхъ чувствованій, кои она изъяснила въ писмѣ писанномъ въ Берлинскую Академію наукъ 1768 году. *Наука моя*, (такъ сказано Ею) *состоитъ въ прямомъ познаніи того; что всѣ люди суть братія; а жизнь моя препровождена будетъ такъ, чтобъ исполненіе дѣлъ соотвѣтствовало знанію сему.*

XXXII.

ОДА

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ

ЕКАТЕРИНѢ ВЕЛИКОЙ

ИМПЕРАТРИЦѢ и САМОДЕРЖИЦѢ

ВСЕРОССІЙСКОЙ.

Намѣстница всевышней власти
Въ владычествѣ земныхъ родовъ,
Обширнѣйшія свѣта части
Надежда, радость и покровъ:
Которой царствомъ благостыня,
Которая царствомъ Ирония,

Котору любитъ небеса.
Позволь сѣдящая въ Порфирѣ
Тебя воспѣти новой лирѣ,
Престоловъ честь, Царей краса!

Въ тотъ день, когда дала Ты радость
Россійскимъ истиннымъ сынамъ,
Едемскую лила какъ сладость
Тебя жадающимъ душамъ,
Въ тотъ день, на оронъ какъ Ты вступила,
Печальный сѣверъ укрѣпила,
Трепещущій отъ близкихъ бѣдъ:
Тебя и рощи восклицаютъ,
И холмы Арфами бряцаютъ,
Во мнѣль равно усердья нѣтъ?

О! Ты, котора прославляешъ
Подвижниковъ Иройской духъ!
Изъ тьмы временъ намъ проявляешъ
О нихъ, парящій, пышный слухъ:
Денницы крыльями блистая,
Вселенну Муса пролетая,
Царицы нашей чудеса
Возвысь, воскликни надъ звѣздами.
Ее ты болѣель дѣлами
Боговъ взнесла на небеса?

Корабль, какъ бурными вихрями
Отторженъ, верженъ отъ браговъ,
Въ пучинѣ, мечетъ межъ зыбями
Поверьхъ сѣдыхъ, крутыхъ валовъ:
Усердьемъ духъ мой восторженный

Шумитъ такъ, въ бездны протяженный,
Твоей Богиня похвалы . . .
Се храмъ Олимпа растворился,
И умъ блистаньемъ озарился,
Внимаетъ вѣтръ, земля, валы!

Въ жилищахъ горнихъ превысоко,
Зари превыше, грома, звѣздъ,
Не можетъ зрѣть, гдѣ бренно око,
Во свѣтѣ лучезарныхъ мѣстъ,
На вѣчномъ еронѣ на Еонѣ,
Тѣнистыхъ радугъ во порфирѣ,
Зарницъ въ вѣнцѣ, какъ Фебъ въ лучахъ
Сидитъ небесна дщерь сіяя,
Рукою мрани разсѣвая,
Въ пріятныхъ мнѣ речетъ словахъ:

«Возми ты хартію нетлѣнну
«И трость безвредну отъ огня,
«Потомкамъ въ память незабвенну
«Впиши, изобрази меня:
«Предай вѣкамъ мои глаголы,
«Наполни рвы, стремнины, долы
«Моимъ реченіемъ весь міръ,
«Вѣщай: Се истинна взываетъ!
«Твоей Царицы процвѣтаетъ,
«Котора краше изъ порфиръ?

«Который правитъ тако царство
«Во всей подсолнечной Монархъ?
«Который кротостью коварство
«Изкореняетъ Іерархъ?

«Кто любитъ тайно дать щедроту?
«Кто въ насъ къ наукамъ льетъ охоту?
«Нещастныхъ, сирыхъ кто щадитъ?
«Ведя войну, любя блаженство,
«Кто даетъ законы въ совершенство
«И будущимъ вѣкамъ радитъ?

Сіяющая въ вѣкъ планета:
Безъ померканія лучей,
Свѣтильникъ разума и свѣта
Не претыковенный путь стезей,
Я слышу устъ твоихъ вѣщанье,
Трое предвѣчно начертанье
Давно уже въ груди моей,
Давно горитъ духъ нѣть разженный;
Но гдѣ перо, скрижаль нетлѣнный;
Да твой глаголъ пишу я сей.

Не сокрушимый мраморъ вѣчный,
Гдѣ толь обширный діамантъ;
Да всѣ заслуги безконечны;
И злато, разума талантъ;
И небо, зракъ ЕКАТЕРИНЫ;
Чрезъ общія предѣлъ судьбины,
Я гдѣ, оставлю въ вѣкъ вѣковъ?
Изъ горъ воздвигну ль обелиски?
Души ея въ сравненье низки:
Она превыше облаковъ!

«Чего вселенна не вмѣщаетъ
«И весь въ себя пространный міръ,
«То правда въ вѣчность восхищаетъ,

«Струнами звучныхъ, громкихъ лиръ.
«Дѣла твоей Императрицы
«Уже времяни верхи деницы,
«И роковъ тлѣна всѣ черты,
«Такъ книгу время не изложитъ;
«Но въ ней хвалы еще размножитъ,
«Ея гдѣ имя впишешъ ты.

«Дерзай! и скромную ты лиру
«Свою начни устроевать:
«ЕКАТЕРИНА славя міру,
«О ней достойно воспѣвать.
«О ней и камни велегласно
«И вся подсолнечна согласно,
«И весь послушествуетъ міръ.
«Готовы громы ударяти,
«Что ты напишешъ повторяти,
«Земля, и воздухъ, и Еоиръ.

Изчезъ глаголъ, и свѣтъ затмился,
Сокрылся храмъ и божество.
Сіянья тонкій лучъ спустился,
На все молчаще естество.
Мой духъ въ веселье утопаетъ,
Что свыше силу почерпаетъ
И голосъ къ пѣнію бодритъ.
Внимай теперь, о ты вселенна!
Се Муса истинной вперенна,
ЕКАТЕРИНѢ пѣснь гласитъ.

Блаженная ЕЛИСАВЕТА,
Когда по общей всѣхъ судьбѣ

Лишалась временнаго свѣта,
Чтобъ вѣчной свѣтъ имѣть себѣ;
Какъ оронъ и царство покидала,
И наши души восхищала
До неприступныхъ мѣстъ съ собой;
То что за мысль она имѣла?
Она то напередъ узрѣла,
Что мы утѣшимся Тобой.

Но что Синай, въ огнѣ дымится
И мрачный пепелъ тмитъ зенитъ?
Ужасный страшный вихрь ярится,
Реветъ, шумитъ, крушитъ, валитъ;
И тучи въ тучи препираетъ;
И дубы съ корнемъ вырываетъ;
И черный воздухъ имя вьетъ:
Свирѣпа молнія стрѣлами
Бѣжитъ извившись небесами,
Разитъ, крушитъ, палитъ и жжетъ.

Склонилась твердь, умолкли бури,
Прохладный легкій вѣетъ духъ,
Въ янтарь и пурпуръ и лазури,
Одѣлись виды съ златомъ вдругъ:
Небесный свѣтъ вездѣ сіяетъ,
И духъ, и взоръ увеселяетъ,
И внутрь сердецъ отрады льетъ.
Кротчайшій, тихою стезею,
Сошелъ Зиждитель къ Моисею,
И свой ему завѣтъ даетъ.

Се образъ Вышняго прихода

Чтобъ людямъ дать своимъ законъ.
И также онаго восхода,
Какъ ты у насъ возшла на Тронъ!
Мы какъ МОНАРХИНЯ дрожали,
Намъ бездны мнится ужъ зіяли
И развивалась всюду мгла,
Доколь ты нами не царила!
Но ты всю полнощь озарила,
Какъ только скипетръ подняла!

Полуднемъ щастья освѣщенный,
Ты гдѣ тогда былъ градъ Петровъ?
Я мню, собою возхищенный,
Ты былъ превыше облаковъ,
И сверхъ блестящаго лазура
Отъ Бельта края, до Амура,
Пустилъ свой радостный всѣмъ гласъ:
Россія въ мигъ тебя внушила,
И въ жаркій поясъ сообщила,
Что полдень въ сѣверѣ у насъ.

Въ очахъ Европы удивленной,
Тогда сквозь бранныхъ, мрачныхъ тучь,
Сквозь грозы, мглы вокругъ стѣснённой,
Блеснувшій Петрополя лучь,
Когда вдругъ солнцемъ появился,
То воздухъ бездной звѣздъ покрылся
Во свѣтлыхъ Росскихъ городахъ:
Москва стояла тутъ луною
И зрѣла царства подъ пятою,
Красуясь дня село въ часахъ.

Моя такъ муза пролетаетъ
Полки, изъ внѣ добретъ твоихъ;
Но силъ вмѣстить не обрѣтаетъ
Души Твоей великость, въ стихъ.
Когда Ты церковь ограждала,
Россіи цѣлость утверждала
И шла Собой полсвѣта спасть:
Небесны силы приникали
И свыше въ радости взирали:
На будущую Россовъ часть!

Любовь къ Отечеству, къ Народу!
Ко вѣрѣ ревностнѣйшій жаръ!
За васъ когда бы Онѣпна воду,
Что весь объемлетъ земный шаръ,
Въ кровь нашу можно претворити
И въ плату должно было лити;
Малабъ цѣна сія была.
Въ великодушіи возвышенномъ,
Царица въ сердцѣ сокрушенномъ,
Противъ себя самой Ты шла!

Отколь въ Тебѣ сія твердыня
И что сердца Ты всѣхъ взяла:
Одна такъ въ свѣтѣ Ироиня
Творила ль божески дѣла?
Я самъ быть мнился Исполиномъ;
Орлямъ въ безстрашіи орлиномъ,
Въ рукахъ съ оружіемъ въ силѣхъ тѣхъ:
Такъ что за власть мнѣ духъ рождала,
И чья рука сопровождала?
То выше нежель человѣкъ!

Къ Тебѣ съ простертыми руками
Такъ Росской весь народъ бѣжалъ,
Тебя всѣ старцы съ юношами,
Всякъ полъ, всякъ чинъ узрѣть желалъ:
Избавь Ты насъ ЕКАТЕРИНА,
Избавь Себя, законъ и Сына,
Къ Тебѣ по стогнамъ несся гласъ!
Подъ рушащимися звѣздами,
Тронись Мать нашими слезами,
И въ Бога будь: спаси Ты насъ!

Но гласъ Всевидца надо мною
Гремитъ, и свой речетъ мнѣ судъ:
Она, и вы водимы мною;
Какъ воды мной сердца текутъ,
Въ предвѣчной я писалъ судбинѣ
Чтобъ царство дать ЕКАТЕРИНѢ,
И чтобъ погрязнулъ Фараонъ.
Я Ей десницу простираю,
И въ поздный вѣкъ благословляю
Какъ твердь, по Ней и ПАВЛОВЪ оронъ.

Одиннадцать днесь лѣтъ державы,
Иль паче, вышнихъ сихъ даровъ;
То столькожъ мы имѣемъ славы,
Блаженствъ, сколь не было часовъ:
И мигъ Богиня не проходитъ,
Торжествъ, иль благъ, что не приводитъ
Тобой, въ щастливу намъ страну.
Войной, щедротой успѣваешь,
И тамъ, и здѣсь Ты побѣждаешь,
Въ трехъ свѣтахъ вдругъ разишъ луну.

Чтожъ пѣснь Тебѣ принесть я смѣю,
И что горю еще къ хваламъ;
То столько твердости имѣю
Сам къ сказати небесамъ:
Не прежде [illegible] молнiи престанутъ
И громы страшные не грянутъ,
И буря мрачная пройдетъ,
И яры волны укротятся,
И зельны вѣтры утишатся?
Чемъ славы дѣлъ Твоихъ минетъ.

Конецъ вторыя части Живописца.

ПРИМѢЧАНІЯ

ПРИМѢЧАНІЯ.

КЪ I ЧАСТИ.

Приписаніе неизвѣстному г. сочинителю комедіи: О Время! (стр. 3).—Комедія эта въ лицѣ Ханжахиной, Чудихиной и Вѣстниковой осмѣиваетъ ханжество, суевѣріе, невѣжество, сплетни, скупость и др. пороки. Сюжетъ ея основанъ на любви Молокососова къ Христинѣ, внучкѣ Ханжахиной, и на препятствіяхъ, встрѣчаемыхъ при его сватовствѣ, устраняемыхъ наконецъ содѣйствіемъ Непустова. Комедія написана Екатериною II въ 1772 г., и тогда же была напечатана, вмѣстѣ съ двумя другими комедіями императрицы: ***Имянины г-жи Ворчалкиной*** и ***г-жа Вѣстникова съ семьею***. Г. Лонгиновъ, въ своей брошюрѣ: «Драматическія сочиненія Екатерины II» (М. 1857), считаетъ годомъ перваго изданія комедіи *О Время* 1772-й, а для двухъ остальныхъ принимаетъ 1774-й; этимъ-же указаніямъ слѣдуетъ и г. Геннади въ своей статьѣ: «Еще о драматическихъ сочиненіяхъ Екатерины II» (Библ. Зап. 1858 г. № 16). Но оба предположенія ошибочны, потому что годъ изданія всѣхъ трехъ комедій прямо указанъ въ объявленіи объ ихъ продажѣ: «Въ луговой Миліонной у переплетчика Миллера продаются новыя комедіи, сочиненныя въ Ярославлѣ: 1) *О Время*, въ трехъ; 2) *Имянины г-жи Ворчалкиной*, въ пяти; 3) *г-жа Вѣстникова съ семьею*, въ одномъ дѣйствіи. Всѣ три вмѣстѣ по 70 к.» (Спб. Вѣд. 1772 г., 13

ноября, № 91). Если бы комедія вышла ранѣе 1772 г., то ихъ не назвали бы *новыми*. *

Въ 3, 4 и 5 изд. Живописца въ «Приписаніи» есть небольшія измѣненія, отъ которыхъ положительныя хвалы двухъ первыхъ изданій переходятъ въ условныя: «перо ваше достойно *будетъ* равенства съ Мольеровымъ. Слѣдуйте *тому* его примѣру» (стр. 4, с. 9—10); а заключительныя слова: «впрочемъ для меня весьма лестно получить вашъ отвѣтъ»—совсѣмъ опущены.

«Приписаніе» перепечатано въ «Исторической Хрестоматіи» г. Галахова (1861 г., стр. 335—336).

Варіанты. *Стр. 4*—во 2 изд. *слѣдуйте мнѣ* (с. 9), въ 3, 4 и 5 изд. *пусть хотя* въ первый разъ (с. 21). *Стр. 5*—въ 3, 4 и 5 изд. въ *благородномъ* сердцѣ (с. 4), такая *ваша* слабость (с. 5), приписанію вамъ *сочиненія* подъ названіемъ (с. 16). *Стр. 8*—ib. *впрочемъ* я останусь (с. 3).

Вар. *Авторъ къ самому себѣ*. *Стр. 10*—въ 4 и 5 изд. въ нѣжной своей *свирѣли* (с. 9). *Стр. 11*—ib. оно *рѣдко существуетъ* въ природѣ (с. 5), завидныя *пастушескія* жизни (с. 7), *равно* какъ и сами (с. 19), да и въ художникѣ *еще* показываются (с. 24). *Стр. 12*—ib. славнѣйшихъ *Россійскихъ творцовъ* Труды (с. 2—3).

I. *Принявъ названіе живописца* (стр. 13).—Заставши крестьянъ работать безъ устали, *Художествительникъ* не отказался бы ихъ *аркибузировать* «въ силу военнаго устава», какъ говоритъ авторъ (стр. 17), ибо 50 артикулъ 5-й главы «о всякой салдатской работѣ» постановляетъ: «Никто изъ сал-

---

* Кстати замѣчу, что 1 изд. поэмы В. Майкова *Елисей*, отнесенное митрополитомъ Евгеніемъ къ 1770 г., а Сопиковымъ и Смирдинымъ къ 1775 г., вышло въ ноябрѣ 1771 г., ибо въ это время о поэмѣ объявлено, какъ о „вновь напечатанной книгѣ" (Спб. Вѣд. 1771 г. № 93).

дать да не дерзаетъ противітіся исправлять оное надлежащімъ образомъ, что ему къ его величества и воіска службѣ и прібытку, ілі работаніемъ въ крѣпостяхъ въ лагарахъ, на караблях, или гдѣ нібудь пріказано будетъ. а кто явно въ томъ противітіся будетъ, оный имѣетъ быть, яко преслушнікъ аркебузірованъ»; а въ другихъ мѣстахъ «устава» это выраженіе поясняется такъ: «имѣетъ жівота лішенъ быть аркебузірованъ (разстрѣлянъ).» См. Артікулъ воінскім купно съ процессомъ надлежащіи судящімъ. Напечатася повелѣніемъ царскаго величества въ санктъпітербурхѣ. Лѣта Господня 1715 Апрѣля 26 дня.

Модное слово *махаться* (стр. 22) означало волочиться, а отсюда *маханье*—волокитство (стр. 62 и 65).

На стр. 23 приведены модныя названія дней недѣли: *старинькой* — понедѣльникъ и т. д. по порядку. Въ то время и пальцы носили также особыя имена. Въ сатирическомъ листкѣ 1769 г. «И то и се» (недѣля 17) говорится, что щеголи:

Сердечки изъ тафты желѣзомъ выбиваютъ
И наклеивъ на перстъ для моды прилѣпляютъ,
Который въ старину именовался *врачъ*.

Вар. *Стр. 15*—правая руки *моя* здорова (с. 8)—слова *моя* въ 1 и 2 изд. не было; „я говорю чертить.... безъ правилъ“ (с. 9—19)—въ 1, 2 и 3 изданіяхъ не было. *Стр. 13*—въ 4 и 5 изд. всѣ *науки* безполезны. А о словесныхъ и говорить нечего (с. 27 — 28). *Стр. 16*—въ 2 и 3 изд. *Мартомъ* (с. 12). *Стр. 17*—во 2—5 столь *достойнаго* сына (с. 3—4). *Стр. 19*—во 2 изд. всѣ наши *щеголихи* (с. 15), но далѣе слово *мужеской* (с. 16) оставлено и только съ 3 изд. замѣнено словомъ: *женскій*. *Стр. 20*—„годится хоть въ трагедію“ (с. 24) въ 1 изд. не было. *Стр. 22*—въ 3, 4 и 5 изд. *слова: я не въ своей сижу тарелкѣ* меня въ такомъ случаѣ *извинятъ* (с. 13—15).

II. *Отрывокъ путешествія въ *** И. Т.* (стр. 25).—Статью эту приписывали самому Новикову (какъ *И*здателю *Т*рутня), И.

П. Тургеневу и А. Н. Радищеву, считая ее въ послѣднемъ случаѣ за черновой набросокъ одной изъ главъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». Послѣднее предположеніе опровергается разсказомъ самого Радищева въ письмахъ къ С. И. Шешковскому. Онъ говоритъ, что до женитьбы (1775) опыты письма его «всегда обращалися на нѣжные предметы», но что послѣ женитьбы онъ «то все любовное вранье оставилъ». Поводомъ къ сочиненію «*Путешествія*» Радищевъ указываетъ чтеніе «Исторіи о Индіяхъ Реналя» и «Путешествія Іорика», присовокупляя, что первую началъ читать въ 1780—1781 г., но за дѣлами и за смертью жены (1783) оставилъ чтеніе. «Не прежде какъ въ 1785 г., я паки началъ упражняться въ чтеніи и недочтеннаго Реналя окончилъ; для упражненія въ слогѣ я въ сіе время началъ повѣсть о проданныхъ съ публичнаго торга. Въ слѣдующій годъ, читая Гердера, я началъ повѣсть Систербецкую, но все не было докончено. А какъ случилось мнѣ читать переводъ нѣмецкій Іорикова Путешествія, то и мнѣ на мысль пришло ему послѣдовать;... книга.... готова была въ исходѣ 1788 г., въ цензурѣ была въ 1789 г., начата печатью въ началѣ генваря 1790 г.»—Приведу, къ слову, любопытныя для библіографовъ указанія. Черновая рукопись была писана самимъ Радищевымъ; набѣло переписана таможеннымъ надзирателемъ Царевскимъ; въ цензуру къ Оберъ-полиціймейстеру Никитѣ Ивановичу Рылѣеву, не объявляя имени автора, носилъ ее досмотрщикъ Мейснеръ; печатана на собственномъ станкѣ Радищева, купленномъ у типографщика Шнора; набиралъ надсмотрщикъ Богомоловъ; тискали люди Радищева; отпечатано не болѣе 640 или 650 экз.; въ продажу отдано купцу Зотову 25 экз. (Сопиковъ ошибочно показываетъ до 50); подарено: 2 экз. Козадавлеву (въ томъ числѣ одинъ для Державина), 1 прапорщику Дарагану, 1 рот-

министру Алсуфьеву и 1 иностранцу Вицману. Послѣ арестованія Зотова и допросовъ Мейснеру, Радищевъ всѣ остававшіеся экземпляры книги, макулатуру, поправки и черновые листы велѣлъ сжечь. «Послѣ цензуры перемѣнялъ онъ нѣкоторыя только рѣченія, а въ другихъ мѣстахъ и листы, въ которыхъ однакожъ важности не заключалось.» Прибавки сдѣланы «въ статьяхъ: *Спасская Полисть*, въ *разговоры присяжнаго*, въ статью *Подберезья*..., въ статьѣ *Торжокъ* прибавлено окончаніе о цензурѣ и древнія о ней учрежденія, въ статьѣ *Черная Грязь* не помѣщенъ конецъ а на мѣсто того *Слово о Ломоносовѣ* за цензурою.» Прежде этой книги, на своемъ же станкѣ, Радищевъ напечаталъ брошюрку: «Письмо. Къ другу жительствующему въ Тобольскѣ. По долгу званія своего. Съ дозволенія Управы Благочинія. Въ Санктпетербургѣ 1790.» (въ 12 д. л., стр. 14). Это—письмо объ открытіи памятника Петру Великому (работы Фальконета); помѣта надъ нимъ: «Санктпетербургъ 8 августа 1782-го года». Книжечка эта у Сопикова показана подъ № 13048, а у Смирдина подъ № 6370. *

На стр. 25 встрѣчается слово *одонье*. Оно по «Акаде-

---

* О Радищевѣ (1749 — 1802) см. Слов. Дост. Люд. БантышъКамен. М. 1836, ч. 4; Вчера и Сегодня, альманахъ, Спб. 1845, ч. 1, стр. 63; Слов. Св. Пис. м. Евгенія. М. 1845, ч. 2; Замѣтки г. Лонгинова въ Совр. 1856 г. № 8 и въ Библ. Зап. 1859 г. № 17; А. Радищевъ, А. С. Пушкина, изд. 1859 г., т. 5 (с. 396 и 409) и Прилож. (с. 130), Предисловіе ко 2 изд. „Путешествія“ (Л. 1858), Современныя изв. о Радищевѣ, кн. Голицына (Библ. Зап. 1858 г. № 23), А. Н. Радищевъ—П. А. Радищева въ Русск. Вѣст. 1858 г. № 23, Замѣтки Е. И. Якушкина (Библ. Зап. 1859 г. № 5 и 6), Записки Храповицкаго (Библ. Зап. 1859 г. № 19 и „Чтенія въ О. Ист.“ 1862 г. кн. 2), А. Н. Радищевъ въ Иллюстраціи 1861 г. № 159, и Прошеніе Радищева императору Александру I, въ „Чтеніяхъ“ 1862 г. кн. 4.

ническому Словарю» (1794 г., ч. 4) значитъ: «кладь снопов немолоченаго хлѣба на подобіе сѣннаго стога на столбахъ и помостахъ, но гораздо менѣе скирды». Въ «Опытѣ Обл. Великор. Слов.» (1858) и въ «Опытѣ терминологич. Слов.» (1844) *одонье* названо просто скирдою.

Вар. *Стр. 26*—„ко ближнему" (с. 5)—въ 3, 4 и 5 изд. пропущено. *Стр. 29* во 2—5 изд. *боярин* и *боярина* вм. баринъ и барина (с. 6 и 13). *Стр. 30* — въ 3, 4 и 5 изд. заражены были *французским народомъ* (с. 12).

III. Вѣдомости въ С.Пбрѣ. — *Изъ Москвы* (стр. 33) вначалѣ говорится *о чумѣ*, свирѣпствовавшей въ Москвѣ съ весны 1771 г. и прекратившейся въ январѣ 1772 г. (см. прим. къ ст. XXVII).

Изъ Ярославля (стр. 34). Въ этомъ извѣстіи говорится о трехъ комедіяхъ Екатерины II: 1) *Имянины г-жи Варчалкиной* комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Сочинена въ Ярославлѣ. Печатана въ Санктпетербургѣ. (8), стр. 2 нен. и 137; 2) *Госпожа Вѣстникова съ семьею* комедія въ одномъ дѣйствіи. Сочинена въ Ярославлѣ. Печатана въ Санктпетербургѣ. (8), стр. 49; 3) *О Время!* комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочинена въ Ярославлѣ во время чумы. 1772 г. Печатана въ Санктпетербургѣ. (8), стр. 79. Всѣ онѣ перепечатаны во 2 т. соч. императр. Екатерины II (изд. Смирд. 1849) и въ свое время считались образцовыми, такъ что Державинъ ставилъ въ особенную заслугу Фелицѣ, что она «комедьи пишетъ, чиститъ нравы». Г. Галаховъ указываетъ еще двѣ ярославскія комедіи, о которыхъ я не могу сообщить точныхъ библіографическихъ указаній: 1) *Невѣста невидимка*, ком. въ 1 д., сочинена въ Ярославлѣ въ 1772 г. (нап. въ XII ч. Росс. Ѳеатра) и 2) *Передняя знатнаго барина*, ком. въ 1 д. Сочинена въ Ярославлѣ въ 1772 г. (нап. въ XI ч. Росс. Ѳеатра). См. Ист. Русск. Слов. 1863 г. (стр. 444).

О годѣ изданія трехъ первыхъ комедій сказано выше, что-же касается до комѣты: «сочинена въ Ярославлѣ», то ее надо считать литературною мистификаціею, потому что въ Ярославлѣ императрица была только въ 1763 г. съ 25 по 28 мая и въ 1767 г. съ 9 по 13 мая, а въ 1771 и 1772 г. вовсе не выѣзжала изъ Петербурга. (Ист. губ. гор. Ярославля прот. І. Троицкаго. Яросл. 1853 и Яросл. Лит. Сбор. 1850, ч. 2).

Извѣстія. «Будущаго іюня»—перепечатано въ уличномъ листкѣ: *Мужичекъ* (1862).

Вар. *Стр. 32—33*—во 2 изд. благодаря *наше самолюбіе*, въ 3, 4 и 5: благодаря *нашему самолюбію* (с. 1). *Стр. 35*—во 2—5 изд. и *портретахъ* (с. посл.). *Стр. 36*—въ 3, 4 и 5: послѣдняя строка не перепечатана.

IV. *Письмо къ г. Живописцу* (стр. 37).—Это письмо имп. Екатерины II, напечатанное въ 1, 2 и 6 изд., не вошло въ 3, 4 и 5 и въ смирдинское собраніе сочиненій императрицы (1849). Оно было перепечатано въ статьѣ г. Геннади (Библ. Зап. 1858 г. № 16), въ «Сатирическихъ журналахъ» г. Аѳанасьева (1858) и въ «Исторической Христоматіи» г. Галахова (1861). Н. М. Карамзинъ, въ запискѣ о семействѣ Новикова, утверждаетъ, въ Живописцѣ «напечатаны *нѣкоторыя* произведенія пера императрицы» (Рус. В. 1857 г. № 21), но какія это произведенія—неизвѣстно.—Въ письмѣ своемъ подъ «собственною семьею» (стр. 36) императрица подразумѣвала Россію, а упоминаемые ею *Фирлюфюшковъ* и *Геркуловъ* (стр. 37) — дѣйствующія лица ея комедіи «Именины Ворчалкиной». Первый пустой и легкомысленный франтъ, выросшій подъ вліяніемъ поверхностнаго французскаго образованія. Геркуловъ бьетъ его палкою за неплатежъ долга.

VI. *Прочитавъ твои листки* (стр. 43). Въ первомъ изданіи фраза на стр. 43 обрывалась на словѣ: *прем*... (с. 19); во 2 изданіи она докончена.

VII. *Письмо о пользѣ наукъ Поповскаго къ Шувалову* (стр. 45). Николай Никитичъ Поповскій (1730—1760), проф. Элоквенціи въ Моск. Унив., получилъ образованіе въ духовныхъ училищахъ и докончилъ его въ Ак. Наукъ. *Изъ сочиненій* его извѣстны: Зима эклога, Ода на восшествіе на престолъ имп. Елизаветы (1754); Рѣчи: о пользѣ учрежденія Моск. Унив. (1755) и на день коронованія имп. Елизаветы (1756); и Письмо къ Шувалову о пользѣ наукъ (1756); *изъ переводовъ*: Опытъ о человѣкѣ, Попе (1757); О воспитаніи дѣтей Локка (1759), Оды Горацієвы съ письмомъ о стихотворствѣ и два перевода съ франц. о добродѣтели и человѣкѣ (въ Полезн. Увес. Хераскова. 1760). Сдѣланный имъ въ 1754 г. переводъ «Опыта о человѣкѣ» сначала не былъ пропущенъ духовною цензурою и только по ходатайству И. И. Шувалова (1727 — 1798) Преосвященный Амвросій Зертисъ-Каменскій (1708—1771) разрѣшилъ печатаніе, исправивъ однако «сумнительныя» мѣста, которыя и были отпечатаны нарочито-крупнымъ шрифтомъ. Фонъ-Визинъ, въ своемъ «Чистосердечномъ Признаніи» (соч. его. 1852, с. 536—537), приводитъ слова Г. Н. Теплова (1725—1779), сказанныя по этому случаю: «попы стали переправлять переводъ его, и множество стиховъ исковеркали; а дабы читатель не почелъ ихъ стиховъ за переводчиковы, то напечатали они ихъ нарочно крупными буквами, какъ будто-бы читатель самъ не могъ различить стиховъ поповскихъ отъ стиховъ Поповскаго». Письмо къ Шувалову напечатано въ 1, 2 и 6 изд. Живописца, безъ измѣненій, только во 2 изд., въ заголовкѣ, поставлено: его *высоко*превосходительству И.

И. Шувалову.—Потомъ отрывокъ изъ него былъ перепечатанъ въ «Исторической Христоматіи» г. Галахова (стр. 323—325). *

VIII. *Mon coeur Живописецъ!* (стр. 53).—Щеголиха сердится на комедію *Именины Ворчалкиной* (с. 53), потому что въ ней выведена тоже «щеголиха» Олимпіада, одна изъ дочерей Ворчалкиной; другая же Христина—«словоохотна и благодушна», и объ устройствѣ ея брака съ нѣкоимъ Таларикинымъ хлопочетъ добродѣтельный *Дремовъ* (упоминается на стр. 54). Подъ «*первою комедіею*» (стр. 54), которая нравится щеголихѣ, подразумѣвается «О Время!»

Вар. *Стр. 55*—во 2 изд. „ты *за ето* много *одолженъ* мнѣ", а въ 3, 4 и 5: „ты *въ нихъ многое взялъ на* мнѣ" (ст. 11). *Стр. 54*—во 2—5 изд. суди, *mon coeur*, по этому (с. 2 снизу). *Стр. 55*—въ 3, 4 и 5 изд. это *mon coeur*, гадко (с. 11); во 2—5 изд. одно средство *взять обморокъ*. Тогда *скачетъ* онъ (с. 21, 22); *Стр. 56* — въ 3, 4 и 5: прости, *mon coeur* (с. 3), услужи, *фреринька* мнѣ (с. 4), напечатай ихъ *деташированною* книжкою (с. 5).

X. *Опытъ моднаго словаря* (стр. 59). Повидимому г. Мельниковъ въ своихъ «Бабушкиныхъ Росказняхъ» (Современникъ) много пользовался этимъ словаремъ.

Вар. *Стр. 60*—въ 3, 4 и 5 изд. и подъ вѣнцомъ стоя *рыдали* (с. 2). *Стр. 62*—ib. перестань *мущина* (с. 2), въ 4 и 5 изд. но благодаря *наше скоростѣлое просвѣщеніе*, мы (с. 5 снизу). *Стр. 65*—въ 5 изд. почтеннымъ щеголихамъ (с. 13—14).

---

* О Поповскомъ см. Сл. Св. Пис. м. Евгенія 1845, ч. 2; Біогр. сл. проф. М. Унив. 1855, ч. 2; Обз. Дух. Лит. арх. Филарета 1861, ч. 2; ст. г. Пекарскаго въ Библ. Зап. 1858, № 16 и Ист. Хр. г. Галахова 1861, стр. 325. О Тепловѣ—Сл. Св. Пис. 1845, ч. 2.

XI и XII. *Письма г-жи М. С.* (стр. 66). Кажется эта г-жа М. С. участвовала впослѣдствіи въ «Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго Слова» (1783—1784), въ которомъ встрѣчается такая-же подпись въ V и IX частяхъ, обозначающая *М. В. Сушкову*, родную сестру Статсъ-Секретаря Екатерины II — А. В. Храповицкаго (1749—1801). *

Вар. *Стр. 68*—въ 4 и 5 изд. желаніемъ *къ исполненію мерзости* дѣламъ (с. 5); въ 3, 4 и 5 изд. сіи единыя чудовища, обезображивающія совершенства человѣческія (с. 6—7). *Стр. 69*—въ 4 и 5 изд. дерзкаго живописца сплетни (с. 19). *Стр. 70*—въ 1 изд. было: не слѣдуетъ всему (14—15). *Стр. 72*—замѣтка издателя въ 2—5 изд. напечатана вслѣдъ за письмомъ Р. Г. (XIII).

XVI. *Письмо Доминика Діодати о полученіи Наказа* (стр. 73). Археологъ Доминикъ Діодати (1736—1801) родился и умеръ въ Неаполѣ. Изъ сочиненій его особенной извѣстностью пользовались 1) «De Christo Graece loquente exercitatio, qua ostenditur graecam linguam cum judaeis tum ipsi Christo et apostolis nativam ac vernaculam fuisse» (1767) и «Illustrazioni delle monete nominate nelle nostre constituzioni» (1778). Эти книги изданы въ Неаполѣ и тамъ же въ 1815 г. вышло его жизнеописаніе. Есть предположеніе, что изданіе *Наказа*, напечатанное на 4 языкахъ (на латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ), ** было послано къ Діодати по приказанію самой императрицы.

---

* М. В. Сушкова перевела также повѣсть Мармонтеля „Инки или разрушеніе Перуанской имперіи“ (2 ч. М. 1778) и драму Мерсье „Бѣглецъ“ (М. 1784). См. Современн. 1856 № 8 и 9 и 1857 № 5, статьи Н. А. Добролюбова (отд. II, стр. 83 и 57) и М. Н. Лонгинова (отд. V, стр. 70).

** Это 4-е изд. вышло въ 1770 г.—Объ изданіяхъ *Наказа* см. „Библіографическіе отрывки“ въ Отеч. Зап. 1854 г. № 10 и статью М. Дмитріева въ Библ. Зап. 1858 г. № 4.

Вар. *Ст. XVIII. Стр. 79*—въ 3, 4 и 5 изд. *съ вашимъ листомъ* (с. 17). *Стр. 84* — ib. прибавлено—*честь и*, а въ 1 и 2 было: забывать человѣчество (с. 15—16). *Стр. 82*—въ 3, 4 и 5 изд. *потому только, что они Русскіе* (с. 20—21), *тотъ вашъ листокъ* (с. 24), *ибо въ Англіи Дворяне* критикуются (с. 25). *Стр. 83* — слово: „путешествія“ (с. 1) въ 3, 4 и 5 изд. пропущено; во 2 изд.—подъ названіемъ *Англійской прогулки* (с. 3).

Ст. XIX. Стр. 84 — во 2 — 5 изд. мои *воображенія* (с. 22), вм. фантазіи.

XX. *Продолженіе путешествія въ *** И. Т.* (стр. 85). Въ 3, 4 и 5 изд. оба отрывка соединены въ одинъ (стр. 25 и 85) и вконцѣ прибавлено было въ 3 изданіи: *Продолженіе сего путешествія напечатано будетъ при четвертомъ изданіи сея книги*, а въ 4 и 5 сказано: при *новомъ* изданіи. Вслѣдъ за этой добавкой въ этихъ трехъ изданіяхъ помѣщена замѣтка издателя, слѣдовавшая въ 1 и 2 изданіяхъ за первымъ отрывкомъ (с. 30). Весь отрывокъ былъ перепечатанъ въ *Московскомъ Собесѣдникѣ* 1806 г. (сентябрь, с. 164—175), съ присоединеніемъ почти всей статьи: «Англійская прогулка» (с. 79). Всѣ подстрочныя примѣчанія не перепечатаны, а въ текстѣ сдѣланы довольно безграмотныя исправленія. Взаключеніе сказано, что «сіе сатирическое сочиненіе взято изъ еженедѣльныхъ Живописцовыхъ листовъ». Окончаніе «Отрывка путешествія» и начало «Англійской прогулки» соединены между собою такимъ образомъ: «На другой день, поговоря съ хозяиномъ, я отправился въ путь съ крайнимъ сожалѣніемъ и содраганіемъ о участи сихъ бѣдныхъ Тварей, и съ великимъ негодованіемъ во зло употребляющие власть свою господство. Кто не согласится, что есть дворяне, подобные здѣсь описанному»... и пр.

Вар. *Стр. 86*—въ 3, 4 и 5 изд. *живо* (с. 1 снизу), вм. живо. *Стр. 87* — ib. вы и *после* уберетесь (с. 8); хлѣбать

нашъ и *пропадаетъ* (с. 11); во 2—5 изд. что и они *въ праздничные дни по пустому шатаются* (с. 22).

XXII. *Письмо къ гр. П. А. Брюсъ* (стр. 89). Статсъ-дама и любимица Екатерины II графиня Прасковья Александровна Брюсъ (р. 7 окт. 1729, ум. 7 апр. 1786), родная сестра фельдмаршала гр. П. А. Румянцова-Задунайскаго, была въ замужствѣ за гр. Яковомъ Александровичемъ Брюсомъ (1742—1791), который съ 1784 по 1786 г. былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ. Статсъ-дамою она была пожалована 21 апрѣля 1773 г. * Авторъ «Пансалвина» (М. 1809) называетъ ее г-жею Шпадиль («Князь Тьмы», А. Н. Асанасьева, въ Моск. Вѣд. 1860 г. № 48).

XXIV. *Письмо уѣзднаго дворянина къ его сыну*. Всѣ письма родственниковъ Ѳалалея (стр. 91, 140, 145, 148 и 189) составляютъ лучшее украшеніе Живописца. По слогу они и теперь еще не устарѣли, а излагаемый въ нихъ нравственный кодексъ еще на нашей памяти имѣлъ значительное примѣненіе, да многіе его пункты сохранились и теперь нерушимо въ разныхъ темныхъ углахъ; еще и теперь живетъ взяточничество, не смотря на всевозможныя обличенія. Кстати замѣчу, что выраженіе *отнести барашка въ бумажкѣ* (стр. 93) въ сатирическомъ листкѣ 1770 г. «Барышекъ Всякія Всячины» поясняется такъ: «Подьячіи... со всѣхъ берутъ деньги, и съ правыхъ и съ виноватыхъ. Деньги, кои имъ даютъ, обвертываютъ бумагою благопристойности ради... А чтобъ не столь выговоръ, тягостенъ показался ушамъ челобитчиковымъ, ежели подъячій потребуетъ у него денегъ, то выдумали они сіе слово: принеси мнѣ барашка въ бумажкѣ.» (Барышекъ, стр. 144).

* См. „Списки замѣчат. лицъ русскихъ“ въ „Чтеніяхъ“ 1860, кн. 1, и „Дворъ и зам. люди“ Вейденмейера, Спб. 1846.

Письмо это перепечатано въ *Московскомъ Собесѣдникѣ* 1806 г. (мартъ, с. 175—182), безъ подстрочныхъ примѣчаній и съ произвольными перемѣнами, т. напр. является деревня *Ѳедора* Григорьевича Орлова (1741 — 1796), вм. Григорья (1734—1783). Источникъ заимствованія статьи не указанъ. Его не указалъ и издатель *Мужичка* (1862), перепечатавшій это письмо съ странными приспособленіями къ современности (напр. къ освобожденію крестьянъ), причемъ недоглядѣлъ, что гр. Григорій Орловъ умеръ 80 лѣтъ тому назадъ и въ примѣръ теперь идти не можетъ, какъ это было въ Живописцѣ 1772 г., когда гр. Орловъ еще былъ живъ.

Вар. Письмо это въ 1 изд. напечатано съ пропусками, которые пополнены долею во 2, а долею въ 3 изд. *Стр. 81*— во 2 — 5 изд. *каменникъ* (с. 3 снизу). *Стр. 92* — въ 1 изд. было: до Бога доходна.... (с. 9); во 2 — 5 изд. что и своего вина (с. 14); въ старину то *побольше было намъ* вольности (с. 24—25). *Стр. 93* — lb. *хлѣбать мы и Русской* ѣдимъ (с. 6); въ 3 изд. добавлены слова „*не погуби себя*“ (с. 2 снизу), которыхъ въ 1 и 2 не было. *Стр. 94*—во 2—5 изд. добавлено: *это имъ пуще пересола* (с. 5) и *нынѣче же это ремесло не въ модѣ: скорѣе въ Воеводы добьешься; нежели во—Да полное это не наше дѣло* (с. посл.), слова *во* не было во 2 изд. *Стр. 95*—въ 1 изд. было „вить не всѣмъ старцамъ въ игумнахъ быть. Да на што“ и пр. (с. 6 — 10), во 2 пропускъ пополненъ, а въ 3 замѣненъ такъ: „И во святомъ писаніи сказано: *Работайте Господеви со страхомъ, и радуйтеся ему съ трепетомъ. Пріимите наказаніе, да не когда прогнѣвается Господь; егда возгорится вскорѣ ярость его*“. Далѣе въ 1 изд. было: *поступали* (с. 23). *Стр. 96* — въ 1 изд. было: „ну а ему што отъ этова прибыли“ (с. 2), въ слѣдующихъ: „ну а ты разсуди самъ какая ему отъ этого прибыль“; у меня въ текстѣ 7 изд. вкралась ошибка противъ перваго. Далѣе въ 1 изд. было: „какъ сыръ въ маслѣ катались. А нынѣшніе“ и пр.

XXV. *Я имѣю у себя родственника* (стр. 97). — Ска-

вучанское сраженіе, о которомъ упоминается въ этомъ и слѣдующемъ письмѣ, происходило 28 августа 1739 г. Въ этотъ день гр. Минихъ (1683—1767), близъ мѣстечка Ставучаны (въ Бессарабіи), съ 60-тысячною арміею, разбилъ Сераскира Вели-Пашу, у котораго было 90-тысячное войско. Воспоминаніе о «Ставучанской баталіи» при Новиковѣ, вѣроятно, уже имѣло тотъ значеніе, какое для двадцатыхъ годовъ «времена очаковскія» Грибоѣдова.

Вар. *Стр. 98*—въ 3, 4 и 5 изд. „письмо къ племяннику" (с. 17), а цифра отброшена; ib: вступая въ *оный не воспользуетъ тебѣ* свѣденіе (с. посл.).

XXVII. *Письмо къ гр. Григорью Григорьевичу Орлову* (стр. 101). Чума проникла въ Россію изъ Молдавіи въ декабрѣ 1770 г., а весною 1771 г. появилась въ Москвѣ. Главнокомандующій гр. П. С. Салтыковъ (1700—1772), герой семилѣтней войны, уѣхалъ въ подмосковную деревню Марино и управленіе городомъ принялъ проживавшій тамъ ген. поручикъ П. Д. Еропкинъ (1723—1805). Лѣтомъ умирало до 400 чел. въ сутки. Въ это время на Варварскихъ воротахъ явилась чудотворная икона. Народъ стекался туда толпами, такъ что это содѣйствовало еще сильнѣйшему распространенію заразы. Архіепископъ Амвросій велѣлъ снять икону и былъ за это убитъ въ народномъ мятежѣ (16 сентября); бунтъ однако вскорѣ былъ прекращенъ Еропкинымъ. Въ это время звѣзда графа Г. Г. Орлова (съ 1773 г. князь Римской имперіи), ярко свѣтившая съ 1762 г., начала закатываться. Недоброжелателямъ графа удалось отправить его въ Москву, куда онъ и прибылъ въ концѣ сентября. Въ октябрѣ смертность значительно уменьшилась, а въ январѣ 1772 уже было объявлено о прекращеніи чумы. По возвращеніи гр. Орлова императрица приказала выбить въ честь его золотую медаль съ его портретомъ и съ изоб-

раженіемъ Курція, бросающагося въ пропасть; на этой сторонѣ медали сдѣлана надпись: «*И Россія таковыхъ сыновъ имѣетъ*». Кромѣ того по приказанію императрицы воздвигнуты были въ Царскомъ Селѣ *мраморныя ворота* на дорогѣ изъ Гатчины, которая еще прежде вмѣстѣ съ Ропшею была пожалована графу. Съ гатчинской стороны на воротахъ было надписано: «*Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва*»; а съ другой стороны подробно означены его услуги, оказанныя зачумленной Москвѣ. * Черезъ эти же ворота, въ 1789 г., былъ тріумфальный въѣздъ кн. Потемкина (1739—1791), возвращавшагося изъ Молдавіи.

Вар. *Стр. 102* — измѣнено во 2 изд. только одно слово: *желаніемъ* (с. 5) вм. повиновеніемъ.

Ст. XXIX Стр. 106—во 2 изд. „сколько же онъ *тщетна* мнѣ и другимъ? *По сему* и принялъ“ (с. 1—2).

XXXIII. *Слѣдствія худаго воспитанія* (стр. 109) перепеч. въ *Московскомъ Собесѣдникѣ* 1806 г. (декабрь, с. 456—460), безъ указанія источника.

Вар. *Стр. 110* — во 2 — 5 изд. *хотя и* они (с. 12). *Стр. 111*—іb. *различатъ* (с. 5) вм. *отличатъ*.

Ст. XXXIV. Стр. 113 — во 2 — 5 изд. знай, что мы не столько о мужьяхъ своихъ *думаемъ*, чтобы стали къ нимъ ревновать и только что *терпимъ* ихъ, а не *любимъ*—и какъ можно *столько* любить мужа (с. 14—17). *Стр. 114*—іb. *а* воспитаніе (с. 2).

XXXV. *Будучи всегдашнимъ читателемъ* (стр. 115). Въ 1 изд. былъ пропускъ, пополненный во 2: «Скупягина, лишася ложки, лишается и Ваньки» (с. 118, с. 12), но за то все напечатанное на стр. 120—121, со словъ: «Когда-бы такіе вздо-

* Пребываніе гр. Орлова въ Москвѣ воспѣли два стихотворца въ пышныхъ одахъ: Василій Петровъ и Василій Майковъ (см. соч. Петр. 1811 г. и соч. Майк. 1809 г.).

ры» до слов: «Ежели бы кофейницы», во 2 и слѣдующихъ изданіяхъ пропущено.

Вар. *Стр. 115* — во 2—5 изд. „*да и* добродѣтель *вещь не есть* модная“ (с. 14—15), въ 3 и 5 изд. нѣкіимъ *старинныхъ* (с. 10). *Стр. 119*—во 2—5 изд. *у такой ворожеи* (с. 21).

Ст. XXXVI. Стр. 125 — во 2 — 5 изд. покупаютъ *окны* (с. 23). *Стр. 126*—ib. въ *богатой* своей (с. 2 снизу).

XXXVII, XXXVIII и XXXIX (стр. 129, 130, 131). Въ этихъ трехъ письмахъ въ 1 изданіи было по одному пропуску.

Вар. *Стр. 129*—въ 1 и 2 изд. было *ежеседмичные* листы (с. 5); въ 1 изд. было: *пѣлница* вм. пѣвница (с. посл.). *Стр. 130*—въ 1 изд. было: „умножитися.... во обитель“ (с. 9); въ 3—5 изд. подъ письмомъ послѣ подписи Тарасія, вмѣсто означенія обители, поставлено три звѣздочки.

Стр. 130 въ 3 —5 изд. аще и *недостойну* (с. 4 снизу). *Стр. 131* — въ 1 изд. было: „и видѣ.... сѣмо поучаютъ (с. 6); въ 4 и 5 изд. удобѣе есть *вельблюду* (с. 15).

Стр. 133—въ 1 изд. было: „ежели вы впрочемъ и.... одкожъ“ (с. 3).

XLI и XLII. *Письма короля Фридриха и гр. Сольмса* (стр. 135, 136). Гр. Сольмсъ былъ въ то время Прусскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, а гр. Никита Ивановичъ Панинъ (1718—1783) исправлялъ должность Канцлера. Онъ только въ 1767 г. получилъ графское достоинство. Переводы обоихъ писемъ перепечатаны у г. Терещенко, въ «Опытѣ обозрѣнія жизни сановниковъ» (1837 г., ч. 2 с. 323—325), а отрывокъ изъ письма гр. Сольмса помѣщенъ въ «Запискахъ о жизни и службѣ А. И. Бибикова» (1817 г., с. 69). На стр. 138 упоминается *императрица королева*—Марія Терезія.

XLIII. *Надпись на положеніе флага* (с. 139). Стихотвореніе это принадлежитъ *Василью Григорьевичу Рубану*

(1739 — 1795). Рубанъ учился въ Кіевской и Московской Академіяхъ, а потомъ въ Моск. Унив.; служилъ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Въ свое время онъ считался однимъ изъ лучшихъ переводчиковъ и лирическихъ стихотворцевъ; преимущественно писалъ надписи къ портретамъ и воспѣвалъ дни рожденія, тезоименитства, пожалованія наградъ и т. п. Издалъ нѣсколько полезныхъ книгъ по русской исторіи и географіи; издавалъ журналы: «Ни то, ни се» (1769), «Трудолюбивый Муравей» (1771) и напечаталъ литературно-историческій сборникъ «Старина и Новизна» (1772—1773); онъ же издалъ «Любопытные Мѣсяцословы» на 1775, 1776 и 1778 г. *

Вотъ описанія торжества, воспѣтаго Рубаномъ. По приказанію императрицы, 29 августа 1772 г., въ Петропавловскомъ Соборѣ члены Св. Синода и епископы служили заупокойную обѣдню по убитымъ на войнѣ. Незадолго передъ тѣмъ гр. А. Г. Орловъ (1737—1808) прислалъ флаги и вымпелы, взятые у турокъ при Чесмѣ и Митиленѣ. Когда пріѣхала императрица, то эти трофеи, «опущенные съ своихъ флагштоковъ», были простерты на наперти къ стопамъ Ея Величества членами Адмиралтейской Коллегіи, флагманами и офицерами. По окончаніи обѣдни «первый флагъ галернаго главнаго командира, называемаго баштарта», на которомъ по арабски было написано: *Боже дай побѣду*, взятый въ 1772 г. при Митиленѣ, былъ поднесенъ императрицѣ вице-президентомъ Адмиралтейской Коллегіи гр. Чернышовымъ (Ив. Григ. 1725—1797), «и Ея Величество, принявъ оный, подойтить соизволила ко гробу Государя Императора Петра Великаго и повергнуть къ подножной части гроб-

---

* О Рубанѣ — Слов. Св. Пис. м. Евгенія 1845 г., ч. 2; Обоз. Дух. Лит. арх. Филарета 1861 г., ч. 2; Рус. Сат. журн. А. Аѳанасьева 1859 г.

ницы сего Великаго Своего предка въ Бозѣ почивающаго Монарха. Симъ дѣйствіемъ засвидѣтельствовать соизволилъ предъ всѣмъ отечествомъ, что долженствуетъ Ея Величество получаемыя столь совершенныя и славныя побѣды и на отдаленныхъ моряхъ, Государю Императору Петру Великому, яко первому основателю Россійскаго флота». (Спб. Вѣд. 1772 г. 4 сент. № 71).

XLV. *Сыну моему Ѳалалею* (стр. 140). Перепечатано въ *Московскомъ Собесѣдникѣ* 1806 г. (мартъ, с. 189—194) и въ *Исторической Хрестоматіи* г. Галахова 1861 г. (с. 337 — 339). Въ 4 послѣднихъ изданіяхъ есть небольшія добавки противъ 1-го. На стр. 141 говорится о военномъ времени—тогда была первая турецкая война.

Вар. *Стр. 141* — во 2—5 изд. „такъ ужъ бы я далъ себя знать (с. 11). *Стр. 142*—1b. и писать *зоразда* (с. 9). *Стр. 143*—въ 1 изд. было: „проказникъ съ молоду: таки бывало животики надорвешь“ (с. 3—5), „очень худа: я тово и жду“ (с. 18—19); „съ налеткою. Тебѣ, другъ мой“ (с. 22); во 2—5 изд. *наживать*, вм. нажить (с. 25).

XLVI. *На день рожденія В. К. Павла Петровича въ 1772 г.* (с. 145). Императоръ Павелъ I род. 20 сент. 1754 г., скончъ. 11 марта 1801 г. Стихотвореніе это было перепечатано отдѣльнымъ листкомъ (на 1 стр. въ 8 д. л.) съ подписью *В. Рубанъ*, но безъ означенія типографіи и года. У Сопикова эта перепечатка не указана. Стихи Рубана на день рожденія Великаго Князя, въ 1773 г., помѣщены въ его «Старинѣ и Новизнѣ» (ч. 2, стр. 211).

XLVII. Свѣтъ мой Ѳалалей Трифоновичъ (стр. 145). Перепечатано въ *Моск. Соб.* 1806 г. (мартъ, с. 197—199) и въ *Ист. Христ.* 1861 г. (с. 339—340).

Вар. *Стр. 146*—въ 1 изд. было: „не чужова будешь обманывать и всѣ дѣти“ (с. 18), во 2 изд. прибавлено: *своего роднаго*, а въ 3—5 изд. оставлено только *своего*. *Стр. 147*—въ въ 1 изд. было: „таковы же *были*“ (с. 6) и „дитя мое любезное, свѣтъ мой, умникъ“ (с. 16), а во 2—5 изд. добавлено: „дитя мое *умное, дитя разумное, дитя* любезное.

XLVIII. *Любезному племяннику* (стр. 148). Перепечатано въ *Моск. Соб.* 1806 г. (партъ, с. 203—211) и въ *Ист. Христ.* 1861 г. (с. 340—341). На стр. 148 упоминается икона Фарсульской Богородицы, иначе она называется *Корсунскою*; на стр. 149 слова *притоманно* и *наприкладъ* означаютъ *непремѣнно* и *напримѣръ*. Во 2—5 изд. письмо напечатано съ поправками и добавленіями.

Вар. *Стр. 148*—въ заголовкѣ слова: *при семъ* и *на множество лѣтъ отъ Адама и до сего дня* прибавлены съ 2 изд., а въ 1 ихъ не было; въ 1 было: „и *батюшка* твой“, вм. отецъ (с. 7), „черезъ мочь *говорила*“ (с. 13), „такъ нѣтъ на силу прибили (с. посл.), вм. *не опалитъ* со 2 изд. поставлено *не обожжетъ* (с. 20). *Стр. 149*—въ 1 изд. не было словъ: *грѣшное тѣло* (с. 11), *какъ свинью* (с. 18) и *какъ будто по любимой лошади* (с. 19); а во 2—5 изд. вм. „у насъ всегда такъ бываетъ“ чит. *у насъ такое повѣрье* (с. 15—16). *Стр. 150* — въ 1 было „ *три тысячи*“ (с. 5—6) и слово: *опредѣлились* пропущено (с. 11).

Ст. XLIX. Во 2 изд. *Стр. 152* — творенія *наши* (с. 1). *Стр. 153*—разумнаго *изъ* женскаго пола (с. 24). *Стр. 154*— и бережете *каждой* копѣйки (с. 2). *Стр. 155* — бываютъ *учены* (с. 20). *Стр. 156* — благороднаго *твоего* живописца (с. 11).

L. *Стихи Императрицѣ на пріобрѣтеніе Бѣлоруссіи* (стр. 157). По договору о первомъ раздѣлѣ Польши между Россіею, Австріею и Пруссіею, подписанномъ въ Петербургѣ 23 іюля 1772 г., къ Россіи присоединены отъ Рѣчи Посполитой Польской земли между Днѣпромъ, Западною

Двиною и Дручемъ, изъ которыхъ и образованы двѣ губерніи, составившія генералъ-губернаторство Бѣлорусское.—*Могилевъ* и *Шкловъ* (стр. 160) удостоились посѣщенія императрицы въ 1780 г. Въ *Могилевѣ* пріѣхалъ на свиданіе съ нею императоръ Іосифъ II и здѣсь императрица, въ честь августѣйшаго гостя, заложила церковь во имя св. Іосифа Обручника (императоръ же, по возвращеніи въ Вѣну, соорудилъ тамъ храмъ во имя св. Екатерины). Тогда же императрица дозволила тамъ учрежденіе Езуитской Семинаріи. Потомъ вмѣстѣ съ императоромъ она посѣтила генерала Зорича въ *Шкловѣ*, который еще въ 1778 г. пожаловала ему съ 13 т. душъ, при удаленіи его отъ двора.

LI. *На день коронованія императрицы, въ 1772 г.* (стр. 162). Стихотвореніе это написано *В. Рубаномъ*. Сопиковъ указываетъ отдѣльныя изданія обоихъ послѣднихъ стихотвореній—1772 г., въ 4 д. л. (№ 11521 и 11522), но въ Публичной Библіотекѣ я ихъ не нашелъ. Стихи на день коронованія, въ 1773 г., Рубанъ помѣстилъ въ «Старинѣ и Новизнѣ» (ч. 2, стр. 212).

КО 2 ЧАСТИ.

I. *Рѣчь епископа Анатолія императрицѣ* (стр. 165). Во всей русской іерархіи, со временъ Петра I, встрѣчаются только три *Анатолія*, но или по сану своему или по времени ни одинъ не можетъ быть признанъ за лицо тождественное съ произносившимъ рѣчь. Можетъ быть у Новикова вкралась странная опечатка и вмѣсто Анатолія слѣдовало бы поставить *Антонія*. Предположеніе это основываю на томъ, что епископъ Антоній былъ лично извѣстенъ императрицѣ, которая даже сама приказала напечатать его «слова» на от-

крытіе Казанскаго Намѣстничества. Съ другой стороны, тотъ же Антоній находился въ личныхъ сношеніяхъ съ Новиковымъ, которому сообщилъ самъ двѣ свои статьи для *Вивліоѳики*: «Лѣтописецъ Двинской» и «Кратчайшія о Нижнемъ Новгородѣ извѣстія» (Вивл. 1791, ч. 18). Этотъ *Антоній* (Зыбѣлинъ) воспитывался въ Московской Академіи и съ 1765 г. былъ въ ней ректоромъ, съ 1770 г. былъ епископомъ архангелогородскимъ, съ 1773 г. нижегородскимъ, а съ 1782 г. архіепископомъ казанскимъ. Въ 1785 г. онъ уволенъ на покой въ Макарьевъ Желтоводскій монастырь, гдѣ и умеръ въ 1797 г. *

Двѣ русскія эскадры, бывшія въ 1770 — 1772 г. въ Архипелагѣ, отправились туда осенью 1769 г. одна изъ Кронштадта, другая изъ Архангельска.

IV. *На сихъ дняхъ получилъ я писаніе* (стр. 169). Эта статья представляетъ передѣлку на русскіе нравы перевода Д. И. Фонъ-Визина (1744—1792): «*Торгъ семи музъ. Изъ Кригеровыхъ сновъ*», который былъ напечатанъ еще въ 1762 г. въ журналѣ профессора Моск. Унив. І. Г. Рейхеля (ум. 1778): «Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія» и пр. Въ передѣлкѣ удержаны цѣликомъ многія фразы перевода. Въ Собраніе сочиненій Фонъ-Визина онъ не вошолъ, ** а передѣлка его,

* Объ Антоніѣ—Обз. Дух. Лит. арх. Филарета 1861 г., ч. 2; Энц. Слов. 1862 г., т. V, стр. 515; Др. Росс. Вивл. 1791 г., ч. 18, стр. 71 и 79; Любоп. Мѣсяц. на 1776 г. Рубана, стр. 124 и Оп. Ист. Сл. Новикова, 1772 г., стр. 13.

** Переводъ Д. И. Фонъ-Визина напечатанъ въ журналѣ Рейхеля въ 1 ч. на стр. 74 — 83, а вслѣдъ за нимъ на стр. 84—86 помѣщенъ переводъ *Благополучнаго торга осьмой музы*, сдѣланный Павломъ Ивановичемъ Фонъ-Визинымъ (ум. 1803), братомъ Д. И. — Журналъ Рейхеля былъ перепечатанъ Новиковымъ въ 1787 г. — О П. И. Фонъ-Визинѣ Сл. Св. Пис. 1845, ч. 1.

помѣщенная въ 3 и 4 изд. Живописца безъ измѣненій противъ 1-го, въ 5 изданіи напечатана съ пропусками.

Вар. *Стр. 171* — въ 3, 4 и 5 изд. за таковые бездѣлицы (с. 21). *Стр. 172* — въ 5 изд. „вовсе оставишь. По щастію муса“ (с. 5 — 8), „который знатныхъ господъ“ (с. 19 — 20). *Стр. 173* — въ 3, 4 и 5 изд. *Омиромъ* вм. Гомеромъ (с. 3). *Стр. 176*—въ 5 изд. „удалимся отъ сихъ — дай мнѣ убѣжище“ (с. 9); „изъ окошекъ стремглавъ валились; тысящницы вдовы“ (с. 20—22).

VI. *Слово на выздоровленіе В. К. Павла Петровича* (с. 178). Слово это написано Д. И. Фонъ-Визинымъ и было издано отдѣльно въ 1771 г., въ 4 д. л. (13 стр.), безъ означенія имени автора и типографіи. У Сопикова это изданіе показано подъ № 10810, а въ 4 прод. Смирдинскаго каталога подъ № 17949. Оно перепечатано въ собраніи сочиненій Фонъ-Визина (1852 г., с. 707—718), съ измѣненіемъ только слова «сердцевидецъ» на *сердцевѣдецъ*.—Въ № 71 Спб. Вѣд. 1771 г. встрѣчается объявленіе, извѣщающее, что «Государственной Военной Коллегіи при типографіи у переплетчика Лоцова продается *ода на выздоровленіе Е. Выс. Гос. Цес. и В. Кн. Павла Петровича*, каждой экземпляръ по 10 к.», но этой оды я найти не могъ и она не показана ни у Сопикова, ни у Смирдина. По времени публикаціи о ея выходѣ ее нельзя смѣшивать съ одами на выздоровленіе отъ прививанія оспы (1768). О болѣзни цесаревича въ 1771 г. говорится въ «Письмахъ Екатерины къ гр. Н. И. Панину» (см. «Чтенія» 1863 г. кн. 2).

VII. *Надпись къ рѣкѣ Волгѣ* (стр. 188). Другой переводъ этой надписи сдѣланъ *В. Рубаномъ* и напечатанъ въ его «Старинѣ и Новизнѣ» (ч. 2, стр. 213).

VIII. *Письмо дяди Фалалея* (стр. 189). Приводимая въ

началѣ письма пословица въ 1 изд. была напечатана: *не поймавъ не воръ, не . . . .* Въ изданномъ же г. Снегиревымъ собраніи «Русскихъ народныхъ пословицъ и притчей» (1848) она напечатана вполнѣ... (стр. 382). — Въ письмѣ этомъ въ 5 изд. сдѣланъ пропускъ.

Вар. *Стр. 190* — въ 5 изд. „незаводи дѣла изъ бездѣлицы. Видишъ ли ты“ (с. 21—23). *Стр. 192*—въ 3—5 изд. и многихъ молодчиковъ *отбрили* такъ (с. 2—3).

X. *Переводъ VIII сатиры Буало* (стр. 195). Сатира эта написана въ 1667 г.; въ Живописцѣ она переведена очень плохо, съ искаженіями и добавками переводчика; въ стихѣ 219—*русскій* языкъ явился вмѣсто латинскаго.

Изъ сочиненій Boileau Despréaux (1635—1711), кромѣ перевода VIII и X сатиръ въ Живописцѣ, переведены на русскій языкъ и изданы отдѣльными книжками: 1) Критическія разсужденія, пер. П. Отн. М. 1807; 2) Сатира VIII вольный пер. Кн. С. Шихматова. Спб. 1807; 3) Наука о стихотворствѣ, пер. гр. Хвостова. Спб. 1808 (было 4 изданія); 4) Сатира IV, пер. неизв. Спб. 1811; 5) Вольный переводъ V и VII сатиръ А. Соловьева. Казань. 1813; 6) X сатира пер. С. Аксакова. М. 1821; и 7) VIII сатира, пер. М. Зиновьева. М. 1822.

XI. *Недѣли съ двѣ тому назадъ* (стр. 219). Въ 5 изд. есть незначительный пропускъ: *запляните только ко...* (стр. 221, с. 14). Это письмо и отвѣтъ на него перепечатаны въ 23 листѣ Живописца, съ небольшими измѣненіями.

XIII. *Извѣстіе полученное съ Еликона* (стр. 225) въ 3 — 5 изд. напечатано съ пропускомъ второй половины заглавія: *или дополненіе* и пр., а въ концѣ сказано: *продолженія не будетъ.*

XV. *Переводъ X сатиры Буало* (стр. 236). Сатира эта написана въ 1693 г.; переводъ крайне плохъ и невѣренъ. Напр. Joconde Лафонтена является *Жокондою* (ст. 55), вм. Villon, Saint-Gelais, Arioste, Boccace и пр. поставлены: *Вилонъ*, *Сентъ-Геле* и *Аріостъ Бобфсъ* (ст. 68, 69), Saint-Cyr превратилось въ *Кира* (ст. 360), Duc d'Enghien—французскій полководецъ, одержавшій побѣду надъ войсками имп. Карла V, при Серизолѣ, въ сѣверной Италіи (1544)—обратился въ *Евгенія* принца савойскаго (1703—1736); Alcippe, къ которому обращается Буало, до половины сатиры именуется *Микономъ*, а потомъ переименовывается въ *Алцида*.—Передѣлка сатиры на русскіе нравы тоже интересна: переводчикъ просто замѣняетъ Парижъ—Россіею (ст. 330), Delancé—Ломоносовымъ (ст. 427), les nobles sans nom—баронами Курляндскими (ст. 483) и т. п. Нѣкоторые стихи, какъ напр. 514, вовсе не имѣютъ смысла.

XVIII. *Рѣчь Георгія Конисскаго императрицѣ* (стр. 266). — Георгій Конисскій, впослѣдствіи архіепископъ бѣлорусскій и членъ св. синода (1717 — 1795), былъ съ 1755 г., православнымъ епископомъ въ Бѣлоруссіи, находившейся подъ властью Польши. По присоединеніи этого края къ Россіи, онъ пріѣзжалъ, въ 1773 г., въ Петербургъ благодарить императрицу отъ лица православнаго населенія за избавленіе отъ притѣсненій католиковъ и уніатовъ. Помѣщенная въ Живописцѣ рѣчь его была впослѣдствіи напечатана, какъ вновь открытая, въ журналѣ «Сѣверная Минерва» 1832 г. (№ 1, с. 24 — 27). Она перепечатана и въ «Собраніи сочиненій Георгія Конисскаго», изданныхъ І. Григоровичемъ (1835). Къ этому изданію приложенъ портретъ епископа и обстоятельное его жизнеописаніе. * Изданное Обществомъ Исторіи

* О Георгіѣ Кон. еще см. Сл. Д. Пис. м. Евгенія 1827 г., ч. 1, и Обз. Д. Лит. арх. Филарета 1861 г., ч. 2.

и Древностей Россійскихъ сочиненіе его: *Исторія Руссовъ или Малой Россіи* (1846) теперь чрезвычайно рѣдко.

Въ рѣчи Коницкаго, между прочимъ, говорится объ Аспидахъ. Въ старинной нашей литературѣ они упоминаются довольно часто и вотъ какъ изображаются въ азбуковникахъ. «Аспидъ есть змія крылатая, носъ имѣетъ птичій и два хобота; а въ коей землѣ вчинится, ту землю пусту чинитъ живетъ въ горахъ каменныхъ, не любитъ же трубнаго гласа; видомъ пестра всякими цвѣты; а на земли не садится, токмо на камени. Обояницы, пришедши обояти ю, копаютъ яму, садятся въ яму съ трубами и покрываются дномъ желѣзнымъ, и замазываются суиклитомъ, и ставятъ у себя угліе горящее и разжигаютъ клещи. Егда бо заиграютъ въ трубы, тогда засвищетъ, яко потрястися горѣ, и прилетитъ къ ямѣ, и ухо свое положитъ на землю, и другое заткнетъ хоботомъ, и, нашедъ диру малу, начинаетъ битися. Человѣцы же ухвативши ее клещами горящими держатъ крѣпце. Отъ ярости же ея сокрушатся клещи не едины, но двои и трои, и такъ сожжена клещами умираетъ.» (Атеней 1858 № 30, стр. 198).

Стихи на воздвиженіе обелиска гр. Румянцову (стр. 269). Написалъ ихъ *В. Рубанъ*. Обелискъ гр. П. А. Румянцову-Задунайскому (1725 — 1796) воздвигнутъ въ Царскомъ Селѣ, въ 1771 г., въ память кагульскаго сраженія. На сторонѣ обращенной къ дворцу, прикрѣплена бронзовая доска съ надписью: «Въ память побѣды при рѣкѣ Кагулѣ въ Молдавіи, Іюля 21 дня 1770 года, подъ предводительствомъ Генерала Графа Петра Румянцова, Россійское воинство числомъ семнадцать тысячь обратило въ бѣгство до рѣки Дуная Турскаго Визиря Галиль-Бея съ силою полтарастатысячною.» (Ист. С. Царскаго, *Яковкина*, 1831, и Царское

Село, Бх., 1840). Бантышъ-Каменскій въ своемъ «Словарѣ», а за нимъ и Полевой въ «Русскихъ Полководцахъ» (1845), неправильно относятъ воздвиженіе «обелиска» ко времени послѣ возвращенія гр. Румянцова изъ Берлина, куда онъ сопровождалъ, въ 1776 г., великаго князя Павла Петровича.

XIX. *Письмо къ генералъ-маіору Евдокиму Алексѣевичу Щербинину* (стр. 271). Слободской губернаторъ и Александровскій кавалеръ Е. А. Щербининъ умеръ генералъ-поручикомъ 26 ноября 1784 г. Будучи Измайловскимъ сержантомъ онъ находился на ординарцахъ у Густава Бирена, брата регента, когда Манштейнъ по приказанію Миниха явился арестовать Густава (1740). Въ 1765 г. Щербининъ былъ уже гвардіи маіоромъ. Въ «Старинѣ и Новизнѣ» Рубана (ч. 2, стр. 177 — 179) напечатано письмо гр. П. А. Румянцова къ этому же Щербинину о смерти его сына, гвардіи измайловскаго полка поручика, убитаго подъ Силистріею 18 Іюня 1773 г. *

Слободская губернія въ 1780 г. была переименована въ *Харьковскую*, потомъ въ царствованіе императора Павла названа *Слободско-Украинской*, а въ 1835 г. снова переименована въ *Харьковскую*. **

XX. *Надгробная надпись Іеромонаху Симеону Полоцкому Сильвестра Медвѣдева* (стр. 273). Симеонъ *Полоцкій* род. въ Полоцкѣ въ 1628 г., умеръ въ Москвѣ 25 августа 1680 г. Онъ воспитывался въ Кіевской коллегіи, въ Москву прибылъ въ 1664 г. и былъ учителемъ царевичей Алексѣя и

* О Щербининѣ см. Густавъ Бирент ст. М. Д. Хмырова въ „Русскомъ Мірѣ“ 1862 г. № 2 и 3, Ист. собр. списковъ кавалеровъ, Бантышъ-Каменскаго 1814 г., и Записки Порошина 1844 г.

** Краткое Обозрѣніе г. Харькова, въ Журналѣ Мин. Внутр. Дѣлъ 1838 г., № 5.

Ѳедора Алексѣевичей. Книгъ онъ написалъ очень много, но большая часть ихъ остаются ненапечатанными. Догматическія и др. сочиненія его отчасти поименованы въ самой «надписи» Медвѣдева; но кромѣ того онъ написалъ много стиховъ силлабическимъ размѣромъ. Ему принадлежитъ комедія въ стихахъ «Притча о блудномъ сынѣ», комедія въ прозѣ «о Навуходоносорѣ царѣ» и др.

Сильвестръ Медвѣдевъ род. въ Курскѣ, служилъ въ. приказѣ тайныхъ дѣлъ подъячимъ, а потомъ постригся и былъ строителемъ и настоятелемъ московскаго Заиконоспасскаго монастыря. Послѣ онъ склонился къ папизму, участвовалъ въ возстаніи стрѣльцовъ, бѣжалъ въ Польшу, но былъ пойманъ, содержался въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ и 11 февраля 1691 г. обезглавленъ вмѣстѣ съ Милославскимъ и Щегловитымъ. Онъ написалъ книгу: *Манна или хлѣбъ животный* противъ братьевъ Лихудовъ и 4 стихотворенія: на бракъ и на кончину царя Ѳедора Алексѣевича, эпитафію Симеону Полоцкому и епистолу царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. *

Напечатанная въ Живописцѣ «*надпись*», вѣроятно, взята съ невѣрнаго списка, потому что она была вновь перепечатана Новиковымъ въ «*Вивліоѳикѣ*», въ числѣ «*Надписей Заиконоспасскаго монастыря*», съ такими измѣненіями, что изъ 69 стиховъ 49 совершенно несходны съ напечатанными въ Живописцѣ (Др. Росс. Вивл., 1791, ч. 18, стр. 198—199). Изъ Вивліоѳики «надпись» эта перепечатана во 2 части (стр. 21—25) «*Путеводителя къ древностямъ Московскимъ*», изданномъ въ Москвѣ въ 1792 г.

---

* О Сим. Пол. и Сил. Медв. см. Слов. Дух. Пис. м. Евгенія 1827, ч. 2, Обз. Дух. Лит. арх. Филарета 1850, ч. 1, Лѣтоп. Рус. Лит. Н. Тихонравова 1863, т. V и Духовный Вѣстникъ. Харьковъ. 1863 (мартъ).

XXI. *Переводъ письма короля прусскаго къ генералу Бибикову* (стр. 275). Генералъ-аншефъ Александръ Ильичъ Бибиковъ родился въ Москвѣ въ 1729 г., умеръ въ Бугульмѣ въ 1774 г. Службу свою онъ началъ въ 1746 г.; во время семилѣтней войны былъ полковникомъ и отличался во многихъ сраженіяхъ. Въ 1762 г. императоръ Петръ III произвелъ его въ генералъ-майоры, но по восшествіи Екатерины Бибиковъ былъ удаленъ въ деревню, откуда однако вскорѣ вызванъ для усмиренія мятежа на сибирскихъ и оренбургскихъ заводахъ. Въ 1766 г. костромское дворянство выбрало его депутатомъ въ коммиссію для составленія новаго уложенія, а въ слѣдующемъ году императрица назначила его маршаломъ этой коммиссіи. По закрытіи же ея, въ 1769 г., на него были возлагаемы весьма разнообразныя порученія, такъ напр. съ 28 сентября 1770 г. по 12 января 1771 г. онъ состоялъ при братѣ Фридриха II принцѣ Генрихѣ, который пріѣзжалъ тогда для предварительныхъ переговоровъ о раздѣлѣ Польши. Съ іюня 1771 г. Бибиковъ начальствовалъ русскимъ корпусомъ въ Польшѣ, а вконцѣ 1773 г. былъ посланъ противъ Пугачева, но вскорѣ послѣ первыхъ побѣдъ кн. Голицына, Михельсона и Мансурова, одержанныхъ надъ самозванцемъ, заболѣлъ горячкою и умеръ 9 апрѣля 1774 г.

Подробное жизнеописаніе Бибикова мы имѣемъ въ книгѣ, изданной его сыномъ: «Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова» (Спб. 1817). Въ этой же книгѣ напечатанъ и французскій подлинникъ письма Фридриха II (стр. 187).

Державинъ на смерть Бибикова написалъ очень длинную и громкую оду въ которой воспѣлъ его военные подвиги (соч. Держ., 1851 г., т. 1 стр. 479 — 483); но гораздо интереснѣе слѣдующее стихотвореніе, напечатанное въ старинномъ сборникѣ «*Собраніе пѣсенъ*» (1 изд. стр. 41—42,

2 изд. стр. 59—61). Я выписываю эти стихи, потому что въ «Запискахъ о жизни Бибикова» изъ нихъ приведенъ только небольшой отрывокъ на стр. 258, а «Собраніе пѣсенъ» хотя и имѣло два изданія, но теперь попадается рѣдко.

1.

Да радость умолчитъ!
Съ жалѣньемъ вспомни къ другу,
Котораго гремитъ
Къ отечеству заслуга,
И коего на насъ
Злись, рокъ похитилъ гнѣвный;
Мы радостный свой гласъ
Премѣнимъ въ гласъ плачевный.

2.

Братъ Бибиковъ! твой плодъ
Увялъ въ срединѣ лѣта,
И славный твой восходъ
Лишенъ въ полудни свѣта.
Куда прострѣть свой взоръ
Невѣжды не дерзали,
Днесь паки изъ за горъ
Возникнуть предприняли.

3.

Жестоку смерть въ степяхъ
Знать зависть умолила,
Дабы въ прекрасныхъ дняхъ
Животъ твой прекратила;

Чтобъ на пути ты палъ,
И чтобъ тогда скончался,
Когда ужъ достигалъ
И къ славѣ ты касался.

4.

Съ простымъ ты былъ простой,
Ты мудръ былъ съ мудрецами.
Съ героями герой,
Любезный другъ съ друзьями.
Пусть скроетъ въ гробъ твой прахъ
Отсюда край далекій:
Но въ дружескихъ сердцахъ
Не умрешь ты во вѣки.

Замѣчу еще, что А. И. Бибикову принадлежитъ переводъ 13 главы въ Маріонтелевомъ Велизаріѣ, переведенномъ императрицею и ея спутницами во время путешествія по Волгѣ (1767 г.); онъ же перевелъ изъ Энциклопедіи главу: *о войнѣ*, и поэму прусскаго короля: *Военная Наука*. Этотъ самый переводъ В. И. Майковъ переложилъ въ стихи и напечаталъ, въ 1767 г., съ своимъ именемъ.

XXII. *Лишь только увѣрился я* (стр. 277). Вначалѣ этого письма указаніе на долготу и широту мѣста опредѣляетъ Петербургъ. Г. Кобеко, въ статьѣ своей «*Нѣсколько псевдонимовъ въ русской литературѣ XVIII вѣка*» (Библ. Зап. 1861 г., № 4), замѣчаетъ, что это письмо, равно какъ и помѣщенное въ 10 листѣ 2 части (стр. 221—224), какъ по слогу, такъ и по преобладанію аллегоріи, можно приписать А. Н. Радищеву, но приведенное въ примѣчаніи къ стр. 25 указаніе самого Радищева противорѣчитъ этому предпо-

ложенію. Съ другой стороны однако извѣстно, что въ то время Радищевъ уже занимался переводами, чему доказательствомъ можетъ служить напечатанный въ томъ же году его переводъ сочиненія Аббата де Мабли: «Размышленія о Греческой Исторіи». Кстати замѣчу, что въ имѣющемся у меня старинномъ рукописномъ сборникѣ (1792) есть слѣдующая интересная замѣтка:

ОТВѢТЪ

Г-на Радищева, во время проѣзда его чрезъ Тобольскъ, любопытствующему узнать о немъ.

Ты хочешь знать, кто я? что я? куда я ѣду?—
Я тотъ же что и былъ, и буду весь мой вѣкъ:
Не скотъ, не дерево, не рабъ, но человѣкъ!
Дорогу проложить, гдѣ не бывало слѣду,
Для борзыхъ смѣльчаковъ и въ прозѣ и въ стихахъ,
. . . . . .,
Въ острогъ Илимскій ѣду.

Замѣчательно здѣсь, что острогъ названъ *Илимскимъ*. Впослѣдствіи это вѣрное названіе было искажено и всѣ біографы Радищева, вслѣдъ за Бантышъ-Каменскимъ, говорили, что онъ былъ сосланъ въ *Олекмскъ*.

XXIV. *Любитель добродѣтели* (стр. 284). Перепечатано въ «Мужичкѣ» 1862 г.—Если только А. Н. Радищевъ что нибудь помѣщалъ въ Живописцѣ, то скорѣе всего можно приписать ему эту статью: она гораздо ближе подходитъ къ его сочиненіямъ, нежели статьи, указываемыя г. Кобеко.

XXVI. *Недѣли съ два тому* (стр. 289). Письмо это перепечатано, съ небольшими измѣненіями, въ листѣ 10 (стр. 219—221).

XXVIII. *Пьеска* (стр. 293). Авторъ ея архангельскій мѣщанинъ *Александръ Ѳомичъ* (ум. въ Арх. 1804 г.) былъ членомъ Спб. Вольнаго Экономическаго Общества и корреспондентомъ Академіи Наукъ. Статьи его *о морскихъ животныхъ* Ледовитаго Океана (1788, 90 и 91 г.) печатались въ Новыхъ Ежемѣсячныхъ Академическихъ Сочиненіяхъ, а въ 1797 г. Академія издала особо его: «*Описаніе Бѣлаго моря, съ берегами и островами*» и пр. (Сл. Св. Пис. и. *Евгенія* 1845 г., ч. 2).

XXIX и XXX. *Стихи на прогулку воспитанницъ Воскресенскаго монастыря* (стр. 295 и 298). Оба эти стихотворенія были тогда же изданы отдѣльно (у Сопикова № 12362 и 11413) и кромѣ того напечатаны въ Спб. Вѣдомостяхъ (1771 г. № 45, вторникъ, 4 іюня). Въ объявленіи о продажѣ ихъ сказано, что они принадлежатъ двумъ разнымъ авторамъ (Спб. Вѣд. № 46). Сопиковъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, вторые стихи приписываетъ *А. П. Сумарокову* (1718—1771).

Училище для благородныхъ дѣвицъ, котораго воспитанницы гуляли въ лѣтнемъ саду 20 мая 1773 г., было учреждено при Новодѣвичьемъ Воскресенскомъ Монастырѣ * въ 1764 г., по проекту *Ив. Ив. Бецкаго* (род. въ Стокгольмѣ 1704 г., ум. въ Петербургѣ 31 августа 1795 г.). Самый же проектъ: «объ учрежденіи воспитательныхъ училищъ для дѣтей обоего пола въ столицахъ и губернскихъ городахъ» былъ утвержденъ императрицею въ мар-

---

* Монастырь этотъ всегда былъ извѣстенъ подъ именемъ *Смольнаго*—отъ мѣста, на которомъ построенъ. Оно называлось запаснымъ Смольнымъ Дворомъ. (Въ Чт. въ Об. Ист. и Др. 1860 кн. 2, вѣроятно, вслѣдствіе опечатки, мѣсто это названо запаснымъ Смольнымъ *Убором*ъ).

тѣ 1764 г. На основаніи этого проекта училища должны были устроиваться *закрытыя* и дѣти оставаться въ нихъ безвыходно съ 5 и 6 до 18-лѣтняго возраста.

Вотъ извлеченіе изъ прозаическаго описанія событія, воспѣтаго двумя пѣснями.

Узнавъ что воспитанницы должны пріѣхать 30 мая (въ Духовъ День) въ лѣтній садъ, «множество собралося знатнаго дворянства и столько стеклося желающаго видѣть тихъ народа, что не токмо во всемъ саду, но и по берегу Невы, чрезъ всю Милліонную улицу до самаго сада сдѣлали великую тѣсноту.» Около 2 часовъ по полудни дѣвицы появились ввиду народа: онѣ «ѣхали на шлюпкахъ по Невѣ до пристани, что противъ зимняго дворца, на кою вышедъ пошли въ ермитажъ, и тамо осмотря сей домъ и убранныя картинами галлереи, присовокупленныя къ ермитажу, шли по Невскому каменному берегу въ означенный садъ.» Въ саду, по приказанію гр. Григорья Григорьевича Орлова скрытъ былъ въ куртинѣ хоръ роговой музыки, которою и были встрѣчены дѣвицы. Это было сюрпризомъ для нихъ и для прочихъ посѣтителей. Онѣ *пристойно* и *любезно* благодарили графа. За тѣмъ прогуливались въ саду, осматривали гротъ, при чемъ дѣлали *основательныя* замѣчанія о скульптурѣ, ходили во дворецъ, потомъ возвратились къ пристани у сада и въ шлюпкахъ-же уѣхали. (Спб. Вѣд. 1771 г. № 45).

XXXII. *Ода Е. В. Екатеринѣ Великой* (стр. 303). Императрица взошла на престолъ 28 іюня 1762 г. — Содержаніе этой оды, повидимому, заимствовано изъ «Обстоятельнаго манифеста о возшествіи Ея Императорскаго Величества на Всероссійскій престолъ», отъ 6 іюля 1762 г. См. Указы съ 28 іюня 1762 по 1764 г. (М. 1763).

P. S. Я не приводилъ никакихъ замѣтокъ о самомъ Новиковѣ (р. 27 апр. 1744, ум. 31 іюля 1818), потому что вѣроятно нѣтъ читателя, которому бы не была хорошо извѣстна эта замѣчательная личность. Можно только сказать, что статьи о Новиковѣ названы г. Лонгиновымъ во 2 главѣ его «Матеріаловъ для исторіи русскаго просвѣщенія», помѣщенной въ № 15 Русскаго Вѣстника 1858 г., а все появившееся послѣ этой статьи означено г. Галаховымъ въ 1 т. его «Исторіи Русской Словесности», кромѣ статьи: «Новыя свѣдѣнія о Н. И. Новиковѣ», напечатанной въ V томѣ *Лѣтописей Русской Литературы и Древности*, вышедшемъ въ концѣ 1863 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ. *

	стран.
Объ изданіяхъ живописца	V
ЧАСТЬ I.	
Неизвѣстному г. сочинителю комедіи „О Время“ прѣписаніе	3
Авторъ къ самому себѣ	7
I. Принявъ названіе Живописца	13
**Извѣстіе	18
II. Отрывокъ путешествія въ *** И*** Т*** глава XIV	25
Примѣчаніе.	30
III. Вѣдомости въ Санктпетербургѣ	31
*IV. Никогда не думалъ я, чтобъ сочиненная мною комедія	37
*Отъ издателя.	39
*V. Я читаю ваши листы.	—
*Отъ издателя	42

---

* Звѣздочкою отмѣчены статьи, пропущенныя въ 3, 4 и 5 изд., а двумя звѣздочками означены статьи, невошедшія кромѣ того и во 2-е изданіе.

стран.

*VI. Прочитавъ твои листки 43
*VII. Письмо о пользѣ наукъ 45
VIII. Mon Coeur, Живописецъ! 53
Отъ издателя 56
*IX. Послѣ дѣда моего нашелъ я . . . . . —
X. Опытъ моднаго словаря 59
*XI. Прошу покорно приложенныя здѣсь письма сообщить 67
XII. Листочки ваши съ великимъ удовольствіемъ я читаю . . . . . —
XIII. Я не могу довольно испорченному здѣшняго города вкусу надивиться 69
*XIV. Вы описавъ столько 71
Я благодарю госпожу М. С. 72
*XV. По случаю принесенъ ко мнѣ прилагаемый здѣсь переводъ 73
*XVI. Переводъ съ письма господина Доминика Діодати. . . . . —
XVII. Я превеликое имѣю желаніе съ вами увидѣться. 77
XVIII. Англиская прогулка 79
XIX. Не знаю какъ въ Петербургѣ 83
**Отъ издателя 84
XX. Продолженіе путешествія въ *** И*** Т*** глава XIV 85
*XXI. Я имѣю сообщить къ вамъ. 88
*XXII. Письмо къ ея сіятельству графинѣ П. А. Брюсовой 89
XXIII. Помѣстите пожалуйте слѣдующее письмо. 91
XXIV. Сыну нашему Ѳалалею Трифоновичу . . —

стран.

XXV. Я имѣю у себя родственника 97
XXVI. Любезный племянникъ! 98
*XXVII. Письмо его сіятельству гр. Орлову . . 101
XXVIII. Вы стараетесь выводить наружу пороки . 103
*XXIX. Пріѣхавши я на сихъ дняхъ 104
*Отъ издателя 106
**XXX. Я въ одной книжкѣ начиталъ. . . . —
**Отъ издателя 107
*XXXI. Простите мнѣ, что я начавъ . . . . —
*Отъ издателя 108
XXXII. Сообщите, прошу васъ покорно . . . 109
XXXIII. Слѣдствія худаго воспитанія . . . . —
Отъ издателя. 112
XXXIV. Долго ли тебѣ устремлять гнѣвъ. . . 113
XXXV. Будучи всегдашнимъ читателемъ . . . 115
XXXVI. Вѣдомости въ Санктпетербургѣ . . . 123
XXXVII. Возлюбленному о Христѣ брату радоватися 129
XXXVIII. Пречестный отецъ Тарасій. 130
XXXIX. Что мнѣ дѣлать? хочется писать. . . 131
*XL. Въ 12 листѣ вашего еженедѣльнаго сочиненія 134
*XLI. Переводъ съ письма Его Величества Короля Прусскаго 135
*XLII. Переводъ съ письма графа Солмса. . . 137
*XLIII. Надпись на положеніе флага 139
*XLIV. Признаюсь, что я на васъ весьма роптал . . . . . —
XLV. Сыну моему Өалалею 140
**Отъ издателя 144
**XLVI. На день рожденія Его Императорскаго

СТРАН.

Высочества 20 сентября 1772 г. . . 145
XLVII. Свѣтъ мой Ѳалалей Трифоновичь. . . —
XLVIII. Любезному племяннику моему Ѳалалею Трифоновичу. 148
*XLIX. Я уже вашихъ листочковъ не читаю . 151
*L. Ея Величеству на пріобрѣтеніе Бѣлыя Россіи 1772. 157
**LI. На день коронованія Е. И. В. Екатерины II, 22 сентября 1772 162

ЧАСТЬ II.

*I. Рѣчь къ Е. И. В., говоренная епископомъ Анатоліемъ 165
*II. Пожалуйте помѣстите прилагаемый здѣсь переводъ 166
*III. О словесныхъ наукахъ. 167
IV. На сихъ дняхъ получилъ я писаніе . . 169
*V. Сообщаемое мною въ листахъ моихъ слово. 178
*VI. Слово на выздоровленіе Е. И. Высоч. Павла Петровича, 1771 . . . . . —
*VII. Надпись къ рѣкѣ Волгѣ 188
VIII. На прошедшей недѣли получилъ я (Слушайка братъ Живописецъ). 189
*IX. Картина изъ самой далечайшей древности 193
*X. Переводъ VIII Боало де Преевой сатиры на человѣка 195
*XI. Похвала учебной палкѣ. 207
X. Переводъ (Я теперь неудобо-разумо-и-духодѣятеленъ). 209

стран.

XI. Недѣли съ двѣ тому, какъ пріѣхала я сюда 219
Отъ издателя 221
XII. Сколько во Франціи почитаютъ Боало де Прея . . . . . —
Отъ издателя 224
XIII. Извѣстіе полученное съ Еликона. . . 225
*XIV. Недавно пріѣзжимъ изъ Петербурга . . 231
*Украинскія вѣдомости, 1772 года . . 233
*XV. Переводъ X Боало де Преевой сатиры на женщинъ 236
*XVI. На сихъ дняхъ получилъ я писмо . . 257
XVII. Какъ мнѣ извѣстно, что въ вашихъ хвалы достойныхъ листахъ 260
Отъ издателя 263
*XVIII. Рѣчь къ Е. И. В., говоренная преосвященнымъ Георгіемъ. 266
*Стихи его сіятельству графу П. А. Румянцову 269
*На новый 1773 годъ. 270
*XIX. Писмо въ отвѣтъ къ г. Генералъ-Маіору Е. А. Щербинину 271
*XX. Надгробная надпись іеромонаху Симеону Полоцкому 273
*XXI. Переводъ съ писма Е. В. Короля Прусскаго генералу Бибикову 275
*Отъ издателя 276
XXII. Лишь только увѣрился я 277
XXIII. Недавно получилъ я писмо 283
XXIV. Любители добродѣтели 284

стран.

XXV. Случившееся недавно со мною . . . 286
XXVI. Недѣли съ двѣ тому, какъ пріѣхала я сюда 289
Отъ издателя 290
XXVII. Я начинаю скучать городскою жизнію . 291
Отъ издателя 293
*XXVIII. Пѣсня. . . . . —
*XXIX. Стихи сочиненныя на прогулку воспитанницъ Воскресенскаго Монастыря . . 295
*XXX. Стихи госпожамъ дѣвицамъ 298
*XXXI. Получа предъ самымъ отъѣздомъ . . 301
*Переводъ изъ записокъ Енциклопедическихъ 2 части 3 тома . . . . . —
*XXXII. Ода Е. В. Екатеринѣ Великой. . . 303

Примѣчанія
Къ 1 части 317
Ко 2 части 336

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the
NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

- 2-month loans may be renewed by calling (510) 642-6753
- 1-year loans may be recharged by bringing books to NRLF
- Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date.

DUE AS STAMPED BELOW

DEC 13 1999

JUL 26 2002

DEC 16 2002

12,000 (11/95)

U.C. BERKELEY LIBRARIES
C022693781